

ПЕРВЫЕ БОИ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ
АРМИИ

ПЕРВЫЕ БОИ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ
АРМИИ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2001

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

Оформление художника И.А. Озерова

П26

Первые бои добровольческой армии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии Д.и.н. С.В. Волкова. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 543 с.

ISBN 5-227-01220-2

Книга «Первые бои добровольческой армии» представляет собой второй том из серии, посвященной Белому движению в России, и знакомит читателя с воспоминаниями участников событий на Дону и Кубани в конце 1917 — начале 1918 гг.

В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей антикоммунистической борьбы, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением помещенные в том материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость.

Том снабжен предисловием и обширным комментарием, содержащим несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

Книга вместе с рядом других книг открывает новую серию под названием «Россия забытая и неизвестная», к изданию которой приступает издательство «Центрполиграф». Книга, как и вся серия, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2001

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01220-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание — второй том серии «Белое движение в России». В первом томе — «Зарождение Добровольческой армии» были собраны воспоминания участников белой борьбы, посвященные в основном обстоятельствам их пути на Дон, формированию добровольческих частей в Новочеркасске и Ростове и жизни Добровольческой армии до начала 1-го Кубанского похода.

Второй том посвящен боям Добровольческой армии на двух основных фронтах на Дону, а также возникновению и борьбе белых формирований на Кубани до их соединения с Добровольческой армией и походу отряда полковника Дроздовского с Румынского фронта на Дон.

Основным направлением, где сражались добровольцы, было западное — Таганрогское. С 30 декабря 1917 года его прикрывал отряд полковника А.П. Кутепова, составленный из сводных рот различных частей Добровольческой армии (к тому времени в армии имелись 1-й, 2-й и 3-й Офицерские, Юнкерский и Студенческий батальоны, 3-я и 4-я Офицерские, Ростовская и Таганрогская офицерские, Морская, Георгиевская и Техническая роты, Отряд генерала Черепова, Офицерский отряд полковника Симановского, Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии, 3-я Киевская школа прапорщиков, 1-й кавалерийский дивизион, 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион и Корниловский ударный полк); почти все они были преимущественно офицерскими.

Другое направление — северо-восточное (Новочеркасское) — обороняли донские партизанские отряды, среди которых выделялся отряд знаменитого партизана полковника В.М. Чернецова (некоторые из этих отрядов, сведенные в Партизанский полк, приняли впоследствии участие в 1-м Кубанском походе Добровольческой армии). Однако их уси-

лий было недостаточно, и командованию Добровольческой армии приходилось выделять на это направление и офицерские батальоны. Кроме того, в боях отряда Чернецова принимал участие и взвод Юнкерской батареи. Кроме этих основных фронтов, существовал также южный — под Батайском (воспоминания о боях на нем приводятся в первом томе серии).

Еще один очаг белой борьбы возник на Кубани, где в конце 1917 года для борьбы с большевиками также начали формироваться добровольческие отряды. Первый из них был создан 1 ноября 1917 года Кубанским атаманом полковником А.П. Филимоновым из офицеров стоявшего в городе Кавказского запасного артиллерийского дивизиона и Кубанского гвардейского дивизиона, но через две недели, после исчезновения непосредственной угрозы со стороны разложившихся солдат, распущен. 29 ноября начальником для формирования отрядов на правах командующего армией был назначен генерал-майор К.К. Черный (9 января 1918 года его сменил генерал-майор Н.А. Букретов, а 17-го — генерал-лейтенант И.Е. Гулыга) и создан его Полевой штаб (начальник штаба — подполковник В.Г. Науменко). 6 декабря 1917 года первым закончил формирование отряд войскового старшины Галаева, 2 января 1918 года — отряд капитана Покровского. Эти отряды состояли преимущественно из молодых офицеров (как регулярных частей, так и казачьих), они разоружали большевизированные запасные части и несли охрану атаманского дворца. В середине января была сформирована батарея есаула Корсуна (6 орудий) и смешанный отряд полковника С. Улагая.

20 января 1918 года в Екатеринодаре был создан наиболее крупный отряд — отряд полковника Лесевицкого. К этому времени связь с Доном прервалась. Первый бой с большевиками добровольцы выдержали 22 января у станции Энем. С конца января 1918 года отряды Покровского и Галаева держали фронт в направлении станции Тихорецкой, а отряд полковника Лесевицкого — станции Кавказской (на Тимашевское направление выдвинулся отряд капитана Раевского). Формировались и более мелкие части, в частности конная сотня имени войскового старшины Галаева (около 50 офицеров), отряды есаула Бардижа, войскового старшины Чекалова и другие. На левом берегу Кубани действовали отряды полковников С. Улагая и Султана-Крым-Гирея.

22 февраля 1918 года на совещании у Кубанского атамана было решено оставить Екатеринодар. 1 марта 1918 года вышедшие из города части были собраны и реорганизованы в ауле Шенджий и приняли следующий вид: 1-й стрелковый полк, конный дивизион полковника Косинова, Сводная Кубанская офицерская батарея, Кубанс-

кая полевая батарея, конно-артиллерийский взвод, Черкесский конный полк, Конный отряд полковника Кузнецова, Конный отряд полковника Демяника, Пластунский отряд полковника Улагая, Кубанская дружина, Кубанская отдельная инженерная сотня, конвой командующего отрядом, Кубанский лазарет, обоз. Всего отряд насчитывал около 5 тысяч человек, в том числе 3300 бойцов (2500 человек пехоты, 800 конницы при 12 орудиях, 24 пулеметах). 14 марта кубанские части (в момент соединения — 3150 бойцов) соединились с Добровольческой армией.

Отряд русских добровольцев Румынского фронта начал формироваться 15 декабря 1917 года в Яссах (где размещался штаб фронта и куда стекалось много офицеров, покинувших свои разложившиеся части) начальником 14-й пехотной дивизии полковником М.Г. Дроздовским. Первое время бригада существовала неофициально: штаб фронта лишь закрывал глаза на ее деятельность, но 24 января 1918 года генерал Щербачев поддержал формирование добровольческих частей. Решено было сформировать 2-ю бригаду в Кишиневе и 3-ю в Болграде. Рядовые офицеры, знавшие о формированиях лишь случайно, ждали приказа, исходящего от их непосредственных начальников, однако, несмотря на настояния М.Г. Дроздовского, Щербачев все же не решился отдать официальный приказ по фронту, предписывающий офицерам явиться в Яссы.

Первой частью отряда была конно-горная батарея капитана Колзакова, затем пулеметная команда, 1-я рота подполковника Руммеля, 2-я капитана Андриевского и легкая батарея полковника Ползикова. Вскоре были созданы кавалерийский эскадрон штабс-ротмистра Аникеева (на базе группы офицеров 8-го драгунского полка), гаубичный взвод подполковника Медведева и бронеотряд.

Однако после оставления Добровольческой армией Ростова связь со штабом фронта прервалась, и генерал Щербачев, не считая возможным рисковать, издал приказ о расформировании добровольческих частей, освобождающий всех записавшихся от подписки. 2-я бригада генерала Белозора в Кишиневе (около 1000 человек) была распущена, но Дроздовский отказался подчиниться и, пробившись сквозь заслоны румынских войск, пытавшихся разоружить отряд, со своей бригадой и присоединившимися к ней офицерами 2-й бригады (60 человек) и других частей 26 февраля 1918 года вышел в поход на Дон. Командир 2-го Балтийского морского полка в Измаиле полковник Жебрак, собрав всех своих офицеров, выступил на соединение с Дроздовским.

Отряд состоял из следующих частей: стрелковый полк (генерал-майор Семенов), конный дивизион (штабс-ротмистр Гаевский) из

двух эскадронов (штабс-ротмистр Аникиев и ротмистр Двойченко), конно-горная батарея (капитан Колзаков), легкая батарея (полковник Ползиков), гаубичный взвод (подполковник Медведев), броневой отряд (капитан Ковалевский), техническая часть, лазарет и обоз. Начальником штаба отряда был полковник Войналович, его помощником — подполковник Лесли, начальником артиллерии — генерал-лейтенант Невадовский. Отряд насчитывал 1050 человек, из которых две трети (667 человек) были офицерами (почти все молодые — штаб-офицеров, кроме штабных, было всего 6 человек), 14 — военными чиновниками, 12 — сестрами милосердия. По пути к отряду присоединялись другие офицеры и добровольцы.

Пройдя с боями 1200 верст, отряд 21 апреля 1918 года взял Ростов и соединился с восставшими казаками, 24 апреля освободив вместе с ними Новочеркасск. В Новочеркасске в результате активной записи добровольцев через 10 дней Офицерский полк развернулся из одного батальона в три, а численность отряда возросла до 3 тысяч человек. 27 мая отряд полковника Дроздовского торжественно соединился с Добровольческой армией и был преобразован в 3-ю дивизию.

В связи с тем, что целый ряд воспоминаний посвящен (в большей своей части или исключительно) боям на одном из двух основных фронтов того времени — западном (Таганрогском) и северо-восточном (Новочеркасском), эти материалы выделены соответственно в 1-й и 2-й разделы, что позволяет сравнить свидетельства очевидцев, относящихся к одним и тем же конкретным событиям. 3-й раздел содержит материалы, относящиеся к событиям на Кубани — от формирования там первых добровольческих отрядов до соединения кубанских частей с Добровольческой армией в середине марта 1918 года, а 4-й посвящен Дроздовскому походу Яссы — Дон.

Поскольку настоящий том служит непосредственным продолжением предыдущего («Зарождение Добровольческой армии»), сведения о лицах, упоминавшихся в первом томе, в комментариях ко второму тому не приводятся.

Поскольку в белой армии на юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

В приведенных фрагментах сохранен текст оригиналов. Необходимые коррективы вносились лишь в случае очевидных орфографических и редакционных погрешностей.

ПЕРВЫЕ БОИ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ
АРМИИ

Раздел 1

БОИ НА ТАГАНРОГСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В РОСТОВСКОМ РАЙОНЕ¹

В конце декабря красногвардейские отряды уже подходили к станции Матвеев Курган, в 35 верстах к северу от города Таганрога. Слабые партизанские отряды были не в силах сдерживать напор красных. Требовалась им помощь, и на Матвеев Курган высылаются две роты: Ростовская и Георгиевская.

В Таганроге большевики, подбадриваемые приближением «своих», готовятся к восстанию. Гарнизон города: рота Киевской школы прапорщиков, Таганрогская офицерская рота, расположенные в нескольких пунктах, могут быть легко разобщены и уничтожены. Моральное состояние юнкеров сильно пониженное, и начальник школы, полковник Мостыко, просит об усилении гарнизона. 31 декабря в Таганрог прибывает на площадках первого в Добровольческой армии блиндированного поезда, вооруженного орудием, взятым от 1-й Юнкерской батареи (3-е орудие), с первым же броневтомобилем — 1-я рота 2-го Офицерского батальона.

С ротой приехал полковник Кутепов, назначенный начальником Таганрогского отряда. «Вы едете в Таганрог для моральной поддержки юнкеров», — сказал 1-й роте полковник Кутепов. Рота была расквартирована в расположении главных сил юнкеров, с которыми она встречала Новый год. На встрече присутствовал и полковник Кутепов, на следующий день выехавший на блиндированном поезде с броневтомобилем на станцию Матвеев Курган.

Дня через три Ростовская и Георгиевская роты перешли в наступление, разбили красных, гнали их 40 верст и заняли станцию Амвросиевка. Но 7 января они были вынуждены начать отход под давлением свежих и больших сил красных. Разведка доносила о наступлении группы Сиверса численностью до 10 000 человек. Требовалось значительное усиление отряда полковника Кутепова, и туда направляются: Морская рота, подрывная команда 1-й батареи в составе 5 офицеров и 13 юнкеров и затем — Партизанский отряд имени генерала Корнилова, силою до 500 штыков. Везли эти части неопытные, молодые офицеры-машинисты, однако доставившие их благополучно к местам назначения. Один из них, поручик Латкин, даже проявил инициативу: не остановил поезда, как ему было приказано перед отходом, когда поезд был обстрелян красными партизанами, увидев малые силы последних.

11 января красные атаковали станцию Матвеев Курган, ведя на нее наступление широким фронтом, охватывая части, ее оборонявшие, с обоих флангов. Станция была поспешно оставлена, но задержавшаяся с подрывом моста и других сооружений подрывная команда 1-й батареи оказалась окруженной противником. Чтобы не попасть живыми в руки красных, все 18 человек ее состава, во главе с поручиком Ермолаевым, произвели последний взрыв всем запасом взрывчатого материала: они взорвали себя.

Красные наступали не только вдоль железной дороги на юг, но и от Матвеева Кургана на восток, по кратчайшему направлению на Ростов. Чтобы прикрыть это направление, из отряда полковника Кутепова были выделены Ростовская и Георгиевская роты, составившие особый отряд. У полковника Кутепова оставались — Партизанский отряд имени генерала Корнилова и Морская рота — силы незначительные, чтобы сдержать наступление красных на большом фронте. Но утром этого дня из Ростова выехала в его распоряжение Гвардейская рота, в составе 60 штыков под командой полковника Моллера. Ее перед отправкой напутствовал генерал Марков: «Имейте в виду, — говорил он ей, — враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными загромождать наш тыл не надо!» На некоторых эти слова произвели неприят-

ное и тяжелое впечатление. К вечеру рота, едва выгрузившись на станции Ряженое, сразу же вступила в бой. Красные своей массой рвали слабый фронт отряда, обходили его. Они обошли станцию Ряженое и захватили тот состав, на котором приехала Гвардейская рота. Все, кто находился в нем: машинисты, медицинский персонал, раненые, чины хозяйственной части, — были убиты.

Лавине красных отряд полковника Кутепова противостоять был не силах. За день красные от Матвеева Кургана продвинулись к югу на 20 верст. Срочно из Таганрога вызывается 1-я рота 2-го Офицерского батальона с влитой в нее Таганрогской офицерской ротой, ставшая численностью до 180 штыков, а из Ростова выезжает 2-я рота этого же батальона в 100 штыков. Ночью эти роты выгружаются на станции Неклиновка и занимают участок перед ней, седлая железную дорогу. Правее их — Гвардейская и Морская роты. Значительно дальше — Партизанский отряд. На станции стояли блиндированный поезд с единственным в отряде орудием и броневомobileм. В офицерских ротах было только около 50 патронов на винтовку и незначительное количество лент на каждый пулемет. Утром ожидалось наступление красных.

12 января. Утром густые цепи красных смело перешли в наступление. Несколько их орудий открыли огонь по редкой цепи офицерских рот. По противнику стреляло лишь одно орудие и, казалось, то, что было одно орудие, — только подбадривало противника. Офицерская цепь молчала: она должна открыть огонь, когда красные подойдут на 200 шагов. Наконец, едва красные с криками «Ура!» бросились в атаку, офицеры встали и открыли огонь; затрещали очереди пулеметов. Несколько моментов, и атакующие расстроены. Офицеры переходят в контратаку стремительную и беспощадную. Действуют их штыки. Красные бегут. Их обстреливает из пулеметов вырвавшийся вперед броневомobileм. Преследование противника буквально «на его плечах» велось на расстоянии до 4 верст и было остановлено по приказанию. Враг разбит наголову.

Роты отходили в исходное положение по полю, усеянному убитыми и ранеными. В обеих же ротах потери не превыша-

ли 50 человек. В это время единственной заботой офицеров было собрать патроны, сделать их запас.

Каким-то непонятным образом оказалось и несколько десятков пленных красных. Один из них, рабочий из Москвы, перед смертью сказал: «Да! В этой борьбе не может быть пощады». Офицеры были поражены выдержкой и хладнокровием этого коммуниста, его несломленным убеждением в правоте дела, которому он отдался. Ему не отказали в просьбе написать письмо своим матери и жене. Письмо это было опущено в почтовый ящик на станции Неклиновка.

Деморализованный противник отошел к Матвееву Кургану и несколько дней оставался совершенно пассивным. Добровольцы тогда сделали вывод: будь Добровольческая армия силой в 10 000 человек, она бы освободила страну.

13 января прошло совершенно спокойно, но в ночь на 14 января красные подняли восстание в Таганроге.

Оставшаяся там рота юнкеров, занимавшая взводом (до 50 человек) с пулеметом вокзал, другим взводом — спиртной завод и полуротой, с которой был полковник Мастыко, Балтийский завод, оказалась окруженной по частям и потерявшей связь с полковником Кутеповым. О соединении разбросанной роты не приходилось думать: красные засели в зданиях вокруг юнкеров, своим огнем желая задушить их сопротивление. Единственная попытка прямой атакой овладеть вокзалом кончилась для красных неудачно. Свою атаку они начали с того, что пустили на вокзал полным ходом паровоз. Железнодорожные линии здесь упирались в главный перрон вокзала. Разлетевшийся паровоз с шумом и грохотом врезался в перрон, испуская пар, огонь и густое облако пыли, но последовавшая немедленно атака была отбита юнкерами.

Полковник Кутепов, узнав о восстании в городе, снял с позиции у станции Неклиновка 1-ю офицерскую роту и направил ее в Таганрог. Рота легко прорвала кольцо краевых и соединилась на вокзале с взводом юнкеров, уже потерявших 5 человек убитыми и около 10 ранеными. Развить свое наступление далее в город рота не решилась: ей пришлось бы преодолеть огонь красных, массой засевших в ближайших зданиях. К тому же наступила ночь.

Непрерывная стрельба. Красные стреляют по окнам вокзала. В городе пожар. Это ими подожжено здание спиртового завода, в котором был взвод юнкеров. Взвод прекратил свое сопротивление, погибнув в огне под штыками красных.

15 января не внесло никаких изменений в положение окруженных частей. Атаковать красных стоило бы больших потерь. На вокзале ухудшило положение отсутствие воды: красные закрыли водопровод, но пока выручал вскочивший на перрон паровоз, в котором была вода, достать которую можно было с большим риском.

К концу дня для обеих групп — на Балтийском заводе и на вокзале — стало очевидным, что оставаться на местах им бессмысленно, соединиться невозможно, а потому оставалось одно: пробиться и выйти из города по кратчайшим для каждой направлениям.

16 января. За несколько часов до рассвета полковник Мастыко вывел свою полуроту юнкеров с завода в северо-восточном направлении. Сразу же ей пришлось вступить в бой: пробиваться и отбиваться — на флангах и с тыла. Юнкера бились отчаянно, унося с собой своих раненых. Упал тяжело раненным полковник Мастыко. Его хотят нести, но он приказывает оставить его и пробиваться. Юнкера в нерешительности мнутя около своего начальника, умоляют... Сыплются пули красных. Мгновение: полковник Мастыко застрелился, и только тогда они отошли от него. Вынести его и своих тяжело раненных юнкера уже не могли. Они пробились, но в половинном числе. Красные не преследовали.

Отряд, стоявший на вокзале, также выступил до рассвета, взяв с собой убитых и раненых. Но красные не оказали ему серьезного сопротивления, так как в это время с севера по железной дороге подъехал взвод 2-й офицерской роты, посланной для установления связи. Красные расступились. Связь была установлена, но Таганрог уже оказался оставленным.

Утром этого дня на станции Бессергеновка высадился прибывший из Ростова Юнкерский батальон и направился в Таганрог для поддержки Школы прапорщиков. Но, встретив пробившуюся ее группу, остановился. Ему теперь дана зада-

ча: прикрывать железную дорогу на Ростов, единственный путь связи отряда полковника Кутепова с тылом. Такая же задача легла и на Школу прапорщиков, оставшуюся в составе одной роты, стоящей до сего времени на охране железной дороги, и остатков в 40—50 человек другой роты.

Положение отряда полковника Кутепова создавалось очень тяжелым. Одни его части: Морская и Гвардейская роты и Партизанский отряд имени генерала Корнилова стояли на линии станции Неклиновка, верстах в 25 севернее Таганрога, фронтом на север, другие — Юнкерский батальон и Школа прапорщиков — на линии станций Марцево—Бессергеновка, в 5 верстах от Таганрога, фронтом на юг. 1-я и 2-я офицерские роты были в резерве; одна из них погруженной в железнодорожный состав.

В таком положении отряд простоял четверо суток. С севера красные даже и не пытались наступать: они все еще не могли прийти в себя после разгрома 12 января. Несколько раз они пытались наступать от Таганрога в направлении на станции Бессергеновка с поддержкой матросов и тяжелой артиллерии. Все их попытки отбивались славным Юнкерским батальоном, в первый раз выполнявшим задачу самостоятельно, получившим боевую закалку и, собственно, учившимся воевать. Его юные и неопытные сестры милосердия, вчерашние гимназистки, учились на практике своему делу, нелегкому, требующему к тому же полного хладнокровия и спокойствия. Был такой случай: у кадета сильное ранение в нос. Сестра Шура растерялась — перевязка сложная, и... ей жалко кадета. Она расплакалась. Ее утешает сам раненый, начавший тоже лить слезы. Перевязка все же сделана.

Для противника оставалась одна возможность заставить отходить отряд полковника Кутепова — обойти его с северо-востока, там, где занимали линию фронта слабые партизанские отряды между отрядом полковника Кутепова и отрядом, прикрывавшим прямое направление на Ростов. Эту возможность он, имея огромные силы, и постарался использовать. Но и само очертание фронта отряда полковника Кутепова, весьма опасное, имело бы значение и смысл, если бы предполагались наступательные действия. Но их уже не на-

мечалось. Поэтому, в силу всех сложившихся обстоятельств, отряду приказано было отойти на линию станции Бессергеновка.

Фронт отряда значительно сократился, но одновременно и была сокращена его численность. Из него отбыли в Ростов: школа прапорщиков, Юнкерский батальон, Партизанский отряд имени генерала Корнилова, а затем и Морская рота. Отход отряда прошел безо всякого давления противника.

* * *

Резко наступила суровая зима с пронизывающими ветрами. Временами падал снег, который ветер взвирывал метелью. Обыкновенно в это время пустынна донская степь, но в январе 1918 года она жила новой, особой, жизнью. На возвышенных местах, где особенно веял ветер и вьюга, стояли посты, заставы, скакали всадники для связи и разведки. Иногда рокотала стрельба.

К 27 января отряд полковника Кутепова был отведен еще на 10 верст к востоку, к станции Морская. Отвод вызван глубоким охватом отряда справа. У противника появились значительные кавалерийские части, бывшей 4-й кавалерийской дивизии, противостоять которым два слабых партизанских отряда и вышедшая на фронт первая кавалерийская часть Добровольческой армии — сотня полковника Гершельмана в 50 коней, не могли.

К этому времени отряд был усилен ротой Корниловского ударного полка в 100 штыков с двумя орудиями — взводом 1-й Юнкерской батареи, получившим на этот раз орудия от донцов.

27 января красные повели наступление на отряд, были отброшены, но обход справа заставил его отойти к станции Синявской.

28 января на этот раз удачное наступление красных принудило отряд отойти еще на 20 верст к востоку, к станции Хопры. До Ростова оставалось 10 верст.

На станции Хопры отряд полковника Кутепа за был сменен отрядом генерала Черепы, численностью в 820 штыков и са-

бель при двух орудиях 2-й Офицерской батареи и бронированном поезде. В отряд входили: весь Корниловский ударный полк, казаки станицы Гниловская, решившие защищать свою станицу, один партизанский отряд, а затем и другой — сотника Грекова.

Отряд сотника Грекова имел в это время до 150 штыков и сабель и отличную боевую репутацию: красные называли его отрядом «Белого дьявола»; но за ним была и другая «слава» — слава диких реквизиций. Генерал Корнилов хотел расстрелять всех офицеров, расформировать отряд, но тяжелое положение на фронте побудило его отправить его под Хопры, с тем чтобы искупил свою вину. В первую же ночь отряд произвел налет на станцию, нанес красным большие потери, а главное, расстроил их подготовку к наступлению наутро. Тем не менее недели через две отряд был расформирован и частично влит в части, ставшие впоследствии «марковскими».

Отряд полковника Кутепова — 1-я и 2-я офицерские (2-го Офицерского батальона) и Гвардейская роты, вместе со взводом Юнкерской батареи, сдавшим орудия офицерской батарее, были отведены в Ростов в резерв. В офицерских ротах, имевших в начале боев у Таганрога около 280 штыков, теперь оставалось не более 200; в Гвардейской — из 70 около 40. В Ростове роты отряда полковника Кутепова были сведены в 3-й Офицерский батальон под его начальством, причем 1-я и 2-я роты составили три роты, а Гвардейская — четвертую.

С. Гернберг²

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ В 1-Й КОРНИЛОВСКИЙ («ЛЕДЯНОЙ») ПОХОД³

Много написано о Корниловском походе Добровольческой армии за 50 лет. Каждую годовщину, 9 февраля, повторяется в печати почти одно и то же: 80 дней, из коих 44 боя, 1050 верст пройденного пути. Потери: около 500 убитых, 1500 раненых и т. д. Даются и точные числа участников с

распределением по чинам. К этим сведениям я лично отношусь крайне скептически. Жалованье не платилось до конца похода, снабжение шло своими средствами, списков никаких не велось. Встретил я в походе своих бывших друзей — реалистов и кадет. Из похода они не вернулись, хотя я их видел живыми уже после Екатеринодара. Все мои попытки узнать об их судьбе или хотя бы о дате и месте смерти так и остались тщетными, несмотря на то что я был при штабе и поиски начал сейчас же по возвращении из похода.

Но дело не в этом, а в том, что в литературе о походе и даже в воспоминаниях высших начальников нет ясного указания на то, какая основная причина заставила армию спешно выйти в поход из Ростова именно 9 февраля, когда еще не все было подготовлено, как это надо было сделать, и потому-то я в своих скромных воспоминаниях боевого пехотного офицера и хочу восстановить этот крупный исторический пробел, пока есть еще память, время и возможность.

Партизанский отряд «Белого дьявола», сотника Грекова, формировался на Барочной улице, № 36, в Новочеркасске, этой колыбели Добровольческой армии. В нем было 65 семинаристов, 5 девушек-гимназисток и 3 начальствующих лица: сам «Белый дьявол», альбинос, кубанский сотник Греков, я, тогда подпоручик, начальник подрывной команды отряда, и урядник Егоров, студент-вольноопределяющийся, рубаха-парень.

В момент самоубийства Каледина отряд был готов к походу. В первые часы после самоубийства не нашлось ни одного казака для почетного караула у тела. Вызвали наших мальчиков-партизан. Впрочем, возможно, что они были казаками. Через два часа их сменили настоящие часовые, а отряд ночью вышел в степь. Как в московских боях, так и в поступлении в Добровольческую армию офицерство держалось странной политики сидения по домам, в кладбищенских склепах и даже в Чрезвычайках, куда оно покорно шло на регистрации и расстрелы, в армию же шли очень немногие, по большей части приезжие извне. В этом основная причина неудач — как московского восстания, так и первой защиты Дона от красного наводнения.

Не буду описывать те тяжелые пять дней, которые мы провели в степи с ее снегом и страшной ночной метелью, когда отряд чуть не погиб целиком, — это не входит в кадр этого повествования.

Вечером 3 февраля мы погрузились в теплушки поезда, который должен был нас везти на фронт, расположения которого мы даже не знали. Непокойно и неприятно было утреннее пробуждение. Во время сна мы даже не почувствовали, что поезд шел и остановился, привезя нас к нашей недалекой, как оказалось, от Ростова цели. Громкие крики и приказания немедленно вылезать из вагонов сопровождались такими оглушительными залпами из орудий, что мы все мигом выкатились наружу. Недалеко от железнодорожного полотна, прямо в снежном поле, стояло два наших орудия, и это они-то и давали залп за залпом в том направлении, куда двигался наш поезд. Ответной стрельбы слышно не было, и отряд, спокойно сгрузив лошадей (он за странствования под Ростовом превратился в конный), двинулся быстро вперед по железнодорожному полотну, шедшему, как оказалось, к Таганрогу. Это была всего пятнадцатая верста под Ростовом и половина расстояния между Гниловской, ближайшей к Ростову, и станцией Хопры, бывшей уже в руках большевиков. В Хопрах стояла многотысячная Красная гвардия под начальством Сиверса, наш же фронт, верстах в четырех от Хопров, был занят тонкой ниточкой Корниловского полка, человек в 120. Наш отряд в 70 человек и Морская рота человек в 20 являлись сменой и резервом Корниловскому полку. О том, что наши учащиеся ни разу не стреляли из выданных им винтовок и пулеметов Люиса, говорить не приходилось.

Прошли мы от поезда не больше версты, дошли до группы железнодорожных будок, свернули с дороги круто влево, к видневшемуся шагах в трехстах небольшому, прятавшемуся в небольшой группе пирамидальных тополей хуторку, вошли в него, с трудом поместились в нем всем отрядом и стали оглядываться вокруг. Впереди фронт, в версте, не более, в снежном поле, нами совершенно не видимый и не дававший о себе знать абсолютно ничем. Перед нами и сзади нас лежала утопавшая в глубоком снежном покрове белая, блиставшая на

ярком солнце равнина. Вправо от нас была железная дорога, группа железнодорожных строений, о которых я уже говорил, а влево нам представилась очаровательная картина. Хуторок, оказалось, стоял на краю высокого обрыва. Внизу под ним тек Дон, покрытый пока толстым слоем льда и снега, а за ним далеко, далеко, за бесконечными плавнями, покрытыми тоже глубоким снегом, и за ослепительно белой, снежной степью блестел главами своих многочисленных церквей и башен далекий, исторический Азов.

Первый день мы провели совершенно спокойно. Я же раздумывал о том, что от судьбы не уйдешь, так как, не будь я в Иловайской и в опаснейших командировках к А.И. Гучкову в Кисловодск, я все равно был бы на этом же фронте, так как Георгиевский полк, в который я был записан по приезду из Москвы, был влит в Корниловский и находился тут же, перед нами. В ночь с 5-го на 6 февраля Греков решил произвести реабилитацию отряда в мнении генерала Корнилова, раздраженного незаконными реквизициями лошадей, и задумал удар на станцию Хопры, не зная, что там уже сосредоточена вся многотысячная армия Сиверса, готовящего решительный удар на Ростов.

Никто из партизан спать, конечно, не ложился, и часов до 11 в главной комнате помещения, занимаемого отрядом, слышались веселые военные, неизвестные еще до этого многим партизанам песни, сильно подымавшие их боевой дух. Пели и «Журавля» с его куплетами на многие полки конницы и гвардейской пехоты, вызвал восторг мой экспромт и про наш отряд:

«Белый дьявол» под Хопром —
Красным предстоит разгром.

К 12 часам ночи 50 партизан вышли на железную дорогу, имея с собой оба неиспробованных еще пулемета. Идти можно было только по шпалам, так как и вправо и влево от железнодорожного полотна лежал такой глубокий снежный покров, что наши мальчишки могли утонуть в нем с головой. Прошли через цепочку Корниловского фронта и очень осторожно двинулись к недалекой уже станции Хопры. Была свет-

лая лунная ночь. За версту от станции, в пустой железнодорожной будке бешено лаяла сошедшая с ума от одиночества и страха собака, и лай ее громко раздавался в ночной морозной тишине. У этой мрачной будки мы оставили своих сестер и двух партизан — слишком жуткая создавалась атмосфера. С этого места железнодорожное полотно стало сильно подниматься над местностью, и влево от него, внизу, показалось небольшое пристанционное строение.

Задремавший часовой-большевик был заколот самим Грековым сейчас же после ответа о том, что он принадлежит к рабочему полку московского пролетариата. Неожиданная, но далеко не приятная встреча со своим «земляком». Кто знает, не было ли в этот момент на Хопрах моих недавних сослуживцев-солдат? Но думать теперь ни о чем времени уже не было. Человек 30 партизан сбежали вниз с насыпи и в ближайших 3—4 домиках кололи штыками обалдевших от неожиданности и сна большевиков. Остальные остались на насыпи и стреляли по другим домикам, откуда стали в массе выскакивать раздетые и полуодетые фигуры, которые, впрочем, довольно быстро опомнились от неожиданности и открыли сильный огонь по отходящим к насыпи партизанам и по нас, лежавшим между рельсами, четко вырисовывавшимся на светлом от луны небе. Наши пулеметчики не могли выправить пулеметный диск, и наш пулемет спорно молчал как раз тогда, когда он был нам столь действительно нужен.

Разрывные пули красных стучались о рельсы и разрывались с голубоватым, фосфорическим блеском. Огонь становился все сильнее и сильнее, и соединившиеся партизаны почти прекратили стрельбу, залегши между рельсами и не поднимая из-за них головы. Даже нагайка и ругань Грекова ничего не могли поделать с необстрелянной еще молодежью. Вдруг заработал пулемет, и даже не один. Минутная мысль, что это наш, а затем еще большее уныние. Сильные пулеметные струи, несшиеся над нашими головами, и крики наших пулеметчиков, сообщавших о том, что они отходят, так как нет возможности вынуть заклинившиеся диски, показали нам, что через несколько минут мы будем сметены с полотна или раздавлены пришедшими в движение поездами и паровоза-

ми. Начался отход, и настолько поспешный, что троих раненых или убитых партизан с собой не взяли... о чем, впрочем, до возвращения на хуторок мы и не подозревали. Легко раненные шли сами и были перевязаны ожидавшими нас у будки сестрами. Собака там все еще лаяла. Я стал у стены, выходящей на Хопры, но там снова все было тихо. Большевики, переоценивая наши силы, на преследование, которое было бы для нас роковым, не решились. Двух раненых понесли на руках, и не более как через час отряд был снова на хуторке.

На утро генералу Корнилову донесли о происшедшем и сейчас же получили от него ответную благодарность. Раненых отправили в Ростов, и сведений о них никогда больше не имели. Пользы фронту и Ростову наша вылазка не принесла, конечно, никакой, а уменьшила наш и так небольшой отряд еще человек на восемь, а кроме того, заставила нас опасаться, что в случае ранений мы не будем вынесены из боя, а все уже великолепно знали, на что можно было рассчитывать, попав живыми в руки красных палачей. Как оказалось впоследствии, в момент нашего нападения на Хопры там была сосредоточена для наступления на Ростов вся армия товарища Сиверса в 20 000 штыков и сабель, с большим количеством бронепоездов.

Весь день 6 февраля и ночь на 7-е прошли совершенно спокойно. День 7-го — тоже ни выстрела, ни звука на фронте, как будто бы его и не было. Погода прекрасная. Солнце. Искрящийся от его лучей и даже начинающий подтаивать сверху снег. Вид на Азов чудеснейший. Настроение в отряде неплохое, бодрое, не прочь повторить позавчерашнюю авантюру. Стоила она красным недешево, сотни две их, а то и больше, отправились гноить хоперское кладбище. Новостей из Ростова никаких.

Но к 4 часам вечера 7 февраля раздался далекий пушечный выстрел, засвистела над нашими головами большевистская граната, другая, третья и разорвались в степи, недалеко за нашим садиком. Огонь велся гранатами только и из нескольких орудий и не прекращался часа два. Ни одна из гранат за все это время не попала не только в хуторские строения, но даже и в

сад, в который мы все вышли, чтобы полюбоваться грозным, но красивым зрелищем. Громадные фонтаны белого снега и черной земли взметывались вверх по 4 и по 6 одновременно. Плохие у товарищей были артиллеристы в этот день: все сотни выпущенных снарядов взрыли лишь голое поле. Огонь стих так же неожиданно, как и начался. Впечатлений и предчувствий никаких. Ночь прошла опять совершенно спокойно, а 8 февраля к вечеру нами было получено приказание выступить на фронт, в снег, на усиление мерзшего там уже много дней геройского Корниловского полка. Выступление было назначено на вечер 9 февраля, но уже с 6 часов утра этого исторического для армии и России, но неприятного лично для меня по переживаниям дня большевиками был открыт ураганный огонь по тылам фронтов, через головы корниловцев, как раз по линии от хуторка до железнодорожных строений и даже левее и правее этих двух пунктов, так что многие снаряды, опять-таки только гранаты, рвались и вниз на льду Дона, разбивая его на миллионы бриллиантовых, горевших радугой в лучах поднимавшегося солнца брызг, и в степи далеко за железнодорожными будками, где из-за глубокого снега никаких добровольцев не было, да и не могло быть. Огонь был настолько ожесточенным и сильным, что даже для наших неопытных воинов, покинувших школьную скамью не больше месяца тому назад, стало ясным, что это не просто обстрел, подобный позавчерашнему, а начинающееся большевистское наступление, и нам, вместо предполагаемого движения вперед, придется вести бой тут же в хуторке или отступать назад.

Этому последнему предположению категорически воспротивился сам Греков. Он, с присущей ему горячностью, упрямством и позой, заявил: «Кто бы мне ни отдал приказания отступать, я с партизанами умру, но не сделаю и шага назад!»

Обещание это он, может быть, и сдержал бы, но более благоразумное начальство передало его решение по телефону из железнодорожной будки в Ростов, и оттуда было получено приказание: «Глупостей не делать, а подчиняться всем распоряжениям начальника участка полк. С.⁴», который был тут же, куда подтянулась с хуторка и половина нашего отряда, тогда как другая часть сопровождала коней и обоз по льду Дона.

Последнее, что я видел с обрыва на блестевшем до боли глаз от солнца льду красивой реки, это нашу тяжелую патронную повозку провалившуюся колесами в разбитую снарядами дыру, бьющихся около нее людей и лошадей и новые фонтаны рвущихся на льду снарядов. Вытащить ее так и не удалось. Погибла и она, и все бывшие на ней и столь нужные армии патроны. Мой конь пропал вместе с нею.

На железнодорожном переезде мы рассыпались в цепь. Теперь мы не были одни, фронт отступил и был как раз на линии нашего хуторка, на которой временно и задержался, зацепившись за железнодорожные строения. Красных еще не было видно, как мы ни напрягали свое зрение, да и артиллерийский обстрел становился таким сильным, настолько необычным для всех нас, бывших в отряде, что в данный момент все наши мысли сосредоточились только на этом ужасе. Снаряды, падавшие в поле, сзади фронта, стали ложиться все ближе и ближе к нашему переезду, и, наконец, одна очередь легла прямо среди нас, попав в шлагбаум и железнодорожные пути... Вторая и следующие попали туда же, и воздух сделался смрадным и тяжелым, солнце для нас совершенно померкло, в воздух летели куски дерева, железа, земли, стекол и кирпича, а все наши мысли сосредоточились на желании вратиться или вкопаться в эту мерзлую, твердую землю. Слышались крики и стоны раненых, которые или сами, или с помощью своих друзей торопились подняться и идти в тыл, к спасительному, как казалось, Ростову, чтобы выйти из фронтового ада и не получить еще нового, уже смертельного удара. Огонь не прекращался ни на минуту, по временам переносился на тылы, и мы видели, как в снежной степи, не причиняя на этот раз никому вреда, рвались снаряды и взлетали к небу гигантские фонтаны черной земли, а затем снова, к сожалению, очень быстро огонь возвращался в нашу линию, и многих лучших своих сыновей среди корниловцев и партизан потеряла Россия в этот скверный для нее день. Многих мальчиков-сыновей не увидели больше никогда их тоскующие родители и не узнали даже никогда о том, что и где произошло с ними...

О том, что красные цепи приблизились к нам, мы узнали по начавшемуся внезапно, но крайне сильному пулеметному

огню, шедшему как раз по линии железнодорожного полотна. Пулеметчики-большевики этого дня, как и их артиллеристы, были куда лучше тех, которые так бесцельно растрачивали снаряды прошлые дни. Пулеметный огонь был настолько силен, что приковал нас к земле, и мы лишь изредка поднимали головы, чтобы выпустить несколько пуль по не видимому все еще впереди противнику, и вдруг чей-то предостерегающий, полный ужаса крик, взгляд направо, в степь, откуда никакой опасности и не предполагалось, показали нам, что нужно отступить, не задерживаясь ни на минуту: вся степь по горизонту, на расстоянии не более полутора верст от нас и железной дороги — и впереди, и далеко сзади нас, так далеко, как мы могли только видеть, — была усеяна черными движущимися линиями большевистских цепей, зашедших нам глубоко в тыл, но двигавшихся, к счастью, крайне медленно из-за глубокого, спасительного для нас на этот раз снега. Необходимость заставила нас встать с земли, что было очень трудно, эта же необходимость заставила, что было еще труднее, выйти на рельсы, так как идти можно было только по насыпи, идти же было необходимо, чтобы выскочить из грозной, готовой захлопнуться за нами западни, а вдоль рельс несся страшный стальной вихрь пулеметного огня. Обошедшие нас справа цепи молчали пока, так как, видимо, употребляли всю свою энергию лишь на то, чтобы поскорее выбраться из снега на железную дорогу и отрезать нам единственный путь отступления.

Греков снова пытался кричать о том, что отступление позорно, что он застрелится, но не отступит; гимназистка Ася, стоя в положении «с колена», спокойно посылала пулю за пулей в красных, какой-то черкес или кубанец, офицер, взявшийся неизвестно откуда, втащив свой тяжелый пулемет Максима на крышу небольшого железнодорожного строения, тщетно звал опытных пулеметчиков и угрожал отступающим плетью; какой-то блестящий, в мирной шинели, гвардейский красавец офицер уступил откуда-то, как и он, чудом появившейся здесь, в подобной обстановке не менее красивой и шикарно одетой в каракулевое манто даме место на дрезине и готовился прыгнуть на нее и сам, сопровождаемый наши-

ми завистливыми взглядами, как одна из тысяч несшихся от красных пуль стукнула его в затылок и убила наповал, окрасив кровью его мирную шинель... И долго мы видели впереди нас удалявшуюся к Ростову дрезину с безжизненным уже трупом, навалившимся на нее грудью, с ногами в щегольских лаковых сапогах, чертивших не покрытые снегом шпалы, дама же тщетно пыталась зачем-то втащить мертвое тело на дрезину, но ей это по слабости сил не удавалось... Вот приблизительно и все, что осталось у меня в памяти от этого кошмарного пути, где каждая секунда, каждый шаг грозил смертью, но мы все-таки не бежали, а шли очень медленно и даже останавливались, чтобы огрызнуться и послать несколько пуль то назад, то в степь, во все приближавшиеся и увеличивающиеся черные фигуры не то матросов, не то рабочих...

Так мы дошли до станицы Гниловской, последней станции перед Ростовом. Было уже часа три дня, но солнце светило еще очень ярко, и мы отступили так далеко, что, очевидно, охват нас сбоку не удался, и мы почувствовали себя в полной безопасности.

Я постоял за станционной водокачкой, но, видя, что и артиллерийский и пулеметный огонь прекратился, решил, что бой на сегодня закончился, что красные тоже выдохлись, что двигаться дальше к Ростову, который был лишь в семи верстах, они сегодня не будут, и только тут вспомнил, что со вчерашнего вечера я ничего не ел и не пил. Усталость только теперь охватила все мое тело. Одет я был очень тепло, так как, кроме шинели, на мне была ватная солдатская кофта, а кроме вооружения, на мне был мешок со всяким моим, правда небогатым, имуществом, которое я вполне резонно не доверил провалившейся под лед Дона повозке. Два бывших со мною партизана, уставшие еще более меня, втянутого уже почти два года в тренировку военной службы, и сошедших только что с парты какой-то семинарии, предложили пойти с ними в станицу, чтобы чем-нибудь там закусить. Предложение мне крайне понравилось, и я на него поспешно согласился. Тут же, шагах в двухстах от железной дороги, на стороне, ближней к реке, в чистой, красивой казачьей хате

мы нашли и угощение и отдых. Казачки любезно поставили на стол и молоко, и сало, и хлеб, все показавшееся нам небесно вкусным... Не так тела, как наши души так устали от всего пережитого за этот ужасный день, что за этим гостеприимным столом, в этой теплой, милой хате мы позабыли обо всем происходящем и далеко еще не закончившемся.

И вдруг раздавшаяся над самым ухом пулеметная трель заставила нас немедленно же вернуться к грозной действительности. Взгляд в окно показал, что большевики вошли уже в станицу и были не далее как в пятидесяти шагах от нашего домика. Секунды не прошло, как я со всеми своими пожитками неся по станице влево, к спасительной, как мне представлялось, станции. Инстинкт подсказывал, что мне нужно бежать не только влево, но и вперед, чтобы, приближаясь к железной дороге, в то же время удаляться от большевиков, продолжавших частый и сильный огонь и приближавшихся все время ко мне. Один из бежавших со мной партизан упал, убитый, как я думаю, наповал, другой отстал или избрал другое направление, и больше его я тоже никогда не видел. Я остался один. До железнодорожной насыпи, бывшей в этом месте очень высокой, оставалось шагов восемьдесят. На ней стоял небольшой поезд, состоящий из паровоза и 5—6 вагонов-теплушек. Мне пересекла дорогу улица, шедшая перпендикулярно к насыпи, но бежать по ней я уже не мог: большевики были слишком близко от нее, и мое инстинктивное чувство самосохранения толкало меня дальше от них и заставило с легкостью газели перескочить низенькую, но основательную изгородь большого фруктового сада, примыкавшего уже непосредственно к насыпи, чтобы пересечь его по диагонали.

Я сделался единственной целью бежавшей за мной шагах в стах большой группы красноармейцев, стрелявших по мне на ходу. Это-то, к счастью для меня, и делало их стрельбу неточной. Лишь очутившись в саду и перепрыгнув подзаборную канаву, я понял, что совершил непоправимую глупость, что попался в ловушку, из которой выбраться едва ли смогу, и что я погиб окончательно и глупо. Сделав первый шаг, я провалился по пояс в глубокую снежную целину. Тяжело на-

груженный, уставший, стесненный в своих движениях теплым одеянием, с винтовкой и шашкой на себе, я с колоссальной затратой сил сделал несколько шагов, каждый раз проваливаясь то по колено, то по пояс, а то и по грудь в снег. Сзади меня раздалась четкая строчка пулемета, и ледяная, оттаявшая на солнце, а теперь к вечеру снова замерзшая на морозе корка снега заискрилась тысячами бриллиантовых ледяных брызг от пулеметных пуль, чертивших извилистую линию перед самым моим носом. Эта трель и брызги подтолкнули меня, и я прыжками, как заяц, к счастью, еще не раненный, сам не зная как, проскочил до середины сада. Красные, по-видимому, так хотели сбить меня, столь близкого от них, что сильно нервничали, и только этим я мог объяснить свою удачу.

С поезда и паровоза мне кричали, звали, торопили меня. Паровоз давал тревожные свистки и готовился тронуться. Я же опять двигался как черепаха, и желанная насыпь если и не была далеко, то все-таки была совершенно недостижима. Из вагонов раздалось несколько выстрелов в сторону моих преследователей, которых я даже ни разу и не видел, так дорога была мне каждая секунда и каждое движение, подвигавшее меня вперед. Я и не оглядываясь знал, что увижу за своей спиной. Чего же было еще оборачиваться и тратить на это драгоценное для меня время, отделявшее меня, быть может, от грани смерти. Снова запел свою тоскливую песню пулемет, снова бриллиантовые брызги засверкали в разных частях сада, но я снова остался невредимым, и снова этот звук и чертимые пулями по корке льда линии подтолкнули меня на несколько шагов вперед. И вот, когда я был всего шагах в пяти от последней ограды, бывшей у подножия самой насыпи, паровоз запыхтел, колеса вагонов заскрипели по рельсам, толкнулись буфера, и я понял, что погибаю безвозвратно. Не нужен и пулемет. Большевики возьмут меня голыми руками, так как с отходом поезда я, измученный и оставленный, уже от них уйти не смогу никак.

Я сделал последнее, нечеловеческое усилие и вырвался-таки из сковывавших мои движения уз снега. Перевалился через забор, поднялся из последних своих сил по насыпи и упал

около подножки уже двигавшегося вагона. Стреляли ли еще по мне большевики или нет, я этого уже не слышал. Не помню и не знаю и того, кто и как втянул меня на площадку последнего вагона... Я пришел в себя и отдышался только в Ростове, когда спасительный поезд остановился у главного перрона.

Уже вечерело. На вокзале скопились наши уцелевшие партизаны и несколько других оторвавшихся от своих частей добровольцев. На окраине города с западной стороны, откуда мы только что пришли и где никакого фронта, как мы это отлично знали, уже не было, слышались беспорядочные и частые выстрелы. Я был совершенно разбит и физически, после встряски и пути сегодняшнего дня, и морально после встречи со столь близко дохнувшей мне в лицо, вернее, впрочем, в спину смерти. Мы с Егоровым, пережившим, наверное, тоже немало, хотя друг другу мы ничего не рассказывали, хотели пойти в город, постучаться в первую попавшуюся дверь приличного семейного дома и попросить разрешения провести вечер среди людей, не бывших еще на границе безумия и смерти сегодняшнего дня, как мы. Нашли ли бы мы такую семью — этого я так никогда и не узнал. Нам сообщили, чтобы мы с вокзала никуда не отлучались, что наша армия — о, какое это было громкое, в применении к нашей горсточке молодежи, слово — «армия»! — покидает сегодня же вечером Ростов, что фронта более не существует и большевики входят в город.

Мы полежали немного на грязном полу вокзальных зал, потом постояли немного перед темным зданием Парамоновского дома, в котором помещался Штаб, а потом, по приказанию начальства, стали ловить увиливавших от нас ростовских извозчиков и заставлять их везти нас в станицу Аксайскую, бывшую в 24 верстах от Ростова на пути в Новочеркасск.

Ужасный день 9 февраля 1918 года кончился, и начался 80-дневный поход, вошедший в историю России под именем 1-го Кубанского, Корниловского и Ледяного, и покрывший Добровольческую армию навеки неуывдаемой боевой славой.

ИЗ ПРОШЛОГО

(Из Новочеркаска на станцию Матвеев Курган)⁶

У нас в дивизионе с каждым днем дела все шли хуже и хуже. Если раньше молодые казаки, только что призванные на службу, еще не были затронуты пропагандой, то теперь все больше и больше они ей поддавались. Занятия с казаками еще производились, но это была какая-то видимость, а не служба. Было несколько случаев неповиновения, оставшихся без наказания. В офицера, во время его ночного обхода постов, неизвестными были брошены камни, прожужжавшие мимо ушей. Окна в наших бараках были без ставень, и несколько дней тому назад в дежурного офицера, сидевшего в кресле в дежурной, через окно был брошен булыжник с такой силой, что ободрал кожу на кресле в двух верхках от головы офицера. У меня лично в этом отношении все благополучно: на дежурстве по дивизиону хожу ночью проверять посты и дневальных — все сходит хорошо. Как-то в три часа ночи поймал дневального, что у него потухла печь, поставил его на два часа под шашку и сам присмотрел за выполнением этого приказа.

С нашим вахмистром у меня очень хорошие отношения, он сверхсрочный служащий из тех вахмистров, про которых казаки говорили — «он на три аршина под землей видит», служил в нашей гвардейской батарее, участвовал в торжествах по случаю 300-летия Дома Романовых, любил и умел об этом рассказать. Во время ночных дежурств, обходя дивизион, я его часто где-нибудь встречал и если еще не было поздно, то задавал ему вопрос: «А как это, вахмистр, вы рассказывали, что наша батарея взяла 1-й приз за стрельбу?» И он начинал рассказывать, да таким образным казачьим языком, что я просто его заслушивался. Смотришь — и прошел час скучного ночного дежурства.

Вначале я попадал на дежурство на 8-й день, прошлый раз же попал на 4-й, а последний раз — на 3-й день. Где же господа офицеры? Окончив дежурство, пришел домой, поспав и

закусив, отправился к штабу, где у меня были знакомые, узнать, что нового. Вышел на Московскую и направился к атаманскому дворцу. Меня несколько удивила какая-то особенная пустота улиц. Вот навстречу идет какой то прилично одетый господин, подхожу ближе, узнаю, что это член окружного суда, знакомый моего отца. Но вид у него более чем странный: слезы текут из глаз, стекают по усам, падают на землю... Я бросаюсь к нему: «Что с вами? Чем я могу помочь?» Он останабливается, всхлипывает: «Каледин... застрелился... Дон... погиб...» Безнадежно машет рукой и идет дальше, наверное даже не узнав меня.

Только вчера передавали слух, что Чернецов убит, сегодня застрелился генерал Каледин, оба для меня, хотя и по-разному, были крупными величинами. А теперь кругом — мразь и разложение. Я казак всей душой, но, видя разложение казачества, мрачные мысли приходят в голову. Ждать, когда меня придушат большевики? Никогда! Мне кажется, что те, кто хотят и будут драться с ними, — это добровольцы. Значит — к ним. Почти бегом направляюсь на Барочную улицу, где находилось бюро Добровольческой армии, врываюсь туда и почти кричу какому-то капитану, сидящему за столом: «Прошу занести меня в списки Добровольческой армии...» Капитан приподымается: «С кем имею честь говорить? Успокойтесь...» Я прихожу в себя и уже связно рапортую о себе. «Так вы состоите на действительной службе в артиллерийском дивизионе?» — «Так точно!» Он после недолгого раздумья говорит мне: «Присядьте, пожалуйста, немного подождите, я сейчас вернусь». Вышел какой то полковник, задает тот же вопрос, заканчивая его: «...и хотите записаться в Добровольческую армию?»

«Так точно, господин полковник! Я знаю, что в дивизионе никто не выступит против большевиков. Отряд есаула Чернецова, куда бы я поступил, — не знаю где и в каком состоянии после смерти командира. Теперь, после смерти атамана, полагаю, что все рухнет, а сдаваться красным я не желаю и поэтому прошу зачислить меня в Добровольческую армию».

«Хорошо, сегодня же мы зачислим вас в списки, но вы останетесь на службе, а мы будем поддерживать с вами непре-

ривную связь, сообщите ваш домашний адрес и, даже уходя куда-нибудь, оставляйте записку, где вас можно найти».

Много позже я слышал, что у добровольцев был план, что если у нас произойдет полный развал, то попытаться всеми способами вывезти орудия из дивизиона.

Вышел я очень расстроенный, раздумывая обо всем происшедшем, а главное — об атамане Каледине. Мне неоднократно рассказывали, что вот привезут друзья какого-нибудь убитого чернецовца Петю или Мишу и жмутся в полутьме громадного собора, ожидая батюшку, чтобы отслужить панихиду. Вдруг слышат мерные шаги — это подходил атаман Войска Донского генерал Каледин и отстаивал всю панихиду, провожая одного из редких защитников Дона. Что думал, что чувствовал генерал, недавно командовавший многими десятками тысяч людей, присутствуя на отпевании и похоронах безусого воина Миши? Власть, поддержанная силой, — действительно власть, власть не поддержанная ничем, — ноль, а ему вручили власть и не поддержали. Что нужно было пережить, перестрадать, чтобы прийти к выводу, что единственный выход из положения с честью — это застрелиться?

В штабе — полная растерянность: «Сейчас мы совершенно не знаем, что будет дальше...» Вспоминаются события последнего времени: большой кулак перед носом полковника Попова, горсточка офицеров, отозвавшихся на призыв Чернецова, казаки-фронтовики, плакавшие и клявшиеся защищать Дон после речи атамана и разъехавшиеся по домам в первую же ночь, судья, у которого слезы катились по усам... Брожу по улицам, захожу к знакомым, всюду растерянность, а что будет завтра?

В дальнейшем, лично для меня, разыгрался такой вихрь событий, что распределить все точно по дням не могу, ведь с той поры прошло немало лет, изложу, как помню. На следующий день или через день, когда я явился на службу, то узнал, что получен приказ выслать взвод артиллерии из запасного дивизиона в Добровольческую армию на фронт за Ростов и это поручено сотнику Зипунникову. Я занимался в это время с казаками пешим строем и издали видел, что Зипунников кричал на казаков, те кричали на него, а потом человек два-

дцать бросилось на сотника с кулаками, и он бросился от них, отстегивая на ходу кобуру револьвера. Получалось то же, что и при разоружении Хутунка.

Полковник Попов собрал в дежурной совещание из командиров батарей войсковых старшин Шульгина и Фарапонова и еще нескольких офицеров, где я не присутствовал, и к какому заключению они пришли — не знаю... Через день или два я пытался вести какие-то занятия с казаками. Подходит вестовой: «Полковник Попов просит вас к нему явиться». Прихожу в дежурную, полковник нервно шагает из угла в угол. «Думаете ли вы, что вы сможете вывести взвод в Добровольческую армию?» И добавил с улыбкой, которая была больше похожа на гримасу: «У вас какие-то там отношения с казаками...» Вся кровь бросилась мне в голову, и я был готов наговорить много по поводу «каких-то отношений» и за свои слова наверно бы попал под суд, но тут мелькнула мысль — да ведь это блестящий выход, чтобы уйти к людям, где есть дисциплина, а главное, где хотят биться с большевиками. Сдержавшись, я ответил: «Разрешите некоторое время на размышление?..» — «Хорошо, я буду здесь до шести часов».

Я вышел и пошел, размышляя, между бараками. Лучшего нечего и желать, но как это сделать? Я молод и неопытен, а посоветоваться не с кем... Но тут мелькнула мысль — а вахмистр? Он человек крепкий, ко мне хорошо относится и не раз рассказывал мне о разных каверзных случаях из его служебной жизни. Почему не попробовать? Вызываю вахмистра. Говорю ему: «Хочу с вами посоветоваться, как со старым служакой, выдавшим всякие виды». Вахмистр, по-видимому, польщен таким обращением. «Как вы думаете, если мне поручат вывести взвод, дадут ли это сделать казаки?»

«Нет! Конечно, к вам казаки хорошо относятся. Старшие казаки-артиллеристы вас не знают и поэтому не трогают, а наша молодежь получает письма из полка, где вы служили, в которых очень хорошо об вас отзываются, и о чем рассказывают во всем дивизионе, а вывести взвод все же вам не дадут».

«Но, вахмистр, и вы и я хорошо знаем, что у нас всего 15—20 «заводил», которые всем руководят, а если бы их удалить, то с остальными можно было поладить».

«Так точно! Знаю и не раз об этом докладывал, но до сих пор никаких распоряжений об этом не последовало».

«Вахмистр, а не знаете ли вы, как бы это сделать, чтобы этих «заводил» хотя бы на короткое время удалить, а я бы попробовал за это время взвод вывести?»

Разговаривая, мы ходили между бараками. А тут вахмистр даже остановился.

«А ведь можно, Ваше Благородье! Вся эта дрянь с субботы вечером по бабам да по кабакам расходуется, а в воскресенье во всем дивизионе и людей-то нет. Вот если бы вы получили бы приказ, чтобы в воскресенье, часиков в шесть утра, вывести взвод, можно было бы и попробовать. Пока бы «заводил» разыскивали бы да собирали, это можно было бы сделать».

Некоторое время мы еще обсуждали «за» и «против». «Если вы получите такой приказ, — говорит вахмистр, — то я человек тридцать смирных ребят попридержу на воскресенье».

Я иду к Попову и излагаю мой план. «Так что же, это самим у себя орудия красть?» — «Если у вас есть какой-нибудь другой план, господин полковник, — прикажите!» Некоторое время Попов мечется, но в конце концов бросает: «Хорошо!» И машет рукой.

Дальше вначале все шло как по писаному: в воскресенье рано утром ко мне домой прибыл казак с заводным конем и предписанием немедленно явиться. Скачу в дивизион, вахмистр мне быстро докладывает что «заводил» никого нет, а тридцать смирных ребят ждут. Он их приводит, но тут — непредвиденное обстоятельство: «заводилы» разъехали на орудийных лошадях, а к обозным, которых мы собираемся взять заместо них, орудийная амуниция не подходит, нужно что-то укорачивать или перетягивать.

«Шорников, какие есть, скорее сюда! Тюк пресованного сена и куль овса на передок увязать, ведра, фонарики, шанцевой инструмент...» — голос вахмистра слышен всюду. Спасибо ему, я бы по молодости лет и по неопытности о многом и не подумал бы. Наконец все готово, получаю последние инструкции: «На станции уже готовы платформа для орудий и вагоны для лошадей. Как можно скорее грузитесь, телефонируйте мне и трогайтесь. В Ростове явитесь вот по этому

адресу есаулу Каменеву, он назначен командиром взвода и уже несколько дней ждет взвод, а вы назначены младшим офицером».

На вокзале благополучно прожусь, телефонирую Попову и еще раз слышу: «Скорее трогайтесь...» Казаки уходят, со мной остается вольноопределяющийся Власов, и через час после всяких маневрирований мы трогаемся, тащимся очень медленно и в Ростов прибываем часа в два; беру там извозчика и еду к Каменеву. Застаю его в столовой, в расстегнутом кителе, который он с трудом старается застегнуть, видно, он только что плотно пообедал. «А взвод прибыл? Но я еще не кончил некоторые переговоры с Добровольческой армией, а пока что ведите взвод дальше, а я вас догоню».

Являюсь коменданту станции с просьбой отправить нас как можно скорее. Здесь всюду распоряжаются добровольцы, но железнодорожники — сплошь большевики и всячески стараются ставить палки в колеса. Уже поздно вечером проходим станции Ряженое и Неклиновка, где нам рассказывают, что позавчера здесь были бои с красными, их отбросили и добровольцы занимают сейчас следующую станцию Матвеев Курган. Туда мы прибываем часов в десять вечера. Нас встречают несколько офицеров и на мой вопрос, где штаб и к кому я должен явиться, отвечают: «Штаб вот в вагоне, а являться к полковнику Кутепову, мы вас проводим». Вхожу в плохо освещенный несколькими свечами вагон и являюсь: «Взвод донской артиллерии — орудия два, зарядных ящиков два, гранат столько-то, шрапнелей столько-то, людской состав — я и вольноопределяющийся Власов — в ваше распоряжение прибыли».

«Да, я уже знаю. К пяти часам утра я вам пришлю номеров, немедленно сгрузитесь и вступите в бой. Можете идти!»

Поворачиваюсь налево кругом и выхожу на перрон. Некоторое время стою как ошеломленный. Ведь я только что кончил артиллерийское училище, а завтра мне придется командовать взводом с совершенно неизвестной мне прислугой. Что я буду делать? Подхожу к своим вагонам, мелькают в голове слова старой казачьей песни: «Порой сам ты ешь поплосше, коня же в холье содержи...» Действительно, это первое, что

нужно сделать. «Вот что, Власов, нужно зажечь фонарик в вагоне с лошадьми, а затем берите ведра — будем носить воду и их поить». Ночь, холодно, темно, перрон освещен тремя керосиновыми лампами, две по краям, одна в середине, но видно плохо. Сгрузочная площадка очень короткая, и около нее стоит платформа с орудиями, а в вагоны с лошадьми приходится лазить прямо с земли. Темно, неудобно, утомительно, но так или иначе нужно напоить и задать корм 24 лошадям. Только около двух часов ночи эта работа была закончена, я на что-то присаживаюсь и отдаюсь своим мыслям. Есаула Каменева нет, и надо полагать, и не будет. На Киевском полигоне по окончании училища я выпустил всего пять снарядов, а мне будут присланы неизвестные солдаты, которых я не знаю и которые, быть может, понимают в стрельбе из орудий в бою столько же, сколько и я, а может быть, и меньше. Оскандалюсь! Это случается с каждым не раз в жизни, но в данном случае это совсем другое: за мои неправильные распоряжения, за мои ошибки люди могут расплатиться жизнью, что, конечно, тяжело ляжет на мою совесть. Меня охватывает страх, но страх особый, смешанный со злостью, даже с яростью. Ведь самое незащищенное и слабое существо, загнанное в угол и доведенное страхом, и только страхом, до отчаяния, кидается на кого угодно, не учитывая ни своих возможностей, ни сил. Вот и у меня было подобное состояние.

Постепенно глаза привыкают к освещению, и я уже вижу довольно хорошо. Справа на перроне показывается стройная высокая фигура — кавалерийская шинель, папаха, но пояс висит и чуть ли не болтается. Ага, да это вольноопределяющийся.

«Вольноопределяющийся, пожалуйте сюда!»

Он подскакивает.

«Послушайте, вы — интеллигентный человек — должны показывать солдату пример подтянутости, а вы показываете пример расхлябанности. Извольте затянуть пояс как следует!»

Он старается затянуть пояс, но руки у него как-то трясутся, и он никак не может с ним справиться. Я прихожу в ярость. «Да что вы? Пояса не можете затянуть? «Подхожу к нему и, упираясь в грудь левой рукой, правой затягиваю

пояс, говоря: «Три пальца, понимаете, три пальца должны проходить, но не больше... Можете идти!»

Но тут я замечаю, что три офицера, стоявшие под средней лампочкой на перроне и наблюдавшие всю эту сцену, не только смеются, но просто расхохотались. Я не выдерживаю, марширую к ним, рука под козырек: «Господа офицеры! В то время как я делал дисциплинарные замечания вольноопределяющемуся, вы изволили, глядя в мою сторону, смеяться. Разрешите узнать, относился ли ваш смех ко мне или к моим действиям?»

Все они также подносят руки к папахам, а потом старший из них, полковник, дружеским жестом опускает мою руку и говорит мне: «Да вы, голубчик, не волнуйтесь! Дело в том, что это не вольноопределяющийся, а вольноопределяющаяся — Нюсенька, которая у нас на телеграфе служит. Глядя на ваши энергичные действия, капитан и задал вопрос: предусмотрели воинский устав случай, когда военнослужащий упирается в грудь рукой и затягивает пояс?» Все смеются, и я тоже. Но чувствую, что нервное напряжение как бы прошло.

Возвращаюсь к орудиям. Медленно тянется время... Но вот около половины пятого в морозном воздухе издалека слышно, что идет какая-то маленькая часть, идет хорошо, отчетливо слышна «ножка». Выхожу на противоположную сторону перрона. Смотрю. «Отделение, стой! Стоять вольно! А где же командир взвода?» Я подхожу: «Командир взвода — я». Против меня вытягивается крепкий, среднего роста крепыш, на нем короткий бараний полушубок, солдатская папаха и никаких знаков отличия или его чина. Рапортует: «По приказанию полковника Кутепова номера в вверенный вам взвод в ваше распоряжение прибыли». Ухо мне подсказывает, что это не простой солдат. «С кем имею честь?» — «Капитан Семенов». Мы протягиваем друг другу руки, под распахнувшимся полушубком я замечаю на его груди на гимнастерке черно-оранжевую ленточку. Ого!

«Господин капитан, разрешите передать вам, как старшему в чине, командование взводом?»

«Ни в каком случае. По старым артиллерийским традициям, командиром взвода остаетесь вы, а если вам понадобится

совет, то я к вашим услугам». Говорится все это таким тоном, что мне возражать не приходится.

«Разрешите спросить, господин капитан? Приведенные вами люди артиллеристы?»

«Так точно. Полковник Кутепов приказал снять с фронта всех офицеров-артиллеристов и прислать в ваше распоряжение. Самым младшим является поручик Эддис».

Выходит самый младший — старше меня.

«Господин капитан, ввиду того что вы знаете людей, я просил бы вас распределить номера!»

«Слушаюсь! Штабс-капитан такой-то — наводчиком первого орудия, штабс-капитан такой-то — наводчиком второго орудия...» и т. д. Распределение идет очень быстро, и мы идем на разгрузку. Пушки сгружаются очень быстро, подталкиваем вагоны с лошадьми к разгрузочной площадке, скоро выведены и они, вообще работа кипит, каждый работает изо всех своих сил. Поднимаемся несколько на бугор к поселку, и капитан указывает место для пушек в улице. Перед нами большая площадь, а потом эта улица продолжается и выходит прямо к фронту. Телефонисты тянут проволоку через площадь и дальше на окраину села, и, конечно, само собой получается, что Семенов идет на наблюдательный пункт, а я остаюсь при взводе.

Это первые числа февраля — рассвет поздний, и к нему у нас все готово. С рассветом Семенов пристреливается по цепям красных, но общая тенденция — снаряды беречь. Часов около девяти прибегает ординарец и передает приказание: всем командирам частей прибыть на станцию для встречи генерала Корнилова. Звоню Семенову и получаю ответ: «Конечно, вам надлежит отправиться на станцию». Прихожу туда к одиннадцати, полковник Кутепов выстраивает нас, человек двадцать, в почетный караул для встречи генерала Корнилова. Подходит паровоз с одним вагоном. Вышедший из него генерал Корнилов здоровается с нами. Держит речь.

«Мне нужно три для эвакуации Ростова. Сможете ли вы их мне дать?»

«Так точно, — отвечает Кутепов, — со своих позиций мы три дня не отойдем, а за три дня через нас они не пройдут...»

Корнилов смотрит на нас, подходит к Кутепову, пожимает ему руку: «В лице вашего командира благодарю вас всех...» И, отдав нам честь, входит в вагон и уезжает. Кутепов круто поворачивается к нам: «Господа! Вы слышали? Передайте все по своим частям!» Возвращаюсь в свой взвод, рассказывая о том, что слышал.

Наконец теперь имею время, чтобы узнать, что за часть защищает Матвеев Курган и вообще общую обстановку. Мне говорят:

«Здесь костяк будущего пехотного полка. Он поделен на роты, количество людей в ротах от 16 до 30 человек. Состав почти сплошь офицерский. Наш левый фланг охраняет наш «бронепоезд» — это простая железнодорожная платформа, обшитая двумя рядами досок, промежутки между которыми засыпан железнодорожным шлаком, по бокам и впереди сделаны прорезы для пулеметов, а паровоз водит инженер путей сообщений. Прямо перед нами лежат наши цепи, а правый фланг охраняет маленький конный партизанский отряд «Белого дьявола» — сотника Грекова.

Впереди была слышна только редкая перестрелка — Семенов берег снаряды. Я полез на крышу, чтобы осмотреться. Налево была большая долина и только верстах в пяти начались бугры. Впереди с левой стороны между крышами домов виден железнодорожный путь, поперек которого видно на снегу нашу довольно редкую цепь, а за ней цепь красных. Прямо вперед видимость закрывалась крышами домов, и только в одном месте, в улицу, тоже были видны цепи. Направо по поднимающемуся склону были расположены дома, и видности не было. «Смотрите, наш бронепоезд пошел в бой», — сказал сидящий со мной на крыше наблюдатель. Действительно, паровоз, толкая впереди себя платформу, двигался вперед. Большевики бросились от полотна железной дороги, а платформа остановилась там, где они только что лежали, и открыла огонь из пулеметов вправо и влево, во фланг цепи. Через некоторое время платформа вернулась, у нас там потерь не было.

День проходил спокойно, и в разговоре я упомянул о моем довольно щекотливом поступке с вольноопределяющейся Нью-

сенькой. «А знаете, у нас в цепи тоже лежит женщина — баронесса Бодэ, — сообщил мне мой собеседник. — История ее такова: на их имение, где жили отец, мать и две взрослые дочери, напала банда. Отца с матерью привязали к креслам, а дочерей начали насиловать на глазах у родителей. Разграбив имение, отца, мать и одну из дочерей добились, а другую бросили, считая ее мертвой. После ухода банды вернулась перепуганная прислуга, убитых похоронили, а недобитую забрала к себе на отдаленный хутор преданная ей горничная и там ее выходила. Поправившись, баронесса, узнав, что на Дону еще нет большевиков, переодевшись в платье крестьянки, добралась туда, когда там только начала формироваться Добровольческая армия. Явилась в штаб и, рассказав обо всем, заявила: «Жить я больше не могу — нечем. Покончить с собой не позволяет мне моя вера, а хочу, чтобы меня убили. Прошу зачислить меня в ряды, но не сестрой милосердия, так как вот этого милосердия у меня совершенно нет, а рядовым бойцом». Начальство подумало, поговорило и, хотя это было связано с некоторыми неудобствами, зачислило ее в часть. Вот на днях, когда наша цепь перебежками наступала на станцию Ряженое, команда «Цепь, ложись...», а она, не слушая, не останавливается и бежит вперед. Пришлось ей пригрозить, что если не будет слушать команду, то ее отчислят от части».

На следующий день откуда-то справа начала бить гранатами по нас батарея красных, которой до сих пор у них не было. Она обстреливала наши цепи, поселок и почему-то пристрелялась к площади впереди нас, и когда ее перебежал какой-то ординарец, то получалось впечатление, что она обстреливает одного человека. Он перебежал ее благополучно, но наш телефонный провод был перебит. Два телефониста были у Семёнова и один на взводе. Последний сейчас же вскочил и побежал по проводу, но не добежал и до середины площади, как разорвалась граната, и он, схватившись за плечо, забежал за дома. Мелькнула мысль: на взводе сейчас точный расчет номеров, и свободных людей нет, а что, собственно говоря, я? — Фиктивный командир взвода, ну я и должен заменить телефониста и исправить провод. Через секунду я уже бежал вдоль провода, нашел разрыв, связал и уже направился обратно, как

близко разорвавшейся гранатой меня кинуло на землю. До взвода я добрался благополучно.

На второй день вечером нам сообщили, что в нашем тылу станции Неклиновка и Ряженое заняты неожиданным налетом красных и что фактически мы окружены. На следующий день мы определили, что цепи красных за ночь очень пополнились и теперь достигли невероятной густоты. Началась уже не перестрелка, а бой, Семенов уже не жалел снарядов, но приблизительно через час выяснилось, что наши цепи отходят — слишком явно колоссальное неравенство сил. Вот красные уже входят в мертвое пространство, и мы уже не можем поддерживать нашу пехоту. Семенов с телефонистами приходит на взвод, красные пулеметы так по ним пристрелялись, что они ели унесли ноги. Уже видны наши цепи на окраине села, входящие в улицы. Обращаюсь к Семенову: «Разрешите спросить вашего совета, как нужно поступать в данном случае?»

«А что же, приказа отступить не было, когда наши пройдут, мы встретим красных картечью, а потом... — Он вынимает из кобуры револьвер и, осмотрев его, добавляет: — Последнюю рекомендуется оставить себе...»

Но что это? В нашей цепи впереди слышен взрыв смеха, смеются по крайней мере человек пятнадцать. Смеяться в это время? Мы с удивлением переглядываемся. В следующий момент слышно: «Ура! Ура!..» Наш наблюдатель с крыши кричит: «Красные бегут, наши их преследуют!» Семенов бежит на наблюдательный пункт и минут через десять мы снова открываем стрельбу по бегущим красным. Положение полностью восстановлено, даже перестрелки почти нет. Как ни странно, но так сложились обстоятельства, что ни в этот день, ни в следующие я ни с кем не говорил о причине смеха и вообще перелома на фронте. Лишь много позже, уже после возвращения из Ледяного похода, мне удалось встретить одного офицера, который хотя и не участвовал в бою под Матвеевым Курганом, но знал капитана Семенова, поручика Эддиса и еще нескольких офицеров — участников этого боя. От них он слышал, что виновницей смеха и изменения общего положения была баронесса Бодэ. При отходе она была легко ранена в кисть руки и, завалившись в какую-то ямку, решила руку пе-

ревязать, а когда окончила перевязку и поднялась, то увидела, что наша редкая цепь уже отошла, ее не заметив и оставив одну. Тогда, поднявшись, она выразила свое мнение об отступающей офицерской цепи в таких выражениях, что все услышавшие ее расхохотались, а полковник, командовавший этим отрезком цепи, с возгласом: «После того как женщина нас так обозвала — жить нельзя. Вперед, за мной — ура!» И все, еще со смехом, бросились вперед, а следуя их примеру, поднялась и пошла вперед и вся цепь. Большевики, совершенно этого не ожидавшие, бросились бежать, даже не стреляя. Смех в цепи я слышал сам, а причину его передаю, как мне рассказывали, но считаю это вполне возможным.

В этот же день или на следующий, точно не помню, под вечер пришел приказ отходить. Есть картинки, которые так запоминаются на всю жизнь, что, несмотря на много прошедших лет, их можно вытянуть из памяти, как цветную фотографию, и посмотреть. Так вот вижу, как из боковой улицы вылетают наши передки, впереди них взрыв гранаты, и среди дыма вижу этакого дракона: две оскаленные лошадиные морды взвившихся на дыбы лошадей и среди них совершенно белое каменное лицо поручика Эддиса. К счастью, все обошлось благополучно. Вот мы выходим из поселка. Сразу против нас по дороге верстах в двух хуторок, откуда строчит стоящий на открытой позиции пулемет по нашей жидкой наступающей цепи. Справа через долину, с бугров бьет батарея красных, тоже стоящая на открытой позиции во фланг нашей цепи. Наши штабс-капитаны, наводчики, нагибаются около своих орудий, и третья граната наша рвется между орудий красных и видны человечки, разбегающиеся по снегу во все стороны, на том месте, где стоял пулемет, виден столб дыма разрыва гранаты.

Мимо нас на коне проскакивает полковник Кутепов: «Никого не сажать на передки! Артиллеристы, помните — орудия ваше знамя. Орудия завязнут — и вы с ними останетесь...» На полдороге к хуторку на обочине дороги сидят двое: у одного только что перевязана голова и шея и на бинте видна кровь, у другого бессильная рука засунута за борт полушубка, и он ее поддерживает другой рукой. Я знаю, что за нами нет

ни одной подводой. Кошусь на Семенова, но он старательно рассматривает нашу цепь, входящую в хуторок. Кричу: «Подсадить на передок, номерам поддерживать в случае надобности!» Пусть буду я отвечать за неисполнение приказа.

Проходим хуторок, уже ночь, а мы все идем и идем, кажется, уже очень давно, ноги скользят по снегу, все сильнее сказывается усталость. Но вот остановка. Прохожу вперед, вижу, что дорога уперлась в речку, она небольшая, даже в темноте виден противоположный берег. Там, где дорога ныряет в речку, — синеватый ледок, справа и слева лед покрыт снегом, значит, здесь кто-то проезжал и переезд замерз не так давно. «Нужно пробить лед на переезде, иначе лошади порежут себе ноги, и нам конец». Я оглядываюсь, но номеров не видно, надо полагать — отстали. «Мы должны показывать пример, — говорит Семенов, — берите кирку и давайте пробьем лед». Берем по кирке, и я иду с правой стороны по заснеженному льду, рассчитывая, что там он должен быть толще, так как разбиваемый нами лед всего в два пальца толщиной. Мы прошли уже три четверти речки, когда произошло нечто неожиданное: по-видимому, от одновременного удара кирками лед лопнул, и мы оказались оба в воде почти что по пояс. «Ну что ж, — говорит Семенов, — теперь уж все равно, пойдем дальше». Через несколько шагов мы вышли на берег. «Трогай, но только осторожно». И орудия благополучно переходят через речку. Снять сапоги, чтобы вылить воду, — нельзя, потому что их потом не наденешь, ну, значит, надо идти так. Идем дальше, ноги постепенно теряют чувствительность, но раз они идут, значит, они есть.

Наконец впереди что-то показывается — это армянское селение Самбек. Мы с Семеновым входим в один дом, там большая русская печь уже топится, одной стороной она выходит на кухню, другой в комнату, там нам стелят полость, дают чем-то покрыться, и мы начинаем раздеваться, чтобы дать нашу одежду хозяевам просушить. Входит доброволец в коротком полушубке, правый рукав которого разорван около плеча, и тяжело опускается на стул. «Быть может, сможете меня перевязать?» К нему подходят двое: «Давайте снимем полушубок». — «Да нет, разрежьте рукав». — «Другого може-

те не получить...» — «Все равно режьте». Разрезают рукав, и я вижу кровавый комок, где смешались обрывки гимнастерки, рубашки и шерсти полушубка.

«Когда вы ранены?» — «Вчера, при наступлении на хуторок, осколком гранаты». — «И всю ночь шли?» — «Шел...»

Этому бедняге пришлось значительно хуже, чем нам, так что нам жаловаться нечего.

Чем-то укрываюсь и засыпаю моментально. Последнее, что слышу: «Четыре часа отдыха — и двигаемся дальше». Кажется, только что заснул, а уже будят, через полчаса выступать. Мы одеваемся в нашу высушенную одежду, но я с удивлением смотрю на полы моей длинной кавалерийской шинели из верблюжьего сукна — они все в дырах. Кто-то мне объясняет: в речке шинель ваша намочка, потом обледенела, при ходьбе лед ломался вместе с сукном. Хозяева приносят нам в глиняных мисках горячего борща, начинаю глотать его и с каждым глотком чувствую, как вливается какой-то жизненный эликсир, силы восстанавливаются, и я готов хоть снова начать вчерашний ночной переход. Выходим из Самбека, идти днем и по хорошей дороге — это удовольствие по сравнению со вчерашним.

«А чем же объяснить, — спрашиваю я, — что нас, кажется, красные и не преследовали?»

Лица моих спутников нахмуриваются. «Наша гвардейская рота добровольно предложила прикрыть наше отступление, и вот видите, ни одного из них здесь нет...»

Начинаем вспоминать знакомых из этой роты и приходим к общему выводу, что ни один из них не отступит и ни один не сдастся живым в руки большевикам и, значит, Гвардейская рота перестала существовать. По возвращении из Ледяного похода были опрошены жители Матвеева Кургана, показавшие, что гвардейцы дрались до последнего и никого из них в живых не осталось.

Подходим к станции Морская, и уже на окраине ее меня встречает мой командир взвода есаул Каменев, он сильно взволнован. «О вас я уже все знаю — можете не докладывать. Вот вам пакет, который я приготовил, его нужно как можно скорее доставить в штаб Войска Донского». Наскоро

прощаюсь со «своим взводом» и иду на станцию. Совсем не сразу в каком-то составе удастся добраться до Ростова. Обращаюсь к коменданту станции (его буквально разрывают на куски) с вопросом, как можно добраться до Новочеркасска. «Железнодорожная связь прервана уже два дня. В станице Аксайской и дальше местные большевики, и одному вам там не пробраться, единственная возможность по левой стороне Дона, через Батайск, Ольгинскую, Старочеркасск». В Батайск попадаю только поздней ночью. Очень скоро выясняю, что найти здесь подводу совершенно невозможно — Батайск забит обозами и беженцами из Ростова. А пакет должен быть доставлен обязательно, и я решаю идти пешком. Расспросив про дорогу, иду. Влажный, еще неукатанный снег, напоминающий кашу, ноги в нем разъезжаются, в темноте спотыкаюсь, падаю, но все же иду. Сколько тут верст — не знаю, но добираюсь до Ольгинской, когда уже светло. С трудом разыскиваю атамана станицы, он тоже, наверно, не спал и доведен до точки. «Все подводы реквизированы Добровольческой армией, и я ничего не могу сделать...» На мои энергичные протесты он лишь разводит руками: «Ну хоть убейте!» Решаю искать сам и забегая во дворы, где всюду встречаю добровольцев. Случайно попадаю на околицу станицы в сторону Аксайской и ясно вспоминаю увиденную картину: ясный солнечный день, со стороны Аксайской подходит вольно какая-то воинская часть, ведет ее офицер с черной бородкой. Вдруг часть подтягивается и доносится команда: «Равнение направо!» Оказавшиеся рядом два добровольца говорят: «Смотри, сам Корнилов встречает...» Действительно, у забора крайнего дома стоит группа людей, человек пять-шесть, и мне кажется, что среди них я узнаю Корнилова.

Почти силой захватываю подводу и добираюсь до Старочеркасска. Там удастся тоже получить подводу, но из-за очень плохой дороги только в 11 часов ночи я смог явиться в штаб. Встречает меня дежурный адъютант штаба войсковой старшина Жилин, которому я и вручаю пакет. «Корнилов оставляет Ростов — это мы уже знаем. Вы контужены? Ну а как вы сюда добрались?» Я рассказываю. «Ну вот что, мы еще по крайней мере дней пять будем в Новочеркасске, поэтому

идите отдыхать, а через три дня явитесь в штаб, где и получите назначение».

Около 12 ночи добираюсь домой и долго звоню, пока, наконец, слышу шаги отца: «Кто там?» — «Это я, папа, открой...» С какой-то задержкой дверь приоткрывается на цепочку, и отец старается меня разглядеть. «Открой, папа, я очень устал...» Дверь открывается, и отец как-то странно схватывает меня за руку выше локтя. Прохожу в столовую, прошу что-нибудь поесть. Последний раз я спал и ел еще в Самбеке. С жадностью ем, глотая кусками.

«Три дня тому назад мне в штабе сообщили, что ваш отряд был окружен и все перебиты до последнего человека, — говорит отец. — Два дня тому назад мне это категорически подтвердили, и завтра я хотел заказать о тебе панихиду...» Слова плохо доходят до моего сознания, кажется, что я их не понимаю. С трудом добираюсь до своей комнаты и, скинув с себя все, забираюсь в кровать под одеяло.

Просыпаюсь часов в двенадцать дня и опять начинаю «питаться», мирно беседуя с отцом. «Ты помнишь, что ты ответил, когда я сказал, что хотел по тебе отслужить панихиду?» — спрашивает он. «Не помню, кажется, ничего не ответил». — «Нет, ты с самым серьезным видом махнул рукой и сказал — сейчас не надо!..» Привожу себя в порядок, рано ужинаю и снова ложусь спать. Просыпаюсь около 8, натягиваю штатские брюки, надеваю туфли без задков и в рубашке, благо в комнате было тепло, сажусь с отцом пить чай. Значит, у меня сегодня целый день, завтра тоже, и только послезавтра нужно явиться в штаб. Мы мирно беседуем, но вдруг раздается продолжительный звонок, переходящий потом прямо в какой-то трезвон. Говорю: «Подожди, папа, я покажу этому нахалу, как звонят!» Открываю дверь с намерением на кого-то обрушиться. Перед дверью мой приятель студент.

«Да ты что, хочешь в лапы красных попасть? Наши все уже оставили Новочеркасск, и я, совершенно случайно узнав, что ты дома, забежал за тобой, рискуя что мы оба не сможем выбраться... Казаки Голубова уже заняли станцию...»

В одну минуту на мне все походное, хватаю отцовскую охотничью тужурку вместо моей кавалерийской шинели с

продранными полами, прощаюсь с отцом. Бежим по Барочной улице, чтобы выйти к дороге на Старочеркасск. Из подворотен выглядывают подозрительные типы. Вот тебе и пять дней, которые мы обязательно пробудем в Новочеркасске, как сказали мне в штабе... Спускаемся к реке и видим на противоположной стороне какой-то конный отряд. Перебежав реку по льду, подхожу к нему и прихожу в изумление: здесь студент, с которым я сидел на одной парте, будучи еще в реальном училище, здесь наш преподаватель В.А. Греков, знакомый сотник.

«Ты откуда?» — спрашивают меня. «Откуда я — это после, а что, собственно говоря, вы из себя представляете?»

Вижу странные погоны, трехцветный русский флаг, на нем буквы «О.Н.».

«Мы — Партизанский отряд есаула Назарова».

«А где есаул?» — «Да вон стоит». Подбегаю: «Господин есаул, разрешите вступить в ваш отряд?»

«Да вы, собственно говоря, кто такой?» Я совершенно забыл, что я в отцовской тужурке. Являюсь как полагается.

«Ага, артиллерист. В пулеметную команду, явитесь сотнику Житкову. Коня вам дать сейчас не могу, получите в Старочеркасске, а до него как-нибудь доберетесь. Но помните, что мы последние...»

Добираюсь до Старочеркаска, временами держась за стремя коня, — так начался для меня Степной поход!

Есть кто-либо в живых из бойцов, участвовавших в боях на Матвеевом Кургане? Отзовитесь.

А.Д.В.⁷

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ⁸

1917 год. Турецкий фронт... Мой полк был правофланговым всей Российской Армии, а моя рота была началом фронта у Черного моря.

В декабре месяце я был срочно вызван в штаб полка, где мне было сказано:

— Завтра в семь часов отходит транспорт в Новороссийск, и вы должны уехать в «семидневный отпуск», иначе могут быть для вас результаты плачевные.

Мой отъезд прошел благополучно. Транспорт был забит отпускными ордерами и солдатами 123-й пехотной дивизии. Утром я высадился в Новороссийске и устроился в товарном вагоне — поезд следовал через Екатеринодар, Ростов. В вагоне я встретил подпрапорщика и двух унтер-офицеров дивизионной учебной команды, коей командовал мой брат, так что я почувствовал себя спокойным. Поезд прошел от Новороссийска до Ростова без препятствий, разве что был остановлен в чистом поле в нескольких верстах от Ростова двумя сотнями донцов для проверки и реквизиции оружия, после чего мы прибыли на станцию Ростов.

Был вечер, мои унтер-офицеры вынесли мой багаж, нагрузили на извозчика, и мы дружески расцеловались, пожелав «счастья» в жизни... В Ростове обосновались мои родители, к ним-то я и держал путь... Я уже знал о ситуации в городе и в Донской области, и на следующий день я посетил моего однополчанина Алекс. Ликушина, коренного ростовца, и мы решили записаться в отряд полковника Симановского, который сформировался в Госпитальном городке на окраине Ростова. Нас встретил сам полковник Симановский и его помощник, Георгиевский кавалер штабс-капитан князь Чичуа⁹, они обрадовались нашему приходу. Полковник Симановский смеясь сказал: «Вот еще двое...» — и познакомил нас с фельдфебелем роты штабс-капитаном Садовень¹⁰, который, указывая на койки, прибавил: «Размещайтесь, господа». Так началась моя служба... Родине!

Первое, что бросалось в глаза в Ростове, — это масса офицерства, повсюду в городе, в театрах, синема, на балах и особенно на тротуарах... Веселился наш брат офицер... и никто не собирался внять призыву генералов Алексеева и Корнилова. Через два дня пребывания в казарме нас троих офицеров с винтовками послали в здание градоначальства на Таганрогском проспекте в караул. Происходила регистрация находящихся в Ростове и окрестностях господ офицеров. Пришла такая масса, что пришлось разделить регистрацию по буквам,

и вот тут-то я увидел отношение офицеров к нам, добровольцам. Мы наводили порядок, наши золотые погоны и винтовки на ремне вызывали смех и улыбки. Всем выдавали анкеты: чин, полк и фамилия, и главный вопрос: «Поступаете ли в Добровольческую армию?» Если нет, то предлагалось покинуть пределы Донской области. Результаты были плачевны, так как никто в армию не вступал, и впоследствии выяснилось, что около 17 тысяч офицеров прошли этот контроль! Вот тут и сказались солидарность и патриотические чувства российского офицерства... Спрашивается, какой был бы результат, если бы хотя половина зарегистрированных последовала за Корниловым в поход?

Ведь нас было приблизительно 6 рот боевого состава, остальное обоз! Генерал Марков, обращаясь к офицерам, говорил: «Господа, вы меня знаете, я был начальником штаба фронта, водил массы войск в бой, а ныне я горжусь и счастлив командовать кучкой честных и храбрых офицеров».

Да, ни в Ростове, ни в Екатеринодаре русский офицер не выполнил своего долга перед Родиной!. Несмотря на унижения, на оскорбления, на дикую расправу со своим братом офицером, офицерство было инертно. Что за причина? Почему? Ведь генерал Дроздовский с трудом собрал четыре тысячи офицеров из всего Румынского фронта, несмотря на более выгодную обстановку для формирования. Генерал Туркул часто говорил о начале нашей борьбы, что, по спискам Генерального штаба на 1917 год, было около 460 тысяч офицеров, и если бы из этой цифры 5 или 10 процентов пришло на призыв своего главнокомандующего генерала Алексеева, то наверное результат был бы в нашу пользу. Значит, такова судьба России!

Итак, отряд полковника Симановского дальше одной роты в 53 человека (вернее — одного взвода военного времени) не увеличился и начал свою боевую службу. Нас направили охранять Ростовский вокзал, мы патрулировали вокруг и внутри вокзала, который кишел публикой. Было произведено несколько арестов подозрительных лиц. На следующий день вечером часов в 7 рота с песнями возвращалась в казармы; нам было приказано не реагировать на выпады гуляющей публики на Садовой улице (главная улица Ростова).

В тот момент, когда мы проходили около сада «Клуба Приказчиков» полковник Симановский, обернувшись, сказал: «На лево стоит генерал Корнилов», и мы без всякой команды дали ногу и повернули головы. Генерал Корнилов снял папаху и нас благословил... Пройдя молча шагов десять, мы, не стовариваясь, запели: «Так за Корнилова, за Родину, за Веру — мы грянем русское ура!!!»

Поздно вечером приказано приготовиться к выступлению, и утром, погрузившись в вагон, прибыли на станцию Хопры. Часов в 11 дня мы увидели движущуюся на горизонте кавалерию, она шла шагом поэскадронно, держа строго интервалы. Полковник Симановский построил роту — и скомандовал: «По кавалерии прицел... рота пли!» Выстрелили мы как один, но на кавалерию это не произвело никакого впечатления, и второй залп дал те же результаты, но все же эскадроны пошли чуть живее, быстрее... наверное, думая — а вдруг попадут! Полковник Симановский, видно, расстроился, так как вышел перед строем и сказал: «Разойдись по вагонам». Все почему-то пришли в радостное настроение от нашей стрельбы... Разговоров и смеху — хоть отбавляй... Да, мы все были молоды и веселы! После того как мы простояли на станции целый день и не видели больше на горизонте кавалерии, нас послали в село Большой Чалтырь — большое армянское село. Поместили нас почему-то в одном доме в отдельную комнату, а всего нас было 60 человек, так как пришли к нам несколько офицеров-артиллеристов. Как мы там улеглись, одному Богу известно. Наверное, ни один знаменитый геометр не смог бы отмерить площадь на одного человека, но... так было, ибо мы были молоды... На дворе был солидный мороз и шел снег, а в нашей комнате был пар от дыхания и, главное, веселое настроение. Смех был непрерывный от «соленых» анекдотов, и, как помню, в этот день отличился один артиллерист-офицер.

В эти два дня нашего пребывания вне Ростова полковник Симановский проявлял какую-то необъяснимую нервозность — он писал в штаб и посылал своего адъютанта с просьбой нас сменить и т. д. Из штаба он получал ответ, что сменить нас некем и мы должны стоять на месте. Он все же не ис-

полнял приказания, и вечером около 6 часов мы выступили из Чалтыря на станцию Хопры — расстояние около 5 верст. Был сильный мороз, и поднялась метель с ветром, ничего не было видно, и примерно через минут двадцать мы сбились с пути. Тут-то и начался «поход». Все стали кричать, полковник Симановский ползал по земле, ища телефонный провод, соединивший деревню со станцией. Бывший в нашей роте полковник Мухин сел на землю и кричал: «Господа офицеры, я замерзаю, спасите!» Полковник Мухин, будучи в 1-м походе командиром 2-го батальона Корниловского ударного полка, пал смертью храбрых в боях под Филипповскими хуторами. На наше счастье, на нас натолкнулся отряд в десять коней полковника Гершельмана, который еще раз подтвердил приказание штаба стоять на месте в Чалтыре и ждать приказа, и мы с похода вернулись в свою теплую халупу. Результатом «поступка» полковника Симановского было то, что мы отморозили себе особенно уши и носы; я отморозил уши, несмотря на теплую папаху.

Конечно, было смешно видеть раздувшиеся носы и уши. Пострадал особенно поручик Лихушин, у него уши приняли такие невиданные размеры, что нельзя было предполагать, что природа может подобное «изобразить». Такую форму ушей можно было видеть разве лишь в паноптикуме!..

Утром 9 февраля мы вернулись в Ростов и вечером ушли в поход!

Наша рота была в арьергарде армии до станицы Аксайской. Перейдя через реку Дон в станицу Ольгинскую, где была произведена реорганизация армии, рота влилась в Корниловский ударный полк и стала 2-й ротой. Судьба же полковника Симановского была решена: он не получил никакой должности и оставался в обозе. После окончания похода полковник Симановский уехал в свой родной город Полтаву, где был убит на улице во время какого-то выступления солдат местного гарнизона. Так погиб этот храбрый офицер. Полковник Симановский участвовал в Русско-японской войне солдатом, а во время 1-й войны 1914 года был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

Яркие, морозные дни. Деревья улиц — белы от инея. На голубом небе блещут золотом купола Новочеркасского собора.

В городе — оживление; плавно несутся военные автомобили, шурша по снегу; крупной рысью пролетают верховые казаки; скользят извозчичьи сани, звеня бубенчиками; поблескивая штыками, проходят небольшие части офицеров и юнкеров.

На тротуаре трудно разойтись; мелькают красные лампасы, генеральские погоны, разноцветные кавалеристы, белые платки сестер милосердия, громадные папахи текинцев.

По улицам расклеены воззвания, зовущие в «Добровольческую армию», в «партизанский отряд есаула Чернецова», «войск. старш. Семилетова», в «отряд Белого дьявола — сотника Грекова».

Казачья столица напоминает военный лагерь. Преобладает молодежь — военные.

Все эти люди — пришлые с севера. Среди потока интеллигентных лиц, хороших костюмов иногда попадаются солдаты в шинелях нараспашку, без пояса, с озлобленными лицами. Они идут не сторонясь, бросая злобные взгляды на офицерские погоны. Если б это было в Великороссии — они сорвали бы их, но здесь иное настроение, иная сила...

В воскресное утро идем в собор, к обедне. Великолепный храм полон молящимися; в середине, ближе к алтарю, — группа военных, между ними генерал Алексеев, худой, среднего роста, с простым, типично военным лицом.

На паперти встречаю кадета-выборжца Н.Ф. Езерского. С первых же слов Н.Ф. горячо говорит о генерале Корнилове и Добровольческой армии, верит, что Корнилов объединит вокруг себя людей разных направлений и создаст здоровую национальную силу. Он говорит о тяжелой борьбе окраин с центром и верит, что первым удастся победить и снова сплотить возрожденную Россию...

* * *

Через два дня мой командир полковник С.¹¹ приехал, и мы идем записываться в бюро Добровольческой армии.

Подошли к дому. У дверей — офицер с винтовкой. Доложил караульному начальнику, и нас провели наверх.

В маленькой комнате прапорщик-мужчина и прапорщик-женщина записывали и отбирали документы; подпоручик опрашивал.

«Кто вас может рекомендовать?»

«Подполковник Колчинский»¹², — называю я близкого родственника генерала Корнилова.

Подпоручик делает мину, пожимает плечами и цедит сквозь зубы: «Видите, он, собственно, у нас в организации не состоит...»

Я удивлен. Ничего не понимаю. Только после объясняет мне подполковник Колчинский: офицеры бюро записи — ставленники Алексеева, а он — корниловец; между этими течениями идет скрытый раздор и тайная борьба.

Мы записались. Знакомимся с заведующим бюро и общежитием гвардии полковником Хованским. Низкого роста, вылощенный, самодовольно-брезгливого вида полковник Хованский говорит, «аристократически» растягивая слова и любуясь собой: «Поступая в нашу (здесь он делает ударение) армию, вы должны прежде всего помнить, что это не какая-нибудь рабоче-крестьянская армия, а офицерская». После знакомства разместились в общежитии. Меня поражает крайняя малочисленность добровольцев. Новочеркасск полон военными разных форм и родов оружия, а здесь, в строю армии, — горсточка молодых, самых армейских офицеров.

* * *

С каждым днем в Новочеркасске настроение становится тревожнее. Среди казаков усиливается разложение. Ожидается выступление большевиков. Каледин по-прежнему нерешителен. Войсковой Круг теряется...

Штаб Добровольческой армии решает перенестись в Ростов. Верхом, со своими адъютантами, переехал туда Корнилов.

В этот же день переехал полковник С. и мы, первые офицеры его отряда. В Ростове штаб армии — во дворце Парамонова. Около красивого здания — офицерский караул. У дверей часовые.

Стильный, с колоннами зал полон офицерами в блестящих формах. Среди них плотная, медленная фигура Деникина. В штатском, хорошо сшитом костюме он больше похож на лидера буржуазной партии, чем на боевого генерала. Из угла в угол быстро бегают нервный, худой Марков. Появляется начальник штаба — молодой, надменный генерал Романовский, хитрый Лукомский с лицом городничего, старик Эльснер; из штатских — член I Думы Аладьин, в форме английского офицера, сотрудник «Русского слова» — маленький, горбатый Лембич, живой худенький брюнет, матрос Баткин, Борис и Алексей Суворины...

Но и с перенесением штаба в Ростов общая тревога за прочность положения не уменьшается. Каждый день несет тяжелые вести. Казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевизму и неприязненно относятся к добровольцам. Часть из еще нерасформированных войск перешла к большевикам, другие разошлись по станицам. Притока людей из России в армию — нет. Командующий объявил мобилизацию офицеров Ростова, но в армию поступают немногие — большинство же умело уклоняется.

* * *

В это время в сто человек сформировался отряд полковника С., и через несколько дней мы несем первую службу — занимаем караул на станции Ростов.

Настроение в городе тревожное. Вокзал набит народом. То там, то сям собираются кучки, говорят и озлобленно смотрят на караульных.

Офицеры караула арестовали подозрительных: громадного роста человека с сумрачным лицом «партийного работника», пьяного маленького лакея из ресторана, человека с аксельбантами и полковничьими погонами, офицера-армянина и др.

Пьяный лакей, собрав на вокзале народ, кричал: «Афицара, юнкarya — это самые буржуи, с кем они воюют? с нашим же братом — бедным человеком! Но придет время — с ними тоже расправятся, их тоже вешать будут!»

Ночь он проспал в караульном помещении. «Отпустите его, только сделайте внушение, какое следует», — говорит утром полковник С. поручику З.

Мимо меня идут З. и лакей. З. делает мне знак: войти в комнату. Вхожу. Они за мной. З. запирает дверь, вплотную подошел к лакею и неестественным, хриплым голосом спрашивает: «Ну, что же, офицеров вешать надо? да?» — «Что вы, ваше благородье, — подобострастно засксюкал лакей, — известно дело — спьяна сболтнул». — «Сболтнул!.. твою мать!» — кричит З., размахивается и сильно кулаком ударяет лакея в лицо раз, еще и еще... Лакей шатнулся, закрыл лицо руками, протяжно завыл. З. распахнул дверь и вышвырнул его вон.

«Что вы делаете? И за что вы его?» — рванулся я к З.

«А, за что? За то, что у меня до сих пор рубцы на спине не зажили... Вот за что», — прохрипел З. и вышел из комнаты.

Я узнал, что на фронте солдаты избили З. до полусмерти пашками.

Человека с полковничьими погонами и странно привешенными аксельбантами допрашивает полковник С. «Кто вы такой?» — «Я — полковник Заклинский», — нетвердо отвечает опрашиваемый и стоит по-солдатски вытянувшись. «Где вы служили?» — «В штабе Северного фронта». — «Вы Генерального штаба?» — «Да». — «А почему у вас погон золотой и с синим просветом?» — «Я кончил пулеметную школу», — выпаливает он. «Так, — тянет полковник, — а почему вы носите аксельбанты так, как их никогда никто не носил?» Заклинский молчит. «Ракло ты! а не полковник! Обыскать его!» — звонко кричит полковник С.

Заклинский вздрагивает, бледнеет и сам начинает вытаскивать из карманов бумаги. Его обыскивают: бумаги на полковника, поручика и унтер-офицера. «К коменданту», — отрезает полковник С.

На вокзале офицер-армянин просил часового продать ему патроны. Часовому показалось это подозрительным, он арестовал его. При допросе офицер теряется, путается, говорит, что он «просто хотел иметь патроны».

Полковник С. приказывает его отпустить. Офицер спускается с лестницы. Кругом стоят офицеры караула. Вдруг поручик З. сильно ударяет его в спину. Офицер спотыкается, упал, с него слетели шпоры и покатались, звеня, по лестнице...

Многие возмутились, напали. «Что это за безобразие! Одного вы бьете, другого с лестницы спускаете!», «Что у нас, застенок, что ли!», «Да он и не виноват ни в чем», «Это черт знает что такое!». З. молчит.

Сменяться. Все налицо, кроме подпоручика Крупенина. Вчера вечером, после караула он пошел на Темерник, сейчас уже вечер, а его нет.

Сменились, выстроились. Колонной по отделениям, четко отбивая шаг по звонкой мостовой, идем по залитому огнями вечернему городу. Тенора бравурно, отрывисто запевают:

Там, где волны Аракса шумят,
Там посты дружно в ряд
По дорожке стоят.

И гулко подхватывают все:

Сторонись ты, дорожкой той
Пеший, конный не пройдет живой!

На тротуарах останавливаются прохожие, извозчики сворачивают с дороги...

Утром, недалеко от вокзала, на путях нашли труп подпоручика Крупенина; он лежал ничком с раздробленным черепом...

* * *

Полковник С. задумал взять Сулин обратно. Но так как силы были неравны, то план, рассчитанный всецело на недисциплинированность и паничность противника, строился немало фантастично.

Ночью храбрый офицер, Георгиевский кавалер, штабс-капитан князь Чичуа должен с десятью офицерами пробраться в тыл большевистских поездов, взорвать пути, обстрелять, короче — «произвести панику в тылу противника», а отряд по этому сигналу ударит в лоб и с флангов на станцию.

Была холодная ночь. Дул сильный, колючий ветер... Часть отряда пошла прямо по железной дороге, а другая с полковником С. поехала на поезде, влево, по частной ветке.

Подъехали к будке, слезли. Вдали сквозь метель заревом светит Сулин. Князь Чичуа с десятью офицерами быстро ушел вперед. Артиллеристы устанавливают два орудия наобум, по направлению вокзала. Вся пехота пошла, скрылась в черно-белой степи...

Ночь черна, ни звезды. Ветер поднял в степи метель, носит белыми столбами снег, не пускает вперед и протяжно воеет на штыках. Дорогу замело. Впереди проводник сбивается, разыскивает и ведет. Дошли до большого белого оврага, перелезли и остановились. По ветру доносился лай собак — это в Сулине. Теперь недалеко. Здесь будем ждать сигнала...

Метель не перестает. Ветер еще злее. Мерзнут руки, лицо, ноги. Каждый напряженно прислушивается: не будет ли сигнала — взрыва. Прошел час, прошел другой, а сигнала нет. Хоть бы скорее, думает каждый, пошли бы вперед, быстро согрелись бы. Ветер с воем налетает, засыпает снегом. Люди жмутся один к другому, ложатся на снег. Свертывается один, второй, третий...

На белом снегу — темно-серое пятно — это все, плотно прижавшись друг к другу, лежат в куче, и каждый старается залезть поглубже, согреться, спрятаться от ветра. Один полковник ходит около серого пятна, постукивает ногами и руками и, волнуясь, ждет сигнала...

Выстрел!.. один, другой...

Темная куча зашевелилась, люди выскакивают, и сразу как будто не холодно... Вот опять та-та-та, пачками. И тихо...

«Видно, заметили наших», — шепотом говорит кто-то.

«Перебили, может», — еще тише говорит другой.

Та! — отдельный выстрел, и все замерло.

Опять один за другим ложатся, прячась от холода, и опять полковник ходит около темного пятна, но теперь он больше волнуется. «Знаете, — тихо говорит он мне, — боюсь, не попались ли. Подстрелят кого-нибудь — не уйдет ведь по такому снегу».

Скоро рассвет. Надо идти, а князя нет. Люди подымаются. Идем в вагоны, торопимся: рассветет — заметят.

В степи показались какие-то фигуры. «Смотрите, люди, вон люди, — зашептали один, другой, — вон, вон, с винтовками». Каждый хватается за винтовку, снимает с плеча, по телу пробегают холодная дрожь.

«Может, наши — князь», — говорит кто-то.

Несколько человек идут вперед: «Кто идет?!» — «Свои, свои, князь», — отвечают фигуры. Все довольны, винтовки на ремень, спешат к нашим. «Ну как? Это по вас стреляли?»

Князь докладывает полковнику: «Невозможно, господин полковник: только стали к Сулину подходить, по нас караулы сразу огонь открыли; залегли, переползли, хотели другой дорогой — то же самое». — «Вот как, — охраняются хорошо, сволочи, а я думал, что они дрыхнут всю ночь. Ну, идемте, идемте, слава Богу, что никого не ранили...»

Вкатываем орудия на платформу, едем «домой», на Горную.

Только что приехали — генерал Абрамов показывает приказ: немедленно отъезжать, противник пытается отрезать нас у Персиановки. Поезд, не останавливаясь, мчит к Новочеркасску. Успеем ли проскочить? Проехали Персиановку. Новочеркасск. В вагон вбегает офицер: «Господа, Каледин застрелился!» Быть не может?! Конеч казакам, теперь на Дону — все кончено. Куда же мы пойдем?

Вечером приехали к Ростову. С вокзала отряд идет в казармы с песней, но песня не клеится, обрывается, замолкает...

Я с полковником С. поехал в штаб армии. Там суета. Полковника вызвал Корнилов. «Сейчас же поедете на Таганрогский фронт. Знаю, что вы устали, измучены, с фронта, — но больше некого послать, а там неладно».

* * *

На другой день от офицеров отряда я и штабс-капитан князь Чичуа выехали в Ростов к генералу Корнилову просить его не разлучать нас с нашим начальником полковником С.

Было около 9 часов утра, когда пришли в переднюю штаба и вызвали адъютанта Корнилова, подпоручика Долинского¹³. Он провел нас в приемную, соседнюю с кабинетом генерала.

В приемной, как статуя, стоял текинец. Мы были не первые. Прошло несколько минут, дверь кабинета отворилась: вышел какой-то военный, за ним Корнилов, любезно проводя его.

Л.Г. был одет в штатский потертый костюм, черный в полосу, брюки заправлены в простые солдатские сапоги, костюм сидел мешковато.

Он поздоровался со всеми. «Вы ко мне, господа?» — спросил нас. «Так точно, Ваше Высокопревосходительство». — «Хорошо, подождите немного», — и ушел.

Дверь кабинета снова отворилась: Корнилов прощался с штатским господином. «Пожалуйста, господа». Мы вошли в кабинет — маленькую комнату с письменным столом и двумя креслами около него. «Ну, в чем ваше дело? Рассказывайте», — сказал генерал и посмотрел на нас. Лицо у него — бледное, усталое. Волосы короткие, с сильной проседью. Оживлялось лицо маленькими, черными как угли глазами.

«Позвольте, Ваше Высокопревосходительство, быть с вами абсолютно искренним». — «Только так, только так и признаю», — быстро перебивает Корнилов.

Мы излагаем нашу просьбу. Корнилов, слушая, чертит карандашом по бумаге, изредка взглядывая на нас черными пронизательными глазами. Рука у него маленькая, бледная, сморщенная, на мизинце — массивное, дорогое кольцо с вензелем.

Мы кончили. «Полковника С. я знаю, знаю с очень хорошей стороны. То, что у вас такие отношения с ним, — меня радует, потому что только при искренних отношениях и можно работать по-настоящему. Так должно быть всегда у началь-

ников и подчиненных. Просьбу вашу я исполню». Маленькая пауза.

Мы поблагодарили и хотим просить разрешения встать, но Корнилов нас перебивает: «Нет, нет, сидите, я хочу поговорить с вами... Ну, как у вас там, на фронте?» И генерал расспрашивает о последних боях, о довольствии, о настроении, о помещении, о каждой мелочи. Чувствуется, что он этим живет, что это для него «все».

В моем рассказе промелькнуло: «Я видел убитых на платформах». Корнилов встрепнулся, вспыхнул, блеснувшие глаза остановились на мне. «Как на платформах! в такую погоду! Почему?! разве нет вагонов?» Ответить на вопросы я не могу. Корнилов взволновался, быстро пишет что-то на клочке бумаги. Разговор продолжался. В конце его Корнилов спросил, где мы служили на фронте, и, когда узнал, что в его армии, задержал нас, расспрашивая, а были там-то? а были в таком-то деле?

Генерал прощался. «Кланяйтесь полковнику С.», — говорил он нам вслед. Выходя из кабинета, мы столкнулись с молодым военным с совершенно белой головой. «Кто это?» — спрашиваю я адъютанта. Он улыбается: «Разве не знаете? Это — «Белый дьявол», сотник Греков. Генерал узнал, что он усердствует в арестах и расстрелах, и вызвал, кажется на разнос».

Пройдя блестящий зал штаба, мы вышли. Корнилов произвел на нас большое впечатление. Что приятно поражало всякого при встрече с Корниловым — это его необыкновенная простота. В Корнилове не было ни тени, ни намек на бурбонство, так часто встречаемое в армии. В Корнилове не чувствовалось «Его Превосходительства», «генерала от инфантерии». Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление.

В Корнилове было «героическое». Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и в воду.

Казак Корнилов казался «национальным героем». Кругом же были «просто генераль». И когда я узнал от близких к Корнилову лиц про интриги вокруг него, я понял, что это происходит именно поэтому.

* * *

Мы с князем возвращались на фронт. За несколько дней положение на Таганрогском фронте изменилось. Поднялись казаки ближайших станиц (вернее, их искусственно подняли, так как настроение казаков было неуверенное), и хорунжий Назаров¹⁴, начальник партизанского отряда, решил ударить с ними на село Сали, где, по сведениям, находились большевики. Разведки достаточной не было. Хорунжий бросился на ура и налетел на значительные силы большевиков с артиллерией.

Казаков разбили. Они в беспорядке бежали, оставив под Салами раненых и убитых. «Подъем» упал, казаки замитинговали: «Нас продали», «Нас предали», «Опять ахвицара!».

Подъезжая к Хопрам, мы застали такой митинг. Казаков пробует уговорить новый начальник участка генерал Черепов, но бесполезно: казаки решили расходиться по домам. Пробует уговорить их и священник станицы Гниловской с распятием на груди. (Священника станицы Гниловской, взяв станицу, повесили большевики — Р.Г.) Он поднимал казаков, ходил с ними в бой, но теперь его не слушают. «Чего нам говорить!», «Сами знаем, что делать!», «Идем по домам!», «Нет, где этот начальник наш, туды его мать? Где он, мать его... Убежал, сволочь!».

Казаки разошлись. Их выступление только обострило положение. К нашему отряду придана часть кавалерийского дивизиона полковника Гершельмана, и мы двинулись к селу Чалтырь, на окраине которого и расположились.

Село Чалтырь — очень богатое. Жители его — армяне. Мы ждали радушного приема; но жители сторонятся нас, стараются ничего не продавать, а что продают, то по крайне дорогой цене.

В разговорах с ними пытаешься рассеять неприязненное отношение, но наталкиваешься на полное недоверие и злую подозрительность.

Стоим день. На другой, поздним вечером, получен приказ: отойти от станции Хопры.

Вышли в степь. Мороз, ветер, темь, метель. Засыпает снегом, трудно вытаскиваются ноги, колонна растянулась по одному... Идем, вязнем в снегу; остановились — дороги нет. Ветер налетает, гудит по винтовкам. «Провод телефонный

ищите! по нему пойдём!» — кричит кто-то. Люди толпятся, как стадо, мерзнут, ругаются, лезут по снегу искать дорогу. Слышны голоса: «Руку отморозил», «Давай сюда винтовку!», «Оттирай, оттирай скорей!». Начинается легкая паника. Трут друг другу руки, лица. Более слабые стонут.

Наконец нашли дорогу, опять поплелись по глубокому снегу. То и дело слышно: «Пожалуйста, потри, потри, совсем замерзла, не слышу, ей-богу...»

Кто-то едет навстречу, поравнялся с головой колонны, и все остановились. По ветру доносится раздраженный голос полковника С.: «так чего же раньше не телефонировали! Я людей обморозил!» — «Генерал отменил приказание, — отвечает лейб-улан полковник Гершельман, — вам надо возвратиться в Чалтырь».

Среди отряда ропот, ругань... «Сволочи, это всегда у нас так!», «Сидеть в вагоне — не в степи мерзнуть», «Безобразие, не могли раньше позвонить!».

«Я впегад поеду, полковник», — говорит Гершельман, садится в сани и скрывается в холодной темноте.

Повернули назад. Теперь еще холоднее, ветер бьет в лицо. Люди торопятся, сбиваются с дороги, еще чаще: «Потрите, господа, ради Бога», «Ох, не могу идти». Останавливаются кучки, некоторых оттирают, других еле-еле ведут под руки.

«Господа, капитан в поле остался!» — кричит кто-то.

«Ну, что же делать, из села пошлем подводу», — отвечают другие, торопясь вперед.

Огоньки — пришли в Чалтырь. Проверка людей — трех недостает. В поле едет подвода и два офицера: искать.

Из ста двух человек 60 обморозились. Тяжело обмороженных отправляют на Хопры и в Ростов.

Полковник С. доносит, требует теплых вещей. «Выслано, выслано», — отвечают из штаба, и мы ничего не получаем по-прежнему. Весь отряд обвязан бинтами, платками, тряпками...

* * *

А ранним утром следующего дня в хату вбежал офицер: «Господин полковник! большевики наступают!» — «Как, где?» — «Разъезды уже в село въезжают, а там показались цепи...»

В ружье! всем строиться! выходить!

День зимний, яркий. Торопясь, выбегают из хат люди, блестящая на солнце штыками. Эта окраина села возвышенной: видно, как с противоположной подъезжают конные — игрушечные солдатики, а на ярко-белой линии горизонта появились черные, густые цепи.

«Вторая рота, построиться! Будем залпами стрелять по разъездам!» — кричит полковник С.

Рота вытянулась серой лентой. Лица напряженны, слегка бледны. Никто ничего не говорит. Щелкнули затворы, взлетели винтовки, шеренга оцетинилась.

«Рот-та, — замерли, — пли». Гремит залп. Черненькие игрушечные фигурки-кавалеристы остановились, метнулись...

«Рот-та — пли!» — залп! Фигурки повернулись, вскачь несутся к цепям.

«Скачут, сволочи, — бросает полковник, — рота — пли».

Вж... вж... — шуршит в ответ шелковой юбкой первая шрапнель, и за нами вспыхивает белое, звонкое облачко.

«Перелет», — говорит кто-то.

На взмыленной, задохнувшейся лошади подскакал ординарец: приказано отойти к Хопрам. Начали отступление. По белому топкому снегу, блестящему миллионами цветов и блесков, растянулись черными пятнами две цепи, а сзади, застилая горизонт, густыми, черными полосами движутся на нас большевики.

«Смотрите, у них кавалерия на фланге», — говорит кто-то.

Видно, как справа от пехотных цепей, мешаясь, неровно колышется кавалерия.

Глухой выстрел... приближаясь, свистит снаряд... по нас, по нас... нет... перелет... по первой линии... с визгом и звоном взрывает белый снег граната, оставляя черное пятно. Люди упали. Все ли встанут? — нет, встали, цепь движется.

Чаще, чаще свистят, рвутся снаряды. Большевики движутся быстро, насаждают, насаждают...

Скачет второй ординарец: приказано занять позицию южнее станции Хопры — станцию оставили.

Перелезли поросший кустарником овраг, рассыпались по возвышенности и залегли.

Впереди открытая белая степь, по ней ползут черные полосы-тени, влево и вправо от них уступами колышется кавалерия...

Над нами звонко рвутся белые облачка шрапнелей. Около нас с визгом роют землю гранаты...

Но вот и за нами приятно громыхнуло: наша бьет. Еще, еще, и через головы с воем уходят снаряды. Все жадно ловят: как разрывы?

«Недолет», «Хорош», «Прямо по цепям», — слышится возглас...

Артиллерия бьет часто и метко. В цепях большевиков замешательство. Залегла первая — остальные остановились. Видно, как смыкаются, толпятся... «Смотрите, смотрите, товарищи митингуют!»

Вместо цепей на снегу уже пятна, неровные, колеблющиеся.

Вот опять медленно расходятся, передняя цепь двинулась вперед, наступают...

Рвутся их снаряды, и клокочат уходящие наши. Пулеметчик прижался к пулемету. Пулемет ожесточенно захолопал, дрожит, выбрасывает струйку белого дымка и рвется вперед, как скаковая лошадь. Пиу... пиу... — свистят, мягко тыкаясь, пули. Защелкали винтовки. Серые фигуры вжались в белый снег. Лица бледны, серьезно-ожесточенны. Глаза выбирают черные точки на противоположной дали, руки наводят на них винтовки, глаза зорко целятся...

Мы — горсточка. Единственная наша защита — артиллерийский огонь. Полковник С. зовет меня: «Сейчас же на будке возьмите лошадь, скачите к начальнику участка, доложите, что на нас наступают два полка пехоты, охватывают фланги батальона по два, кроме того, с флангов кавалерия... Спросите приказаний и не будет ли подкреплений...»

Я сажусь верхом. Усталая лошадь не хочет идти. Бью ее, скачу...

На крыше вагона офицер и генерал Черепов. Генерал в бинокль смотрит вдаль — на бой. Сидя верхом, приложив руку к козырьку, докладываю приказание полковника С. и прошу распоряжений.

Вдали слышатся разрывы снарядов, ружейная пальба и пулеметы...

Генерал Черепов секунду молчит. «Голубчик, доложите все это генералу Деникину, он в поезде, в другом, сзади...»

Еду, ишу. «Вагон командующего?» — «Вон, второй вагон-салон...»

Спрыгиваю с лошади — вхожу в вагон. «Вам кого?» — спрашивает офицер в красивой бекеше и выходных сапогах. «Генерала Деникина, с донесением». — «Сейчас...» Выходит Деникин. В зеленой бекеше, папахе, черные брови сжаты, лицо озабочено, подает руку... «Здравствуйте, с донесением?» — «Так точно, Ваше Превосходительство».

Повторяю донесение... «Полковник С. приказал спросить, не будет ли подкрепления и не будет ли новых приказаний?»

Лицо Деникина еще суровее: «Подкреплений не будет», — отрезал он.

«Что прикажете передать полковнику С.?»

«Что же передать? Принять бой!» — с раздражением и резко говорит генерал.

Сажусь на лошадь. Проносится злобная мысль: хорошо тебе в вагоне с адъютантами «принимать бой». Ты бы там «принял». И тут же: ну что же Деникин мог еще сказать? Отступить ведь некуда, подкреплений нет. Стало быть, все ляжем...

«Ну, что?» — кричит издали полковник С. «Подкреплений не будет. Принять бой приказали генерал Деникин», — отвечаю я, спрыгивая с лошади. «Деникин? Он здесь? Вы ему все сказали?» — «Все». — «И принять бой?» — «Да». — «Стало быть, всем лечь. Хорошо», — говорит полковник С., и в голосе его та же злоба.

Несут раненых. «Куда ранен?» — «В живот», — тихо отвечают несущие.

Цепи наступают. С ревом, визгом рвутся гранаты, трещат винтовки, залились пулеметы. Все смешалось в один перекачивающийся гул...

Но вот первая большевистская цепь не выдержала нашей артиллерии, дрогнула, смешалась со второй.

По дрогнувшим цепям чаще затрещали винтовки, ожесточенней захлопали пулеметы, беспрерывно ухает артиллерия...

Большевики смешались, отступают, побежали...

Отбили. И сразу тяжесть свалилась с плеч. Стало легко. «Слава Богу». Смолкают винтовки, пулеметы, редко бьет артиллерия.

Полковник С. стоит около цепей на холмике. К нему идет генерал Деникин с адъютантом. Полковник рапортует. Деникин сумрачно смотрит на цепи. «А это что у вас за люди, полковник?» — «Это цепочка для связи, Ваше Превосходительство». — «Людей нет в цепи, а вы столько отвлекаете для связи? Как же это, полковник? Ведь вы же «необыкновенный»...»

Кончился бой. Смеркалось. В тишине вечера молчаливо сходятся усталые люди...

Ночью на краю оврага заняли маленькую дачу из двух комнат. Все повалились на пол, заснули мертвым сном.

Из караула приходит офицер, расталкивает смену: «Вставай — смена!»

«Сейчас, ладно», — бормочет тот спросонья, лениво встает, берет холодную винтовку и, потягиваясь, выходит на мороз из душной, битком набитой комнаты.

Всю ночь полковник С. посылает рапорта генералу Черепову с просьбой позаботиться о теплых вещах и довольствии, которого за день не получали...

Рассвет чуть бледнеет. Люди на ногах. Внутри неприятно тянет, сосет: «Сейчас опять наступление, бой».

Вчера измятый снег розовеет. Выкатывается край багряного солнца. Люди лежат в цепи час, два. Но большевики не наступают, даже молчит артиллерия. От взводов остаются дежурные — остальные уходят греться.

Так стоим на этой позиции несколько дней. Мы не отдыхали с выхода на Сулин, почти все обморожены, теплых вещей — нет, довольствия — почти нет, многие заболели — уехали в Ростов.

Полковник С. просит о нашей смене. Долго отказывают. Наконец нас сменяет отряд «Белого дьявола» в 30 человек и капитан Чернов с 50 офицерами.

Мы едем в Ростов.

* * *

Рано утром, с вокзала, полковник С. посылает меня с докладом к генералу Корнилову.

С обвязанным, обмороженным лицом, в холодных сапогах, в холодной шинели я пришел в штаб армии. У дверей блестящий караульный офицер-кавалерист грубо спрашивает: «Вы кто? вам кого?» — «Я к генералу Корнилову». — «Подождите». — «Позовите адъютанта генерала, подпоручика Долинского».

Вышел Долинский, провел меня в свою комнату, соседнюю с кабинетом генерала. «Подождите немного, там Романовский и Деникин, я доложу тогда... Ну, как у вас дела?» — любезно спрашивает адъютант. Я рассказываю: «...Не ели почти три дня... обмерзли все... Под Хопрами пришлось туго... Корниловцы на станции раненых своих бросили...» Он смотрит мимо меня. «Да, да... ужасно, но, знаете, у нас тоже здесь каторга...» — в чем-то оправдывается адъютант.

В кабинете смолкли голоса, в комнату вошел Корнилов. Я передаю записку полковника С. и докладываю. «Столько обмороженных!», «Не получали консервов?!», «До сих пор нет теплого!» — кричит Корнилов, хватаясь за голову. «Идемте сейчас же за мной».

Быстрыми шагами, по диагонали, генерал перерезает зал штаба, где все с шумом вскочили, вытянулись и замерли. Мы входим в кабинет начальника снабжения — генерала Эльснера. «Генерал, выслушайте, что вам доложит офицер отряда полковника С.», — грубо говорит Корнилов, поворачивается и уходит.

Я докладываю. Эльснер нетерпеливо морщится: «Это невероятно, все было выслано...» — «Не могу знать, ваше превосходительство, мы не получали. Мне приказано доложить вам». Он нетерпеливо слушает: «Не знаю, этого не могло быть, ваша фамилия?»

Я вышел в зал. Некоторые офицеры штаба бесшумно скользят по паркету новыми казенными валенками, другие шумно топают новыми солдатскими сапогами, а у нас на фронте ни того, ни другого. И здесь, как всегда и везде, фронт и штаб жили разной жизнью, разными настроениями.

Это ясно сказалось, когда полковник Генерального штаба К. перебил рассказ полковника С. о тяжелом положении фронта своим возмущением: «Нет, вы знаете! Какое у меня кипроко вышло с Романовским! Вчера мне замечание! да в какой форме! в каком тоне!.. Ну, сегодня он ко мне обращается, а я такую морду сделал! Раз, два, наконец очень любезен стал...»

* * *

В этот приезд в Ростове ощущалась необыкновенная тревога. Обыватели взволнованы, чего-то ждут, по городу носятся жуткие слухи о приближении большевиков, слышны глухие удары артиллерии. До Ростова уже начали долетать тяжелые снаряды из Батайска. На улицах появились странные, чего-то ждущие люди, собираются кучками, что-то обсуждают. Но штаб армии спокоен — и мы спокойно собираемся отдохнуть. Рано утром 9 февраля 1918 года, когда мы еще спали, в казармы вбежал взволнованный полковник Назимов: «Большевицкие цепи под Ростовом!» — «Как? Не может быть!» — «Мои студенты и юнкера уже в бой ушли...»

Приказ: никому не отлучаться — быть в полной боевой готовности. Вышли на двор (мы на краю города) — слышна артиллерийская, ружейная, пулеметная стрельба. Стоя здесь, мы очутились резервом.

С каждым часом стрельба близится. На дворе, около казармы, уже рвутся снаряды. Артиллерия гудит кругом, и в три часа дня получен приказ: оставляем город, уходим в степи... мы назначены в арьергард.

Офицеры бросают свои вещи. Большая комната-склад завалена бекешами, выходными сапогами, синими, зелеными галифе, шапками, бельем. Некоторые торопливо переодеваются в лучшее — чужое. Некоторые рубят вещи шашками и сыплют матерную брань.

Мы в шинелях, с винтовками, патронташами, с мешками на спинах ждем выступления. В комнатах тихо. Все молчат, думают. Настроение тяжелое, почти безнадежное: город обложен, мы захвачены врасплох, куда мы идем? И сможем ли вырваться из города?

Откуда-то привели в казармы арестованного, плохо одетого человека. Арестовавшие рассказывают, что он кричал им на улице: «Буржуи, пришел вам конец, убегайте, никуда не убежите, стойте!» Они повели его к командующему участком, молодому генералу Б. Генерал — сильно выпивши. Выслушал и приказал: «Отведите к коменданту города, только так, чтоб никуда не убежал, понимаете?»

На лицах приведших легкая улыбка. «Так точно, Ваше Превосходительство».

Повели... недалеко в снегу расстреляли...

А в маленькой, душной комнате генерал угощал полковника С. водкой. «Полковник, ей-Богу, выпейте». — «Нет, Ваше Превосходительство, я в таких делах не пью». — «Вот, я наоборот, в таких делах и люблю быть вполсвиста», — улыбался генерал.

Темнело. Кругом гудела артиллерия. То там, то сям стучал пулемет...

Вдруг в комнату вбежала обтрепанная женщина с грудным ребенком на руках. Бросилась к нам. Лицо бледное, глаза черные, большие, как безумные... «Голубчики! Родненькие, скажите мне, правда, маво здесь убили?» — «Кого? Что вы?» — «Да нет! Мужа маво два офицера заарестовали на улице, вот мы здесь живем недалечека, сказал он им что-то, миленькие, скажите, голубчики, где он?» Она лепетала как помешанная, черные большие глаза умоляли. Грудной ребенок плакал, испуганно-крепко обхватив ее шею ручонками... «Миленькие, они сказали, он бальшавик, да какой он бальшавик! Голубчики, расстреляли его, мне сказывал сейчас один». — «Нет, что вы, — тут никого не расстреливали», — пробовал успокоить ее я, но почувствовал, что это глупо, и пошел прочь.

А она все твердила: «Господи! Да что же это? Да за что же это? Родненькие, скажите, где он?»

Я подошел к нашим сестрам: Тане и Варе. Они стоят печальные, задумчивые. «Вот посоветуйте, идти нам с вами или оставаться, — говорит Варя. — Мама умоляет не ходить, а я не могу, и Таня тоже». — «Советую вам остаться: ну, куда мы идем? Неизвестно. Может быть, нас на первом переулке пулеметом встретят. За что вы погибнете? За что вы принесете

такую боль маме?» — «А вы?» — «Ну что же мы, — мы пошли на это». Варя и Таня задумались.

Совсем стемнело. Утихла стрельба. Мы строимся. Все тревожно молчат. На левом фланге второй роты в солдатских шинелях, папах, с медицинскими сумками за плечами Таня и Варя.

«Сестры! А вы куда?» — подходит к ним полковник С. «Мы с вами». — «А взвесили ли вы все? Знаете ли, что вас ждет? Не раскаетесь?» — «Нет, нет, мы все обдумали и решили. Я уже послала письмо маме», — взволнованно-тихо отвечают Таня и Варя.

Толпимся, выходим на двор. В дверях прислуживавшие на кухне женщины плачут в голос: «Миленькие, да куда же вы идете, — побьют вас всех! Господи!»

* * *

Тихий, синий вечер. Идем городом. Мигают желтые фонари. На улицах — ни души. Негромко отбивается нога. Приказано не произносить ни звука. Попадают темные фигуры, спрашивают: «Кто это?» Молчание. «Кто это идет?» Молчание. «Давно заждались вас, товарищи», — говорит кто-то из темных ворот. Молчание...

Город кончился — свернули по железной дороге. Свист — дозоры остановились. Стали и все, кто-то идет навстречу.

«Кто идет?» — «Китайский отряд сотника Хоперского». Подошли: человек тридцать китайцев, вооруженных по-русски. «Куда идете?» — «Ростов, большевик стреляй». — «Да не ходите, город оставляем, куда вы?» — говорим мы идущему с ними казаку. Казак путается: «Мы не можем, нам приказ». — «Какой приказ? Армия же уходит. А где сотник?» — «Сотника нет».

Китайцы ничего не хотят слушать, идут в Ростов, скрылись в узкой темноте железной дороги...

«И зачем эту сволочь набрали, ведь они грабить к большевикам пошли», — говорит кто-то. «Это сотник Хоперский, он сам вывезенный китаец, вот и набрал. В Корниловский полк тоже персов каких-то наняли...»

Дошли до указанной в приказе отступления будки. Здесь мы должны пропустить армию и двигаться в арьергарде.

Мимо будки в темноте снежной дороги торопится, тянется отступающая армия. Впереди главных сил, с мешком за плечами, прошел Корнилов. Быстро прошли строевые части, но обоз бесконечен.

Едут подводы с женщинами, с какими-то вещами. На одной везут ножную швейную машину, на другой торчит граммофонный рупор, чемоданы, ящики, узлы. Все торопятся, говорят вполголоса, погоняют друг друга. Одни подводы застревают, другие с удовольствием обгоняют их.

Арьергард волнуется. Хочется скорее уйти от Ростова: рассветет, большевики займут город, бросятся в погоню, — нас всего 80 человек, а тут бесконечно везут никому не нужную поклажу. Наконец обоз кончился, и мы отходим на станицу Александровскую. В Ростове слышна стрельба, раз долетело громкое «Ура!». В Александровской на улицах казачьи патрули, казаки настроены тревожно. И не успели мы остановиться, как от станичного атамана принесли бумагу: немедленно уходите, казаки не хотят подвергать станицу бою.

Отступаем на Аксай. Уже день. Расположились по хатам. Опять от станичного атамана такая же бумага. Полковник С. резко отвечает.

Ночью аксайские казаки обстреливают наши посты. Полковник С. грозит атаману вызвать артиллерию, «смести станицу».

Сутки охраняем мы переправу через Дон. Здесь сходятся части, отступающие из Новочеркаска и Ростова.

По льду едут орудия, подводы, идут пешие. Кончилась переправа, и мы уходим через Дон в степи на станицу Ольгинскую...

КОРНИЛОВЦЫ НА ДОНУ¹⁵

Лавра Георгиевича Корнилова я нашел в одном из небольших домов Новочеркаска, на Комитетской улице. Часовой, офицер-доброволец, подробно расспросил меня, кто я и зачем

пришел, и наконец пропустил меня в маленький кабинет Корнилова.

Мы встретились с ним, как старые товарищи, хотя я и не был близок с ним в академии. Главнокомандующий Добровольческой армией был в штатском костюме и имел вид не особенно элегантный: криво повязанный галстук, потертый пиджак и высокие сапоги делали его похожим на мелкого приказчика. Разговор, конечно, сразу перешел на настоящее положение. В противоположность М.В. Алексееву, Корнилов говорил ровно и спокойно. Он с надеждой смотрел на будущее и рассчитывал, что казачество примет деятельное участие в формировании Добровольческой армии, хотя бы в виде отдельных частей. О прошлом он говорил также спокойно, и только при имени Керенского огонь сверкнул в его глазах.

Пребывание в Новочеркасске, видимо, тяготило его необходимостью обращаться по всем вопросам к войсковой власти, хотя генерал Каледин во всем шел навстречу добровольцам. Мы дружески расстались после этого свидания, точно предчувствуя, что судьбе будет угодно в скором времени связать нас стальными узами вместе пережитого кровавого похода в южных степях...

Но в оживленном разговоре, полном надежд и бодрости, со старым товарищем по академии, я не думал, что через три месяца, на крутом берегу многоводной Кубани сам вложу восковой крестик в холодеющую руку своего начальника, убитого русской гранатой.

Прибытие генерала Корнилова подняло дух корниловцев-ударников, и они с твердой верой следовали его завету: «Истинный сын Русского народа отдает Родине самое дорогое, что он имеет, — свою жизнь».

«Гнев, печаль и боль за поруганную Россию несли в сердцах своих первые добровольцы Вождю своему Генералу Корнилову, — ему, кто в страшные годы лихолетья произнес имя Россия, взяв в руки и подняв высоко падшее ее Знамя.

В атмосфере ненависти, презрительного равнодушия, трусости, предательства они смело пошли за ним».

«Слава истинному сыну России Генералу Корнилову!»

Возвращаюсь к описанию положения Корниловского ударного полка после взрыва артиллерийских складов на станции Почаевка.

Всякая связь корниловцев с прежней Ставкой была прервана, и было решено принять собственные меры к переезду на Дон. С согласия казаков, уезжавших эшелонами на Дон, корниловцы стали с их эшелонами переправлять в Новочеркасск свой обоз, обмундирование, винтовки, пулеметы, патроны. Удалось корниловцам отправить часть своего обоза и отдельным эшелоном с фальшивым удостоверением о принадлежности его к одной из кавказских частей. Сами корниловцы решили пробираться небольшими группами или же одиночным порядком. Переезд корниловцев, как и всех тогда добровольцев, был труден, за ними охотились, да и сами они выдавали себя своим видом среди опустившихся солдат. Многим удалось спастись буквально из-под расстрела. Один за другим съезжали корниловцы в Новочеркасск. Начало сбора корниловцев в Новочеркасске — конец ноября 1917 года. До этого туда прибыл полковник Неженцев. В середине декабря в Новочеркасске было до 500 корниловцев.

По данным одного из старейших корниловцев, капитана Данилина (от 5 июня 1966 года из Венесуэлы), корниловцы привезли с собой в Новочеркасск 32 пулемета, что было большим вкладом для добровольцев генерала Алексева, у которых их тогда не было.

Полковник Неженцев собрал свой полк, и корниловцы стали первым полком в Добровольческой армии. Помимо этого в Ростове был для полка сформирован полковником Симановским чисто офицерский партизанский батальон четырехротно-го состава имени генерала Корнилова, который был потом, в станице Ольгинской, влит в полк первым батальоном.

Как и раньше, корниловцы выделялись своей дисциплинированностью и внешней подтянутостью. Служба в полку была нелегка, особенно с того времени, когда весь полк был переведен в Ростов-на-Дону. Кроме занятий, ежедневно приходилось нести караулы и ходить патрулями по городу.

Тысячи офицеров, разбежавшихся с фронта, бродили по городу и с равнодушием смотрели, как какие-то чудаки в

офицерской форме, с винтовками за плечами, несли гарнизонную службу и всегда находились в полной боевой готовности — на окраинах города было очень неспокойно, а к самому городу подступали красные отряды. По нашим данным, число офицеров, не пошедших тогда в Добровольческую армию, доходило до 17 тысяч, что для начала Гражданской войны было решающим фактором в боях с наступавшей на Ростов латышской дивизией Сиверса.

Против красных в районе города Таганрога действовал под начальством гвардии полковника Кутепова небольшой сводный отряд по одной роте от всех сформировавшихся полков Добровольческой армии. От корниловцев была сводная рота в 128 штыков, что было в два раза больше каждой роты других частей, при четырех пулеметах, во главе с капитаном Скоблиным. Этой роте пришлось прикрывать весь отряд со стороны Таганрога, захваченного местными большевиками. На этих позициях корниловцы впервые увидели зверства большевиков. Однажды, по приказу полковника Кутепова, была с боем занята небольшая станция Хопры. На перроне валялся труп старичка начальника станции. У него был отрезан и вставлен в рот ..., а на груди лежали проткнутые штыками фотографические карточки двух молоденьких прапорщиков, сыновей начальника станции. Если так расправлялись большевики с родителями офицеров, то над самими офицерами, взятыми в плен, красные палачи изощряли всю жестокость. Добровольцы стрелялись, но не сдавались. Около станции Синявка красные отеснили отряд полковника Кутепова, но в этот момент совершенно неожиданно подошли на подмогу две сотни казаков из станицы Гниловской. Впереди казаков шел священник с крестом в руках. «Православные, ратуйте за церковь Христову, за дом Богородицы!» — призывал священник и поднял крест. «Тут казаки и мы, — вспоминает корниловец-ударник, — набрались духу от поднятия креста и перешли в наступление. Ну и начался бой!.. Мы немало побили латышей и даже взяли у них 12 пулеметов».

В этих боях под Таганрогом рота капитана Скоблина понесла большую потерю: у хутора Арабишева был убит подпоручик Андреев, начальник пулеметной команды. На эту ответственную

должность в полку он был назначен Неженцевым еще с первых дней зарождения 1-го Ударного отряда. 30 января 1918 года сводная рота капитана Скоблина была сменена ротой корниловцев в составе 120 человек под командой штабс-капитана Зарембы. Надо заметить, что это была первая чисто офицерская рота в рядах Корниловского ударного полка.

За время этих боев за станцией Хопры на Таганрогском направлении была и рота (3-я офицерская рота) офицерского партизанского батальона полковника Симановского имени генерала Корнилова, который временами собирался там в полном составе четырех рот, представлявших собой внушительную силу около 500 штыков, но без пулеметов.

Особенно мне запомнились ночные переходы этого батальона в метель и сильные морозы, когда с рассветом мы увидели цепи латышей, преследующие нас. Батальон был остановлен и несколькими залпами замедлил движение противника, но в то же время из-за сугробов снега нас лихо атаковал справа эскадрон красных. Отделение взвода 3-й офицерской роты быстро заняло участок сада, обнесенный плетнем, и стало в упор расстреливать подскочившую кавалерию, которая, видя нашу малочисленность, в свою очередь открыла огонь с коней, в результате которого был смертельно ранен прапорщик запаса. Наше хладнокровие и меткость огня обратили красных в бегство с большими для них потерями. После этого мы впервые могли убедиться в силе пулеметного огня роты нашего Корниловского ударного полка, прикрывшего наш правый фланг и косившего латышей дивизии Сиверса.

В течение недели, по колено в снегу, без теплой одежды, офицерская рота полка защищала линию железной дороги Таганрог — Ростов-на-Дону. Особенно досаждал корниловцам бронепоезд красных, — не было ни ключа, чтобы отвинтить рельсы, ни подрывных шашек, чтобы взорвать полотно. Под пулеметным огнем приходилось загораживать путь бронепоезду шпалами. Только 7 февраля корниловцев сменила морская рота в 17 человек и отряд есаула Грекова в 29 человек. На позиции около станции Хопры в то же время выступил весь Корниловский ударный полк. На другой день на него обрушилась вся латышская дивизия Сиверса.

Полку было приказано в связи с общей обстановкой отходить к Ростову. Латыши преследовали корниловцев и густыми цепями все время непрерывно вели атаки с фронта и с фланга. Фигура полковника Неженцева всегда появлялась там, где противник особенно наседал. Отбиваясь контратаками, корниловцы к вечеру подошли к городу. Кругом слышалась артиллерийская стрельба. Огромными силами большевики сжимали корниловцев в кольцо. Казачьи части больше не защищали своего Тихого Дона; они или расходились по домам, или же переходили на сторону большевиков. Даже роковой выстрел первого выборного войскового атамана генерала Каледина не встряхнул казачьи души. Когда корниловцы втянулись в город, в ту же ночь с 9-го на 10 февраля по старому стилю, генерал Корнилов решил вывести из Ростова всю маленькую Добровольческую армию. Было объявлено брать с собой лишь самое необходимое. Корниловцы побросали свои чемоданы, записали в вещевые мешки по смене белья, полотенце да мыло и выстроились в колонну. Крутился хлопьями снег. Сугробы, наметенные ветром, розовели розовым отблеском пылавших складов... Заскрипели колеса, заколыхались штыки — армия тронулась в путь.

Впереди шел генерал Корнилов в генеральской форме, за ним развевалось трехцветное Знамя... Начался знаменитый Первый Кубанский генерала Корнилова Ледяной поход.

* * *

В душе корниловцев горела любовь к России, вера в Корнилова и верность своему Корниловскому полку.

Это горение у офицеров сразу подверглось испытанию еще в Новочеркасске. Офицеры приезжали в свой полк и почти все становились на положение рядовых в офицерской роте. «Произвели нас в командиры отдельных винтовок», — как они сами шутили над собою.

Прапорщик Сорокин заносит в свой дневник:

«21 января 1918 г. Командир полка полковник Неженцев меня предупредил, что должностей у него нет, и я должен буду служить рядовым. Я сказал, что, поступая в Добровольческую

армию, я не думал о том, какую займу должность, а думал лишь о России.

29 января. Наша офицерская рота выступила на позиции. За два часа до выступления в казарму полка приехала Оля Ч., вызванная мною запиской. Узнав о моем отъезде, она расплакалась. С трудом я успокоил ее... Прощаясь со мной, она благословила меня. Она поняла, что мое место на фронте и что не время думать о личном счастье, когда гибнет Россия... Хотелось не на словах, а на деле доказать свою преданность Родине. Хотелось еще раз послужить матушке России».

30-го января офицерская рота сменила роту капитана Скоблина и разместилась на вокзале, в котором были выбиты все окна. «А на дворе мороз. Вечером перешли в вагоны 2-го класса, где стало теплее, уютнее. Вокруг тишина, лишь из соседних вагонов доносятся песни о России... Долго не ложились спать... Все офицеры роты в один день стали близкими, родными. У всех одна мысль, одна цель — Россия...

А. Долгополов¹⁶

ОТРЯД ПОЛКОВНИКА КУТЕПОВА. ПАМЯТИ ПЕРВЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ¹⁷

На просторе южных степей, где когда-то обитали хазары, половцы, печенегы, скифы, где до сих пор можно найти фигуры каменных баб на буграх, в степи, в глубоких балках — немые памятники исчезнувших народов; где когда-то татарские орды Чингисхана и Тамерлана прошли, неся гибель и разрушение, где Царь Петр выковывал Великую Россию, — в конце 1917-го и в начале 1918 года разыгрались трагические события, успешный исход которых мог изменить судьбы мира.

Автору этой статьи привелось быть свидетелем и участником первых боев Добровольческой армии с большевиками.

Не много осталось в живых участников этих боев.

Много воды утекло за эти 44 года — рухнули Великие Империи, погибли миллионы людей, снесены с лица земли города, народы и страны...

* * *

После захвата власти большевиками 25 октября 1917 года казачьи области не подчинились советской власти, им чуждой. На Дону, Кубани, Тереке, Урале, в Астрахани, Сибири и Оренбурге начали организовываться отряды самозащиты. Бывший Верховный Главнокомандующий Российской Армии генерал Алексеев прибыл 2 ноября 1917 года на Дон и начал организовывать отряды по борьбе с большевиками.

Донской атаман генерал Каледин всячески старался помочь генералу Алексееву, но казачий Круг отнесся недружелюбно, думая сохранить свою независимость, что обещали им большевики, если они сохранят нейтралитет. Казачьи части возвращались на Дон в полном порядке, с офицерами, орудиями и обозами. 60 казачьих полков и 32 батареи были слишком большой силой, чтобы вступить с ними в бой.

Генерал Алексеев, объявив свою идею борьбы с большевиками и продолжения борьбы с немцами, остался верен союзникам. Немцы и большевики, поняв опасность, которая им угрожала от Алексеевской организации, всеми силами мешали Алексееву, расходуя огромные суммы денег на подкуп и агитацию. Казакам-фронтовикам внушали, что солдаты-красногвардейцы их братья, а добровольцы хотят восстановить монархию и уничтожить все свободы. Донские части постепенно разлагались, расходились по домам и переходили к красным.

Красные отряды стояли по всей границе Донской области, выжидая удобный момент, производя восстания в тылу и грабя население. Два пехотных запасных полка были расположены под Новочеркасском, в Хотунке, четыре полка в Ростове и три полка в Таганроге. Большевики отдали приказ уничтожить зарождающуюся Добровольческую армию.

20 ноября в Новочеркасске 10 000 солдат 272-го запасного полка и других полков собрали митинг. 600 человек доброволь-

цев, наведя орудия и пулеметы, обезоружили их и распустили по домам.

22 ноября в Ростове было объявлено военное положение. 23 ноября солдаты четырех запасных полков, стоявших в Ростове, с помощью черноморских матросов, прибывших на вооруженной яхте «Колхида» и других кораблях, сами напали на казачьи части, охранявшие город.

Генерал Потоцкий, комендант Ростова, с небольшим отрядом 6-го Донского пластунского батальона, защищался на эвакуационном пункте около железнодорожного вокзала до 28 ноября. Казаки решили сложить оружие — генерал Потоцкий, градоначальник Зеелер и другие видные лица были арестованы большевиками.

Когда стало известно о восстании в Ростове, из Новочеркасска был выслан сводный отряд добровольцев, числом около 100 человек. 26 ноября под Балабановской рощей произошел первый бой, и добровольцы отступили — наступали тысячи красных. Из Новочеркасска были высланы все имеющиеся силы — всего около 600 человек казаков и добровольцев, а большевиков было 15 000.

У Кизитеринки был бой, и красные отступили до Нахичевани, но казаки действовали вяло. Не было боевых припасов и пищи. Отряд был почти окружен большевиками, но подошедший из Таганрога генерал Назаров с двумя пушками, двумя зарядными ящиками, командой фельдшеров, офицеров, юнкеров-добровольцев — всего 50 человек — орудийным огнем разогнал всех большевиков, обстрелял красную флотилию на Дону, потопив один корабль, и принудил большевиков освободить генерала Потоцкого и других арестованных. Не подозревая численности отряда добровольцев, большевики разбежались, и 2 декабря добровольцы вошли в Ростов. Все запасные полки, стоявшие в Ростове, были распущены по домам.

30 ноября есаул Чернецов начал формировать свой отряд партизан — юнкеров, офицеров и учащейся молодежи.

6 декабря в Новочеркасск прибыл бывший Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, легендарный побег которого из австрийского плена вызвал взрыв народного восхище-

ния. Жертва провокации, истинный русский патриот был обвинен в измене и заключен в Быховскую тюрьму по приказу паяца русской революции Керенского. Вышедший из Быхова с Корниловым Текинский конный полк погиб в неравных боях с большевиками по дороге на Дон.

27 декабря Алексеевская организация переехала в Ростов и стала называться Добровольческой армией. Генерал Корнилов стал во главе ее, согласно приказу генерала Алексева. Началась вербовка добровольцев; со всех концов России потянулись на Дон, к Корнилову, все те, у кого горел огонь любви к Родине. По городу были расклеены афиши, призывающие всех верных сынов России идти спасать страну от большевиков. «Труба зовет», «Родина в опасности» — так начинались призывы генералов Алексева и Корнилова.

Город был полон офицеров, но желающих поступать в армию было не много. Отозвалась, главным образом, молодежь Ростова, Новочеркаска... Молодые офицеры, юнкера, студенты, кадеты и учащиеся средних учебных заведений.

На улицах появились корниловцы с черепами на рукавах. Местные большевики поджали хвосты. Одно имя Корнилова вселяло страх и ужас в большевиков. Например, шесть корниловцев разогнали митинг нескольких тысяч готовившихся к забастовке железнодорожных рабочих Главных мастерских Владикавказской железной дороги, где советские агитаторы разжигали ненависть к Добровольческой армии.

Несколько человек московских и петроградских юнкеров, чудом спасшихся во время большевистского переворота, рассказывали о зверствах и насилиях большевиков над несчастными юнкерами и ударниками — последними защитниками Временного правительства труса Керенского, бежавшего в Финляндию.

Донские партизанские отряды Чернецова, Семилетова, Грекова и др., общей численностью 250 человек, совершали чудеса храбрости, борясь с восстаниями местных большевиков в каменноугольном районе. Донские казачьи полки переходили к большевикам. Красные казаки Подтелков, Миронов, Голубов, Кривошлык, Лагутин и др. открывали дорогу красной армии на Дон.

Полковник Кутепов, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка, был назначен 30 декабря 1917 года комендантом города Таганрога; отряд его состоял из 200 человек и двух орудий.

В начале января 1918 года большевики прислали на Дон латышскую дивизию Сиверса — 20 тысяч человек. Полного состава стрелковые батальоны со своими офицерами, прекрасно вооруженные, обмундированные и дисциплинированные, созданные еще до революции исключительно из латышей, были верными слугами Советов. 10 января 1918 года латышская дивизия повела наступление и у Матвеева Кургана, в 45 верстах к северу от Таганрога, была дважды отбита с большими потерями небольшим отрядом полковника Кутепова, состоявшим из сводных рот сформировавшихся частей: 1-го Офицерского батальона, 2-го Офицерского батальона, Юнкерского батальона, Георгиевского батальона, Студенческого батальона, Корниловского полка, Кавалерийского дивизиона полковника Гершельмана, Инженерной роты. Общая численность отряда была 300 человек.

Ночным налетом на хутор Адабашева были захвачены спящими расседланные два эскадрона красной конницы. Выдав комиссара, они изъявили желание служить в Добровольческой армии и были оставлены на свободе. Утром, изменив решение, пошли к красным. Потери добровольцев — начальник пулеметной команды подпоручик Андреев. Под Матвеевым Курганом погиб подрывной поезд поручика инженерных войск Ермолаева от взрыва по неосторожности или злему умыслу¹⁸.

Начавшаяся железнодорожная забастовка парализовала все движение и чуть не погубила весь отряд Кутепова. Организованный Ростовским союзом инженеров и техников Военно-технический штаб смог наладить железнодорожное сообщение и пустить в ход электрическую станцию и водопровод. Переодетые техники и добровольцы были посланы по угольным рудникам для скупки динамита, бикфордова шнура и капсюлей. Было приступлено к устройству броневых поездов, начинке снарядов, ремонту броневых автомобилей и т. п.

Отряд Кутепова, под давлением превосходных сил противника, медленно отступал к Таганрогу. Красными были взяты Денисовка, Ряженое, Неклиновка, Кошкино, Марцево. По утрам прибывали из дальних разведок всадники дивизиона полковника Гершельмана на измученных, понурых лошадях. Иногда появлялись донские конные партизаны, юнцы 15—17 лет в новеньких дубленых полушубках, только что захваченных в тылу у большевиков. На воротниках у них химическим карандашом были нарисованы буквы «С» — семилетовцы.

* * *

Древняя греческая колония Танаис, Таганий Рог — Таганрог, где по приказу Царя Петра капитан Матвей Симонтов построил в 1709 году порт, за что и был награжден золотой медалью — «За Дело Гавани». Провинциальный город с большими кожевенными и сталелитейными заводами гордился своим славным прошлым. Старинный Петровский парк с аллеей двухсотлетних дубов, посаженных самим Петром. Главная улица — Петровский проспект, с прекрасным памятником Петру, лицом к заветному морю. На мысу — реликвии былой славы России — старинные пушки, кучи ядер, огромные якоря, по преданию — кованные самим Петром. Скромный дом, где жил Император Александр I до своей смерти или ухода от мира в 1825 году. Домик Чехова, где великий писатель так ярко описал жизнь русской провинции.

В городе было 25 000 рабочих, стояло три запасных пехотных и кавалерийский полк. Сбор в пользу раненых добровольцев дал 40 000 рублей — из них 30 000 дал грек-коммерсант. Городское самоуправление ассигновало 40 000 рублей, но белья, хранившегося на складах Земского союза, не дало.

В гарнизоне города была Школа прапорщиков — 3-е Киевское военное училище¹⁹, начальником которого был полковник Мастыка, потерявший на войне пальцы на одной руке. Полковник Мастыка и 125 юнкеров помещались в здании «Петровской» гостиницы, а еще 125 юнкеров — в Коммерческом клубе.

Медленно отступая к Таганрогу, отряд Кутепова чуть не погиб полностью. В тылу, в Таганроге, 17 января 1918 года, в 3 часа дня произошло восстание большевиков. Патрули, часовые и небольшие отряды, охранявшие железнодорожный вокзал, склады и другие правительственные места, были предательски убиты. В городе погибло более 300 офицеров и юнкеров, но захватить врасплох военное училище большевикам не удалось. Юнкера отбили все нападения большевиков.

Имея небольшой запас провизии и оружия, но без воды (большевики выключили воду в первый же день осады), — юнкера оказались в тяжелом положении. Большевики подвели орудия и день и ночь обстреливали здания, занимаемые юнкерами, разрушая все окружающее. Убедившись, что юнкеров им не победить, большевики с радостью ухватились за предложение Комитета общественных организаций города Таганрога о перемирии. Дабы не подвергать опасности мирное население и избежать разрушения города, городская дума, Земский союз и другие организации предложили большевикам выпустить юнкеров из города с оружием в руках.

Вначале большевики отвергли это предложение, а потом согласились. После клятвенных заверений, с гарантией общественных организаций, что большевики исполнят условия перемирия, полковник Мастыка, находившийся в безвыходном положении и узнавший, что ждать помощи от полковника Кутепова безнадежно, согласился на перемирие. Выход был назначен на 22 января. Юнкера вышли строем на улицу и двинулись к окраине города.

Большевики, под прикрытием заборов и домов, открыли ружейный и пулеметный огонь по юнкерам. Произошла кровавая расправа. Ни один юнкер не сдался в плен. Живыми из города вышли 7—8 человек. Юные герои пали в неравной борьбе, сражаясь до последнего издыхания. Над ранеными совершались чудовишные издевательства, над трупами надругания. Были мобилизованы жители для рытья общей могилы, и все убитые, 141 человек, сброшены в нее.

Глубокой ночью несколько тяжело раненных, принятых за убитых, пришли в себя. Некоторым из них удалось выбраться

из неглубокой могилы, и они расползлись по кладбищу. Одни из них укрылись в склепах на кладбище, некоторые нашли приют в лачугах бедноты, ютившихся около кладбища. Выжило из них только три человека.

* * *

Полковник Кутепов, с большим трудом отбивавшийся от атак латышской дивизии, услышав орудийную стрельбу в городе у себя в тылу, почувствовал, что там неладно, от перебежчиков узнал о случившем восстании и осаде юнкеров.

Из Таганрога большевики большими силами стали наступать на отряд Кутепова, попавший в тиски. Всему отряду грозила гибель, но, к счастью, узнав о существовании железнодорожной ветки от Карцева до Бессергеновки, минуя Таганрог, отряду удалось отступить по ней, увозя поезд штаба, раненых, скудные запасы снарядов и патронов, две пушки и весь личный состав отряда.

О таганрогской трагедии в отряде Кутепова узнали на станции Бессергеновка (первая станция от Таганрога к Ростову) через день от старушки — матери железнодорожного телеграфиста, ушедшего с отрядом Кутепова. Не найдя своего сына среди убитых юнкеров, старушка под пулями перешла фронт и нашла сына здоровым и невредимым.

В селе Бессергеновке был обнаружен телефон, корректировавший стрельбу большевиков. Доброволец офицер-наблюдатель сидел на трубе цементного завода, находящегося поблизости от станции, и корректировал стрельбу двух пушек добровольцев, изредка отвечая меткими попаданиями на сотни выстрелов большевиков.

30 января сводную роту Корниловского полка сменила офицерская рота штабс-капитана Зарембы — 120 человек, 2 пулемета. Война велась вдоль полотна железной дороги. Красные большими отрядами заходили с флангов по льду замерзшего Азовского моря в обход железной дороги. Все ночные обходы красных по льду моря кончались неудачно. На зеркальной поверхности моря даже в темноте видны были отдельные фигуры людей, слышна была команда на чуждом языке. Подпустив

латышей поближе, перекрестным огнем добровольческих пулеметов отряды большевиков уничтожались до последнего человека. Гладкая поверхность льда не давала никакого укрытия.

Глубокие обходы со стороны железной дороги с опасностью ее перереза ввиду малочисленности отряда принуждали Кутепова к отступлению. Красные бронепоезда являлись главными грозными противниками. Имевшиеся в отряде трехдюймовые пушки не могли состязаться с шестидюймовыми морскими дальнобойными орудиями бронепоездов. При отступлении подрывной взвод корниловцев методично взрывал все мосты, водосточные трубы, рельсы и стрелки.

Красные, заняв местность, в спешном порядке чинили мосты, заменяли рельсы. Ночью небольшие отряды добровольцев пробирались в тыл большевиков и взрывали все исправленное. Красные быстро освоились с положением и стали устраивать засады у мостов. После нескольких печальных вылазок добровольцы, разгадав замыслы красных, сначала находили и уничтожали заставы врагов, а затем уже и железную дорогу.

Штаб Кутепова, все запасы оружия и провизии помещались в поезде — 12 пассажирских вагонов, несколько товарных и одна платформа, на которой перевозили орудия. Все части на отдыхе жили, спали, ели в поезде. Кормили неважно: утром чай, два куса сахара и ломоть хлеба. На обед борщ с куском мяса, вечером чай и хлеб. В свободное время развлекались, сидя в самых безопасных местах — в поезде или в железнодорожных станциях, являвшихся главными целями артиллерии красных. Не было ни одного случая попадания в цель!

Пели по вечерам песни, сидя в полутемных вагонах. Иногда прибежал адъютант полковника Кутепова и просил прекратить пение: в Ростов передавали сводку штаба — тогда можно было узнать все новости: «Наличный состав отряда — 265, убитых 2, раненых 6; немедленно прислать трехдюймовых снарядов, патронов и динамита. Красные непрерывно заходят с севера. Идут упорные бои».

Через два дня большевики, починив полотно железной дороги, снова начали обстрел бронепоездами. Между Бессергеновкой и Марцевом был только один небольшой мостик через речку Самбег («Сам» Царь Петр, построив первый корабль,

спустил его по реке). Видимо, большевики его починили. Были вызваны охотники пробиться в тыл красных и взорвать снова этот мостик. Нашлось 5 подрывников под командой поручика Серебрякова, вызвавшихся на это опасное дело. Была найдена железнодорожная дрезина, приводившаяся в движение руками. С трудом 6 человек поместились на маленькой вагонетке, погрузив тяжелый мешок с динамитом.

В ясное прохладное утро подрывники двинулись в путь. В тот год была бесснежная зима. Проехали мимо железнодорожной будки, занятой нашими; на крыше сарайчика лежали два корниловца, изредка стрелявшие по красным цепям, долго целясь. По дороге решили разгрузить часть динамита, чтобы не таскать с собой тяжелого мешка, так как, исполнив главное задание — взрыв моста, — нужно было еще взрывать полотно железной дороги. С собой было взято лишь столько, сколько казалось достаточным.

Не успели выехать на степной простор, как большевики открыли огонь, дрезина понеслась с невероятной быстротой. Многочисленные цепи красных, находившиеся в версте от железной дороги, открыли пулеметный и ружейный огонь, боясь, однако, выйти наперерез. Запели свою нежную песню смерти русские трехлинейные пули, зажужжали, как жуки, страшные пули Гра. Французские ружья системы Гра времен Франко-Прусской войны 1870 года были проданы нашими милыми союзниками России во время войны, когда русское правительство лихорадочно закупало все оружие на мировом рынке для борьбы с немцами. Большевики нашли несколько тысяч этих ружей в Таганрогском арсенале. Пули были размером в палец и причиняли ужасные раны.

Вот и 62-я верста, вот и мостик через Самбег. Дрезина стаскивается с рельс за небольшую насыпь. В ровной степи дрезина слишком хорошая цель для красных. Пока три добровольца отстреливаются от наступающих красных, поручик Серебряков с двумя добровольцами прикрепляют пачки динамита к устоям и балкам моста. Все готово, зажжен бикфордов шнур, все бегут в стороны за прикрытием насыпи. Страшный взрыв, на который большевики уже отвечают орудейным огнем. Снова все бегут к мосту осмотреть разруше-

ние, и — о ужас! — мост не разрушен. Покоробило рельсы, вывернуло несколько шпал и балок, но мост мало поврежден. Нужно срочно ехать за оставленным в запасе динамитом. Кто хочет? Выходят двое.

Под градом пуль дрезина вытаскивается на рельсы, и начинается гонка со смертью. Огонь всех красных орудий и пулеметов сосредоточен на дрезине. Снаряды рвались со всех сторон. Пули шлепались о рельсы, о колеса дрезины, свинцовая пыль больно впивалась в руки, лицо. Дрезина неслась как на крыльях. Оставшиеся у моста, увидев неминуемую гибель дрезины, открыл частый огонь, чтобы отвлечь на себя огонь красных. Вот и знакомые кусты, где был оставлен динамит. Болят руки, грудь, плечи и ноги. Несколько минут отдыха, и снова в путь — в ад. Дрезина вылетает из прикрытия кустарника, и огонь красных переносится на нее. Но — милостив Бог — дрезина подкатывает к мосту. Дружеские руки подхватывают обессилевших ездоков.

Наконец мост разрушен окончательно. Никто не хочет возвращаться на дрезине, предпочитая возвращаться вдоль железнодорожной насыпи, но красные заметили движение и пошли наперерез — сотни против шести. Единственное спасение — дрезина; снова все размещаются, и начинается такой обстрел, что все предшествовавшее кажется детской забавой. Теперь вся красная артиллерия, расположенная кольцом у самого Таганрога, открыла ураганный огонь, красные пристрелялись, и снаряды рвутся на рельсах. Каждые сто саженей остановка, пачки динамита прикрепляются к стыку рельс. Местами предупредительные красные артиллеристы уже разрушили полотно. Дрезина тащится на руках.

Был ясный день. Как на ладони был виден Таганрог, красные батареи, цепи наступавших большевиков. Добровольцы отряда Кутепова, желая отвлечь внимание красных от обреченной дрезины, открыли частый огонь и местами пошли в наступление. Наконец выбрались из ада. Полковник Кутепов встретил возвратившихся подрывников. Назвав их молодцами, Кутепов был поражен, когда узнал, что все вернулись невредимыми, никто не был ранен, только волдыри на ладонях напоминали о происшедшей гонке со смертью.

ОТ ТАГАНРОГА ДО РОСТОВА С ОТРЯДОМ ПОЛКОВНИКА КУТЕПОВА²⁰

Сбежавший в Бессергеновке машинист поставил поезд отряда Кутепова в отчаянное положение. Но к счастью, среди добровольцев нашлось несколько человек, имевших некоторое теоретическое представление об управлении паровозом. Паровоз был Владикавказской железной дороги, серии А — нефтяной, огонь в топке был потушен сбежавшим машинистом и что-то было испорчено в тормозах Вестингауза.

Горе-механики развели огонь, бросив горящую паклю в топку; раздался взрыв, впрочем, кроме обожженных бровей и рук, повреждений не причинивший. Разведя пары, узнали, что вода на исходе, поехали к водоналивному крану. Тормоза не работали; после многократных попыток стали, наконец, так, что только часть воды лилась мимо бака; решили, что вряд ли сможем стать лучше. Нефти в баке паровоза тоже оказалось не много. На запасном пути была обнаружена цистерна с нефтью. Паровозы Юго-Восточной железной дороги ходили на угле, и приспособлений для наливки нефти не было. Собрав человек сорок, подкатили цистерну с нефтью и поставили на соседнем пути, рядом с паровозом. Разыскали несколько ведер, и началась наливка вручную. Стояли две цепи, передававшие из рук в руки грязные, маслянистые ведра. После нескольких часов тяжелой работы баки были наполнены нефтью.

Из штаба каждые полчаса прибегали адъютанты с просьбой ускорить приготовления к отступлению. Наконец, решив, что все готово, глубокой ночью начали подходить к поезду для прицепки; как ни старались «механики», паровоз с такой силой ударил стоящий поезд, что порвались телефонные провода; спящие попадали с верхних полок, многие, решив, что это нападение большевиков, выскочили из вагонов в одном белье с оружием в руках.

Из штаба прибежал адъютант с револьвером в руке, грозя застрелить виновных; ему было любезно предложено управлять паровозом, если он хочет. После нескольких неудачных попы-

ток паровоз был прицеплен, и поезд медленно двинулся в темноте на станцию Морскую. Среди офицеров был найден бывший студент-политехник армянин А., работавший на практике и умевший управлять паровозом. С нескрываемой радостью ему и был передан паровоз.

* * *

У станции Морской был уничтожен пулеметным огнем батальон латышей 6-го Тукумского стрелкового полка, зашедший по замерзшему полю в тыл отряда Кутепова. Захваченные два пленных были приведены к полковнику Кутепову. Молодые, рослые блондины, бывшие петроградские рабочие, были одеты в офицерские сапоги и кожаные куртки и вели себя независимо. При допросе, не скрывая, заявили, что они коммунисты, вежливо называя Кутепова — господин полковник.

Круто повернувшись, Кутепов ушел, махнув рукой. Перед смертью латыши попросили закурить. На их бледных лицах не было никаких признаков волнения. Жадно втягивая табачный дым, на вопрос окружавших их добровольцев — зачем они, латыши, хотят заставить русский народ подчиниться иностранной советской власти? — латыши не отвечали. Не докурив папирос до конца, они их отбросили.

* * *

29 января 1918 года в Новочеркасске застрелился первый выборный Донской атаман генерал Каледин, не поддержанный Донским казачьим Кругом и видя измену в казачьих частях. Настроение добровольцев сильно упало: значит, казаки не помогут защищать свой Дон.

Отряд Кутепова медленно, но неизбежно отступал к Ростову, цепляясь за каждую пядь земли. Морская, Синявка, Хопры, Гниловская... У Синявки был убит доброволец-подрывник Райгородский, ростовский еврей, вызвавшийся зайти в тыл большевикам для взрыва моста. Выполнив задание, он был убит у моста большевиками.

На станции Синявка пришло неожиданное подкрепление — 200 казаков-стариков станицы Гниловской во главе со священником с крестом в руках. Пойдя в атаку, они отбили большевиков от станции. Через день, бросив фронт, они ушли домой; стоявший рядом на фронте Корниловский полк — 500 человек — спасся поспешным отступлением; красные уже зашли в тыл.

* * *

С северо-запада двигалась армия Сиверса (бывшего прапорщика), состоявшая из: 3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков, двух интернациональных бригад, в которые входили военнопленные немцы и мадьяры, китайцы, латыши и балтийские матросы, отрядов петроградских рабочих, кавалерии — 1000 сабель, двух бронепоездов — 10 тяжелых и 32 легких орудия. 10 000 вооруженных рабочих присоединились к Сиверсу после захвата Таганрога.

С севера двигалась Воронежская армия — 10 000 красных казаков Подтелкова. С востока — Царицынская армия; с юга — 39-я пехотная дивизия, бросившая Кавказский фронт, с отрядами кубанских большевиков и черноморских матросов. Прекрасно снаряженные, одетые и вооруженные, с массой орудий, пулеметов и бронепоездов, красные двигались со всех сторон на Ростов, многочисленные местные большевики которого делали нападения на небольшие патрули и часовых-добровольцев, охранявших город.

Петля вокруг обреченного города затягивалась туже. Бои уже шли в предместьях Ростова; вся Добровольческая армия — 2000 бойцов — выступила на фронт. Отряд полковника Кутепова, как таковой, перестал существовать. Дальнейшее пребывание в городе грозило гибелью всей армии.

9 февраля 1918 года, в 4 часа 15 минут, в морозный вечер, генерал Корнилов выступил из Ростова в свой последний поход — Кубанский. Там в Екатеринодаре еще держались кубанские добровольцы.

Верный текинец нес трехцветный флаг, сшитый за несколько часов до выступления в поход из девяти аршин белой, си-

ней и красной материи. До тех пор пока флаг этот развевался — Россия еще существовала.

Флаг этот неизменно следовал за Корниловым до дня его смерти 30 марта 1918 года, под Екатеринодаром. Дальнейшая судьба этого исторического флага неизвестна.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ, УЧИНЕННЫХ БОЛЬШЕВИКАМИ В ГОРОДЕ ТАГАНРОГЕ ЗА ВРЕМЯ С 20 ЯНВАРЯ ПО 17 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА²¹

В ночь на 18 января 1918 года в городе Таганроге началось выступление большевиков, состоявших из проникших в город частей Красной армии Сиверса, нескольких тысяч местных рабочих, по преимуществу латышей и преступного элемента города, поголовно примкнувшего к большевикам.

Для подавления этого мятежа выступили офицеры, юнкера и ученики-добровольцы. Четыре дня на улицах города шли то ожесточенные бои, то перестрелка; наконец, добровольцы 20 января отошли к казенному винному складу, бывшему предметом особых вождедений большевиков.

Это был последний их оплот. Горсть людей, численностью не более 250 человек, подавленная количеством большевистских сил, с иссякшим запасом патронов, не могла более сопротивляться, тем более что винный склад был подожжен.

20 января юнкера заключили перемирие и сдались большевикам с условием беспрепятственного выпуска их из города, однако это условие большевиками соблюдено не было, и с этого дня началось проявление «исключительной по своей жестокости» расправы со сдавшимися.

Офицеров, юнкеров и вообще всех выступавших с ними и сочувствовавших им большевики ловили по городу и или тут же на улицах расстреливали, или отправляли на один из заводов, где их ожидала та же участь.

Целые дни и ночи по городу производились повальные обыски; искали везде, где только могли, так называемых «контрреволюционеров».

Не были пощажены раненые и больные. Большевики врываются в лазареты и, найдя там раненого офицера или юнкера, выволакивали его на улицу и зачастую тут же расстреливали его. Но смерти противника им было мало. Над умирающими и трупами еще всячески глумились. Один из большевиков — Шевченко, догнав у полотна железной дороги близ казенного винного склада раненого в ногу офицера или юнкера, ударом приклада винтовки сбил его с ног, после чего начал топтать ногами, а когда тот перестал двигаться, то помочился ему в лицо и еще несколько раз ударил его. Ужасной смертью погиб штабс-капитан, адъютант начальника Школы прапорщиков: его, тяжело раненого, большевистские сестры милосердия взяли за руки и за ноги и, раскачав, ударили головой о каменную стену.

Большинство арестованных «контрреволюционеров» отвозилось на металлургический, кожевенный и, главным образом, Балтийский заводы. Там они убивались, причем «большевиками была проявлена такая жестокость, которая возмущала даже сочувствовавших им рабочих, заявивших им по этому поводу протест».

На металлургическом заводе красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь до 50 человек юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки, в полусогнутом положении. Впоследствии останки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводе.

Около перечисленных заводов производились массовые расстрелы и убийства арестованных, причем тела некоторых из них обезображивались до неузнаваемости.

Убитых оставляли подолгу валяться на месте расстрела и не позволяли родственникам убирать тела своих близких, оставляя их на съедение собакам и свиньям, которые таскали их по степи.

По изгнании большевиков из Таганрогского округа полицией, в присутствии лиц прокурорского надзора, с 10-го по 22 мая 1918 года было совершено вырытие трупов погибших, причем был произведен медико-полицейский осмотр и освидетельствование трупов, о чем были составлены соответствующие протоколы.

Всего было обнаружено около 100 трупов, из которых 51 вырыт из могил.

Однако эти люди были далеко не все убитые большевиками, так как многие из них были, как сказано выше, сожжены почти бесследно, многие же остались незарытыми, а затем некоторые ямы, в которых были зарыты убитые, не были найдены, так как оказались совершенно сровненными с землей.

Большинство вырытых трупов принадлежало офицерам и юнкерам. Среди них, между прочим, оказались также несколько трупов учеников-добровольцев, мальчиков в возрасте 15—16 лет, одного рабочего, бывшего полицмейстера города Таганрога Жужнева и, наконец, бывшего командующего армией генерала от кавалерии Ренненкампа, которого большевики, продержав месяц под арестом и неоднократно предлагая ему командование их армиями, после категорического его отказа расстреляли в ночь на 1 апреля по приказанию своего «главоверха» Антонова.

Трупы были большей частью зарыты в землю на небольшом расстоянии от поверхности, так что иногда из-под земли торчали то руки, то ноги. В могилах обыкновенно находилось по нескольку трупов, сброшенных туда как попало; большинство трупов было или в нижнем белье, или же совсем без одежды.

Допрошенное при производстве расследования в качестве свидетеля лицо, наблюдавшее за разрытием означенных могил, показало, что ему «воочию при этом раскрытии пришлось убедиться, что жертвы большевистского террора перед смертью подвергались мучительным страданиям, а самый способ лишения жизни отличается чрезмерной, ничем не оправдываемой жестокостью, свидетельствующей о том, до чего может дойти классовая ненависть и озверение человека.

На многих трупах кроме обычных огнестрельных ранений имелись колотые и рубленые раны прижизненного происхождения — зачастую в большом количестве и на разных частях тела; иногда эти раны свидетельствовали о сплошной рубке всего тела; головы у многих, если не у большинства, были совершенно размозжены и превращены в бесформенные массы

с совершенной потерей очертаний лица; были трупы с отрубленными конечностями и ушами; на некоторых же имелись хирургические повязки — ясное доказательство захвата их в больницах и госпиталях. Труп полицмейстера Жужнева оказался с вырванным боком, что свидетельствует о том, что, по всей вероятности, он некоторое время не предавался земле, и собаки объели его».

Медико-полицейским осмотром вырытого из могил 51 трупа было установлено, что у 26 из них разможены и разбиты черепа, три трупа совершенно обезображены, у шести обнаружены переломы рук и ног, у 20 штыковые и рубленые раны, на трех хирургические повязки, в двух трупах опознаны ученики, в одном — рабочий и, наконец, в яме (могиле) у полотна железной дороги, идущей со станции Марцево на Балтийский завод, был обнаружен труп генерала от кавалерии Ренненкампа²² с огнестрельными ранениями в голову.

*М. Коваленский*²³

О СОБЫТИЯХ В ТАГАНРОГЕ²⁴

Стоящие гарнизоном, во время Первой мировой войны, в городе запасные полки 274-й и 275-й, а также учебный эскадрон Заамурского конного полка (полк стоял в селе Покровском) расплылись самотечным порядком по домам еще до декабря 1917 года, так как комплектовались они, главным образом, жителями Донской и Кубанской областей, а также Ставропольской, Екатеринославской и отчасти Харьковской губерний.

Оставшиеся же к декабрю 1917 года отдельные чины полков, в количестве не больше нескольких десятков человек, если и принимали какое-то участие в восстании рабочих, вспыхнувшем не в декабре 1917 года, а в январе 1918 года, подавлены не были, и поэтому господину Трёмбовельскому возвращаться после подавления бунта на станцию Бессергеновку тоже не было надобности.

Впоследствии из этих восставших рабочих и, возможно, кое-каких чинов запасных полков, после отхода отряда полковника Кутепова от Таганрога на Ростов, был сформирован Таганрогский полк Красной армии, влитый затем в армию Сорокина и принимавший участие в боях с Добровольческой армией у станции Торговая-Тихорецкая. К восставшим рабочим присоединились военнопленные, работавшие на Русско-Балтийском заводе.

Общее руководство восстанием имел австрийский капитан из военнопленных (фамилии сейчас уже не помню) и с ним прапорщик запаса К. Никифоров, при благосклонном участии командира 274-го запасного полка, князя Микеладзе.

В отряде полковника Кутепова броневедомоля не было. Оставшийся, после распыления Донской армии, на станции Ряженное броневедомоля вследствие отсутствия горючего был отправлен в город Таганрог и поступил в распоряжение Третьей Киевской школы прапорщиков, с которой в первые два дня восстания и принимал участие в рассеянии восставших.

К вечеру второго дня шофер автомобиля исчез (?!), и он остался стоять у ворот «Европейской» гостиницы, где была размещена школа. Ночью среди юнкеров нашелся знающий автомобильное дело человек, который пытался завести мотор, что, однако, не удалось сделать, так как бежавший шофер снял и унес с собой распределитель. После этого машина с помощью каната была втянута во двор гостиницы, разоружена, а впоследствии, при попытке юнкеров пробиться из города (что не удалось; пробилось и вышло из города всего одиннадцать юнкеров при одном офицере, остальные погибли), там и оставлена.

При занятии города немцами найдено было около двухсот трупов, которые и были с воинскими почестями погребены на местном кладбище.

Отряд же полковника Кутепова в то время состоял из Первой Офицерской роты (40 штыков), Второй Офицерской роты (количество штыков мне неизвестно), партизанского отряда полковника Семилетова, роты Корниловского ударного полка и роты Георгиевского полка.

ВОСПОМИНАНИЯ²⁵

Начался 1918 год. Беспощадная красная волна захлестнула всю Россию. Казалось, что те несколько сот человек молодежи, пробравшейся так же, как и мы, в Новочеркасск, одержимы каким-то безумием, пытаюсь идти против 180-миллионной народной массы. Капля воды в разбушевавшемся русском море...

Вся Россия, явно или тайно, из подлости, корысти, а порой просто глупости или трусости — против нас... Всюду вражда, озлобленность. Проявление этой звериной злобы мы почувствовали на собственной шкуре с первых же дней нашей службы в формирующихся еще только частях под командой генерала Корнилова.

После того как Мартыновского и меня зарегистрировали на Барочной, 2, нас сейчас же назначили в дивизион полковника Гершельмана, который начал формироваться в Ростове. Мы туда прибыли на следующий же день, а 5 января нас отправили по железной дороге в Таганрог.

Целью нашего пребывания там было пополнение наших частей оружием и лошадьми, брошенными солдатами Запасного Заамурского конного полка, спешившими «вернуться домой».

Мы встречали все время скрытое, а часто и явное сопротивление, но все же к вечеру 12 января наша работа была почти закончена. Грузили последних лошадей в поезд. В нашем вагоне («40 человек — 8 лошадей») мы заметили большой торчащий гвоздь, который мог ранить лошадь. Я попытался его вытащить рукой, но не мог. В это время проходил какой-то железнодорожный служащий, и я спросил, нет ли у него клещей. У него их не оказалось при себе, но он мне предложил пойти с ним, что он, мол, их достанет. Мы пошли между путями, все дальше и дальше. Мне это показалось подозрительным. В этот момент я услышал сбоку какой-то шум и невольно повернул голову. Над моим ухом раздался выстрел... Железнодорожник вместо того, чтобы дать мне клещи, стрелял в меня

в упор из револьвера... Признаюсь, что я ни о торчащем гвозде, ни о клещах больше не думал... Со всей силой ударил прикладом карабина по физиономии железнодорожника и с такой быстротой дал обратный ход, что даже не поинтересовался посмотреть, что случилось с вражеской мордой... все же думаю, что она была не крепче приклада карабина, который оказался надтреснутым...

В тот же вечер наш эшелон вышел из Таганрога, а вокзал заняли красные...

Однако через несколько дней суждено мне было опять попасть на тот же вокзал в Таганрог, и опять вместе с Мартыновским. Чтобы прорваться к станции, ротмистр Крицкий, командовавший тогда нашим взводом, послал Мартыновского и меня к погруженному на железнодорожную платформу бронированному автомобилю. Нас положили на эту платформу за тюками сена. Задание было — простреливать мертвое пространство броневедомола.

Платформа тронулась в путь под непрерывным вражеским обстрелом. Сено, которое нас прикрывало, как известно, пронизуемо более, чем стенки броневика... Тем не менее мы благополучно «простреливали мертвое пространство», не обратившись сами в мертвые тела... Думаю, не требуется комментариев, чтобы понять, почему наша «экскурсия» по таганрогским железнодорожным путям осталась в памяти на всю жизнь.

Весь январь и первые дни февраля прошли в военных действиях.

Под вечер 9 февраля я отправился для связи в штаб генерала Корнилова, расположенный в другом конце Ростова. На улицах города никого не было видно: казалось, все население вымерло. Только время от времени рвались шрапнели и доносилось пение «Интернационала»... Я доехал до дома, в котором помещался штаб, но он оказался пуст; на дворе догорал костер бумаг; явно в огонь были брошены документы, которые не должны были попасть во вражеские руки...

Я повернул назад к своему эскадрону. Вдруг шрапнель разорвалась позади меня, и мой гнедой конь, 4-го уланского полка (военный трофей!) сел на задние ноги. Положение казалось совсем безвыходным.

Опять вывез просто необычайный случай. Совершенно непонятно откуда — появились извозчицьи сани. Я окликнул кучера, но в ответ на мое «Стой!» он хлестнул лошадь, которая понеслась еще быстрее. Я успел все же вскочить на полозья саней и, держась левой рукой за спинку, ударил прикладом извозчика. Благодаря тому, что вожжи были намотаны на его руках, лошадь стала. Сняв седло с моего раненого коня, я вмиг оседлал Ростова, как я сразу же решил назвать «извозчицью клячу». Как я мысленно оскорбил и оклеветал Ростова, считая его «извозчицьей клячей», я очень скоро убедился. Характер свой он мне сейчас же показал, не давши сесть по правилам. За все время, что он у меня был, пришлось садиться на него так же, как и в этот памятный вечер, а именно — сначала пускать его шагом, держа повод в руке, и вскакивать на него уже на ходу.

Ростов оказался блестяще выезженным конем, с очень мягким поводом. На нем без труда я догнал свой эскадрон, который уже двинулся в поход: 1-й Кубанский. Весь поход с самого его начала мой красавец Ростов (рыжий, 6 вершков, Корольковского завода) прослужил мне верой и правдой. Пробеги бедняге часто приходилось делать длинные, но он стойко все выдерживал. За все время только раз захромал, и мне пришлось (к счастью, ненадолго) отдать его в обоз. В другой раз — было это под Екатеринодаром — большевистская пуля на излете ударила в его копыто. Мне удалось зубами ее вытащить. Ростов стоял спокойно во время этой операции и так же мужественно дал мне залить рану йодом из моего индивидуального пакета.

Была у Ростова одна «человеческая» слабость (или надо сказать: «лошадиная»?). У него был у нас в эскадроне приятель — конь одного из наших офицеров. Ростов любил его навещать. Когда мы ложились для отдыха где-нибудь в поле и я держал Ростова за повод, он ждал, пока я задремлю или притворюсь спящим... Тогда хитрый конь тихонько снимал повод с руки и так же неслышно уходил к своему другу. Но стоило мне проснуться и позвать его по имени... моментально Ростов появлялся. Если же я его долго не звал, он возвращался и сам, клал мне повод на руку... как будто бы и не уходил... В беде он меня всегда выручал, а раз спас жизнь,

когда казалось, что мне несдобровать. Случилось это, когда наш разъезд, в 7 коней, был выслан на станцию Выселки. На двух переправах нас обстреляли красные, но на третьей никого не было, и мы перешли ее в пяти или шести верстах от Выселок. Потом проехали шагом еще версты две, никого не встретив. Тогда я предложил командиру разъезда, что я один поеду для разведки. Командир согласился: разъезд остался ждать в балке, а я поехал вперед шагом, чтобы не обращать на себя внимания. Выехал примерно на версту и оттуда стал наблюдать за деятельностью красных: на железнодорожном пути стояло два эшелона, вокруг станции рыли окопы. Обернувшись, назад, я увидел, что мой разъезд уходит галопом, а между ним и мной идет пол-эскадрона большевиков. Я разобрал поводья по-скаковому, послал Ростова полным ходом и шепнул ему на ухо: «Выручай». И конь выручил — прошел между красными, и, только когда уже мы (Ростов и я) были шагах в пятидесяти впереди большевистской орды, раздались выстрелы — враг заметил белую тулью моей фуражки... Я одновременно со своим разъездом попал на мост... и поцеловал верного коня в морду.

Расстался я с Ростовым в момент, когда и для меня кончился 1-й Кубанский поход. Конь заболел воспалением легких. Он упал вместе со мной, в результате чего у меня треснула кость ноги, и я был вынужден на некоторое время уйти с линии фронта. Ростова я больше не увидел.

А. Крицкий²⁶

ИСТОРИЯ 1-ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО «ПОЛКОВНИКА ГЕРШЕЛЬМАНА» ДИВИЗИОНА²⁷

18 декабря 1917 года приказом генерала Алексеева было разрешено полковнику л.-гв. Уланского Его Величества полка Василию Сергеевичу Гершельману приступить в Ростове к формированию 1-го кавалерийского дивизиона.

Дивизион предполагалось сформировать двухэскадронного состава: 1-й эскадрон офицерский и 2-й юнкерский. Запись

прибывающих производилась в Новочеркасске в доме офицерского общежития, и записавшиеся и принятые направлялись в Ростов в здание Проскуровского госпиталя, на Николаевской улице, где прибывших приказом полковника Гершельмана назначали по эскадронам. К 3 декабря 1917 года в 1-м эскадроне было 18 офицеров, а во втором 26 добровольцев и 4 офицера. Вооружены они были трехлинейными пехотного образца винтовками.

Ежедневно в дивизион прибывало по несколько человек, сумевших пробраться на Дон и желающих стать на защиту погранной России и офицерской чести.

4 января полковнику Гершельману было приказано — с дивизионом перейти в город Таганрог, где принять от расходившегося «по домам» Запасного Заамурского полка лошадей, седла и мексиканские карабины, а трехлинейные винтовки сдать в Офицерскую гвардейскую роту.

6 января 1918 года дивизион выгрузился из железнодорожного состава на станции Таганрог и стал по квартирам на Николаевской улице — 1-й эскадрон в здании бывшего госпиталя, 2-й в свободном частном доме, тоже во время войны оборудованном под госпиталь.

С утра 7 января приступили к приему лошадей и карабинов. Лошади, оставшиеся не разобранными крестьянами соседних сел, стояли по конюшням Запасного Заамурского полка; при них было еще несколько не уехавших солдат, которые выдать лошадей отказались и дали знать в села о прибывших офицерах. До 12 часов дня, пока разговаривали с солдатами, в городе к конюшням собралась большая толпа рабочих местного аэропланного завода и крестьян из сел и деревень, которые заявили, что теперь лошади — их, и забрать их они не позволят. После тщетных уговоров полковник Гершельман приказал дивизиону выводить всех лошадей из конюшен к помещению 2-го эскадрона. Лошадей, несмотря на крики и угрозы толпы, вывели, а один рабочий, бросившийся на юнкера с ножом, был убит. В толпе поднялся шум и крик, раздавались голоса — перебить приехавших. Тогда по приказанию полковника Гершельмана 1-й взвод Офицерского эскадрона построился в пешем строю и развернутым фронтом, имея

винтовки в руках, молча и в ногу двинулся по улице на тысячную толпу, которая с бранью, угрозами и руганью разбежалась, а приемка лошадей и седел продолжалась под охраной нескольких часовых и патрулей.

Карабины принимали из склада Заамурского полка, причем старшему приемщику от дивизиона пришлось выслушать много острот и насмешек от офицеров Заамурского полка, бывших в складе.

На требование приемщика выдать 300 карабинов заведующий складом, офицер-поручик, указав рукой на целые горы оружия, сказал:

— Здесь карабинов тридцать тысяч, берите все, быть может, тогда и победите.

Триста штук карабинов было отобрано, и приемщики ушли.

8 января была закончена приемка и роздана по рукам, причем лошадей взяли всех 64, то есть всех тех, которых не взяли крестьяне и рабочие, то есть самых плохих, многих уже совершенно негодных к службе. Тем не менее их взяли, и 1-й эскадрон был посажен, 2-й оставался пешим. Из принятых 300 карабинов вооружили оба эскадрона, и 180 отобранных седел без приборов роздали каждому на руки.

10 января от 1-го эскадрона был выслан боевой разъезд в распоряжение командира Гвардейской роты, занимавшей станцию Никлиновку и сдерживающей напор большевиков. Дивизион же оставался в Таганроге, неся гарнизонную службу.

К этому времени дивизион имел следующий состав: 1) командир дивизиона — л.-гв. Уланского Его Величества полка полковник Гершельман, 2) старший офицер — 16-го гусарского Иркутского полка полковник Резников, 3) заведующий хозяйством — 1-го Заамурского полка полковник Коган.

Первый эскадрон: 1) командир эскадрона — 10-го уланского Одесского подполковник Селиванов, 2) вахмистр — 1-го Кубанского полка войсковой старшина Мадчавариани, 3) командир 1-го взвода — 15-го уланского Татарского полка ротмистр Крицкий, 4) командир 2-го взвода — 11-го гусарского Изюмского полка штабс-ротмистр Дубровитский,

5) командир 3-го взвода — 4-го уланского Харьковского полка ротмистр Скалков, 6) ротмистр 3-го уланского Смоленского полка Гессель, 7) капитан конной артиллерии Кононов, 8) есаул Терского казачьего войска Нездобинский; штабс-ротмистры: 9) 2-го драгунского Псковского полка Мунтянов, 10) 15-го уланского Татарского полка Стрижевский, 11) 4-го драгунского Ново-Екатерининского полка Товаров, 12) 3-го гусарского Елисаветградского полка Сомов, 13) 14-го драгунского Малороссийского полка Литвинов, 14) 14-го уланского Ямбургского полка Вишняков, 15) 10-го уланского Одесского полка Маневинский, 16) 2-го гусарского Павлоградского полка Борщ, 17) 4-го уланского Харьковского полка Иванов, 18) 16-го гусарского Иркутского полка Юпатов, 19) 2-го уланского Курляндского полка Иванчин-Писарев, 20) 1-го Заамурского полка Карунин; подъесаулы: 21) Терского казачьего войска Малахов, 22) Забайкальского казачьего войска Веремеев, 23) Донского казачьего войска Мальчевский; 24) штабс-капитан Саперного батальона Грегер; поручики: 25) 2-го уланского Курляндского полка Алтухов, 26) 2-го драгунского Псковского полка Шилькнехт, 27) того же полка Емельянов, 28) 17-го уланского Новомиргородского полка Зорин, 29) 4-го гусарского Мариупольского полка Яновский, 30) 3-го гусарского Елисаветградского полка Севостьянов, 31) 5-го уланского Литовского полка Сукачев, 32) 17-го гусарского Черниговского полка Ростовцев, 33) 5-го драгунского Каргопольского полка Перфильев, 34) 1-го Заамурского полка Дроздовский, 35) общей кавалерии Соцевич; корнеты: 36) 15-го уланского Татарского полка Сербин, 37) того же полка Есипов, 38) 6-го драгунского Глуховского полка Аксенов, 39) 4-го уланского Харьковского полка Зубов Ал., 40) 5-го драгунского Каргопольского полка Ростовцев, 41) 4-го гусарского Мариупольского полка Глушков, 42) 5-го гусарского Александрийского полка Мартыновский, 43) 17-го уланского Новомиргородского полка барон Бухгольц, 44) того же полка Квартано, 45) 17-го гусарского Черниговского полка Лозовский, 46) 11-го гусарского Изюмского полка Морозов, 47) того же полка Смит, 48) пограничной стражи Самолетов, 49) Ростиславский,

50) Мокржицкий, 51) Штепенко, 52) корнет Рыбалко, 53) корнет общей кавалерии Ефремов; хорунжие Донского казачьего войска: 54) Раздоров, 55) Бочаров, 56) Попов, 57) Линьков, 58) корнет пограничной стражи Меллер-Закомельский, 59) подпоручик конной артиллерии Мономахов; прапорщики: 60) конной артиллерии Пангишко, 61) пограничной стражи Красноярецев, 62) общей кавалерии Захаров, 63) Кубанского казачьего войска Венценосцев; 64) врач Темиров, 65) врач Каракаповский, 66) сестра М.Д. Дурново, 67) доброволец А. Корольков, 68) доброволец Ник. Корольков.

Второй эскадрон: 1) командир эскадрона ротмистр 4-го уланского Харьковского полка подполковник Балицкий, 2) командир 1-го взвода л.-гв. Его Величества полка²⁸ ротмистр Потоцкий, 3) командир 2-го взвода штабс-ротмистр Новиков, 4) командир 3-го взвода поручик Фермер, 5) командир 4-го взвода поручик Головин. Кроме господ офицеров во 2-м эскадроне состояло 62 добровольца — юнкера, кадеты, студенты и гимназисты.

10 января, согласно полученному разрешению, капитан Кононов, корнет Есипов, корнет Рыбалко и прапорщик Пангишко выехали в станицу Каменскую с целью выкрасть у казаков пулеметы, что они и сделали, вернувшись 11 января с пулеметами в дивизион.

12 января, согласно приказанию, приступили на станции Таганрог к погрузке в вагоны. В городе в это время уже открыто бесчинствовали большевики. К вечеру этого же дня они захватили пассажирский вокзал, а на товарном происходила погрузка дивизиона при охране нескольких часовых. К 6 часам вечера дивизион погрузился, но выйти не мог, так как машинист ушел на пассажирский вокзал к восставшим, куда присоединились и вообще все железнодорожные служащие, поломав предварительно стрелки на путях, а перед эшелон дивизиона на рельсы перевернули пустой товарный вагон. Умеющий управлять паровозом нашелся во 2-м эскадроне, и при общем участии всего дивизиона, преодолевая ряд затруднений, поезд через поломанные стрелки обводными путями вывели на главный путь. К 1 часу ночи эшелон, в неопытных руках добровольца сильно дергая, чем-то вроде скач-

ков вышел с Таганрогского вокзала, оставив его и город в руках восставших. 13 января к полудню эшелон прибыл на станцию Бессергеновку, где, оставив за собой подвижной состав под охраной караула, дивизион выгрузился и походным порядком выступил на станцию Неклиновку на поддержку Гвардейской роты.

Прибыв к утру 14 января на станцию Неклиновку и оставив два взвода 1-го эскадрона на станции, другой эскадрон с 1-м взводом 1-го эскадрона направился в села Покровское и Троицкое, где было приказано отобрать у жителей казенных лошадей, забранных ими самовольно из Запасного Заамурского полка. К вечеру было отобрано в Покровском 75 лошадей, и дивизион тронулся на Троицкое, но по дороге пришло приказание — всему дивизиону следовать на станцию Марцево, где соединиться с ротой капитана Чернова и совместно наступать на город Таганрог. При этом дивизиону ставилась задача — овладение кожевенным заводом, где оставаться.

С утра 15 января дивизион, спешившись у станции Марцево, повел наступление вдоль железнодорожной линии на кожевенный завод и к 2 часам дня, после небольшого боя, овладел заводом, где и оставался до дальнейших распоряжений.

В тот же день, по приказанию заведующего хозяйством полковника Когана, от караула, охранявшего на станции Бессергеновка железнодорожный состав, был выслан разъезд 5 коней в город Таганрог за продуктами. Разъезд беспрепятственно проник в город с восточной его окраины, но в городе подвергся обстрелу из окна дома и, потеряв убитыми корнета Меллер-Закомельского и добровольца Дурново, не достав продуктов, вернулся к эшелону, приведя трех раненых лошадей. Вечером того же дня 6 охотников вновь проникли в город за телами убитых, но их на месте обстрела не нашли. Это были первые потери дивизиона за войну с большевиками.

К вечеру бой в районе вокзала город Таганрога затих, рота капитана Чернова овладела вокзалом, осталась там на ночь, а дивизион получил задачу занимать кожевенный завод и линию железной дороги и прикрыть от большевиков узловую станцию Карцево. Выполняя задачу и занимая указанную линию, дивизи-

зион, ведя перестрелку с большевиками и отбивая их попытки выйти из города, оставался там до 20 января, когда было приказано дивизиону вновь перейти на станцию Неклиновка, где прикрывать отход Гвардейской роты.

21-го, с наступлением темноты, Гвардейская рота отошла, а дивизион, удержав станцию до утра 22 января и попортив пути и самую станцию, стал отходить на хутор Адабашево, где вела бой рота полковника Морозова. Подойдя на помощь пехоте, дивизион в пешем строю повел наступление и после трехчасового боя совместно с пехотой опрокинул большевиков и занял хутор, на котором и остался ночевать. В бою под хутором Адабашево были убиты командир 4-го взвода 2-го эскадрона поручик Головин, корнет Смит и три юнкера и ранен командир 1-го взвода 2-го эскадрона ротмистр Потоцкий.

23-го с утра большевики вновь повели наступление на хутор Адабашево, который был занят спешенным 2-м эскадром. 1-й эскадрон в конном строю, обойдя левый фланг красных, сперва остановил их наступление, а затем, совместно со 2-м эскадром, перешедшим в наступление, опрокинул наступавших, и к вечеру оба эскадрона вновь собрались в Адабашеве, где было получено приказание перейти в станицу Синявскую и дальше на село Чалтырь, которое занять и тем прикрывать правый фланг отряда полковника Кутепова, ведшего бой у станции Хопры.

Заняв село Чалтырь, дивизион отбил три попытки красных проникнуть в село и во время стычек захватил первые 6 лошадей из конницы большевиков, которые были сейчас же поставлены в строй взамен изнуренных. Находясь в селе Чалтырь, дивизион вел разведку на станциях Неклиновка и Султан-Салы Малые.

1 февраля в Чалтырь прибыл отряд (3 пешие и 2 конные сотни) хорунжего Назарова, который заявил, что он намерен уничтожить два эскадрона красных, занимавших деревню Султан-Салы Малые. В этом нападении на деревню Султан-Салы Малые вызвались принять участие совместно с отрядом хорунжего Назарова охотники дивизиона, но по разрешению полковника Гершельмана в этом деле могли принять участие не

более чем по 10 человек от каждого эскадрона, чтобы не ослабить выполнение дивизионом прямой своей задачи.

2 февраля с наступлением темноты отряд хорунжего Назарова выступил на деревню Султан-Салы Малые, имея в голове колонны 20 охотников из дивизиона под командой войскового старшины Мадчавариани. Пройдя от Чалтыря верст восемь, отряд в темноте и начавшейся метели сбился с дороги, и только случайный лай собаки, в полоборота вправо от колонны, дал отряду верное направление.

Когда отряд продвинулся на лай еще с полверсты, стали видны огни домов. По команде войскового старшины Мадчавариани офицеры рассыпались в цепь и, пройдя несколько сотен шагов, залегли в ожидании, пока сотни казаков рассыплются тоже. Но с первого взгляда стало ясно, что у хорунжего Назарова не казаки, а подростки, набранные из станиц и не умеющие владеть винтовкой. Подождав минут 20 и видя, что у казаков все цепь не удастся, а получается просто толпа людей, войсковой старшина Мадчавариани приказал цепи офицеров встать и двигаться на деревню. Лишь только цепи поднялись, как со стороны деревни раздались сначала одиночные выстрелы, затем пачками и из пулеметов, и загорелась огоньками вся опушка. Цепь, не стреляя, продолжала движение вперед, оставляя сзади все еще не рассыпавшихся в цепь и теперь залегших перед пулями в спину казаков. Не доходя шагов 200 до деревни, войсковой старшина Мадчавариани скомандовал: «Стой и огонь!» Цепь офицеров залегла и открыла огонь по деревне пачками, а спустя полторы-две минуты кинулась на «Ура!».

Движение было так дерзко и неожиданно, а темнота скрывала силы атакующих, что большевики, преследуемые 20 офицерами, бросились бежать через деревню вон, и офицеры ворвались в нее. Вбежавши в улицу, войсковой старшина Мадчавариани подбежал к светящемуся окну одной хаты, оттуда раздался выстрел, и раненный в живот Мадчавариани упал. Офицеры, бросив в хату несколько ручных гранат, продолжали движение в глубь деревни, а находящийся с охотниками врач дивизиона Темиров делал перевязку раненому. Достигнув противоположной опушки и выйдя за нее, цепь офицеров на-

ткнулась на брошенные 4 орудия, которые после осмотра оказались 7-й конной батареей. Большевики уже оправались от неожиданной атаки, и было видно, как они рассыпаются в цепь, ведя наступление на Султан-Салы Малые, где засели офицеры. Ротмистр Крицкий, вступивший в командование офицерами после ранения войскового старшины Мадчавариани, видя густые цепи наступающих большевиков, обходящих офицеров слева, а также ввиду того, что казаки не желали двигаться вперед, а частью продолжали лежать на том же месте, где начали рассыпаться в цепи, и стреляли по деревне, а частью уже уходили постепенно к Чалтырю, в то время как бывшие на левом фланге цепи две конные сотни в беспорядке отступали, — приказал тоже отходить, уводя 18 пленных и увозя захваченный пулемет.

Но оказалось, что выйти из деревни не так легко, как было туда войти. Большевики успели, скрытые темнотой, глубоко обойти левый фланг цепи, и пули летели спереди, справа и сзади. Стало светать. Большевики увидели отходящих и бросились бегом на деревню. Офицеры отходили, отстреливаясь от нападающих, из которых некоторые были уже в нескольких десятках шагов.

Положение было трудное, тем более что вот упал убитый поручик Севастьянов, поручик Алтухов, врач Темиров, три юнкера... Вот еще упал тяжело раненный штабс-ротмистр Литвинов, который умоляет его вынести, но возможности к этому нет, и его достреливает своя же отходящая цепь... Вот штабс-ротмистр Стрижевский докладывает: «Я ранен», — и штабс-ротмистр Сомов тоже ранен, ранено еще два юнкера, но все идут, отстреливаясь, валя нападающих, и, наконец, оставшиеся 8 человек выходят из деревни, везя с собой на крестьянской телеге, в которую веревочками и бинтами запряжена взятая у красных лошадь с пулеметным седлом, и помогая идти раненым — штабс-ротмистру Стрижевскому, Сомову и двум юнкерам — и ведя 18 пленных.

Выйдя из деревни, пошли в гору и, взойдя на нее и оглянувшись, увидели, что весь горизонт покрыт конной лавой, которая приближается к отходящим. Ускорили шаги, но импровизированная сбруя у лошади рвется, ее связали, но через

несколько шагов она вновь лопнула, и, наконец, просвистевшая близко от головы лошади пуля пугает последнюю. Она кидается в сторону, и повозка с ранеными переворачивается под откос. Времени поднять повозку, уложить раненых нет, до Чалтыря еще верст пять, а конница красных уже близко, уже ясно видны серые лошади.

Выхода нет, до своих не дойдешь, но живыми тоже не возьмут: глухой выстрел — и войсковой старшина Мадчавариани уже не рискует быть взятым живым... Еще ряд выстрелов — и пленных у нас нет...

Остальные уходят, но вот со стороны Чалтыря видна скачущая конница. То полковник Гершельман, узнав от прибывших казаков о неудаче отряда, скачет с коноводами и 1-м взводом на выручку оставшихся целыми своих. Конница красных сначала останавливается, а затем уходит обратно к своим. Взяв тело войскового старшины Мадчавариани через седло лошади одного из офицеров, не вернувшихся из Султан-Салы, и захватив пулемет с опрокинувшейся повозки, возвращаются в Чалтырь.

По показаниям пленных, деревня Султан-Салы Малые в момент атаки ее 20 офицерами занята была 3-м конным и стрелковым полками с 7-й конной батареей 4-й кавалерийской дивизии. Казаки, вернувшись в Чалтырь, объявили, что офицеры дивизиона — изменники, решили дивизион обезоружить и всех арестовать. Тогда, по приказанию полковника Гершельмана, дивизион построился по тревоге у хаты штаба дивизиона, и казаки, повертевшись и погалдев, решили идти, не трогая дивизиона, на станцию Хопры, а оттуда по домам.

На станции они вновь стали дебоширить, и так как пехота была занята боем, то для их успокоения был вызван из Чалтыря дивизион, который и выступил в 8 часов вечера 3 февраля, но на подороге пришло приказание дивизиону вернуться, так как казаки уехали на станцию Гниловскую. Оставаясь в Чалтыре и исполняя поставленную задачу, дивизион ежедневно терял много людей из-за отмороживаний. Так, к 6 февраля в Ростов было отправлено через станцию Хопры 12 офицеров и 23 юнкера с отмороженными конечностями. Некоторые из них не смогли выехать с армией из Ростова, так их там и застали большевики.

6 февраля отряд полковника Кутепова начал отход на станцию Гниловскую, а дивизион отошел на Ростов, куда и прибыл 7 февраля вечером, став по квартирам в лазаретах города. 7 же февраля отстали от дивизиона восемь добровольцев, поступивших в Таганроге.

8 февраля вместо подполковника Селиванова командиром 1-го эскадрона был назначен ротмистр Крицкий. Этот день дивизион провел в квартирах, занимаясь ковкой лошадей, починкой одежды и т. п. своими делами.

9-го в 7 часов утра дивизион, находившийся в конюшне на уборке лошадей, внезапно подвергся артиллерийскому обстрелу со стороны Султан-Салы Больших. Поседлав по тревоге, под обстрелом, дивизион выступил на выстрелы. Здесь впервые дивизион, будучи в конном строю, попал под сильный артиллерийский огонь. Добровольцы 2-го эскадрона, не бывшие еще в конном бою, после первых же удачно упавших близ дивизиона снарядов свалились с лошадей и, прижавшись к ним, как бы притаились от выстрелов, но пошедший вперед на рысях 1-й эскадрон заставил их, чтобы не остаться одним в поле, садиться и по одному и группами догонять ушедших.

После произведенной разведки выяснилось, что большевики крупными силами ведут наступление на Ростов и находятся в 5 верстах от лазаретного городка, бывшего местом ночлега дивизиона. Дивизион отошел и, согласно полученному приказанию, спешил, удлиняя собой цепь корниловцев вправо за дорогой на Султан-Салы, выслав одновременно один взвод на станцию Нахичевань для наблюдения. Ведя упорный стрелковый бой с наступающими большевиками, дивизион до темноты удержал за собой указанные ему позиции и около 8 часов вечера, согласно полученному приказанию, начал отход от Ростова вслед за ушедшей армией, составляя арьергард ее.

В этом бою был убит командир 2-го эскадрона подполковник Балицкий и два добровольца и ранены командир 1-го эскадрона ротмистр Крицкий и один юнкер. На рассвете 10 февраля дивизион подошел к станции Кизитеринка, где ему было приказано задержаться до распоряжения, прикрывая переправу армии, у станции Аксай, по льду через Дон.

Прикрыв переправу армии, дивизион вечером 11 февраля начал переправляться сам и, закончив переправу, остановился на левом берегу Дона у самой реки, оставив сеть разъездов для наблюдения за Ростовом и для прикрытия начавшейся переправы снарядов, патронов и раненых, прибывших из Новочеркасска.

Ведя лишь разведку и не имея перед собой активного противника, дивизион, стоя на месте и понеся большие потери в предыдущих боях, приказом полковника Гершельмана был сведен в один эскадрон под командой ротмистра Крицкого, куда 4-м взводом вошли 16 юнкеров, оставшихся от 2-го взвода, так как в ночь оставления Ростова еще 4 добровольца остались в городе. 1-й взвод эскадрона принял штабс-ротмистр Иванчин-Писарев, а 4-й взвод — штабс-ротмистр Иванов.

Потери дивизиона с момента оставления Таганрога и до переправы через Дон выразились в цифрах: убитых офицеров 8, раненых 4, обмороженных 12; добровольцев убитых 6, раненых 5, обмороженных и оставшихся в Ростове и Новочеркасске 23 и дезертировавших 12. Таким образом, дивизион, сведенный в 1-й офицерский эскадрон, насчитывал в своих рядах 62 всадника на измотанных и изнуренных лошадях, причем все всадники были без шашек.

Раздел 2

БОИ НА НОВОЧЕРКАССКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В НОВОЧЕРКАССКОМ РАЙОНЕ²⁹

Отряд Чернецова не в силах сдерживать красных. Чернецов едет к атаману. Атаману остается только одно: обратиться за помощью к генералу Корнилову. В распоряжение Чернецова назначается 4-я (основная) офицерская рота в 50 штыков, которой командует полковник Морозов.

9 января 4-я рота прибывает на станцию Зверевево и обеспечивает тыл отряда Чернецова вдоль железной дороги в сторону станции Дебальцево.

Между тем силы красных все увеличивались. К ним, помимо того, присоединились донцы, вернувшиеся с фронта Великой войны. Сведения разведки говорили и о подходе к красным артиллерии. У Чернецова ее, нет и он снова едет в Новочеркасск. Генерал Корнилов приказывает взводу 1-й батареи поступить в распоряжение есаула Чернецова. Командир батареи, подполковник Миончинский, решает быть со взводом и берет с собой пеший взвод с пулеметами.

15 января взвод погрузился в железнодорожный состав, приспособив орудия для стрельбы с платформы. С ним пеший взвод батареи и часть партизан, во главе с есаулом Чернецовым. С отправкой эшелона произошла задержка: явились казаки и потребовали сдачи присвоенной батареей «похоронной пушки». Есаул Чернецов решительно отказал им, предупредив, что откроет огонь, если они применят силу. Ему пришлось со своими партизанами даже спешно идти к атаманскому дворцу, где казаки также «осадили» атамана, чтобы тот отдал рас-

поряжение о сдаче орудия. Чернецов разогнал казаков. Эшелон с орудием двинулся на север.

16 января, в пути, Чернецов узнает, что его отряд был вынужден оставить станцию Лихую. По прибытии на станцию Звереве он грузит в эшелон 4-ю офицерскую роту и едет на станцию Лихую, послав в Новочеркасск просьбу назначить новую часть на станцию Звереве для обеспечения тыла отряда. Высылается взвод от 1-го Офицерского батальона.

Красные немедленно оставляют станцию Лихую, как только по ней было произведено два орудийных выстрела 1-й батареи. Это были первые выстрелы добровольческой артиллерии.

Но едва станция Лихая оказалась в руках Чернецова, как было получено сообщение, что станция Звереве занята красными, выбившими из нее взвод 1-го Офицерского батальона, только что туда прибывший. Чернецов без промедления с частью партизан, 4-й офицерской ротой и одним орудием возвращается назад и выбивает красных со станции. Здесь он узнает, что в сторону станции Дебальцево, на станции Гуково, высаживается большой отряд красных. Для его уничтожения из Новочеркасска высылается весь 1-й Офицерский батальон. Не беспокоясь теперь за свой тыл, он всеми своими частями возвращается на станцию Лихую.

17 января Чернецов со своими партизанами и двумя орудиями атакует и берет после серьезного боя станцию Северо-Донецкую и уже, не встретив сопротивления, занимает и станцию Каменскую. В этот день 4-я офицерская рота, оставленная на станции Лихой, отбила наступление красных с запада.

18 января красные снова атаковали станцию Лихую. Бой был жестокий. 4-я рота была вынуждена оставить станцию, не успев вынести своих раненых. Но на помощь вернулся Чернецов с частью своих сил. Контратакой Чернецова с севера и 4-й роты с юга красные были выбиты с большими для них потерями, не успев вывезти свой железно-дорожный состав, груженный снарядами — около 1000 штук, лошадьми, продовольствием. 4-я рота потеряла до 15 человек, из которых большинство было убито или добито красными. Оставив на станции вместе

с 4-й ротой часть партизан, Чернецов вернулся в станицу Каменскую.

19 января прошло спокойно. Чернецов из поступивших в его отряд добровольцев сформировал 3-ю сотню и готовился к атаке следующей к северу станции Глубокой.

20 января. Чернецов направил свой отряд в наступление двумя группами: одна — сотня партизан с орудием на платформе вдоль железной дороги; другая — сотня партизан, 4-я офицерская рота и пеший взвод батареи с орудием — в обход станции с востока. С этой группой он пошел сам. Одновременная атака станции Глубокой должна начаться около 16 часов. Но обходная группа запоздала: слишком тяжелым для нее оказался путь. В 16 часов первая группа завязала бой и вынуждена была отойти.

Группа с Чернецовым атаковала станцию лишь с наступлением ночи, ворвалась в поселок, но, встретив сопротивление, стала отходить. Офицерская рота, наступавшая на левом фланге, вынуждена отходить вдоль железной дороги на станцию Каменскую.

21 января. Ночью в небольшом хуторе с Чернецовым собралась едва сотня человек. С рассветом он стал отводить свой маленький отряд в направлении на станцию Каменскую, но ему преградила путь колонна кавалерии с батареей. Это был 27-й Донской казачий полк с четырьмя орудиями.

Отряд отбил две атаки. Чтобы быть менее уязвимым для кавалерии, отряд шел лощинами, но этот путь был не для орудия и пулеметов: их пришлось оставить. Вся группа тесно сомкнулась около Чернецова. Тут же и юнкера-артиллеристы с подполковником Миончинским. Отбита новая атака. Чернецов кричит юнкерам: «Поздравляю вас с производством в прапорщики!»

Положение явно безнадежное: уже более четверти состава группы выбыло из строя. Ранен и сам Чернецов. Однако он не принимает предложение о сдаче. Вдруг в стороне железной дороги послышались артиллерийские выстрелы. У окруженных появилась надежда, но казаки теснее сжали кольцо окружения. Следует их новое предложение о сдаче: войсковой старшина Голубов, командующий казачьим полком, заверяет «че-

ственным словом офицера», что, если Чернецов даст письменное приказание той части своих партизан, которая в данный момент ведет наступление вдоль железной дороги, отойти, группа и он сам будут пропущены в станицу Каменскую при одном лишь условии — сдачи оружия. Чернецов не верил Голубову, но ему оставалось принять это предложение, предварительно приказав подполковнику Миончинскому и всем конным выбраться из окружения и сообщить есаулу Лазареву, его заместителю, о судьбе отряда.

Голубов не сдержал своего слова: пленные под конвоем во главе с подхорунжим Подтелковым были направлены на станцию Глубокая.

В какой-то момент, когда конвоиры спорили о необходимости соблюсти данное Голубовым «честное слово», Чернецов, ехавший рядом с Подтелковым, набрасывается на последнего и кричит «Ура!». Партизаны и юнкера подхватывают: «Ура!» Конвой разлетается во все стороны, пленные разбегаются. Но Подтелков успевает зарубить Чернецова. Была уже ночь, и она спасла жизнь части пленных. Остальные были зарублены. Спасшиеся добрались до станицы Каменской. Погибли многие партизаны и 16 юнкеров и офицеров Юнкерской батареи.

22 января, утром, есаул Лазарев, которому подполковник Миончинский сообщил о судьбе отряда, со своей сотней и 4-й офицерской ротой произвел отчаянный налет на станцию Глубокую. Казаков уже не было: они разъехались по домам. Красные оставили станцию. Подобрав своих убитых на станции и в степи, отряд вернулся в Каменскую.

23—26 января. Чернецовский отряд стоял в Каменской, не тревожимый красными, но и сам не предпринимал никаких активных действий. Лишь орудие штабс-капитана Шперлинга на железнодорожной платформе выезжало к станции Глубокая и обстреливало ее.

В один из этих дней подполковник Миончинский, узнав, что недалеко от железной дороги, в хуторе Гусево, казаки оставили свои орудия, решил забрать их. В хуторе оказалось 6 орудий, 12 зарядных ящиков и другое имущество. Все это было свезено к железной дороге и грузилось на специально поданный состав. Операция производилась под прикры-

тием орудия штабс-капитана Шперлинга, ведшего упорный огневой бой с красным орудием, также на платформе, стремившимся помешать погрузить взятые трофеи. Был тяжелый момент: платформа с камнями, посланная красными, ударила в площадку орудия штабс-капитана Шперлинга, сбив ее с рельс, но была быстро поставлена снова на место.

Со взятыми трофеями и оставшимися в живых юнкерами, оставив с партизанами орудие штабс-капитана Шперлинга, подполковник Миончинский выехал в Новочеркасск для формирования батареи. Все эти дни 4-я рота стояла на станции Лихая и отбрасывала приближавшиеся к ней партии красных.

27 января красные выбили 4-ю роту, но контратакой роты и подъехавших из Каменской партизан положение было восстановлено.

28 января красные снова взяли станцию Лихую. Контратаки на этот раз не последовало. Партизаны были связаны наступавшими от станции Глубокая красными, а 4-я рота получила приказание срочно прибыть на станцию Зверево, которой угрожал противник и где уже не было 1-го Офицерского батальона. Чернецовский отряд оказался отрезанным от своего тыла.

29 января, получив приказание отойти на станцию Зверево, есаул Лазарев решил очистить себе путь по железной дороге. Ему пришлось вести бой уже на разъезде Северо-Донецкий. В начале боя попаданием снаряда красных было подбито колесо орудия штабс-капитана Шперлинга, убито 4 юнкера и 2 ранено. Ведение дальнейшего боя без орудия и при незначительности сил партизан — было бессмысленно. Есаул Лазарев отводит отряд в станицу Каменскую и с наступлением ночи уводит его к востоку от железной дороги, взяв затем направление на станцию Зверево.

В пути орудию приказано двигаться прямо в Новочеркасск. С приходом чернецовцев на станцию Зверево 4-й роте приказано ехать в Ростов.

«Слава чернецовцам!» — с такой мыслью расставались офицеры и юнкера первых частей Добровольческой армии с малочисленным, юным по составу, но героическим и исключительным по высоте духа отрядом донских добровольцев-партизан.

4-я рота три недели сражалась в составе этого отряда, выдержав 16 боев. Она вступила в бои в составе 50 человек. За это время она пополнилась как пробиравшимися с севера добровольцами, так и местными жителями. Закончила бои она в составе 30 человек. Командир роты, полковник Морозов, завоевал огромную любовь и доверие своих подчиненных и сам крепко связал себя с первыми добровольцами, позднее ставшими марковцами. Он был первым командиром сформированного впоследствии 2-го офицерского генерала Маркова полка.

Почти три недели в рядах чернецовцев билась и Юнкерская батарея со своим пешим взводом, потеряв в боях 26 человек, из которых только троих ранеными. Первые орудия Добровольческой армии оказывали огромную помощь героическим партизанам, жертвуя собой. 6 юнкеров убитых, 3 раненых из обслуживающих орудия — показательны. Потеря одного орудия восполнена приобретением 6 орудий. Выдвинулись имена начальников батареи: подполковника Миончинского и штабс-капитана Шперлинга.

Прибыв в Новочеркасск, подполковник Миончинский немедленно приступил к формированию 4-орудийной батареи. (Два орудия были сданы донцами из-за их негодности). Не хватало людского состава, так как о судьбе 34 чинов батареи, пошедших в экспедицию на Царицын и в Екатеринодар, известно ничего не было. Некомплект был отчасти покрыт вступившими добровольцами.

Через несколько дней батарея была сформирована и отправлена снова на фронт, но ей не пришлось даже разгрузиться, как она была вызвана в Ростов.

О судьбе орудия штабс-капитана Шперлинга в батарее ничего не знали в течение более недели, пока, наконец, оно не приехало в Новочеркасск. Ташили волами. Лошади, как и юнкера, были измучены до предела; моральное состояние граничило с полным отчаянием: одни среди населения, «кончившего войну»; одни среди разговоров и слухов о полном развале в Новочеркасске, о смерти атамана... Но орудие не брошено. Сутки, другие, отдых в Новочеркасске, а 5 февраля присоединение к своей батарее в Ростове, вместе с юнкерами, бывшими в экспедиции на Царицын.

ВЫСТУПЛЕНИЕ 1-ГО ОФИЦЕРСКОГО БАТАЛЬОНА

В батальоне едва 150 человек, так как свыше 80 человек находится в разных экспедициях. С 1 января он пополнил свои ряды только 10—12 офицерами, среди которых был подполковник Плохинский, принявший 1-ю роту.

16 января от батальона высылается взвод на узловую станцию Зверево для обеспечения тыла отряда Чернецова. Взводу сразу же пришлось вступить в бой с красными, наступавшими с запада, со стороны станции Гуково. С возвращением к станции части сил Чернецова взвод принял участие в контратаке, потеряв убитым поручика Арбатского. Станция была занята.

17 января ввиду того, что стало известно о сосредоточении на станции Гуково больших сил красных, на станцию Зверево направлен весь 1-й Офицерский батальон. Но выехать сразу ему не удалось. С паровоза сбежали машинисты во исполнение объявленной Викжелем (Всероссийский Исполнительный Комитет железных дорог) забастовки. Розыски машинистов не дали результатов, и тогда пришлось обратиться к своим силам: из рядов батальона были взяты офицеры, имеющие некоторое представление об управлении паровозом. И только утром 18 января состав отошел из Новочеркасска. С чудовишной скоростью мчался он и, после минутной остановки на станции Сулин, прибыл на станцию Зверево, употребив на покрытие всего расстояния в 95 верст — 66 минут.

На станции ожидал прибытия батальона только что отброшенный красных разведчиков взвод. Батальон выгрузился и выставил охранение. В станционных пакгаузах были найдены полушубки, два ружья-пулемета Леха, японские грелки и блестящие твердые пластинки, сочтенные за прессованный чай и как таковой разобранные, но вскоре отобранные и переданные в подрывную команду, так как эти пластинки оказались сильнейшим взрывчатым веществом, но не без того, однако, чтобы некоторые не попробовали этот «чай». Вкус его был вполне приемлем, хотя и не совсем обычен.

19 января. Утром красные пытались произвести разведку, но, нарвавшись на заставу, повернули назад. После полудня

2-я рота штабс-капитана Добронравова получила задачу: неожиданным ночным ударом захватить станцию Гуково. Около 15 часов рота, численностью в 35 человек, выступила. Разыгравшаяся в степи метель, казалось, облегчала задачу.

Часа через три после ухода роты дежурный на телеграфе старший портупей-юнкер Козлов обратил внимание на вызовы станции Гуково дежурным телеграфистом. По проверке ленты оказалось, что какой-то предатель в самый момент ухода роты уже сообщил красным о готовящемся на них нападении. По приказу командира батальона пойманного с поличным телеграфиста расстреляли. Во 2-ю роту была послана связь с приказанием ей вернуться назад. Но связь не нашла следов ее. Вскоре стали возвращаться отдельные ее чины. Всего вернулось 7 офицеров. По их рассказам произошло следующее.

2-я рота двигалась вдоль полотна железной дороги. Не доходя верст трех до станции, она взяла влево к оврагу и оттуда, не разворачиваясь, двинулась на станцию, имея впереди и по бокам себя дозоры. Видимости никакой. Дозоры, шедшие впереди, неожиданно открыли огонь, столкнувшись в упор с красными. Рота развернулась в цепь. Огонь, открытый красными впереди, неожиданно был поддержан огнем слева и справа. Всем стало ясно, что рота попала в заранее заготовленную ловушку. Штабс-капитан Добронравов приказал отходить. Под перекрестным огнем, лавируя в белых зигзагах метели, тщетно рота искала выхода. Ранен штабс-капитан Добронравов. Его пытаются поднять и нести, но он требует своего оставления, бранится, грозит пристрелить каждого, кто приблизится к нему...

Потери чудовищные: из 35 человек вернулось 7. Судьба пропавших еще неизвестна, но в печальном их конце не сомневались. Настроение в батальоне сильно возбужденное: послать 35 человек на десять верст, определенно зная, что там немалые сотни противника!

20 января. Стало известно, что на станцию Гуково красные подвезли новые силы и что там теперь их до 2000 человек. Нужно устранить нависшую угрозу, разбить их, но полковник Борисов направляет не весь батальон, а 94 штыка с одним

пулеметом, под командой подполковника Плохинского. Батальон выступил около 22 часов вдоль железной дороги, катя пулемет на дрезине. Ночь. Сильный мороз, сменивший метель.

21 января. Около 3 часов ночи батальон подошел к станции, развернувшись в боевой порядок. Дозор на железной дороге в темноте наскочил на часового, дикий крик которого и послужил началом боя. Красные не ожидали атаки и спокойно ночевали в поселке и в трех составах поездов. Батальон перешел в атаку. Сбита застава красных, открывшая огонь. Подполковник Плохинский заколол пулеметчика. Раненный в кисть правой руки, штабс-капитан Згривец³⁰, держа винтовку в левой руке, закалывает другого... В батальоне первые раненые. Смертельно ранен командир 3-й роты штабс-капитан Пейкер.

Батальон подбегает к станции. Красные выскакивают из вагонов, выбегают из домов, чтобы оказать сопротивление, но уже поздно: на них налетели атакующие. В порыве атаки все перемешалось. В несколько минут весь перрон станции усеян трупами красных. Красные бегут в беспорядке к своим эшелонам, к двухэтажному зданию, из окон которого стреляют по перрону. За ними в здание врываются офицеры. Груды убитых покрывают полы. Вскоре в здании не остается ни одного живого большевика.

На железнодорожных путях станции три эшелона, готовые уходить. Первый дает ход. Офицеры бегут рядом с вагонами, стреляя в них в упор. Из одного вагона большевик пытается бросить ручную гранату, но она разрывается в самом вагоне и поражает набившихся в нем до отказа красных. Эшелон отрывается от преследования и, обстреливаемый сзади подоспевшим пулеметом, быстро удаляется. Два других состава остановлены вскочившими на паровозы офицерами.

Бой продолжался всего лишь минут двадцать. Успевший уйти со станции эшелон красных, в версте-двух за ней, переехал железнодорожный мост, который был минирован зашедшей в тыл станции Донской офицерской дружиной. Мины не взорвались, но эшелон попал под обстрел в упор самой дружины.

Потери батальона были тяжелыми: 7 убитых и 20 раненых: свыше 25 процентов состава. Количество трупов красных на

путях, на перроне, в зданиях станции превышало 500, и редкий из них имел пулевую рану. Трофеи: 13 пулеметов, большое количество винтовок и патронов, около 300 пленных. Кроме того, в поездах было взято много продовольствия: рис, сухие фрукты, много сахара, несколько живых свиней и походные кухни с уже готовой пищей, что для иззябших и усталых чинов батальона было весьма кстати.

Из опроса пленных офицеры узнали места, где были зарыты убитые накануне офицеры 2-й роты. Тела их были отрыты в ужасном виде, свидетельствовавшем о нечеловеческих пытках, которым подвергли их красные. Штабс-капитан Добронравов был зарыт еще живым. Все это решило участь пленных...

К полудню, сдав участок Донской офицерской дружине, в которой, из общей численности около 200 человек, офицеров было едва ли 20, а остальные молодежь и старики казаки, батальон погрузился в железнодорожный состав и, взяв своих убитых и раненых, а также и все трофеи, выехал на станцию Зверево. Там он не задержался: как только погрузился в него командир батальона с остававшейся здесь частью батальона, тронулся в направлении на Новочеркасск. Батальон получил приказание ехать в Ростов.

Обратный путь был не совсем обычен: лишённые опыта офицеры-машинисты сожгли котел своего «китайца» и, ввиду отсутствия другого паровоза, только что прибывший в батальон поручик Лысенко, инженер-путеец, произвел разведку зверевского депо, где в деревянном сарайчике нашел давно не употреблявшийся в дело паровоз, на маленьких четырех колесах, отапливаемый дровами, с конусообразной, обращенной узким концом вниз, трубою, известный в старой России под кличкой «Танька». Паровозик этот немедленно перекрестили любовным именем «Танюша», которому, кряхтя, пыхтя и задыхаясь, суждено было доставить состав батальона до станции Сулин, под самоличным управлением поручика Лысенко, не доверявшего это археологическое сокровище лихим машинистам. На станции Сулин душа «Танюши» была отпущена на покаяние, и батальон вступил в обладание новым «китайцем», случайно оказавшимся на станции.

По прибытии в Новочеркасск батальон выгрузил на перроне вокзала своих убитых и, оставив взвод для погребения и отдания им последних почестей, выехал в Ростов.

Жестокая смерть соратников 2-й роты произвела на офицеров тяжелое впечатление, и особенно смерть штабс-капитана Добронравова, который, чтобы спасти своих, приказал его, раненого, оставить. И тогда решили: никогда не оставлять врагу своих раненых и убитых. Это было суровое внутреннее решение, молчаливое взаимное обязательство, неписанный закон, традиция.

К 29 января все части Добровольческой армии, стоявшие в Новочеркасске, кроме одного орудия штабс-капитана Шперлинга и 13 артиллеристов 1-й батареи, бывших на станции Чир, переехали в Ростов. Генерал Корнилов сосредоточивал свою армию в районе Ростов—Таганрог, чтобы там дать отпор готовящейся к наступлению сильной группе войск Сиверса. Оборону Новочеркаска он передал донцам.

Д. Марченко

НА БОЕВЫХ ПОСТАХ³¹

В тот же день в полдень мы приехали в Новочеркасск и на извозчике поехали на Барочную, 39, явились к полковнику Хованскому и получили назначение в 1-ю офицерскую роту, стоявшую в лазарете на Грушевской улице. Явились к командиру штабс-капитану Некрашевичу. Я был назначен в 1-й взвод к поручику Козыре. Бутенко во 2-й. В роте уже было около ста офицеров. Неделю мы отдыхали с дороги, а потом началась и для нас караульная и патрульная служба с разведывательными заданиями, так как в городе было неспокойно и ожидалось выступление рабочих в предместье Хотунок. Особенно часто «в разведку» попадали я и поручик Шевченко. Однажды мы спросили, почему это происходит. Командир роты ответил, что оба мы — Георгиевские кавалеры, и к нам особое доверие. Было лестно, но от этого легче не стало.

На Святках роту посетили Деникин и Марков. Это заметно подняло дух. Рота росла. Около 10 января она была переведена на Ботаническую улицу, а через день к нам прибыл подполковник Плохинский и получил в командование роту.

* * *

Вскоре нас посетил генерал Корнилов. Он собрал нас и говорил о политической обстановке, о задачах формируемой армии, о своем отношении к будущему устройству России. Провел он с нами около часу. Влил в нас еще больше веры в свое дело и в грядущее возрождение Родины.

20-го мы погрузились в вагоны и были направлены на станцию Зверево. (В этот день в роту явился поручик Крылов Иван³², впоследствии прозванный Дядя Ваня, ставший потом в эмиграции моим близким приятелем). Обстановка складывалась неблагоприятно. После гибели Чернецова остатки его отряда и одна посланная к нему на поддержку и для обеспечения связи с тылом рота нашего Офицерского батальона отступали походным порядком вдоль железнодорожной линии на Зверево. В это время красные со стороны Дебальцева продвинулись до соседней с ней станции Гуково, чтобы отрезать им путь. Красных было до двух тысяч, в 5—6 эшелонах.

На рассвете рота атаковала Гуково, взяла станцию, захватила несколько составов, в которых были вагоны с продовольствием и патронами. Все поле вокруг было усеяно трупами красных. Часть их бежала, так как донская «дружина», которая должна была перехватить у красных путь отступления, состоявшая из стариков офицеров, как и сотня юнкеров военного училища, опоздали.

Нас сменили донцы, и мы направились, минуя Новочеркасск, в Ростов, где нам была поручена охрана железнодорожного узла, на котором стали сильно пошаливать городские большевики.

Удручающее впечатление произвело самоубийство атамана Каледина. Чувствовалось, что наш «донской» этап заканчивается. А вдруг это конец всему?!

В эти тревожные дни было получено из Новочеркасска распоряжение отправить туда из Ростовского отделения Государственного банка всю золотую и серебряную наличность. При погрузке я был караульным начальником. Только груз до места назначения не дошел. Город уже был оставлен донцами.

Душевное состояние было напряжено до крайности. Полная неопределенность. Не знаешь, что завтра будет с тобой, со всеми нами... Красные обстреливают со всех сторон. Посвистывают пули. Рота вышла из вагонов, где была размещена, и стрельба усилилась, придвигаясь все ближе. Мы заняли все подступы к центру города. Вечером отвечаем огнем по появляющимся впереди в сгущающихся сумерках неясным фигурам. К 9 часам рота собралась у вагонов. Команда: «Становись!» Построились и двинулись вверх по Садовой к Нахичевани. Изредка из освещенных окон выглядывали чьи-то головы, но вообще город был во мраке.

Тяжело на душе. Увидит ли еще кто из нас Ростов? Впереди неизвестность! Но надо, как говорил генерал Алексеев, сохранить светоч — хотя бы одну светлую точку в охватившей Россию тьме... Только горячая любовь к Родине и глубокая вера в правоту нашего дела, вместе с непоколебимым доверием к Корнилову, двигали нами в погоне «за синей птицей», как определил наше задание Марков.

Ю. Р.³³

ПУРГА

(19 января 1918 года)³⁴

Расплясалась — злая баба — пурга, — разметала по ветру седые космы, на длинные белые полосы лохмотья свои порвала, — несется, шаманит, кружит, сотней голосов по степи стонет.

Гудит в телеграфных проводах, воет под крышами стационарного поселка, по освещенным окнам неподвижных вагонов белыми полосами лохмотьев своих хлещет — ненавистен ей

всякий признак жизни. Ой, горе в степи не только человеку, а и лютому зверю!

С визгом ворвалась пурга, космы седые в открывшуюся дверь проструила, — «Командира второй к командиру батальона!» — расслышала.

Высокий офицер быстро прошел по вагону. Слышно — стукнула за ним дверь. Взыла пурга; с разбегу в спину толкает, белые холсты под ноги стелет, идти поскорее торопит: «Ступай, ступай, соколик, уважь меня, старую, — до потехи-то я большая охотница».

...«Вторая рота, выходи строиться!» Звонят котелки, гремят винтовки, скрежещут пряжки ремней. Будто стихла пурга, к заиндевевшим окнам прилипла, — смотрит, не обманули бы старую.

Но вот отворилась дверь. Сорок человек один за другим прыгивают с подножки и выстраиваются вдоль вагона. Короткие слова команды. Рота идет на вокзал. Как заголосит пурга. Вся в визг и хохот изошла — то-то будет веселье.

На белом перроне чернеют стройные ряды... Бесится вокруг пурга, больно сечет по стянутым морозом лицам, страшное в ухо нашептывает. Не верь, человек, берегись, — послушаешь — вместе с телом и душу погубишь!

«Ну, с Богом!» Колыхнулся строй, звякнул оружием и словно потонул в белой степи... Даже следа не оставил. Воет пурга...

Бежит-змеится телеграфная лента. Щелкает аппарат под привычной рукой телеграфиста. Низко опущена голова его, но недобрый огонек загорается в глазах, следящих исподтишка за спиной смотрящего в окно юнкера.

Эй, Сеня, о чем задумался? Возьми уши в зубы! Что там голосит тебе пурга? Куда ты смотришь? Не видно ничего в замерзшее окно. Далеко позади остались преданные Керенским юнкера — защитники Зимнего дворца, — твои товарищи. Не по их уже догнивающим останкам воет в поселке собака. Слушай же, Сеня! Слушай! Да не пургу, не вой собачий: слушай то страшное, что творится у тебя за спиной. Эй, ты — телеграфист! Стой. Стой, себя пожалей.

Что-то вдруг замолкла пурга? На минуту одну замолкла: слушает. «Гуково, Гуково», — трещит аппарат. «Белые пошли на Гуково... Человек сорок...»

«Прочь с аппарата!»

Они стоят друг против друга — юнкер и телеграфист, — оба обезумевшие от страха.

«Погиб!» — стучит в мозг телеграфиста.

«П-о-г-и-б», — вторит пурга...

«Капитан Добронравов... 2-я рота...» — не смеет закончить леденящая мысль в мозгу юнкера.

«П-о-г-и-и-б-л-и», — кончает пурга...

Ой, как пляшет пурга! С чего так взбесилась, проклятая баба? Голоса команды не слышно за визгливым смехом ее. Да что там голоса, — даже залп ружейный покрыла! Глаза так застегали, что ничего не видеть...

...Семь прошло их по ту сторону путей, а назад пришло только шесть — с седьмым осталась пурга. Темную кровь белым платком застелила и давай труп тряпьем своим пеленать, да в такой ли пляс пошла с визгом с хохотом. «Ну ублажил, ну разуважил старую! Давно потехи такой не видывала. Люблю молодца за обычай! Даже душеньку свою не пожалел. Мой ты, мой, телеграфистушка!» Вот и совсем запеленала — только носки сапог черными уголками торчат, — а сама прочь понеслась. Туда — на Гуково. Вот там так будет потеха!..

Вспугнула дорогой старая ведьма бесчисленные табуны. И понесли по степи в безумном беге, распутив длинные хвосты, разметав волнистые гривы, в белой пене белые кони. То быстрее ветра несутся вперед, то станут как вкопанные, утрашенные диким воем пурги, храпят, ошибаются, громоздясь друг на друга до самого неба, и вдруг бросаются назад, разбрасывая хлопья белой пены, извергая из широко раздутых ноздрей своих, в стонущем ледяном дыхании, целые потоки снежных водопадов. Страшно непроглядная белая степь, когда справляет свой шабаш в необозримых просторах ее бесовская сила! Не найти, не вернуть ушедшую вперед роту!....

Наконец-то угомонилась пурга. Далеко в степи белых коней своих узнала, а сама распластала по мерзлой земле, под кучей тряпья своего, усталое тело. Натешилась вволю, уснула старая!

Заскользила по темной синеве неба призрачно-серебряная гондола месяца; синими огоньками множества ночников загорелись степные снега. Но не много увидишь в степи ночью.

Не охватишь всего, что творилось там, в заколдованном круге бесовской пляски.

Вот когда побежит от востока светлое утро, скатывая перед собой дымчато-синюю вуаль ночи, постепенно открывая всю доступную взору степь, — тогда увидишь, что натворила пурга.

Увидишь на догоревших кострах обугленные тела, сожженных живьем раненых; заметишь торчащие из земли руки с обрубленными пальцами; среди разбросанных по снегу трупов с трудом узнаешь знакомые черты в искаженных нечеловеческой пыткой лицах умученных друзей твоих!

И если смутится дух твой, если леденящий ужас проникнет в твое сердце, — то беги, скройся, забейся в самую маленькую щелку жизни. Не будь!

Но если вспыхнет в тебе одно только пламя священного гнева, за поруганную русскую душу, за втопанную в грязь честь Русского Воина, — то заключи его глубоко в душе своей, пронеси в себе через степи казачьи, по суровым отрогам Кавказских гор; вынеси на широкую Российскую равнину; не расставайся с ним в Крыму; унеси с собой в изгнание.

И ни за заводским станком, ни за рулем автомобиля, ни в черной шахте и нигде и никогда не расставайся с ним, ибо только им смиришь ты бесовскую пляску пурги на необъятных просторах несчастной твоей Родины.

Здесь описана гибель 2-й роты 1-го Офицерского батальона 19 января 1918 года у станции Гуково. Через день, 21 января 1918 года, Гуково было взято всем батальоном. Взятие Гукова я не стал описывать здесь, я остановился только на гибели роты.

*А. Макриди*³⁵

МОЯ ЖИЗНЬ³⁶

Пока «углублялась революция», мы нашли более приятные и полезные связи, в частности с самым молодым корпусным преподавателем Мусселиусом³⁷. Шведское происхождение не

помешало ему стать искренним русским патриотом и сразу же после переворота возглавить подпольную антикоммунистическую организацию, за что, в возрасте тридцати лет, он лишился жизни. От него мы узнали, что нас не хватает на юге, где началась подготовка к вооруженному выступлению против большевистской власти. Нам обещали деньги и продовольствие на дорогу, солдатские обмундирование и документы, а также точные инструкции, как себя вести, что делать и говорить для благополучного достижения еще не захваченного красными Дона, которому позже Марина Цветаева предвещала в истории Белого движения символическое значение: «И в словаре, задумчивые внуки, за словом «долг» поставят слово «Дон»...»

Моей любимой игрой были солдатики. По правилам игры, мною же придуманным, они расставлялись на диване, куда я палил из самодельной катапульты гвоздями, устроившись в противоположном углу, где стоял рояль. Вот из-под этого-то рояля я и перенесся без проволоочки на настоящее поле сражений, но сам в роли солдата. Было мне уже пятнадцать лет, сказать, и с половиной. Несмотря на это, отец меня едва ли б отпустил, будь он жив, но мать удержать не смогла, да и как могла? Ведь я уже почти открыто курил!

К нам двоим присоединился третий курильщик, самый сильный, самый солидный и самый молодой в классе; я был на три месяца старше его, каковым преимуществом, за отсутствием иных, я и гордился высокомерно. Роли распределились легко: «самый» — Портос, полусамый — Атос, ну а я, за изворотливость, получил вакансию Арамиса.

Мобилизационным пунктом послужила наша квартира, откуда, переодевшись, основательно накормленные, мы простились с грустной мамой и в потемках направились на Казанский вокзал ловить счастье. Мать напутствовала нас просьбой «быть осторожными». Это на войне-то! Какие все-таки женщины наивные...

В последний день мы получили адрес явки и пароль со строгим наказом зазубрить их, но ни в каком случае не записывать. Адрес за шестьдесят лет из головы, конечно, вылетел, но пароль запечатлелся в ней на всю жизнь — Василий Блажен-

ный... Несмотря на запрет, мы шепотом его благоговейно повторяли, представляя себе, как первоначальная подозрительность при нашем появлении сменится ликованием после произнесения магических слов; незабываемый миг! Мы не ошиблись, и впрямь миг остался незабываемым.

До Новочеркаска удалось добраться быстрее, чем ожидалось. Грязные, изнуренные недоеданием и бессонницей, но счастливые, без труда нашли по заученному адресу заветную цель. Она сразу обманула нашу пылкую фантазию: воображаемый дворец оказался приземистым, одноэтажным и довольно обшарпанным домом с непроницаемыми окнами и единственной дверью вровень с тротуаром, но под железным навесом, хоть и проржавевшим. Дверь наглухо заперта, дом выглядит необитаемым.

Не найдя звонка, мы постучали. Дверь приоткрылась тотчас, но на цепочке. Чубастый казак, не торопясь, сначала оглядел нас с пристрастием, а потом спросил:

— Чего надоть?

— Василий Блаженный! — срывающимся голосом прогудел в щель Атос.

— Нам таких не треба.

Мы растерянно переглянулись. Все рухнуло!..

— Да что вы за люди будете?

— Кадеты.

— Ну, так бы и сказали! Заходите...

Через несколько дней нас с двумя сотнями других добровольцев переселили в здание Донского кадетского корпуса, где в большой зале на кадетских кроватях мы и разместились. Днем проходили военное обучение на плацу, вечером несли караульную службу. Формировался очередной, не помню какой по счету, партизанский отряд полковника Семилетова. Полковника мы не видели. Командовал нами есаул Боков³⁸, храбрый офицер, но неопытный командир. Никогда позже я не встречал такой пестрой части; тут оказались вместе, на равном положении, мальчишки вроде нас и солидные мужички; фронтовики с Германской войны и новички, не умевшие стоять спокойно в строю; люди с высшим образованием и полуграмотные. Словом, всякой твари по паре.

Общего языка не было, и добровольцы группировались по закону «естественного отбора».

Настроение наше снизилось, хоть мы в этом друг другу не признавались. В городе царило напряжение. По ночам карательную службу нести было неудобно; доброволец оставался один на часах в незнакомой обстановке и полной темноте, а вокруг, то тут, то там, иногда совсем близко раздавались выстрелы. Это напоминали о себе вооруженные коммунисты, ожидавшие с севера красную гвардию. Патриотическая романтика тускнела и переходила в унылые будни, полные неопределенности; когда мы начнем воевать, где и как, никто не знал.

Два происшествия, одно за другим, уныние сменили подавленностью и вошли в душу какими-то зловещими тенями. Вечером, перед укладкой, нас всех неожиданно выстроили шпалерами, между которыми прохаживались, нервно совещаясь, командиры. Наконец, после команды «Смирно!», есаул Боков, поворачиваясь то к одной шеренге, то к другой, размахивая руками и подгибая колени, взволнованно стал рассказывать о том, что в наших священных и непорочных рядах обнаружился вор.

— Ситный! Выйди из строя! На середину!

С левого фланга наших священных рядов вышел маленький, почти карлик, плюгавый человечек средних лет с нелепо, как у воробья, торчавшей сзади гимнастеркой, длинной не по росту. Восковой от страха, с усилием передвигая онемевшие ноги, он вышел, как было приказано, и стал отвечать на громовые вопросы есаула какой-то неестественной фистулой.

Его преступление состояло в том, что он залез в чей-то сундук, что-то оттуда вытащил и был с поличным изобличен. Что именно он украл, я не помню, но что-то копеечное. Во всяком случае, гром и молнии гнева, обрушившиеся на ничтожного человека по ничтожному поводу, оправданы не были, и всем это было ясно. Самое правильное было бы снять с воришки казенное обмундирование, дать ему две пощечины и выгнать вон. Вместо этого командир отряда устроил что-то вроде самосуда и утвердил подсказанное им же предложение — «бандита» выпороть. Его и выпороли добровольцы из

добровольцев перед строем, положив на табуретку и спустив штаны. Он не кричал, а выл, как животное...

По службе мне полагалось смотреть, но я не мог и просто стоял с закрытыми глазами. Незаметно уши заткнуть — не придумал как. И от завывания, и от шомпольного хлеста мне казалось, что секут меня. Почти так и получалось: тот же шомпол, другим концом больно ударил по детскому идеализму; с начала наших походов мы приготовились к любым опасностям, самопожертвованию, чуть не мученичеству, но никак не ожидали, что с первых шагов станем свидетелями тошнотворной глупости. А на войне-то ее, оказывается, больше всего и делается!

Второе, более трагическое и глупое происшествие произошло через несколько дней. Оно уже и не ударило, а ранило всех, но не все пришли в себя от этой раны до выступления на фронт; «тьень люциферова крыла» осенила наш отряд еще в тылу.

Мы жили с кадетами под одной крышей, но не общались; они нас не тревожили и нам запретили к ним ходить. Исключением пользовались офицеры, один из которых, молодой подпоручик, в гостях у старшекласников возился с их винтовкой и, не заметив патрона в стволе, разрядил его в живот лучшего кадета предстоящего выпуска — фельдфебеля 1-й роты. На похороны нас не пустили. Под гнетом тяжелых предчувствий наш отряд обмяк и нравственно к предстоящим боям так и не подготовился.

Подпоручика оставили на свободе; полупьяный, он места себе не находил, подсаживался на койку то к одному, то к другому и говорил в свое оправдание всякий вздор. Его никто не упрекал, от него просто молча и как-то сконфуженно отворачивались. Через два дня его уволили.

Вскоре нас погрузили в вагоны и отправили на фронт. Но так только говорилось, а на самом деле никакого фронта еще не было, как не было и сколько-нибудь регулярных войск, ни на одной стороне. Без оперативных заданий, даже без разведки, лихой есаул повел нас по железной дороге на поиски врага. Наш короткий состав представлял собой типичный шедевр Гражданской войны: перед паровозом платформа с защитны-

ми мешками, старыми, дырявыми, при каждом толчке терявшими песок, и двумя трехдюймовыми орудиями, направленными вперед и направо. За паровозом несколько вагонов, один из них санитарный. Почти никакой связи с тылом, разбирай сзади рельсы — кто хочет! А желающие были.

Троих поймали возле какой-то станции. Один из них был местным. После короткого допроса их повели за большой стол на расстрел. Один вел себя безропотно, местный рыдал, припадствовал, хватался за сапоги, чтобы поцеловать. Его волокли. Третий — пленный мадьяр в форме австрийского унтер-офицера.

Во время Первой мировой войны мадьяры по своему значению соответствовали нашим казакам: их боялись. А почему — мы поняли после расстрела пленного, которого разглядывали с тем большим интересом, что мадьяры в плен сдавались редко. Коммунистом унтер, конечно, не был, а, помогая советской власти, просто продолжал войну против России. Мы относились к нему по-русски, как к бывшему врагу, а потому даже скорее сочувственно, чем беззлобно. Его вид и поведение немало этому способствовали. Крупный, квадратный, смуглый красавец с замечательным цветом лица, он и на смерть шел четким военным шагом, с едва приметной улыбкой. Ни тени наигрыша, рисовки мы не заметили. Все было в нем просто и безыскусно. Хоть с трудом, но можно все-таки объяснить такое самообладание силой воли. Но как этот человек умудрился до последнего момента полностью сохранить свой замечательный румянец, я понять до сих не могу...

Не эти, так другие шпионы свое дело делали и сделали: нам устроили западню и случайно не перебили всех. У станции Должанской, окопавшись, нас поджидали латышские стрелки. О них стоит сказать несколько слов. Полки латышских стрелков были гордостью императорской армии и вполне заслуженно пользовались славой одних из лучших частей по дисциплине и боеспособности. Помимо всех качеств, они были еще и снайперами. Революционные беспорядки девятьсот пятого года увлекли и латышей, но их восстание было направлено против господства немецких баронов, что русским правительством

принято во внимание не было. Напротив, для усмирения края был послан карательный корпус под командованием генерала немецкого происхождения. Каратели прошлись по латышским хуторам огнем и мечом и натворили много бед, совершенно переменивших настроение до той поры вполне лояльного к России населения. Этим немедленно воспользовались революционеры, привлечшие в свои ряды наиболее ожесточенных латышей и за двенадцать лет успевшие превратить их в последовательных и непримиримых врагов национальной России и ее защитников.

Их было не так много, как казалось, но достаточно, чтобы привлечь на сторону советской власти латышских стрелков и повсеместно укрепить отделы Чрезвычайки. Деятельность чекистов особенно бросалась в глаза и запомнилась, а поэтому неудивительно, что многие из оставшихся в живых свидетелей революции до сих пор настаивают на том, что «все латыши были чекистами». Эта жестокая клевета порочит память латышей — добровольцев Белых армий, — кровью искупавших позор русских офицеров, служивших в Красной армии. На полях Гражданской войны и в чекистских застенках российских патриотов латышского происхождения погибло не меньше, а больше тех латышей, что их убивали. Но эти герои остались в тени истории; преступники героев всегда заслоняют, такова уж история нашей истории...

Худшие предчувствия, появившиеся в Новочеркасске, полностью оправдались в первом же столкновении с красными. Латышам не требовалось больших усилий, чтобы справиться с нами: их было в несколько раз больше, они нас ждали, и они были настоящими солдатами, в то время как мы больше походили на слабосильную команду.

Нашим недостаткам сопутствовали неудачи. Так, например, единственный пулемет, да и тот паршивый — Гочкиса, с самого начала испортили, попав пулей в дуло! (Этот фантастический случай я мог бы подтвердить под присягой.) Пока прислуга соблаждала, что дальше делать, ее перебили. Поубивали всех полевых сестер, пытавшихся перевязывать раненых. Этих тихих подвижниц Белого движения, принятых под омофор Богородицы, следует почитать особо...

В память осколками врезались на черной пашне или белой пороше разметанные маленькие тела в больших сапогах. И через шестьдесят лет стгибаются колени для земного поклона перед величием скромности, с какой русские гимназистки, еще не начавшие жить, вернули родившей их земле все, что им было отпущено для радостей, а может быть, и счастья...

Когда меня ранили, я не сразу сообразил — что случилось. И даже оглянулся, узнать, кто, и зачем, и чем меня ударил по руке. Рука повисла. Пришлось оставить винтовку. Атос лежал в десяти шагах.

— Шура, винтовку возьмешь?

— Ты что, ранен?

— Как будто.

Атос нахмурился и стал стрелять с остервенением.

— Ползи сейчас же к поезду!

Легко сказать — ползи. По замерзшей пашне полверсты, без рук: одна ранена, другая ее поддерживает. Ползи! Что я, гусеница, что ли? Я просто пошел во весь рост, спотыкаясь и заботясь только о том, чтобы не упасть. Папаху сбили, и по шинели внизу дважды стегануло, но дошел и потерял сознание; не от потери крови, а от избытка чувств.

В новочеркасском лазарете я узнал, что в первом бою наш отряд, числом двести пятьдесят штыков, потерял двести десять. После второго осталось восемь. Под предводительством командира отряда они вернулись в Новочеркасск для пополнения...

Ранен я был не тяжело, в предплечье около локтя, пуля прошла посередине руки, но между костями, почти их не задев. Рана быстро заживала, я отъелся и отоспался. Каждый день меня навещал больничный батюшка-казак. Он с интересом слушал рассказы о Москве, а после того как меня наградили званием «приписного казака», потешался надо мной: «Родители не русские³⁹, а ты донской казак! Вот это котлета!»

Чернецовские и Семилетовские отряды, в меру сил, заслоняли Дон от красных. Записывалась по-прежнему зеленая молодежь, офицеры отлынивали, а казаков местами кто-то успел даже распропагандировать в пользу коммунистов. Нависшей над Доном тучи никто не хотел замечать.

Заметили не раньше, чем из нее вырвался огонь и раздался оглушивший всех выстрел покончившего с собой генерала от кавалерии атамана Каледина, одного из лучших российских военачальников. Иные «историки», из числа тех, кто на цыпочках покидал последнее офицерское собрание, не дослушав последней речи их атамана, взывавшего в последний раз к их патриотической совести, впоследствии приравнивали самоубийство генерала Каледина к дезертирству, и ничем другим, как этим, не обосновывали постигшие в дальнейшем Всевеликое Войско Донское беды. А было наоборот: атаман Каледин именно потому и застрелился, что окончательно убедился в своем одиночестве и безнадежности создавшегося положения; умный и волевой человек способен был спасти его не только силой оружия, но оказался бессильным перед лицом шкурников, перед сонным лицом тупых обывателей, какими стали офицеры, «уставшие» воевать с немцами.

С грустью вспоминается, что немецкие офицеры, наверное уставшие воевать не меньше, несколькими годами позже, без митингов, уговоров и мобилизации, вышли на улицу при первых выстрелах «Спартака» и разбили его так, что никто спастись не успел, кроме Клары Цеткин, да и та умерла в Москве на пенсии, так и не востребованная больше мировой революцией.

Со смертью атамана Каледина на Дону воцарилась пустота, быстро заполнившаяся красным воинством и его советской властью. Из Ростова уходили наспех сформированные, никем не поддержанные, бедно экипированные начатки Добровольческой армии, численно не достигавшей состава русского полка мирного времени. «Армия» состояла не только из военных, но в значительной мере из гимназистов, студентов, семинаристов и другой молодежи, знакомой с военным делом только по рассказам. «Армия», немногим превышавшая две тысячи, выступила в неизвестность под водительством двух бывших главнокомандующих Российской Императорской армией. Ненормальный по величине обоз этой армии состоял из представителей политической радуги и их семей со всей России, угнездившихся на Дону за спинами полуобутых белых добровольцев и партизан, пытавшихся создать разреженный хотя бы фронт

против напиравших красногвардейцев. Фронт определиться так и не успел, зато тыл блистал бриллиантами купцов и спекулянтов всех гильдий, ослепительными бальными туалетами, оглушал ресторанными оркестрами и затоплялся шампанским. Уставшие воевать офицеры в диагоналевых бриджах и шевро-вых сапогах с незаконными шпорами украшали запоздавшее начало Гражданской войны в ее тылу, остались у красных и в большинстве своем были расстреляны. Меньшинству удалось устроиться военными инструкторами Красной армии.

Золотой запас, скопившийся в южных банках, принадлежал миллионерам, скопившимся около банков. Они зря деньги на ветер не швыряли и смущенно мялись, когда генералы Корнилов и Алексеев обращались за поддержкой для Добровольческой армии. Будучи воспитанными людьми, они именитым генералам не отказывали и какие-то тышчонки на солдатскую обувку подбрасывали, но миллионы золотом достались не белым, а Ленину и Троцкому, а уж через них попали за границу на организацию революционных восстаний. Достались как вполне законный трофей потому, что в критический момент владельцы золота бежать успели, а золото просто некому, не на чем и некуда было вывезти.

Так как безвластье на Дону предшествовало захвату власти коммунистами, раненые, наполнявшие новочеркасские больницы, тоже как трофей достались красным: как и золото, их некому, не на чем и некуда, да и некогда было вывозить; от них скрывали положение вещей и оставили на милость победителей, не замедливших эту милость проявить штыками в палатах тяжело раненных.

Я не принадлежал к их числу, но тоже, наверное, попался бы, не пользуйся личным расположением пожилой сестры: получив распоряжение скрыть от раненых «во избежание паники» предстоящее вторжение красногвардейцев, она не послушалась и всех, кто мог ходить, потихоньку выпроваживала из лазарета, а тяжело раненных укрывала по знакомым. Не менее трех десятков обязано ей спасением. Меня она привела к себе, помогла переодеться в свое и вывела в потемках на улицу, по которой спускался к Аксаю санный обоз. При очередной заминке спросила:

— Вы куда?

— А кто ж его знает, кажись, в Старочеркасскую.

— Мальчонку подвезете? Без вещей...

— Пуцай садится, жалко, что ли...

Широко перекрестив на прощанье, сказала:

— Племянник у нас такой был, тоже отчаянный!

Старушка меня явно переоценивала. Ну и пусть, к чему ее разуберять? Я и сам мнил себя героем, пока не попал в «самделишное» сражение, в котором вспомнил еврея, как он из окопов немцам кричал: «Что вы делаете?! С ума сошли? Здесь же живые люди!!!» Признаюсь, этот анекдот казался мне уже менее смешным. Моя воинственность осталась вместе с детством под материнским «Бехштейном», где воевать с оловянными солдатиками было куда проще, а главное, безопаснее...

За весь путь возница только раз открыл рот:

— Курево какое есть, что ли?

Я протянул кисет с махоркой, чудом сохранившийся в кармане шинели.

Возница закурил и молча сунул кисет за пазуху.

На месте я узнал, что «в Ольгинской, говорят, генеральский отряд какой-то остановился». «Генеральский отряд» был занят переправой через Дон по тонкому льду и, на мое счастье, не торопился. Когда я его настиг, меня с подвязанной рукой сразу забрали в обоз и, что было очень кстати, сначала накормили, а потом уж сделали перевязку. На попечении лекарей пришлось проделать часть первой половины Ледяного похода и всю вторую; донская рана заживала на славу, зато екатеринодарская контузия до сих пор о себе напоминает.

Приказом по армии учащуюся молодежь сразу произвели в «походные юнкера», что вызвало безудержное ликование с криками «Ура!». Один кадет от радости целую сажень на руках прошел. Радость нужно объяснить: «походный юнкер» открывал путь к офицерскому производству, каковое и получили уцелевшие подростки за участие в боях наравне с настоящими юнкерами. Таким образом, и я стал прапорщиком, чем, разумеется, гордился больше всего.

Но одно дело блистать единственной офицерской звездочкой в начале жизни, и другое — в конце ее, среди самодо-

вольных полковников в штатском. Один из них даже припомнил, что «курица не птица, прапорщик не офицер». Пришлось огрызнуться: «Стать прапорщиком в шестнадцать лет труднее, чем в шестьдесят пять полковником». Я пощадил шутника и не добавил «эмигрантского самопроизводства». «Полковник» оценил мое великодушие и больше не приставал.

Совсем иначе отнесся к моему чину К.Е. Аренсбургер (Аренский), известный публицист. Узнав, после нашего многолетнего знакомства, что я прапорщик, Константин Евгеньевич взволновался. «Что ж вы это так долго скрывали?! — писал он. — За сорок лет я встретил в эмиграции первого прапорщика; ведь вас показывать надо, сколько денег заработать можно было!»

Но, несмотря на все это и даже хранящиеся для чего-то документы, я не уверен в законности моего офицерского звания; чин прапорщика был упразднен при Императоре Александре III и восстановлен только во время Первой мировой войны, под конец которой, из-за сильной убыли офицерского состава, прапорщики нередко командовали на фронте ротами. Я же никогда никем не командовал, если не считать домашнее зверье. Да и оно, кажется, мною командовало больше, чем я им.

*Иванов*⁴⁰

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ⁴¹

А время становилось все тревожнее. На верхах творилось нечто явно неладное — государственная власть уходила в небытие. Анархия, умело раздуваемая субсидированными Германией большевиками, торжествовала. В самом Новочеркасске, городе учащихся и чиновников, было еще спокойно, но против Дона и его атамана уже были оскалены зубы — и не только большевизанствующей черни, но и незадачливых импотентов власти, пытавшихся еще изображать правительство России.

Не помню, по чьей инициативе стала организовываться студенческая боевая дружина, в которую я сразу и записал-

ся. Хорошо помню, как мы, несколько студентов, носились по институту и, волнуясь, требовали его закрытия...

На наш лозунг: «Все на фронт!» — отклик был слабый. Большинству студентов, приехавших с институтом из Варшавы, наши порывы были чужды и даже враждебны. Дружина составлялась преимущественно из землемеров. Были в ней и политехники, и воспитанники Учительского института. Обучение строю, стрельбе и пулеметному делу мы проходили в Военном училище. Там же мы получили и обмундирование, конечно, не новое, а рабочее. Только юнкерские погоны обшили белой материей и снабдили надписью «С. Д.». Винтовки дали японские.

К ростовским событиям в конце ноября мы, очевидно, были еще «сырые», но, возможно, и не понадобились. Спустя несколько дней мы в Ростове все-таки побывали. Оттуда отправили нас на северную границу области — на станцию Миллерово. Разместились мы там по частным квартирам довольно хорошо и были разделены на несколько групп, выполнявших каждая свое задание. Наша группа регулярно ходила на вокзал. Оружия с собой не брали — присматривались, прислушивались и вели диспуты с рабочими, иногда очень жаркие. Натыкались и на агитаторов, пожаловавших издалека, на которых призывы к благоразумию совершенно не действовали. Рабочих на вокзале бывало много, так как при станции находились большие железнодорожные мастерские, да и само Миллерово имело немало заводов и предприятий, обслуживаемых рабочими разных категорий. Посетили мы и казармы стоявшего там полка — кажется, 35-го. Симпатии со стороны фронтовиков не чувствовалось, но и открытой враждебности не было. Исключением была молодежь учебной команды, с которой мы почти подружились. Сейчас еще в памяти песни и пляски, которыми они угощали нас.

Так прошло 4—5 дней. Вечером мы, по обыкновению, собрались на станции. За разговорами-дебатами не заметили, как оказались в тесном кольце казаков, и не только донцов, но и кубанцев — какой-то части, возвращавшейся из Финляндии. Лица возбужденные, угрожающие. Допытываются, кто мы и что нам здесь надо. У одного-другого сорвали с погон белые обшивки.

— А, юнкarya! Так-растак! Под колеса!

Никаких резонов не принимают. Перспективы невеселые. До худшего все же не дошло. Принужденные ретироваться, мы добрались до квартиры, снеслись со своим начальством и, не долго размышляя, забрали амуницию и пешим порядком отправились в сторону станицы Каменской. При создавшейся обстановке делать нам в Миллерове было уже нечего. Доплелись до полустанка и сели в первый поезд, который и доставил нас в Каменскую. На следующий день мы были снова в Новочеркасске. На душе было тревожно, грустно и... гадко.

Подходили праздники. Отец сообщил, что высылает за нами на станцию лошадей, и мы — четыре брата и младшая сестра — отправились домой. Но провести праздники дома не удалось. На другой день пришел к отцу крестьянин и предупредил, чтобы отец как можно скорее увез нас, старших, из дома. Из Ростова вернулся солдат, который видел меня в военной форме. В селе идут нехорошие разговоры. Ночью отец отвез нас — троих старших — к дядьке в станицу, и через день мы были опять в Новочеркасске, где я сразу же поступил в Чернецовский отряд, брат — в Семилетовский, а младший, о чем я узнал уже позднее, — к сотнику Грекову.

Располагались мы, кажется, в помещении Коммерческого училища. Одно время несли охрану заседаний войскового Круга, когда удавалось присутствовать на них; охраняли еще и какие-то склады. Наконец, нас отправили на фронт, опять в направлении Каменской. Где-то в районе Александрo-Грушевска, уже в темноте, мы высадились из поезда и рассыпались в цепь вправо от железнодорожного пути; продвинулись немного вперед и остановились.

— Не курить! Соблюдать тишину! Перед нами казаки, — сказал есаул Чернецов. — Попробуем уладить мирным путем.

Сказал — и в чьем-то сопровождении скрылся в темноте. Прошло довольно много времени, пока командир вернулся, свернул цепь и повел нас к поезду. С радостью вкатывались мы в теплые вагоны, так как в долгом ожидании порядком продрогли.

В Звереве мы задержались недолго. В Лихой наш первый взвод остался на станции, а остальные с командиром собира-

лись уже ехать дальше, когда пришло известие, что большевики в нашем тылу напали ночью на станцию Зверев, охранявшуюся офицерским взводом. Отряд сразу направился туда. К счастью, дело ограничилось большим переполохом и очень неприятными переживаниями. Вскоре вернувшийся от Зверева отряд отправился на Каменскую.

Задача нашего первого взвода состояла в охране — как со стороны Зверева, так и, главным образом, со стороны Бахмута—Луганска, куда шло ответвление железной дороги. Стояли большие холода. Посты держались со всех сторон, и, конечно, одиночные. Днем нести караулы было не так трудно: можно было гулять. Но ночью стоять одному среди многочисленных станционных построек бывало мучительно: коченели ноги. От большого мороза то в одном, то в другом месте раздавался треск, заставлявший прислушиваться. Ноги стыли, но размять или согреть их, хотя бы топтаньем на месте, не позволял звонкий скрип снега под тяжестью собственных шагов. Стоишь, еле переминаясь с ноги на ногу, и только всматриваешься да вслушиваешься в темноту. Постов было много, а людей мало, и за длинную ночь приходилось выстаивать не менее двух смен. Слава Богу — пока все шло благополучно.

В одну из ночей командир взвода вздумал сделать разведку в сторону Зверева. Сел на паровоз с тендером впереди, взял с собою несколько человек и пулемет и — поехали. Не заметили, как поравнялись с группой большевиков, стоявших поодаль. Паровоз рванул назад, а тендер оторвался и медленно покатился дальше. Соскочили с тендера и под беспорядочным обстрелом добрались до остановившегося паровоза. Дотащили и пулемет. Много тогда было «веселья» — прапорщик собирался вернуться с трофеями.

Прошло несколько ночей. Вдруг ранним утром — тревога. С северо-западной стороны на горизонте показался дым. Вскоре стал выплывать и паровоз. Поезд! Засуетившиеся люди рассыпались в цепь. Показался и второй поезд, и появились густые цепи красных. Мы начали медленно отходить на Каменскую. Цепи красных подходят к станции, а за ними и поезда. Отошли мы версты на полторы и залегли, так как нас начали обстреливать. На крыше станции появились наблю-

датели. Вскоре позади нас показался наш поезд; шла подмога, вернее выручка. Впереди, на открытой площадке — трехдюймовка. Из вагонов быстро выгрузилась наша сотня и рассыпалась влево от полотна, а небольшой офицерский отряд — вправо. Первый же снаряд нашей трехдюймовки смел со станционной крыши красных наблюдателей. Мы поднялись и пошли вперед, осыпаемые ружейным и пулеметным огнем и огнем шестидюймовки, не жалевшей снарядов. Впереди, по железнодорожной насыпи, шел поручик Курочкин⁴² с забинтованной головой. Двигаться по заснеженной пахоте было не так легко, а снаряды точно вдавливали в землю.

Вперед! Вперед!

Это движение захватывало. Кажется, для передышки — залегли. Есть раненые, а может быть, и убитые среди оставшихся лежать позади.

— Вперед!

Уже близко железнодорожные составы. Пули свистят. Красных много, очень много, и они уже совсем близко.

— Вперед! Ура!

И вдруг большевики сорвались и стали в беспорядке убегать. Тотчас же мы оказались на станции. Преследовали красных лишь пулеметы да редкие снаряды. Бой был жаркий, и до оставления Дона мы такого больше не видели...

Убитых большевики оставили много. Не успели они увести и два эшелона, с которыми прибыли. Большие потери были и у нас, чуть ли не более десяти убитых. Ярко запомнилась перевязка ротмистра Грекова, лежавшего у вагонов. Кровь хлестала из его ноги, которую силились перетянуть каким-то шнуром. Вскоре он умер. В этот же день мы узнали о смерти нашего обожаемого начальника, зарубленного казаком-предателем.

Огромную роль в исходе боя сыграло наше орудие. Командовал им полковник Миончинский при наводчике капитане Шперлинге. Бессмертная пара!.. Это было мое боевое крещение — жуткое, кровавое.

Вскоре мы вернулись в Новочеркасск, где на вокзале нам объявили о награждении нас всех атаманом георгиевскими медалями.

Отдыхали мы недолго, неся охрану, но чего — не помню. Еще два раза выезжали мы в том же направлении, но уже ближе: к Сулину, а потом лишь за Персияновку.

Вспоминается и трагическая смерть атамана, подчеркнутая обреченность и нашего положения. Две последние недели оставили о себе какое-то сумбурное воспоминание. Мы часто бывали на станции, где на питательном пункте милые барышни старались проявить по отношению к нам исключительную заботливость, а вездесущий В.И. принимал всякие поручения к родителям или родственникам — в устной и письменной форме.

Жертва, принесенная атаманом Калединым, не разбудила Дона, не всколыхнула даже многотысячное офицерство, болтавшееся в Новочеркасске и Ростове. Фронт все приближался, охватывающее кольцо сжималось. Заняв определенную позицию, мы всецело вверили себя нашим вождям и начальникам, и не только для особых волнений, но и для сомнений места не оставалось. Мы погрузились в поезд и двинулись на Ростов. В Аксае оставили вагоны и пешим порядком направились в станицу Ольгинскую.

Мост, длинная дамба — и показалась станица.

*Н. Федоров*⁴³

БОЕВАЯ ЮНОСТЬ⁴⁴

В Новочеркасске стояли два пехотных полка — 272-й и 273-й. Они были сильно заражены большевизмом, и никто не знал, до каких «подвигов» могут додуматься 16 000 вооруженных солдат. В целях ограждения жителей города от возможных эксцессов правительство Дона отдало приказ этим «полкам» разоружиться. В ответ раздалось: «Не хотим!..» Положение становилось критическим. Правительство направило к Хотунку артиллерийскую часть. Но она отказалась участвовать в разоружении солдат. Тогда были посланы юнкера Донского военного училища, и им помогали разоружить солдат русские офицеры, которые пробрались на Дон. Этим было по-

ложено начало создания Добровольческой армии. Поездки на Дон были связаны с большой опасностью — железные дороги и пароходы были забиты бегущими с фронта солдатами, враждебно настроенными к офицерам.

С разоружением пехотных полков новочеркасцы впервые осознали существование силы, которая способна противостоять разлагающему влиянию революции. Это была первая проба сил Добровольческой армии, которую возглавил генерал М.В. Алексеев. Донское правительство, особенно господа Харламов, Мельников, Уланов, Елатонцев и др., не давали права генералам Алексееву и Корнилову объявить открыто о формировании Добровольческой армии на Дону и препятствовали мобилизации русских офицеров, которые стекались на Дон со всей России.

А положение становилось критическим. В Ростов прибыло военное судно «Колхида». Его матросы вместе с местными большевиками подняли восстание. Каледин послал юнкеров на его усмирение. Помогли также и старики казаки. Восстание было подавлено, но появились первые серьезные потери добровольцев. Я помню раненых, которых привозили в лазарет Новочеркаска.

30 ноября есаул Василий Чернецов начал формировать партизанский отряд. На немецком фронте Чернецов был командиром партизанского отряда числом до 1500 человек. Своими вылазками он причинял большой вред немецкой армии. Немецкое командование объявило даже в ту пору о выдаче за голову Чернецова 500 000 марок.

На Дону все явственнее обнажалась новая беда — вражда внутри казачьих полков. Расквартированные в Донецком округе полки подняли мятеж, присоединились к красным бандитами и напали на Чернецовский отряд. Часть полков, после этого ужасного преступления против своих же братьев-казачков, разъехалась по домам, бросив артиллерию и разграбив полковые деньги. Поползли слухи, что и в Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта казаки в союзе с красноармейцами учинили полный разгром железной дороги на участке Царицын—Серебряково, лишив ближайшие районы Донского войска в подвозе продуктов.

И только после всего этого правительство Дона дало свое согласие на формирование частей для защиты Дона, о чем атаман Каледин объявил приказом по Войску Донскому. Отряд Чернецова начал действовать без промедления. В его составе были в основном учащиеся средних учебных заведений. Появились и другие отряды, составленные в основном из молодежи. На всю Область Войска Донского это были лишь малые песчинки защитников Дона. Профессиональные военные — кадровые офицеры — еще не примкнули к партизанским отрядам и чего-то ждали. Мы, подростки, знали, что в ноябре 1917 года было до 3000 офицеров в Новочеркасске, а в Ростове — до 5000.

Многие из них за свое легкомыслие заплатились жизнью.

Разгул большевизма принимал все более угрожающие размеры. В начале декабря я пошел в военное училище (центр записи в партизанские отряды) записаться в Чернецовский отряд. На меня посмотрел офицер и сказал: «Тебе, хлопчик, наверное, и десяти лет еще не исполнилось?» Я был ростом 4 фута и 6 дюймов и самым маленьким в гимназии. Другой малыш — Ваня Сергеев был на полдюйма выше меня. В отряд меня, конечно, не приняли. Но тут я проявил настойчивость и пришел вновь. Через некоторое время меня приняли! И я приступил к занятиям. Офицер объяснял нам — молодым добровольцам, — как надо орудовать винтовкой.

В 12 часов, когда нас повели на обед, нам объявили, что начальник училища скажет что-то важное. В юнкерской столовой была удивительная чистота и тишина. Столы были накрыты белыми скатертями. Для каждого приготовлен отдельный прибор. Аккуратно разложены салфетки. Было впечатление, будто мы вновь попали в мирное время, а не в столовую боевой части. Мы выстроились у столов. Раздалась команда «Смирно!», и вошел начальник военного училища генерал Попов. Речь его была короткая и посвящалась тому, как мы должны себя вести. В ней не было ни единого слова, призывающего к боевым действиям, — как будто нас (малышей) пригласили на светский обед. А обед действительно был вкусен и разнообразен.

После обеда нас разделили на группы и распределили в разные места. Моя группа из 24 человек была направлена в

предместье Новочеркаска — Хотунок. Нас разместили в бараках, откуда накануне были высланы «домой» большевистски настроенные солдаты. Ночь выдалась очень темной, и освещения в районе барачных корпусов не было. Меня с приятелем поставили часовыми — охранять сон наших воинов.

Около полуночи наше внимание привлек какой-то подозрительный шум. Он то стихал, то раздавался вновь. Нам слышалось тяжкое дыхание притаившегося врага, его возня была уже совсем близко от барачных корпусов. Нервы наши не выдержали, и для храбрости мы выстрелили. Из барачных корпусов выскочили с винтовками наши боевые друзья, готовые немедленно занять оборону. «Что случилось?» — спрашивали нас. После нашего объяснения начались поиски «врага». И вот свет многочисленных фонариков высветил мирно пасущуюся недалеко от барачных корпусов корову.

Через два дня наш взвод послали в Александро-Грушевск для соединения с активно действующим отрядом. В этом районе, а особенно в городе Шахты, нам приходилось быть очень осторожными, так как большинство шахтеров было настроено пробольшевистски. Регулярной армии у большевиков не было — дезертиры, приходящие с фронта, образовывали банды и под лозунгом «Грабь награбленное!» творили вокруг самые невероятные мерзости в отношении русских людей — офицеров, интеллигенции и других представителей культурного слоя русского общества. Эти банды действовали разрозненно и были трусливы, но они непрерывно множились — отток солдат с фронта продолжался, и дезертиров уже не могли сдерживать верные России воинские части. Положение становилось день ото дня все хуже.

К июлю дезертиров задерживали уже только казаки, так как и кавалерия была расштатана губительными декретами Временного правительства, уничтожавшими основу армейской спайки — дисциплину. По сведениям генерала Денисова, столь неблагоприятным делом занимались 39 казачьих полков, снятых с боевых позиций.

Следует напомнить и о том, что в самих казачьих частях положение было напряженное. За период войны большинство старых строевых офицеров погибло, и офицерское пополнение

набиралось из наскоро обученных прапорщиков — бывших учителей-народников, докторов и других людей, гораздо более пригодных к работе в тылу. Эти лица, мышление которых в большинстве случаев было далеко от армейской дисциплины, вносили дополнительное разрушение в армии. Немалое число из них вошло в так называемые полковые комитеты.

Весьма неопределенной в то время была и позиция Донского правительства. Прямого сочувствия большевикам не наблюдалось, однако в действиях его чувствовалась способность к компромиссам с большевиками. Левые группировки правительства умело использовали фигуру М.П. Богаевского — помощника атамана. Разложение в рядах правительства привело к самоубийству генерала Каледина. К примеру, именно правительство не допустило своевременную мобилизацию офицеров и казаков на Дону, чем были упущены благоприятные возможности для борьбы с большевиками. А ведь только в Ростове и Новочеркасске было более 10 000 кадровых военных! Крайне плохо проходил и набор в партизанские отряды, так как формировались они почти тайно, многие просто не знали об их существовании. Не знали многие офицеры и о формировании Добровольческой армии — правительство Дона практически срывало сопротивление большевикам.

Так и наша группа, простояв в городе Шахты несколько дней, была отправлена в Ростов с приказом явиться на вокзал к офицеру Добровольческой армии. Начальник станции в Ростове нас предупредил, чтобы в ожидании приказа мы не выходили в город — в Ростове свирепствовала «эпидемия» убийств офицеров и юнкеров. Мы просидели два дня в вагонах. Ожидание скрашивал горец, не помню его имени, который почти круглые сутки играл на зурне восточные мелодии. Он пел о красоте Кавказа, о чистых ясных горных водах, о голубом небе, о воздухе, сквозь чистоту которого можно было видеть даль на сто верст. Часто он плакал о своей потерянной земле.

На третий день, ночью, со стороны Батайска пришла дрезина с трупами пяти детей от 9 до 11 лет. Это были трупы учеников пригготовительного класса кадетского корпуса. Они были зверски изуродованы. Носы, уши, половые органы были

превращены в «вермишель». При виде детских трупиков у нас окончательно укрепилась решимость к борьбе с большевизмом в России.

Утром нам было приказано идти в сторону Батайска с небольшим отрядом генерала Маркова. Мы, чернецовцы, присоединились к нему. В течение нескольких дней шла перестрелка с большевиками, которые в Батайске «сорганизовались». Организация их была довольно своеобразной — они собирались толпами и шли к мосту через Дон; кричали гадости, стреляли в нашу сторону, а потом расходились. Мы старались беречь патроны и стреляли только наперняка. Но вот в один день под прикрытием бронированного поезда большевики двинулись через мост.

Нас буквально засыпали снарядами и пулями. По нашей цепи шел офицер. Неожиданно снарядом ему снесло голову, и я видел идущего по инерции человека без головы... Много было раненых — хорошего прикрытия здесь, под крутым берегом Дона, не было. Большевики медленно продвигались вперед. Но случилось благоприятное для нас событие — наш снаряд удачно попал в паровоз бронепоезда, и он с оглушительным грохотом взорвался. Десятитысячная толпа красных вмиг рассеялась. Большевики остановили свое наступление.

Потери наши были тяжелыми — почти все были ранены или контужены, в том числе и я. Если мне не изменяет память, было это в середине января 1918 года. Этот бой под Ростовом дал возможность генералу Корнилову довершить формирование Добровольческой армии и приготовить ее к походу.

Мы лежали прямо на земле. Была оттепель, и снег таял под нами. Я был контужен и плохо помню, кто и как привез меня в Новочеркасск. Но до сих пор ощущаю пронизывающее ледяное дыхание января и свое тяжелое мокрое пальто. Когда пришел в себя, в Новочеркасске уже были большевики. Вся Донская область была в их руках. Меня укрыла моя старушка няня. Помог и мой малый рост. Если в наш дом приходили большевики, разыскивающие партизан, то няня-хохлушка накидывалась на них: «И цо вы ищете, це старый дид, да его жинка, да больной мальчонок!» И меня, и моего отца в тот период не тронули.

Няня приносила домой все новости. Так мы узнали, что большевиками были расстреляны Назаров, М.П. Богаевский, Волошин и многие другие видные деятели Донского правительства. Расстрелы проводились массово. Лихо коснулось и семьи наших близких друзей — Князевых. Три сестры Князевы были замужем за офицерами. В тот же день, как их мужья вернулись с фронта, они были арестованы и расстреляны. Наутро революционные представители пришли извиняться: «Ошибочка вышла, зря расстреляли, ну да меньше расстреливать останется...»

Трудно описать наши переживания. Я не выходил из дома и с внешним миром общался через мою милую няню. Помню, она рассказывала такой случай. На улице к какой-то старушке подошли большевики и предложили ей помочь им в поисках кадет. За голову каждого пообещали по 50 копеек, а если не укажет, то ее, старую, порешат. С испугу бабка указала на первый попавшийся дом; большевики немедленно вошли туда, вывели двух мужчин и тут же во дворе расстреляли... Больных и раненых в госпитале солдаты выбрасывали из окон и добивали. В первые дни большевики расстреляли в Новочеркасске свыше 500 офицеров, не говоря о сотнях расстрелянных «по ошибке».

Н. Мельников

ПОЛКОВНИК ЧЕРНЕЦОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ⁴⁵

Говоря о Каледине и его «эпохе», нельзя обойти молчанием главного героя этого времени, В.М. Чернецова, имя которого неразрывно связано с именем А.М. Каледина.

Действие равно противодействию. В то время как дух казачий угасал в душах фронтовых казаков, «ополоумевших» — по выражению М.П. Богаевского — под влиянием большевистской пропаганды, и они, заменив казачье знамя противоположным ему знаменем социальной революции, в корне противоречащей интересам казачества, пошли против родно-

го Дона, этот бессмертный дух казачий загорелся ярким пламенем в душах донской молодежи.

Идеалистически настроенная, действенная, учащаяся молодежь — студенты, гимназисты, кадеты, реалисты, семинаристы, — оставив школьную скамью, взялись за оружие — часто против воли родителей и тайно от них — спасти погибавший Дон, его свободу, его «вольности».

Для характеристики настроений донской молодежи того времени приведу выдержки из «Декларации штаба студенческой боевой дружины», то есть наиболее сознательной части молодежи, с ярко оформившимся мировоззрением, за которой и вместе с которой «нога в ногу» шли воспитанники и старших классов средних учебных заведений.

«С оружием в руках мы боремся с тем шкурным, анархическим и разбойничьим большевизмом, который попирает всякое право и грозит погубить Россию»; «Мы не признаем насилия. На нашем боевом знамени написано: за Родину, свободу, право и культуру»; «Мы взяли за оружие, чтобы отстоять эти лозунги от напора темных сил»; «Всякий, кому дороги Родина, ее культура и счастье и личная безопасность ее граждан, кто желает свободного развития свободных народов России, — становись в наши ряды. Кому дороги права человека и гражданина, кто хочет свободы личности, совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов и равноправия — идите под наше знамя»; «...Студенческая дружина находится в распоряжении Войскового Правительства. Это значит, что дружина вполне доверяет и подчиняется Войсковому Правительству. Дружина знает, что Войсковое Правительство — орган законной демократической власти, избранный населением, а не навязанный извне, действует в интересах всего населения, стоит на страже законности, права и охраняет культуру, свободу, жизнь и безопасность граждан. Мы всецело поддерживаем только такую власть и готовы словом и делом содействовать ее начинаниям».

В партизанских отрядах на Дону можно было встретить людей разных возрастов и самых разнообразных положений, но большинством и ядром отрядов была учащаяся молодежь. Вождями партизан были: есаул, произведенный вскоре атама-

ном А.М. Калединым через чин в полковники, В.М. Чернецов, войсковой старшина Э.Ф. Семилетов, есаул Ф.Д. Назаров, поручик В. Курочкин, есаул Роман Лазарев, сотник Попов 4-го Донского полка (отряд которого был полностью уничтожен большевиками в последних числах января около хутора Чекалова). Были и другие, небольшого размера, но и выше перечисленные особым многолюдством не отличались и брали не числом, а качеством. Фронтвые казаки туда не шли. Мало было и офицеров. Наиболее выдающимся был полковник Чернецов, выдвинувшийся в самые первые ряды партизан уже во время Мировой войны. Имя Чернецова неразрывно связано с именем атамана Каледина. Оно является яркой страницей калединской эпохи.

Было бы мало сказать, что его любили, партизаны его обожали, глубоко в него верили и беспрекословно повиновались, всегда готовые идти за ним и за него в огонь и в воду.

Партизаны любили с восхищением рассказывать о подвигах своего вождя-героя, ему посвящались стихотворения, о нем слагались и легенды. Вот кое-что из сохранившегося.

На станции Дебальцево, по пути в Макеевку, паровоз и пять вагонов Чернецовского отряда были задержаны большевиками. Есаул Чернецов, выйдя из вагона, встретился лицом к лицу с членом военно-революционного комитета. Солдатская шинель, барашковая шапка, за спиной винтовка — штыком вниз.

«Есаул Чернецов?»

«Да, а ты кто?»

«Я — член военно-революционного комитета, прошу на меня не тыкать».

«Солдат?»

«Да».

«Руки по швам! Смирно, когда говоришь с есаулом!»

Член военно-революционного комитета вытянул руки по швам и испуганно смотрел на есаула. Два его спутника — понурые серые фигуры — потянулись назад, подальше от есаула...

«Ты задержал мой поезд?»

«Я...»

«Чтобы через четверть часа поезд пошел дальше»
«Слушаюсь!»

Не через четверть часа, а через пять минут поезд отошел от станции.

* * *

Смелость Чернецова не имела границ.

Однажды на одном из митингов в «Макеевской Советской Республике» шахтеры решили арестовать Чернецова. Враждебная толпа тесным кольцом окружила его автомобиль. Угрозы, ругань...

Чернецов спокойно вынул часы и заявил: «Через десять минут здесь будет моя сотня. Задерживать меня не советую...»

Рудокопы хорошо знали, что такое сотня Чернецова. Многие из них были искренно убеждены, что Чернецов, если захочет, зайдет со своей сотней с краю и загонит в Азовское море население всех рудников...

Арест не состоялся.

* * *

На одном из митингов шахтеров он сидел среди накаленной толпы, закинув ногу на ногу, и стеком пощелкивал по сапогу. Кто-то из толпы назвал его поведение нахальным. Толпа заревела. Чернецов через мгновение появился на трибуне и среди мгновенно наступившей тишины спросил: «Кто назвал мое поведение нахальным?»

Ответа не последовало. Издеваясь над трусостью толпы, Чернецов презрительно бросил: «Значит, никто не назвал? Та-ак!»

И снова принял ту же позу.

* * *

«Вот мы и на фронте. Мой приятель и я, — рассказывает студент, — только что прибыли на станцию Щетово, в качестве «пополнения», в Чернецовский отряд. Явились к командиру.

Перед нами — коренастый, небольшого роста человек с открытым румяным лицом отрывисто бросает фразы: «Мои партизаны знают только один приказ — вперед!.. Осмотритесь здесь хорошенько. Малодушным и неженкам у меня места нет. Если покажется тяжелым — можете вернуться».

* * *

«Донской Иван-Царевич»... О нем в своих «Очерках Русской Смуты» генерал А.И. Деникин писал: «В личности этого храброго офицера как будто сосредоточился весь угасающий дух Донского казачества», а наш незабвенный атаман, когда мы, члены войскового правительства, ссылаясь на колоссальные заслуги есаула Чернецова перед Войском Донским, обратились к генералу Каледину с просьбой произвести Чернецова, через чин, в полковники, ответил: «Сделаю это с удовольствием — своими подвигами Чернецов заслуживает чина и генерала».

Пытался пылкий Чернецов заразить своим духом и офицерскую массу. На многолюдном собрании, созванном по его инициативе в Офицерском собрании Новочеркаска, он произнес пламенную речь, призывая офицеров записываться в отряды для защиты родного Дона. Смысл его заключительного обращения был таков: «Когда меня будут убивать большевики, я буду знать — за что, а вот когда начнут расстреливать вас — вы этого знать не будете... Погибнете зря, без пользы».

Возвращаясь как-то поздно вечером около середины трагического января месяца после затянувшегося заседания войскового правительства, я с С.Г. Елатонцевым⁴⁶ и А.П. Епифановым зашли по пути в ресторан «перекусить». За одним из столиков недалеко от нашего поднялся В.М. Чернецов и, подойдя, попросил разрешения присоединиться к нам. Как всегда очень оживленный, с здоровым цветом лица, на котором не было заметно и тени усталости, он сказал, что приехал с фронта на день по срочному делу и утром уезжает обратно. Прощаясь, бросил: «Пока я жив, правительство может работать спокойно...»

Прошло немного дней, и 22 января походным атаманом генералом А.М. Назаровым от командовавшего войсками Ка-

менского района генерала Усачева была получена телеграмма о гибели полковника Чернецова!.. Взволнованный и удрученный, войсковой атаман в конце заседания войскового правительства обратился ко мне с просьбой-поручением поехать в Каменскую и на месте выяснить создавшееся там положение, в особенности моральное состояние отряда Чернецова после гибели вождя и значительной части его соратников. Давая инструкции, атаман сказал, что, судя по последним донесениям генерала Усачева, в самой станице Каменской сейчас относительно спокойно, но нет точных сведений о положении отряда, действовавшего в районе станций Щетово—Дебальцево и, так как всякие неожиданности возможны, рекомендовал особенно не рисковать...

Я пригласил отправиться со мной члена правительства С.Г. Елатонцева, и, как только со станции Новочеркасск сообщили, что паровоз с одним классным вагоном в нашем распоряжении, мы двинулись в путь. Проехав, не останавливаясь, узловую станцию Звереве, мы задержались на несколько минут на станции Лихой, около которой поручик Курочкин, командовавший группой Чернецовского отряда, накануне разбил красновардейский отряд, состоявший в большинстве из латышей, пытавшийся захватить узловую станцию. Два моих племянника, гимназисты старших классов Платовской гимназии, А. и Б. Дьяковы, угощали нас с Елатонцевым какими-то сладостями, отбитыми у красновардейцев. Получив от полковника Корнилова и поручика Курочкина интересовавшие нас сведения, мы двинулись дальше и благополучно добрались до Каменской. На станции Лихой к нам присоединились полковник Ильин⁴⁷ и Е.Е. Ковалев⁴⁸, направлявшиеся в Каменскую с особым поручением. Собрав нужные нам сведения у партизан и у генерала Усачева⁴⁹, мы с Елатонцевым отправились, по просьбе генерала Усачева, на митинг, происходивший в станичном правлении. Поместительный майдан был полон до отказа. Председатель немедленно предоставил мне слово. Говорил я, конечно, о смертельной опасности, нависшей над Доном, и об обязанностях каждого честного донца выступить на защиту родного края. Небольшая компактная группа — видимо, партизан, пришедших на митинг, —

бурно аплодировала, фронтовики же хмуро молчали. Раза два из их рядов кто-то крикнул: «Знаем! Слыхали!», а когда я говорил о военных судах Черноморского флота, прошедших из Черного моря через море Азовское на помощь ростовской красной гвардии, кто-то из тех же рядов заорал: «Брехня — это сильная буря на Черном море загнала суда в Азовское...» На обратном пути нам пришлось пережить неприятный момент: недалеко от узловой станции Звереве наш паровоз с вагоном был остановлен свистком стоявшего на посту офицера, знавшего о нашем проезде... Поднявшийся в вагон офицер сообщил, что он не уверен, чей эшелон — наш или советский — совсем недавно прошел от Щетова на Звереве, — возможно, что советский... Решено было продолжать путь: наш машинист заявил, что он хорошо знает расположение запасных путей на этой узловой станции и надеется проскочить во всяком случае. Проскочить не удалось, но в наш вагон вошел А.М. Жеребков⁵⁰ (бывший потом адъютантом атамана Африкана Петровича Богаевского), который просил довести его до Новочеркасска, куда он должен доставить пакет от командующего отрядом полковника Ляхова, только что отступившего от Щетова на Звереве.

Неутешительные сведения о результатах нашей «разведки» доложили мы атаману... Выяснить точно обстоятельства смерти Чернецова нам не удалось: один из уцелевших видел, как его зарубил Подтелков, другой — как Чернецов, воспользовавшись суматохой, вызванной выстрелами шедшего из Каменской подкрепления, ускакал... Утешительно было одно: настроение чернецовцев, несмотря ни на что, было бодрое, уверенное.

В последнем, предсмертном, призыве генерал Каледин 28 января 1918 года дал такую оценку «подвигам» этих полков (участвовали полки — 10-й, 27-й и 44-й, а также 6-я гвардейская батарея): «...наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе со вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами напали на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков — участников этого подлого

и гнусного дела — рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество».

Вот что писал о Чернецове и его партизанах донской полковник Генерального штаба Добрынин⁵¹: «Из партизанских отрядов бессмертную славу создал себе отряд молодого, энергичного и самоотверженного Чернецова. Начало его организации относится к 30 ноября ст. ст. 1917 г. Отряд охраняет Воронежскую железнодорожную магистраль, однако он не остается неподвижно на одном месте, а с молниеносной быстротой перебрасывается в различных направлениях, постоянно захватывая противника врасплох и вызывая в рядах его панику. К числу наиболее известных набегов Чернецова нужно отнести: налет на Дебальцево 25 декабря 1917 года, на Глубокую 18 января 1918 года и печальный по развязке для партизан бой у Глубокой 20 января, закончивший Чернецовское наступление от Каменской, начатое 19 января. Отрезанный частями мечтающего об атаманской булаве Голубова, Чернецов погиб в неравной борьбе. С его гибелью в отряде не стало той уверенности, которую всегда умел внушить Чернецов. Необходимо отметить, что главный контингент партизан составляла учащаяся молодежь, проявлявшая особую чуткость к желанию атамана Каледина по совести решить серьезные вопросы, выдвинутые революцией в области местной жизни».

А.П. Падалкин⁵² цитирует следующие отзывы о Чернецове («Родимый Край», № 36): «Ген. Деникин о Чернецове пишет: «...Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает во всех направлениях... Успех сопутствует ему везде. О нем говорят и свои и советские сводки, вокруг его имени рождаются легенды, и большевики дорого оценивают его голову...»

Один из чернецовских партизан записал: «Во время одного дежурства на станции Колпаково мне посчастливилось быть свидетелем одной интересной сцены. Дебальцево соединяется со Щетовом телеграфом.

Дебальцево: «Я, главнокомандующий доблестными революционными войсками, хочу вести переговоры с вашим главнокомандующим».

Щетово: «Я, командующий казачьими силами есаул Чернецов, у аппарата. Что вам нужно и как вас зовут?»

Дебальцево: «Я предлагаю вам мирные переговоры. Каковы ваши условия? До имени моего вам нет дела».

Щетово: «Думаю, что переговоры эти все равно ни к чему не поведут. Впрочем, если вам так хочется узнать мои условия, товарищ таинственный главковерх, то вот они: все ваши доблестные революционные войска должны немедленно сложить оружие и выслать таковое в распоряжение моих войск. Вы же и местные ваши комиссары явитесь ко мне в качестве заложников. Это будет для начала, а там дальше посмотрим. Официальные переговоры кончены. Позвольте мне, старому вояке, сказать на прощанье несколько частных слов вам, неведомый главковерх, стыдящийся своего имени. Я, конечно, не сомневаюсь в вашем блестящем знании и опытности в боевом деле, приобретенных вами, по всей вероятности, в бытность вашу чистильщиком сапог где-нибудь на улицах Ростова или Харькова. Все же мне почему-то кажется, что вас вскоре постигнет участь друга вашего Коняева. То же самое получают и все присные ваши — Бронштейн, Нахамкесы и прочие правители советской державы. Напоследок позвольте у вас спросить: все ли вы продали или еще что осталось? Ну, до скорого свидания, ждите нас в гости».

Добавлю от себя: казак станицы Калитвенской, сын ветеринарного фельдшера, Чернецов, как партизан, выдвинулся еще во время Мировой войны. Его отряд, выполняя ответственные поручения, стал известным, и там он проявлял исключительную храбрость, находчивость и инициативу, выдвинувшие его в первые ряды партизанства. Трижды раненный, в чине есаула он получил много знаков отличия, в том числе и Георгиевское оружие.

* * *

Пылкий Чернецов пытался заразить своим духом и офицерскую массу. Положение на фронте становилось все более угрожающим. Пополнение рядов защитников было необходимо. В Новочеркасске находилось, по данным генерала С.В. Денисо-

ва, около 3000 офицеров, по данным регистрации офицеров большевиками после занятия ими Новочеркаска — около 4000. Генерал И.А. Поляков называет цифру 7000 — «бездельников», по его выражению. По просьбе Чернецова был отдан приказ по гарнизону офицерам зарегистрироваться. Перед регистрацией, с целью ознакомить офицеров с положением на фронте, было устроено собрание. Все помещения Офицерского собрания были переполнены. После речей А.М. Каледина и М.П. Богаевского, ярко обрисовавших создавшееся положение и призывавших офицеров пополнить тающие ряды партизан, с пламенной речью выступил Чернецов, заклинявший офицеров поддержать войскового атамана в его тяжелой борьбе по защите Дона. Речь свою Чернецов закончил такими словами: «Господа офицеры, если так придется, что большевики меня повесят, то я буду знать — за что я умираю. Но если придется так, что большевики будут вешать и убивать вас, благодаря вашей инертности, — то вы не будете знать, за что вы умираете...»

В перерыве Чернецов предложил офицерам записываться в его отряд или составить самостоятельный отряд партизан. Из присутствовавших около 800 офицеров записалось только 27, что вызвало возмущение Чернецова. «Всех вас я согнул бы в бараний рог, и первое, что сделал бы, — лишил содержания! Позор!» После этого выступления записалось 115 человек — больше желающих не оказалось. На следующий день вечером была назначена отправка записавшихся на станцию Лихая — явилось 30, остальные «распылились»!!!

*Б. Земчихин*⁵³

ЮНКЕРСКАЯ БАТАРЕЯ В ЧЕРНЕЦОВСКОМ ПОХОДЕ⁵⁴

Одной из славных страниц в истории бригады является участие Юнкерской батареи в походе отряда есаула Чернецова, на севере Донской области, где появилась угроза в лице большевиков. Захватив власть в свои руки в России, они неожиданно встретили препятствие к распространению своего влияния на Дону.

Бои под Ростовом показали, что уговоры, пропаганда и т. п. приемы, применявшиеся ими, в данном случае не помогут, и они решили вооруженной силой заставить смириться непокорных. С этой целью были двинуты из разных мест «славные революционные войска», состоящие из матросов, красногвардейцев, латышей и немцев-военнопленных. Эта масса, казалось, должна была раздавить горсть храбрецов, кинувших вызов всей большевистски настроенной России.

В это тяжелое время на сцене появился герой. Молодому есаулу донского казачества, Василию Михайловичу Чернецову, суждено было сыграть одну из важных ролей в борьбе против врагов. Защитой Донской области с севера от напора массы красных он дал возможность генералу Алексееву спокойно продолжать свое дело созидания армии.

Одному взводу Юнкерской батареи выпала честь принимать участие в этой тяжелой, но славной борьбе. Есаул Чернецов уже в течение месяца с горстью партизан, состоявших из молодежи: кадет, юнкеров, гимназистов и студентов, успешно действовал против большевиков в районе станций Звереве, Лихая и Дебальцево. Слухи о легендарных подвигах его отряда в боях с противником, во много раз превышающим их численностью, несмотря на это всегда выходявшим победителем, доходили до нас, и мы тогда не подозревали, что и нам суждено будет принять участие в этом походе.

В памятный для всех нас день вечером 12 января 1918 года есаул Чернецов, вернувшийся из одной из своих экспедиций в Новочеркасск, появился в стенах нашего общежития и предложил подполковнику Миончинскому отправить с ним в экспедицию одно или два орудия, говоря, что, имея артиллерию, его отряд будет непобедим. Наш командир согласился, но сразу же возник вопрос, кому же идти с Чернецовым, потому что часть батареи должна была идти в город Таганрог, для борьбы с большевиками, действовавшими в районе этого города.

Всем хотелось ехать с есаулом в его отряд. После долгих разговоров и споров решено было, что в Чернецовский отряд пойдут: 1-е «похоронное» орудие образца 1902 года, штабс-капитана Шперлинга и 2-е образца 1900 года, поручика Казанли, под общей командой подполковника Миончинского. Трудно

себе представить, как были огорчены те, которые не попали в число отправляющихся с этими орудиями. Зато участники экспедиции смотрели именинниками. Выступление было назначено на 13 января. Всю ночь шли приготовления к походу.

Утром перед выступлением на вокзал, где должны были грузиться, донцами была сделана попытка вернуть отобранное у них орудие, но она не увенчалась успехом, и оба орудия благополучно прибыли к месту погрузки. Казаки, которые никак не могли примириться с мыслью о потере орудия, попытались в последний раз отобрать его, но неудачно. Делегация, которой было поручено это дело, вернулась ни с чем, так как Чернецов отказался отдать пушку и приказал начинать погрузку. Но сделать это не удалось, едва успели вкатить на платформу одно орудие, как последовало приказание двигаться к атаманскому дворцу. Оказалось, что казаки, враждебно настроенные к своему атаману, решили низложить генерала Каледина и толпа, состоящая из казаков местного гарнизона, направилась ко дворцу с явно выраженными намерениями. Наш взвод вместе с партизанами двинулся туда, появление отряда заставило казаков рассеяться. Нам приказано было вернуться на вокзал и продолжать прерванную работу. Ночь на 14-е провели в эшелоне.

15-го с утра принялись за установку орудий на платформе и их приспособления для стрельбы с последних. Необходимо отметить, что такая установка орудий применялась впервые в Добрармии, и этим самым мы как бы клали начало бронепоездам новой армии. К вечеру выехали из Новочеркаска и ночью прибыли на станцию Сулин, где простояли до утра, а затем двинулись вперед. Вследствие полученных сведений, что станция Зверево занята большевиками, подходя к последней, наша пехота выгрузилась и рассыпалась в цепь. Обоим орудиям тоже приказано быть наготове, но эта предосторожность оказалась излишней, ибо станция не была занята большевиками. Продвинулись дальше, на следующий разъезд Замчалово, и встретили последний пассажирский поезд с севера, с которым приехал юнкер Леонович, ездивший в отпуск. Осмотрев и обыскав поезд, двинулись вперед на станцию Лихую, следующую на севере.

Подходя к станции, сделали по ней, из предосторожности, два выстрела, не получив ответа, мы вошли на станцию. Эти выстрелы ознаменовали собою первое выступление батареи юнкеров на боевом поприще как артиллерийская часть. В Лихой простояли всю ночь, только 1-е орудие получило приказание идти обратно на станцию Звереву, которая, по полученным сведениям, была занята большевиками.

Офицерская рота, охранявшая станцию, после боя оставила последнюю, и, таким образом, наше сообщение с Новочеркасском было прервано. С рассветом следующего дня 1-е орудие стало подходить к Звереву, ожидая встретить сопротивление. Против ожидания, станция была брошена противником, и офицерская рота ее снова заняла, а 1-е орудие пошло опять на Лихую, на присоединение к отряду, который догнали на разъезде Северо-Донецкий.

Тем временем командир получил приказание двигаться всем эшелоном, с оставшимся в его распоряжении орудием поручика Казанли, на станцию Каменскую. Утром этого же дня был выслан разъезд, состоящий из батарейных разведчиков, на хутора влево от железной дороги, чтобы собрать сведения о противнике. Разведка дала следующие результаты: хутора занимают сотней какого-то казачьего полка с пулеметами и 2) что на разъезде Северо-Донецкий, ближайшем к станции Лихой в направлении на станицу Каменскую, значительный отряд Красной гвардии при нескольких казачьих полках с артиллерией, но это мы узнали гораздо позже.

Сам есаул Чернецов со своими партизанами должен был выступить сейчас же по прибытии офицерской роты со станции Звереву для охраны станции Лихой, которая представляла собой железнодорожный узел, образованный скрещиванием двух линий: Миллерово—Новочеркасск и Царицын—Первозвановка. Отряд Чернецова состоял к этому времени из 3 сотен: первая — под командой поручика Василия Курочкина; вторая — есаула Брылкина — сотня находилась в отделе по охране железнодорожной линии Звереву — Новочеркасск и третья — штабс-ротмистра Иноземцева⁵⁵. Молодежь, из которой состоял партизанский отряд, вдохновляемая своими начальниками, не зная поражений, ходила в бой зара-

нее уверенная в своем успехе и никогда не ошибалась. Противник часто не выдерживал одного вида идущих в атаку, без выстрела с песнями партизан и поворачивал спину. Вполне понятно, поэтому большевики так ненавидели и вместе с тем боялись партизан Чернецова. Но вернемся к нашему эшелону, который двинулся на станцию Каменскую. Не доезжая до разъезда Северо-Донецкий, была замечена цепь, расположившаяся по обеим сторонам железной дороги, флангами своими уходившая нам в тыл. Эшелон остановился, и сперва конными, а затем по телефону на станцию Лихую было сообщено Чернецову о появлении противника.

Тем временем со стороны разъезда показалась группа людей, направляющихся в нашу сторону с чем-то белым, видимо парламентары. Всем свободным было приказано частью рассыпаться в цепь, частью, оставаясь у вагонов производить как можно больше шума, чтобы создать впечатление эшелона, наполненного людьми. Когда эта кучка людей приблизилась, то оказалось, что она состояла из нескольких казаков, среди которых был офицер и личности неопределенной профессии, с красными повязками на рукавах. Офицер этот заявил, что они посланы от соединенного отряда красногвардейцев и казачьих полков и что им поручено предложить нам уйти обратно на Лихую и, наконец, в противном случае они заставят нас повиноваться вооруженной силой.

Подполковник Миончинский, желая выиграть время и оттянуть начало боя до прибытия партизан, предложил им прежде, чем начать переговоры, отвести свои цепи к разъезду, а он, в свою очередь, отодвинет эшелон назад. Они согласились, и вскоре цепи их стали передвигаться к разъезду, наш эшелон отошел на несколько сажений и стал в выемке.

Начались переговоры, делегаты стали упрекать нас в том, что мы поднимаем оружие на своих же братьев, которые не давали к этому никакого повода, советовали не противиться требованию их об нашем уходе, предостерегали нас от неосторожного выстрела, последствием которого явится, как они говорили, кровавая баня, что нас сотрут с лица земли и т. п. Тем временем офицер-донец потихоньку сообщил нам, что казаки совсем не хотят драться с нами, что стрелять не будут, а они

составляли их левый фланг. Подполковник Миончинский отвечал, уклоняясь от прямых ответов, ссылаясь на то, что он исполняет приказание, исходящее свыше, и самостоятельно распоряжаться не может, стараясь все затянуть переговоры. Наконец показался дымок идущего поезда. Чернецов со своими партизанами и другим нашим орудием шел на выручку. Едва он успел соскочить с поезда, не дав даже рассчитаться своим сотням, приказал нашему командиру открыть огонь. Орудие штабс-капитана Шперлинга дало выстрел, это послужило сигналом к бою, убийственный пулеметный и ружейный огонь обрушился на нас, в ответ заговорили наши два орудия и батарейные пулеметы. Огонь наш сразу оказался действенным. Батарейные пулеметы без умолку трещали, расстреливая цепи противника, который, не рискнул атаковать нас. Несмотря на сильный обстрел красных, личный состав взвода оказался на высоте своего положения, с невозмутимым спокойствием исполнял свои обязанности.

Наглядным примером отменной доблести и полного бесстрашия является корректировка стрельбы начальником первого орудия штабс-капитаном Шперлингом, который, сидя на телеграфном столбе и находясь, таким образом, на виду у противника, несмотря на сосредоточенный по нему огонь красных, продолжал спокойно свое дело до конца боя, ни на минуту не покидая своего пункта. Другой образец такого мужества — это когда в один из снарядов, лежавших открыто на платформе орудия поручика Казанли, попала пуля, заряд воспламенился, и снаряды, лежащие рядом, угрожали взорваться.

Взрыв этот причинил бы много бед, но благодаря присутствию духа и мужества находившегося на этой платформе подполковника Миончинского, который спокойно, оставаясь на своем месте, приказал забрасывать пламя снегом, подав лично пример этому, огонь удалось потушить, и опасность миновала.

Бой продолжался, партизаны, развернувшись, почти без выстрела пошли вперед. Красные, подпустив их шагов на 800, не выдержали и стали отступать. Преследуемые нашим огнем, они все ускоряли темп своего отступления, обратив его в кон-

це концов в беспорядочное бегство, в результате которого осталось много пленных, раненых и оставшихся. Из опросов последних выяснилось, что в бою участвовали латыши, матросы, немцы и 5-й пулеметный полк, казаки держали свое слово, и с их стороны ни одного выстрела не было. Стало темнеть, бой кончался, только отдельные выстрелы раздавались в разных направлениях, это партизаны расстреливали коммунистов.

У партизан потерь было мало, батарея потеряла убитыми: юнкеров Перница и Крамаренко, ранен юнкер Бахмулин. Утомленные таким днем, все разошлись по вагонам.

Ночь простояли на разъезде и утром пошли в станицу Каменскую, которая оказалась оставленной красными. Здесь мы узнали, что незадолго перед нашим приходом бывшая 6-я л.-гв. Донская конная батарея, переправившись через реку Северный Донец, по деревянному мосту ушла в сторону станции Глубокой. Вдогонку был послан отряд конных юнкеров, но безрезультатно, ее не нашли. Высланное в сторону станции Глубокой на переезд орудие штабс-капитана Шперлинга выяснило, что батарея перешла железную дорогу и пошла на хутора, находившиеся влево от последней. Донское население станицы Каменской встречало нас хорошо, на станции местным дамским кружком был устроен питательный пункт, местная молодежь охотно записывалась в отряд, наконец, офицеры, бывшие в станице, образовали дружину.

Часа три спустя первое орудие выехало на разведку, в сторону станции Глубокой, и оно дошло до разъезда Погорелово, откуда вернулось обратно после небольшой артперестрелки. Остаток дня прошел спокойно. Ночью же было получено сообщение со станции Лихой о том, что офицерская рота подверглась неожиданному нападению и с большими потерями вырвалась из кольца окруживших ее большевиков. Таким образом, нам вторично отрезали путь на Новочеркасск и, кроме того, грозили ударом с тыла. Необходимо было их выбить. В Каменской была оставлена местная офицерская дружина, а все партизаны с двумя нашими орудиями двинулись на Лихую и утром следующего дня были в виду у последней.

По линии железной дороги на Первозвановку виднелось штук пять дымков поездов, это подходило подкрепление к

красным, занимавшим станцию. Вскоре какая-то 4-орудийная батарея начала довольно удачно обстреливать наш эшелон, мы стали отвечать. Партизаны, рассыпавшись, пошли вперед, и, встреченные сильным огнем красных, они стали нести потери. Почти весь командный состав выбыл из строя, но это не остановило их движения, и они скоро уже были на станции. Поручик Курочкин, раненный в голову, не покинул строя и продолжал руководить действиями своей сотни. Бой кончился, обстреливаемые нашим артогнем эшелоны противника один за другим скрылись из виду, причем на одном из них возник пожар от удачного попадания в вагон.

На станции виднелись следы нашего обстрела. Жители рассказывали, что во время боя в одном из станционных зданий происходило какое-то совещание, попавшим снарядом все находившиеся там были перебиты. Находили тела убитых и обезображенных чинов офицерской роты, оборонявшей Лихую. Для батареи день был удачный, потерь не было. Богатая добыча вознаградила участников боя. В оставленных на станции большевиками вагонах оказалось большое количество сладостей и съестных припасов, которые мы остаток дня и всю ночь перетаскивали к себе в вагоны.

Из боевой добычи можно отметить вагон снарядов. В Лихой стояли до вечера следующего дня, а затем, оставив орудие штабс-капитана Шперлинга, пошли в Каменскую, откуда предполагался налет на станцию Глубокую.

В обход от нас отправился подполковник Миончинский с орудием поручика Казанли, сам есаул Чернецов с сотней партизан и офицерской ротой. Всю ночь шли приготовления к походу, с рассветом мы должны были выступить.

*П. Каменский*⁵⁶

ОБХОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ СТАНЦИИ ГЛУБОКОЙ⁵⁷

Утром 20 января 1918 года две сотни партизан и офицерская рота полковника Морозова, с одним орудием поручика Казанли, под командой полковника Чернецова, выступили в

обходное движение станции Глубокой. По имеющимся сведениям, на станции, занимаемой большевиками, скопилось большое количество эшелонов, из которых некоторые были с артиллерией. Обход предпринимался с целью большого захвата добычи, и в частности орудий, в которых отряд сильно нуждался.

Выступление отряда было назначено с рассветом, но разгрузка орудия, соби́рание подвод, все приготовления задержали отряд, и он выступил около 9—10 часов. Был холодный и ветреный день. Настроение в отряде было, как всегда, веселое, и это несмотря на проведенную без сна ночь, люди смеялись и шутили. Артиллеристы при орудии смеялись над своим пешим взводом, составляющим прикрытие орудия и состоящим также из юнкеров батареи. Говорили, что хороши были бы они на конях, с казачьими пиками и шашками, но без седел. Дело в том, что командир, желая организовать хоть немного кавалерии и имея в распоряжении лошадей и оружие, но не имея седел, не поддавался уговариваниям казачьего офицера посадить юнкеров без седел и пустить в атаку на красных.

Отряд двигался довольно быстро, изредка Чернецов, вооруженный двумя кольтами и поэтому в отряде называвшийся «броневым», выезжал вперед на разведку. На небольших привалах ели сушеную рыбу, миндаль и урюк, захваченные под Лихой, в оставленных красными вагонами. Рассчитывая прийти в тыл станции Глубокой к часам 14—15, отряд, сбившись с правильного направления, так как он шел без дорог и потому сделал большой круг, подошел к станции только к вечеру. Люди все устали, проголодались и промерзли.

Логика требовала ждать следующего утра, но Чернецов, руководствуясь своими соображениями, решил теперь же кончить начатое. Ввиду наступающего вечера, отряд, не задерживаясь ни на минуту для отдыха, развернулся в боевой порядок и начал наступление. Орудие стало на ближайший бугор. Станция лежала немного внизу, на ней, казалось, все было спокойно, видны были маневрирующие паровозы, и, видимо, противник не ожидал, а потому отряд хотел воспользоваться темнотой и ее захватить. Орудию было приказано открыть по ней огонь, дабы вызвать панику.

Но это предположение, как и все наши ожидания в этот день, не исполнилось, и начались первые, еще незнакомые неудачи, как для партизан, так и для самого полковника Чернецова. В ответ на огонь орудия по нему открыла огонь 4-орудийная батарея, стоящая на закрытой позиции. Орудие начало нести потери, но огонь не прекращало. После нескольких выстрелов последовала вторая неудача, пушка отказалась стрелять из-за порчи стреляющего приспособления. Послали к передку за запасным, но, как всегда бывает, за одной неудачей следует и другая; передок орудия оказался передним ходом ящика, перепутали при разгрузке орудия с платформы, благодаря темноте и неопытности юнкеров, почему инструментальный ящик остался в Каменской. Стали под огнем чинить испорченное стреляющее приспособление, но не были в состоянии его исправить. Пушка, всегда так удачно поддерживавшая партизан, молчала. Батарея противника, вообразив, что она заставила замолчать орудие, перенесла огонь сначала на передок, а затем и по нашей пехоте.

При обстреле орудия был тяжело ранен двумя шрапнельными пулями юнкер Икишев: одной в плечевую кость левой руки, другой — в берцовую левой ноги, но благодаря своему сильному сложению сумел сам дойти для перевязки к передку, стоящему в полуверсте.

Между тем партизаны спускались к станции Глубокой. Подойдя к небольшой речке у поселка, они неожиданно попали под убийственный ружейный и пулеметный огонь противника. Неизвестно, ожидали ли большевики нас или преждевременный огонь нашего орудия дал им возможность приготовиться. Завязался упорный бой, партизаны бросились в атаку и выбили противника из поселка, или так называемого фортштата, но понесли большие потери. Несмотря на это, они продолжали наступать не останавливаясь, но стало темнеть, и скоро наступила ночь.

Бой еще долго продолжался и к часам 24 стих, лишь продолжали раздаваться одиночные выстрелы. Но почему-то всем было ясно, что задача не выполнена, и, следовательно, бой проигран. Ввиду того что наступавшим было дано лишь направление, а не указано сборное место в случае неудачи для

их сбора, у орудия, стоявшего все время на старом месте, был разложен костер. Через некоторое время стали подходить одиночками и группами партизаны, оказалось, что им удалось, преследуя противника, на его плечах ворваться на вокзал, но из стоявших там эшелонов они были снова встречены губительным огнем противника, стрелявшего почти в упор.

Сильные потери, громадное превосходство сил противника, а главное — наступившая ночь не дали им возможности захватить станцию, и, потеряв друг друга в темноте, разбившись на группы и блуждая, они стали пробиваться обратно. Более поздние из возвращавшихся уже натыкались на заставы большевиков, которые те успели выставить на старых местах. Офицерская рота куда-то пропала, оказалось впоследствии, что она оторвалась от партизан и, пройдя поселок за станцией, пробила на Каменскую.

Положение отряда без пищи, воды и крова, так сильно во всем этом нуждавшегося, было незавидно. Командный состав собрался обсудить создавшееся положение, люди же, страшно уставшие, улеглись вповалку на земле, предварительно разобрав и уничтожив все имеющееся в лишь одной интендантской повозке. Хлеба не было, имелся только запас мясных консервов и сахара. Ездовые засыпали, ненапоенным лошадям дали овес. Тихо стонали немногие выбравшиеся из боя раненые. На совещании полковник Чернецов решил идти на ближайший хутор. Долго ездили и искали его конные, ездил и сам Чернецов, наконец он вернулся, привезя с собою 80-летнего старика, взявшего нас проводить в один из хуторов, окружавших станцию Глубокую и в верстах трех от нас.

Разбудив людей и по возможности осмотрев всю площадь стоянки, чтобы не оставалось спящих, отряд двинулся. Ночь была темная, почти ничего не было видно. Отряд шел, отдавшись весь на знание и добросовестность старика. Спустя час добрался до двух домиков, в которых все и разместились. Лошадей в орудии отпрягли и задали корм, время потратили на переноску раненых с орудийных ящиков в хаты и, наконец, добрались до теплой хаты. Моментально все погрузилось в сон. Спать приходилось стоя или сидя на том месте, где человек

находился, но все же все спали мертвым сном. В соседней комнате подполковник Миончинский и поручик Казанли возились над починкой испорченного стреляющего приспособления, которое к концу отдыха им удалось исправить. В помещении, где спали люди, раздался выстрел, затем стон раненого, к счастью не тяжело, несколько криков голосов стоящих ближе к пострадавшему, потом снова все стихло. Некоторые даже не проснулись, а над остальными усталость брала свое, и они, проснувшись было, опять погрузились в сон. Оказалось, что один из партизан, не разрядив винтовки, случайно произвел выстрел, естественно, что в комнате, буквально набитой людьми, был кто-то ранен, к счастью лишь один.

Отдохнув часа два, стали собираться, ездовые повели поить лошадей. Полковник Чернецов, желавший до рассвета выехать на вчерашние бугры, торопил, и ездовые, по приказанию подполковника Миончинского, должны были вернуться, не напоив лошадей. Уже совсем рассветало, когда теперь еще более немногочисленный отряд подошел к вчерашним буграм. Решено было возвращаться обратно в Каменскую. Отряд, лишившийся офицерской роты и понесший большие потери, не мог воевать. По направлению к Глубокой случайно заметили скоро бежавшего к отряду человека.

Колонна остановилась. Бежавший оказался партизаном, который заблудился во время вчерашнего ночного боя и был схвачен большевиками, почему-то сразу его не расстрелявшими, и теперь он бежал. По его словам, около мельницы на окраине Глубокой, которая была видна в верстах двух, скопилось много красногвардейцев. Полковник Чернецов приказал обстрелять ее и к стати проверить боеспособность орудия. Наш командир его отговаривал, говоря, что не стоит себя обнаруживать орудийными выстрелами и что бывший есаул Голубов, командовавший красными, воспользуется нашей неудачей и своими превосходными силами нас атакует. Несмотря на это, Чернецов приказал открыть огонь.

Удачные попадания, выскакивающие из домов и разбегающиеся большевики, невольные возгласы одобрения партизан, показывающие, что дух в отряде не умер, увлекли полковника Чернецова, и он заставил выпустить более 10 снарядов. Нако-

нец орудие взялось в передки, и отряд двинулся дальше. Лошади, ничего почти не евшие, не отдохавшие, а главное, не поенные в течение полутора суток, еле везли орудие. Люди, только что ожившие, снова поддавались усталости и уныло брели, многие отставали от колонны.

Полковник Чернецов вел отряд не по дороге. Мысли каждого были направлены в Каменскую и к ожидавшему там отдыху, но у всех было какое то недоброе предчувствие новой надвигавшейся беды, оно еще более усилилось, когда отряд, не пройдя и четверти пути, увидел перед собою на горизонте 7—8 конных, которые удалялись по мере приближения колонны и продолжали маячить. Так прошли версты три, перешли овраг и взобрались на ровное место, доминирующее перед окружающей местностью, но с которого перед нами сразу не было видно впереди лежащей местности. Маячившие конные исчезли.

Пройдя саженой 200, перед отрядом открылась картина, которой все так не желали; в верстах двух с половиной в боевом порядке был расположен ненавистный партизанам 27-й Донской большевистский полк под командой Голубова, выбранного командира, бывшего есаула. Было видно, как 4-орудийная батарея становилась на позицию. Партизаны стали рассыпаться в цепь. Орудие снялось с передка. Рассыпалось человек 10, остальные, отстав, с трудом догоняли. О переговорах, столь обычных для казаков при другой обстановке, не приходилось и думать. Цепи открыли огонь по надвигавшемуся противнику. Чернецов, понимая, что при всем геройстве партизан атаки им не выдержать и что отряд, будучи окружен, так или иначе погибнет, решил, не принимая боя, отходить к полотну железной дороги, рассчитывая на помощь из Каменской.

Последовало приказание, стали отходить. Казачья батарея открыла удачный огонь. Кавалерия стала огибать наши фланги, и, чтобы не быть окруженными, отряду нужно было быстро двигаться, чтобы успеть, не дав себя окружить, достигнуть полотна. Лошади орудия почти отказывались идти рысью. Неожиданно перед орудием была замечена маленькая, но глубокая яма, ездовые быстро повернули в сторону, но, отдавая в

то же время лошадям повод, который был все время из-за усталости коней коротким, лишили на минуту коней поддержки, и подручная среднего уноса, споткнувшись, упала, через нее подседельная, и орудие остановилось, лошади барахтались, запутавшись в постромках. Два нормальных разрыва шрапнели легли сбоку от запряжки, партизаны были впереди, не задерживаясь, было приказано отстегнуть вагу, и орудие на одних корнях продолжало идти рысью, рассчитывая со следующего бугра открыть огонь. Знаменитый Шлагбаум, белый коренной конь гигантских размеров, и тут не выдал. Подняв лошадей с помощью подбежавших юнкеров пешего взвода и распутав постромки, уносы догнали орудие.

Кавалерия наседала, и орудие, достигнув бугра, продолжало двигаться дальше. Отряд, отступая, отклонился от взятого было направления, так как конница противника, не давая возможности отряду задерживаться, заставляла его двигаться в нежелаемом направлении, а именно, идя к полотну, отклоняться в сторону Глубокой. Но делать было нечего. Сильно пересеченная местность отнимала последние силы, как у людей, так и у лошадей. Наконец орудие подъехало к глубокому оврагу, просшему кустарником, переехать уже не было возможности. Полковник Чернецов приказал бросить орудие. Ездовые стали выпрягать лошадей, номера сняли орудие с передка. Командир сначала хотел дать несколько выстрелов, но потом, видимо, решил, не успеет испортить пушку, а потому приказал снять замок, прицел и угломерный круг, после чего общими усилиями юнкеров орудие было скинуто в овраг.

Орудие, скатываясь в овраг с крутого откоса, перевернулось и повисло на толстых, торчавших на скате корягах. Подполковник Миончинский остался доволен спуском орудия, при перевертывании которого погнулась коробка-кронштейн, и, будучи уверенным, что орудие вышло из строя, приказал пешим юнкерам догонять полковника Чернецова. Замок, прицел и угломерный круг приказал дотащить до полузамерзшего ручейка, который был виден на дне оврага, куда все и бросить, что было исполнено.

Сам же командир с ездовыми и частью номеров, севших на освободившихся лошадей, также поскакал догонять ушед-

ших. Итак, отряд оказался в балке, три края которой заняли скакавшие всадники, на ходу стрелявшие по бегущим с очень близкой дистанции. Полковник Чернецов, видя гибель отряда и желая уменьшить число жертв неудачного похода, приказал подполковнику Миончинскому прорываться со всеми конными, сам же остался с партизанами. Подполковник Миончинский, собрав человек 20 конных, выскочил из оврага, размахивая носовым платком, изображавшим белый флаг, и бросился мимо озадаченного и не понимающего, в чем дело, противника, держа направление на Каменскую. Когда большевики сообразили, было поздно, конные выехали из сферы действительного ружейного огня, преследовать же их казаки почему-то не стали, может быть, считая это бесполезным. Этот конный отряд, проблуждав всю ночь и несколько раз наткнувшись на разъезды противника, но удачно избегнув столкновения, утром прибыл в Каменскую, попеременно сажая на круп лошадей каждого. Между прочим, им удалось вывести сестру милосердия одной из партизанских сотен, не имевшую своей лошади.

Этот удачный маневр нашей конницы вызвал ярость у казаков, и они бросились в конную атаку на оставшуюся часть партизан и юнкеров, насчитывающую не более 40 человек, большинство которых были разбросаны по оврагу, и только около Чернецова собралась группа в 15 человек, преимущественно юнкеров пешего взвода, на которых и устремились казаки в своей атаке. Дно оврага на этом месте повышалось и давало возможность видеть далее краев оврага. Заметив атаку, полковник Чернецов поднял окружающих на край оврага и, подпустив атакующих саженой на сто, дружными залпами опрокинул последних, которые нестройными группами поскакали обратно. Полковник Чернецов громко поздравил всех с производством в прапорщики. Ответом было немногочисленное, но громкое «Ура!». Но казаки, оправившись, не оставляя мысли смять нас и расправиться с партизанами за их нахальство, повели вторую атаку. Повторилось то же самое. Полковник Чернецов опять поздравил нас с производством, но в подпоручики. Снова последовало «Ура!».

Казаки пошли в третий раз, видимо решив довести атаку до конца, полковник Чернецов подпустил атакующих так близ-

ко, что казалось, что уже поздно стрелять и что момент упущен, как в этот момент раздалось громкое и ясное «Пли!». Грянул дружный залп, затем другой, третий, и казаки, не выдержав, в смятении повернули обратно, оставив раненых и убитых. Полковник Чернецов поздравил всех с производством в поручики, опять грянуло «Ура!» и, партизаны к которым успели подойти многие из отставших, стали переходить на другую сторону оврага, для отхода далее. В это время с другой стороны казаки стали тоже заходить в тыл, и партизанам грозит опасность полного окружения.

Только удалось подняться на другую сторону оврага, как был ранен в ногу полковник Чернецов и не мог идти далее. Видя, что все равно не избежать окружения и верной смерти, партизаны остановились. Сначала раздались крики: «Лошадь, лошадь!» — партизаны хотели заставить полковника Чернецова спастись самому верхом на лошади, но лошади не оказалось, да вряд ли он согласился бы бросить партизан в такой момент. Поэтому все залегли вокруг него, образуя круг радиусом шагов 20—30 и решив, что двух смертей не бывать, а одной не избежать, а потому все равно смерть, так биться до последнего, как сказал один из партизан.

И все, как-то сразу понявшие близость смерти и ее неизбежность, успокоились и, спокойно ожидая противника, правляли винтовки. Чернецова перевязали. Во время перевязки не все партизаны видели, как этот сильный духом и храбрый человек, обхватив голову руками и зарывшись лицом в землю, рычал, по-видимому кусая землю или руки, от сознания своего бессилия и, как некоторым казалось, оттого, что партизаны, он и его святое дело так глупо погибали. Но после перевязки он спокойно уже подбадривал и приказал драться до последнего.

В это время по оврагу стали раздаваться крики: «Свои, свои!» Один из подхорунжих, захваченный отставшими партизанами, видимо потерявший лошадь во время атаки, крича уговаривал «братцев» той и другой стороны сложить и тем и другим оружие, мирно и честно обсудить свои отношения.. Подходившие казаки, не стреляя ввиду того, что и партизаны не открывали огонь, стали собираться в кучки и, видя маленькую, но реши-

тельно настроенную и грозную цепочку юнкеров и партизан, стали соглашаться на взаимное сложение оружия и предложили полковнику Чернецову это принять.

Полковник Чернецов согласился. Казаки начали складывать оружие, партизаны тоже. Но, забывая численное превосходство казаков, партизаны не рассчитали, а полковнику Чернецову трудно было, сидя на земле, уследить, что благодаря все подходившим и подходившим вооруженным казакам настал момент, когда у партизан не было оружия, и они, спокойно разговаривавшие с первыми казаками, были окружены вновь подошедшей группой казаков во главе с Подтелковым, личным врагом полковника Чернецова, требующим немедленного расстрела всех партизан, и в первую очередь Чернецова.

Никакие объяснения не подействовали. Вооруженные казаки все подходили. Не имея ничего в руках, партизанам пришлось подчиниться, и их погнали толпой под крики, брань и стегание нагайками; некоторых били прикладами, так, например, штабс-капитан Князев ударом по голове был сбит с ног, обливаясь кровью, он сам поднялся и пошел дальше с другими, все время их подбадривая. Когда вышли из оврага, наступила тяжелая минута. Подошедшими крестьянами было подлито масло на и без того сильный огонь ненависти и жажды мести за убитых. Немногие голоса, стоявшие за то, чтобы вести пленных в станицу, «на суд народный», стали ослабевать, все больше раздавались крики: «Бей их, под пулемет всех их...» и т. д.

Еще немного, и началась бы бойня, но в этот момент заговорил казак, один из сторонников «народного суда», категорически требовавший не вольной расправы, а законной кары. Казаки на минуту почему-то замолчали. Толпа пленных, как один, подчиняясь какому то внезапному инстинкту, сама двинулась вперед, чувствуя, что в движении ее спасение, и роковая минута миновала. Казаки, продолжая спорить, тоже двинулись. Но страсти стали утихать, особенно после того, когда один из казаков узнал в одном из партизан родного брата. Некоторые казаки занялись сниманием с пленных хороших папах и шинелей, но все же, продолжая ругаться, заставляли партизан нести взятые у них же пулеметы.

Люди, и без того страшно уставшие, изнемогали. Многие падали, но их поднимали нагайками. Усталость достигла таких размеров, что люди не были в состоянии двигаться наравне с верховыми казаками, идущими спокойным шагом. Некоторые потеряли всякое самообладание, жалобно просили идти тише. Наконец казаки смиловались и дали санитарную повозку под раненых и ослабевших, а полковнику Чернецову лошадь. Но вот к колонне подъехала конная разведка и сообщила о том, что из Каменской по железной дороге чернецовцы ведут наступление на Глубокую.

Тогда Голубов, угрожая смертью всем, принудил написать полковника Чернецова записку с приказанием остановить наступление и что в противном случае все пленные будут расстреляны. Записку повезла казачья делегация во главе с партизанским доктором.

...Вот как все было в действительности... Генерал Усачев, командовавший войсками в Донецком округе, доносит так: «Последнее письмо Чернецова было написано карандашом и торопливо на листке, вырванном из полевой книжки: «1918 г., 21 января, я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник *Чернецов*». За подписью Чернецова имеется и подпись Голубова, сделанная характерным мелким почерком Голубова: «Войсковой старшина *Н. Голубов*. 1918 г., 21 января».

Делегация, посланная генералом Усачевым, придя на станцию Глубокую, никого не застала. Казаки с Голубовым ушли на Миллерово, а Глубокая была занята партизанским отрядом полковника Миронова. Обращение генерала Усачева к полковому комитету 27-го полка не было доставлено по адресу (справка из Архива бригады).

Впоследствии оказалось, что эшелон, выехав к Глубокой с 1-м орудием штабс-капитана Шперлинга и с оставшимися в Каменской партизанами, должен был атаковать Глубокую одновременно с обходной колонной, но, не дождавшись обходящих, слишком рано вернулся обратно. Результатом чего и было то, что полковник Чернецов не был поддержан атакой

станции в лоб по железной дороге. На другой день есаул Лазарев, оставшийся за Чернецова, беспокоясь о судьбе последнего и его отряда, решил самостоятельно наступать на Глубокую, но этой запиской Чернецова и был остановлен.

Ввиду наступающего вечера полк свернул на ночевку, пленных же повели в станицу, под охраной 20—25 конных во главе с Подтелковым. Последний, не слушая приказаний Голубова, повел пленных вместо станицы в Глубокую, занимаемую красногвардейцами, то есть на верную смерть. Сколько его ни уговаривал полковник Чернецов, ничто не помогло. Стало быстро темнеть. Были уже близко от Глубокой. Вдруг неожиданно раздался крик полковника Чернецова: «Бей их, ура!» И он, как говорят, точно не выяснено, ударил при этом Подтелкова выхваченной у него же шашкой. Как один, подхваченное раздалось могучее и дружное «Ура!». В него было вложено все то, что еще оставалось в усталых грудях партизан, и, безоружные, с сжатыми кулаками, собрав последние силы, они бросились на конвойных, последние рассыпались во все стороны.

Партизаны в темноте, тоже потеряв друг друга и не веря своему спасению, стали пробиваться самостоятельно, каждый сам по себе. Оправившись, часть конных казаков погналась за полковником Чернецовым, и он, отвлекая их от нас и тем нас спасая, погиб смертью героя, будучи зарублен. Часть партизан, пробродив ночь, вернулась в Каменскую, где местная интеллигенция на вокзале накормила их до отвала и где они спали 48 часов, без просыпа.

Некоторые же кинулись к железной дороге, рассчитывая пройти по ней и, кроме того, видядвигающийся эшелон и принимая его за свой. Эшелон был красный. Часть вскочила на него, другие перед самым эшелонном, услышав слова «товарищ», поворачивали обратно. Все вскочившие были замучены на станции Глубокой. Часть, идущая обходом, была захвачена в хуторах и, приговоренная к смерти, чудом спаслась, убежав от сонных часовых. Остальные, проблуждав даже двое суток, все же вышли на Каменскую.

На следующий день, когда судьба отряда, ходившего в обход станции Глубокой, и самого полковника Чернецова впол-

не определилась, после приезда конных во главе с подполковником Миончинским, есаул Лазарев повел наступление на Глубокую. Завладев станцией, которую большевики мало защищали и почти перед тем оставили, партизаны нашли обезображенные трупы замученных юнкеров и чернецовцев, подобрали некоторых бежавших из плена и, пробыв в Глубокой с час, вернулись в Каменскую.

Юнкерская батарея понесла большие потери, зверски убитые юнкера были настолько изуродованы, что не представлялось никакой возможности опознать личности убитых. С большим трудом удалось опознать по волосам тело юнкера Янишевского. Погибли: 1) старший портупей-юнкер Агапеев, 2) младшие портупей-юнкера Лукирский, 3) Маслов, 4) Радзишевский, 5) юнкера: Благовещенский Олег, 6) Гитцеград, 7) Икишев, 8) Кривошей, 9) Мамацев, 10) Николаев, 11) Осипов, 12) Павлов, 13) Полевой, 14) Рагге, 15) Сгонов и 16) Янишевский.

Через день были получены сведения, что в хуторе Гусеве стоит 6-орудийная батарея, в полном составе, без надлежащего прикрытия. Было решено завладеть ею. В тот же день, собрав всех людей, не ходивших в обход, так как ходившие отдыхали, но среди которых набралось довольно много желающих, есаул Лазарев предложил командиру двинуться с 1-м орудием, со взводом партизан и захватить батарею.

Подполковник Миончинский, доехав до переезда железной дороги, ближайшего к хутору Гусеву, остановил эшелон, приказал штабс-капитану Шперлингу выдвинуться со своим орудием вперед. Из эшелона начали выгружать лошадей. Противник обстреливал далеким и не заслуживающим внимания артогнем. Окончив выгрузку, двинулись к хутору и завладели орудиями, всем батарейным имуществом без всяких усилий, так как казаки при виде приближавшихся юнкеров разбежались по хатам, оставив батарею на произвол судьбы.

После этого юнкера начали перевозить захваченное и грузить на платформы. Грузить приходилось с земли, так что орудия грузили по рельсам, и, несмотря на трудность работы и усталость людей, через полчаса погрузка была закончена. За минут 15 до окончания погрузки со стороны противника показался паровоз под белым флагом, шедший полным ходом.

Паровоз уже приблизился на расстояние одной версты, но хода не замедлял. Штабс-капитан Шперлинг, командуя орудием на платформе, первым броневиком Добрармии, видя и решив, что это паровоз пустой, пущенный большевиками, как оно на самом деле и оказалось, приказал своему броневнику тихим ходом отходить назад, рассчитывая увеличить его в случае столкновения и в то же время дабы не столкнуться со стоящим сзади своим эшелонем, открыл огонь по паровозу. Паровоз был очень близко, когда орудие дало выстрел. Получился промах. Паровоз продолжал нестись с бешеной скоростью. У номеров на платформе захватило дух, не имея предохранительной платформы, они могли через минуту-другую быть раздавленными.

Штабс-капитан Шперлинг, лично став за наводчика, успел дать еще один выстрел и, попав в какие-то цилиндры паровоза, сильно ослабил его ход, но паровоз, продолжая двигаться по инерции, все-таки налетел на платформу, не причинив ей, однако, большого вреда. Были сломаны только буфера платформы, и орудие от сильного толчка одним колесом скатилось с платформы. Люди отделались только ушибами.

Выполнив возложенную задачу, эшелон с трофеями, состоящими из 6 орудий, образца 1902 года, телефонным имуществом, приборами для стрельбы, 1000 снарядами и другим артиллерийским имуществом, благополучно прибыл в Каменскую, где, оставив орудие штабс-капитана Шперлинга, подполковник Миончинский с участниками обхода и с захваченными орудиями двинулся далее в Новочеркасск, откуда, починив запущенную казачками материальную часть, направился в город Ростов.

С.В.И.⁵⁸

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ С ПОЛКОВНИКОМ ЧЕРНЕЦОВЫМ⁵⁹

Станица Каменская — окружная станица Донской области.

У дебаркадера — растянувшийся эшелон товарных и классных вагонов, простой воинский поезд, так примелькавшийся

за трехлетнюю Германскую войну, и, если бы не было среди паровоза платформы с орудием, да еще кое-каких несуразностей, вроде пулеметных стволов на тендере паровоза или одинокой фигуры дежурного наблюдателя, высунувшегося по пояс из проломленной крыши вагона, — вряд ли кто из посторонних зрителей обратил бы внимание. А вот есть эти, выходящие за предел повседневности маленькие особенности, — и собралась поглазеть от нечего делать толпа: случайные пассажиры, вынужденные слоняться по станции впредь до восстановления пассажирского движения, прерванного по чрезвычайным обстоятельствам, как гласило вывешенное железнодорожной администрацией объявление. Поодаль от них, у вокзальной решетки, — местные, как всегда донельзя любопытные казачки, brave старики и кое-кто из так называемых фронтовиков в расстегнутых солдатских шинелях с лихо заломленными набекрень фуражками-«хлеборезками», с боков которых выбивались взбитые, вьющиеся чубы.

Из дверей зала ожидания показалась стройная фигура полковника Чернецова, — взглянул поверх толпы и крикнул в пространство: «Подполковника Миончинского и командира 2-й сотни...» Затем, обратясь к двум случайно проходящим партизанам: скороговоркой отдал приказание: «Убрать толпу, очистить вокзал — все равно некуда ехать».

Последние слова скорее относились к подходившему подполковнику Миончинскому и служили как бы оправданием за предпринятую суровую меру против ни в чем не повинных пассажиров. Убрать... но куда? Все равно... им же будет хуже, если попадут под случайные пули... Лишняя кровь.

Летучее совещание начальников состоялось назавтра, 20 января, решено станцию Глубокую от собравшейся там нечисти — выездной сессии Царицынского реввоенсовета и трибунала, карательного отряда царицынских заводских рабочих и примкнувших к ним казаков, войскового старшины Голубова и подхорунжего Подтелкова — 27-й Донской казачий полк и лейб-гвардии 6-я Донская батарея — очистить.

1-е орудие юнкерской батареи «Штабс-капитан Шперлинг», две сотни партизан под общей командой есаула Лазарева будут наступать в лоб по железной дороге со стороны станции Камен-

ской. 2-е орудие, пеший взвод батареи, ее пулеметная и конных разведчиков команды вместе с вновь сформированной из учащих станицы Каменской 4-й партизанской сотней и с офицерским взводом полковника Морозова, под общим командованием полковника Чернецова пойдут в обход станции Глубокой. Для быстроты движения отряд посажен на подводы.

В утренней мгле чуть заметной, сливающейся со степью лентой двинулась на север маленькая колонна. Дул встречный морозный ветер, поднимая по прогалинам облака снежной крупы — пыли. Горизонт исчез, и все окружающее пространство заполнилось какою-то однотонною серою пустотой, которая как бы насильно проламывалась мордами вяло идущих вперед лошадей.

Партизаны зябко кутались в свои короткие бараньи полушубки, беспрестанно меняя позы, чтобы не затекли ноги, а главное, чтобы не замерзнуть, сидя без движений на неудобных повозках.

Мороз крепчал, и вместе с ним все реже и реже слышались несмолкаемые попервоначалу веселые остроты молодежи.

— Куда ты ведешь нас, не видно ни зги... — затянул, скандируя, и оборвался чей-то голос, не поддержанный веселым одобрением соседей...

— Дурак, при чем тут поляки, — буркнул кто-то с повозки офицерского взвода.

— Да не в них соль — не сбиться бы нам, и впрямь пятый час в пути, — заметил другой.

— Слезать... Строиться... живо.

Повозки отпущены с Богом — конец пути и начало нового... Прошли полотно железной дороги, — рожа. Мгла начала спадать. Позиция орудия на опушке, возле него — перевязочный пункт и резерв, офицерский взвод. Быстро расходятся партизанские цепочки, впереди, в балке, — хутора; немного левее — станция, ясно очерчивалась ее водокачка.

Неприятная новость: над рожей лопнула шрапнель, за ней — другая. Вместо предполагаемого нападения врасплох, противник первый открывает огонь, и очень удачно: вторая очередь шрапнелей легла левее орудия, перед санитарной двуколкой. Разведчики Икишев и Осипов ранены; первый — в бед-

ро, второй — в руку. Новая очередь — бедный Икишев вторично ранен в правую лопатку, вместе с ним ранен и перевязывавший его Гитцеград.

Орудие с открытой позиции вступило в единоборство с четырехорудийной батареей. Бой в полном разгаре. Быстро двигавшиеся вперед партизаны залегли, встретив упорное сопротивление. Обход слева. Батарейный пеший взвод, ее пулемет и телефонисты, на ходу рассыпаясь в цепь, скрылись из рощи...

Шум голосов, ружейные выстрелы, взрывы шрапнелей, треск ломавшихся веток и сучьев заглушали передаваемые по цепочке голосом команды для орудия и разносились многоголосым эхом по всей округе. Казалось, будто не в цепях вели бой, а где-то сзади, за ними, в роще...

Последний резерв — офицерский взвод полковника Морозова — брошен к станции, прорывает линию окопов и, пройдя через полотно железной дороги, отходит по направлению к станции Каменской, оставив на произвол судьбы с горсточкой едва обстрелянных партизан юнкеров-артиллеристов.

Уже наступили сумерки. Стрельба понемногу шла на убыль и, наконец, окончательно смолкла. Возле орудия собрался военный совет: полковник Чернецов, взяв трех артиллеристов-разведчиков, выехал на рекогносцировку, отдав приказание остаткам партизан собраться на опушку рощи.

Час спустя отряд бесшумно выступил на ближайшую дорогу, соблюдая предосторожности движения. Ночь была светлой. На траурном, черном небе мерцали изумруды далеких звезд. Разбросанные по сторонам дороги отдельные группы деревьев казались какими-то зловещими великанами, которые возьмут вдруг да и заговорят бесстрастным языком смерти... а так не хотелось в то время умирать, — когда роща с ее клокочущим котлом осталась позади, — о ней теперь можно будет рассказать в кругу своих знакомых и родных как о славном боевом эпизоде... Когда... Скоро... Конечно, когда все это кончится... ну, на Масляной... Как будет все это красиво — устанут танцевать, соберутся у камина... «Игорь, расскажите про ваш партизанский набег...»

— Повод... Под ноги... — Канава. Команда прервала ми-
молетную грезу.

— Господи, скорее бы в Каменскую к себе в эшелон — от-
дохнуть...

Впереди силуэты построики. Собачий лай, запах навоза и
дыма... еще ближе — ограда церкви, за нею — кресты. Ше-
потом передавалось распоряжение: два часа отдыху и потом в
Каменскую... Церковная сторожка переполнена до отказа мо-
лодежью — кто куда сел, там и заснул... стоя, сидя — все
равно... лишь бы спать... Счастливицы успели захватить места
под лавками и большим столом — они спят лежа, как на кро-
вати. Как-то совершенно неестественно торчат среди груды
спящих тел поднятые кверху стволы винтовок с отомкнутыми
штыками.

Два часа пролетали мгновением; из теплой избы — в хо-
лодную мглу ночи. Дороги нет — шли по замерзшим кочкам
через болото. Впереди Чернецов и Миончинский, полуслепой
старичок — проводник, за ними артиллеристы — разведчи-
ки, лошади в поводу; дальше — колонна.

Проводник поминутно останавливался, чтобы ощупать зем-
лю и убедиться в правильности пути. «Не загрузнуть бы, пуш-
ка ведь у вас», — говорит он. Наконец крутой подъем —
болото кончено. Номера на колеса — и пушка выбралась на
твердый грунт проезжей дороги. Пятиминутный привал. Ожи-
дали возвращения четырех номеров, посланных на место вче-
рашнего боя подобрать брошенный партизанами пулемет...
отсюда до рожи недалеко. Пулемет найден.

Железнодорожный переезд под боком, а за ним почти пря-
мая лента дороги на Каменскую. Для поднятия духа решено
дать несколько выстрелов из орудия — прощальный привет
станции, вместе с тем — погребальный салют юношам-вои-
нам, заснувшим вечным сном на поле славы.

— Огонь... В передки. — И колонна вытянулась по дороге.

Настало серое утро. Отряд, несмотря на усталость, двигал-
ся бодро. На втором часу пути полковник Чернецов, неперес-
танно всматриваясь в даль, попросил подполковника Мион-
чинского выслать конные боковые дозоры. Разведчики-артил-
леристы пошли крупной рысью. На горизонте левый дозор

остановился, один из юнкеров поскакал назад, другие двигались дальше робким шагом.

Замечены разезды, — выяснить, — но они скрылись. Еще полчаса медленного пути. Снова показались конные группы; на этот раз за ними обозначилась колонна конницы. Разезды обстреляли юнкеров, конница развернула лаву.

Полковник Чернецов приказал одному из разведчиков подскать к лаве и передать войсковому старшине Голубову, что Чернецов не хочет пролития казачьей крови и предлагает полку идти на станцию Глубокую, в то время как партизаны пойдут своею дорогой в станицу Каменскую. Казаки, не дослушав предложения, открыли огонь из винтовок. Партизаны ответили залпом. Лава раздалась в стороны, и в образовавшемся прорыве показалась строившая фронт лейб-гвардии 6-я Донская батарея (речь, конечно, идет об остатках батареи, перешедшей к красным. — С.И.), которая почти в упор открыла беглый огонь.

Партизаны рассеялись по всей степи. Юнкерская батарея потеряла почти всю свою прислугу, — стреляло уцелевших два номера. Последнее несчастье — заклинилась граната; попробовали исправить накатом — сломался банник.

— На задки.

Рысью под гору, через овраг — треснуло пополам дышло.

— Отпрягай.

Стреляющее приспособление и панораму — в ручей.

— Подполковник Миончинский, ведите конных в Каменскую, а мы отобьемся! — крикнул Чернецов. — Пешие, ко мне: беречь патроны — не стрелять без толку, — слушать команду...

А теперь — пли.

Морды скачущих лошадей сворачиваются вбок и через мгновение вместо них мелькают исчезающие хвосты. Атака отбита — «Ура!»...

— Юнкеров-артиллеристов поздравляю с производством в офицеры! — крикнул Чернецов.

Снова — «Ура!», снова два залпа, и новая атака отбита.

Казаки подтянули пулеметы. Чернецов ранен в ступню левой ноги. Среди партизан замешательство. К оврагу подска-

кал казак: «Сдавайтесь». Дрожащим от боли голосом Чернецов крикнул: «Партизаны не сдаются всякой сволочи». «Ура!» и редкие выстрелы...

Принявший командование на время перевязки Чернецова штабс-капитан Князев (старший офицер батареи) тихо доложил ему, что запас патронов иссяк.

— Дети, милые дети — герои... — И Чернецов зарыдал.

У оврага показалось три конных с белым флагом на пике: войсковой старшина Голубов честным словом офицера и казака заверяет, что партизаны, прекратив стрельбу, будут пропущены в Каменскую.

— Кто говорит?

— Подхорунжий Подтелков.

— Согласен, — ответил Чернецов и, обратясь к партизанам, резким голосом добавил: — Не стрелять.

Овраг окружен казаками. Подъехал в бекеше без погон войсковой старшина Голубов:

— Свободное казачество требует вашего арестования, есаул... а партизаны будут освобождены.

— Хорошо, я и на это согласен...

— Оружие положат обе стороны, — продолжал Голубов и, обратясь к стоящим впереди оврага казакам, предложил положить винтовки; по приказанию Чернецова партизаны последовали их примеру, но в это время с тыла на партизан бросилось человек пятьдесят—шестьдесят казаков...

— Войсковой старшина, а ваше слово донского казака? — спокойно спросил Чернецов.

— Ну, есаул, — *à la guette comme à la guette?* — как-то криво улыбаясь, отвечал Голубов.

Казаки начали нещадно избивать прикладами и нагайками безоружных партизан.

— Быть может, войсковой старшина прекратит хотя бы эту низость? — так же спокойно произнес Чернецов, указывая на происходящее глумление. — Ведь вы же, несмотря ни на что, — старый офицер, кому, как не вам, должна быть понятна и близка вся красота подвига этих юношей.

Так начался плен.

ГИБЕЛЬ ЧЕРНЕЦОВА

(Памяти белых партизан)⁶¹

В то время еще не было ни белых, ни красных армий, ни мобилизаций, ни Чека, ни Освага. Белое движение было только проектом пробиравшихся на Дон из Быхова генералов Корнилова и Алексеева, а в Новочеркасске задышался атаман Каледин.

Россия еще лежала распластанной в мертвом равнодушии, когда на границах Дона, на его железнодорожных колеях, столкнулась городская чернь со своим первым и заклиным врагом: детьми-партизанами. И уже потом, в дальнейшем движении, всколыхнувшем Россию, борьба никогда не была более жестокой, чем между этими первыми добровольцами двух идеологий.

Было бы не моей задачей суммировать психологию участников Белого движения, создавая общий тип; но я не ошибсь, наметив в юных соратниках Чернецова три общие черты: абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие на школьной скамье, сегодня встали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей. И сколько слез, просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в своих семьях, прежде чем выйти на влекущий их путь подвига под окнами родного дома!

Я задержался на партизанах, чтобы легче подойти к образу их вождя, есаула Чернецова. Партизаны его боготворили, и это — его лучшая характеристика.

У него была военная дерзость, исключительная способность учитывать и использовать обстановку в бою, ледяное спокойствие в опасности и бешеный порыв в нужный момент. В первый раз я с ним встретился зимой 1916 года, на одном из вечеров в тесном зале Каменского клуба.

Он был ранен в ногу и ходил с палкой. Среднего роста, плотный и коренастый, точно сбитый. Я запомнил его темные насмешливые глаза и смугло-розовый цвет лица.

Находясь в военном училище, я не имел возможности принять участие в начале детского похода на Дону; встречал лишь в декабрьские дни семнадцатого года на новочеркасских улицах чернецовских партизан, — эти единственные фигуры в коротких, кожей наверх, полушубках, как и их трупы в простых гробах по дороге от собора на кладбище, всегда в сопровождении атамана Каледина.

И только в январе 1918 года, задержанный в Каменской, при свидании с родным Атаманским полком, я имел случай стать участником последних закатно-блестящих дней чернецовской эпопеи.

Гвардейская казачья бригада, вернувшаяся с фронта в декабре 1917 года и поставленная Калединым в районе станицы Каменской как заслон с севера, перестала существовать. Рождественское выдвижение бригады на станцию Миллерово и свидание бригадных делегатов с красногвардейцами создали тогда такое убеждение у казаков: «Нас мутят офицеры. Красноармейцы люди как люди. Пусть идут за буржуями и генералами другие, а нам смотреть нечего — айда по домам!»

И уже в начале января среди разъезжавшихся по домам казаков-гвардейцев нашелся столь нужный Москве «свой человек» — подхорунжий 6-й Донской гвардейской батареи Подтелков.

Переворот в Каменской произошел по-домашнему — без крови. Были сорваны погоны, «Центральная» гостиница заполнена арестованными офицерами, а казачий военно-революционный комитет, под председательством Подтелкова, обосновавшись в старом здании почты, послал атаману Каледину телеграмму: «Капитулируй на нашу милость!»

Свидание атамана Каледина с Подтелковым в Новочеркасске не дало никаких результатов, и когда северный карательный отряд красной гвардии беспрепятственно передвинулся за спиной подтелковского комитета от Черткова на Миллерово, — партизанскому отряду есаула Чернецова — единственной реальной силе Войска Донского — было приказано освободить Каменский район.

Оставив небольшой заслон на станице Звереве, в сторону переполненного красногвардейцами Дебальцева, есаул Черне-

цов разбил налетом на разъезде Северный Донец пропущенных вперед подтелковских красных и на рассвете 17 января занял без боя станицу Каменскую.

Столкновения с казаками, чего так опасались в Новочеркаске, не произошло. Высланные на Северный Донец против партизан «революционные» казаки остались равнодушными зрителями короткого разгрома своих «иногородних товарищей», а сам Подтелков, со своим комитетом и частью арестованных офицеров, заблаговременно передвинулся на станцию Глубокую, где к этому времени уже находились главные силы северной группы красногвардейцев, во главе с товарищем Марковым. Местный казачий нарыв, казалось, был вскрыт, и у Чернецова были развязаны руки для привычной уже операции против очередного красногвардейского отряда.

Уже с утра 17 января в пустынной зале Каменского вокзала, около большой иконы Святого Николая Чудотворца, стояла очередь местных реалистов и гимназистов для записи в Чернецовский отряд. Формальности были просты: записывалась фамилия, и новый партизан со счастливыми глазами надевал короткий овчинный полушубок и впервые заматывал ноги в солдатские обмотки. Здесь же, на буфетной стойке, где еще на днях армянин торговал очочевшими бутербродами, каменские дамы разворачивали пакеты и кульки, это был центральный питательный пункт.

Штаб отряда поместился в дамской комнате, у дверей которой стоял с винтовкой партизан; но Чернецова я нашел на путях, около эшелонов. Он легко и упруго шел вдоль вагонов навстречу мне, все такой же плотный и розовый.

Моя вторая и последняя встреча с ним была длиннее: в отряде был пулемет кольт, но не было «кольтистов», а я знал эту систему. Силы отряда, судя по двум длинным эшелонам с двумя трехдюймовыми пушками на открытых платформах, показались бы огромными; но это был только фокус железнодорожной войны: большинство вагонов были пустыми.

Каменскую заняли две сотни партизан с несколькими пулеметами и Михайловско-Константиновской юнкерской батареей, переданной Чернецову от новорожденной Добровольческой армии. Батареей командовал полковник Миончинский,

Георгиевский кавалер, отец «белой» артиллерии, позже погибший под Ставрополем.

Движение на Глубокую было намечено на следующий день, но к вечеру было получено сообщение о занятии станции Лихой со стороны Шмитовской большими силами красногвардейцев. Каменская оказалась отрезанной от Новочеркаска; надо было поворачивать назад и ликвидировать непосредственную угрозу с тыла. Одно орудие с полусотней партизан было двинуто к Лихой сейчас же, а на рассвете 18 января был отправлен и второй эшелон, с орудием и сотней партизан. Состав из пустых вагонов был сделан особенно большим для морального воздействия на противника.

Я поместил свой кольт на тендере идущего задним ходом паровоза, впереди была открытая платформа с пушкой. Поезд тяжело брал большой подъем. Вправо и влево от пути, словно вымершие, чернели в снегах хутора. На разъезде Северный Донец около семафора лежало десятка три мерзлых трупов красногвардейцев в ватных стеганых душегрейках.

Около 12 часов подошли к Лихой и стали немного позади нашего первого эшелона. Бой под Лихой и по своей обстановке, и по своим результатам очень характерен для чернецовских боев, хотя сам Чернецов и не был этот раз со своими партизанами, задержавшись в Каменской для подготовки глубокинской операции. Прямо перед нами, в полутора верстах, серело квадратное здание вокзала. Сейчас же левее, по пути в Шмитовскую, дымили паровозы трех больших эшелонов. А вокруг станционных построек, точно муравейник, копошилась на снегу темная масса красноармейцев. Выгрузившиеся из вагонов партизаны рассыпались по обе стороны железнодорожного пути в редкую цепь и во весь рост, не стреляя, спокойным шагом двинулись к станции.

Какой убогой казалась эта цепочка мальчиков по сравнению с плотной тысячной толпой врага! Противник тотчас же открыл бешеный пулеметный и ружейный огонь, поддержанный артиллерией. Над нашей цепью вспыхнули дымки шрапнелей, гранаты взрывали снег около наших эшелонов. Полковник Миончинский, вскочив на угол моего тендера, подал команду — первым же попаданием разбило паровоз у зад-

него эшелона противника: все его три состава остались в ту-пике.

Партизаны продолжали все так же спокойно, не стреляя, приближаться к станции. Было хорошо видно по снегу, как то один, то другой партизан падал, точно спотыкаясь. Наши эшелоны медленно двигались за цепью. Огонь противника достиг высшего напряжения; но с нашей стороны редко стреляло одно или другое орудие, да захлестывался мой кольт и максим с другого эшелона. Уже стали хорошо видны отдельные фигуры красногвардейцев и их пулеметы в сугробах перед станцией.

Наконец, наша цепь, внезапно сжавшись, уже в двухстах шагах от противника, с криком «Ура!» бросилась в штыки. Через двадцать минут все было кончено. Беспорядочные толпы красногвардейцев хлынули вдоль полотна на Шмитовскую, едва успев спасти свои орудия. На путях, платформах и в сугробах, вокруг захваченных двенадцати пулеметов, осталось больше сотни трупов противника. Но и наши потери были велики, особенно среди партизан, бросившихся на пулеметы. Был ранен руководивший боем поручик Курочкин. Уже в сумерках сносили в вагоны раненых и убитых партизан. А в пустом зале станционного здания, усевшись на замызганный пол, партизаны пели: «От Козлова до Ростова гремит слава Чернецова!»

* * *

Утром половина отряда с ранеными и убитыми вернулась в Каменскую. Перед отходом эшелона приехали верхами с десяток казаков из соседних с Лихой хуторов. В это время переносили из одного вагона в другой раненого в живот подростка-партизана. Его глаза были закрыты, он протяжно стонал. Казаки проводили глазами раненого, повернули лошадей. «Дите еще... И чего лез, спрашивается?..» — бросил один из них.

Я вернулся на паровозе в Каменскую около двух часов, в надежде найти в местном арсенале недостающие нам оружейные снаряды. Каменский вокзал обстреливался высланной с

Глубокой на платформе пушкой; у вагона с трупами партизан стояла толпа, опознававшая своих детей, знакомых, а в вокзальном зале шла панихида. Около вокзала я встретил обезумевших от горя мать и отца — они бежали к вагону с мертвецами: им кто-то сказал, что я убит. Вечером вернулись остававшиеся на Лихой партизаны и была получена телеграмма от атамана Каледина: есаул Чернецов был произведен прямо в полковники; партизаны получили Георгиевские медали.

Поздно вечером, в дамской комнате вокзала, был составлен план завтрашней ликвидации глубокинской группы красновардейцев. Сам Чернецов, с полутора сотней партизан, при трех пулеметах и одном орудии, должен был, выступив рано утром 20 января походным порядком (это был первый случай отрыва от железной дороги), обойти Глубокую с северо-востока, испортить железнодорожный путь и атаковать станцию с севера. Оставшаяся часть партизан, с другим орудием на платформе, при поддержке офицерской дружины, должна была, продвигаясь по железной дороге, одновременно атаковать Глубокую в лоб — с юга. Атаки приурочивались точно к 12 часам. Таким образом, операция рассчитывалась на окружение и полную ликвидацию противника. Его силы определялись приблизительно (в то время разведок не вели, а определяли численность врага уже в бою) в тысячу с лишним штыков. Но повторяю, вопрос с подтелковским комитетом считался ликвидированным и возможности встречи с красными казачьими силами никто не допускал, так как не было даже слухов об их существовании.

Подъем среди партизан после блестящего дела под Лихой был огромен. Никто не спал в эту длинную январскую ночь. Залы и коридоры Каменского вокзала были заполнены партизанами с возбужденными, блестящими глазами: всех чаровал завтрашний решительный и несомненно победный день. Сужу по себе: когда мне было предложено остаться с моим кольцом в Каменской для охраны вокзала, то какой острой, какой оскорбительной обидой показалось мне это предложение, и сколько отчаянного упорства я приложил, чтобы отстоять свое участие в обходной колонне Чернецова!

В мутном январском рассвете колонна Чернецова двинулась от вокзала, проходя по пустынным улицам Каменской.

Партизаны и пулеметы были погружены на реквизированных ломовых извозчиков. При орудии, запряженном шестеркой добрых лошадей, шла конная часть юнкеров и сам полковник Миончинский. В патронной двуколке поместились две сестры и врач. Мною же был взят принадлежавший директору завода автомобиль, на котором я приспособил свой кольт; со мною поместились два юнкера инженерного училища с ломом и с разводными ключами для разборки железнодорожного пути; динамитных шашек достать не успели.

Чернецов верхом, в фуражке мирного времени, в большом, крытом синим сукном полушубке, с новенькими полковничьиими погонями, нагнал отряд на деревянном мосту.

Перейдя замерзший Донец и миновав Старую станицу, отряд не пошел по шляху, а ударил степью, избегая населенных пунктов. В Старой станице бросилось резко в глаза неприязненное отношение к нам казаков. Автомобиль плохо шел по гололедице — нужна была цепь для колес, и когда, не найдя другой, мы сняли одну цепь с колодца-журавля, то вся станица подняла галдеж, точно мы убивали кого-то среди бела дня.

День начинался серый, промозглый; с неба падала мгла, и в степи стоял редкий холодный туман. Шли без дороги, обходя буераки, — это удлиняло путь. И скоро стало очевидно, что проводник путает. Начали кружить. Чернецов пересел с коня в автомобиль, где был и проводник. Пошли по компасу.

Стало ясно, что к 12 часам, как было назначено, к Глубокой мы не выйдем, но я уверен, что в это время никто, не говоря уже о самом Чернецове, не сомневался в удачном исходе дела, в полном грядущем разгроме врага. Необычность движения походным порядком в ледяной глухой степи только поддерживала общую веру в победу. Со стороны прозябших на ломовых извозчиках партизан раздалась новая песня:

Под Лихой лихое дело
Всю Россию облетело;
Мы в Глубокой не сдадим —
Это дело углубим.

Только около четырех часов отряд вышел к господствующему холму, верстах в трех северо-восточнее Глубокой. Чернецов поднялся на холм; автомобиль должен был продвигаться впе-

ред на железнодорожный путь, где юнкера-саперы, испортив его, тем бы лишили эшелоны противника возможности отхода на север, к станции Тарасовка; но, едва двигавшаяся до этого, наша машина окончательно отказалась служить. Сгрузив с нее свой пулемет, я присоединился к отряду.

Наша пушка становилась на позицию; Чернецов на скорую руку обучал 25—30 новичков партизан обращению с винтовкой. В начинающихся сизых сумерках были видны прямо перед нами ветряные мельницы, дома и сады Глубокой, и за ними дымы паровозов на станции. Правее, внизу, темнела насыпь железнодорожного пути на Тарасовку. Была тишина, какая бывает только в зимние сумерки. Наступали ли наши партизаны в 12 часов дня от Каменской на Глубокую, как было условлено, или, заняв исходное положение, ожидали нашей запоздавшей атаки? Никто этого не знал.

Чернецов приказал выдать продрогшим партизанам по полбутылки водки на четверых, и они, рассыпав цепь, скорым шагом начали спускаться к ветрякам. Ломовые извозчики были отпущены и, нахлестывая кнутами своих лошадей, помчались назад, в Каменскую. Пушка была установлена, полковник Миончинский скомандовал — огонь! Но не успела наша первая граната разорваться в синих глубокинских вишнях, как оттуда мелькнуло четыре короткие вспышки, и над нашим орудием низко разорвались шрапнели. Два юнкера-артиллериста упали. Батарея противника (это была 6-я Донская гвардейская), хотя и без офицеров, стреляла бегло и удачно. На такого противника мы не рассчитывали.

Я подошел к Чернецову и доложил относительно брошенного автомобиля, но едва кончил, как меня ударило точно обухом по голове. Я присел. По щеке и по затылку потекла кровь — папаха меня спасла: шрапнель вскользь сорвала только кожу на голове. Чернецов наклонился надо мной.

«Вы ранены? — спросил он. — Надеюсь, легко. Перевяжитесь и пытайтесь пешком пройти к полотну и испортить путь. Что делать! Каша здесь заваривается круче, чем думал...»

У меня в глазах шли красные круги, но, замотав бинтом голову, я, с ломом в руке, в сопровождении двух саперных юнкеров начал спускаться вправо к полотну. Уже сзади был

слышен нам голос Миончинского: «Наше орудие стрелять не может — испорчен ударник...» — и в ответ — крепкое слово Чернецова.

Влево же, в стороне Глубокой, разгоралась пулеметная и ружейная стрельба, горели огни на станции и все так же полыхали вспышки орудийных выстрелов — 6-я батарея была теперь по нашей цепи. Мы подошли к насыпи. На полотне никого не было. Но только мы успели отвинтить одну гайку на стыке рельс, как со стороны Глубокой увидели идущий на нас эшелон. Бросив на рельсы две-три лежавшие вблизи шпалы, мы залегли в пахоту саженьях в 50 от пути.

Эшелон, наткнувшись на шпалы, остановился; из вагонов раздалась ругань и беспорядочная стрельба в нашу сторону. Становилось совсем темно. Освободив путь, эшелон продвинулся с полверсты и снова остановился. По шуму и крикам, доносившимся оттуда, было ясно, что красногвардейцы выгружаются из вагонов и рассыпают цепь, чтобы ударить нам в тыл.

Мы поспешили назад к бугру, дабы сообщить Чернецову о новом движении противника, но, немного пройдя, наткнулись на цепь красногвардейцев, идущих со стороны Глубокой, лицом к только что выгрузившимся из эшелона. Понять что-либо было трудно. Нас в темноте приняли за своих, мы не разувлялись и спешили только выкарабкаться из этого сужающегося коридора идущих навстречу друг другу цепей.

Когда, наконец, нам это удалось и, низко пригибаясь к земле, чтобы лучше видеть на фоне ночного неба, мы набрели на холм, то нашли на его склоне наше орудие и у колес его, над едва тлеющими углями костра, — Чернецова.

«Ну, что у вас хорошего?» — обратился он ко мне.

Я стал докладывать. В это время внизу, откуда только что вернулись мы, раздалась пальба и грянуло «Ура!»: красногвардейские цепи не дотянули до нашего холма и, взаимно приняв друг друга за врагов, вступили в ночной бой.

Через полчаса все стихло. Было слышно пыхтение паровоза, увозившего эшелон назад в Глубокую. Расчет товарища Макарова зажать нас, остающихся на холме, своими цепями не удался. Но и наша атака Глубокой не удалась. Это была

первая неудача за все время существования Чернецовского отряда.

Партизаны, как всегда, шли в рост, дошли до штыкового удара, ворвались на станцию, но их оказалось мало — с юга, со стороны Каменской, никто их не поддержал, атака захлебнулась; все три пулемета заклинились, наступила реакция — партизаны стали вчерашними детьми. Часть их, во главе с Романом Лазаревым, который руководил атакой, с разгона пробилась через Глубокую в сторону Каменской; остальные поодиночке возвращались теперь к исходному пункту — нашему бугру.

* * *

В этом неуспехе, как никогда, ярко вырисовалась способность Чернецова влиять на людей: двумя-тремя, оброненными как бы невзначай, словами он сразу превратил размякших в нервном упадке детей в солдат, по доблести равных лучшим воинским частям, какие только знало Белое движение.

Учесть наши потери было трудно: налицо, вместо полутора сотен штыков, едва 60 голодных, холодных и усталых партизан при трех недействующих пулеметах и испорченной пушке. Запас патронов был мал, хлеба и консервов почти не было — все было рассчитано на занятие Глубокой, о вторичной атаке которой нечего было и думать. Ночь была холодная, подул северо-восточный ветер. Партизаны дрожали, прижавшись друг к другу на ледяном бугре. В десятом часу Чернецов приказал подниматься — не замерзать же нам здесь!

Он повел нас прямо на Глубокую, то есть к противнику. Он был уверен в небрежном охранении противника и не ошибся: красногвардейцы сбились все на станции, а мы расположились на ночь в крайнем доме поселка — враги ночевали в двухстах саженьях один от другого.

В трех комнатах, разделив последние десять банок консервов, на полу, под столами и скамейками лежали спящие партизаны; юнкера-артиллеристы возились с замком от орудия. У единственной кровати врач и сестры милосердия перевязывали

вали легко раненных — тяжело раненные не вернулись назад, остались на поле брани. У меня болела голова, встать я не мог. Чернецов все время обходил часовых на дворе, бодрил людей: он все надеялся, что со стороны Каменской наши еще пойдут в наступление. Перед рассветом один партизан со сна нечаянно выстрелил в комнате и убил наповал спящего юнкера — я видел, как передернулось лицо Чернецова.

Заря была холодная, ясная, ветреная. Мы двинулись по шляху на Каменскую. Вправо, внизу, лежала Глубокая. Над станцией розово всходили дымь паровозов. Мой кольт ехал с другими пулеметами на подводе, а я с двумя юнкерами и доктором верхами шли в полуверсте, впереди отряда, как авангард. О каком-либо преследовании нас, тем более о встрече с противником в степи, никто не думал: в то время противник был прикован к рельсам. Впереди лежал черный обледенелый шлях на Каменскую. Степь была почти без снега — вчерашний туман съел его — с белесым тонким льдом на лужах.

Шли медленно. Впереди верхами — Чернецов и Миончинский, за ними орудие, конные юнкера, пулеметы на подводе, двуколки с сестрами и не могшими идти ранеными и сзади, по три, партизаны. Около 12 часов уже прошли половину дороги; перед нами лежал пологий подъем, за ним должен быть хутор Гусев.

Неожиданно справа, из-за трех курганов, хлопнуло два выстрела, над нашими головами пролетели пули. Я со своими спутниками поскакали на выстрелы, стараясь обогнуть поглубже, с тыла, курганы. За ними мы увидели двух спешенных людей, спешащих сесть на коней. Нагнали их близко, стреляя из револьверов, — один свалился с коня, другой ушел. Убитый оказался казаком: шаровары с лампасами, на погонах шинели цифра 44, большой рыжий чуб из-под окровавленной папахи.

Один из юнкеров поскакал к Чернецову с донесением. Мы же двинулись вперед, но едва поднялись на перевал, как остановились, пораженные. На противоположном скате низины, верстах в двух, перерезав нашу дорогу, лицом к нам стояла темная масса конницы. Тонкая цепь конных дозоров

была раскинута полукругом, охватывая нас. Из конной массы наметом вылетела батарея и, проскакав назад, к противоположному гребню, остановилась — устанавливали орудия. Чернецов на рыси подъехал к нам.

«Что это? Откуда и кто? — воскликнул он. — Поезжайте скорее и узнайте, — обратился он ко мне. — Если это казаки, предложите им немедленно нас пропустить: с казаками мы войны не ведем. Если же красногвардейцы — что ж, будем драться!»

Я тронул коня, спустился в низину и, поднимаясь к неизвестной коннице, стал махать белым носовым платком. Я уже хорошо видел, что это казаки. Но по мне начали стрелять, сначала из винтовок, потом из пулемета, и несколько конных поскакало, стараясь отрезать меня от нашего отряда.

Я повернул коня. В это время со стороны казаков раздались четыре орудийных выстрела, и гранаты взрыли мерзлую землю на том месте, где я оставил Чернецова и где теперь уже стояла наша, исправленная за ночь пушка и партизаны рассыпали цепь. Влево и впереди виднелся хутор Гусев, нас отделял от него малолесный крутосклонный буерак.

* * *

Начался бой. Наша пушка едва успела раз выстрелить, как была подбита: в двуколку угодило сразу две гранаты, и я видел, как в дыму разрыва мелькнули юбки сестер. Батарея (это была опять 6-я Донская гвардейская) была прямой наводкой, не жалея снарядов, и через десять минут трудно было разобрать нашу жалкую цепь в черном дыму разрывов.

Казаки не стреляли, а расстреливали нас, как мишени на учебной стрельбе. Подо мной убило лошадь, сильно контузив мне правую ногу, но мне посчастливилось вскочить на другую, из-под только что убитого юнкера.

Казаки густой лавой — их было около 500 шашек — сначала рысью, потом наметом пошли на нас в атаку. Они были, очевидно, уверены, что с нами уже все кончено; но, когда с двухсот шагов их встретили залпы партизан под звенящую команду Чернецова, они так же быстро поскакали назад и,

пропустив вперед свои четыре пулемета на двуколках, начали нас выбивать. Наша цепь ринулась в буерак во главе с Чернецовым, который слез с коня. Партизаны падали в убойном огне пулеметов и орудий. Я хотел также спешиться, но Чернецов мне крикнул: «Скачите в хутор Гусев, соберите стариков. Что же это такое?.. Я отхожу в буерак. Спешите, у нас нет патронов!»

Я погнал коня, стараясь проскочить в хутор ранее, чем покакавший мне наперерез разъезд казаков. За мной скакал, пригнувшись к луке, враг. Гусев был от нас верстах в двух, казаки скакали вправо, крича и стреляя на ходу. Было ясно: перехватить они нас не успеют. Наши лошади были в мыле, но шли крепким и широким махом.

Мы влетели в хутор. На его околице стояла толпа. Но едва мы подъехали к ней, сдерживая тяжело дышавших лошадей, как толпа ринулась к нам, окружила нас, схватив под уздцы наших коней. «Бей их! Валяй наземь!» — раздались крики, и десять рук вцепились в меня. Какой-то бурдастый старик с длинным железным прутом кричал: «Стой, братцы, я его сейчас!» Он размахнулся и ударил меня по голове, сбив папаху. Доктора уже стянули с лошади и, раскачивая за руки и ноги, били о землю. Мне засунули между ногой и седлом палку, старик вновь ударил меня прутом по голове, и я упал, спрятав голову в согнутую руку. Меня били палками, плетью, а у кого были пустые руки — били ногами. В голове мелькнула виденная в детстве сцена самосуда над конокрадом-цыганом, и остро хотелось одного: скорей бы потерять сознание, скорей бы конец!

В это время раздались крики: «Стой! Не моги добивать! Давай их сюда! Надо Голубову представить, потом порешим с ними!» Это кричали прискакавшие казаки — те, которые гнались за нами. Неохотно толпа, уже пьяная кровью, отхлынула от нас. Доктор едва мог стоять, у меня шла кровь из ушей, носа, рта. Погоня была из девяти казаков. Передний — крупный, чубатый и рябой, переводя дух после скачки, приказал нам сесть на наших лошадей и, размахнувшись нагайкой, ударил через голову ближнего к нему доктора. Тот упал, но тотчас вскочил и, захлебываясь, закричал:

«Я — социал-демократ! Что же это, товарищи, за что?! Я сотрудничал в Царицыне в рабочей газете...» Толпа нахлынула вновь. «Чего глядеть — это безземельный кацап! За землей к нам пришел? Земли хочешь? Кончай его, братцы!..»

Несчастный доктор, собрав последние силы, под градом новых ударов взвалился на седло. Конные казаки окружили нас, и под улюлюканье толпы мы, едва держась в седле, двинулись обратной дорогой к буераку, где еще были слышны пулеметы. Рядом со мной ехал рябой казак, ударивший нагайкой доктора. Как и остальные, он непрестанно ругался и грозил нам обнаженной шашкой. Потом вдруг, неожиданно переменяв тон, обратился ко мне: «А коняку своего ты мне подари!» Я ему ответил, что лошадь эта не моя и что он волен брать что хочет. «Нет, я так не хочу, это выходит — будто силком беру... Ты мне добром подари. Будет чем помянуть тебя». Я, конечно, удовлетворил его просьбу.

Мы подъехали к буераку, где стоял пулемет и человек двадцать казаков. Нас встретили матерной бранью, а наших конвоиров упреком: «Чего муздыкаетесь с ними, гляди — чисто все в руде (в крови), добить их, и все тут. Эй, слезай, братцы, да скидай одежду!» Мы с доктором слезли с лошадей и стали раздеваться; на мои шаровары и сапоги тотчас же нашлись охотники, ватное же пальто доктора отбросили в сторону. Нас поставили к глинистому обрыву и стали наводить пулемет. В этот момент из-за поворота буерака показалась грузная, в защитном полушубке и заячьем капелюхе конная фигура Голубова — все было кончено, остатки нашего отряда сдались... «Кто приказал? Что вы делаете? — крикнул Голубов казакам, увидев нас. — Присоединить их к остальным пленникам!» Наш конец был вновь отсрочен.

Рядом с Голубовым ехал на кляче, оставив раненную в ступню ногу, Чернецов. Рана была перевязана нижней рубашкой, снятой с убитого партизана. За ними толпой, таща волоком свои испорченные пулеметы, шли человек тридцать партизан — все, что осталось от отряда. Партизаны были окровавлены от побоев, шли они в исподниках, в одних носках и босиком. Мы с доктором присоединились к ним.

* * *

Трудно выяснить — что руководило войсковым старшиной Голубовым в его странной и темной роли в те дни на Дону. Студент Томского университета, не скрывавший своего реакционного мракобесия, Голубов во время Великой войны проявил чудеса храбрости и весной 1917 года, в мятежном Царицыне, он серьезно считал себя первым кандидатом на пост Донского атамана. Попав позже в Новочеркасск как пленник атамана Каледина, Голубов поклялся ему в верности и был освобожден.

Знавшие Голубова по Великой войне казаки ему верили и его любили; он собрал из них свою «казачью силу», с которой теперь нам и пришлось неожиданно столкнуться. Чего хотел Голубов? Скорее всего — почестей и славы. В феврале, после самоубийства атамана Каледина, он войдет со своими казаками в Новочеркасск, разгонит Войсковой Круг, собственноручно сорвет погону с атамана Назарова. Но уже в апреле он попытается пристать к восставшим против советской власти казакам и будет ими пристрелен в одной из станиц.

Теперь он ехал, как победитель, рядом с Чернецовым. Его мясистое лицо с белесыми бровями дышало торжеством. Нас гнали в Глубокую. За нами без строя шла революционная казачья сила: части 27-го и 44-го полков с 6-й Донской гвардейской батареей. Но Голубову, видимо, хотелось, чтобы Чернецов и мы видели не разнузданность, а строевые части. Он обернулся назад и зычно крикнул: «Командиры полков — ко мне!» Два урядника, нахлестнув лошадей, а по дороге и партизан, вылетели вперед. Голубов им строго приказал: «Идти в колонне по шести. Людям не сметь покидать строя. Командирам сотен идти на своих местах!» Урядники-командиры что-то промычали; один из них сказал: «А как я погляжу, так наш Голубь и один на один Чернецова порешит!» И, обернувшись к Чернецову, добавил: «Ух ты, гад проклятый, туда же с ребяташками суешься!» Но его намерение ударить Чернецова плетью Голубов остановил властным движением руки: «Не сметь трогать! Чернецов был трижды ранен и имеет Георгиевское оружие. Не так ли, полковник Чернецов?» И Голубов побед-

но улыбнулся. Чернецов ехал молча, с высоко поднятой головой, глаза его были полужакрыты.

Нас гнали. Если кто из раненых и избитых партизан отставал хотя на шаг, его били, подгоняя прикладами и плетью. Мы знали, что нас гонят на Глубокую для передачи красногвардейцам. Знали, что нас ожидает. Некоторые партизаны, из самых юных, не выдержав, падали на землю и истерически кричали, прося казаков убить их сейчас. Их поднимали ударами, и снова гнали, и снова били. Это была страшная, окровавленная, с обезумевшими глазами, толпа детей в подштанниках, идущих босиком по январской степи...

Мы прошли уже место боя, перерезали шлях и шли напрямиком по степи на Глубокую, приближаясь к железнодорожному полотну. В это время со стороны полотна к Голубову подъехали три казака и что-то ему доложили.

Голубов повернулся к Чернецову: «Ваши части ведут наступление по железной дороге на Глубокую. Это бессмысленно. Вы — в моих руках. Напишите приказание остановить это наступление и предложите очистить Каменскую. Я взамен этого не отдам вас и ваши войска (Голубое сделал насмешливый жест в нашу сторону) товарищу Макарову на Глубокой, а, посадив в Каменскую тюрьму, буду судить вас всех своим казачьим судом — он милостивее красногвардейского. Итак, торопитесь: назначьте от себя двух делегатов, я же дам четырех своих».

Чернецов написал приказание на вырванном из записной книжки листе и приказал отправиться доктору и одному юнкеру. Наши делегаты, в сопровождении четырех конных казаков, направились влево от нас, на юг; мы же продолжали путь. Боже, сколько глаз смотрели им вслед, безмолвно прося передать последнее прости родным и друзьям!

* * *

Мы подходили к железнодорожному полотну; на нем стоял длинный эшелон с пушкой на открытой платформе; пушка стреляла по невидимым для нас нашим наступающим цепям. Вправо, в начинающихся уже сумерках, виднелась Глубокая.

Нас повернули к ней и погнали параллельно железной дороге.

В это время со стороны эшелона, верхом на великолепном рыжем жеребце, в черной кожаной куртке, с биноклем на груди — плечистый, мордастый — подъехал к нам сам Подтелков, глава революционного казачьего комитета.

Наши продолжали наступать. Голубов, оставив человек тридцать конвоя, передал нас Подтелкову, а сам, со всеми своими казаками и батареей, повернул в сторону ведущегося наступления. Подтелков выхватил шашку и, вертя ею над головой Чернецова, крикнул: «Всех вас посеку на капусту, ежели твои щенки не остановят наступления!» Прекратившие избиение (видимо, уже приелось) казаки начали вновь нас бить. Мне прикладом выбили зуб.

Эшелон медленно, параллельно нам, отходил к недалекой уже Глубокой, стреляя из своей пушки. Мы подошли к речке Глубочке — ее берега были круты и покрыты гололедицей. Конвой с Подтелковым поехал через мост; нас же погнали в брод. Лед на речке был тонок и проломился под нами. По пояс в воде мы перешли Глубочку, но никак не могли вскарабкаться на ее крутой обледенелый берег. Конвой начал по нас стрелять. Трех убил, остальные кое-как, срывая ногти, вылезли на кручу.

* * *

Сумерки становились гуще; на Глубокой уже горели огни. Я шел рядом с Чернецовым, держась за его стремя. Подтелков продолжал угрожающе ругаться. Чернецов спокойно обратился к нему: «Чего вы волнуетесь, я сейчас пошлю от себя еще приказание прекратить наступление». И, обратившись ко мне, добавил: «Передайте мое категорическое приказание прекратить все действия против Глубокой!» Но тотчас же, нагнувшись и как бы поправляя повязку на своей раненой ноге, прошептал: «Наступать, наступать и наступать!»

Только Подтелков собрался назначить проводника, как со стороны Глубокой навстречу нам показались три всадника. Это были, конечно, казаки Голубова. Никто из нас, я уверен,

не обратил на них внимания. Но Подтелков, находившийся все время в каком-то экстазе, бросил ненужный вопрос: «Кто такие?»

В этот момент Чернецов, не дожидаясь ответа казаков, молниеносно ударил наотмашь кулаком в лицо Подтелкова и крикнул: «Ура! Это наши!» Окровавленные партизаны, до этого времени едва передвигавшие ноги, подхватили этот крик с силой и верой, которая может быть только у обреченных смертников, вдруг почувствовавших свободу. Трудно дать этому моменту верное описание!..

Я видел, как, широко раскинув руки, свалился с седла Подтелков, как ринулся вскачь от нас во все стороны конвой, как какой-то партизан, стянув за ногу казака, вскочил на его лошадь и поскакал с криком: «Ура! Генерал Чернецов!» Сам же Чернецов, повернув круто назад, погнал свою клячу наметом. Партизаны разбегались во все стороны. Я бежал к полотну железной дороги, не чувствуя ни боли в ранах, ни усталости. Меня переполняла дикая радость, сознание, что я живу, что я свободен...

По ту сторону полотна, над мягким контуром холмов, тянувшихся до самой Каменской, едва тлел желтый закат. Сумерки густели. Я знал: за полотном, под холмами, идут хутора с густыми вишневыми садами, и по этим садам можно скрытно пробраться к Каменской. Только бы перейти за полотно!

Вдруг в стоявшем вправо от меня красногвардейском эшелоне вспыхнуло «Ура!», раздались выстрелы, и паровоз рванул эшелон к Глубокой. Это несколько наших партизан, решив почему-то, что эшелон — наш, вскочили на его платформу, где стояли пулеметы, и, увидев ошибку, бросились с голыми руками на красногвардейцев. На следующий день были найдены трупы партизан и красногвардейцев, упавших в борьбе под колеса эшелона.

По полю раздавались уже крики: «Стой, не беги!» Наш конвой опомнился и бросился искать беглецов. Я едва успел перейти полотно, как увидел за собой двух скачущих казаков; выхода не было, и я бросился в узкую, очень глубокую какую-то железнодорожную канаву. На дне было по колено воды; я, не раздумывая, лег в нее. Над канавой слышались голоса

казаков, им в наступившей темноте не было меня видно; нагнувшись с седла, они шарили по канаве шашками. «Да ты слезь с коня, все одно так не достанешь!» — крикнул один. «Сам и слезай, коли такой умный! — отгрызнулся другой. — Говорю, что не сюда он сиганул... На пахоте надо искать!»

Казаки отъехали от канавы. Где-то недалеко раздались отчаянные крики и стоны: это казаки нашли партизана и рубили его. Потом все стихло. Я вылез из своей ледяной ванны. Над холмами стоял молодой месяц, ночь была тихая, звездная, морозная.

* * *

Перейдя Глубочку, я пошел левадами, вишняками и тернами хуторов на Каменскую. От недалеких куреней тянуло кизячным дымом. Иногда лаяли собаки — тогда я останавливался и ждал, когда они смолкнут. Нервный подъем прошел, я чувствовал холод; меня знобило, и мучительно хотелось спать. Но я знал: если поддамся и лягу, то больше не встану. И, напрягая последние силы, я шел с детства знакомой, но теперь так трудно угадываемой местностью.

Начались галлюцинации: на меня шли цепи, скакала казачья лава, я слышал шум шагов и фыркание лошадей. Останавливался, поднимал руки и сдавался... Противник, как дым, проходил, не задевая меня, а на смену шли новые толпы... Я чувствовал, что близок к помешательству, но продолжал механически шагать: жить, жить во что бы то ни стало!

Уже перед зарей я подошел к железнодорожному мосту через Донец, но все еще сомневался — Каменская ли это? Мне всю дорогу мерещилось, что я иду назад, на Глубокую. На мосту меня встретила офицерская застава родных атаманцев.

На вокзале была толпа — ждала сведений о судьбе отряда. Все в той же дамской комнате помещался штаб наших вооруженных сил... которых почти не было. Седой генерал Усачев, окружной атаман, спросил меня: «Разве Голубов не получил моего требования неприкосновенно доставить вас всех в Каменскую, а раненым предоставить подводы?» Здесь

же я нашел и полковника Миончинского, который с несколькими юнкерами верхом пробился в Каменскую. Меня спросили о Чернецове. Но что я мог ответить?

* * *

После я лежал в областной больнице в Новочеркасске с забинтованной головой. Совершенно неожиданно для меня вошел в палату атаман Каледин и подошел ко мне. Он был один. Спросил меня, каких я Туроверовых (рыжих или черных). Я ответил. Спросил о драме под Глубокой. Я доложил, что знал. Долго молчал атаман. Поднялся со стула, перекрестил, поцеловал в лоб и очень усталой походкой ушел.

* * *

До этого я видел атамана еще раз. В ночь на 6 декабря семнадцатого года отряд юнкеров михайлово-константиновцев и Новочеркасского военного училища на тачанках захватил село Лежанку. Стоявшая в селе батарея 39-й пехотной дивизии была взята. Это были первые орудия Добровольческой армии. На рассвете 7 декабря взятая батарея и отряд двинулись походным порядком в Новочеркасск. Я был послан с докладом атаману и, через только что взятый Ростов, по железной дороге, 7-го вечером прибыл в столицу Войска. Атаман принял меня в своем кабинете, освещенный стоявшей на столе лампой с большим абажуром. Отрапортовал о взятии батареи. «Потери?» С нашей стороны ни одного человека. Доложил, что взятые в плен ездовые ведут батарею. «Это ни к чему: этой сволочи и без них у нас достаточно». Доложил, что взят и денежный ящик. Атаман вскочил: «Это же разбой. Вон!» Я летел вниз по лестнице, не считая ступенек. На дворе была лютая метель.

Позже выяснился гнев атамана. Он дал разрешение сделать налет на Лежанку. Позже (оказались неприятности у атамана с Кругом) он свое разрешение отменил, но оно до нашего отряда не дошло. А может, было скрыто. Я, в свои восемнадцать лет, ожидал награды; но был позорно изгнан. Нашим отрядом командовал, если не изменяет память, поручик Строев.

* * *

В апреле 1918 года, когда, вернувшись из Степного похода, мы с восставшими мелеховцами и раздорцами пытались взять Парамоновские рудники и не могли этого сделать, когда после каждой неудачи бабы ухватами выгоняли казаков из куреней на позицию, развозя потом по зеленеющим курганам каймак и галушки родным воителям, которые лениво постреливали в шахтеров и спали под апрельским солнцем, — в дни Страстной недели я узнал о смерти Чернецова.

На хуторе Мокрый Лог, на очередном митинге, когда Генерального штаба полковник Гущин, стуча кулаком в вышитую грудь своей косоворотки и уверяя, что он расподлинный трудовой казак, уговаривал станичников на новое наступление, а казаки сопели и смотрели в землю, — я увидел того рябого чубастого казака, который все просил меня, когда нас пленили, подарить ему лошадь и который взял мои сапоги.

Он также сразу узнал меня и застенчиво улыбнулся: «Вы дюже не серчайте, господин сотник, за это... (он подыскивал слово) происшествие. Ошибка получилась! Кто ж его знал? Теперь оно, конечно, определилось, что к чему...» Я прервал его, спросив, не знает ли он о судьбе Чернецова. Казак знал. Мы отошли в сторону. Закурили, и казак расказал.

Чернецов поскакал не в Каменскую, а в свою родную станицу Калитвенскую, где и заночевал в отчем доме. Кто-то из станичников дал немедленно знать об этом на Глубокую. На рассвете Подтелков с несколькими казаками схватил в Калитвенской Чернецова и повез его в Глубокую.

По дороге Подтелков издевался над Чернецовым — Чернецов молчал. Когда же Подтелков ударил его плетью, Чернецов выхватил из внутреннего кармана своего полушубка маленький браунинг и в упор... щелкнул в Подтелкова: в стволе пистолета патрона не было — Чернецов забыл об этом, не подав патрона из обоймы. Подтелков, выхватив шашку, рубанул его по лицу, и через пять минут казаки ехали дальше, оставив в степи изрубленный труп Чернецова.

Голубов будто бы, узнав о гибели Чернецова, набросился с ругательствами на Подтелкова и даже заплакал... Так рассказывал казак, а я слушал и думал, что самый возвышенный подвиг венчает смерть. Но жизнь казалась прекрасной — мне было восемнадцать лет.

* * *

П р и л о ж е н и я

ДОНЕСЕНИЯ ГЕНЕРАЛА УСАЧЕВА, КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ В ДОНЕЦКОМ ОКРУГЕ

«Походному Атаману. Полковник Чернецов с утра 20-го по настоящее время ведет бой в районе станции Глубокая. 21 января, 19 час. Каменская. *Усачев*».

«Походному Атаману. Отходя от Глубокой 21 января, около 13 часов, полковник Чернецов с 30 дружинниками был захвачен казачьими частями 27-го полка, 44-го и Атаманского под командой Войскового Старшины Голубова Николая. Полковник Чернецов ранен в ногу. Войсковой старшина Голубов прислал ко мне делегацию с просьбой прекратить кровопролитие, гарантируя жизнь полковнику Чернецову и дружинникам. Я посылаю делегацию с ультиматумом немедленно освободить пленных. Действия с моей стороны пока прекращены. *Усачев*».

Делегации генералом Усачевым приказано было передать письма командиру 27-го полка и полковому комитету. Командиру полка генерал писал:

«Полковнику Седову. 1918 г. 21 января, 24 часа, Каменская. Прошу вас употребить все усилия озаботиться о полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие и койки. Я надеюсь, что он будет немедленно доставлен вами в спокойном вагоне на станцию Каменская. Прошу сообщить казакам, что против казаков никто не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон,

который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних. Генерал-майор Усачев».

Такого же содержания было и обращение генерала к полковому комитету 27-го полка:

«Полковому комитету 27-го казачьего полка. 1918 г. 21 января, 23 часа, Каменская. Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие, покой. Я надеюсь, что он немедленно будет доставлен в спокойном вагоне на ст. Каменскую. Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красноармейцев. Ввиду появления казаков на ст. Глубокой, я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить ее от захвата красногвардейцами. Генерал-майор Усачев».

В тот же день, 21 января, в 24 часа генерал Усачев сообщил в Штаб Походного Атамана:

«Полковник Чернецов с 120 человеками предпринял поход с севера на ст. Глубокую, чтобы захватить эту станцию, и задача почти увенчалась успехом, но, благодаря подошедшим подкреплениям большевиков со ст. Миллерово, стал отходить в направлении на хутор Гусев—Каменскую и, не дойдя 7 верст до Каменской, был окружен конными частями, указанными в телеграмме, под командой войскового старшины Голубова. Произошел бой, и полковник Чернецов был захвачен раненым с 30 дружинниками в плен, а остальные дружинники были частью убиты, частью рассеяны; оставшиеся присоединяются к ст. Каменской. Пока еще не установлено, сколько таковых. А остальные дружинники находятся в ст. Каменской, которые с утра защищали станицу Каменскую, а двинутый отряд полк. Чернецова под командой Е. Лазарева был двинут по железной дороге на Глубокую, результатом чего ко мне явилась делегация и принесла записку с подписями полк. Чернецова и войскового старшины Голубова следующего содержания».

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ЧЕРНЕЦОВА

Доставил его в качестве делегата урядник 27-го полка Выряков. Написано оно карандашом, беспорядочно, торопливо, на листке, вырванном из записной книжки:

«1918 г. 21 января. Я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития, прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов».

Под подписью Чернецова — подпись Голубова характерным мелким почерком: «Войсковой старшина Н. Голубов. 1918 г. 21 января».

М. Бузураев⁶²

ЧЕРНЕЦОВЦЫ — ТИХОГО ДОНА ПАРТИЗАНЫ⁶³

В день годовщины Белого движения собралось вместе старых эмигрантов много, невозвращенцев новых из России, а также русских девушек и юношей, в Америке рожденных. Шел разговор о прошлой жизни в России Царской, о войне Гражданской и о борьбе с большевиками. Вдруг кем-то задан был вопрос: кто может рассказать нам о чернецовцах — партизанах Войска Донского? Все сразу замолчали...

— Был я в отряде партизанском у Чернецова, — раздавался голос неожиданно, в глубокой тишине, — и вам я расскажу о нем.

Был век двадцатый, а год семнадцатый еще в начале. Немецкая война была в разгаре, — так начал свой рассказ-воспоминание Георгий Лобачев, донской артиллерист, и продолжал: — Наш Император, Царь наш, отказался от престола. Все сразу рушилось. Порядка уже не было. «Свободы» начались в России. Развал и смута все больше, больше становились. Большевики хотели силой власть захватить и управлять страной.

На фронте в армии началось разложение. «Братанье» со врагом пошло, и не хотели больше воевать солдаты. Боль-

шевики им обещали «мир заключить с врагом и наделить землею каждого». А в октябре Гражданская война уже началась.

Дивизии донцов и войск других казачьих, «Правительства России Временного» приказы исполняя, снимались с фронта и в бой вступали с большевиками (5-я Донская казачья дивизия в городе Киеве (28—30 октября 1917 года по старому стилю), бригада Сводно-Казачьей Кубанской дивизии; один батальон Корниловского ударного полка: одна рота чехословаков, юнкера и немного добровольцев), порядок защищая.

Не долго продолжалась борьба эта, и вскоре казакам другой приказ был дан — «идти домой» — донцам на Дон, кубанцам на Кубань...

На Дон стремились все, кто верен был России, кто добровольно защищать ее хотел, кто власти большевистской не признал и ей еще сопротивлялся. Солдаты, офицеры, генералы — с опасностью для жизни все пробирались на Дон, где начиналось формирование Добровольческой армии. Прибыл туда же Лавр Корнилов, генерал.

Хоть позже, чем в других краях России, и на Дону развал начался тоже. Восстали брат на брата казаки; а сын уже не слушался отца. И постепенно большевизм (вот эта страшная болезнь) всех захватил казаков, особенно фронтовиков. Настал момент, в конце то было ноября (26 ноября — 4 декабря), когда уж нужно было защищать Ростов, что на Дону. Рабочие восстали там, желая поддержать большевиков, а помощь оказал им Черноморский флот — десантом из матросов.

И были атаманом Войска посланы в Ростов: немного офицеров — донских охотников, донские юнкера, донские партизаны, часть верных Войску казаков и добровольцы из Добровольческой армии — приказом Алексева. Они Ростов заняли с боем небольшим. Но все же, постепенно, и с севера и с юга, с запада — все больше, больше наступали большевики. «Всех партизан, кадетов, юнкаррей», а также добровольцев-офицеров им уничтожить надо было и взять Новочеркасск.

У казаков разлад и нелады все увеличивались. Они уже не хотели больше воевать с большевиками и защищать престоль-

ный град. Все разъезжались самовольно по домам, опасности не видя в большевизме. Тревожное, тяжелое настало время. Кто же будет защищать Новочеркасск? «Конечно, юнкера донские и партизаны, при помощи отряда добровольцев», — решают те, кто борется с большевиками.

В году осмнадцатом январь был двадцать первый. В тумане, на рассвете, в районе станции Глубокой у чернецовцев-партизан бой разгорелся со врагом. Всего лишь взвода два с одним орудием (имеющим снарядов двадцать), под командой лихого есаула Чернецова, вели огонь и наступление, чтобы облегчить атаку Лазарева партизан на Каменскую (в то время, когда Чернецов вел наступление на Глубокую, Лазарев с другими партизанами должен был занять станицу Каменскую и станцию и тоже вести наступление на Глубокую в помощь Чернецову).

Им начала отвечать батарея, орудия четыре. (Стреляла 12-я Донская конная батарея под командой есаула-донца Максимилиана Степановича Житенева⁶⁴. Чтобы не нанести поражения партизанам, он вел стрельбу из орудий на очень высоких разрывах, при которых шрапнельные пули теряют свою пробивную способность. После восстания казаков есаул Житенев был арестован и судим военно-полевым судом в Новочеркасске. Меня, как его сослуживца по 12-й батарее и в качестве эксперта, — вызывали на суд. Есаул Житенев был судом оправдан; получил в командование Донскую конную батарею и в одном из боев с красной конницей Думенко, при захвате ею батареи, был зарублен красными казаками.) Как после оказалось — своих же казаков-фронтовиков, которые решили с большевиками вместе «кадетов-партизан» разбить и уничтожить, чтоб они не мешали им занять Новочеркасск и посадить там атамана своего, удобного большевикам. Все эти казаки забыли честь и славу, родство и братство и любовь. Заслуги прадедов, дедов, отцов своих забыли.

А эта группа партизан, хоть малая числом, но духом сильная, боролась, защищая правду, закон и справедливость. Боролась за Дон свободный, за Веру православную, за всех покорных порядку верных казаков, за Русский весь народ, Россию тоже защищали. И, наступая, партизаны-чернецовцы

не ложились на землю без команды, под градом пуль, осколков от гранат и рвущихся в воздухе шрапнелей. Кто хоть один лишь раз такое наступление вел, тот знает хорошо, отлично знает все напряжение бойца, его отвагу, смелость и храбрость беззаветную, которую иметь он должен.

Бой шел весь день. Темнеть уже начинало. Кто ранен был из партизан — давно «прикрытием» к орудию, снаряды расстрелявшему все, ушли назад. Оставшиеся партизаны цепочкой редкой продолжали наступление и шли вперед... вперед... Вдруг — «Строй каре! Атака кавалерии!» — раздались грозные командные слова. Замолкли сразу чернецовцы, в каре построились внезапно, быстро. Как еж, штыками оцетинились и... *з а м е р л и*. Все ждут...

Донские казаки-фронтовики, забывши Бога и старые дедовские заветы, в атаку конным строем, лавой на партизан пошли. А кто же были эти партизаны? Казачата, почти что дети: кадеты, гимназисты и юнкеров немного с офицерами.

И страшно... страшно стало... — с трудом сказал рассказчик и продолжал: — А вдруг они не выдержат и, не приняв атаки, дрогнут, и чернецовцы в страхе побегут? Тогда под штыками своих же казаков-донцов погибнут все.

— Не бойся! Залпами... по... кавалерии! — команда снова раздалась Чернецова.

Хоть беспокойно, но терпеливо «команду исполнительную» ждали партизаны. А конница все ближе... ближе... Та конница, чьи деды, прадеды давно уж, много-много лет тому назад, прославились атаками в походах и боях. В бою с татарами на Куликовом поле. Под городом Азовом при взятии его от турок, и не раз один. В походе через Альпы с генералиссимусом Суворовым, непобедимым полководцем. В войне Отечественной, когда «вихрь-Атаман» граф Платов командовал донцами, сражаясь с французами, с Наполеоном. В Освободительной войне, когда от турок «братушек» наших защищали.

И вот настало время, когда потомки той конницы, лихой и знаменитой, как вихрь или ураган, неслись в атаке лавой на малых казачат. Хотели смять, разбить их каре и шашками кривыми, острыми всех уничтожить, всех порубить. А в

это время партизаны, услышав резкую команду «Пли!», так дружно залпом грянули, как будто выстрелил один.

Была команда снова: «Залпом... пли!» И снова стреляли партизаны метко, как один, атаку отбивая конницы казачьей. Залп следовал за залпом, беспрерывно, по команде. И вдруг казачья конница остановилась, не выдержавши залпов партизан. И, круто повернув коней назад, отхлынули фронтовики. А чернецовцы снова наступление продолжали и конных казаков еще атаки две отбили. Почти совсем стемнело. Бой продолжался. У партизан патронов уже мало. Что ж делать дальше?

— Беречь патроны! Не стрелять! — приказ вдруг строгий отдал командир.

А казаки, поняв, что конными атаками не взять им партизан, решились на обман и Чернецову предложили вступить в переговоры. Поверив в искренность коварного врага, учтя создавшуюся обстановку (без патронов ночью бой вести, а неприятель — опытные в боях казаки), желая также партизан, еще оставшихся в живых, спасти от верной смерти, решился он — и предложение это принял. Во время же переговоров, почти что незаметно, постепенно фронтовики всех окружили партизан. И... сразу бросившись на них, пленили.

И говорили, удивляясь, казаки:

— Так вот какие чернецовцы храбрые, лихие! Все наши конные атаки вы отбили, тогда как даже немцы часто нам сдавались в плен, атак не принимая наших.

Так был пленен обманом наш храбрый командир Василий Чернецов, по батюшке Михайлович. И дали казаки ему коня, — так как при первой же еще атаке конницы он пулею ружейной в ногу ранен был. Обезоружили всех пленных и повели их в большевистский штаб на станцию Глубокую.

В пути вдруг партизаны, когда приблизились к железной дороге, увидели на станцию Глубокую из Каменска идущий бронепоезд. И Чернецов, решив, что это «наши — Лазарева партизаны», что это помощь нам, вдруг закричал: «Ура! Наша берет!» И шашку выхватить хотел у верхового казака, соседа. Но... не успел... и... безоружный, на коне он им зарублен был.

(Зарубил его артиллерист — подхорунжий 6-й Донской казачьей батареи (не армейской, а гвардейской) Подтелков.) Воспользовавшись же этой суматохой, все разбежались партизаны. Фронтовики, содеяв каиново дело, не собирали и не ловили больше партизан.

Январь двадцать девятый был (стиль старый), когда герой прорыва Луцкого, «наш Каледин», любимый атаман, спасая Дон и казаков, предупреждая о гибели казачества возможной, неизбежной... вдруг в грудь свою из револьвера выстрелил и сам себя убил.

И дружно отозвались донцы на этот выстрел роковой, тревожный и собирались защищать они Новочеркасск. Но... было уже поздно, потому что казаки мятежные и с ними войск немалое число, «товарищей-большевиков», все приближались к городу. И был февраль двенадцатый, когда без боя они его заняли.

Жестокая расправа началась сейчас же. Бессудные расстрелы всех раненых, оставшихся в госпиталях. Аресты офицеров и их расстрелы там же, на дому. Расстрелян был и генерал Назаров, последний атаман, и с ним одновременно еще шесть человек (генерал-майор Усачев, войсковой старшина Волошин, генерал-майор Исаев, генерал-майор Груднев, подпоручик Рот; фамилии седьмого, к сожалению, я не знаю).

А города защитники — одни ушли в донские степи, а партизаны-чернецовцы, оставив город еще раньше, ушли с Добровольческой армией в поход Кубанский первый. И вел их генерал Корнилов Лавр. Герой был, храбрый, легендарный генерал, любимый всеми верными России.

Из нас никто не знал, что думал он. Что добровольцев всех и нас ждало? Быть может, у него была надежда, что казаки восстанут скоро, поняв и разобрав обман весь большевизма? Куда он вел нас? На срок какой? Никто его не спрашивал! Все шли за ним сознательно и добровольно туда, куда вел нас герой любимый. Хотя он и убит в бою осколками снаряда оружейного, но память о нем осталась вечно, навсегда в сердцах народа русского. И после смерти генерала — поход все продолжался... С боями, непрерывно, шли днем и ночью по Кубани и на подводах раненых везли с собою.

Ни фронта не было у нас, ни тыла. Сражались со врагом мы, который был везде, кругом... Ряды редели постепенно от потерь в боях. Все меньше, меньше становилось нас... «Вперед! Россия ждет нас...» — пели добровольцы и часто, без патронов, с песней умирали. «И Бог и Правда с нами. Воскреснут вновь Дон и Россия. В любви жить будут казаки и весь народ». Так думали все партизаны, несметные врага отряды разбивая. И... шли вперед, вперед... Вдруг, неожиданно совсем для нас, обратно повернули все назад, узнав о казаков восстанье на Дону.

Пришли в Новочеркасск. Но многие из чернецовцев-партизан, за Родину погибших с честью, уже не вернулись назад. Вдали от Дона, на Кубани, лежат их кости. И часто ветерок колышет там цветочки полевые на их сокрытых от врага, заброшенных могилах. Да голову свою седой ковыль под дуновением того же ветерка к могилкам преклоняет. Трава же сухая, формою своею похожая на шар — колючка поле перекатное — в степи с кургана на курган, с могилы на могилу тем же ветром катится. Как будто проверяет всех, в боях убитых за Свободу, за Веру, за Правду и Любовь, за Дон, за Родину и за Россию!

Умолк рассказчик-есаул. Все терпеливо ждали продолжения его рассказа... дальше. Немного помолчав, он снова продолжал:

— Затем пошли бои уже на Дону. И вновь сражались добровольцы вместе с казаками. Дон защищали, мечтали и о спасении России...

Сначала было очень тяжело нам всем, силен был слишком враг. Потом... пошли вперед. Поход нам на Москву объявлен был. И вдруг... все мы, защитники России, «белые войска», не выдержали натиска врага бесчисленного — «красных войск»... И... покатались... все назад... назад... Все к морю Черному пришли. В Крым переехали не все войска. Немного задержались там, опять борясь с большевиками. И в ноябре (в начале) года двадцатого оставили родную землю, уехав за границу на кораблях военных.

Всех белых русских разбросала судьба по свету. И между ними только случайно можно встретить чернецовцев-партизан, еще оставшихся в живых после боев в России. И сорок с лиш-

ним лет уже прошло с борьбы начала с коммунизмом мировым. А кажется, как будто бы все это было лишь вчера... — сказал рассказчик. — Пройдут еще года. Воспоминанья все казаться сказкой будут. Быть может, песни будут петь о всех героях этих. Быть может, и былины сложат о всем хорошем и большом, красивом и великом деле, что было свершено в борьбе Добра со Злом.

Печально головой своей поник рассказчик, воспоминанья сражений прошлых и походов переживая. Затем закончил так он свой рассказ:

— Хоть нелегка всем белым русским жизнь на чужбине, но знаем все мы, что будет снова время, придет оно, когда опять все будем на Дону, в России. Когда услышим вновь колокольный звон незабываемый и радостный. Пасхальный звон услышим.

И скажут чернецовцы на Дону всем казакам: «Христос воскрес! Воскресли Правда и Любовь! Воскресли Дон и все Казачество. Россия вся воскресла. И с нею русский весь народ воскрес!»

*В. Терентьев*⁶⁵

ПОИСКИ ПОГИБШЕГО ОРУДИЯ ПОД ГЛУБОКОЙ⁶⁶

Будучи окруженным казаками Голубова под Глубокой с отрядом полковника Чернецова и вырвавшись из него с группой конных, подполковник Миончинский благополучно достиг Каменской.

Утром следующего дня он приказал штабс-капитану Князеву отправиться на поиски брошенного накануне орудия. Капитан Князев сам был в окружении и получил рану в голову. С забинтованной головой и неотдохнувший, капитан Князев принужден был отправиться на поиски. С ним были назначены ехать: юнкер Лисенко, бывший тоже в окружении и, как предполагалось, помнящий местность, где шел бой, и трое юнкеров-ездовых, из оставшихся в Каменской с орудием штабс-капитана Шперлинга.

С уносами поехали Беляев Александр⁶⁷, Терентьев и с корнем Кислицын⁶⁸. Корни — серый Шлагбаум и гнедой Ластик — были исключительно сильные лошади, но они, как и все остальные кони, за поход к Глубокой и бой были не кормлены, не поены и совершенно замучены. Теперь им, отдохнувшим, надлежало опять идти.

Я знал от участников боя, что орудие со сломанным дышлом было сброшено в овраг и, падая, запуталось в крупном кустарнике. Принимая во внимание это положение орудия, полную измотанность лошадей и что нас всего пять человек, я про себя решил, что если мы и найдем орудие, то все равно его не вытащим и не вывезем, а всего вернее, попадем в руки казаков или красногвардейцев. Был серый, холодный и ветреный день. Стыли руки и ноги. Проездив часов пять по пересеченной местности, мы ничего не нашли и никого не встретили.

Коням надо было дать отдохнуть, напоить и покормить, но ни воды, ни корму взять было негде. Ни капитан Князев, ни Лисенко местности не узнавали, а к виднеющимся вдалеке хуторам капитан Князев не хотел подъезжать. Немного отдохнув и промерзнув, пустились опять на поиски. Дорог нет, холмы, овраги... Хотя кони выбились из сил, но мы продолжали поиски, пока не смерклось. За это время встретили одного конного казака и на добром расстоянии с ним разминулись.

За сумерками пришла сразу ночь, да такая темная, что не видно было руки, поднесенной к глазам. Капитан Князев сказал, что надо ехать в Каменскую. В том положении, как мы стояли, далеко влево на небе было видно отражение зарева. Мы решили, что это отсвет фонарей Каменской, и взяли на него направление. Лошади отказывались идти, мы не видели, а порой и не слышали друг друга, а посему все время перекликались. Скоро Кислицын перестал откликаться, а потом Беляев, и в конце концов остался я один.

Лошади не хотят идти, темень — хоть глаза выколи, повсюду ямы и какие-то канавы. Все же я продолжал ехать. Вдруг услышал шум идущего поезда. Что это был за поезд, черт его знает, но я взял направление на этот шум, решив, что по рель-

сам мне будет направление налево. Ехал до тех пор, пока кони не отказались идти вперед. Спешился, шупаю ногой: обрыв. Стали спускаться, железнодорожная выемка и внизу полотно. Тяну коней, не идут. Наконец, одна за другой, лошади решились, двинулись, оборвались и покатались вместе с землей, и я следом за ними. Обошлось для всех благополучно.

Мое направление налево, справа сажень в сто огонек. Оставил коней, пошел на него. Подкрался к окошку, за столом — видно сидят четверо в пулеметных лентах. Скорее назад к лошадям. Скандал, если есть часовой. Не знаю, был ли это разъезд или просто будка сторожа. Поехал вперед. Лошади цепляются за шпалы. Подручную тяну на длинном поводу за подседельной. Слава Богу... Все тихо, никого нет.

Тучи разорвались, и вывернулась луна. Стало видно путь. Еду и оглядываюсь все время назад, мне кажется, что задняя лошадь стоит, так сильно тянет поводом меня с седла назад. Нет, кое-как идет.

Уже мерещится железнодорожный мост через Донец. Вдруг — «Стой!» — и из кустов, с обеих сторон, выходят люди... с винтовками. Офицеры Каменской дружины. Сейчас спать. Бужу в вагоне Михайлова и сдаю ему его коней. Часа через полтора приехал благополучно Беляев. На рассвете вернулся на Шлагбауме Кислицын.

Ластик не выдержал и ночью пал. Утром вернулись конный Князев и пеший Лисенко. Его конь тоже пал, и он шел пешком рядом с Князевым. Как встретил подполковник Миончинский капитана Князева и какой у них был разговор, я этого не знаю.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ЧЕРНЕЦОВСКОМ ПОХОДЕ⁶⁹

25 января 1918 года. Станица Каменская. Утром на станции железной дороги Новочеркасск — Миллерово оживление. Местные дамы за прилавком буфета хлопочут с чаем, холодными котлетами, бутербродами, мило улыбаясь, еле успевая накормить голодных партизан, сопровождая свои хлопоты оживленным разговором.

Раздается команда штабс-капитана Шперлинга: «Пулеметы на тендер. Номера к орудию». Юнкер Баянов осматривает ружье-пулемет Шоша; подпоручик Слоболитский, юнкера Метт, Кизим тащат Максим. С орудия снимают чехлы, протирают тряпками снаряды. У разъезда Погорелово, за Северным Донцом, со стороны Глубокой появились бронепоезда красных и открыли огонь по станице. Наш «броневик» — простая товарная платформа со шпалами и орудие, прикрытое своим щитом, все усовершенствование заключалось лишь в том, что под колесами орудия и под сошником были прибиты две доски. К платформе орудия спереди прицеплена пустая платформа со шпалами, за орудием обыкновенный паровоз тендером вперед; за ним вагоны, один со снарядами и два или три с лошадьми, эти последние брались с собой лишь в особо важных случаях.

У орудия за наводчика сам штабс-капитан Шперлинг, в офицерском полушубке и артиллерийской фуражке, тут же и номера юнкера: Кизим, Прохоров, Рага⁷⁰, Улановский⁷¹, Фишер, Хартулари⁷², Кобранов⁷³, во главе с Соломоном⁷⁴, орудийным фейерверкером. Под огнем неприятельских бронепоездов орудие быстро перешло мост через Донец и направилось к разъезду Погорелово. Там у разъезда, имея впереди себя трех разведчиков из юнкеров, орудие тихим ходом пошло вперед, большевики оказались за разъездом, у поворота на Глубокую. Выяснив, что это лишь был налет бронепоездов, орудие, загромоздив путь шпалами и рельсами, вернулось на станцию Каменскую, снова к буфету, где был готов обед, на что указывали груды хлеба и котлы, пускавшие столбы пара к потолку станционного здания.

27 января. На следующий день бронепоезда большевиков, очистив путь от шпал и рельс, нагроможденных нами, рано утром заняли разъезд Погорелово и, подойдя к мосту через Донец, открыли огонь по станице и станции. Орудие тотчас же выехало навстречу. Завязался короткий бой. Как обычно, большевики не выдержали нашей быстрой атаки и скрылись снова за разъездом. Вслед за нами появился паровоз с подрывной командой. Приказано было взорвать путь пироксилиновыми шашками, дабы лишить возможности их обстреливать

станцию. Необходимо было взорвать путь за разъездом Погорелово, тогда бронепоезда большевиков не могли бы достать до станции.

Орудие двинулось на разъезд, большевики открыли сильнейший по нас огонь. Одна из гранат попала в наш вагон со снарядами, он взорвался, загромоздив путь, причем был контужен юнкер Дмитриев Евгений. Наши бросились к разбитому вагону и с большими усилиями освободили орудие от разбитого вагона. Большевики все время продолжали вести интенсивный огонь. Идти назад было нельзя, путь загроможден, тогда штабс-капитан Шперлинг приказал дать полный ход, и орудие вылетело с разъезда вперед и, стреляя на полном ходу, прогнало неприятельские бронепоезда на Глубокую. Взорвав путь и загромоздив взорванное полотно пустыми вагонами и платформами, бывшими на разъезде, орудие вернулось на Каменскую.

К вечеру стало известно, что большевики заняли станцию Лихую, отрезав наш отряд от Новочеркаска. Последний эшелон, проскочивший в Новочеркасск, был эшелон подполковника Миончинского со взятыми орудиями на хуторе Астахове. Повернув на платформе орудие с севера на юг, наш броневик, имея 17 партизан есаула Лазарева, полным ходом двинулся на станцию Лихую. Там виднелись бронепоезда и эшелоны большевиков, а несколько впереди станции — густые цепи противника. Орудие, имея справа и слева цепочки партизан, двинулось к станции. Завязался бой, и к ночи станция занята нами. Орудие продвинулось за станцию на одну версту и остановилось для охраны. Впереди у моста, где перекрещивались две железные дороги: Лихая—Родаково и Лихая—Зверево—Новочеркасск, должна была находиться застава партизан.

Часов в 23—24 послышался впереди шум, всхрипывание паровоза и буферов. Была темная, темная ночь. Сильный порывистый ветер, собирая по пути мерзлый песок, крутил его между вагонов. На многочисленных путях стояли пустые вагоны. Звук идущего паровоза был все яснее и яснее, казалось, что он с большим трудом тянет на подъеме свой состав. Далеко или близко был паровоз — решить было трудно,

тем более что наша застава имела задачу загромоздить путь у моста.

Пыхтение паровоза послышалось где-то совсем близко. Наши собрались по местам, напрягая слух и зрение, но трудно было что-либо видеть, а слышать мешал все тот же ветер. Неожиданно слева через путь от орудия, из-за порожнего состава, показался паровоз с вагонами, освещенный лишь огнем топки, и послышались выстрелы из орудий в упор. Казалось, что была не стрельба, а бросали мины из минометов.

Со стороны поезда показались какие-то люди и, крича: «Не робей, товарищи», направились к нашей платформе. Наши стрелять не решились, так как где-то там, в темноте, должна была появиться наша застава. Штабс-капитан Шперлинг скомандовал «Ход назад!» и ударил кого-то из близко подошедших гильзой по голове. Орудие полным ходом пошло назад. Машинист, перепуганный до обалдения, пролетел станцию Лихую и повел состав в направлении на Каменскую. Там же на паровозе оказался какой-то пьяный есаул, приятель есаула Лазарева, который еще сам подгонял машиниста.

Прежде чем успели машиниста привести в себя, как наш состав налетел на эшелон есаула Лазарева, стоявший в двух верстах за станцией Лихой. Произошло крушение, и два вагона из его состава были разбиты и перевернуты на бок. Вдребезги веселый есаул Лазарев, узнав, в чем дело, отцепил разбитые вагоны и уехал к разъезду Северо-Донецкий, бросив наших на произвол судьбы. Были мобилизованы все наши силы, но сбросить вагоны с пути не удалось, так как набралось всего 15—20 человек. Время шло к рассвету, между тем проехать на разъезд Северо-Донецкий было невозможно. Решено было выгрузить лошадей орудийных и послать ездовых в Каменскую походным порядком, а самим проехать на станцию Лихую, дабы перевести свой состав на параллельный путь, случайно не загроможденный крушением.

Переехать же на другой путь можно было лишь на станции Лихой, занятой, без сомнения, уже большевиками. Необходимо спешить, тем более что по линии Царицын — Лихая

двигались эшелоны, а линия эта была у нас в тылу. Орудие медленно двинулось к станции Лихой. Потушили огни, все наготове. Была тишина, ветер несколько стих. Глухо стучали колеса о скрепы рельс, и пыхтел паровоз. Почти у самой станции остановились. Машинист долго возился, отыскивая стрелку. Но вот стрелка найдена, орудие переведено и полным ходом несется назад на разъезд Северо-Донецкий. Там ночевал есаул Лазарев со своими партизанами.

29 января. Наступило утро. С Лихой и по Царицынской ветке обнаружилось движение бронепоездов и эшелонов красных. Дана задача взорвать путь, на что получено 8 пироксилиновых шашек. Штабс-капитан Шперлинг решил взорвать путь как можно ближе к Лихой. Орудие двинулось навстречу к большевикам. Вскоре показались дымки паровозов, то бронепоезда и эшелоны врагов. Начался встречный артиллерийский бой. Красные, завидев наше орудие, не останавливаясь, как всегда, открыли на ходу огонь. Наше орудие на полном ходу отвечало.

В это время одна красная шрапнель ударила в колесо орудия и разорвалась на платформе. Невредим остался лишь Шперлинг. Все остальные номера кто ранен, кто убит, орудие с разбитым колесом, стрелять нельзя. Пришлось отступать. Красные не останавливаясь двигались за нами. Во что бы то ни стало надо было взорвать путь, иначе красные за нами ворвутся в Каменскую. Трое из оставшихся, кто случайно был на другой платформе, где стояли три пулемета партизан, на ходу соскакивали с поезда, закладывали шашки и перед носом красных в шахматном порядке взрывали путь.

На станцию Каменскую орудие прибыло невесело. На платформе, залитой кровью, стояло орудие с разбитым колесом, лежали убитые подпоручик Слоболитский, юнкера Метт и Кашеев⁷⁵; стонали раненые Кизим и Прохоров. Тут же стояла сестра милосердия, вся в белом, и оказывала помощь раненым.

Ввиду обнаружившегося наступления красных и со стороны Глубокой, а также из-за отсутствия снарядов, их оставалось всего лишь 20, решено Каменскую покинуть и идти по-

ходным порядком на Новочеркасск. И когда бронепоезда красных показали у станции, там осталась лишь дикая толпа грабивших, а колонна партизан с оружием покидала станцию, скрываясь за буграми у Донца. Убитых и тяжело раненого юнкера Кизима, вскоре умершего, пришлось оставить. Их сдали Обществу врачей.

Остальные, шлепая по густой и глубокой грязи, имея на плечах лишь винтовки, грустно двигались на юг. Шли всю ночь, третью бессонную ночь, усталые, голодные, борясь со сном и грязью, навстречу холодному ветру с мокрым дождем и снегом, к неизвестному будущему. Еле двигались ноги, но все шли вперед, засыпая на ходу, кто видел сны, кто грезил, кто облегченно вздыхал, принимая свои галлюцинации за действительность. То казалось им, что там, где-то вдали, где сливается земля с небом, цветущие деревни, веселые хаты, пахнет хлебом, фруктами; то казалось, вот-вот, совсем близко, залитая солнцем станица, и приветливая хозяйка готовит мягкую кровать; то просто огоньки и лай собак, вестник будущего жилья.

К часам к 4 пришли в поселок Трифоновка, где был короткий привал, кончившийся тревогой. Тревога была ложная, двинулись дальше. На рассвете перешли Царицынскую линию, напряженно прислушиваясь, сжимая холодные винтовки. Но все было тихо. У переезда узнали, что только что прошел поезд красных. За линией, проплутав довольно долго, к вечеру пришли в хутор Керченский. Там собрался сход, есаул Лазарев говорил о том, кто мы и куда идем. Приняли довольно ласково.

31 января. К вечеру мокрые, грязные на подводах приехали в с. Мокрый Луг. Там встретили инженеров-путейцев, бежавших со станции Звереве. Они сказали, что большевики двигаются по железной дороге на станцию Сулин, так что дорога нам туда отрезана. Рассказывали о смерти генерала Каледина, о слухах об уходе армии генерала Корнилова из Новочеркаска и Ростова на юг. Обстановка складывалась неблагоприятно, нас могли в Новочеркасске перехватить.

1 февраля из Мокрого Луга, заменив измучившихся лошадей быками, с новой командой «цоб и цобе», по грязи двину-

лись в станицу Раздорскую, куда прибыли засветло. На окраине станицы нас ждали вооруженные казаки, решившие не пускать наш отряд к себе в станицу. Но когда мы сказали, кто мы, куда идем и зачем, нас приняли очень охотно.

2 февраля. Утром с Раздорской станицы выступили дальше. Был пасмурный и ветренный день. Морозило. По дороге сделали привал в Мелеховской станице. Там был сход и враждебное отношение со стороны молодых фронтовиков. Царило возбуждение по поводу нового приказа о мобилизации атамана Назарова. Отдохнув два часа, выступили в станицу Бессергеновскую. Пошел обильный снег, началась метель. Шли по степной местности, ровной и пустынной, сбиваясь с дороги. Надвигалась ночь, станицы же не видно было. Возле самой станицы проводник сбился с пути совсем. Если бы не случайно замеченный кем-то огонек, показавшийся среди хлопьев снега, предстояла ночь в снежной степи. В станицу вошли с юга, оказалось, что плутали возле самой станицы.

3 февраля. Переночевав в станице, выступили на станицу Кривянскую, сопровождаемые группами казаков-стариков, шедших в Новочеркасск по мобилизации. Орудие на быках ползло. По дороге сбился с пути. Орудие в каком-то вязком месте застряло, и тепло одетые казаки спасли положение. Ночевали в станице, отношение к нам было явно враждебное. На следующий день разыгрался конфликт. Дело в том, что казаки, расположенные к нам, ушли из станицы в Новочеркасск по мобилизации, и остался лишь сочувствующий большевикам сброд.

Эти собрали сход и постановили нас отпустить, но орудие отобрать, ссылаясь на то, что они, мол, не знают, кто мы такие и что у нас за намерения. Орудие же им самим может понадобиться, ввиду того что настали такие смутные времена. На сход неожиданно пришел есаул Лазарев, который долго говорил с казаками, после чего удалось их уговорить отпустить с орудием. Долго искали быков и, наконец, нашли и много после полудня выступили в Новочеркасск, где после долгих мытарств расположились в кадетском корпусе.

ЧЕРНЕЦОВСКИЙ ПОХОД⁷⁶

В середине декабря 1917 года в Новочеркасск прибыли «быховцы» — генералы Корнилов, Марков, Деникин и другие. Первым неожиданно пришел к нам в штатском генерал Марков. Собрав вокруг себя юнкеров, он сказал, что счастлив видеть нас здесь, так как сам он окончил в 1898 году Константиновское артиллерийское училище и преподавал в Михайловском. В живой и остроумной беседе он знакомил нас с общей обстановкой и просил задавать вопросы, обещая и впредь навещать нас. Эта и последующие беседы очень поднимали наше настроение. Однажды генерал прочел нам блестящую двухчасовую лекцию «о национальном воспитании», произведшую сильное впечатление на юнкеров и вызвавшую еще большие уважение и симпатию к лектору.

После инспекции батареи генералом Алексеевым он назначил нам нового командира батареи, подполковника 31-й артиллерийской бригады, Георгиевского кавалера Дмитрия Тимофеевича Миончинского, создавшего боевую репутацию батарее.

Красная пропаганда разложила казачьи части, и на них Донское командование не могло положиться. Были созданы партизанские отряды из учащейся молодежи. Они поддерживали порядок и защищали область от вторжения большевиков. Среди них прославился отряд есаула гвардии Василия Михайловича Чернецова. Он быстро перебрасывал свой отряд по железным дорогам и, внезапно нападая, громил собирающиеся на границах области части красных. Особенно удачно было его ночное нападение в канун Рождества Христова на станцию Дебальцево.

Горячо призывал Чернецов казачьих офицеров присоединиться к нему. И, получив ответ, что его силы ничтожны и что он «только зря погибнет», — сказал:

— Я знаю, за что я иду умирать, а вот вас будут истреблять, как баранов, и вы не будете знать за что.

Дошла очередь и до нас. Наша батарея выделила 13 юнкеров в распоряжение полковника Мамонтова. Его группа партизан заняла станцию Чир и прикрывала Царицынское направление. Была выделена подрывная команда из юнкеров и офицеров и послано несколько юнкеров на Кубань в экспедицию за орудиями.

На севере, в станице Каменской, возвращавшиеся фронтовики и лейб-гвардии 6-я казачья батарея объявили «Донскую Советскую республику». Их вожаки — войсковой старшина Голубов и подхорунжий Подтелков — угрожали разогнать войсковой Круг и правительство. Их подкрепляли отряды красной гвардии и запасные части из Воронежа и Орла.

12 января 1918 года вечером в помещение батареи прибыл есаул Чернецов и от имени атамана просил нашего командира выделить два орудия для усиления его отряда. Подполковник Миончинский ответил, что он подчиняется только штабу Добровольческой армии, и предложил есаулу отправиться туда. На это Чернецов возразил, что «если мы будем делиться на казаков и добровольцев, то через два дня здесь будут красные и не станет ни тех, ни других». Затем, обратившись к собравшимся юнкерам, он спросил:

— А вы, юнкера, хотите работать со мной? Если да, то я поеду к генералу Алексееву, если нет, то буду драться и без вас.

Юнкера дружно просили популярного партизана ехать к генералу Алексееву. Через два часа пришло приказание генерала Корнилова выслать взвод для погрузки с отрядом Чернецова. Одновременно 2-й взвод добровольцев должен был грузиться для отправки на «Таганрогский фронт» в распоряжение полковника Кутепова.

13 января, во время погрузки сотни партизан и взвода батареи с пулеметной командой, получено было донесение, что запасный казачий дивизион идет громить дворец атамана. Отряд прекратил погрузку и отправился ко дворцу, где и расположился на площади. Действия отряда отрезвили казаков, и их делегаты прибыли к атаману с повинной. Отряд с песнями вернулся на станцию.

Наш эшелон был составлен следующим образом. Впереди — обычная товарная платформа, на коей при помощи шпал и стальных тросов прикреплено трехдюймовое орудие и передок со снарядами. Дальше — классные вагоны с людьми и товарные с лошадьми. За ними опять паровоз с пулеметами и товарная платформа с орудием.

14 января эшелон прибыл на станцию Каменоломная, где соединился с двумя «державшими фронт» сотнями партизан. 15-го отряд занял узловую станцию Звереве, а 16-го, давши для остротки два выстрела шрапнелью, — станцию Лихую. С последней в панике бежали передовые отряды красной гвардии и революционная сессия Луганского военно-революционного комитета.

В ночь с 16-го на 17-е прибывшие из Дебальцева большевики выбили оставленный на станции Звереве взвод партизан, и связь отряда о Новочеркасском была прервана. Чернецов с одной сотней и одним орудием капитана Шперлинга отправился назад очищать Звереве. Остальному отряду под командой командира батареи подполковника Миончинского приказал двигаться на север к станции Каменской. Перед разъездом Северный Донец эшелон Миончинского остановился, ибо перед ним по обе стороны полотна железной дороги находились густые цепи красной гвардии и казачьих частей Голубова. От них отделилась группа с белым флагом, подошедшая к эшелону. В ней оказался очень смущенный сотник и два урядника лейб-гвардии Атаманского полка, предложившие партизанам для избежания кровопролития вернуться в Новочеркасск. Они уверяли, что казаки не хотят «братоубийственной бойни». Миончинский предложил казакам собраться вправо от пути и сказал, что если они не будут стрелять, то и он по ним стрелять не будет.

К этому времени Чернецов выбил красных со станции Звереве и, подъехав к эшелону Миончинского, приказал открыть огонь. После первого нашего выстрела красные сосредоточили огонь многочисленных пулеметов по передней орудийной платформе. Быстрое продвижение эшелона и бегущих за ним цепей вызвало бегство красных. Батарея потеряла убитыми двух юнкеров — телеграфиста Николаевского инженерного

училища Евгения Крамаренко и юнкера Константиновского артиллерийского училища Перница — и ранеными двух юнкеров и офицера-пулеметчика. Партизаны не имели потерь, так как все внимание и огонь красных были устремлены на импровизированный «бронепоезд». Одна из последних выпущенных красными пуль попала в снаряд, уложенный в передке. Все оставшиеся в передке шрапнели загорелись ярким пламенем. Подполковник Миончинский остановил эшелон и приказал юнкерам подавать ему снег, а сам снегом тушил огонь, изрядно обжегши себе руки.

В темноте отряд занял Каменскую, откуда правительство Донской советской республики во главе с Подтелковым и Голубовым, а также все их вооруженные силы отошли на север к станциям Глубокое — Миллерово. Население окружной станции тепло встретило партизан. Из старших классов местной гимназии и других учащихся была сформирована 4-я сотня отряда. Дамы и гимназистки устроили на вокзале питательный пункт и лазарет.

18-го, опять в тылу у отряда, красные заняли станцию Лихую. Оставив сотню в Каменской, Чернецов двумя эшелонами пошел на Лихую. Орудия, стрелявшие с платформ, сбили запасную конную батарею, прибывшую из Орла. Партизаны бегом во весь рост двинулись на станцию. Красные не выдержали порыва партизан и бежали. Было захвачено более 1000 снарядов для трехдюймовых орудий, часть лошадей бежавших поездом конноартиллеристов и более 10 пулеметов 5-го пулеметного полка из Воронежа. Но и партизаны потеряли 25 процентов своего состава.

Ночью вернулись в Каменскую, и Чернецов решил предпринять наступление на Глубокую. Обходная колонна под командой произведенного атаманом в полковники Чернецова состояла из сотни партизан, офицерского взвода (местных офицеров), 2-го орудия Юнкерской батареи (образца 1900 года), нескольких разведчиков и телеграфистов, а также двух легких пулеметов батареи.

Колонна отправилась перед рассветом степью без дорог, рассчитывая обойти Глубокую и внезапно атаковать ее с севера. Остальному отряду Чернецов приказал к 2 часам дня

подойти к разъезду Погорелово и по условленному высокому разрыву обходного орудия начать наступление на Глубокую с юга. План был дерзок до отчаянности, но вся предыдущая работа доказывала, что только в нем надежда на успех.

Лихой кавалерийский начальник ошибся во времени. Голодные и замерзшие пешие партизаны не могли двигаться быстро против сильного северного ветра и только к заходу солнца вышли в тыл поселка Глубокое. Чернецов приказал открыть огонь из орудия и двинул вперед цепи. В ответ орудие покрыли ровные очереди 6-й гвардейской батареи, управляемой кадровым артиллеристом войсковым старшиной Голубовым, и появились густые цепи красных. Они давно открыли движение колонны, следили за ним и... ждали партизан. Темнота прекратила неравный бой. У орудия были ранены два юнкера (Икишев и Полевой).

Партизаны ворвались на станцию, но, понеся большие потери, были выбиты. Остатки офицерского взвода, потеряв связь с остальным отрядом, пробились через цепи красных и в темноте отошли вдоль железной дороги к Каменской. В затворе орудия был отбит боек. Собрав отряд у орудия, Чернецов, пользуясь темнотой, решил заночевать в будке церковного сторожа у одиноко стоявшей на окраине селения церкви. Там удалось передохнуть и исправить затвор. Части 5-й казачьей дивизии и 6-я гвардейская батарея под командой Голубова тем временем искали в степи исчезнувший отряд.

С рассветом партизаны обходной дорогой вышли на Каменский шлях, и, желая всполошить красных, Чернецов открыл орудийный огонь по станции. Красные после первого замешательства густыми цепями вышли из селения, а привлеченный выстрелами отряд Голубова преградил партизанам путь в Каменскую. После утомительного марша усталые партизаны встретили отряд Голубова. Шесть орудий 6-й гвардейской батареи прямой наводкой разметали жидкие цепи партизан и заставили замолчать одинокое орудие.

Чернецов начал отход, преследуемый артиллерийским огнем и густыми лавами казаков. Прямым попаданием гранаты взбило лошадей первые укусов. Далее орудие шло на корне. При переходе глубокого оврага сломалось дышло, и по

приказу Чернецова юнкера, утопивши под льдом ручья прицел и угломерный круг, сбросили орудие с крутого склона оврага, где оно и повисло, зацепившись колесом за дерево. Подполковнику Миончинскому с конными Чернецов приказал пробиваться на юг, а сам наотрез отказался от лошади. Чудом удалось двум десяткам измученных людей на заморенных упряжных и строевых лошадях (частью без седел) уйти от свежей конницы.

На дне оврага возле Чернецова собралось около 60 человек партизан и юнкеров. Подпустив без выстрела лаву донцов, партизаны залпом в упор отбросили ее назад. Огнем голубовских пулеметов Чернецов был ранен в ногу. Подъехали два парламентаря с белым флагом с предложением сдаться. Чернецов сказал им:

— Передайте войсковому старшине Голубову, что мы не сдадимся изменникам.

Еще две атаки были отбиты. После второй был захвачен подхорунжий 27-го казачьего полка, потерявший убитой лошадь. Он кричал, что все это недоразумение, что казаки не хотят кровопролития, и если партизаны сдадут оружие, то их отпустят в Каменскую. Желая выиграть время и ожидая помощи, Чернецов послал его к Голубову с предложением выпустить нас в Каменскую. Стрельба прекратилась, и казаки густыми толпами придвинулись к группе партизан. Подъехавший Голубев подтвердил «словом русского офицера», что отпустит остатки отряда.

Вопреки всем обещаниям, бросивших оружие партизан с издевательствами повели в обратную сторону, к хутору Гусеву. Часа через два обнаружилось наступление партизан и одного юнкерского орудия от Каменской вдоль железной дороги. Голубев повел 27-й полк и батарею против наступающих, а пленных поручил вести подхорунжему Подтелкову с сотней конвоя. Впереди колонны ехали Подтелков и раненный в ногу Чернецов. Уже в сумерки вышли к железной дороге, по которой медленно двигался железнодорожный состав. Чернецов шепнул ближайшим партизанам приказ кричать «Ура!». Сам же неожиданно вырвал револьвер у Подтелкова и, ударив его, поскакал в степь с криком:

— Ура, наша взяла! Наш эшелон!

Дружное «Ура!» пленных ошеломило конвоиров. Их лошади шарахнулись в стороны, партизаны с криком побежали — частью к эшелону, остальные же врассыпную. Эшелон встретил бегущих пулеметным огнем, так как в нем были красногвардейцы, возвращавшиеся после боя у Каменской. Все побежавшие к эшелону погибли, и трупы их были зверски изуродованы. Около 15 человек — и я в их числе — под покровом темноты после долгих мытарств и приключений добрались до Каменской.

Чернецов, отвлекая конных, добрался до станицы Бело-Калитвенской, был там выдан казакам и зарублен Подтелковым. В этот день батарея потеряла 17 юнкеров и одного офицера убитыми и замученными.

На другой день подполковник Миончинский выдвинул оставшееся орудие к хутору Астахову и под огнем противника погрузил (с помощью рельс) 6 орудий и 12 зарядных ящиков, оставленных в хуторе разошедшимися после предыдущего боя гвардейскими казаками. Пущенный большевиками паровоз-брандер был расстрелян орудием капитана Шперлинга и не произвел ожидаемого крушения платформы с орудием. Вечером оставшиеся в живых юнкера погибшего орудия во главе с подполковником Миончинским отправились с захваченными 6 орудиями в Новочеркасск для формирования батареи наново. Этот эшелон счастливо проскочил Лихую и Звереву и в Новочеркасске, пополнившись добровольцами учащимися, сформировал новый взвод. В эту же ночь красные заняли Звереву и Лихую.

Партизаны и орудие батареи под командой капитана Шперлинга пытались пробиться на Лихую, но были отбиты. При вторичной попытке прямым попаданием снаряда в орудийную платформу были убиты три юнкера и офицер. Ранено два юнкера. Остатки отряда, сгрузивши орудие и взорвавши путь, двинулись походным порядком в Новочеркасск, куда и прибыли после тяжелого шестидневного перехода.

Подполковник Миончинский, закрепив два новых орудия на пультмановских металлических платформах и с пулеметами на паровозе, отправился эшелонам на станцию Сулин на вы-

ручку чернецовцев. Но занимавшие Сулин партизаны Семилетова получили приказание войскового штаба взорвать мост и отойти на юг. Подполковник Миончинский, считая отряд Чернецова погибшим, направился с оставшимися чинами батареи в Ростов, где собирались части Добровольческой армии. Туда же направилось позже орудие капитана Шперлинга и присоединившиеся к нему юнкера Чирской экспедиции.

Второй взвод батареи принимал участие в боях под станциями Морской, Хопры и Синявской в составе отряда полковника Кутепова, сдерживая наступление красного военачальника Ф. Сиверса от Таганрога. В бою у хутора Адабашева была убита разведчица батареи супруга поручика Давыдова (урожденная княжна Черкасская). 30 января взвод получил приказание сдать орудие во 2-ю офицерскую батарею и отправиться в Ростов, где находился подполковник Миончинский с 6 орудиями. На станции Матвеев Курган, окруженная со всех сторон, взорвала себя команда подрывников. Здесь погибли 5 офицеров и 18 юнкеров.

После смерти атамана Каледина Добровольческая армия сосредоточилась в Ростове. Юнкерская батарея, сдав два орудия 3-й офицерской батарее, с двумя орудиями на пульмановской платформе и двумя погруженными эшелонами отправилась на станцию Батайск. Там в эшелонах находился спешенный кавалерийский дивизион полковника Ширяева и Морская рота. Паровоз эшелона батареи обслуживали юнкера-путейцы.

3 февраля на рассвете с юга подошел бронепоезд противника и открыл огонь по нашим составам. Его сопровождали эшелоны красных из Ставрополя. Местные большевики и железнодорожники ждали этого нападения и тотчас же присоединились к красным. Все железнодорожные стрелки были повернуты в тупики. Эшелон батареи, стреляя картечью с платформы под сильным ружейным и пулеметным огнем, стал отходить к Ростову. Капитан Менжинский и юнкера шли впереди и переводили стрелки, причем был убит юнкер Мышкин и ранен капитан Менжинский.

Эшелон отошел к Дону и, обстреливая Батайск, зажег его. Морская рота и кавалеристы с большими потерями отошли по

льду реки Койсуг частью к разъезду Заречный, а частью к станции Ольгинской. Батарея в продолжение дня защищала мост через Дон и потеряла четырех человек ранеными. К вечеру прибыл генерал Марков с Юнкерским батальоном и принял охрану моста. 7-го и 8 февраля части готовились к выступлению в поход.

9 февраля красные повели комбинированное наступление с севера и обходное движение с юга. 1-й взвод с корниловцами отбивал атаки красных, а 2-й, будучи к вечеру в Темернике окружен обходной колонной, отбилась картечью и гранатами и, оставленный своею пехотой, отошел на рысях через занятое уже красными предместье к Лазаретному городку, где и присоединился к выступающим из Ростова частям Добровольческой армии. Взвод потерял убитым подпоручика Дормана. Так начался для 1-й Юнкерской батареи Первый Кубанский поход.

* * *

Прошло 4 месяца после гибели полковника Чернецова и с ним и нашего 2-го орудия Юнкерской батареи⁷⁷.

Наша 1-я отдельная батарея, вернувшись из 1-го Кубанского похода, занимала станицу Егорлыцкую, выставя дежурное орудие к разъезду Прощальный для охраны от красных бронепоездов. Я был уже прапорщиком и наводчиком два раза восстановленного 2-го орудия.

Занимая постоянно одну и ту же позицию, мы хорошо пристреляли цели у железной дороги и легко отгоняли красных. В конце мая, при очередном выезде на позицию, начальник орудия поручик Казакин передал мне, что наше орудие сменит орудие донцов и чтобы я передал наводчику-казачу цели и общую ориентировку.

Действительно, скоро прибыло казачье орудие и ко мне подошел высокий, статный старший урядник, отчетливо доложивший о цели прибытия. Я передал ему точки отметки, угломеры и прицелы отдельных целей и поделился своими сведениями об обстановке.

Аккуратно записав все в свою записную книжку, старший урядник задал мне несколько дельных вопросов. Присущее

казакам чувство собственного достоинства сочеталось в нем с отличным военным воспитанием. Прощаясь, я спросил его, в какой части он служил раньше. Он с гордостью ответил: «В лейб-гвардии 6-й казачьей Донской батарее». Перед моими глазами промелькнула картина гибели моего орудия и моих друзей, и я невольно спросил опять: «Были ли вы в бою под Каменской с отрядом есаула Чернецова?» Урядник вспыхнул и, опустив голову, тихо промолвил: «Дураки мы были, господин прапорщик». — «Слава Богу, что одумались», — сказал я ему на это.

Вспомнилась и другая картина. Вместе с другими чудом спасшимися из плена юнкерами, во главе с подполковником Миончинским, мы прибыли в Новочеркасск. Из захваченных 6 орудий 6-й гвардейской батареи надо было сформировать новую батарею. Потери в офицерском и юнкерском составе сильно сказывались: не хватало людей для орудийного расчета. Материальная часть была частично попорчена, и не хватало многих деталей. Из 6 орудий мы старались отобрать 4 наиболее исправных.

Нашей работой руководил гвардии есаул 6-й гвардейской батареи Упорников⁷⁸, отлично знавший свои орудия. Мы были заняты работой почти весь день. В течение дня к нам подходили гимназисты и реалисты младших классов и просились к нам на службу. Старшие уже находились в партизанских отрядах и добровольческих частях. Есаул Упорников всем им указывал помогать нам при сборке и чистке орудий. Они охотно это делали и усердно старались.

Под вечер мы увидели спускающуюся к нам из города толпу женщин. При виде их наши «рекруты» побросали работу и исчезли, женщины оказались матерями наших «рекрутов». Они бросились к есаулу с криком: «Отдайте нам наших детей!» На это есаул ответил, что мы не хотели их брать, а только воспользовались очень нужной для нас помощью. Вместе с мамашами мы отправились в эшелон и там вытаскивали из-под скамеек и других укрытий казачат, передавая их по принадлежности. На другой день, погрузив орудия на платформу, мы отправились на выручку остатков отряда Чернецова.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ НА ПЕРСИАНОВКЕ

(10 февраля 1918 года)⁸⁰

Жуткие январские дни эпохи Каледина.

Примерно 11 января, присутствуя на собрании офицеров в офицерском собрании в городе Новочеркасске, я впервые видел и слышал атамана Каледина, его помощника М.П. Богаевского, походного атамана генерала Назарова и известного партизана полковника Чернецова.

В тот момент власть в станице Каменской был захвачена Подтелковым, отряд полковника Чернецова стоял на станции Новочеркасск и частично был распущен на два дня, путь к городу был открыт.

«Господа офицеры, вам нужно внутренне пообчиститься. У меня на всем фронте 67 штыков. Я говорю здесь с вами, но путь к атаманскому дворцу открыт, и большевики могут его захватить» (Каледин).

«Ваше Высокопревосходительство, на станции стоит мой отряд и, пока я жив, я этого не допущу», — громко и решительно заявил быстро вышедший из рядов маленького роста, черноглазый и энергичный Чернецов.

Обратившись к офицерам, он сказал, что ему нужно немедленно человек 50 офицеров всех родов оружия, на один день, пока соберется его отряд. Отсчитав необходимое число и отказавшись от лишних, поблагодарив их, он тотчас отправился на вокзал, выдал винтовки и пулеметы, часть оставил для охраны станции и эшелона, а с остальными в ту же ночь занял станцию Шахты.

Новочеркасск немного встряхнулся. Усилили патрулирование по городу и охрану центральной телефонной станции и других важных пунктов. Началось формирование новых партизанских отрядов.

В двадцатых числах Управление Донской артиллерии приступило к формированию партизанской артиллерии из добровольцев, и мне было поручено формирование первого взвода.

Никаких определенных указаний на этот счет не было дано, и все предоставлялось моей собственной инициативе.

Я приступил к записи добровольцев. К вечеру первого дня (это было в начале последней трети января), меня запросили по телефону о количестве записавшихся и приказали отослать их на следующий день на пополнение офицерского взвода на станцию Звереве.

Я продолжал запись. Добровольцы приходили понемногу, в большинстве гимназисты и реалисты последних классов, дватри юнкера, офицеры разных родов оружия, чином не старше подъесаула. Но попадались и чиновники, и учителя средних учебных заведений, и даже предложили услуги два профессора Политехнического института, от которых, поблагодарив их, я отказался.

Хуже обстояло дело с материальной частью и лошадьми. Все это приходилось собирать по частям в разных концах города и даже ближайших станиц. Большую помощь оказывал полковник Ильин⁸¹, рывшийся в артиллерийском запасе, арсенале, разных складах и присылавший то банник, то хомут, то масло или указывавший, где можно взять брошенную такой-то батареей лошадь или телефонную двуколку. С бору да с сосенки сколачивалось самое необходимое, и к концу месяца взвод имел: 2 орудия, 2 рядных ящика, телефонную двуколку и строго необходимое число лошадей для запряжки. Имелось также 2 пулемета Люиса, расточенные под русский патрон, с наскоро обученной в юнкерском училище командой.

27 января 1918 года приказом начальника Донской артиллерии генерала Астахова взводу было присвоено наименование 1-го Партизанского артиллерийского взвода Донской артиллерии, а я назначен его командиром. К концу месяца приступлено было к формированию других взводов (2-го и 3-го). Мой взвод заканчивал формирование в юнкерском училище. В день похорон атамана Каледина я выслал одно орудие под командой сотника Нефедова для отдачи последних воинских почестей усопшему.

Это было все, чем могла быть представлена тогда Донская артиллерия, но и этому единственному орудию не пришлось проводить прах атамана до могилы. Когда траурная процес-

сия двинулась по Платовскому проспекту, орудие свернуло во двор юнкерского училища, так как я получил приказание немедленно доставить два моих орудия на станцию для погрузки и отправки на фронт для пополнения материальной части, а мне обещали дать на следующий день два других орудия. Это было исполнено.

Наличие материальной части, людей и лошадей далеко еще не означало готовности взвода к выступлению на фронт. Кроме небольшого числа офицеров-артиллеристов, все остальные партизаны, сплошь юноши, артиллерийского дела совсем не знали, учить их в период формирования было некогда, и я просил дать мне хоть два-три дня для самых необходимых занятий. В этом мне категорически отказали.

В Управлении артиллерии все это отлично понимали, но фронт был уже под городом Александро-Грушевским (станция Шахты), и в бой надо было бросать все, что имелось под рукой. Этого требовала обстановка.

1 февраля (ст. ст.) распоряжением штаба походного атамана взвод был придан к отряду полковника Черевкова (бывшей Чернецовский) и начал погрузку на станции Новочеркасск. 2 февраля отряд прибыл на станцию Каменоломня. В пути генерал Абрамов ознакомил командный состав с обстановкой.

В тяжелом бою 4 февраля у станции Каменоломня при 20 градусном морозе, где взвод заканчивал выгрузку под артиллерийским огнем и мой классный вагон был пробит снарядом, а на позиции был ранен ружейными пулями три артиллерийские лошади, выявились не только все недочеты поспешного формирования, но и трудность совместных действий коня с черепахой. Черепахой оказался мой взвод.

Превосходство было явно на стороне противника, и с наступлением сумерек наши эшелоны с пехотой стали отходить на станцию Персиановка, я же, покинутый всеми, если не считать двух-трех разъездов, обогнавших вскоре мой взвод, ночью в трескучий мороз, на слабых, некованных лошадях, из коих три были ранены, застревая в каждой балке, должен был отходить самостоятельно на станцию Персиановка, куда и прибыл поздно ночью. Честь и хвала тем славным 12 юно-

шам-ездовым, которые совершили этот тяжелый поход без всякой предварительной подготовки.

На следующий день мне приказано было отправиться на станцию Новочеркасск и там деформироваться. Надо было снова погрузить орудия и лошадей. После бессонной ночи, которую я провел в качестве стрелочника и сцепщика, помогая коменданту добавить мои вагоны к платформе, мой эшелон утром смог, наконец, отойти на станцию Новочеркасск.

В Новочеркасске я получил на пополнение несколько лошадей, немного людей, установил орудия на платформы, приспособив для стрельбы, и 10 февраля снова отправился на станцию Персиановка. Родные, с детства знакомые места. Наш кадетский лагерь, роща, передняя линейка. Поезд замедлил и остановился на станции. Вспомнился отъезд отсюда после объявления войны в Михайловское училище, а в начале июня 1915 года на фронт в действующую армию.

После обеда я вызван был с боевым эшеленом к лагерной платформе для борьбы с красным бронепоездом, появившимся от Каменоломни и пытавшимся прорваться на Персиановку. Быстро проехали лагерь Донской артиллерии, затем юнкерский и остановились у северной опушки рощи. Здесь в окрестности каждый год разносился гул орудийной стрельбы, когда донские льготные батареи вели на полигоне учебные стрельбы, по обозначенному противнику. Теперь перед нами был настоящий противник, которому последние донские орудия должны были преградить путь.

Довольно пасмурный февральский день склонялся в вечеру. Полковник Лысенко с подрывниками пошел вперед взорвать железнодорожный путь. В двух с половиною верстах, еще не выйдя на прямую, дымил красный бронепоезд, но огня пока не открывал. Мы приготовились к бою. В полутора-двух верстах правее железной дороги я заметил шедший в нашу сторону конный разъезд. Там еще могли быть наши, но никто не мог сказать мне ничего определенного.

Когда вернулись подрывники, я, чтобы выяснить положение, выпустил по нему шрапнель на высоком разрыве. Всадники повернули коней и карьером пронеслись назад в сторону противника. Красный бронепоезд вышел на прямую и открыл

по нас огонь шрапнелью. Снаряды рвались хорошо, на нормальных разрывах, но чуть-чуть левее. Я мог стрелять вперед только из одного головного орудия и открыл огонь гранатой. Прекрасный наводчик этого орудия прапорщик Мельников работал уверенно и быстро. Наблюдать было очень трудно. Пасмурный день клонился к вечеру, а телеграфные столбы вдали образовывали как бы забор. После первых же наших выстрелов по нас был открыт еще и пулеметный огонь. Это было хуже. Там настоящий бронепоезд, у нас, кроме щита и стоявшего сзади зарядного ящика, никакого укрытия.

Я усилил огонь. После нескольких выстрелов пулеметный и орудийный огонь противника вдруг сразу прекратился, и красный бронепоезд пошел назад к станции Каменоломня. Видимо, с нашей стороны были удачные попадания. Выгрузив затем, согласно полученному приказу, одно орудие с запряжкой, которое осталось в юнкерской роще, я с боевым эшелоном вернулся на станцию Персиановка.

День 11 февраля прошел спокойно, но в это время участь Ростова и Новочеркасска была уже решена. В результате боя 10 февраля Персиановка была удержана нами вплоть до 12 февраля, дня оставления Новочеркасска и ухода в Степной поход.

Немногочисленная партизанская артиллерия (несколько орудий), участвовавшая в боях на подступах к Новочеркаску, прекратила в этот день свое существование. В Степной поход выступили из Новочеркасска только более поздние формирования, а именно: Семилетовская батарея — 2 орудия (штабс-капитан Букин), одно орудие 2-го Партизанско-го артиллерийского взвода. Донской артиллерии (сотник Мелихов⁸²) и 3-й Партизанский артиллерийский взвод конной артиллерии (подъесаул Неживов⁸³).

Ни о чем не предупрежденный, не получая никаких приказаний, я узнал о немедленном отходе от полковника Мамонтова, без указания куда, утром 12 февраля лишь в последний момент, когда эшелоны уже начали отходить, и выступил слишком поздно. Мой запас снарядов, ружейных патронов, пулеметы, продовольствие и фураж — все осталось в вагонах. Тем не менее я вывел свой взвод со станции Персиановка и довел его до железнодорожного вокзала в Новочеркасске.

На Новочеркасских косогорах мои плохо или совсем некованные лошади совершенно выбились из сил. На вокзале с минуты на минуту ожидалось выступление местных большевиков в депо и последние эшелоны отходили на Аксай. Медлить было нельзя. По совету встреченных на вокзале двух старших артиллеристов, я отпустил партизан, часть которых присоединилась к другим отрядам, часть же, вопреки моим советам, во что бы то ни стало хотела проститься с родными, за что некоторые поплатились.

Оставшись один, я вынул стреляющие приспособления и панорамы и хотел запрячь телефонную двуколку, но с уходившего с последней заставой паровоза мне крикнули, что вокзал уже занят, и посоветовали уходить поскорее.

Сложив панорамы и прочее в мешок, я вскочил на коня и рысью направился вдоль железнодорожного моста через реку Аксай, где стоял атаманский отряд, ожидавший атамана Назарова. Только здесь я узнал, что отходят на Старочеркасск. При большей распорядительности командования я мог бы вывести мой взвод в Степной поход, но все было кончено.

Раздел 3

ДОБРОВОЛЬЦЫ НА КУБАНИ

*К. Николаев*⁸⁴

СМУТНЫЕ ДНИ НА КУБАНИ⁸⁵

В настоящем очерке я постараюсь дать краткий обзор событий на Кубани, происходивших 35 лет тому назад в конце 1917-го и начале 1918 года, предшествовавших выходу Кубанского правительственного отряда на соединение с Добровольческой армией в 1-м Кубанском походе, а равно и того, что происходило в 1-м Кубанском походе до соединения кубанцев с армией генерала Корнилова.

Октябрьский переворот совершился. Волна большевизма начала заливать Россию. Она докатилась и до богатого и спокойного до сего времени края — Кубани. Кубанское казачество, исторически сложившееся в стойкое военное сословие, отнеслось к перевороту весьма различно. Уклад казачьей жизни в станицах, служба вне границ своего родного края и, наконец, традиции, передаваемые от дедов к отцам и от отцов к сыновьям, выкованные 60-летней суровой борьбой в годы покорения Кавказа, сделали казаков менее восприимчивыми к учению большевизма и более консервативными, чем крестьянская масса России. Казаки, как собственники иногда весьма значительных земельных наделов, в массе своей оказались менее восприимчивыми к идеологии большевизма, нежели крестьяне, у которых аграрный вопрос стоял довольно остро. Вторая часть населения Кубанской области — горцы — еще крепче хранила свой старый жизненный уклад,

основанный на глубоком уважении к старикам и верности крепким устоям семьи.

Наконец, третья часть населения Кубани — иногородние, у которых земельный вопрос был разрешен далеко не в их пользу, — более легко приняла большевизм, который был для них приемлем уже по одному тому, что он нес с собой перспективы уравнивания в правах на землю, то есть разрешение того большого вопроса, который создавал вечное недовольство иногородних, искони добивавшихся полных прав на Кубани.

Молодежь — казаки-фронтовики — легко поддалась тлетворным идеям большевизма, и это послужило причиной очень тяжелой борьбы, начавшейся между отцами и детьми по возвращении молодых казаков в родные станицы, борьбы, которая иногда доходила до взаимной глубокой вражды, порой даже до пролития родственной крови. К лету 1917 года Кубань управлялась войсковым правительством и Радой. К октябрю порядок управления краем немного изменился. 25 октября был выбран атаман Кубанского войска полковник А.П. Филимонов (военный юрист). Во главе войскового правительства стал бывший городской голова города Баку А.А. Быч (эсер). Рада (краевая) возглавлялась Рябоволом. Здесь надо отметить, что как и в Краевую Раду, так и в Раду Законодательную на паритетных началах входили и иногородние.

В это время с Кавказского фронта на Кубань прибывали делегаты от строевых частей. Наказы, привозимые ими, в те времена клонились к поддержанию порядка на Кубани. Эти указы и давали твердость существовавшему правительству. Однако постепенно, с охватом большевизмом фронтов, тон и смысл этих наказов сильно изменился. Командующий Кавказским фронтом генерал Пржевальский⁸⁶, отсылая с фронта надежные части, направлял их зачастую на Кубань. Тщетны были просьбы атамана и правительства. Желая избавиться от будирующего элемента, генерал Пржевальский был вынужден направлять части в тыл, то есть на Кубань. Старики в станицах, встречая прибывающих с фронта сынов, боролись с тем влиянием, которое молодежь несла с собой. Но если эта борьба иногда в семье и была успешна, то во всяком случае каза-

чьи части, как таковые, в целом существовать не могли, они растекались по станицам.

Офицерство с разваливающимися фронтами тоже стекалось на Кубань. Уже у многих возникала мысль об организации отрядов для борьбы с надвигающимися большевиками, но нерешительность правительства и Рады, которые подчас не могли отступить от принципов непротivления, создавали атмосферу шаткости всего положения в крае.

Многие из прибывших офицеров, разочаровавшись в возможности выступления против большевиков, покидали Кубань. Два раза приезжал с Дона генерал М.В. Алексеев. Но и в его речах звучали порой грустные ноты. Он говорил, что Россия гибнет и казачество должно отстоять свои области, чтобы дать основу, откуда началось бы освобождение нашей Родины.

Власти правительство фактически не имело. Распоряжения войскового атамана не выполнялись. Казаки из распропагандированных на фронте частей, растекаясь по станицам, естественно, были постоянно будирующим элементом на местах. Попытки правительства и есаула Савицкого⁸⁷, стоявшего во главе военного ведомства Кубани, влиять на прибывающие части — успеха не имели, а надежды на влияние стариков далеко не оправдались. С другой стороны, боязнь левых кругов Рады удерживала правительство от организации отрядов для борьбы с большевизмом. Жупел «контрреволюции» и здесь играл не второстепенную роль.

Наиболее важные железнодорожные пункты оказались занятыми распропагандированными «контрольными ротами», и зараза большевизма беспрепятственно разливалась по Кубани.

К концу октября Екатеринодар начал наполняться подозрительным элементом, что в связи с находящимися в городе вооруженными запасными частями, настроенными весьма тревожно, создавало опасение открытого выступления большевиков. Все это заставило подумать о разоружении запасных частей. В ночь на 31 октября юнкерами Казачьего военного училища и 80 казаками конвоя атамана был разоружен Запасный артиллерийский дивизион. Люди дивизиона были распущены. 29 ноября состоялось назначение начальника для формирования отрядов для поддержания порядка в крае. Таковым

на правах командующего армией был назначен генерал-майор Черный⁸⁸. Одновременно весьма популярному по Великой войне полковнику С. Улагаю⁸⁹ было поручено формирование партизанского отряда. Однако последнего сформировать не удалось. 29-го же ноября был создан и Полевой штаб командующего войсками, принявший на себя оперативные функции. Войсковой штаб оставил за собой функции мобилизационные.

Положение в крае становилось все тревожнее. Станицы постепенно охватывал большевизм. В важном для нас центре станице Гулькевичи появился весьма популярный среди населения, состоящего почти исключительно из иногородних, комиссар Никитенко. Этот последний пригласил к себе и ярко большевистскую часть — 39-ю пехотную дивизию, которая впоследствии создала серьезную угрозу правительству Кубани.

Работа Никитенко скоро сказалась. На хуторе Романовском был разгромлен винный склад. Погром, носивший кошмарный характер, длился несколько дней, в течение которых все население окрестных станиц было пьяно. И в этом пьяном разгуле целого района погибло немало жизней.

9 января 1918 года генерал Черный подал в отставку. На его место был назначен генерал Букретов⁹⁰, известный лишь своей демагогией. Однако он весьма недолго оставался на должности командующего войсками. Уже 17 января он заявил, что не видит возможности продолжать работу, и отказался служить далее. Вместо него 17 января временно был назначен генерал Гулыга⁹¹.

Наконец, Кубанское правительство решило сформировать несколько добровольческих отрядов для поддержания порядка в крае и борьбы с надвигающимися большевиками, 6 декабря закончил формирование первого отряда (сначала 135 человек, позже 350 человек, 2 орудия и 6 пулеметов) войсковой старшина Галаев⁹². Галаев — это одна из самых ярких фигур того времени. Глубоко честный, скромный, вдохновенно-идейный борец за национальную Россию, он не дождался до лучших дней. Судьбе угодно было, чтобы Галаев погиб в первом же бою во главе своего отряда. Позднейшие события на Кубани заслонили деятельность этого блестящего

офицера, который вместе со своими помощниками, ничего не ища себе, отдал свою жизнь за родину.

2 января сформировался и второй отряд (около 200 человек позже 350 человек 2 орудия 4 пулемета — позже еще 2 орудия), во главе которого стал военный летчик капитан В.А. Покровский, сыгравший впоследствии очень крупную роль в борьбе на Кубани. Энергичный, безусловно талантливый организатор, он дожил до лучших дней и погиб славной смертью на чужбине в Болгарии, продолжая неослабно бороться с красным врагом даже тогда, когда из рук Русской Армии выпало оружие. Войсковой атаман снабдил эти оба отряда средствами. Состав отрядов был преимущественно офицерский, как из офицеров регулярных частей, так и казачьих.

С появлением отрядов местные большевики как будто притихли. Однако внутренняя их подготовка продолжалась. Это заставило капитана Покровского, предупрежденного о готовящемся выступлении в городе сторонников советской власти, в ночь с 6-го на 7 января произвести ряд арестов на окраине города, среди главарей готовящегося выступления.

8-го отряд Покровского быстро и без инцидентов разоружил и распустил по домам 233-ю Донскую дружину Государственного ополчения (до 2000 человек), представлявшую угрозу своим внутренним настроением. Местные большевики опустили головы.

15 января Покровский делает неожиданный налет на станцию Тимашевку Черноморско-Кубанской железной дороги. Партизаны захватили революционный комитет во главе с комиссаром Хачатуровым. Отряд, кроме того, разоружил на станции несколько большевистских эшелонов, но был обстрелян пластунами, стоявшими в станице.

В середине января обстановка сложилась следующим образом: в Новороссийске образовалась очень большая группа большевиков во главе их стоял председатель Военного революционного комитета бывший юнкер Владимирского военного училища Яковлев. В Тихорецком районе — организация Красной армии, сам Тихорецкий узел занят 39-й пехотной дивизией. Кавказский узел занимался также Красной гвардией во главе с товарищем Никитенко. Тимашевский узел тоже

послушно выполнял директивы большевиков. За Кубанью — столкновения черкесов с распропагандированными иногородними-крестьянами.

Связь с Доном к этому времени прервалась. Высланный на Кубань отряд капитана Беньковского с трудом пробравшийся на станцию Тимашевку, был изменнически разоружен при содействии полковник Феськова. Люди отряда были отправлены в Новороссийск, где посажены в тюрьму и освобождены лишь значительно позднее начала похода. Покровский сделал вторично налет на Тимашевскую, однако результатов никаких не давший.

Формирование отрядов продолжалось. Тем временем создавалась батарея есаула Корсуна⁹³ (2 орудия и 10 человек прислуги, позже еще 2 взвода по 2 орудия). Окончил формирование смешанного отряда и полковник С. Улагай. Однако все ухудшающееся положение в крае заставило думать о более широком привлечении добровольцев в отряды.

20 января в помещении войскового хора было созвано собрание всех офицеров, находящихся в Екатеринодаре. Первым говорил полковник Демяник⁹⁴ (бывший командир 154-го пехотного Дербентского полка — природный казак). Его речь произвела впечатление глубоко безнадежного положения в крае. Он не видел иного выхода из положения, как сложить оружие и не противиться грядущему злу. Совершенно иначе прозвучала пламенная речь генерал-квартирмейстера Полевого штаба Генерального штаба полковника Лесевицкого⁹⁵. Лесевицкий призвал русское офицерство поднять оружие против врага. Его вдохновенные слова всколыхнули приунывшее офицерство. Началась запись в отряд, во главе которого стал Лесевицкий (800 человек, 2 орудия, 4 пулемета).

Нельзя не остановиться на личности этого блестящего офицера. Это был человек, отлично сознававший тяжесть создавшегося положения. Георгиевский кавалер за Великую войну, бывший командир полка, Лесевицкий своим порывом влиял новые силы в души своих добровольцев. И все его знавшие, горячо любившие его соратники, не раз со скорбью вспомнят своего начальника, столь трагически погибшего вскоре после оставления Екатеринодара. Заболевший воспалением уха, пол-

ковник Лесевицкий был арестован в местечке Горячий Ключ и совместно с группой екатеринодарских видных деятелей расстрелян большевизанствующими жителями.

Большевики, накопившись силами до 4000 человек в городе Новороссийске, решили наконец уничтожить гнездо контрреволюции город Екатеринодар. Эшелонами они двинулись по железной дороге, и 22 января у станции Энем произошел первый бой, стоивший добровольцам небольших, но тяжелых потерь. Небольшие силы добровольцев разделились: войсковой старшина Галаев занял полотно железной дороги перед мостом через реку Чибий. Капитан Покровский двинулся в обход правого фланга большевиков. Враг отчаянно атаковал войскового старшину Галаева, но все-таки был отбит. Когда же Покровский повел наступление в тыл большевикам — участь боя была решена. Матросы, составлявшие ядро большевистских отрядов, — бежали. Однако в этом бою были убиты доблестные войсковой старшина Галаев и женщина-прапорщик Татьяна Бархаш, ценой своей жизни заплатившая за свой безумный подвиг. При отбитии большевистских атак, в критический момент, она вытащила пулемет на открытое место и огнем в упор остановила уже ворвавшихся на мост большевиков. Героиня была убита пулей в грудь.

Вставший во главе обоих отрядов капитан Покровский в ночь на 24-е решил захватить станцию Георгие-Афипскую. Офицерский отряд внезапным налетом овладел железнодорожным мостом станции, и отряд Покровского, после штыкового боя при освещении станционных фонарей, овладел станцией. Спешившие на помощь врагу эшелоны потерпели крушение и попали в руки Покровского. В этих боях у большевиков были убиты комиссары Яковлев и Сарадзе. Новороссийская группа была разгромлена. Трофеи добровольцев были очень велики.

28 января, оставив в Афипской заслон в 80 человек под командой войскового старшины Чекалова⁹⁶, Покровский вернулся в Екатеринодар. Правительство и город встретили его цветами. Покровский был произведен в полковники.

К этому времени командование выработало план наступления, сводившийся к захвату станции Кавказской, а затем

Тихорецкой. На Кавказское направление (Усть-Лаба) был выслан отряд полковника Лесевицкого, на Тихорецкую (Выселки) — отряд полковника Покровского. На Тимашевское направление двинулся отряд капитана Раевского, в котором был член Государственной Думы Бардиж⁹⁷, имевший задачей поднять казачество Черноморья.

Однако этому плану командования не суждено было осуществиться. Столкновения с противником не дали быстрой победы. Полковник Покровский, указывавший как на меру, способную придать энергию отрядам, — на смену командующего войсками генерала Гулыги лицом более энергичным, был сам назначен 14 февраля на этот пост.

При обсуждении кандидатов на должность командующего войсками были выставлены 3 кандидата: генерал Эрдели, полковник Лесевицкий и полковник Покровский. Генерал Эрдели отказался и указал на Покровского, то же гласило и письмо Лесевицкого, на совещание не прибывшего. Поддержанный председателем Рады Рябоволом и председателем правительства Бычем, Покровский был назначен командующим войсками, причем он выразил надежду, что край будет им спасен.

16 февраля у Выселок произошел неудачный бой, едва не окончившийся катастрофически. Виной неудачи было неожиданное энергичное наступление противника и доходившее до преступности небрежное наблюдение за врагом с нашей стороны. Отряд (бывший Покровского) откатился. Большевики начали энергично продвигаться с Тихорецкого направления. Выяснилось с очевидностью, что города Екатеринодара нам не удержать. 22 февраля во дворце атамана было собрано совещание, на котором присутствовали: полковники Успенский⁹⁸, Кузнецов, Мальцев, Рашпиль, Ребдев⁹⁹, Султан-Келеч-Гирей¹⁰⁰, есаул Савицкий, атаман полковник Филимонов, генерал Эрдели, командующий войсками полковник Покровский и члены правительства и Рады: Рябовол, Быч, Каплин, Паша-бек, Долгополов и Бардиж. После обсуждения данных нескольких направлений, по которым отряды могли бы уйти, дабы переждать течение большевизма и в то же время соединиться с генералом Корниловым, о котором было лишь известно, что

9 февраля он из Ростова двинулся на юг, совещание остановилось на плане движения вдоль главного хребта в направлении на Батаалпашинск. Между тем отход отрядов на фронтах продолжался. Добровольцы, уставшие и морально и физически, не имея теплой одежды, непополняемые при потерях, не могли противостоять большевикам, к которым прибывали свежие силы, во много раз превосходившие наши слабые отряды.

25 февраля Покровский собрал в здании реального училища всех военнослужащих Екатеринодарского гарнизона. После речи, в которой он с глубоким трагизмом обрисовал положение на фронтах, где раненые стрелялись, чтобы не попасть в руки врага, Покровский приказал собравшимся составить сотни и двинуться на фронт. Не к чести многих надо сказать, что до позиций дошло лишь около половины мобилизованных в городе.

В последующем бою под станицей Лорис мы не могли оказать серьезного сопротивления. Большие силы красных глубоко обошли наш левый фланг. Командование приказало отрядам стягиваться. 28 февраля части, правительство, атаман и Рада выступили из города. Последним в 2 часа ночи через станцию прошел наш бронепоезд.

В течение 1 марта вышедшие из города, сделав короткий привал в ауле Тахтамукай, сосредоточивались в ауле Шенджий. Здесь все части были собраны и реорганизованы. В окончательном виде отряд составил следующий:

1 стрелковый полк (подполковник Туненберг¹⁰¹) 1200 штыков (из них 700 офицеров и 100 казаков, позже 400 юнкеров), при полку пулеметная команда, 4 пулемета и 60 человек прислуги.

4-орудийная батарея (есаул Корсун), 10 человек прислуги и 2 взвода по 2 орудия.

Черкесский конный полк, 2 сотни — 600 шашек и 4 пулемета.

Конный отряд (полковник Кузнецов) — 100 шашек.

Конный отряд (полковник Демяник) — 50 человек офицеров.

Отряд полковника С. Улагая — 50 человек пехоты и 50 человек кавалерии (из 100 человек всего отряда 85 офицеров), 2 пулемета.

Кубанская дружина (полковник Образ¹⁰²) для охраны банка — 65 человек.

Эта последняя часть охраняла двуколки с серебром, которое было вынута из Екатеринодарского отделения Государственного банка. Эти деньги с трудом согласился реквизировать председатель правительства Быч, и то лишь разменную монету. Золото оставили.

3 марта отряд перешел в станицу Пензенскую. 6 марта, ввиду получения сведений о движении генерала Корнилова к Екатеринодару, — было решено идти ему на соединение, форсировать Кубань у станции Пашковской. Пройдя мимо аула Шенджий, к ночи на 7-е авангард отряда (командир батальона 1-го Кубанского стрелкового полка полковник Крыжановский¹⁰³) захватил паром на реке Кубани у аула Дворянского, переправился на правый берег и закрепился на нем. Однако отряду дальше продвинуться не удалось. Оставленный в ауле Шенджий для демонстрации отряд полковника Кузнецова внезапно на рассвете атакован большевиками. Отряд начал отходить в сторону, обратную нахождению главных сил. Позже часть отряда присоединилась к главным силам, а остальная часть ушла в горы.

9 марта было собрано совещание у атамана, решившее оставить мысль о переправе через Кубань и двигаться в Баталпашинский отдел. В ночь отряды двинулись на аул Гатлукай. По дороге мы наткнулись на трупы наших офицеров, посланных на поиски генерала Корнилова. Их зарубили черкесы, приняв за большевиков. Берег реки Псекупс, к которому подошел отряд, оказался занятым красными. Бой до вечера не дал никаких результатов. Огнестрельные припасы таяли, настроение бойцов упало. Сказывалась и сильная физическая усталость.

В ту же ночь (10 часов вечера 10 февраля), уничтожив радиостанцию и лишние повозки, отряд двинулся в направлении на станицу Калужскую. 11 февраля у дороги Шенджий — Пензенская мы вновь наткнулись на красных. Двигаясь вперед, авангард ввязался в бой. У большевиков оказалась артиллерия, и мало-помалу весь отряд влился в боевые цепи. Полковник Туненберг, руководивший боем, двинул в огонь

последние резервы, но атаки красных теснили наши уставшие и слабые числом части. В решающий момент полковник С. Улагай по личной инициативе атаковал на нашем левом фланге красных, выйдя им на фланг. Одновременно на правом фланге атаковал врага и полковник Косинов со своей конницей. В обозе полковник Филимонов поднял «сполох». Все способные носить оружие двинулись цепями к боевой линии, производя впечатление густых резервов. Старики братья генералы Карцовы¹⁰⁴ шли в этих цепях. Шел председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, шел Быч и члены Рады, впервые взявшие оружие в руки. Атака полковника Улагая решила участь боя. Большевики дрогнули и покатались назад. В это время прискакали черкесы из Шенджия, сообщившие, что генерал Корнилов подходит к аулу. Известие быстро распространилось по отряду. Поднялся дух измученных бойцов, укрепилась решимость, светлее стали горизонты.

12-го отряд занял станицу Калужскую и стал на отдых.

14-го произведенный в генералы Покровский вместе с начальником полевого штаба Кубанских войск полковником Науменко¹⁰⁵ выехали для свидания с генералом Корниловым в аул Шенджий. Конвой, состоящий из сотни черкесов, сопровождал Покровского.

Получив от генерала Покровского объяснения, генерал Алексеев изложил основные пункты соглашения между кубанцами и Добровольческой армией: 1) Упразднение правительства и Рады, 2) Подчинение атамана командующему Добровольческой армией, 3) Немедленное вступление кубанцев в состав Добровольческой армии.

Покровский не мог дать без извещения атамана и правительства ответ на эти вопросы. Генерал Корнилов поздоровался с конвоем, черкесы прокричали ему «Ура!», и Покровский вернулся в Калужскую.

Дальше последовали бои за станицу Ново-Димитровскую — Ледяной поход.

7 марта в этой станице, в момент боя, состоялось совещание, на котором присутствовали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, Покровский, Гулыга, полковники Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей (предста-

витель горцев). На этом совещании было подписано следующее соглашение:

1) Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставляется право реорганизовать отряды, как это будет признано необходимым.

2) Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно способствуя мероприятиям командующего армией.

3) Командующим войсками Кубанского края с начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

Так произошло соединение, о котором мечтали все поднявшие знамя борьбы на Кубани. И, став плечом к плечу с добровольцами, кубанцы двинулись «за родиной» в степи Кубани. Пусть наша Белая Идея временно не одержала победы, пусть мы покинули родные края, но мы верим, что жертвы, принесенные красному Молоху, — не напрасны. Придут иные времена: вернуться изгнанники в свое отечество, бережно перенесут на родную Землю прах Основателя Добровольческой Армии генерала М.В. Алексева, отдавшего свои силы и жизнь за прекрасную мечту о Великой России. Могилы бойцов, начиная от высокого берега реки Кубани, на котором стоял крест на месте пролитой крови великого русского патриота генерала А.Г. Корнилова, и кончая могилами неизвестных героев, павших в походе, дождутся лучших времен. Их скромные кресты украсит благодарная рука опомнившихся сынов пока еще порабощенной отчизны, а капли пролитой крови дадут богатые всходы и принесут прекрасную жатву, имя которой любовь к Родине, патриотизм и самопожертвование.

Все даты и численный состав частей в настоящем очерке взяты из документов, находившихся у бывшего Кубанского войскового атамана генерал-лейтенанта А.П. Филимонова. Все даты по старому стилю.

К. Николаев

1-Й КУБАНСКИЙ ПОХОД¹⁰⁶

После заключения Брест-Литовского мира Россия вышла из состава воюющих держав и целиком отдалась на волю своих новых властителей, готовясь переустраивать сущность своего бытия.

Однако происходящие перестроения далеко не удовлетворяли все слои населения. Армия, только что представлявшая собой стройное целое, привыкшая к беспрекословному повиновению своим начальникам, оказалась в особенно тяжелом положении. Кадровое офицерство, сохранившееся в частях в очень малом проценте, не могло легко воспринять ту политическую линию, которую с первых же шагов начали проводить большевики. Положение офицеров стало особенно тяжелым. Воспринятое с первых шагов службы сознание чувства долга перед Родиной, укорененное в течение долгих лет, обратившееся в привычку точно и беспрекословно исполнять приказы начальников, заставляли офицера задумываться над вопросом неисполнения даже и противозаконного приказа, идущего сверху от новых властителей Родины, хотя бы эти приказы и разрушали впитанное с ранних лет чувство национальной гордости русского офицера. Как ни странно, но эта привычка к беспрекословному повиновению сыграла во многих случаях роковую роль в жизни офицеров. Офицер — как былинный витязь на распутье, оказался стоящим у камня, от которого уходили вдаль три дороги... А на камне было написано: «Направо поедешь — воина сбережешь, гражданина погубишь. Налево поедешь — гражданина сбережешь, воина погубишь. А прямо поедешь — и воина и гражданина погубишь».

Перед каждым из нас встал тяжелый вопрос: повиноваться ли велениям, идущим сверху, и, умыв руки, точно выполнять все приказы, возложив ответственность за судьбы Родины на отдающих эти приказы, — или же, стряхнув с себя наваждение, сказать открыто: «Вы губите Россию!» — а самим уйти... куда? В неизвестное будущее, против многомиллионной России?.. Да и верен ли тот путь, который, помимо открытого

неповиновения, не дает гарантии, что решение, мною принятое, является действительно верным решением? Может быть, для спасения России более правилен путь повиновения большевикам, а мое офицерское достоинство и все прошлое — есть лишь соринка, которую каждый из нас должен принести в жертву во имя блага России?

Вот почему многие из доблестнейших офицеров, проявившие в боях полное самопожертвование, но не смогшие разобраться в политическом моменте того страшного времени, остались инертны и не восстали против происходившего вокруг предательства.

Временное правительство, не будучи в силах противостоять постепенному развалу армии, преступно позволило с первых же шагов революции надругаться над основой армии — русскими офицерами.

Напрасно генерал Деникин, обращаясь к Временному правительству, говорил на закрытии офицерского съезда в Могилеве 22 мая 1917 года: «Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: берегите офицера! Ибо от века и донныне он стоит верно и бесменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть!» Он говорил: «Они плюнули нам в душу, совершив каиново дело над офицерским корпусом!» Когда в начале Кубанского похода кто-то спросил генерала Маркова, что символизирует собой черно-белая форма офицерского полка, он ответил: «Траур по русскому офицеру, который искони и довеку был и будет часовым Русской земли. Они гибнут и будут гибнуть, пока их не сменит разводящий».

Ставка ясно видела постепенный развал армий, и лица, стоявшие во главе ее, предупреждали правительство о грядущей катастрофе. На совещании главнокомандующих и членов правительства в Ставке генерал Деникин 16 июня закончил свою речь словами: «Но есть Родина! Есть море пролитой крови! Есть слава былых побед! Но вы, вы втоптали наши знамена в грязь! Теперь настало время: поднимите их и преклонитесь перед ними... если в вас есть совесть!..» То же писал в телеграмме Временному правительству 11 июня и Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов: «Меры правительственной кротости расшатали дисциплину...»

Восстание генерала Корнилова 26—28 августа окончилось быховским заточением. Здесь, ожидая шемякина суда Временного правительства, быховские узники впервые задумались над тем, чтобы найти кусок Русской земли, откуда можно было бы начать оздоровление русского народа. Будучи сам казаком, прекрасно зная уклад казачьей жизни, генерал Корнилов, естественно, обратил свои помыслы на казачьи земли. Путем передачи писем через офицеров-курьеров он списался с генералами Алексеевым и Калединым. Таким образом, было назначено то направление, в котором нужно было посылать всех, кто хотел и мог встать на защиту поправной Родины.

25 октября совершился большевистский переворот. Я не стану останавливаться на дальнейших событиях. Они известны всем. Смерть Духонина, бегство Корнилова и других быховцев. Началось полное владычество большевиков.

Города, особенно крупные, были насыщены офицерами. В это время в Москве их было до 50 000, в Киеве 40 000, в Херсоне и Ростове по 15 000, в Симферополе, Екатеринодаре, Минске по 10 000 и т. д. В поход же из Ростова и Екатеринодара вышли по 3000 человек, то есть 0,6 процента от 500 000 офицеров¹⁰⁷...

Что же происходило в это время на Кубани? Положение в крае было такое же, как и на Дону. Отношение казаков к большевикам — аналогичное. Фронтовые части, посылаемые с Кавказского театра войны командующим фронтом генералом Пржевальским, были распропагандированы. Тихорецкую занимала большевистская 39-я пехотная дивизия, станицу Гулькевичи — комиссар Никитенко. Из Новороссийска надвигался отряд «военного министра» юнкера Яковлева. Кроме того, на Кубани положение осложнялось еще настроением иногородних, легко принимавших большевизм, который нес им уравнение в правах с коренным населением края — казаками.

25 октября войсковым атаманом был избран полковник А.П. Филимонов. Во главе правительства стоял бывший бакинский городской голова, социалист-революционер Л.Л. Быч. Краевая Рада возглавлялась Рябоволом. Дважды приезжал с Дона на Кубань генерал Алексеев, но и в его речах не было бодрости.

Командующим Кубанской армией был назначен генерал Черный. Одновременно полковник Улагай 29 ноября начал формировать первый отряд. 9 января генерал Черный ушел, его на неделю сменил генерал Букретов, а затем генерал Гулыга. Формирование отряда полковника Улагая не шло. 6 декабря был сформирован отряд войскового старшины Галаева, а 2 января — капитана В.Л. Покровского. Оба отряда имели по 350 человек при 2 орудиях и 4 пулеметах. Были разоружены запасные «большевизанствовавшие» части в Екатеринодаре, а затем Покровский сделал удачный налет на станицу Тимашевскую.

К этому времени связь с Доном прервалась. Тихорецкая оказалась окончательно в руках 39-й дивизии, высланный с Дона на Кубань отряд капитана Беньковского на ст. Тимашевской был предательски разоружен большевиками, при содействии полковника Феськова, не сдержавшего данного отряда слова. Офицеры отряда были отвезены в Новороссийскую тюрьму.

20 января в Екатеринодаре были созваны все офицеры. Грустно прозвучала речь полковника Деменика, бывшего командира 154-го пехотного Дербентского полка, предложившего сложить оружие, но совершенно иначе рисовал себе обстановку генерал-квартирмейстер Полевого штаба генерального штаба полковник Н.Н. Лесевицкий, призвавший поднять оружие против врага. Тут же был сформирован его отряд в 800 человек, 2 орудия и 4 пулемета. Этот блестящий офицер, Георгиевский кавалер, доблестно дрался до конца февраля. Болезнь заставила его оставить фронт и, при выходе армии в поход, остаться в аулах, где он был обнаружен и расстрелян большевиками.

22 января красные силами до 4000 человек двинулись из Новороссийска на Екатеринодар. Под станцией Энем их встретили отряды войскового старшины Галаева и капитана Покровского. Галаев защищал узкую дамбу через болотистые подступы к городу, а Покровский ударил красных в тыл. Большевики были разгромлены. Комиссары Яковлев и Сарадзе — убиты. Мы потеряли убитыми всего трех человек, но эти потери были весьма чувствительны: пали войсковой старшина

Галаев и женщина-прапорщик Татьяна Бархаш, которая в критический момент вскочила на мост и пулеметом в упор смела врага. В командование вступил капитан Покровский, который ночным налетом 24 января взял станцию Георгие-Афипскую, атаковав вокзал при свете станционных фонарей. Он был произведен в полковники и скоро назначен командующим всеми кубанскими отрядами.

Суживающееся кольцо большевиков заставило отряды медленно отходить к городу. Положение становилось все отчаяннее. Новый командующий армией полковник Покровский, приехав с фронта, созвал в реальном училище всех офицеров гарнизона. Обрисовав тяжесть положения на фронте, где офицеры, будучи ранены, стрелялись, чтобы не попасть в плен, он приказал всем собравшимся составить сотни и двинуться на фронт. Дошло до фронта фактически меньше половины.

27 февраля разыгрался последний бой у полустанка Лорис перед самым городом. Будучи обойдены бригадой красных слева, мы отошли к городу. 28 февраля Кубанское правительство, совместно со всеми отрядами, покинуло город, и 1 марта все сосредоточились в ауле Шенжий. Здесь части были слиты в 1-й Кубанский стрелковый полк под командой подполковника Туненберга (силой в 1200 штыков). Кроме того, были образованы еще: Пластунский отряд полковника Улагая (50 пеших, 50 конных), Черкесский конный полк (600 сабель), батареи есаулов Крамарова¹⁰⁸ и Корсуна и Кубанская дружина охраны Государственного банка.

Было решено двигаться в Батаалпашинский отдел, где и ожидать лучших дней. Отряд, дойдя до станции Пензенской, узнал о движении генерала Корнилова на Екатеринодар и, повернув, решил атаковать город из-за Кубани с востока. Однако авангард дальше аула Дворянского на правом берегу Кубани не продвинулся. 9 марта полковник Кузнецов, будучи внезапно атакован большевикам, ушел в горы. Кроме того, мы наткнулись на трупы офицеров, посланных для отыскания генерала Корнилова. Этих офицеров по ошибке зарубили черкесы, приняв их за большевиков.

Попытка отряда двинуться на восток потерпела неудачу, так как дальше реки Псекупс большевики отряд не пустили. Ос-

тавалось уходить в горы. Ночью отряд двинулся между аулами в направлении станицы Калужской. Настроение всех чинов отряда было очень подавленное.

11 марта у станицы Калужской отряд наткнулся на густые цепи красных казаков с артиллерией. Постепенно в бой влился весь Кубанский отряд. Большевики стали его сильно теснить. В самый тяжкий момент боя на левом фланге полковник Улагай удачно атаковал красных, двинулся и правый фланг. В это же время сзади по холмам начали спускаться цепи обоза, который поднял атаман полковник Филимонов. Это были уже последние резервы. Но в этот момент к отряду прибыл разезда черкесов, оповестивший о подходе частей генерала Корнилова. Эта весть окрылила бойцов, и дружным ударом враг был сбит, и станица занята. Утром выпал глубокий снег. Дул сильный ветер, и было видно сквозь мглу метели, как в Калужскую с севера тянулся обоз с ранеными отряда генерала Корнилова. На улице станицы стояли занесенные снегом, увязшие в грязи кубанские пушки. Но на душе было бодро, ибо во главе всех стал генерал Корнилов.

Ю. Сербин¹⁰⁹

ГЕНЕРАЛ В.А. ПОКРОВСКИЙ¹¹⁰

Прошло 45 лет с того момента, когда на Кубани образовался узел сопротивления против богоборческой власти, против большевизма, захлестнувшего не только центр России, но пробравшегося уже и на юг (Дон, Кубань).

К концу 1917 года обстановка на Кубани в кратких чертах была такова.

На территории Кубанского войска царили мир и тишина. Революционный угар не потряс еще жизни станиц войска, самобытности, и уклад патриархальности в семейных очагах, являвшийся фундаментом войсковой казачьей жизни, не был еще поколеблен, за исключением нескольких населенных пунктов, где проживал иногородний элемент, энергично подтачиваемый красной пропагандой.

Столица Кубани город Екатеринодар и поселки в районе железнодорожных станций Кавказской (хутор Романовский) и Тихорецкой в большинстве своем не только приветствовали завоевания «великой и бескровной, но и относились с большой симпатией к приходу и власти большевиков».

Вокзальные строения Кавказской и Тихорецкой, блиставшие ранее, в царское время, своей художественной внутренней отделкой, были превращены «товарищами» — как проезжавшими, так и местными — в отвратительные грязные сараи со всеми отпечатками торжествующего хама.

Например, на станции Кавказской в зале 1-го класса помещался лагерь дезертиров в походных палатках. Они не несли никакой работы, днем спали, а ночью отправлялись на кладбище играть в карты.

Кубанские войсковые части, возвращавшиеся со всех фронтов домой, мирно расходились по родным станицам. Административная власть в крае возглавлялась выборным войсковым атаманом полковником Александром Петровичем Филимоновым (военным юристом по образованию). Казачество, уставшее от войны, спокойно проживало в своих станицах, прекрасно питаясь продуктами, в изобилии насыщавшими населенные пункты. Большевицкая пропаганда коснулась активно лишь небольшого процента казачьего сословия в провинции.

Все же постепенно большевизм стал проникать как в казачью массу, так и, в особенности, в иногороднюю. Увещевания и советы войскового атамана о необходимости бороться с большевизмом, не верить их лживым лозунгам и обещаниям — не трогали казаков. Большевики обратили внимание на железнодорожные узлы, имевшие в Кубанском крае большое политически-стратегическое значение: Кавказскую и Тихорецкую, превратив их в свои революционные очаги. Население административного и политического центра Кубани — ее столицы Екатеринодара — было пропитано красной пропагандой, и этот центр — особенно его рабочий элемент — с каждым днем становился все более и более активным союзником торжествующего хама.

К сожалению, кубанский парламент — Рада, про которую говорили, что «Рада сама не рада, что она Рада», — состоял в

Д.А. Марченко

А.Г. Макриди

М.Н. Мельников

Н.Н. Туроверов

С.Н. Гернберг

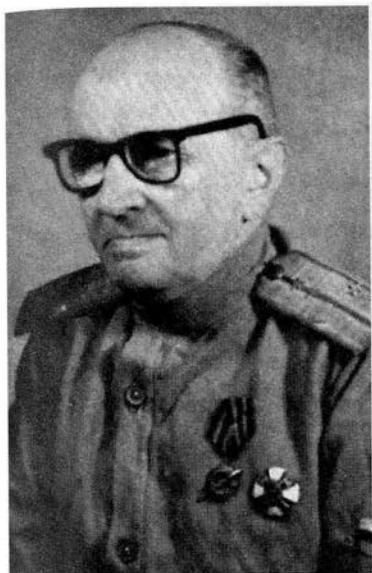
М.Н. Левитов

В.Г. Науменко

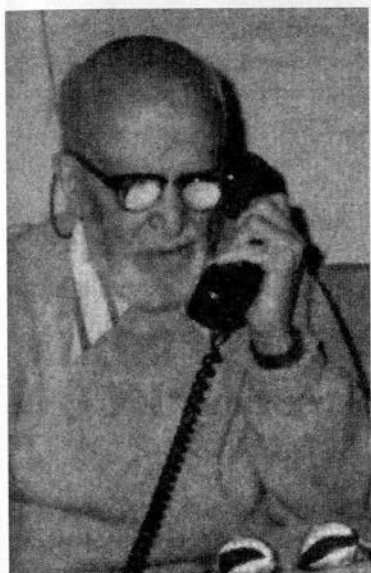
В.И. Третьяков

С.Н. Гернберг

А.В. Туркул

Р.Б. Гуль

В.А. Ларионов

М.Г. Дроздовский

В. М. Третьяков

1917 г.

Генерал от инфантерии
М.В. Алексеев

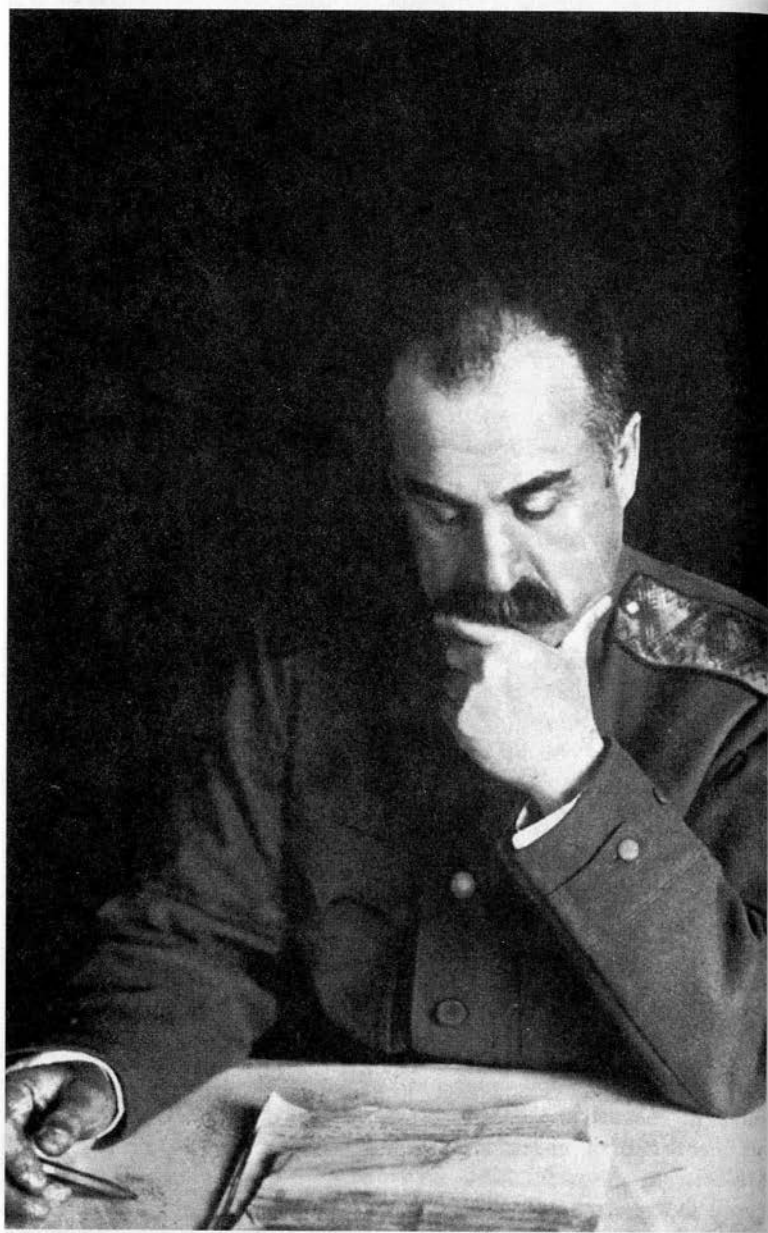
Генерал-лейтенант С.Л. Марков

Генерал-лейтенант А.И. Деникин

Генерал от кавалерии
А.М. Каледин

Генерал от кавалерии А.М. Каледин

Генерал от инфантерии
М.В. Алексеев

Полковник А.П. Кутев

Полковник В.М. Чернецов

Подполковник В.Г. Науменко

Генерал от инфантерии
Л.Г. Корнилов

Полковник А.П. Кутев

Генерал-майор А.П. Филимонов

Полковник М.А. Жебрак-Русанович

Генерал-лейтенант
А.П. Богаевский

Генерал-майор П.Х. Попов

Генерал-майор В.Л. Покровский

Полковник В.А. Руммель

Генерал-майор В.Л. Покровский

генерал-майор В.Л. Покровский

Генерал от кавалерии И.Г. Эрдели

Полковник С.Г. Улагай

Генерал-майор Н.М. Успенский

Генерал-майор
Султан Келеч Гирей

Султан Шахим Гирей

Полковник В.М. Чернецов

Войсковой старшина Н.Г. Бабиев

Офицеры Кубанской армии в Екатеринодаре (1918).
Слева — братья С.П. и В.П. Мяч

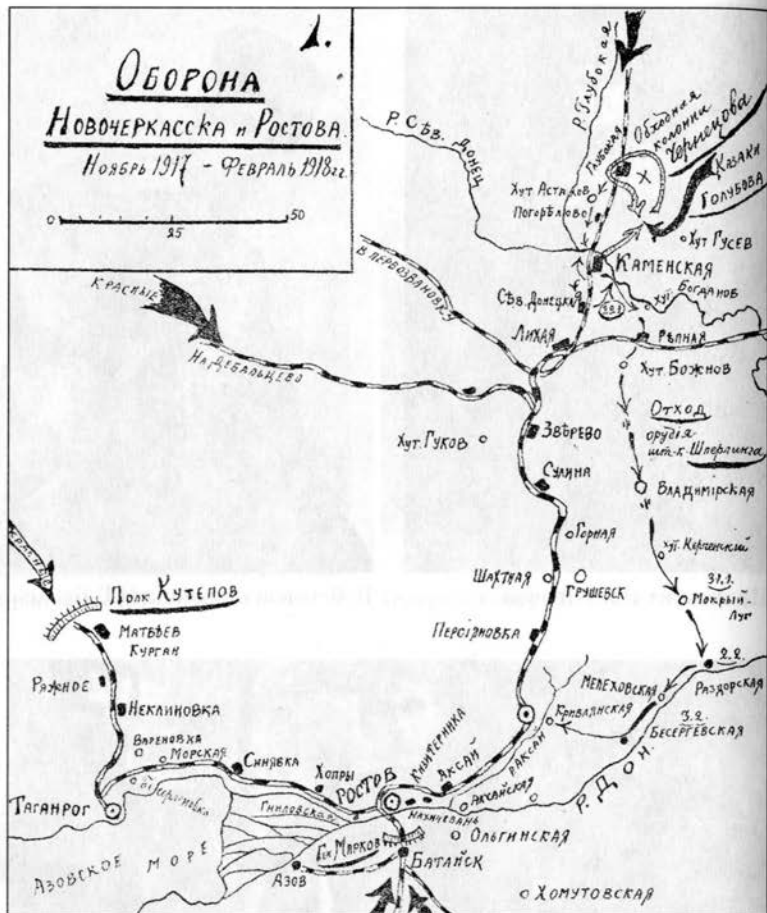

ОБОРОНА НОВОЧЕРКАССКА И РОСТОВА

Ноябрь 1917 - Февраль 1918 г.

0 25 50

Карта боев в Донской области в конце 1917 — начале 1918 г.

большинстве своем из членов говорунов и «орателей», выдвинувшихся вовсе не своими способностями и деловитостью, а представляющими из себя людей, плывших по волнам революции и мало помогавших населению в борьбе с большевизмом и не уяснявших себе (вольно или невольно), в какую пропасть и анархию может быть в короткий срок ввергнут богатейший Кубанский край.

К концу 1917 года население Екатеринодара распоясалось совершенно. Завод «Кубаноль» и окраины Екатеринодара Покровка и Дубинка стали открытыми очагами воинствующего большевизма. Необходимо было принять твердые и решительные и вместе с тем незамедлительные меры к оздоровлению как самой столицы, так и железнодорожных узлов Тихорецкой и Кавказской.

Но надежных войсковых частей как в Екатеринодаре, так и в Кавказской — Тихорецкой при наступившей пассивности казачества не было. В Екатеринодаре крепкими войсковыми единицами были лишь сотня Гвардейского дивизиона (бывший конвой Его Величества) и сотня Черкесского конного полка. В то время в столице Кубани были совершенно развалившиеся «солдатские» части большевизанствующего типа: запасный артиллерийский дивизион и ополченческая дружина.

Власть войскового атамана Филимонова подтачивалась с каждым днем все больше и больше — как усиливающейся большевистской пропагандой, так и агитаторами, приезжавшими из Новороссийска, превратившегося в краснознаменную твердыню, находившуюся в руках юнкера Владимирского военного училища Яковлева. Примерно в то же время в Екатеринодар прибыли остатки значительно ослабленного киевскими событиями Киевского Константиновского военного училища¹¹¹ и группы двух Киевских школ прапорщиков.

Из Финляндии вернулась на Кубань 5-я Кавказская казачья дивизия. Войсковое начальство рассчитывало возложить на ее части задачу по освоению станций Тихорецкой и Кавказской и очистке их от произвола «товарищей».

Но части дивизии отнеслись к этой задаче неохотно и приказаний о занятии указанных железнодорожных узлов не ис-

полнили, несмотря на настойчивые просьбы начальника Полевого штаба подполковника Вячеслава Григорьевича Науменко. Во главе вооруженных сил Кубанского края атаманом и правительством Кубани был поставлен Генерального штаба генерал-майор Черный, бывший командир 1-го Линейного полка Кубанского Казачьего войска в Первую мировую войну, в конце ее — начальник 5-й Кавказской казачьей дивизии. Сформирован был и Полевой штаб для войск Кубани, а войск-то не было. Полевой штаб помещался в гостинице «Лондон» на Красной улице.

В ноябре месяце командующий Кавказской армией генерал Пржевальский сообщил, что он отправляет на отдых на Кубань 39-ю пехотную дивизию. В царское время дивизия эта показала себя исключительно доблестно во всех боях на Турецком фронте и ознаменовала свою храбрость при взятии крепости Эрзерум. К сожалению, после революции она разложилась с самым большевизанствующим оттенком. В период 1-го Кубанского похода 39-я дивизия доставила добровольцам массу неприятностей своим активным выступлением на стороне большевиков.

Находившихся в Екатеринодаре уже не у дел командиров корпусов и начальников дивизий прежней царской армии охватил волевой паралич. Несмотря, казалось бы, на свой авторитет и опыт, они никакой помощи атаману не оказали, а лишь ежедневно осаждали его дворец и надоедали атаману своими бесцельными вопросами, запросами и никчемными советами.

В декабре месяце обнаглевшие местные екатеринодарские большевики стали говорить о необходимости организовать «Еремеевскую» (Варфоломеевскую) ночь с целью ликвидации как головки — войскового атамана и Полевого штаба, так и вообще всех находящихся в этом городе офицеров и их семей. (Кое-кто из товарищей, наверное, слышал про прогремевшую в средние века Варфоломеевскую ночь. Видимо, правильное произношение этого названия было недоступно «товарищам», и они переделали его на «Еремеевскую» — это проще и понятнее.)

Надвигались грозные моменты, необходимо было действовать быстро и решительно, чтобы парализовать большевист-

кий активизм. Первое, что надо было предпринять, — это разоружить большевистски настроенный гарнизон.

Единственным спасением являлось экстренное формирование добровольческих частей. Кубанское правительство после некоторых колебаний на это согласилось. Было организовано два отряда: первый — войскового старшины Галаева и второй — военного летчика, Георгиевского кавалера капитана Покровского. Первый насчитывал 120—150 бойцов, второй значительно больше — 300—350. Вскоре сформировался и третий отряд — Генерального штаба полковника Лесевицкого, впитавший в себя юнкеров Киевского военного училища и школ прапорщиков, с боевым составом в несколько сот человек. Появились мелкие отряды в районе Черноморской железной дороги и в Закубанье.

Надо отдать справедливость, что в Екатеринодаре боевое настроение поддерживалось у антибольшевиков в гораздо большей степени, чем в других крупных городах центра и юга России. Того позорного подавленного настроения у большинства офицеров, которое имело место в таких крупных центрах, как Киев, Одесса, Екатеринослав, Ростов-на-Дону и т. д., в Екатеринодаре не наблюдалось.

Действительно, картина распада русского офицерства была ужасающей. Из 400 000 русских офицеров царской армии для активной борьбы с большевиками набралось совсем мизерное число — 3000; в то же время это офицерство дало Красной армии более 20 000. В создании последней много помог, помимо рядового офицерства, наш Генеральный штаб, «блеск военной мысли», 20 процентов которого верно и нелицемерно отдали свои знания и опыт Троцкому и компании.

Нельзя, конечно, в происшедшей трагедии обвинять только одно русское офицерство. Обратим внимание на то, что дал русский народ — народ, который теперь искалечен и закабален. Он в своей массе совершенно не разбирался в структуре большевизма и не отдавал себе отчета, что коммунизм несет стране. Не только крестьяне, которых можно было простить за их «темноту», но и интеллигенция в большинстве своем разбиралась в обстановке не лучше, чем простой мужик. И вот многомиллионный русский народ (включая и интеллигенцию),

от имени которого говорили наши социалисты, эти творцы русской печали, дал всего один процент людей, которые бы с оружием пошли на фронт против большевиков.

Когда отряды были сформированы, можно было приступить к чистке города. Прежде всего были разоружены как запасный артиллерийский дивизион, так и ополченческая дружина. Затем надо было приступить к ликвидации большевистской гонимки, подготавливавшей «Еремеевскую ночь».

Покровский, взяв с собой десятка полтора юнкеров, ночью подкатил на грузовике к конспиративному красному штабу на Ростовской улице, 140, застал как раз в сборе весь Екатеринодарский революционный комитет и арестовал его. Благодаря аресту главарей революционного комитета «Еремеевская ночь» у «товарищей» не прошла. Жизни многих офицеров и их семейств были спасены.

Железнодорожные узлы Кавказская и Тихорецкая, благодаря отказу частей 5-й Кавказской казачьей дивизии своевременно их занять, оказались окончательно освоенными большевиками, создавшими там отряды красной гвардии. Красный Новороссийск с каждым днем все увеличивал и увеличивал свои вооруженные силы. Пополнения сухопутными большевиками и Черноморскими матросами усиленным темпом непрерывно вливались в этот гарнизон. Постепенно красноармейские отряды из этого гарнизона стали насыщать железнодорожную линию Новороссийск—Крымская—Екатеринодар, и станции ее захватывались этими отрядами довольно быстро. В середине января 1918 года они приблизились вплотную к столице Кубани.

Красное командование отправило в Екатеринодар делегацию с целью передать местным властям ультиматум с требованием сдать город большевикам «на милость победителя». Вблизи самого города Екатеринодара, в полосе железнодорожного пути судьба столкнула эту делегацию с Покровским и его частями. Предложение было отвергнуто. Жребий был брошен. После этого события стало ясно, что военные действия с большевиками начнутся в самое ближайшее время.

Действительно, через несколько дней после ликвидации красных делегатов эшелоны воинствующих «товарищей» при-

близились к полустанку Энем, вблизи самого города. Им преградил путь 1-й отряд войскового старшины Галаева. Произошел встречный бой. Галаев оказал упорное сопротивление. Пока 1-й отряд сдерживал красных с фронта, капитан Покровский со своим отрядом зашел в тыл большевикам, наступавшим на Энем. В результате этого боя красные были разбиты и бежали к ближайшей железнодорожной станции Георгие-Афипской. 1-й отряд потерял убитым своего доблестного командира В.С. Галаева, первого инициатора создания отрядов, двух офицеров убитыми и несколько человек ранеными. В числе убитых была храбрая Татьяна Бархаш, выкатившая свой пулемет на железнодорожное полотно и косившая своим огнем наступавших красных. Незадолго до этого боя она в чине прапорщика прибыла на Кубань после окончания Александровского военного училища.

В общее командование этими двумя отрядами вступил капитан Покровский, который не успокоился отражением большевиков под Энемом, а бросился их преследовать — захватил мост у станции Георгие-Афипской и самую станицу. Красным было нанесено полное поражение, и здесь были захвачены более 20 орудий, много пулеметов, военное снаряжение и пленные. Остатки красных в панике отбыли по железной дороге в Новороссийск. Железная дорога Екатеринодар—Новороссийск на некоторое время, до конца февраля, была от красных свободна.

В то время как на Новороссийском направлении после разгрома большевиков Галаевым и Покровским настало временное спокойствие, Красная гвардия, оккупировавшая Кавказскую и Тихорецкую, начала шевелиться и продвигаться постепенно в сторону Екатеринодара. Полевой штаб сейчас же перебросил из Екатеринодара части отрядов Галаева и Покровского на Тихорецкое направление, а на Кавказское был послан отряд Лесевицкого. На Черноморской железной дороге для обеспечения от большевиков, создавших свой отряд в узловой станции Тимашевской, был также сформирован скромный отряд кубанских казаков.

В общем, на указанных направлениях красные стали постепенно продвигаться к Екатеринодару, завязались бои. Наиболее упорными они были у станицы Кореновской и у по-

селка Выселки и в районе станиц Ладожской и Усть-Лабинской (Кавказское направление); вскоре всколыхнулся Новороссийский фронт, бывший пассивным несколько недель. К концу февраля 1918 года большевикам удалось окружить столицу Кубани Екатеринодар со всех сторон.

Сила солому ломит. Отряды, неся большие потери, были оттянуты к самому городу. На военном совещании, происходившем в атаманском дворце, если мне память не изменяет, 26 февраля ночью, было принято решение оставить этот город, но отнюдь не расплыться, а перейти в более спокойный район для отдыха, а потом для продолжения борьбы.

На совещании этом участники его предлагали разные варианты отхода. В конце концов после дебатов остановились на отходе в район Майкопа, богатый доступными для расположения горами и удаленный от каких-либо крупных центров. От Корнилова с самого начала борьбы на Кубани никаких точных сведений о происходившем на Дону не поступало; поддерживать с ним связь по тогдашней обстановке было почти невозможно.

28 февраля к вечеру все отряды и отдельные группы, оставив арьергардные заслоны, стянулись к железнодорожному мосту через Кубань на окраине Екатеринодара и постепенно в полном порядке стали покидать город, переходя через Кубань по этому мосту.

Последний белыми не был взорван, так как они надеялись, что счастье повернет к ним и в скором времени они вернуться, но уже победителями. Местные екатеринодарские большевики безмолвствовали и не произвели в спину уходящим добровольцам ни одного выстрела. За это надо было поблагодарить Покровского, который своевременно уничтожил в городе большевистскую головку, почему и «Еремеевская ночь» красным не удалась, и они после этого эпизода потеряли свое верховное командование.

По оставлении Екатеринодара все войсковые соединения (отряды) и отдельные группы были подчинены Покровскому, возглавившему их на основании врученной ему Кубанским атаманом и правительством власти. Решение это было принято на совещании в атаманском дворце, о котором я

уже упоминал. Эта должность предназначалась для генерального штаба полковника Лесевицкого, но последний от нее категорически отказался в пользу Покровского.

По оставлении Екатеринодара дальнейшее движение было произведено через черкесские аулы Тахтамукай и Шенджий. В последнем все части были сведены: в пехотный полк (Кубанский стрелковый) Черкесский конный и Кубанский казачий полк (конница), инженерную роту и две-три батареи, правда весьма скромного состава в смысле действительного наличия пушек.

Большевики не преследовали покинувшие Екатеринодар белые части. Два-три дня прошло у них в празднествах, и отряд Покровского, насчитывавший вместе с обозом немного больше 3 тысяч, отдыхал после пережитых потрясений.

Оставив черкесские аулы, отряд перешел в станицы Пензенскую и Калужскую. В этих станицах были получены первые, правда, неясные сведения о нахождении Корнилова за Кубанью, якобы в районе расположенных вблизи Екатеринодара кубанских станиц. Покровский решил идти на выстрелы (изредка был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы) для соединения с Корниловым.

Он двинул отряд к аулу Дворянскому, лежавшему недалеко от станицы Пашковской, выше по течению Кубани, где можно было переправиться через эту реку. На другой берег Кубани был переброшен батальон Кубанского стрелкового полка под командой командира батальона полковника В.В. Крыжановского.

Дальнейшая переброска частей полка была остановлена потому, что артиллерийская стрельба не давала больше о себе никаких признаков. Настала зловещая тишина. Видимо, Корнилов куда-то свернул, но куда?

Большевики немного отрезвели после своих екатеринодарских праздников и начали нажимать на хвост отряда. В ауле Шенджий они натолкнулись на арьергард отряда, двигавшийся к аулу Дворянскому для форсирования Кубани. В происшедшем там бою отряд потерял сотню-другую кубанцев, окруженных красными, но успевших все же прорвать их фронт и уйти в горы.

Покровский решил оторваться от наступавших красных; попытка переправы через Кубань окончилась неудачно. Воспользовавшись малоизвестными лесисто-болотистыми путями, он двинул отряд форсированным маршем в район станиц Пензенской и Калужской, откуда он предполагал продолжать движение по намеченному ранее плану.

Уничтожив часть артиллерии, отряд начал движение; ночь прошла спокойно, но на рассвете в районе станицы Пензенской отряд столкнулся с преградившими ему путь большевиками. Начался бой, бой большого напряжения. В центре стойко и доблестно держались юнкера Киевского военного училища. Красные начали охватывать фланги, но полковник Улагай со своими пластунами и полковник Косинов¹¹² с конными кубанцами пытались ликвидировать обходное движение красных.

В помощь дерущимся на боевых участках были привлечены все, бывшие на повозках обоза, а также члены правительства и Рады. Это была поистине величественная картина, когда все старики и сам войсковой атаман полковник Филимонов с винтовками рассыпались в цепь, чтобы поддержать фронтовиков и продолжить борьбу. Все же положение отряда было катастрофическое. Чувствовалось, что вот-вот сдаст моральная упругость у чинов отряда и у бойцов появится тлетворное чувство отказа от борьбы.

В этот критический момент со стороны черкесских аулов показали два всадника, которые полным наметом приблизились к командующему центральным боевым участком полковнику Киевского военного училища Туненбергу и что-то кричали. Оказалось, что эти два всадника были черкесы. Они на ломаном русском языке старались объяснить, что в их аулах, в двух переходах, находится Корнилов.

Полковник Туненберг сразу не поверил их словам, считая, что имеет дело с провокаторами, и даже хотел их повесить. Окружающие Туненберга убедили его не делать этого и стали подробно расспрашивать черкесов о Корнилове. О привезенном известии узнали два юнкера, прибежавшие с позиции с докладом к Туненбергу, которые после свидания с ним вернулись в свою часть. Эта радостная весть, как электрический ток, распространилась по всему фронту отряда. Раздалось «Ура!» —

сначала в центре, потом распространилось на фланги, и все инстинктивно двинулись вперед. Этот бросок сбил красных, они были ошеломлены и в панике бежали в сторону Екатеринодара.

Вскоре, к вечеру, от Корнилова прибыл и разъезд, а затем, на другой день, в станицу Калужскую втянулся и его обоз с ранеными. Это было в десятых числах марта 1918 года.

Через два дня корниловские части после тяжелого уличного боя овладели станицей Ново-Дмитриевской, расположенной по соседству с Калужской, в районе которой находился Кубанский отряд.

Покровский, взяв с собой конвой, отправился представиться генералу Корнилову, который встретил его не особенно приветливо — а ведь он дал генералу Корнилову больше бойцов, чем у Корнилова в этот момент оставалось в строю. Кубанский отряд влился к Корнилову, а Покровский остался не у дел.

При свидании с Корниловым выяснилось следующее. Учитывая безвыходное положение добровольцев на Дону, он вывел их, имея намерение перейти в Кубанскую область и соединиться в Екатеринодаре с кубанцами. Следуя все время с боями, Корнилов на пути встретил у станицы Кореновской сильный отряд красных всех родов оружия. После упорного, тяжелого боя станица Кореновская была Корниловым взята, но здесь он узнал, что Екатеринодар белыми оставлен и что белые ушли в черкесские аулы.

Тогда Корнилов свернул с Екатеринодарского направления на Усть-Лабинскую, где, переправившись через Кубань и выдержав серьезные бои под Усть-Лабинской и Филипповскими хуторами, вышел в полосу черкесских аулов, а затем встретился с частями Покровского.

Жаль, очень жаль, что большинство историков, описывавших и описывающих 1-й поход, как-то умалчивают о той роли, которую в тот период «Смутного времени» сыграл Покровский. Как-то стесняются отдать ему должное, а между тем такое признание исполнения им своего долга он вполне заслужил. Даже на панихидах забывают вспомнить о рабе Божиим Викторе. Некоторые лица, особенно в заметных чинах, просто игнорируют его память, как малозначащего «вундер-

кинда». Пусть бы побольше было таких «вундеркиндов»! Тогда русское офицерство, насчитывавшее около 400 000 офицеров, дало бы 1-му походу не 3000 офицеров, а больше. Прав был генерал Алексеев, который, провожая на место вечного упокоения погибшую в первых боях с красными молодежь, говорил: «Бедные орлята! А где же орлы?..»

В. Третьяков¹³

ПЕРВЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ НА КУБАНИ И КУБАНЦЫ В 1-М ПОХОДЕ¹⁴

После захвата в России в 1917 году власти большевиками, к концу года, борьба на фронтах совершенно прекратилась, и кубанские части, вместе с другими, стали возвращаться домой. Помимо усталости от трехлетней войны и долгой разлуки с семьями, сказалась и пропаганда большевиков, и казаки, по прибытии на Кубань, самовольно расходились по своим станицам.

На Кубань же со всех сторон надвигалась гроза. С севера большевистские отряды из Центральной России, а с юга совсем разложившиеся солдатские части Кавказской армии, возвращавшиеся через Кубанскую область к себе домой.

Кубанский войсковой атаман и краевое правительство, с ведома командования Кавказской армии, приступило к организации обороны края. Командующим войсками Кубанской области был назначен Генерального штаба генерал К.К. Черный, а начальником Полевого штаба генерального штаба полковник Б.Г. Науменко, оба коренные кубанские казаки.

В распоряжении командующего войсками в Екатеринодаре оказались лишь кубанские офицеры, возвратившиеся со своими частями с фронта, неказачьи офицеры, прибывшие одиночным порядком, Екатеринодарская школа прапорщиков всех казачьих войск и старики казаки немногих ближайших станиц.

В конце ноября был сформирован первый небольшой добровольческий отряд под командой лихого войскового старши-

ны Галаева, терского казака, служившего в линейном полку Кубанского казачьего войска, а батареей отряда командовал Георгиевский кавалер капитан Е. Полянский¹¹⁵. В декабре — второй добровольческий отряд под командой Георгиевского же кавалера военного летчика капитана Покровского.

В январе 1918 года был создан самый большой добровольческий отряд «Спасения Кубани», под командой Георгиевского кавалера Генерального штаба полковника Лесевицкого. Ядро этого отряда составили офицеры 5-й Кавказской казачьей дивизии, во главе с полковником Г.Я. Косиновым, только что прибывшие с фронта, а также в него вошли юнкера Николаевского кавалерийского и Киевского военного училищ и школ прапорщиков Екатеринодарской и Киевской Софийской, сотня кубанских реалистов, добровольцы и даже женщины. 5-й пехотный взвод отряда назывался «кадетским». Он состоял, главным образом, из кадет Владикавказского кадетского корпуса и одиночек-кадет из других корпусов, и командовал этим взводом терец войсковой старшина Кочетков, павший смертью храбрых 18 марта в бою под станицей Ново-Дмитриевской. Офицерской батареей отряда командовал всегда спокойный и доблестный есаул В.Я. Крамаров. Кроме этих трех главных отрядов, были еще небольшие отряды, вскоре прекратившие свое существование: есаула Бардижа (члена Государственной Думы), полковника Чекалова и др.

В конце января отряды Галаева и Покровского, усиленные двумя взводами только что начавшего формироваться отряда полковника Лесевицкого, совершенно разбили крупные силы красных, главковерх красных юнкер Яковлев был убит, но погибли и доблестный начальник отряда войсковой старшина Галаев и храбрый пулеметчик женщина-прапорщик Таня Бархаш.

Вскоре красные, стянув, кроме большевизированных частей 39-й пехотной дивизии, отряды: Армавирский, Майкопский, Воздвиженский, Темрюкский и другие, — под командой «главкома» Сорокина — офицера из фельдшеро́в — обрушились сначала на отряд Покровского, а затем крупными силами на отряд Лесевицкого.

Полтора месяца жестокой зимы в неравном бою кубанские добровольческие отряды бились днем и ночью с громадными силами красных. Многие офицеры, казаки и добровольцы проявили редкие примеры мужества и покрыли себя славой, а многие пали в боях на родной земле.

Постепенно кольцо противника сужалось и к концу февраля красные большими силами оттеснили кубанские отряды к самому Екатеринодару. Согласно приказу командующего войсками, в ночь с 28 февраля на 1 марта все кубанские добровольческие отряды переправились через Кубань и сосредоточились в ауле Шенджий.

В Шенджий прибыли также Кубанский войсковой атаман генерал Филимонов, краевое правительство, члены Рады, служащие войсковых учреждений и банковский обоз. Казаки-старики отдельных пеших сотен станиц Ново-Титаровской, Усть-Лабинской, Пашковской, Двинской, Старо-Корсунской и др. почти все разошлись по своим станицам. Здесь произошло переформирование Кубанской армии. Из пехоты отрядов были сформированы: Кубанский стрелковый полк под командой полковника Туненберга, ротного командира Киевского военного училища, Отдельный Кубанский пластунский батальон, под командой полковника Улагая, а при обозе охранная пешая сотня из стариков и служащих войсковых учреждений, под командой полковника Образа. Кавалерия была сведена в отряды: один — под командой Генерального штаба полковника Кузнецова, который вскоре во время выполнения боевого задания был отрезан от армии, под командой лихого кавалериста полковника Г.Я. Косинова. Черкесы были объединены в Черкесский конный полк, под командой генерала Султан-Келеч-Гирея. Артиллерия, оставшаяся от отрядов Лесевицкого, Галаева и Покровского, была сведена в Кубанскую конную батарею, под командой испытанного артиллериста есаула В.Я. Крамарова, а конная батарея — в отдельный конный взвод под командой есаула Корсуна и придана отряду полковника Кузнецова, с которым и погибла. Технические части были сведены в Кубанскую отдельную инженерную сотню под командой сначала капитана Бершова¹¹⁶, а затем военного инженера полковника Попова¹¹⁷. Санитар-

ные части сведены в Кубанский лазарет под начальством доктора Мащенко¹¹⁸.

В рядах Кубанской армии был большой процент молодежи: юнкеров, кадет, реалистов и гимназистов, и несколько десятков молодых девушек, часть которых были в строю добровольцами, а часть сестрами милосердия. Как сейчас вижу — двух сестер Е. и Л. Кадушкиных (младшая убита в походе), двух сестер Черных, К. Мащенко, О. Вербицкую, Е. Терентьеву, Н. Лебедеву, А. Пяту, Н. Крыжановскую, Серикову, Костенко и других, в жертвенном порыве принимавших самое активное участие в спасении нашей многострадальной Родины.

3 марта Кубанская армия перешла в станицу Пензенскую и 6 марта двинулась с боем на аул Дворянский. 7, 8 и 9 марта армия вела бой с красными у аула Гатмукай, а 10-го и 11 марта, когда участвовали и все обозные, дралась с большими силами красных у станицы Калужской. Несколько раз Кубанская армия через радиостанцию пыталась наладить связь с генералом Корниловым, но у него, как выяснилось потом, радиостанции не было.

11 марта, во время разгара боя, пришел первый разъезд от генерала Корнилова, и 14 марта Добровольческая и Кубанская армии, после письменного договора командований, соединились вместе под общим командованием генерала Корнилова. Кубанская казачья кавалерия почти вся была сведена в Кубанский конный, впоследствии Корниловский конный полк под командой подполковника Корнилова, который вскоре выбыл из полка, а полком комадовал полковник Г.Я. Косинов, а во втором Кубанском походе доблестный полковник В.Г. Науменко, теперешний Кубанский войсковой атаман. Остальные кубанские части влились в состав Добровольческой армии без изменения. Добровольческая армия, выйдя из Ростова 9 февраля и пройдя еще до соединения с Кубанской армией около 400 верст через Кубанскую область, значительно пополнилась кубанцами, и не было, кажется, части, в которой бы не было кубанцев.

После соединения с Кубанской армией Добровольческая армия удвоилась, и можно смело сказать, что больше половины состава были казаки. В кавалерии из трех полков два были

кубанскими, а в Конном полку подполковника Глазенапа 2-я сотня также была кубанской, под командой гвардии есаула Малышенко¹¹⁹, во 2-м же походе и этим полком командовал тоже кубанец, полковник К. Корсун.

В походе смертью храбрых пали — генерал Корнилов и около четырехсот участников похода, среди которых юные кадеты: Георгий Сергеевич Переверзев, 16 лет, 3-го Московского кадетского корпуса, Сергей фон Озаровский, 16 лет, Воронежского кадетского корпуса, Данилов, 15 лет, Владикавказского кадетского корпуса, многие другие.

39 лет тому назад первые добровольцы, по словам основателя Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева, «зажгли светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы»... Я глубоко уверен, что недалек тот светлый день, когда опять этот светоч разгорится ярким пламенем, а мы тогда, первые добровольцы, теперь уж старики, вместе со своими сыновьями и внуками исполним свой последний долг на земле перед горячо любимой Родиной.

Бог с теми, кто идет на подвиг.

*В. Науменко*¹²⁰

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА КУБАНИ¹²¹

В ноябре 1917 года определенно выяснилось деление кубанского казачества на две части. Умудренные жизнью старики видели, к чему ведут Россию, а с нею и казачество «завоевания революции», и с тревогою смотрели вперед. Молодежь, возвращавшаяся с фронта, в массе своей была пропитана идеями, внушенными ей там на митингах. Их поддерживало иногороднее население края.

Раскол между отцами и детьми особенно сильно проявился в декабрьской Раде, где на призыв стариков оградить родной край от вторжения большевиков и разорения его молодежь отвечала, что с солдатами, «с которыми три года ели один сухарь и спали под одной шинелью», она воевать не желает. А между тем большевики время не упускали. По призыву го-

родского головы Адамовича в Екатеринодар прибыл 2-й Запасный артиллерийский дивизион, насчитывавший в своих рядах до 3500 солдат. Этот дивизион являлся опорой большевиков в центре края — в Екатеринодаре, а узловые станции Владикавказской железной дороги постепенно занимались частями 39-й пехотной дивизии, возвращавшейся с Кавказского фронта. Части ее также располагались в Ставропольской губернии и в станицах Лабинского отдела. На Кубань просачивалось и оседало в ней все больше и больше солдат, возвращавшихся с Кавказского фронта.

В распоряжении же войскового атамана были лишь находившиеся в Екатеринодаре Кубанский гвардейский дивизион в составе двух сотен, сотня Черкесского конного полка и две Кубанские запасные сотни, что составляло в общей сложности до 500 человек.

Правительство возлагало надежды на ожидаемые с фронта кубанские части. Но и большевики в ожидании этого возвращения усиленно работали. Уже назывались дни, когда, опираясь на Запасный артиллерийский дивизион, должно было произойти выступление местных большевиков для свержения правительства и захвата власти в крае...

Это обстоятельство заставило атамана принять меры к ликвидации дивизиона. В ночь на 1 ноября дивизион был окружен казаками и черкесами и обезоружен. Орудия были вывезены под охрану одной из запасных сотен, а людям дивизиона приказано разойтись по домам, что ими и было исполнено.

* * *

Когда к концу ноября выяснилась неизбежность гражданской войны на Кубани, приказом войскового атамана от 27 ноября 1917 года была установлена должность командующего войсками Кубанской области и сформирован Полевой штаб. Тем же приказом командующим войсками назначен Генерального штаба генерал-майор К.К. Черный и начальником штаба Генерального штаба подполковник Науменко.

Полевым штабом был разработан план обороны края. Возвращающимся с фронта частям были указаны районы их рас-

положения и задачи. Предполагалось занять железнодорожные узлы, с резервом в районе Екатеринодара. Было также приступлено к формированию добровольческих отрядов, под названием партизанских. Но плану этому не суждено было осуществиться, так как возвращавшиеся с фронта казаки уходили по домам и уносили с собою оружие. Это дало возможность частям 39-й пехотной дивизии закрепиться в Армавире и на станции Гулькевичи (близ Кавказской). Из кубанских частей только 1-й Черноморский полк со своим доблестным командиром войсковым старшиною Бабиевым¹²² пришел на Кубань в полном порядке и не разошелся по домам.

Ввиду прибытия все новых и новых эшелонов солдат, угрожавших Кубанскому краю, командующий войсками приказал войсковому старшине Бабиеву занять станции Кавказскую и Тихорецкую и обезоруживать проходящие эшелоны солдат. Черноморцы заняли указанные станции, вытеснили оттуда большевиков и приступили к выполнению возложенной на них задачи. Но здесь выступили против них пластуны 22-го Пластунского батальона и потребовали беспрепятственного пропуска «товарищей солдат». Черноморцы заколебались, и их пришлось распустить по домам.

Дальше оставалась надежда лишь на добровольцев, и главное внимание было обращено на формирование добровольческих отрядов. К этому времени в Екатеринодаре скопилось много молодежи и офицеров, не желавших подчиняться большевикам и бежавших на Кубань из губерний, занятых ими. Наличие такого элемента давало надежду на успешное формирование отрядов.

С первых чисел декабря приступил к формированию 1-го партизанского отряда войсковой старшина Галаев, и, со среды декабря, к формированию 2-го партизанского отряда приступил военный летчик капитан Покровский. Вопреки ожиданиям, формирование добровольческих частей шло очень и очень медленно. Среди казаков имена «добровольцев» и «партизан» не пользовались популярностью, к ним относились с подозрением. Из лиц же, бежавших от большевиков на Кубань, большинство предпочитало предоставить оборону края кому-то другому.

К концу декабря 1917 года в отряде войскового старшины Галаева насчитывалось до 200 человек и у капитана Покровского менее 100 человек. Отряды состояли из армейских и казачьих офицеров, учащейся молодежи и незначительного числа казаков. Кроме того, к концу 1917 года в Екатеринодаре было открыто Кубанское военное училище и прибыли из Киева многочисленными 1-я и 4-я Киевские школы прапорщиков.

К концу года власть Кубанского правительства фактически распространялась лишь на Екатеринодар и ближайшие к нему станицы. Узловые станции Владикавказской дороги — Кавказская и Тихорецкая — были заняты большевиками; в станицы проникало все больше и больше большевистствующего элемента; эшелоны вооруженных солдат двигались по Владикавказской и Черноморской железным дорогам и из Новороссийска через Екатеринодар. В самом Екатеринодаре была расположена 223-я пехотная Донская дружина в составе до 2000 штыков, явно настроенная в пользу большевиков, являвшаяся угрозой в деле обороны города от большевиков. От нее необходимо были избавиться.

Командующий войсками возложил ликвидацию этой дружины на отряд капитана Покровского, который и выполнил поручение в ночь на 8 января 1918 года. Как доложил капитан Покровский атаману и командующему войсками, он с несколькими десятками партизан окружил казарму, сам с небольшим конвоем вошел внутрь ее и приказал дружинникам сдать оружие. Соппротивление оказали лишь 2—3 человека. Оружие было отобрано, а дружинникам было приказано разъезжаться по домам, что ими и было исполнено в ближайшие дни. (Позднее, когда бывший Кубанский атаман генерал Филимонов прочел настоящий очерк, он поместил в журнале «Казачьи думы» открытое письмо, в котором об этом разоружении дружины пишет так: «Об обстоятельствах разоружения 223-й дружины мне точно известно следующее: в день разоружения около 9 часов вечера в кабинет войскового атамана вошел капитан Покровский и доложил, что «дружина обезоружена, попытки к сопротивлению решительно подавлены, причем убит один дружинник». Атаман и находившийся тут же председатель Кубанского правительства Л. Быч горячо по-

благодарили Покровского за исполнение поручения. Не более чем через полчаса после ухода Покровского атаману доложили, что явился партизан-офицер (фамилию его теперь не помню) с докладом о разоружении дружины. Приглашенный в кабинет офицер отрапортовал, что им разоружена дружина. Атаман ответил, что уже знает об этом от Покровского, и просил сообщить обстоятельства, при которых убит дружинник. Офицер доложил, что при разоружении никто не был убит, сопротивление никем не было оказано и что капитан Покровский при разоружении не присутствовал. Переглянувшись с Бычем, который в недоумении пожал плечами, атаман поблагодарил офицера». (Из письма в редакцию бывшего кубанского атамана генерала А. Филимонова. Журнал «Казачьи думы», № 27, с. 26—27.)

К середине января большевики начали накапливаться на станции Тимашевская, захватывая таким образом единственный железнодорожный узел Кубанско-Черноморской железной дороги и угрожая оттуда непосредственно Екатеринодару. На этой станции ими была захвачена группа офицеров, пробиравшихся из Ростова в Екатеринодар, и отправлена в Новороссийскую тюрьму.

Необходимо было очистить Тимашевскую. Командующий войсками приказал капитану Покровскому выполнить эту задачу. В ночь на 16 января 2-й партизанский отряд с бою занял Тимашевскую, обезоружил находившиеся там два эшелона солдат, захватил и доставил в Екатеринодар комиссара Хачадурова. На 1-й партизанский отряд войскового старшины Галаева была возложена охрана города и обеспечение станции Владикавказской железной дороги, через которую проходили эшелоны солдат из Новороссийска. После ликвидации Донской дружины внимание главарей местных большевиков было обращено на эти эшелоны, при помощи их они намеревались захватить власть в центре Кубани.

Это обстоятельство принудило Кубанское правительство отдать распоряжение, чтобы эшелоны эти не останавливались на станции Екатеринодар, в противном случае приказано было их обезоруживать. В первых числах января один из эшелонов остановился на станции и не пожелал сдать оружие. Был вы-

зван отряд войскового старшины Галаева, при подходе которого эшелон со стрельбою двинулся на Тихорецкую. Он был обстрелян пулеметом нашего отряда.

На следующий день в Тихорецкой были торжественные похороны «жертв революции», а из Крымской комиссар Сорокин от имени Революционного комитета Черноморской республики по телефону потребовал беспрепятственного пропуска эшелонов через Екатеринодар, грозя в противном случае расправиться с Екатеринодаром и Кубанским правительством. Ему по телефону же было отвечено начальником Полевого штаба: «Милости просим. Встретим с почетом!» В тот же день Краевая Рада, поставленная об этом в известность, такой ответ одобрила.

Пока шли незначительные боевые действия, партизанские отряды медленно пополнялись, но прилива рядового казачества почти не было. Последнее обстоятельство побудило командующего войсками генерала Черного просить освободить его от должности. Он заявил, что без участия казачества не верит в успех борьбы. На должности этой он пробыл полтора месяца. Его сменил генерал Букретов, проявивший в первые два дня много энергии, но уже на 6-й день «заболевший». Букретова сменил старый пластун генерал-лейтенант Гулыга.

Кубанское правительство, организовав оборону края, держало связь с Доном и Терекком, а также с Добровольческой армией. От командования последней в Екатеринодаре был представителем генерал от кавалерии Эрдели. Изнемогающему в борьбе против большевиков Дону кубанцы помогли чем могли: из 1500 артиллерийских снарядов Дону было дано 700, из 3 700 000 патронов — 1 800 000. Кроме того, Дону были переданы: мощная радиостанция, отряд из 3 бронеавтомобилей, а Ростовская контора Государственного банка была подкреплена из Екатеринодара 10 000 000 рублями.

* * *

Между тем на Екатеринодар надвигались тучи. 19 февраля Полевой штаб через своих агентов в Новороссийске и Крымской получил сведения, что на Екатеринодар с этой стороны готовится крупное наступление большевиков.

Ввиду этого было приказано войсковому старшине Галаеву выступить с его отрядом 20 января в направлении на Новороссийск и, в случае наступления противника, задержать его на линии болот между разъездом Энем и железнодорожным мостом через Кубань. Позиция эта была удобна в том отношении, что надёжно прикрывала Екатеринодар, так как перехватывала как железную дорогу, пролегающую по непроходимому в это время болоту, так и единственную обходную проселочную дорогу через аул Тахтамукай. Ко времени занятия Галаевым этой позиции (Чибийского моста) передовые части большевиков занимали разъезд Кубань, находящийся западнее этой позиции, и было замечено накапливание их на разъезде Энем.

По получении этих сведений командующий войсками выслал в ночь на 22 января в распоряжение войскового старшины Галаева капитана Покровского с его отрядом, пополненным юнкерами. Всего к рассвету 22 января у Галаева было в его отряде около 300 человек и 4 орудия и пришло с Покровским около 300 человек. Войсковой старшина Галаев решил с рассветом 22 января наступать своим отрядом, при поддержке артиллерии вдоль железной дороги, и послал Покровского в обход через Тахтамукай.

Но наступление Галаева предупредили большевики, начав на рассвете 22 января наступление и ведя всю массу его исключительно по железной дороге, оставив без внимания Тахтамукайскую дорогу, что дало возможность отряду Покровского почти незамеченным выйти им в тыл в направлении на Энем. Четырехтысячный отряд большевиков оказался в тисках, охваченный болотами и шестьюстами нашими партизанами.

Бой продолжался в течение всего дня, и к вечеру большевики, потеряв убитым своего главковерха юнкера Яковлева, начали отступать сначала спокойно, а затем обратились в бегство, оставив в руках победителей орудия, десятки пулеметов и сотни пленных. На разъезде Энем было захвачено два поездных состава с огнестрельными припасами, снаряжением, обмундированием и продовольствием. Но в этом бою мы потеряли нашего первого партизана доблестного войскового

старшину Галаева, убитого пулею в то время, когда противник начал отходить.

После его смерти командование обоими отрядами объединил капитан Покровский. В течение 23 января он получил пополнение добровольцами — главным образом казаками станицы Пашковской, а также юнкерами. Для окончательного уничтожения отряда противника командующий войсками генерал Гулыга приказал капитану Покровскому разбить его у станции Георгие-Афипской, где ими (красными) была занята позиция по реке Афипсу.

Перед рассветом 24 января капитан Покровский форсировал переправу на Афипсе и, на плечах охранявшей ее заставы, ворвался на станцию, где большевики спокойно спали в эшелонах, станционных постройках и в ближайших домах станицы. После короткого, но ожесточенного боя станция была занята нашими партизанами: часть большевиков перебита, часть взята в плен, часть бежала на Крымскую. Захвачен был в плен оказавший отчаянное сопротивление тяжело раненный «военный министр» Черноморской Советской республики прапорщик Серадзе. Он умер в тот же день в Екатеринодарской больнице.

В боях 22—24 января 1918 года было захвачено несколько сот пленных, 16 тяжелых и легких орудий, 34 пулемета, несколько поездов с огнестрельными припасами, снаряжением, обмундированием, продовольствием и санитарным имуществом. Этими боями была отбита охота у большевиков наступать со стороны Новороссийска. В дальнейшем, до самого оставления Екатеринодара, большевики здесь не предпринимали серьезных действий.

Результатом этих боев было также и то, что в Екатеринодаре, на клич генерал-квартирмейстера Полевого штаба полковника Лесевицкого, приступившего к формированию 3-го партизанского отряда, откликнулось несколько сот добровольцев, и к 26 января у него в отряде насчитывалось до 600 человек.

Эти бои подбодрили казаков Таманского и Ейского отделов, и там бывший член Государственной Думы всех созывов и комиссар Временного правительства на Кубани подъесаул

К.А. Бардиж успешно приступил к формированию казачьих отрядов и быстро захватил в свои руки район на севере до станицы Приморско-Ахтарской и Старо-Минской, а на юге почти до Крымской.

26 января Екатеринодар торжественно встречал отряды, разбившие противника. На вокзал выехали: войсковой атаман, члены Рады, правительство, представители городского управления и много народу. Прилегающие к вокзалу улицы были заполнены народом, восторженно встречавшим победителей. Капитан Покровский был произведен войсковым атаманом в полковники. В память главного героя боя и победителя войскового старшины Галаева его именем был назван 1-й партизанский отряд. 27 января весь город провожал к месту вечного покоя тела войскового старшины Галаева и партизан его отряда прапорщика Моисеенко и женщины-прапорщика Татьяны Бархаш.

* * *

Потерпев поражение на Новороссийском направлении, большевики обратили особое внимание на Тихорецкий и Кавказский железнодорожные узлы и от них перешли к активным действиям. Навстречу им были высланы: 26 января отряд Лесевицкого и 27-го — полковника Покровского, первый на Кавказском, второй на Тихорецком. Тесня красных, отряды в течение нескольких дней достигли Ладожской и Выселок. Там они задержались с целью закрепиться для продолжения наступления. Новороссийское направление обеспечивалось небольшим отрядом войскового старшины Чекалова. В Черномории действовали отряды Бардижа.

В станице Усть-Лабинской полковник Лесевицкий учетверил свой отряд за счет казаков-устылабинцев, дружно откликнувшихся на его призыв. На левом берегу Кубани в районе аулов Хатукаевского и Ульского и станицы Некрасовской действовали отряды полковника С. Улагая и командира Черкесского конного полка полковника Султан-Крым-Гирея.

Командующий войсками решил захватить Кавказский железнодорожный узел и затем, действуя от него и со стороны

Выселок, разбить ядро 39-й пехотной дивизии на станции Тихорецкой. Для этого отряд полковника Лесевицкого был усилен юнкерами и сотнею Екатеринодарского полка. Но наступлению этому помешали события в Екатеринодаре.

Там сторонники полковника Покровского повели кампанию в пользу назначения последнего на должность командующего войсками. (За два месяца их сменилось 3.) Общественность волновалась. От отряда Покровского явилась депутация во главе с войсковым старшиною Посполитаки в законодательную Раду и решительно настаивала на назначении Покровского командующим войсками.

Войсковым атаманом в середине февраля было собрано совещание, на котором присутствовали некоторые члены правительства и более видные члены законодательной Рады. Атаманом был поставлен вопрос о командующем войсками. Председатель Рады Рябовол, к которому только накануне являлась депутация от отряда Покровского, высказался за кандидатуру последнего, как лица, которому верит фронт. Его поддержал Калабухов. Быч высказался, правда нерешительно, против Покровского, но «на нет — суда нет» — приходится мириться. Сушков высказался определенно против Покровского, как человека случайного. Того же мнения был и Скобцов, который указал на более подходящего кандидата — генерала Эрдели. Присутствовавший на совещании Эрдели отклонил свою кандидатуру и поддержал Покровского. Член правительства по военным делам полковник Успенский решительно высказался против Покровского, заявив, что он ему не верит и, в случае его назначения, просит освободить себя от должности.

Выслушав эти мнения присутствовавших, войсковой атаман остановился на кандидатуре Покровского. Последний был приглашен из соседней комнаты, в которой он находился во время совещания, и войсковой атаман полковник Филимонов, объявив ему о назначении, приветствовал его и сказал, что на него вся надежда Кубани и лишь он один может ее спасти. Полковник Покровский благодарил и очень уверенно заявил, что он спасет Кубань. На совещании имя командовавшего войсками генерала Гулыги не упоминалось и о причине смены его

не было сказано ничего. Так состоялось назначение полковника Покровского на должность командующего войсками Кубанской области. Он сдал командование отрядом полковнику И. Камянскому¹²³.

Вскоре после этого атаман и председатель правительства выехали на заседание Черноморской Рады, собранной на 15—16 февраля в станице Брюховецкой. На этой Раде имелось ввиду поднять дух казачества; но заседания были прерваны ввиду событий на Тихорецком фронте.

Назначенный Покровским начальником отряда на Тихорецком направлении полковник И. Камянский не обладал нужными для этой роли качествами, был нераспорядительным. Управления отрядом фактически не было, и, когда 18 февраля большевики перешли в наступление от Тихорецкой вдоль железной дороги, а с левого фланга, со стороны станицы Березанской, ударил сотник Одарюк с березайцами, признавшими советскую власть, Камянский со своим отрядом был захвачен врасплох и быстро покатился от Выселок назад.

Его отход поставил в тяжелое положение отряд полковника Лесевицкого, левый фланг которого подвергался удару. Тут не только не состоялось наступление на Кавказскую, но началось отступление на Усть-Лабинскую и дальше. Казаки, ранее пополнившие отряд, стали расходиться по станицам. К этому времени и у Бардижа началось разложение — казаки замитинговали.

Общая обстановка к 20 февраля складывалась так. Отряды Камянского и Лесевицкого под нажимом противника отходили к Екатеринодару. На Черномории у Бардижа отряды разваливались. На Новороссийском направлении было спокойно. Вся Кубанская область, за исключением Екатеринодара и ближайших к нему станиц, была в руках красных. По мере отхода отрядов Камянского и Лесевицкого район Екатеринодара все сокращался. Обстановка у наших соседей — на Дону и на Тереке — тоже была неблагоприятна.

На Дону 29 января застрелился атаман Каледин. 12 февраля Новочеркасск был занят красными. Походный атаман генерал Попов с Донским отрядом ушел в Сальские степи. Еще раньше — 9 февраля — из Ростова ушел за Дон генерал Кор-

нилов с Добровольческой армией. Наша попытка связаться с ним не увенчалась успехом. Было известно, что он дошел до селения Средне-Егорлыкского (Лежанка) Ставропольской губернии, где имел бой с большевиками, а куда пошел дальше — на Кубань или на Терек — было неизвестно. Терек, атаман которого Караулов был убит большевиками, изнемогал под красной властью. Перед Кубанским атаманом и правительством стал вопрос: как быть дальше?

* * *

22 февраля войсковой атаман собрал совещание в атаманском доме, на котором присутствовали следующие лица: 1) войсковой атаман полковник Филимонов, 2) командующий войсками полковник Покровский, 3) начальник Полевого штаба полковник Науменко, 4) атаман Екатеринодарского отдела полковник Косинов, 5) начальник войскового штаба полковник Галушко¹²⁴, 6) председатель Рады Рябовол, 7) доктор Долгополов, 8) член Рады Каплин, 9) член правительства по военным делам полковник Успенский, 10) генерал от кавалерии Эрдели, 11) есаул Савицкий, 12) председатель правительства Быч, 13) Черкесского полка полковник Султан-Келеч-Гирей, 14) член правительства Паша-Бек, 15) начальник Кубанского военного училища полковник Кузнецов, 16) член Рады К.Л. Бардиж, 17) помощник инспектора артиллерии полковник Мальцев, 18) полевой интендант полковник Галушко, 19) командир Гвардейского дивизиона полковник Рашпиль, 20) помощник начальника Полевого штаба полковник Ребдев.

Войсковой атаман обрисовал общее положение и предложил командующему войсками и начальнику Полевого штаба доложить военную обстановку. После доклада таковой начальником штаба и некоторых дополнений, сделанных командующим войсками, войсковой атаман предложил присутствующим высказать свое мнение — как быть дальше. Сказанное на этом совещании мною там же было кратко записано. Запись эту привожу ниже.

«Каплин — всем отрядам уйти из города для спасения.

Быч — отойти отрядам, правительству и Раде и переждать, пока окончится власть большевиков.

Долгополов — дать паспорта и расходиться.

Паша-Бек — нет смысла надеяться на сохранение отряда и правительства. Надо выйти вместе и потом рассосаться.

Покровский — нельзя рассыпаться. Никто не согласится. Выход из города — маневр, отход для продолжения борьбы. Проходя по станицам, пополнимся оружием, боевыми припасами, сохраним боеспособность. Отход — единственный шаг с военной и государственной точки зрения.

Рябовол — власть должна сохраниться. Отрядам надо отойти, но недалеко, не доходя даже Лабы. Пробиваться в Новороссийск или Горячий Ключ — с голоду умрем, пойдем к черкесам — пропадем.

Эрдели — надо признать, что средств, людей, оружия — нет... Город удержать нельзя, надо уходить, по пути отряд усилится хотя бы оружием. Что касается правительства, то ему тоже надо идти, ценно будет услышать его голос из трущобы. Когда большевизм будет умирать, правительство, опираясь на войска, может добить его. С Новороссийским направлением не согласен. Надо идти параллельно хребту. (В том же письме, о котором говорилось выше, бывший атаман Филимонов говорит: «В протоколе совещания 22 февраля, под председательством войскового атамана, кратко, но совершенно верно передающем единогласие совещающихся о неизбежности оставления Екатеринодара, надо особенно подчеркнуть авторитетное мнение генерала от кавалерии Эрдели, который являлся представителем Добровольческой армии. Решительно высказавшись за необходимость оставления Екатеринодара, генерал Эрдели не изменил этого своего мнения и после прибытия к нему от генерала Корнилова офицера с извещением о движении добровольцев с Дона на Кубань. Во всяком случае, вместе с этим офицером генерал Эрдели за несколько дней до выхода войска и Кубанского правительства из Екатеринодара был в направлении предполагавшегося отхода в аул Шенджий, где и ждал прихода Кубанского отряда. Этим обстоятельством категорически опровергается жестокий упрек генерала Деникина (см. 2 том «Русской смуты») в трусливой поспешности

оставления Кубанским правительством города Екатеринодара, вопреки будто бы настойчивым советам представителей Добровольческой армии. Ошибочное представление о положении дел на Кубани и о поведении Кубанского правительства создали у добровольцев предубеждение против кубанских верхов и в самом начале испортили между ними добрые отношения». (Журнал «Казачьи думы». 1924 год, № 2?, с. 27.)

Каплин — правительство не может править откуда-то.

Кузнецов — силы противника растут. Уже прибыли матросы-черноморцы. Офицеры между молотом и наковальней, им необходимо идти в отряды. По пути можно получить оружие и патроны в Кубанской области у казаков до 300 тысяч винтовок. Лошадей получим покупкой или реквизицией. О направлении говорить не приходится. Его должны знать лишь командующий войсками и начальник штаба. Направление на Горячий Ключ не пройдет вследствие недостатка фуража. Новороссийск занять легко, оборонять при десанте с боков трудно. Лучше всего идти вдоль хребта. Идти должно правительство — Рада. Управления, конечно, не будет.

Султан-Келеч-Гурей — присоединяюсь к полковнику Кузнецову в смысле направления вдоль хребта. Не сочувствую направлению через аулы — это небезопасно.

Рябовол — в связи с намеченным отходом неудачен сбор Рады — она объявит всех низложенными и изменниками. Надо не созывать Раду. Относительно направления — решительно протестую против направления вдоль хребта — трудно вследствие множества рек и железной дороги. Что касается пребывания нашего в Кабарде и Карачае, то там благополучно, но будет голод. Терская область волнуется. Начинается вырезывание черкесов. Своим движением туда мы спровоцируем войну на Кавказе. Одно направление у нас — это Новороссийск, это — бест, в котором легко отсидеться и где, в случае необходимости, легко рассосаться. Направление на Горячий Ключ также легко и удобно, имеет продовольствия на 2—3 месяца. Правительство должно идти с отрядом. Реквизировать надо лишь в Екатеринодаре.

Каплин — реквизицию лошадей надо производить в городе и в станицах у иногородних. Куда девать пленных —

взять ли их в виде заложников? (Видимо, Каплин имел в виду нескольких видных большевиков, находящихся в Екатеринодаре под стражею. При выходе из Екатеринодара они были взяты в виде заложников и очень пригодились при отходе от Екатеринодара Добровольческой армии на Дон, когда в станице Медведовской были оставлены наши раненые. Заложники были также оставлены с ними, и, надо полагать, благодаря им раненые не были большевиками уничтожены, как то случилось при оставлении раненых в станице Елизаветинской.)

Бардиж — нет сомнения, что правительству надо идти. Идти лишь казакам — иногородних не брать. В станицах нарастает сопротивление большевикам. Возвращаясь к направлению, останавливаюсь на Новороссийском, дойдя хотя бы до Крымской. В Крымской снаряды и патроны. Уходить далеко не следует. Могут появиться внешние причины — по слухам, немцы в Киеве, Севастополе и в Одессе. Реквизицию производить в широких размерах. Население хочет силы.

Савицкий — необходима угроза. Необходимо потряхнуть одной-другой станицею, на это надо два дня, и затем немедленно вызвать людей на фронт. Надо самим нажимать, это еще не испытано.

Паша-Бек — казаки с отрядом не пойдут, мы останемся только с добровольцами, которые также рассосутся, а к нам никто не придет.

Рябовол — надо ли защищаться или подготовиться к уходу, стянуть отряды, отобрать оружие у станиц, реквизировать лошадей в Екатеринодаре и уходить? Завтрашнее заседание Рады должно быть посвящено перерыву ее работ на три недели и реализации ее сил. Надо решать вопрос: воевать или идти из Екатеринодара? (Здесь речь идет о Раде Законодательной, а не о Краевой.)

Галушко (интендант) — вопрос продовольствия сильно осложняет дело — надо иметь массу повозок. В этом отношении Новороссийск лучше всего.

Бардиж — направление параллельно горам совершенно невозможно — весною в особенности. Единственное направление — Новороссийск.

Каплин — если идти на Новороссийск, то надо дойти до него, а останавливаться в Крымской нет смысла.

Войсковой атаман — хочу уяснить вопрос продовольствия. Отряд не больше 1000 человек каждая станица прокормит 1—2 дня. Недостаток в продовольствии мы терпеть не будем, но движение вдоль хребта затруднительно благодаря разливам. Сегодня курица пройдет, а завтра тонут люди. Но ведь мы же не все время будем под ударами. Большевики будут почивать на лаврах и едва ли выделят отряды для преследования. Ничего определенного по пути мы не встретим. Подвожу итог: дальнейшая борьба невозможна; надежды на сохранение Екатеринодара нет, его необходимо оставить. План должен быть выработан Полевым штабом. Казачья часть Рады и краевого правительства должны следовать с отрядом.

Рябовол — не исключается возможность ухода членов Рады. Необходимо ее распустить на три недели, а дальше все равно собрать ее нельзя — тогда не будем тянуть 36 членов Рады.

Войсковой атаман — события развиваются очень быстро. Лесевицкий ручался за 2—3 дня, а отошел быстро, не прошло и нескольких часов. Завтра, может быть, придется покинуть Екатеринодар. Мы должны подготовиться к эвакуации не позже завтрашнего вечера; у нас не больше суток. Может ли штаб подготовиться за сутки?

Покровский — план будет подготовлен, но выполнить его быстро трудно. Есть добровольцы воевать, но не работать и грузить обоз.

Кузнецов — надо выяснить, кто едет, — пол и возраст. Есть данные, что пойдут женщины и дети.

Рябовол — это недопустимо. Должны идти мужчины — рабочие и воины».

Результатом заседания 22 февраля было решение оставить Екатеринодар. Бремя эвакуации и выбор направления движения были предоставлены решению командующего войсками. Законодательная Рада прервала свою сессию 23 февраля. Оставляя Екатеринодар, можно было уходить по следующим направлениям: 1) на Новороссийск, 2) через станицу Ставропольскую на Шабановский перевал и далее в Черноморскую губернию, 3) через Пензенскую на Горячий Ключ, 4) через

Пензенскую вдоль хребта в Баталпашинский отдел и 5) к северу от Екатеринодара в Черноморские станицы.

Первое направление давало то преимущество, что позволяло вывезти по железной дороге все необходимое, но, заняв Новороссийск, отряд подвергался бы удару с моря, бывшего в руках большевиков. Остановка в Крымской не имела смысла, так как, являясь узлом железных дорог, она подвергалась удару с трех сторон, и пребывание в ней не давало никаких преимуществ перед Екатеринодаром.

Второе направление, имея сносную грунтовую дорогу, выводило из пределов области, что в моральном отношении являлось несомненным минусом, так как правительство покидало свой край. Кроме того, отряд попадал в полуголодную местность.

Третье направление приводило в ловушку, окруженную со всех сторон горами. В Горячем Ключе можно было отсиживаться только в предвидении скорого падения большевиков, что не предвиделось.

Четвертый, длинный и труднопроходимый путь выводил в Карачай, в котором, по местным условиям, можно было долго отсиживаться. Оттуда можно было производить набеги на Владикавказскую железную дорогу, тревожить большевиков и добывать артиллерийское снабжение и продовольствие. На этом направлении можно было надеяться встретить Добровольческую армию генерала Корнилова и, наконец, из Карачая, в случае неустойки, можно было отойти на Терек или на Черноморское побережье.

Пятое направление приводило в богатый район. В случае движения Корнилова на Екатеринодар это направление было выгодным, но если он ушел на юг, то отряд наш оказался бы в тяжелом положении, охватываемый железными дорогами, и в конце концов надо бы было пробиваться на юг, имея впереди линии железных дорог и реку Кубань.

Взвесив все эти данные, учтя моральное состояние отряда и приняв во внимание положение соседних областей, командующий войсками остановился на направлении вдоль хребта. Путь движения был намечен через аул Шенджий, станицы Пензенскую, Абхазскую, Хадыженскую, Абадзехскую, Спокойную, Передовую, Удобную — в Карачай.

На разъезд Кубань приказано было вывезти поездом запасы артиллерийского, инженерного и интендантского снабжения. Там намечена была погрузка всего этого на подводы. Там же каждый, выступающий в поход, мог получить двухдневный запас продовольствия, недостающие предметы обмундирования и обувь, заготовленные отдельными пакетами на 2000 человек.

Направление отхода отрядов с Тихорецкого и Черноморского направлений было дано через Кубанский железнодорожный мост и далее на аул Тахтамукай. Кавказский отряд должен был отходить на тот же аул через Пашковскую переправу и отряд войскового старшины Чекалова с Новороссийского направления — вдоль железной дороги на Энем и далее по грунтовой дороге на Тахтамукай. До Тахтамукай каждый отряд должен был двигаться самостоятельно. Там было указано их сосредоточение. Соответствующий приказ был разослан 24 февраля с указанием, что подлежит он исполнению по особому приказанию.

* * *

Между тем отход отрядов на Тихорецком и Кавказском направлениях продолжался. 25 февраля полковник Лесевицкий заболел, сдав командование 3-м партизанским отрядом начальнику Кубанского военного училища полковнику Кузнецову. У Бардижа на Черномории развалились все его отряды, и сам он прибыл в Екатеринодар. Туда же 26 февраля прибыли с Кубанско-Черноморской железной дороги остатки его отрядов — сотня «гайдамаков» под командою есаула Адамова.

28 февраля к обеду выяснилась невозможность дальше удерживать Екатеринодар, не подвергая его разрушению от артиллерийского огня. Противник теснил наши отряды, охватывая город со стороны Тихорецкой железнодорожной ветки в направлении Черноморского вокзала. «Гайдамаки» Адамова, которым было приказано выдвинуться от Черноморского вокзала и ликвидировать это обходное движение, приказания не исполнили и поездом ушли на Владикавказский вокзал. Черноморское направление осталось совершенно необеспеченным.

Никаких резервов в распоряжении командующего войсками не было. Все было раньше выслано на Кавказское и Тихорецкое направления, и для занятия Черноморского вокзала были высланы лишь несколько казаков и партизан, оказавшихся в городе.

С утра 28 февраля были посланы подводы на разъезд Кубань для погрузки снаряжения и боеприпасов. В 5 часов вечера было послано приказание отрядам — отходить с наступлением темноты. Из города потянулись за Кубань обозы. В десятом часу вечера из города выступили войсковой атаман, командующий войсками со штабом и Черкесская сотня. Прикрывали железнодорожный мост Константиновское пехотное училище и 1-я школа прапорщиков. Последним из города выступил войсковой старшина Посполитаки с конницей отряда Тихорецкого направления. Вместе с войсковым атаманом выступили члены Кубанского правительства и Законодательной Рады.

При уходе из города было разбросано следующее воззвание:

«Граждане Кубани!

Мы, Кубанская Законодательная Рада, Кубанское Краевое Правительство и Войсковой Атаман Кубанского казачьего Войска, решили без боя покинуть с правительственными войсками город Екатеринодар — столицу Кубанского Края.

Мы вынуждены были это сделать под напором большевистских банд, задавшихся целью разрушить наш благодатный Край, нашу родную Кубань, внеся в ее пределы смуту кровавую, анархию и братоубийственную войну.

Мы это должны сделать, во-первых, потому, что защита Екатеринодара на подступах к нему представляется делом весьма трудным. И во-вторых, потому, что мы не хотели подвергать опасностям борьбы городское население на самой территории города, не хотели допустить, чтобы ярость большевистских банд, подогретая азартом борьбы, пала на голову неповинного населения.

Мы ушли из Екатеринодара. Но это не значит, что борьба кончена. Нет. Мы только перешли на другие, более для нас выгодные позиции.

Мы одухотворены идеей защиты Республики Российской и нашего Края от гибели, которую несут с собою захватчики власти, именующие себя большевиками.

Мы знаем, что тяжкая болезнь государственности, именуемая большевизмом, скоро пройдет и народ стряхнет с себя иго большевистского позора, воочию увидев, к чему ведут его вожди большевизма.

Сплошной позор, бесправие, обнищание, разорение, грабежи и убийства — вот что ожидает Вас, казаки, горцы и иногородние.

Затоптаны будут в грязь все завоевания революции, все свободы, Ваша честь, Ваша независимость.

Мы Вам давно уже говорили об этом, мы Вас давно звали на борьбу с анархией и разорением. Но к несчастью, Вы, казаки и иногородние, опутанные со всех сторон ложью и провокацией, обманутые красивыми, но ядовито-лживыми словами фанатиков и людей подкупленных, Вы своевременно не дали нам должной помощи и поддержки в деле святой борьбы за Учредительное собрание, за спасение Родины и за Ваше право самостоятельно устраивать судьбу родного Края.

Мы избраны Вами. Мы имели право требовать от Вас реальной помощи, ибо Вы же Нам обещали защищать Край от вторжения насильников.

Нам больно говорить об этом, но это так. Вы не смогли защитить своих избранников.

Мы знаем, что Вы, казаки, лишившись свободы, земли и своего добра, впоследствии поймете свои ошибки и будете оплакивать их.

Мы также знаем, что Вы, казаки и горцы, не сможете вынести позора и разорения. Вы подниметесь против насильников и их прогоните.

Но эту борьбу Вам будет вести труднее, потому что Вы будете разорены и дезорганизованы.

Когда Вам сделается слишком тяжело, когда Вы принуждены будете взяться за оружие, Вы должны помнить, что мы с нашими отрядами окажем Вам помощь.

Вы не одиноки, гордые казаки, горцы и иногородние, не желающие лизать пята, угнетающую Вас. Вы идите к нам, со-

ставим силу, которая разгонит и растопчет насильников, посягнувших на наш Край, на славу и вольность казачью, на свободу всех граждан Кубани.

Войсковой Атаман Полковник *Филимонов*.

Председатель Законодательной Рады *Рябовол*.

Председатель Кубанского Краевого Правительства *Бычь*.

Переправа через железнодорожный мост на Кубани закончилась лишь к рассвету 1 марта, после чего на мосту было устроено крушение двух пущенных навстречу поездов. К вечеру отряды сосредоточились в ауле Шенджий, где оставались весь день 2 марта. В этот день была произведена регистрация всех вышедших с отрядом, произведены учет сил и переформирования. Всего было зарегистрировано около 5000 человек, из коих боевого элемента несколько больше 3000 человек.

Вся пехота была сведена в девятисотенный Кубанский стрелковый полк и при нем сотня реалистов. Полк делился на три батальона. В основание было положено недробление трех партизанских отрядов, вследствие чего батальоны получились численно разного состава. Командиром полка назначен полковник Тунеберг.

Конница была разделена на две группы: Казачья под командою полковника Косинова и Черкесская — под командою полковника Султан-Келеч-Гирея. (Командир Черкесского полка полковник Крым-Гирей ушел из Екатеринодара за Кубань, одиночным порядком до выступления из Екатеринодара Кубанского отряда. Он был задержан и убит большевиками. Та же участь постигла и других ушедших за Кубань ранее 28 февраля, не дождавшись общего выступления. Так погибли: полковник Лесевицкий и бывший с ним сотник Выдря, бывший Предводитель Ставропольского и Кубанского дворянства Бурсак — потомок атамана Бурсака, и бывший член Государственной Думы и комиссар Временного правительства на Кубани К.А. Бардиж с двумя своими сыновьями, захваченные в районе Туапсе. — В. Н.)

Артиллерия (9 легких орудий) сведена в батарею. Кроме того, оставался отдельный отряд полковника С. Улагая. Были выделены саперы, организованы санитарная часть и обоз.

3 марта отряд перешел в станицу Пензенскую. Предварительно высланные туда разезды были обстреляны у Пензенской и Калужской ружейным огнем. Станица Пензенская была занята без боя. Жителей в ней почти не оказалось. Они, спасаясь «от кадет», ушли в леса. В течение следующих двух дней пребывания отряда в станице многие из них вернулись, но все же относились к нам недоброжелательно.

Разведка, высланная на станицу Саратовскую, донесла, что она занята большевистскими частями. Во исполнение общего плана должно было продолжаться движение Кубанского отряда через эту станицу, но тут прискакало несколько черкесов из ближайших к Екатеринодару аулов с известием о том, что в направлении восточнее Екатеринодара в течение последних дней слышна артиллерийская стрельба. Было ясно, что к Екатеринодару идет Корнилов. 6 марта Кубанский отряд повернул обратно в Шенджий для дальнейшего движения на соединение с Добровольческой армией.

Было решено, демонстрируя против Екатеринодара со стороны аула Тахтамукай, переправиться через Кубань восточнее города, у станицы Пашковской, и оттуда соединиться с Корниловым. Задача демонстрации была возложена на Конный отряд под командою полковника Кузнецова, состоявший из 200 всадников, двух орудий и 4 пулеметов. Ему было приказано активными действиями против Екатеринодарского железнодорожного моста отвлечь внимание противника от места переправы отряда и прикрывать операцию у Пашковской переправы со стороны Пензенской и Калужской.

Для занятия Пашковской переправы с наступлением темноты в ночь на 7 марта был выслан батальон Кубанского стрелкового полка под командою полковника Вл. Крыжановского. Батальон быстро продвинулся к переправе, захватил паром и, переправившись на правый берег Кубани, закрепился на нем.

В ночь на 7 марта вслед за Крыжановским двинулись главные силы Кубанского отряда и утром сосредоточились в аулах Лакшукай и Тлюстен-Хабль. В течение двух дней полковник Крыжановский, усиленный другим батальоном Стрелкового полка и артиллерией, удерживал занятый им плацдарм. Штаб отряда стремился выяснить, где находится армия Корнилова,

но о ней никаких сведений не получено. На вызов нашей радиостанции никто не отвечал, а артиллерийской стрельбы ниоткуда слышно не было.

Настроение отряда было подавленное. Большинство не понимало движения взад и вперед в районе Екатеринодара, Пензенской, Лакшукая. Подавленность еще больше усилилась, когда стало известным, что полковник Кузнецов, не исполнив возложенной на него задачи, ушел со своим отрядом в неизвестном направлении, уведя с собою лучшую часть нашей конницы. О судьбе этого отряда будет сказано ниже. Такое положение привело некоторых участников похода в отчаяние, и усилился уход из отряда отдельных лиц. Как потом выяснилось, почти все они погибли.

Вечером 9 марта войсковой атаман собрал совещание, на которое были приглашены старшие войсковые начальники и политические деятели для решения вопроса, как быть дальше. Обстановка складывалась так. Армия Корнилова, которую мы искали, ушла в неизвестном направлении. Наш отряд ослабился уходом конницы Кузнецова. Огнестрельных припасов осталось мало. Настроение отряда подавленное. Решено было продолжать движение в Баталпашинский отдел.

В ту же ночь отряд двинулся на аул Гатлукай. На мосту через реку Псекупс передовые части отряда были встречены сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем красных, крепко занявших правый берег реки. Бой длился в течение всего дня 10 марта и не привел к успеху. Огнестрельные припасы быстро подходили к концу. Было ясно, что если отряд и перейдет через Псекупс, то до Баталпашинского отдела не дойдет.

На новом совещании у атамана было решено изменить первоначальный план и идти на Черноморское побережье. Но каким путем идти? После оставления Пензенской она была занята большевиками, тоже и аул Шенджий после ухода Кузнецова. Было решено идти вразрез между этими пунктами по малоизвестной дороге за проводником из местных черкесов. Уничтожив лишние повозки, часть орудий и радиостанцию, отряд, соблюдая тишину, ночью двинулся в намеченном направлении.

Как ни спешили пройти дорогу Шенджий—Пензенская до наступления рассвета, это не удалось. Узкая и мелкая речка Чибий, протекавшая восточнее этой дороги, благодаря крутым берегам и грязному спуску и подъему сильно задержала движение. Лишь только передовые части пересекли Шенджийскую дорогу, как были задержаны огнем противника. Быстро развернувшись и тесня пред собою красных, отряд двинулся на станицу Калужскую. Неожиданно, верстах в десяти от нее, было встречено сильное сопротивление красных. Из опроса плененных выяснилось, что большевики сосредоточили в районе этой станицы сильный отряд пехоты с артиллерией, имевший задачей ликвидировать Кубанский отряд. Разгорелся бой. Ружейный и пулеметный огонь противника наносил довольно чувствительные потери, но артиллерия его действовала лишь морально, давая перелеты.

После полудня у стрелков Туненберга почувствовалось некоторое замешательство, быстро передавшееся тылам, находящимся в непосредственной близости от цепей. В это время на левый фланг стрелков быстро выдвинулся, по личной инициативе, со своим отрядом полковник С. Улагай, перешел в решительное наступление, а за правым флангом боевого расположения оказались густые цепи. То были обозные, раненые, члены Рады и правительства, выстроившиеся, по инициативе войскового атамана, в несколько линий и обозначившие наступление.

Энергичные действия полковника Улагая и появление этих цепей заставили красных начать отступление. Этим воспользовался полковник Косинов, решительно атаковавший левый фланг противника, а Стрелковый полк с криком «Ура!» перешел в наступление. Бой был выигран. Красные отступили к Калужской.

Здесь надо отметить следующее: в самый критический момент боя, когда выходили цепи обозных и других нестроевых и безоружных, из Шенджия прискакали несколько черкесов и радостно сообщили, что в их аул пришел разъезд от Корнилова и что сам он движется туда же. Сообщение это некоторыми лицами, занижавшими высокое положение находившихся в тылу, было названо провокационным, и они советовали

не верить ему; но когда о прибытии черкесов узнали на фронте, то поверили правдивости их слов, и радостное известие удвоило энергию стрелков, преследовавших врага.

Ночь отряд провел в открытом поле, под дождем. Уже с наступлением темноты на хутор, на котором находился войсковой атаман, а также командующий отрядом и Полевой штаб, прибыл из Добровольческой армии разъезд под командою Генерального штаба полковника Барцевича¹²⁵ (лично известного начальнику Полевого штаба), который сообщил о прибытии Корнилова с Добровольческой армией в Шенджий и поведал о том, что генерал Корнилов двинулся от Лежанки (Средне-Егорлыкского) на Екатеринодар, но, узнав в станице Кореновской об оставлении нами Екатеринодара, ушел через Усть-Лабу за Кубань. И в то время как мы отходили от Гатлукая, он был в 30 верстах от него. Теперь все поверили в скорое соединение с Добровольческой армией Корнилова.

12 марта, с рассветом, была нами занята Калужская. Красные отошли на Ново-Дмитриевскую и слободу Георгиевскую. 14 марта, по уполномочию войскового атамана, для свидания с Корниловым в аул Шенджий выехал Покровский, произведенный атаманом в чин генерал-майора. С Покровским был начальник Полевого штаба, конвойная сотня и сотня черкесов.

По дороге в Шенджий был встречен казак, везший пакет, адресованный: «Калужская. Полковнику Филимонову». Покровский взял этот пакет и вскрыл его. В нем оказалась записка начальника штаба Добровольческой армии генерала Романовского о том, что командующий Добровольческой армией «предлагает полковнику Филимонову прибыть в Шенджий». Записку эту генерал Покровский оставил у себя и, кажется, в дальнейшем не передал атаману.

В Шенджии генерал Покровский был встречен криками «Ура!» бывших там добровольцев, которые узнали его и приветствовали его как капитана Покровского. Когда Покровский с конвоем приблизился к дому, в котором был Корнилов, последний вышел на крыльцо, а затем быстро вернулся обратно. Сотни были выстроены против дома Корнилова, а сам Покровский с начальником штаба вошли во двор, где

были встречены начальником штаба генералом Романовским и генералом Марковым и приглашены обедать.

За обедом, на котором присутствовали генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Марков, Романовский, Гулыга и Эрдели, генерал Корнилов расспрашивал Покровского о последних событиях на Кубани. Генерал Алексеев все время молчал. После обеда все указанные лица были приглашены в комнату Корнилова, где последний предложил дать сведения о состоянии Кубанского отряда.

После доклада этих данных генерал Алексеев спросил Покровского, уполномочен ли он на переговоры с командованием Добровольческой армии. Получив утвердительный ответ, генерал Алексеев предъявил три основных пункта, на которых должно состояться соединение Добровольческой армии с кубанцами: 1. Упразднение правительства и Рады. 2. Подчинение атамана командующему Добровольческой армией. 3. Вливание кубанцев в Добровольческую армию.

Покровский ответил, что на такие требования он самостоятельно согласиться не может. На этом разговор о соединении кубанцев с добровольцами и окончился. Здесь же было условлено о совместном наступлении на станицу Ново-Дмитриевскую. Генерал Корнилов пожелал поздороваться с выстроеными сотнями. Он им сказал несколько слов и благодарил за службу России. Покровский провозгласил ему «Ура!», дружно подхваченное сотнями. На этом свидание закончилось. Покровский вернулся в Калужскую.

17 марта в станице Ново-Дмитриевской состоялось совещание представителей Кубани с командованием Добровольческой армии. От Кубани присутствовали: войсковой атаман полковник Филимонов, председатель правительства Быч, председатель Рады Рябовол, представитель горцев товарищ председателя Рады Султан-Шахим-Гирей и генерал Покровский. От командования Добровольческой армии: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский и Эрдели. Всеми указанными лицами было подписано следующее соглашение:

1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения

всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряды, как это признано будет необходимым.

2. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

С этого дня Кубанский отряд вошел в состав Добровольческой армии генерала Корнилова, насчитывавшей в своих рядах к моменту соединения 2770 бойцов и больше чем удвоившейся Кубанским отрядом, состоявшим из 3150 бойцов. В дальнейшем история Кубани тесно сплелась с историей Добровольческой армии.

* * *

Теперь несколько слов об отряде полковника Кузнецова. Получив задачу прикрывать операцию отряда на Пашковской переправе, полковник Кузнецов, по уходе главных сил, в ночь на 6 марта остался со своим отрядом в ауле Шенджий и сразу же потерял связь с главными сотнями отряда, ушедшими, как ему было известно, через аул Лакшукай к Пашковской переправе. Красные в течение этого дня активности не проявляли, но не проявил ее и полковник Кузнецов. Он весь день и следующую ночь стоял в Шенджие, выставив на ночь слабое охранение.

На рассвете 9 марта красные со стороны Пензенской подошли вплотную к Шенджию и обстреляли его ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Кузнецов, не принимая боя, приказал отряду отходить на запад к хутору Конради, где и сосредоточил почти весь свой отряд. Незначительная же его часть отошла через легко проходимое болото на аул Лакшукай, где и соединилась с главными силами.

На хуторе Конради полковник Кузнецов собрал отряд для обсуждения вопроса, идти ли на присоединение к главным

силам или уходить в горы. Некоторые взводы отказались обсуждать этот вопрос, доложив, что решение это зависит от начальника отряда, а их дело исполнять приказание, другие же согласились высказать свое мнение, но предварительно стали задавать вопросы для уяснения обстановки. Эти вопросы не понравились полковнику Кузнецову, он приказал «прекратить митинг» и следовать за ним в горы. Орудия, которые почти не имели снарядов и только тормозили движение, были испорчены и там же брошены.

После незначительного боя с большевиками, занимавшими станицу Калужскую, отряд полковника Кузнецова прошел и далее через нефтяные источники к селению Тхамахинскому, куда прибыл 9 марта. Селение это было занято красными, которые были выбиты пулеметным огнем. Далее до 20 марта отряд двигался по глухим, трудно проходимым дорогам через Псебе, Георгиевское, Малое и Большое Псеушхо на Божьи Воды.

Когда жители Туапсинского и Сочинского округов узнали о движении «кадет», они приготовились к отпору им. О «кадетах» черноморские крестьяне знали лишь от большевиков, не жалевших красок, чтобы представить нас в виде грабителей и насильников. Туапсинский и Сочинский исполкомы распространили воззвание к крестьянам, предупреждая их о грозящей опасности и приглашая взяться за оружие. Вследствие этого отряду Кузнецова, преодолевая трудности движения по скверным дорогам, приходилось день и ночь иметь дело с окружавшим его врагом. Особенно тяжело пришлось при переправе через реку Туапсинку у сел. Георгиевского. Там путь пролегал по узкому ущелью, склоны которого были заняты большевиками и вооруженными крестьянами.

20 марта отряд пришел в селение Божьи Воды, расположенное на правом берегу сильно разлившейся реки Псезуапсе, где и стал по квартирам. Горы противоположного берега были заняты отрядом сочинцев и туапсинцев, посланных для уничтожения отряда полковника Кузнецова. Чтобы выиграть время, последний послал есаула Лисевицкого и 2 казаков в исполком сел. Лазаревского с требованием пропустить отряд в Грузию, а сам в ночь на 22 марта двинулся на

восток с целью пройти через селение Грачево на Тубинский перевал и далее в долину реки Пшехи.

Предупреждения местных жителей о том, что путь этот непроходим, полковник Кузнецов не принял во внимание. Отряд выступил, протаптывая снег для того, чтобы могли двигаться лошади. К тому же отход отряда был замечен противником, который, переправившись по мосту из бревен, нажимал на взвод полковника Бабиева, бывший, как всегда, в арьергарде. Снег проваливался, и вскоре выяснилась совершенная невозможность вести лошадей. Решено было их бросить и дальше идти пешком.

Трудно передать переживание каждого из чинов отряда при расставании с конями, неоднократно выносившими их из беды. Но вот лошади брошены, седла изрублены, с собою взято лишь самое необходимое. Отряд пошел дальше. Противник, по-видимому занявшись сбором лошадей и брошенного имущества, не преследовал, и отряд Кузнецова, выбившись из сил, провел остаток ночи в поле, в снегу.

На рассвете следующего дня отряд двинулся дальше и к вечеру достиг селения Грачевка, состоящего из нескольких хат, разбросанных вдоль дороги на 100—200 саженей. В крайнем доме на западной окраине селения стал на ночлег шедший в голове взвод полковника Демяника. С наступлением темноты на этот дом внезапно напали большевики и уничтожили весь взвод вместе с Демяником. Лишь двум офицерам удалось уйти и предупредить остальных.

Не зная обстановки и численности большевиков, а также не веря в боеспособность отряда, до крайности утомленного последним переходом, полковник Кузнецов решил не принимать бой и идти на перевал. Прибыли туда к 12 часам дня 23 марта. Здесь полковник Кузнецов собрал отряд и объявил, что дальнейшее сохранение его считает бессмысленным и предложил, разбившись на группы, действовать каждому на свой страх и риск. Сам же он с сего момента не считает себя начальником отряда. Так закончил свое существование отряд полковника Кузнецова, состоявший из нашей лучшей конницы.

Отряд расплылся. Большая часть направилась на с. Тубы с целью оттуда одиночным порядком проникнуть в свои стани-

цы. Лишь 15 человек, наиболее крепких духом, во главе с полковником Бабиевым решили пробиваться дальше. Эта группа, проводником которой взялся быть полковник Кузнецов, заблудилась, прокружила целые сутки и прибыла обратно на перевал. После этого полковник Кузнецов с двумя офицерами отделился и вскоре попал в руки большевиков.

Дальнейшая судьба людей отряда такова. Полковники Бабиев, Посполитаки, большинство офицеров и казаков отряда были захвачены большевиками и попали в Майкопскую и Туапсинскую тюрьмы и лишь несколько офицеров Гвардейского дивизиона и Екатеринодарского полка избежали плена и провели остаток зимы в шалаше в лесу.

В дальнейшем все заключенные в тюрьмы по ходатайству родственников были выпущены из них и, по мере освобождения Кубани, присоединялись к своим полкам. Лишь один полковник Кузнецов был расстрелян в Туапсе, смертью своею искупив вольный или невольный грех свой перед Кубанским отрядом и людьми, которых он оторвал от него. (Полковник Кузнецов офицер Генерального штаба, он не был кубанцем, на Кубань попал в смутное время и сразу же включился в войну с большевиками в рядах добровольцев.)

*В. Боголюбский*¹²⁶

ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОФИЦЕРА О НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹²⁷

Осень 1917 года на Кубани выдалась исключительная. Стояла чудесная погода, которая здесь продержалась, не считая короткого зимнего периода, до самой весны. В столице Кубанского казачьего войска Екатеринодаре, кроме казаков, возвращавшихся с Западного и Кавказского фронтов домой, собралось значительное число армейских офицеров разных родов оружия. Кроме Константиновского военного училища и Школы прапорщиков, единственной армейской частью, принявшей почти 2000 солдат, был Кавказский запасный артиллерийский

дивизион. Туда-то из Тифлиса, места явки всех только что произведенных офицеров, направлялись юные артиллеристы, вышедшие из Михайловского, Константиновского, Сергиевского и Николаевского училищ на Кавказский фронт.

Втроем, отныне неразлучные до самой смерти, мы счастливо попали в уютный и гостеприимный городок, где было много иногородних, в особенности богатых торговцев-армян, совсем по-русски ласковых и гостеприимных. Мы заняли одну просторную комнату, выходящую на стеклянную галерею старого дома на втором этаже, куда попадали по деревянной лестнице, скрипевшей под быстрыми и решительными шагами молодых ног офицеров, щеголявших новыми сапогами и новой формой.

Хозяева — старушка мать с пожилой дочерью — старались нам не мешать, но как-то незаметно заботились о нас, а мы, в свою очередь, аккуратно им платили невысокую аренду из нашего небольшого жалованья. Причитавшихся же суточных в 3 рубля в день нам едва хватало на пропитание, так как любое блюдо в Войсковом Собрании или бутылка вина стоили ровно рубль: приходилось выбирать между обедом и ужином.

Службой в это время мы не тяготились, а, имея достаточно свободного времени, тратили его на посещение знакомых, обычно семей с невестами, где были всегда тепло и радушно приняты. Дежурства по дивизиону выпадали редко, а на учения солдаты, в массе фронтовики, не выходили: давала себя знать свобода, провозглашенная Февральской революцией. Солдаты тоже благоденствовали в гостеприимной столице и занимались своими частными делами или политикой, но старательно охраняли имевшиеся в единственной 2-й батарее 4 пушки. Около них-то они и спасались от фронта, а будучи приписаны к общему котлу, сытно ели. Заведующий хозяйством заботился одинаково о всех, а поэтому и жалованье выплачивалось более или менее аккуратно. Гостеприимное казачество, чувствуя себя частью России, ни в чем не отказывало и до поры до времени терпело иногородних.

Молодым офицерам, особенно вышедшим из Константиновского артиллерийского училища, впервые здесь пришлось лицом к лицу столкнуться с коммунистической пропагандой,

так как в Петрограде генерал Бутыркин сумел удержать своих юнкеров в стенах училища, оградив их от вторжения вредных идей. Словом, в нас, так сказать, еще не успели проникнуть и впитаться революционные идеи. Почти все офицеры еще думали о фронте, не имея, очевидно, ясного представления ни о нем, ни о разрушительной работе революционной пропаганды.

Лишь возвращавшиеся оттуда обстрелянные офицеры своими рассказами заставляли молодых призадуматься о происходившем кругом, так вразрез шедшем с нашей спокойной провинциальной жизнью, которой нам «перед смертью» хотелось еще насладиться. О фронте старались не думать и развлекались охотно, принимали приглашения в гости и даже на балы.

Изредка приходили вакансии в тяжелую артиллерию, но возвращавшиеся назад или бесследно исчезавшие уехавшие туда офицеры заставляли нас инстинктивно держаться друг друга и не распыляться. То же самое происходило и с солдатами, число которых росло с невероятной быстротой. Попадали ли они сюда случайно и застревали здесь или их сюда с какой-то целью посылали нарочно — не было известно. Очевидно, было и то и другое. До конца октября все было, однако, спокойно, между тем в начале ноября, после победы большевиков в столицах, началось заметное волнение среди солдат, происходило что-то, что заставляло нас настораживаться. И действительно, готовилось что-то совсем неожиданное, первое испытание в тылу, как раз в самом Екатеринодаре.

Несмотря на июльское поражение, большевистская пропаганда не унималась, увеличивая разложение армии. Солдаты радовались безделью, беспечной жизни, изредка митинговали и, казалось, не спешили домой, имея отличное продовольствие. В их поведении оскорбляло отсутствие дисциплины и поражало вышедших из неразложившихся училищ офицеров панибратство и назойливость в политических разговорах. И поэтому тянуло скорее уйти из душной, накуренной и переполненной до отказа казармы и освободиться от разных вопросов социального порядка, к которым мы никак не были подготовлены. В этой серо-зеленой массе пока никто особенно не выделял

ся, лишь смутно чувствовался нарастающий антагонизм и недобрый блеск разгоравшихся взглядов, всегда устремленных на золотые погоны. Нам казалось, что это лишь временно, а с уменьшением людского состава все пойдет лучше. Однако подсознательно напрашивался вопрос, для чего их сюда столько набралось в казачий стан и удастся ли их отсюда выдворить. Было ли это стечение следствием общего, старого, еще действовавшего плана усиления резервов для отправки на фронт или нового социалистического, в целях завоевания Кубани, — тогда нам еще не было известно.

После Октябрьского переворота среди солдат явно проявился антагонизм и к офицерству и к казачеству. Молодые из казаков живо разъезжались по станицам, а старики стали концентрироваться около своего атамана полковника Филимонова, неся гарнизонную службу. Как целая часть держался гвардейский дивизион, при наличии всех еще оставшихся в живых офицеров. Перейдя от охраны царя к атаману, они становились главной мишенью революционной пропаганды, а поэтому неминуемо у нас должно было произойти столкновение с дисциплинированными казаками. Враждебно настроенные к казачеству солдаты сейчас становились и нашими врагами.

Между тем старики станичники установили хороший надзор за «нижегородними», а в особенности за «нашими» пушками, которые солдаты охраняли еще по привычке. Но в одну темную ночь казаки-артиллеристы, отвлекая внимание полусонных часовых, взяли пушки в передки и прикатили их в казармы Гвардейского дивизиона. На следующий день солдатам было предложено расплытаться, а офицерам — собраться у атамана полковника Филимонова.

Так образовался 1 ноября 1917 года первый офицерский отряд, просуществовавший всего две недели. Пушки были наши, но не надолго. Почему-то отряд был расформирован, и на короткое время настала полная неопределенность положения.

Между тем на улицах города начинались митинги, в которых приняли участие нераспылившиеся еще солдаты; заметно выросло число штатских в защитных френчах, кото-

рые то и дело организовывали митинги, поднимались на возвышения над толпой, кричали, потрясали кулаками. Стали оскорблять офицеров, а поэтому одному в форме ходить становилось опасным. Так заканчивалась спокойная и довольная жизнь в кубанской столице. Красная улица посерела, на прогулках корзо не было больше живости. Опустели магазины, рестораны. Работали лишь две «Чашки чаю», театр и Войсковое Собрание, где офицер мог получить за 1 рубль одно блюдо: суп, жаркое, сладкое или бутылку вина. Больше двух блюд на обед или на ужин позволить себе было нельзя. Иногда устраивались еще балы в институте, куда мы неизменно ходили втроем, нанимая каждый своего извозчика, дожидавшегося затем конца бала. Чаше отсиживались у знакомых или ухаживали до поздних часов. В это время появились и первые женщины-прапорщики: Таня и Оля. Первая — небольшая, полненькая, живая брюнетка, а вторая — крупная и спокойная блондинка. Обе притягивали к себе взгляды мужчин и женщин. Офицеров они аккуратно отшивали, а с барышнями охотно разговаривали и прогуливались по корзо. Большинство из нас чувствовало неловкость, разговаривая с ними, но когда мы их лучше узнали, то почувствовали к ним уважение. Мы вскоре оценили этих офицеров, окончивших Александровское военное училище и пробравшихся сюда после уличных боев, так трагически окончившихся в Москве. Они обе были так не похожи друг на друга по внешности, да и судьба их скоро разделила навсегда.

Обычно мы держались втроем: кавказец-мусульманин, поляк-католик и москвич, православный. Еще больше жались друг к другу, когда остались без дела, под угрозой надвигающихся событий.

Стась, влекомый мечтаниями, не встречал с нами Новый год в гостеприимной казачьей семье. Повеселились там так, что по дороге домой мы с Петей поссорились, так как он выражал желание пострелять в воздух, а мне хотелось идти спать. После этого долго не разговаривали.

Как я упомянул, еще в начале ноября мы были вызваны к атаману, который, ввиду тревожного положения в его столице, предложил нам вступить в формируемый им офицер-

ский отряд, в целях самообороны. Но как только солдаты поразъехались и наступило кажущееся спокойствие в городе, нас распустили по домам с предложением брать имеющиеся «вакансии» и ехать на фронт. Мало кто решился на это, так как обстановка стала невыносимой и нужно было чего-то ждать. Мы решили не разлучаться и редко выходили вечером, в особенности в одиночку.

И вот однажды пришло письмо из Москвы от той девушки-героя, которая отдала свою жизнь за страдавшую Родину, но не в качестве офицера, а сестрой в свои неполные 16 лет. В своем трагическом письме она описывала уличные бои в Москве, когда вспыхнула Октябрьская коммунистическая революция. Это она у Никитских ворот в белой косынке перевязывала раненых, крестила умирающих и бодрила юношей под градом пуль восставших красных, которыми на «той стороне» командовал ее брат. Когда-то, будучи вольноопределяющимся и попав затем в Школу прапорщиков в Москве, он был узнан лично знавшим всю его семью генералом Оболенским у Бим-Бома и за ношение штатского костюма отправлен с маршевой ротой на фронт. А через полгода вернулся в Москву солдатским депутатом.

Их было трое братьев-погодков из богатой купеческой семьи. Старший, теперь солдатский депутат, крупный, упитанный и жизнерадостный блондин, едва лишь достиг 20-летнего возраста, средний — небольшого роста, плотного сложения, бледный, со стеклянным глазом студент-пораженец и младший — хрупкий, таявший от неизлечимой болезни, по-своему красивый невысокого роста брюнетик, которого портил довольно крупный, неправильно приставленный нос. Все они выросли в богатой семье и среди богатых родственников, один за другим с легкостью оканчивали свое образование в частном реальном училище, имевшем все казенные права. С началом войны каждый нашел себе применение: старший был призван; второй, избежав призыва из-за стеклянного глаза, поступил в Коммерческий институт и поселился в Замоскворечье, устроив революционную конспиративную квартиру в своей грязной и непроветриваемой комнате. Начав с социализма, сделался коммунистом и кончил поражением в войне, за что не раз

получал нагоняи от старших родственников, но продолжал свое разрушительное дело на деньги, тайно получаемые от матери: отец не хотел его знать. За ним осталась кличка, удачно ему прилепленная одним приват-доцентом Московского университета: убежденный дурак или подлец; вторая, впрочем, в то время ему еще не подходила. На Рождество 1916 года этот пораженец пережил небольшой испуг, когда один из друзей семьи, один из редких в то время русских патриотов, прочел ему в присутствии родственников такую лекцию о его поражечестве, что тот надолго скрылся из виду, боясь показываться в обществе. Сестра Таня и пишущий эти строки оказались свидетелями унижительной для всей семьи этого революционера сцены.

Эти три представителя золотой молодежи не задумываясь пошли по революционному пути, проторенному темными элементами, недостатка в которых в конце войны не было. В то время им было позволено все, так как и в свободе в старой России недостатка не было. Пропаганда шла и поддерживалась с охотой почти всеми: надоела война, нужны были зрелища, и не беспокоило, что в столицах не было хлеба. Революция выбросила на поверхность все сомнительные элементы и вместе с ними и этих трех братьев. С восторгом они ее встретили, и все трое принялись ее углублять, начав с оргий: красный командир, агитатор-пораженец и бездельник. Выросшие около дедовского театра, они применили свой сценический дар к жизни, превратив в чудовищную действительность все дурное, виденное на сцене и в семье.

Итак, полученное мною письмо повествовало о страшных уличных боях в Москве, где я недавно расстался с семьей и с автором этой трагической сводки, полученной благодаря работавшей еще почте.

Несомненно, что это письмо, которое я прочел моим двум друзьям, повлияло на нас. Вдруг нам стало ясно, что вслед за столицами ожидает и нас нечто подобное здесь. Там гибли лучшие офицеры и юнкера в неравной и неорганизованной борьбе против разнузданных полчищ сатаны в образе выродка Ленина. Я узнавал его облик в знакомых лицах красного командира, замызганного пораженца и в неизменно элегантном

красивом выродке. Москва после этого письма стала вдруг чужой и... недоступной. Казалось, что все было кончено и что мы никогда больше не встретимся. Вместо надежды на свидание осталась томительная безнадежность с подсознательным выводом: нужно начинать здесь... И мы пошли втроем к Га-лаеву; там мы узнали о судьбе Ростова, там мы начали то, в чем нуждалась наша измученная Родина: борьбу за освобождение от большевиков и за мир. Это как бы подсказала нам храбрая русская девушка с наполовину татарской кровью, бывшая сначала, год тому назад, свидетельницей унижения пораженца в собственной семье, а затем стремительного восхождения их всех по иерархической лестнице активных коммунистов.

Помню, что мне удалось еще в письме ответить ей рассказом о нас троих, сдержанно намекая на цель нашей организации. Она узнала, что подтолкнула нас на решительный шаг: выбор между мучительной и славной смертью, которая ожидала почти всех нас, не мог быть сделан лучше. Таким образом, на юге появилась смена павшим героям севера с категорическими требованиями отмщения за них. Только единицы, чудом сохранившиеся в боях в Москве и в Петрограде, пробрались сюда. Двое из них оказались женщины-прапорщики, Таня и Оля. А еще через год явилась новая смена; среди них была и та девушка, не знавшая страха, — другая Таня, которая, не сгибаясь, пошла со своей сумкой с бинтами навстречу смерти, в то время, когда за нее переживали страх не только ее мать, остававшаяся в Москве, но и те, кто случайно шел рядом с ней. Не раз пришлось наблюдать, как просто она все это делала, без рисовки и с одной, казалось, мыслью о своем долге, не думая об опасности; судьба ее хранила в боях, но уготовила ей неожиданную смерть на посту врача в Югославии, где она и умерла на руках несчастной матери, разыскавшей ее там. Белый памятник еще одной марковке остался стоять на ее могиле, сооруженный заботливыми руками матери, сумевшей вырваться из «земного рая» для того, чтобы похоронить любимую дочь.

Неравная борьба немислима без героев-рыцарей. Это не значит, что все были таковыми, но что все остальные им подражали — да. Да и другого выхода не было; некоторые из них

пришли обстрелянными с войны, опытными в стойкой борьбе, а поэтому они легко вели за собой остальных — и юношей и детей. Одним из первых павших в бою рыцарей был Галаев. Я помню этого высокого офицера с монгольским лицом, подчиняющего и прямого. Он начал, воочию научив молодежь рыцарству, и первый пал. А рядом с ним пала и маленькая Таня Бархаш.

Вот так началось на Кубани. Сначала отряд полковника Галаева занимал большое кирпичное здание железнодорожной школы, находившейся на небольшой площади против вокзала. В это тихое и не предвещавшее ничего серьезного утро все чины отряда были налицо. Таня и Оля около своих пулеметов, мы — около единственной пушки-девятисотки. Несмотря на январь месяц, стояла непривычная для северян, но приятная и для них теплая погода. На самое Рождество и на Новый год выходить можно было без шинели. А между тем...

На вокзальной площади былолюдно, но спокойно, если не считать значительного числа военных, увеличившегося с прибытием длинного эшелона, появление которого возвещалось продолжительным гудком. В этом самом гудке и в вывалившейся из поезда серой толпе чувствовалось что-то неповседневное. Настороженность, сообщаемая событиями и эксцессами по отношению к офицерству, вызывала какое-то смутное предчувствие. Все невольно жались друг к другу, то подходя к пушке, то возвращаясь в полупустое здание, которое было для нас слишком просторно: сотня офицеров была едва заметна даже в столовой.

Между тем расплывшаяся масса пассажиров поезда шныряла по площади, люди удалялись в город, возвращались снова и образовывали группы, среди которых скоро появились крикуны-агитаторы, угрожающе махавшие кулаками в нашу сторону. Слушатели одной из них, обращенные к нам спинами, при этом оборачивались, усугубляя угрозы криками. Все чаще стали подниматься кулаки, все чаще раздавались взрывы негодования толпы, но слов разобрать было невозможно. По движению толпы и по поворачивавшимся к нам неумытым физиономиям можно было заключить, что речь шла о нас — кадетях, занявших школу.

Усиливающиеся выкрики заставили часового, юнкера Николаевского кавалерийского училища, насторожиться, как раз в этот момент от толпы отделилась фигура в защитной шинели и в нахлобученной солдатской папахе, не совсем уверенно шагавшая в направлении к нам. Трудно было определить, был ли он пьян или ему мешал огромный мешок, валившийся со спины в сторону. На ходу он то судорожно хватал его свободной рукой, как бы боясь расстаться с содержимым, то вдруг останавливался, стараясь вытащить что-то из кармана. Искал ли он оружие или просто хотел спрятать свободную руку в карман — сказать было трудно... Все стихло в ожидании какого-то зрелища, когда, наконец, в его руке появился револьвер. Толпа двинулась за ним с явной целью ворваться во двор, где было несколько офицеров, и в самое здание, как видно, чтобы учинить расправу. Ускорив шаг, почти бегом, приближалась полусогнутая фигура в солдатской шинели, готовая выстрелить в часового. Послышался окрик, и раздался выстрел. Угрожающе поднятая рука опустилась, и револьвер упал на землю, мешок качнулся, скрыв человека и выпустив наружу явно награбленное добро; фигура больше не шевельнулась, оставшись лежать на мостовой. Снова юнкер прицелился, чтобы поразить следующего из зарвавшихся, но затем опустил винтовку: испуганная толпа отхлынула и вмиг очистила площадь. Вскоре засвистел паровоз, и эшелон, тяжело трогаясь, гудел, оставляя на площади опоздавшего мертвого пассажира. Так на Кубани пала первая жертва и пролилась первая кровь во имя порядка и за честь Родины.

Не прошло и десятка минут, как послышался протяжный, завывающий гудок, его подхватил другой, за ним третий, и вскоре поднялся такой адский гул, какого я не слышал даже потом во время воздушных тревог. Гудели паровозы в депо, сирены фабрик дополняли эту жуткую гармонию, продолжавшуюся, казалось, вечность. Наконец, один за другим, видимо израсходовав пар, прекращались гудки: началась забастовка. Рабочие двинулись в город, осторожно обходя наши казармы.

Рабочая масса оцетинилась, тайно запросив помощи у Новороссийска. Ожидаемая ими, но неожиданная для нас, она пришла с толпой солдат, взбунтовавшихся против своих офи-

церов. Начиналось многолетнее безумное пролитие крови, голод, болезни и мучения, неизменно заканчивавшиеся всеисцеляющей смертью, потекли потоки братской крови, подобных которым не знала история человечества. В особенности увлажнили землю миллионы людей, павших в большевистских застенках. Добровольческая же армия, борясь за честь русского офицера и солдата, несла справедливость.

Отряды Галаева, Покровского, Лесевицкого, Киевское военное училище и Школа прапорщиков, при поддержке казачества, достойно встретили тройное наступление большевистских банд, направленных вдоль главных железнодорожных линий: из Новороссийска, из Тихорецкой и из Кавказской, не считая Черноморскую ветку железной дороги, где пока обнаружались лишь демонстрации.

У Галаева едва ли была сотня бойцов, но среди них были прапорщики Таня и Оля. Галаев, осанкой похожий на Врангеля, такой же высокий, но более плотный, сразу завоевал общее доверие. Глядя на него, галаевец знал, что именно сюда он хотел попасть. Уверенность в непоколебимости нашей силы была такова, что даже незначительное количество бойцов не внушало никаких сомнений. Каждый знал, что не дрогнет, а если нужно, то дорого продаст свою молодую жизнь.

И вот рано утром какого-то января нового 1918 года мы выступили из казарм. Помню, оглянулись назад — там никого не оставалось. Некому было охранять недавно отстоянную от первой атаки цитадель — мы были нужны в другом месте. С этого момента у нас не было больше постоянной стоянки, началось Кубанское движение, казарма перестала быть необходимой в нашей бродячей жизни. Перешли Кубань и остановились на узкой дамбе, не доходя разъезда Энем, занятого красными. Чем ближе подходили мы с пушкой, тем явственнее становилось, что бой, первый бой, начался. По сторонам дамбы в темной болотной топи бухали разрывы вражеских гранат, а над головой то и дело вспыхивали «журавли» высоких шрапнелей, стреляли красные неумело. Изредка вздрагивала и подскакивала наша девятисотка, экономно расходуя снаряды. Стасик был наводчиком, ему помогали остальные. Прошел вперед мимо нас паровоз, а вскоре впереди раздалось

дружное «Ура!», замелькали фигуры, затрещали еще живее выстрелы, покрываемые редкими пулеметными очередями. Наконец, все слилось в общий гул, прерываемый лишь редкими выстрелами нашей пушки. Красные дрогнули и побежали, бросая все. Вражеская артиллерия спешно снималась, перестав стрелять. Наши бойцы пошли, не сгибаясь, пошли все, кроме двух: вставшие первыми полковник Галаев и прапорщик Таня Бархаш остались навсегда лежать на гостеприимной кубанской земле. Осиротела теперь Оля, осиротели мы все, смерть начала, а затем продолжила свое дело: пали Чернецов, Нежинцев, Корнилов, Марков, не закончив еще очередь для тех, кто потом ушел за границу.

Но вот снялись и мы, поскакав (в буквальном смысле слова) по шпалам узкой дамбы железной дороги на Новороссийск, и остановились на разъезде Энем, в панике брошенном красными толпами перед наступлением горсти офицеров-галаевцев. Почти всю ночь провели на разъезде. Было тихо, но так темно, что в двух шагах нельзя было рассмотреть стоявшей наготове пушки. Прошел весь день, и снова пала ночь. Пришло приказание выступать на Георгие-Афипскую, снова по шпалам. Казалось, как на ученье или просто на прогулке. Вскоре же стало ясно, что навязанная нам красными борьба продолжается, так как слышалась отдаленная стрельба, медленно приближавшаяся по мере нашего движения, а облачное небо осветилось заревом пожаров, принимая зловещий вид. Не успели мы пройти и половины пути, как зарево вспыхнуло с удвоенной силой и слышалась беспорядочная ружейная стрельба впереди.

Где-то высоко, справа от большого закругления железнодорожного пути, по которому мы с трудом продвигались, появились бесчисленные дымки разрывов шрапнелей, но так высоко, что они могли служить лишь декорацией для оранжево-светлых облаков, нависших над землей. К счастью, дождя не было, но чувствовалась необычайная сырость. Мы продолжали движение шаг за шагом, шпала за шпалой, преодолевая препятствия. Ездовые, переступая по шпалам, осторожно под уздцы вели уносы, стараясь не упасть, подбадрывая коней.

А вот что тем временем произошло впереди. Наш отряд, остановившись недалеко от моста через Шаш перед станцией

Георгие-Афипской, предпринял короткую операцию. Пользуясь темнотой, горсть офицеров с поручиком Андреем Шварцем во главе вошла на железнодорожный мост, тихо сняла часового с подчаском и, поддерживаемая остальными офицерами, ворвалась на вокзал и выбила оттуда противника. Немногие красные, разбуженные беспорядочной стрельбой, успели спастись.

Между тем отряд капитана Покровского, давивший с фланга и появившийся в тылу противника, заставил его очистить привокзальный пустынный район и отойти в направлении станции Крымской. Часть их засела и продолжала отстреливаться из окруженной станции. Так мы, остановившись на высокой дамбе, оказались удобной мишенью для их винтовок. Ввиду запрещения стрелять по станции пушку пришлось свести на расширение дамбы перед мостом, где, едва прикрытые полотном справа, мы заняли более удобную позицию против залегших и окапывавшихся на другой стороне речки стрелков противника. Вскоре стрельба прекратилась и наступила сравнительная тишина.

К полудню на горизонте, со стороны станции Северской, показался дымок, и скоро можно было различить железнодорожный состав, медленно выползавший из лесу по ту сторону большой ложбины, слева от полотна. Послышалась команда поручика Толя: к бою, огонь — на прицел 150. Стасик нажал спусковой механизм, раздался выстрел, и снаряд понесся туда. Удачный разрыв нашей гранаты, и паровоз окутался вырвавшимся паром, а затем, вдруг выпустив клубы черного дыма, быстро скрылся из виду. Вслед за этим красные поднялись и побежали. Раздалось несколько выстрелов, и поле битвы осталось за нами. На этом и закончилась наша операция на Новороссийском направлении. Так просто, казалось поначалу. У нас двое убитых и несколько легкораненых, но моральная потеря велика, погиб командир отряда и первая женщина-прапорщик. Хотелось верить, что на этом и закончится, как вдруг нас спешно перебросили на Тихорецкое направление, где нас ожидали сюрпризы.

Между тем вставал вопрос о недостаточном снабжении снарядами, а поэтому пришлось ехать в Екатеринодар в вой-

сковое управление, где с большим трудом удалось получить небольшое пополнение. Казаки и сами чувствовали недостаток в снарядах. От этого недостатка страдали мы впоследствии в продолжение всех походов, пока не расширилось пространство, занятое Добровольческой армией. Сейчас, обивая пороги разных штабов и управлений, удалось выпросить кое-что, включая две новые трехдюймовые пушки образца 1902 года. Был также на скорую руку сооружен бронепоезд. Из двух орудий одно двинулось на Выселки на поддержку отряда Покровского, а другое осталось в резерве, а затем было выслано на Кавказское направление. Для верности пушку, погруженную на платформу, укрепили так, чтобы при необходимости можно было стрелять, не спешиваясь. Двинулись, толкаемые сзади паровозом, изображая переднюю платформу бронепоезда. Однако пока стрелять с платформы не пришлось, так как на фронте было тихо; лишь поползли разные слухи; впервые мы услышали о печальной судьбе Ростова. Но куда двинулся Донской отряд? Этого мы не знали.

Не дожидаясь противника, мы сгрузились и стали на позицию в зарослях сухого кустарника вблизи полотна железной дороги. В это время появился неприятель, которого командование, оказывается, давно ожидало: это была часть 59-й дивизии, целиком возвращавшейся с Турецкого фронта, которая долго митинговала в Тихорецкой и, наконец, решила, вместо возвращения домой, двинуться против нас. Вскоре густые цепи красных определились на горизонте. Усиливался ружейный и пулеметный огонь, но артиллерии у них не было. Имея мало снарядов, мы изредка посылали шрапнели против зарвавшихся частей. Несмотря на наш меткий огонь, противник, не ложась, продвигался, охватывая наши позиции, защищаемые горстью офицеров. Отступая, наши редкие цепи сомкнулись, прижавшись к железнодорожному полотну, но где-то впереди редкими очередями еще строчил пулемет. С приближением противника пришлось пушку снова погрузить на платформу и отстреливаться с нее. Но это продолжалось не долго, потому что орудие хоботом пробило платформу и осталось глядеть в небо. Пришлось опять сгрузиться.

Как только стрельба улеглась, паровоз ушел за топливом, а спереди по полотну, толкаемая Олей, подкатилась вагонетка с пулеметом и остановилась около орудия. Прапорщик Оля перелезла дух, усевшись спокойно на край вагонетки. Это была девушка, которая действием своего пулемета остановила наступление грозной дивизии, нанеся им ощутительные потери.

Красные помитинговали, затем погрузились в вагоны и укатили в Тихорецкую, выполнив свою задачу. Мы отступили, оставшись одни на поле сражения. Для нас это была как бы победа, но кратковременная, так как послужила лишь звеном к трагическому будущему, которое прозреть мы тогда не могли; убедились лишь в том, что отдыха скоро не будет, что спокойная жизнь уходила в небытие. Пошли слухи о том, что Донской отряд двинулся на Кавказ. О падении Ростова ничего не сообщалось, как и не сообщалось официально о движении генерала Корнилова на юг.

Ночью пришлось снова отправиться за снарядами, которые теперь сразу получили, так как вопрос о занятии станции Выселки, для укрепления подступа к Екатеринодару, стал насущной необходимостью. Для артиллеристов дали еще и классный вагон, который необдуманно прицепили вместе с паровозом к орудию: при первом же выстреле вылетели все стекла, и спать пришлось в холодном вагоне: зима вступала уже в свои права. Вместе с тем начинались лишения, так сложно сплетавшиеся с успехами на фронте, жизнью и смертью... Следующий бой был снова выигран, а заняв Выселки, мы стали там на отдых.

После смерти нашего первого командира мы продолжали называться галаевцами. Полковник Галаев дал первый бой и заплатил своей жизнью за первую победу. Долго еще не верилось, что нет этого невозмутимого человека. Он с какой-то только искусному боевому офицеру присущей простотой подошел к молодежи и приобрел сразу доверие и внушил авторитет. С первых же дней стал близким и любимым командиром.

Однако, перечисляя еще раз рыцарей Добровольческой армии от самого ее основания, нужно назвать имя полковника Филимонова, атамана Кубанского войска в то тяжелое время

первого периода борьбы против красных в Екатеринодаре. Он сумел примирить иногородних с казаками, создать единую силу, выполнившую свой долг не только перед казачеством, но и перед Родиной. Он создал Кубанский отряд, назначив тогда еще капитана Покровского командующим, против чего не возражала и Рада, так как его авторитет быстро возрос после взятия станции Выселки. Сказать о нем можно коротко, еще короче, чем вся история Добровольческой армии. Как отличный русский летчик, привыкший принимать быстрое решение, находясь в самолете, он и на твердой почве, отличаясь личной храбростью, вдруг выигрывал сражения, однако на его долю выпала самая неблагоприятная работа переходной стадии развития армии. Он оказался наследником павшего в бою Галаева, но кому-то нужно было затушевывать его заслуги; нежеланием признавать его быстрого производства в полковники, а затем в генералы был лишь подчеркнут существовавший еще тогда шовинизм старшего командного состава, что, собственно, и приблизило нас всех к быстрой катастрофе.

Нет больше рыцарей, павших на поле брани, нет и чудобогатырей, вдруг в то лихолетье превратившихся в грабителей-насилльников. Под Энемом, под Афипской, бывшей не раз театром военных действий за короткое время, то есть там, где только вырастали редкие цепи бледных белых рыцарей, без выстрела двигавшихся навстречу неудержимому огню, красные не выдерживали, бежали, буквально таяли, бросая винтовки, мешки и оставляя сапоги. Очумелые, движимые лишь стадным чувством и покорностью нагану комиссара, а часто просто в погоне за добычей, одинаково бессмысленно они бросались в атаку или отступали. Победа нам доставалась сравнительно легко, но материализовать ее было некому. Злой рок продолжал преследовать командиров, как бы в наказание за измену Царю. Лишь стоило появиться храброму начальнику, как он падал, сраженный снарядом или пулей в бою. Оставшимся в живых становилось все тяжелее продолжать или осуществлять начатое ими дело, тогда как Красная армия начинала развиваться.

Между тем события развертывались с необычайной быстротой, несмотря на медлительность митинговавшей черни.

Центральная Россия уже была под властью красных. Лишь на незначительных участках, на Севере, Западе и Юге разгоралось Белое движение, приняв совсем иные формы на Востоке.

Когда наступило сравнительное успокоение на Кубани, перестали спешить, потеряв таким образом драгоценное время для формирования и закрепления завоеванного. А поэтому снова появившиеся полчища красных сравнительно легко, давя своей массой и неся неисчислимые потери, продвигались вперед. Снова ощущался недостаток в вооружении, да и людского резерва не было. Многие военные предпочитали скрываться в тылу в то время, как фронт истекал кровью: там стояли немногочисленные ряды бойцов. Оставшиеся в живых, истощенные непрерывной борьбой, чувствовали усталость. Одной храбрости было недостаточно. Нужна была лучшая организация, хорошее снабжение и надежная связь, а этого не было. Тактически побеждая, оперативно проиграли. Личная храбрость белых бойцов, не ложившихся и не сгибавшихся под пулями, не могла изменить хода революции.

Картина боя могла быть описана в несколько штрихов. Офицеры, юнкера и солдаты по первой команде вставали и шли, не ложась, а если падали, то лишь под градом пуль противника, чтобы не подняться больше никогда. Зачастую бой начинали пушки: артиллеристы, выскочив вперед с орудием, когда еще не было своих цепей или обгоняя их, становились на открытую позицию и стреляли прямой наводкой. Снарядов же было мало, а поэтому действия артиллерии были не столько материально действительными, сколько просто подбодряли наступавших бойцов. А за то, что артиллеристы, не щадя себя, выезжали галопом на открытые позиции, разворачивались и поражали цепи противника прямой наводкой, выпустив едва несколько снарядов, пехота была признательна и вершила чудеса храбрости.

Несмотря на все, а может быть, вследствие еще меньшей организованности Красной армии, в первых боях Кубанского отряда не преминули появиться успехи. Так, например, казалось, что со взятием Выселок и укреплением Тихорецкого направления кончатся наши мучения... Но не тут-то было...

Артиллерию потребовали на Кавказское направление, то есть бои теперь разгорались по всем четырем железнодорожным линиям, сходявшимся в Екатеринодаре. Чисто казачьи части сдерживали красных на Черноморской ветке. Сейчас же с особенной силой красные давили на станицу Усть-Лабинскую, где командовавший генерал Султан-Келеч-Гирей оборонялся со своими черкесами в родном ауле Ульском, куда и послана была наша пушка. Обрадованные черкесы, видимо боясь нашего ухода, ночью сами охраняли орудие, а нас со всевозможными почестями разместили по домам, где мы впервые за это время насладились настоящим отдыхом. Сытые, мы проснулись лишь тогда, когда красные начали наступление. Только благодаря такому случайному отдыху мы смогли с честью поддержать горсть черкесов и их белого генерала. Окруженные с трех сторон, черкесы медленно отступали, не бросая пушку, которая теперь, вероятно, оставалась в их глазах символом дорогого, но потерянного аула.

Следующий день принес нам тяжкие испытания. Темные куколки далеких, но густых вражеских цепей обрисовывались на обширном горизонте, когда мы едва оправались от короткого удара преследовавших нас красных, занявших аул. Очевидно, что горсти горцев и казаков, пополнявших редкую цепочку офицерского отряда, будет не под силу обороняться от в десятки раз сильнеешего противника, частей 39-й регулярной дивизии.

Поэтому все наши силы стягивались к Усть-Лабинской, занимавшей высокий берег Кубани, обеспечив таким образом правый фланг. Теперь красные наступали в лоб вдоль железной дороги. Бой длился целый день, и лишь когда их части, вновь захватившие станцию Выселки, обошли наши позиции слева, создалось катастрофическое положение. Более беспорядочного отступления я не видел в течение почти трех лет Гражданской войны. Лишь бронепоезд, наскоро сколоченный из досок и мешков с песком, спас в некотором смысле положение, позволив вернуть брошенное было уже орудие и пулемет. В результате мы вернулись к станице Пашковской в то время, как другие части также сворачивались, окружая Екатеринодар на последней, безнадежной ступени к его подступам.

Еще ночь — и, оставив Екатеринодар, весь Кубанский отряд оказался на низком берегу Кубани, печально маршируя в горы в поисках неведомой птицы.

Так кончилась наша Кубанская эпопея, едва длившаяся один месяц. Погода благоприятствовала, снегу не было, и это то, чему мы главным образом обязаны своим спасением. Около 2000 штыков и сабель с несколькими пушками оставили столицу Кубани и начали кружение в поисках отступавшего из Ростова на юг Корнилова.

Ушли из Екатеринодара под давлением значительных сил красных, под сосредоточенными ударами вдоль четырех линий железных дорог: Черноморской, Тихорецкой, Кавказской и Новороссийской, и лакомый кусочек — сердце Кубани — ценою огромных потерь достался врагу. Защищать Екатеринодар при отсутствии снаряжения, рискуя разрушить город и уничтожить значительную часть населения, — смысла не было. Необходимо было сохранить здоровое ядро белых бойцов, отсидеться, а тогда снова начать борьбу за овладение потерянными пространствами и за восстановление погранных человеческих прав.

В поисках Донского отряда, уходя от преследования красных и натываясь всюду на вражеские силы, естественные преграды и терпя неудачи, мы кружили за Кубанью, достигая Кавказских предгорий среди черкесских аулов и «великорусских» станиц. Но оттуда мы снова вернулись, чтобы вдруг продемонстрировать свою силу перед Екатеринодаром и засвидетельствовать оставленным на произвол большевиков мирным жителям о своем существовании. Кошмарные бои, с потерями и безнадежностью на будущее для нас, тревожные ночи для жителей в результате принесли какой-то плод: вероятно, об этих боях услышал Корнилов.

Еще раз произведя демонстрацию, мы двинулись в горы, где поджидавшие красные начали сжимать нас со всех сторон. Казалось, выхода больше не было. Уже цепи красных, охватывая отряд, приближались к сгрудившемуся в ложбине обозу, когда вдруг все, как один, движимые какой-то непонятной силой, бросая скарб и телеги, бросились навстречу красным: оказывается, весть о приближении Донского отря-

да, внезапно распространившаяся среди кубанцев, достигла обоза и превратила его в действующую единицу. Спускавшиеся в лощину цепи красных, не ожидавшие больше отпора, отхлынули и исчезли. Путь на соединение с Корниловым оказался открытым. Обе части будущей Добровольческой армии слились в одно целое, были встречи братьев, друзей, однокашников, казалось навсегда утерянных.

Слияние практически совершилось в станице Ново-Дмитриевской, взятой Донским отрядом в тяжелом бою. Две боевые силы, как две сестры, родившиеся в степях, одна — Дона, другая — Кубани, должны были оставить свои казачьи станицы произволу красных. Обе они ушли в поисках; первая — Кубани, другая — просто спасаясь от уничтожения. Донская армия проделала, считая часть территории Донской области, более долгий путь от Ростова до места встречи, чем армия Кубанская, которой не было иного пути, как горы. У первой был лишний шанс, идя на Кубань, найти сестру по оружию; сначала на Екатеринодар, а затем, узнав о его сдаче, в поисках кубанцев. От слияния обеих частей как раз в момент самых тяжелых испытаний их самостоятельного существования, когда казалось, что и сама природа противилась этому, образовалась мощная Добровольческая армия. Здесь, собственно, Кубанский отряд и вступил в 1-й поход, начатый Донским отрядом в Ростове.

В эту тяжелую ледяную ночь, так сильно и красочно описанную еще раз марковцами в книге полковника Павлова, красные благоденствовали в теплых избах, не думая уходить. Присутствие их в Ново-Дмитриевке, мешая нашему развертыванию, оставалось бы также постоянной угрозой Добровольческой армии. К тому же нужен был отдых перед новым походом и промерзшим бойцам. «Внутренний враг» в виде насекомых стал заедать невыносимо, и не было возможности от них избавиться, не переменяв белья, не постирав наскоро и не вымывшись.

В ветреную и морозную ночь части Добровольческой армии по горло в ледяной воде перешли разлившуюся речку и ворвались в станицу. Красные в панике бежали, а солнечное утро приветствовало отдохнувших добровольцев, начавших смертный бой с насекомыми.

После слияния отрядов главнокомандующим стал генерал Корнилов. Генералу Покровскому был дан незначительный пост, но были признаны его заслуги. Отчасти этим была сглажена острота отношений между обеими частями армии и частично скомпенсирована несправедливость по отношению к новому молодому генералу. Безусловно, что здесь сделана была ошибка, так как в угоду штабу была принесена в жертву насущная необходимость в стойких командирах, один за другим гибнувших из-за неудержимой своей храбрости. Генерал Покровский блестяще справился с поставленной ему задачей и заслужил, конечно, более справедливого к себе отношения. К тому же он был облечен доверием Кубанского правительства и атамана генерала Филимонова.

Время шло, надо было действовать, а поэтому армия вскоре двинулась в поход. Хотя рядовым бойцам еще не была ясна цель начатого движения, но с появлением станицы Георгие-Афипской для офицеров, бывших уже ранее здесь, цель похода — Екатеринодар — не могла дольше оставаться тайной. Мы остановились в виду железнодорожной станции в ожидании известий от частей, посланных на переправу через реку Кубань у Елизаветинской. Здесь произошла совершенно непредвиденная второстепенная операция, стоившая нам массы артиллерийских снарядов. Правда, она помогла быстрому занятию станицы и станции Георгие-Афипской, но дорогой ценой, что и дало себя знать при самой осаде Екатеринодара, когда там именно не хватило снарядов.

В эти дни тяжелых операций, при отсутствии связи между отдельными частями, нашу армию продолжал преследовать злой рок. После первых успешных продвижений начались неудачи. Пали лучшие из лучших, а численность армии сократилась вдвое. Среди самых тяжелых потерь были полковник Нежинцев и сам генерал Корнилов. Остававшиеся еще в живых под ураганным огнем опомнившегося противника готовились к последнему штурму. Все, способное носить оружие, должно было быть двинуто в бой. Наличный состав артиллерии сократился до минимума. Остававшиеся при пушках, неся потери, бессильно наблюдали бой и изредка выпускали по снаряду, получая в ответ ураганный огонь. Наводчик 2-го

орудия будущей Марковской батареи упал, пораженный пулей в глаз. 1-е орудие было продвинуто в ложбину, достаточно скрывавшую его присутствие. Его меткой стрельбой была значительно ослаблена деятельность бронепоездов противника. Капитана Шперлинг со своим биноклем умел выбрать стоящую лишнего выстрела цель. Его личная храбрость не подлежала сомнению, а его близорукость придавала ему ореол героя: без бинокля он мог влететь в цепи противника, а с биноклем обычно обнаруживал обход. Часто он должен был отстреливаться на картечь от неожиданно появившихся красных, которых он не заметил или принял за своих. Лишь один раз в 1-м походе стрелял он по-настоящему, без бинокля, когда он в ночной темноте с десятка шагов поразил паровоз красного бронепоезда под Медведовской и выдержал ответный беглый огонь в продолжительной артиллерийской дуэли на картечь. Его превзошел тогда в деле храбрости только один генерал Марков, лично захвативший половину этого бронепоезда, бросив в классный вагон ручную гранату. Это он снабдил нас снарядами, захваченными здесь же в большом товарном вагоне этого «ночного чудовища». Артиллерия была снова вооружена, а армия и ее обоз благополучно пересекли полотно, продолжая свое смертное шествие на Дон.

Оканчивая это изложение, написанное по памяти почти через полвека после событий, я прошу прощения за случайные неточности, вкравшиеся здесь. Всех, интересующихся строгим формальным разбором операций, видимых «сверху», я отсылаю к книге марковцев, а также, и прежде всего, к трудам генерала Казановича и полковника Сербина, необыкновенно объективно разобравших все эти исторические события. Я не претендую на научность в статье, желая подчеркнуть лишь тот молодой энтузиазм, который помог командованию спасти Белую Идею, а остатки армии вывезти за границу.

Думаю, что среди нашей зарубежной молодежи есть немало сердец, как и на Родине, готовых воспламениться по первому призыву и стать на защиту попранных диким материализмом заветов наших предков, образовав смену павшим бойцам и погибшим преждевременно Белым Вождям, начиная с Чернецова и Галаева и до Врангеля и Власова.

ПЕРВЫЙ БОЙ НА КУБАНИ¹²⁹

К концу января 1918 года красная волна хаоса и анархии грозила захлестнуть и столицу Кубани — Екатеринодар.

Фактической и реальной силой, на которую опиралась кубанская власть, были два маленьких партизанских отряда — первый войскового старшины Галаева и второй капитана В.А. Покровского. Отряды эти состояли почти исключительно из молодых офицеров, не старше капитанского чина, юнкеров и другой учащейся молодежи. Первое время деятельность отрядов заключалась в несении караульной службы в разных пунктах города, а главным образом — в разоружении проходивших через Екатеринодар эшелонов, чтобы лишить возможности разнузданные солдатские массы предать анархии еще уцелевший край. Отряд Галаева был расположен в центре города в духовном училище, и при отряде мною была сформирована 4-орудийная батарея, причем первые два орудия были обманом и хитростью добыты у армянского ополченского дивизиона, расположенного в здании кинематографа в городском саду. Вся батарея состояла из офицеров и учащейся молодежи.

На рассвете 22 января население Екатеринодара было разбужено орудийным огнем со стороны Энема — первой железнодорожной станции в Новороссийском направлении. Это были первые выстрелы, с которыми началась кровавая эпопея Кубани.

Сторожевая застава от отряда, охранявшего железнодорожный мост через Кубань, донесла, что от Новороссийска движутся эшелоны большевиков и разложившейся 39-й пехотной дивизии, бросившей Турецкий фронт. Наступавшими частями было предъявлено требование о сдаче Екатеринодара. Войсковой старшина Галаев без всяких колебаний в ответ на это требование со своим отрядом около 130 человек пересек железную дорогу в 4—5 верстах к западу от Екатеринодара, встретив наступающих убийственным пулеметным и ружейным огнем.

Одновременно с выступлением отряда я приказал немедленно запрягать орудия и двигаться за пехотой. К этому времени лошадей и упряжи было только на два орудия. Лошади, раздобытые всякими путями, никогда в упряжи не ходили и только пятились назад, так что первые две версты пришлось орудия катить на руках, ведя лошадей в поводу. Пройдя по шоссе мимо городского сада, около железнодорожного моста батарея была встречена большевистски настроенными рабочими завода «Кубаноль», которые отпускали угрожающие замечания по нашему адресу, и только присутствие двух пулеметов Люиса сдерживало их от активных враждебных действий.

Я занял позицию непосредственно на полотне железной дороги, сейчас же за цепями и пулеметами галаевцев, и открыл беглый огонь по наступающим, в колоссальном количестве превосходящим маленький отряд Галаева. Позиция, на которой мы встретили красных, очень благоприятствовала обороне. Это было узкое дефиле — полотно железной дороги и рядом шоссе; справа и слева непроходимые кубанские плавни, так что противник не имел возможности развернуть свои силы, насчитывающие до 6 тысяч человек, и в то же время наши фланги были совершенно обеспечены.

Весь фронт боя не превышал пятидесяти шагов. Огонь прямо в лицо наших 10 пулеметов Максима, ружейный и шрапнель моих орудий — был настолько силен, что каждая попытка противника продвинуться вперед немедленно пресекалась, а придорожные вербы были совершенно срезаны и снесены огнем. Мой наблюдательный пункт был тут же, на правом фланге цепей, на крыше железнодорожной будки.

К 4—5 часам вечера наше настроение стало падать. Ружейной пулей была убита доблестный командир пулеметного взвода прапорщик Татьяна Бархаш. Стало закрадываться неприятное чувство — что же дальше? Назад пути не было, так как местные большевики с рабочими завода «Кубаноль» уничтожили бы отступающую горсть галаевцев; впереди — противник, справа и слева — плавни. Был один выход — сражаться до конца! И каждая попытка противника опрокинуть галаевцев отмечалась новыми сотнями трупов, устилавших узкое пространство боя.

Около 6 часов вечера со своего наблюдательного пункта я заметил сильное движение у противника, и огонь стал слабеть. Немедленно вперед была выдвинута разведка, которая обнаружила паническое бегство красных. Взявшись в передки, я со своими орудиями, меняя позицию за позицией, почти в упор шрапнелью преследовал бегущих по шоссе и полотну железной дороги. Паника у большевиков объяснилась тем, что командир другого партизанского отряда капитан Покровский, увидев, что бой принял затяжной характер, со своим отрядом в 160 человек, обойдя плавни с юга, через аул Тахтамукай вышел к станции Энем, находящейся на три версты в тылу у большевиков, и все красные, бывшие против нас, очутились в узком мешке, из которого вырваться уже было невозможно.

Разгром противника был полный. У станции Энем были захвачены 4 действующих орудия, что дало нам возможность запрячь остальные два орудия и пополнить снаряды. Эта первая победа подняла дух и повлекла за собой усиленный приток партизан. Но нам, галаевцам, победа стоила дорого: мы лишились души отряда, своего первого командира — первого партизана Кубани, грудью принявшего натиск красных и смертью своею запечатлевшего содеянный подвиг.

Соединившись на станции Энем, оба отряда, под общим командованием капитана Покровского, уже 25 января лихой атакой, в которой капитан Покровский лично работал штыком, взяли станцию Георгие-Афипскую, захватив при этом 12 легких и 4 тяжелых орудия. На самой станции был убит военный министр «Новороссийской республики» юнкер Яковлев. Население Екатеринодара восторженно приветствовало победителей, торжественно продефилировавших по городу с отбитыми трофеями.

Эти две победы, после которых капитан Покровский был произведен в полковники и под нашим давлением был назначен командующим войсками Кубанского края вместо генерал-лейтенанта Гулыги, нанесли такой разгром красным на Новороссийском направлении, что на этом фронте до самого оставления Екатеринодара и ухода в 1-й Кубанский поход противник не решался приступить к активным действиям.

ВСТУПЛЕНИЕ В КУБАНСКИЙ ОТРЯД¹³¹

В ноябре 1917 года, после 18-месячного пребывания в полку (23-м Туркестанском стрелковом) на Кавказском фронте, я получил отпуск. Кавказская армия уже разлагалась — части уходили в тыл. Бросила позиции и особенно распропагандированная большевиками 39-я дивизия. Ушли в то время, когда готовилось наступление на турецкий город Сивас с целью сокращения Кавказского фронта. Покинули огромные запасы оружия, продовольствия и корма для лошадей. Грузились на пароходы в Трапезунде с направлением на Новороссийск и Батум, откуда шли через Кавказ в сторону Кубани — в богатый край.

Вскоре после моего прибытия в Екатеринодаре начали формироваться добровольческие отряды — войскового старшины Галаева, полковника Лесевицкого и капитана (впоследствии генерала) Покровского.

Капитан Покровский был храбрым и энергичным офицером. Будучи военным летчиком в Первой мировой войне, он первым из летчиков был награжден офицерским Георгиевским крестом. Во время разведки он напал на немецкий аэроплан, заставил неприятеля снизиться и взял в плен и летчика, и его аэроплан. На Кубань он прибыл в надежде, что там начнется формирование добровольческих отрядов в защиту родного края. Он не ошибся.

Я и мой брат Сергей, тоже вернувшийся с Кавказского фронта, поступили в отряд капитана Покровского. Формировались мы в здании 1-й мужской гимназии. В городе уже начались волнения. Мы несли охрану атаманского дворца и здания Кубанского войскового штаба. Небольшим еще отрядом нам пришлось разоружить запасный батальон 83-го Самурского полка. В январе большевики начали наступление со стороны Новороссийска и неожиданно подошли близко к Екатеринодару.

Первый бой был у станицы Энем, в 10—12 верстах от Екатеринодара. Отряд капитана Покровского (около 120 бой-

цов: офицеров, юнкеров и гимназистов) и отряд войскового старшины Галаева с боя заняли станицу Энем, захвативши 16 пулеметов и около 500 человек пленных, из которых многие были мобилизованные казаки. В ту же ночь была занята станица Георгие-Афипская. В этом бою пали смертью храбрых войсковой старшина Галаев, а на мосту, сдерживая противника, лично управлявшая пулеметом девушка-прапорщик Татьяна Бархаш. Большевики отошли к Новороссийску, а мы вернулись в Екатеринодар.

Вскоре красные начали снова стягивать свои части к Екатеринодару. 39-я дивизия, подкреплённая другими частями, главными силами наступала от станции Кавказской и станции Тихорецкой. Отряд полковника Лесевицкого держал фронт в направлении станции Кавказской, отряд капитана Покровского — на станцию Тихорецкую. Под Выселками произошел бой. Под сильным натиском противника, во много раз превышающего наши силы, отряд капитана Покровского вынужден был отступить в направлении Екатеринодара. В этом бою погибли два офицера, и мне было приказано сопровождать их тела в Екатеринодар для погребения с воинскими почестями. Такие похороны происходили в городе ежедневно.

26 февраля, уже будучи в чине полковника и назначенный на должность командующего войсками Кубанской области, В.Л. Покровский отдал приказ всем не состоящим еще в отрядах офицерам прибыть в здание 1-го реального училища к 8 часам вечера. Собралось около 180 офицеров. Находясь в это время в Екатеринодаре, есаул Ремизов и я также явились в назначенное время.

Полковник Покровский, построив офицеров в две шеренги, обратился к ним со словом о необходимости защищать город. Разбив всех собравшихся на две сотни, он приказал есаулу Ремизову принять первую сотню, а мне вторую, так как мы уже участвовали в нескольких боях под Екатеринодаром. Нам было приказано немедленно отправиться на фронт, в направлении станции Тихорецкой. Некоторые пожилые офицеры, преимущественно из нестроевых, просили меня отпустить их домой. Я их не задерживал.

Поздно вечером мы погрузились в товарные вагоны и прибыли на станцию Лорис, примерно в 18—20 верстах от Екатеринодара. Фронт уже был между станцией Лорис и станцией Динской, занятой красными. Выгрузившись на станции Лорис, мы поступили под командование полковника Пятницкого¹³², боевого офицера, который приказал тотчас же, развернувшись в цепь, повести наступление вдоль железной дороги на станцию Динскую. Правее меня был есаул Ремизов, а правее его отряд полковника Лесевицкого, отходивший от станции Кавказской.

У нас был примитивный бронепоезд — паровоз, а впереди него платформа, загороженная с трех сторон железнодорожными шпалами и мешками, наполненными землей, изображавшими броню. На этой платформе были установлены 3-дюймовое орудие и пулемет. Сзади паровоза прицеплен товарный вагон для раненых.

Снег растаял, и пахотная земля размякла, что сильно затрудняло передвижение. Все же мы прошли вперед 10—12 верст. Противник открыл по нас ураганный огонь из орудий, пулеметов и винтовок. В этот день я был уверен, что буду ранен, и молил Бога, чтобы только не в ногу, так как было очевидно, что мы будем и дальше отступать. Когда наши цепи повернули обратно, я, как командир сотни, шел сзади, то есть ближе к красным, и вдруг почувствовал сильный удар в левую ногу, немного ниже колена. Как впоследствии выяснилось, пуля пробила большую и малую берцовые кости. Пробовал идти вслед за сотней, но не мог, так как кровь хлюпала в сапоге и боль была сильная. Я упал. Большевики уже были видны. Огонь их, особенно орудийный, был настолько силен, что все заволокло дымом. Кругом падали снаряды и было много раненых и убитых.

С трудом поднялся и, опираясь на приклад винтовки, начал прыгать на правой ноге, но она вязла в грязи. Остановился, жду, и сам не знаю чего. Сотня моя ушла вперед шагов на 400—500. Ну, думаю, конец. Живым решил не сдаваться, так как знал, что эта банда мученически прикончит. Вынул из кобуры наган и приложил к виску. В этот момент увидел бегущего ко мне офицера. Оказался командиром взвода моей сот-

ни, в чине есаула. К глубокому сожалению, забыл его фамилию, а ведь он спас меня! Но с тех пор прошло 53 года. Оказалось, он заметил отсутствие командира сотни и, обернувшись назад, увидел, что я стою и держу револьвер у виска. Опершись левой рукой на его плечо, я начал подпрыгивать. Подбежал еще один офицер; они устроили носилки из двух винтовок и понесли меня к нашему бронепоезду, который то шел вперед, стреляя по противнику, то отходил под его обстрелом. Так мы прошли 2—3 версты. Но что значит молодость! Я вспомнил старинную песню: «Носилки не простые, из ружей сложены, а поперек стальные мечи положены...» — и, не смотря на боль, запел ее.

Подошли к полотну железной дороги. Бронепоезд остановился, чтобы подобрать раненых. Туда кое-как всадили и меня. Весь вагон был набит ранеными, и я сел у самого входа. Отходили под непрерывным обстрелом.

Уже почти у станции Лорис в противоположный от меня угол вагона, где сидел раненый полковник, попал снаряд. Его осколками и щепками полковник был буквально изрешечен. Хотя и в страшных мучениях, он еще жил. Дальнейшей судьбы его я не знаю, так как мы приближались к Екатеринудару. В вагоне мне сделали примитивную перевязку. Пришлось разрезать сапог, которого я так больше и не видел. Под вечер прибыли на станцию Екатеринода.

На вокзале встретил полковника Покровского и брата Сергея, который был у него адъютантом. Раненых сняли и поместили в залах вокзала, где был устроен перевязочный и питательный пункт. Девушки — гимназистки и институтки — старались, чем могли, помочь и облегчить страдания раненых. Меня на носилках вынесли из здания вокзала и положили в открытую прицепку трамвайного вагона, который доставил меня в войсковую больницу, на Крепостной площади. При перевязке доктору пришлось разрезать и мои брюки, так как кровь за это время присохла к материи. Мои синие галифе, мою «гордость», сняли с меня, и их тоже, как и моего сапога, я больше не видел.

На следующий день, то есть 28 февраля, пришел мой отец, каким-то чудом узнавший, что я ранен и нахожусь в этой

больнице. Мой отец, мама и семья полковника Покровского за три дня до этого были отправлены в станицу Поповичевскую, где у моего отца были верные друзья.

Он был сильно расстроен, увидя меня в таком положении, и решил спасти меня. Ни извозчиков, ни каких бы то ни было других перевозочных средств уже не было. Отец решил, пользуясь темнотой, отнести меня на плечах в Круглик, громадную рощу, где помещалась сельскохозяйственная школа и где у него также были друзья. Расстояние от больницы до Круглика, находящегося в противоположном конце города, было 10—12 верст, но, зная моего отца, я уверен, что, несмотря на его годы, он донес бы меня в рощу. Мне все же удалось убедить его, что оставаться в Екатеринодаре я не могу. В памяти у меня осталось, как осторожно он поглаживал мою раненую ногу, как бы желая убедиться, что она хоть и ранена, но цела, не ампутирована.

28 февраля полковник Покровский приказал начать эвакуацию Екатеринодара, где уже начались беспорядки. Большевики подошли близко к городу. Поздно вечером наши отряды оставили город. Перешли мост через Кубань и направились в черкесские аулы, население которых нам сочувствовало. В аулах произошло переформирование. За боевые отличия Кубанское правительство произвело полковника Покровского в чин генерал-майора, что он, безусловно, заслужил.

Обоз наш был большой — раненых около 180 человек, войсковой атаман, полковник Филимонов с семьей, Кубанское войсковое правительство и беженцы. Все это двигалось на подводах. Генерал Покровский имел маленький автомобиль и, зная, что я ранен, предоставил его для меня и других. В этом автомобиле поместились только прапорщик Павлуша Слитков и я. Шофером был вольноопределяющийся Семенцов, сын директора 2-й мужской гимназии. Не помню, сколько верст мы важно проехали в автомобиле, как вдруг наш знаменитый автомобиль остановился — нет бензина, и снабдиться нигде нельзя. Положение неприятное. Обоз проходит в спешном порядке, а мы ни на одну подводу не можем устроиться, так как все перегружены. На наше счастье,

едва ли не последняя подвода остановилась. Оказалась двуколка со снарядами ящиками. Нас подобрала.

В то время уже имелись сведения, что с Дона идет армия генерала Корнилова на соединение с нами. Делались попытки наладить связь с генералом Корниловым посредством радио, но не увенчались успехом. Как выяснилось позже, генерал Корнилов уже дошел до станицы Кореновской, примерно в 40—50 верстах от Екатеринодара, и, узнав, что мы город оставили, повернув налево, пошел по нашим следам.

В течение нескольких дней после выхода из Екатеринодара у нас велись бои с красными. Под станцией Калужской завязался неравный бой — противник во много раз превышал нас численностью. Настал момент, когда раненые, кто мог держать винтовку, пошли в цепь. Мы же, которые не могли двигаться, считали, что нам пришел конец. Мой брат Сергей подъехал ко мне верхом и сказал, чтобы я в последнюю минуту, не сдаваясь, застрелился, а если я не буду в состоянии этого сделать, то он меня пристрелит.

Был яркий, солнечный день. Наша малочисленная кавалерия, обнажив шашки, бросилась в атаку (было отчетливо видно, как на солнце сверкала сталь), но, не выдержав огня противника, повернула назад. И вот, в самый решающий момент, когда уже не было никакой надежды, мы увидели конный отряд в корниловской форме. Думая, что подошла вся армия Корнилова, мы закричали: «Ура, да здравствует Корнилов!» Это услышали и большевики, тоже решив, что генерал Корнилов подошел со всем отрядом, и, повернув обратно, отошли к станице Ново-Дмитриевской. Выручил нас разъезд связи из корниловской армии, и мы заняли станицу Калужскую.

(Этот эпизод был рассказан ученикам школы Джона Боско в Сан-Габриел, в Калифорнии, преподавателем истории. На мою просьбу объясниться, откуда у него эти сведения, он сказал, что брат одного из его бывших студентов (в университете, где он раньше преподавал) был участником этого боя на стороне большевиков. — А. М.)

Через два или три дня (точно не помню) мы окончательно соединились с армией генерала Корнилова и заняли станицу Ново-Дмитриевскую, где произошла перегруппировка.

В Ново-Дмитриевской мы пробыли около двух недель. Раненых поместили в школе на полу, подостлавши солому. Ввиду того, что моя рана загрязнилась, доктор предложил мне ампутировать ногу, опасаясь, что начнется гангрена. От этого я решительно отказался и по сей день не жалею. После двухнедельного отдыха в станице Ново-Дмитриевской рана моя, перед тем загноившаяся, вдруг открылась, гной вышел, и я почувствовал облегчение. При помощи сестры милосердия и костылей (правда, очень коротких для моего роста) я даже мог прогуливаться во дворе школы.

В станице Ново-Дмитриевской я встретился со старшим братом Василием, о судьбе которого ни я, ни Сергей ничего не знали. Встреча была радостная, несмотря на то что оба мы были ранены — Василий был ранен в руку.

Армия, под командованием генерала Корнилова, двинулась на Екатеринодар.

Ф. Елисеев¹³³

О СОРОКИНЕ¹³⁴

После Февральской революции 1917 года нашу дивизию перебросили из-под Карса в Финляндию. Здесь застал нас большевистский переворот. В нашем полку он произошел совершенно безболезненно.

Наступила зима — сухая, тихая. По-летнему одетый в черкеску, в мелких галошах сверх чувяк, я быстро шагал по тротуару, спеша куда-то. Впереди меня шел медленно совершенно незнакомый мне офицер. Темно-серая черкеска облегла его тонкую талию. Дорогой работы кавказская шашка с позолотой. Такие шашки имели в старину только благородные кабардинские князья и уздени.

«Кто он?» — думаю, приближаясь к нему. Равняясь с ним, вижу погон сотника 3-го Линейного полка. Лицо мне незнакомое. Услышав шаги, он повернул голову в мою сторону, улыбнулся и произнес запросто тоном «старшего в чине»:

— Здравствуйте, подьесаул.

Лицо у него сухое, смуглое, чуть с рябинками. Глаза смеющиеся, словно он «все знает». Видя мое недоумение, он сказал с улыбкой:

— Не узнаете?.. Сорокин¹³⁵. Помните Кагызман 1915 года? И я вспомнил скандальный случай с корнетом Чумаковым¹³⁶. Но теперь сотник Сорокин совершенно не был похож на того «серого» прапорщика. Тонкие усы опускались вниз, как у молодого запорожского казака. Это был стройный, подтянутый, щеголеватый офицер.

Он сказал, что прибыл из Петрограда, где состоит в Союзе трудового казачества — подотделе Совета солдатских и рабочих депутатов в Петрограде. Теперь он едет на Кубань.

Союз трудового казачества хорошо был нам известен. Он работал против Союза казачьих войск в Петрограде, председателем которого был войсковой старшина Дутов, будущий атаман Оренбургского войска. Мне с Сорокиным говорить было не о чем. Для приличия спросил:

— Зачем же вы едете на Кубань?

— Там предстоит мне большая работа... и вы об этом потом узнаете, — спокойно закончил он наш разговор.

Полки нашей дивизии вернулись на Кубань в конце декабря 1917 года в полном порядке со своим оружием, пройдя всю Россию, где уже два месяца была советская власть. На узловой железнодорожной станции Кавказская эшелоны полка встретили толпы полупьяных солдат. Оказывается, в хуторе Романовском (теперь город Кропоткин) частями 39-й пехотной дивизии, вернувшейся с Турецкого фронта, был разграблен и подожжен винокуренный завод. Дивизия заняла железнодорожные узлы — Армавир, Кавказскую и Тихорецкую, учредила в них военно-революционные трибуналы и признала советскую власть.

После рождественских каникул приказом Кубанского войскового атамана полковника Филимонова были демобилизованы казаки старших присяг, и полки пополнялись молодыми казаками. 39-я пехотная дивизия в самом начале 1918 года перешла в наступление на Екатеринодар со стороны Кавказской и Тихорецкой. Все станицы на восток от этих станций

сохранили свое казачье самоуправление, но были отрезаны от войскового правительства в Екатеринодаре и потеряли с ним всякую связь. Чтобы узнать, что делается вне нашего полка в станице Кавказской, я в «маскараде солдата» на линейке с пленным турком, работавшим у отца, выехал в Романовскую, чтобы на вокзале, может быть, купить газеты. Оставив турка у черного выхода с линейкой, вошел в 3-й класс. Короткий поезд с пудмановскими вагонами шумно подошел к вокзалу и круто остановился.

— Что это? — спрашиваю кого-то.

— Прибыл главнокомандующий Красной армии товарищ Сорокин, — ответили мне.

Этот ответ удивил и испугал меня. Я могу быть опознан и тогда — что? Надо немедленно удирать. Скорым шагом спешу по длинному широкому коридору к выходу, где стоит моя линейка, и вижу — навстречу мне идет Сорокин. Я его сразу же узнал. Он в той же черкеске и с тем же дорогим холодным оружием, с которым я видел его в Финляндии, но, конечно, теперь без погон. Надвинув потертую шапчонку на глаза, скорым шагом у стены, спешу к дверям, чтобы не попасться на глаза главнокомандующему Красной армии. Но он меня опознал, остановился и произнес:

— Здравствуйте. Что вы здесь делаете? — спросил он спокойным тихим голосом, но руки не подал.

— Приехал купить газеты, — ответил я ему так же тихо.

— Пройдемте со мною в телеграфное отделение... Мне надо дать распоряжение, — предложил он.

Только что мы вошли в телеграф, как в комнату быстро вломился некто в солдатской шинели на полураспашку, с ремнями накрест по груди и с револьвером в кобуре на жилоте.

— Здравствуйте, товарищ Сорокин! — громко, радостно выкрикнул он. — Очень рад вас видеть. Я есть начальник карательного отряда Гулькевичи—Кавказская для истребления буржуев, Сережка-портной, так меня здесь называют.

Выкрикивая это, он посмотрел на меня изучающим взглядом. О нем я уже слышал в своей станице, как он грабил наших тавричан.

— Я даже заказал себе специальную печать с надписью: «Смерть «буржуям!» — И в доказательство этого быстро вынул из кармана шинели печать, стукнул ею по чистому листу бумаги и показал отпечаток Сорокину.

Смотрю на Сорокина. Лицо его сильно переменялось после нашей последней встречи в Финляндии. Он похудел, и лицо его выглядело очень усталым. Небольшие глаза, в былом самоуверенные, глубоко ввалились в орбиты. Навязчивый доклад «Сережки-портного» явно ему не понравился и, как мне показалось, — он его видел впервые.

— Вот что, товарищ... мне сейчас некогда... я должен дать распоряжение по телеграфу, поэтому я вас отпускаю от себя, — довольно строго, как приказ, произнес Сорокин, и тот вышел. (Через месяц этот «Сережка-портной» лично убил моего отца.) Я не знал, что мне делать. Надо уходить от Сорокина, но как же это сделать? Он может меня арестовать, так как мы формируем 1-й Кавказский полк из молодых казаков для помощи войсковому атаману в Екатеринодаре, против которого он ведет войну.

Сорокин пожаловался мне, что у него нет грамотных офицеров и, сделав паузу, так же тихо сказал:

— Можете ли вы поступить в мой штаб?

Этого я, конечно, не ожидал и невольно опустил голову, а потом посмотрел ему в глаза и смущенно произнес:

— Нет, не могу... и прошу вас меня понять.

Он задумался и все так же тихо произнес:

— Да... я вас понимаю... и отпускаю...

Не может быть сомнения, что Сорокин мог меня арестовать и заставить работать в его красном штабе. Но в данном случае в нем сказалась его интеллигентность, и возможно, и сознание, что он сам, кубанский офицер, делает насилие над своей же Кубанью. Главное же, как я думаю, была благодарность, что я удержал от скандала с ним корнета Чумакова в Кагызмане в декабре 1915 года.

Таковы были мои три встречи с Сорокиным, от прапорщика 1915 года до главнокомандующего Северо-Кавказской Красной армии в 1918 году. Больше я его не видел. Мы были на разных полюсах Гражданской войны.

А. Скрялов¹³⁷

ЭКСПЕДИЦИЯ БАРДИЖА НА ТАМАНЬ
В САМОДЕЛЬНОМ «БРОНЕПОЕЗДЕ»¹³⁸

В ночь на 1 ноября 1917 года кубанскими казаками, юнкерами и офицерами был разоружен имевший стоянку в Екатеринодаре «армейский запасный артиллерийский дивизион Кавказского фронта», насчитывавший от 3000 до 3500 запасных солдат, уже отравленных большевистской пропагандой. Солдат отпустили по домам, материальная часть поступила в распоряжение войска, а почти все офицеры дивизиона — в большинстве молодежь последнего выпуска Киевского Николаевского артиллерийского училища — присоединились к казакам. На другой же день из этих офицеров, с добавкой казачьих юнкеров артиллерийских и кавалерийских училищ, была сформирована первая на Кубани Отдельная офицерская батарея, командиром которой был назначен гвардейской артиллерии капитан Б. Ожаровский, происходивший из оренбургских казаков. (Брат его, первопоходник вместе с женой, сотник Сергей Ожаровский, был офицером Запорожского полка; второй брат Михаил, полковник лейб-гвардии Финляндского полка, — тоже первопоходник.) Пишущий эти строки, чей законный отпуск с театра военных действий совпал с этими днями пребывания в Екатеринодаре, был назначен вахмистром этой батареи.

Ввиду того что кубанские казачьи батареи еще находились на фронте, а положение в столице войска было напряженное, батарее была дана задача охраны Кубанского правительства и его войскового атамана. Поэтому она и была расквартирована вблизи атаманского дворца в казармах Кубанского гвардейского дивизиона.

Просуществовав всего один месяц, эта Отдельная офицерская батарея была расформирована. Не могу не вспомнить курьеза, когда командир батареи наше месячное жалованье выдавал при помощи ножниц — это были листы дешевеньких «керенок»... завоеванных революцией на смену полноценному рублю царского времени.

1 декабря 1917 года, приказом начальника артиллерии Кубанского войска генерала Чумаченко¹³⁹, была сформирована 2-я Кубанская казачья пластунская батарея под командой только что прибывшего с фронта есаула Юрия Ф. Корсуна — казака станицы Елизаветинской из доблестной артиллерийской семьи генерала Ф.Д. Корсуна, кавалера Георгиевского оружия, кадрового офицера 3-й Кубанской казачьей конной батареи. На должности взводных и младших офицеров получила назначение та же молодежь, номерами стали юнкера, а езовых набрали из казаков станиц Пашковской, Вознесенской, Екатериновской и др. На должность младшего офицера и начальника команды разведчиков назначен был я.

Но уже в конце декабря месяца, приказом командующего войсками Кубанского края генерала Черного, взвод нашей батареи был назначен в экспедицию на Тамань. Эту экспедицию должен был возглавить бывший член Государственной Думы, а позже комиссар Временного правительства Кубанского края — казак станицы Брюховецкой подьесаул Кондратий Лукич Бардиж.

Эта экспедиция военно-политического характера, по плану, выработанному ее главителем, должна была совершиться по железной дороге — по многим причинам стратегического и тактического расчета.

Для этого задания требовался (на всякий случай!) не обыкновенный поезд, а нечто более солидное, но этого у казаков тогда еще не было. Решено было соорудить своими средствами «бронепоезд», что и было осуществлено на Черноморском вокзале Екатеринодарского железнодорожного узла. Нужно было довольствоваться тем скудным подручным материалом, который оказался в то время под руками. Но молодость с ее задором, силой воли и жаждой подвига во имя Родины не остановилась перед этими препятствиями. Среди казаков нашлись мастера — слесари, кузнецы, плотники, — а среди офицеров — инженеры различных специальностей. Все они быстро засучили рукава черкесок, и... план был быстро составлен. Выбрали достаточное количество хороших открытых платформ и крытых вагонов. На двух платформах соорудили подставки для орудий (скорострельные пушки образца

1902 года). Подставками служили рамы из крепких дубовых шпал, врубленных одна в другую по ширине, равной расстоянию между колесами лафета, с крестообразной перекладной, в которой была втулка посередине, проходящая и через пол платформы. Получилась таким образом подвижная рама с орудием на ней, позволявшая поворот орудия под различными углами, почти до $\frac{3}{4}$ окружности, для обстрела, за исключением лишь той части, горизонт которой закрывала стена впереди (или сзади) идущего вагона. На двух таких платформах были установлены орудия, а на двух других — пулеметы. Прислуга на них закрывалась стальными щитами, утвержденными около орудий и пулеметов, а вдоль бортов в два ряда были доложены мешки с песком. Такими же мешками с песком были обложены внутренние стенки крытых вагонов, где в «спокойное время» находилась прислуга орудий и часть пехоты отряда.

Все вагоны и паровоз были связаны телефоном с центральным вагоном (классные) начальника отряда и его штаба. Весь этот «бронепоезд» состоял из 8 объектов: 2 орудийные платформы, 2 пулеметные, 2 врытых вагона, 1 классный и паровоз. Паровоз с классным вагоном были посередине, а от них симметрично в обе стороны — по одному закрытому вагону, по пулеметной и орудийной платформе.

В начале января 1918 года «бронепоезд» был готов, и мы, снабженные снарядами, патронами и довольствием, получили приказ выступить (точного числа сейчас не помню) по направлению станиц Медведовской, Тимашевской и Приморско-Ахтарской.

Артиллерийской частью командовал наш командир батареи есаул Корсун, пулеметчиками и пехотой — капитан Раевский, а во главе сего отряда стоял подьесаул К.Л. Бардиж. Он пользовался среди казаков большой популярностью, а потому являлся самым подходящим лицом для выполнения поставленной ему задачи: повлиять на «нейтральную» молодежь — фронтовиков, прибывших с фронта по дороге через бурлившую в революционном котле Россию и отчасти хвативших отравной пропаганды «миротворцев» большевиков. И не для них предназначался сей бронепоезд, а были сведения о том,

что просочившиеся сюда солдаты-большевики из 39-й дивизии с Кавказского фронта и получившие поддержку единомышленников-иностранцев, «пошаливают» в этом районе, имея связь через Азовское море. Не знали тогда и не думали профессиональные, продажные предатели своего отечества, что они другим и самим себе подготавливали, а за ними вслепую шли те, кому нравились посулы «рая на земле». Жизнь показала противоположное, а доверчивость была строго наказана. Стариков в то время перестали слушать: «Вы, стары, де, не знаете ничего»...

По приказанию К.Л. Бардижа кровопролитие всюду, где только к тому представлялась возможность, избегалось, и, к счастью, настоящих крупных боев нигде и не было. Бронепоезд, подходя к станциям, сдерживал ход, стрелковая цепь из него рассыпалась по сторонам от него и медленно, идя параллельно, приближалась к станции. На станции Бардиж держал речь к собравшимся казакам, и старики нас очень радушно поддерживали, присоединяясь. В станице Медведовской была первая группа во главе с полковником Демяником (погибшим в 1-м походе).

Молодежь вначале относилась с некоторым недоверием. Однако «нейтральные» казаки очень скоро выздоровели и присоединялись к нам позже в 1-м, а особенно во 2-м походах. Только на конечной станции Приморско-Ахтарской нам пришлось применить наши орудия по удиравшим на лодках в море большевистским агитаторам и убийцам.

Экспедиция, продолжавшаяся всего несколько дней на линии Екатеринодар — Приморско-Ахтарская, вернулась в Екатеринодар, а взвод пошел на соединение с батареей на Кавказский фронт, тогда образовавшийся. А затем, через месяц с небольшим, вся батарея, в составе всех вооруженных сил Екатеринодара, вышла в 1-й Кубанский поход. После занятия Екатеринодара, в августе, 2-я Кубанская казачья пластунская батарея была упразднена, а из людей ее, с добавлением новых, сформирована 6-я Кубанская казачья конная батарея под командой произведенного в полковники Ю. Корсуна. Батарея принимала активное участие в боях на многих участках фронта и в составе различных отрядов и соединений под Став-

рополем, Царицыном—Камышином и, наконец, в Донецком каменноугольном районе, откуда начался наш «исход». Сам командир полковник Корсун стал жертвой бича того времени — «испанки» — и умер в январе 1920 года. Он похоронен в Екатеринодаре рядом со своим старшим братом Львом (тоже артиллеристом по образованию, но перешедшим в конницу), погибшим на фронте Первой мировой войны.

К несчастью, батарея при отходе от Екатеринодара на юг в марте месяце была врасплох захвачена «зелеными», и сведений о ее конце не имеется. Только мне, находившемуся в это время по делам службы в Екатеринодаре и оказавшемуся отрезанным от батареи, удалось с последним поездом из Екатеринодара попасть в Новороссийск и лечь в госпиталь, заболев той же «испанкой». На пароходе «Брюэн», под охраной индийских сипаев, нас доставили в Салоники за проволоку английского лагеря, где до нас содержались большевистски настроенные русские солдаты Салоникского фронта. Союзники по войне англичане нас обезоружили.

Из офицеров трагически закончившей свое существование батареи нужно сохранить память: Николая Д. Колоколова, Александра Клименко, Александра Иванова, Георгия Левандовского, Сергея Полякова; из юнкеров Киевского Николаевского и Михайловского артиллерийских училищ: Диденко, Винникова, Моисеенко, Паласова, Зиньковского, Богданова, Тер-Азарьева и др.; казаков станиц: Пашковской, Екатериновской, Вознесенской, Усть-Лабинской и др. Хвала погибшим, а живущим — «Алла верды». Вечная память погибшему от рук убийц — расстрелянному позже в Туапсе вместе со своими сыновьями — Кондратию Лукичу Бардижу.

Л. Пермяков¹⁴⁰

МОЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ¹⁴¹

В конце мая 1917 года я получил из штаба 1-го Кавказского армейского корпуса запрос, согласен ли я занять должность помощника начальника оперативного отделения в Управлении

генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта; в этот момент я временно исполнял должность начальника штаба 39-й пехотной дивизии, штаб которой помещался в городе Эрзинджан. Получив это предложение, я отправился в штаб корпуса к командиру корпуса генерал-лейтенанту Ляхову¹⁴², несколько недель перед этим принявшему корпус с должности начальника 39-й пехотной дивизии. Генерал-лейтенант Владимир Платонович Ляхов, высокого роста, богатырского телосложения, 52 лет, всей своей внешностью походил на Императора Александра III. Твердый, решительный, суровый, он с первых боевых шагов зарекомендовал себя недюжинным начальником, сперва как начальник Батумского укрепленного района, затем в операции к Трапезунду; имел уже Георгиевское оружие и орден Святого Георгия 4-й степени; после Эрзерума блестяще командовал 39-й пехотной дивизией в Эрзинджанской операции, закончившейся разгромом турок.

Суровый и требовательный, он был обаятелен своей личной храбростью и необыкновенным хладнокровием. Явившегося к нему в дивизию на роль старшего адъютанта штаба офицера, кавалериста по роду орудия, только что соскочившего с академической скамьи, он принял просто, как опытный боевой офицер принимает еще необстрелянного сослуживца. Он предложил мне вступить в исполнение должности начальника штаба дивизии вместо уезжавшего в отпуск начальника штаба дивизии Генерального штаба полковника Драценко¹⁴³ и распорядиться в пределах предоставляемой мне законом власти, совершенно самостоятельно принимая решения, но приводить их в исполнение лишь после доклада ему. Этим он на первых порах добился того, что под его руководством я приобрел уверенность, а он, в свою очередь, доверие к своему новому помощнику, не подрывая отменой моих распоряжений моего авторитета.

Насколько он считал необходимым поддерживать и защищать авторитет своего начальника штаба, показывает случай, имевший место со мной.

Вызванный по телефону начальником штаба корпуса генерал-майором Ласточкиным¹⁴⁴ в штаб корпуса по какому-то не важному вопросу, я — временно исполняющий должность

начальника штаба дивизии штабс-ротмистр 18-го драгунского Северского полка, даже еще не причисленный к Генеральному штабу, — был принят не начальником штаба, а штаб-офицером для поручений при штабе, Генерального штаба подполковником Медведевым, с которым я и разрешил этот вопрос; возвратясь в штаб дивизии, я прошел к генералу Ляхову и доложил о причине вызова. Выслушав мой доклад, генерал как бы невзначай меня спросил, какое впечатление произвел на меня начальник штаба; я доложил, что генерал-майор Ласточкин принял меня не сам, а поручил меня принять подполковнику Медведеву. Я видел, как вскипел мой генерал, попросивший немедленно вызвать к телефону генерала Ласточкина; я от всей души пожалел подошедшего к телефону начальника штаба корпуса, так разнес его Владимир Платонович за то, что тот позволил себе так небрежно отнестись к начальнику штаба дивизии и даже не нашел времени его лично принять. Урок не прошел даром, как я убедился при последующих посещениях штаба корпуса, где меня уже всегда принимали не по чину, а по должности.

За три месяца службы с ним в штабе дивизии я привык руководствоваться мнением генерала Ляхова и теперь, получив предложение генерал-квартирмейстера штаба фронта, не хотел принимать решения без его совета. Потребовав телеграмму генквара, генерал Ляхов посоветовал не отказываться, мотивируя, что при современном положении дел на фронте в ближайшие месяцы вряд ли можно ожидать боевых действий: турки после эрзинджанских боев, как я сам мог убедиться на разведке в Харпутском направлении, за которую, между прочим, он представил меня к Владимиру 4-й степени, который, кстати сказать, я так и не знаю, получил или не получил, таким образом активных действий сами не предпримут, мы же благодаря революции также не способны к «наступлению», в результате будет затишье. Между тем работа в большом штабе, особенно в оперативном отделении, принесет мне большую пользу, а потому он советует это назначение принять. Кроме того, он высказал убеждение, что в штабе фронта сейчас будут нужны твердые офицеры, так как тут на фронте спокойней, а там все бурлит.

Два дня спустя, передав дела прибывшему вновь назначенному начальнику штаба дивизии Генерального штаба подполковнику Лошкареву, я выехал в Эрзерум. По мере удаления от фронта все явственней проступали следы великой бескровной революции: в Гассан-Кале, корпусной базе, уже замечалось падение дисциплины и растерянность среди начальства, если сравнить с порядком на фронте даже в частях, где бывали эксцессы. Так, например, в 28-м Кавказском стрелковом полку (незадолго до революции развернутая 7-я Кавказская стрелковая дивизия, из старых сроков и ратников) в отсутствие командира полка, бывшего в отпуску, произошли беспорядки, энергично прекращенные прервавшим свой отпуск командиром полковником Ивановым; при моем проезде через этот полк, стоявший в резерве корпуса, чувствовалось, что командир не сдал, и полк у него в руках — так сурово и авторитетно он продолжал держаться. В то же время в Гассан-Кале, а затем и в Эрзеруме уже чувствовалась расхлябанность.

Переночевав в Эрзеруме, устроив лошадь и вестового с назначением на Тифлис, я с вечерним поездом выехал туда.

Тифлис в эти дни еще сохранял приличный вид, он жил на проценты авторитета своего главнокомандующего генерала Юденича, который обаянием своих побед сурово, авторитетно и полновластно распоряжался в бывшем наместничестве, к большому неудовольствию комитетчиков, чьими происками он в конце концов был снят Временным правительством, перечислен в Государственный совет и замещен генералом Пржевальским, до того командующим Кавказской армией в Эрзеруме. Назначение это произошло незадолго до августовского выступления генерала Корнилова.

По прибытии в штаб главнокомандующего Кавказским фронтом и явившись по начальству, я начал свою службу в оперативном отделении управления генерал-квартирмейстера. Начальником оперативного отделения был Генерального штаба полковник де Роберти¹⁴⁵ — молодой, энергичный, несомненно способный и отлично подготовленный к занятию этой ответственной должности. По характеру был он очень приятен. Три его помощника — я, штабс-капитан Левицкий и штабс-капитан Пуницкий¹⁴⁶, из окончивших курсы Акаде-

мии — и личный адъютант главнокомандующего поручик Феников, заведовавший шифровальной частью, составляли отделение. Генерал-квартирмейстером был молодой 39-летний генерал-майор Евгений Васильевич Масловский¹⁴⁷, ближайший сотрудник генерала Юденича, начиная с известной Саракамышской операции вплоть до взятия штурмом Эрзерума, правая рука главнокомандующего при проведении всех операций на Кавказском фронте, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени, Георгиевского оружия и английского ордена Михаила-Георгия за Эрзерум.

Видный, стройный, сухощавый генерал, с красивым тонким лицом, спокойный, уверенный, очень корректный, но неумолимо строгий в служебных отношениях, прошедший еще до войны, в 1910—1913 годах, школу боевой деятельности в роли начальника штаба нашего Ардебильского отряда в Персии и только что сдавший 153-й пехотный Бакинский полк 39-й пехотной дивизии, принятый им после Эрзерума и прошедший с ним Эрзинджанскую операцию, заслуживший за год командования любовь солдат и уважение офицеров полка.

Начальником штаба фронта был Генерального штаба генерал-лейтенант Томилов¹⁴⁸, спокойный, уравновешенный, предоставивший генерал-квартирмейстеру ведение оперативных дел еще со времен, когда последний был лишь начальником оперативного отделения фронта и разрабатывал все операции, начиная с Саракамышской.

Жизнь в Тифлисе шла почти что мирным темпом, и приятно было по окончании работы в оперативном отделении, запечатав его и приставив часового, окунуться в атмосферу, далекую от действительности войны. С почетным отозванием генерала Юденича и прибытием на его место генерала Пржевальского наружно жизнь штаба не изменилась, но чувствовалось, что нет прежней твердости не только в военных вопросах, но и во взаимоотношениях с Закавказским комиссариатом, глазами и ушами Временного правительства.

В ближайшие дни после ухода генерала Юденича я был свидетелем уличных беспорядков — толпа громила магазины. Это было результатом дороговизны и нехватки некоторых продуктов, но заставляло призадуматься, что не все благополучно и

нужна твердость власти, а ее-то сама власть не желала и сознательно подрывала авторитет на местах.

В конце июля произошли перемены и на верхах Верховного Главнокомандования — ушел генерал Брусилов, замененный генералом Корниловым. Генерал Корнилов, вступив в командование, круто повернул, потребовав от Временного правительства решительных мер, до смертной казни, дабы восстановить дисциплину и боеспособность армии. Результаты этой твердости не замедлили сказаться, все присмирело, и если бы Временное правительство честно пошло по указанному пути, то оздоровление пошло бы, так как это бросалось в глаза, наблюдая штабные команды.

В августе я был дежурным офицером Генерального штаба, на моей обязанности было, в частности, наблюдение за работой связи штаба с фронтом и со Ставкой Верховного Главнокомандующего, прием и передача оперативных распоряжений.

Поздно вечером в помещение штаба прибыли три представителя от Закавказского комиссариата, в полувоенной форме, так называемой земгусарской, с пышными красными бантами на груди.

Прибывшие прямо направились в аппаратную комнату, где находились юзовские и морзовские телеграфные установки, и попытались убедить телеграфистов принять и передать на фронт по прямому проводу какую-то телеграмму, но те, основываясь на инструкции, отказывались принимать без ведома дежурного офицера Генерального штаба. Я, подошедши, узнал, что это распоряжение министра Керенского, объявлявшего изменником Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова. Так как делегаты настаивали, то я прошел в помещение караула и, вызвав караульного унтер-офицера, объяснил ему дело и напомнил, что без разрешения генерал-квартирмейстера никто не имеет права сообщаться с фронтом, и прямо спросил, исполнит ли караул мой приказ удалить этих лиц, получив утвердительный ответ, я потребовал у этих лиц удалиться и, получив наглый отказ, приказал караулу очистить аппаратную от них.

С превеликим удовольствием я наблюдал, как катились вниз по лестнице представители революционной власти, чувствуя на

своей спине острия штыков. В этот же вечер из штаба Верховного пришла телеграмма, объяснявшая провокацию мерзавца Керенского. Генерал Масловский, извещенный и прибывший в штаб, одобрил мои действия и приказал телеграмму Верховного передать по прямому проводу на фронт.

К сожалению, действия Главнокомандующего не были решительны. Генерал Пржевальский, правда, приказал занять под контроль телеграф и центральные станции города, но этим он и ограничился. Мне до сих пор непонятна нерешительность командования, так как раз переворот, то действовать нужно решительно и быстро. В Тифлисе три четверти гарнизона выполнили бы приказ командования, и действия караула от 507-го запасного полка показательны, но, конечно, при условии, что командование должно действовать быстро и решительно.

Нужно было арестовать «Закавказский комитет», орган Временного правительства; объявить край на осадном положении, передать полноту власти военным властям и арестовать всех видных комитетчиков; объявить введение полевых судов, а железные дороги со всеми агентами объявить военнообязанными. Удары должны были быть решительны и суровы и без колебаний и должны быть проведены во всех крупных центрах государства.

Между тем что мы наблюдали? Вся подготовка прошла под знаком сплошной провокации господ Савиных, Львовых и Керенских; движение корпуса генерала Крымова на Петроград — это возвращение с маневров; эшелоны идут, как ходят железнодорожные власти в лице Викжея, на станциях следования идет пропаганда против Верховного Вождя; генерал Корнилов не пошел сам с войсками на Петроград, не захватил верными частями линии железных дорог, по которым двинуты части, и не объявил их на осадном положении со всеми вытекающими последствиями. В ответ на обвинение, брошенное в лицо Верховному Командованию, следовало начать беспощадный террор сторонникам г-на Керенского и К°, дабы сорвать их подлую провокацию. Как оказалось, Ставка ничему не научилась и продолжала наивно действовать, как и при подавлении солдатского бунта в дни, пред-

шествовавшие отречению Императора: те же ошибки, то же разгильдяйство, и в результате — те же результаты.

Между тем быстрые, не дающие опомниться действия вызывают панику и уважение, чтобы разнузданная масса почувствовала, что с ней не болтают, а приказывают и за неисполнение следует расстрел на месте, так как здесь более, чем где-либо, применимо, что «промедление смерти подобно». На деле же корпус генерала Крымова шел не на захват власти, а, как я уже сказал, будто бы возвращался с маневров на зимние квартиры, эшелоны перемешивались и пропускались железнодорожниками, как им заблагорассудится; делегации Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов на станциях делали свое разлагающее дело, вместо того чтобы болтаться на телеграфных столбах. Сам командир корпуса отправляется для переговоров с объявленным изменником г-ном Керенским, где не то стреляется, не то застрелен; корпус, лишившийся своего командира и смущенный ловкой пропагандой, оказался разложившимся у дверей столицы, Ставка с Верховным Главнокомандующим потеряла связь, и переворот сорвался. Боязнь гражданской войны неуклонно вела к ней, и терялся последний шанс не только избежать ее, но и спасти от смерти армию и страну. В результате генерал Корнилов был арестован, заключен в Быхов вместе со своими единомышленниками в ожидании следствия и суда.

После провала выступления генерала Корнилова в августе вечером у себя на квартире был арестован генерал-квартирмейстер генерал Масловский, его помощник Генерального штаба полковник Шатилов¹⁴⁹, а через сутки к квартире, где помещался я, подкатил автомобиль. Было между 10 и 11 часами вечера. Звонок. Отворивший дверь мой вестовой — драгун Михаил Разозин — вновь захлопнул ее перед носом подъехавших и поспешил ко мне с докладом: «Там какая-то революционная сволочь, как прикажете — гнать в шею?»

Я уже лежал в кровати и читал газету. К его великому неудовольствию, пришлось сказать: «Нет, впускай!» — так как понимал, что с одним драгуном уже трудно свергать правительство. Пришедшие, то есть прибывшие — прапорщик автомобильной команды Шамшев и два с ним типа в полувоен-

ной форме с красными бантами — нерешительно продвигались по коридору, затем из-за косяка показался нос и малоуверенный голос: «Имеете ли вы револьвер?» Получив в ответ: «Да, под подушкой!» — нос спрятался и лишь после моих заверений, что стрелять не собираюсь, показалась фигура прапорщика, а за ним его спутников. Первым делом прапорщик потребовал мой револьвер, после чего они почувствовали себя храбрее и приступили к обыску. Не найдя того, что искали, они объявили, что я арестован и должен за ними следовать. Я начал одеваться и, одеваясь, спросил, могу ли взять свою походную кровать; получив утвердительный ответ, приказал вестовому собрать необходимые вещи. Погрузив себя и вещи и пожелав вестовому спокойно ожидать, я, под охраной моих хранителей (конечно, не ангелов), покатил к неизвестному месту назначения. Когда машина прошла военную гауптвахту, что против дворца наместника, я уже догадался, что везут в Метехский замок — тюрьму для важных политических и уголовных преступников. Еще несколько минут быстрого хода машины по кривым улицам Авлабара, и машина остановилась у ворот замка-тюрьмы.

Метехский замок, превращенный в тюрьму, высится на левом берегу реки Куры, на обрыве. За все время существования тюрьмы лишь одному арестанту удалось, выбросившись через окно, переплыть реку с ее сильным течением и бежать; прочие попытки кончались гибелью в волнах или на скалах.

Распахнувшиеся ворота приняли автомобиль и меня; из наружного двора провели через второй, внутренний, в казематах которого помещался внутренний караул, и, наконец, я попал в третий двор, предназначенный для прогулок элиты арестованных и находящийся под обстрелом из бойниц капонира, занятого караулом, на случай возмущения или попытки освободить открытой силой. Высокие стены, рвы, решетки, река, охрана внутренняя и наружная — все говорило: «Войдя, оставь надежду выйти отсюда!»

Проведя через третий двор, меня ввели в канцелярию начальника тюрьмы; покончив с обычными формальностями, начальник тюрьмы отечески посоветовал мне передать имеющиеся у меня деньги ему, намекнув, что теперь, с револю-

цией, уголовный элемент свободно циркулирует и для меня безопасней не иметь при себе денег.

Из канцелярии меня провели в отведенную камеру, щелкнул замок, и я остался в узкой камере, где, к превеликому удовольствию, нашел свои вещи и походную кровать, разбив и поставив которую, я лег и заснул.

Утром я проснулся от хлопка дверцы-иуды в дверях камеры. Это кто-то сунул мне кусок черного хлеба и кружку чая. Затем потянулись дни заключения. Единственным развлечением был обед, доставляемый извне моим вестовым, а по вечерам звуки зурны проезжавших на фаэтонах загулявших грузин. На утро четвертого дня я получил целую кипу газет, из которых я узнал о провале выступления и заговора Корнилова, о его аресте и об арестах в командном составе, с расправами над врагами революции.

В то же утро я был вызван на допрос к следователю, предъявившему мне обвинение в участии и подготовке заговора в целях вооруженного восстания против Временного правительства; в конспиративной работе по связи со Ставкой и сопротивлении властям с оружием в руках, то есть удалении караулом из штаба агентов правительства.

Я, понятно, возразил, что по обязанности дежурного офицера управления генквара я принимал и докладывал о лицах, прибывавших по делам, направляя их обычно в общее отделение генкварфронта; что разбираться в целях и вопросах, преследуемых этими лицами, не входило в мои обязанности; ни о каких лицах, подготовлявших переворот, не имею ни малейшего понятия; что удалил из штаба проникших туда лиц на основании имеющихся инструкций, обратившись за содействием к караулу, который с этой целью и находился в моем распоряжении, то есть чтобы не допускать в штаб и в отделение связи — секретное — посторонних лиц. Не знаю, нашел ли следователь мои объяснения достаточными, но я больше на допрос не вызывался.

На следующий, пятый день мне предложили выйти на прогулку во внутренний, третий двор; здесь уже прогуливались арестованные по делу генерала Корнилова: генерал Масловский, генкварфронта; Генерального штаба полковник Шатилов, его

помощник; Генерального штаба подполковник Запольский, из разведывательного отделения управления генквара; полковник гренадерского, если не ошибаюсь, Тифлисского полка и какой-то штатский, пытавшийся ввязаться в разговор и возмущавшийся действиями правительства. Все его поведение внушало ощущение провокатора, и на последующих прогулках его уже не было.

На следующий, шестой день не было Генерального штаба полковника Шатилова, как потом оказалось, освобожденного на шестой день; на восьмой день отсутствовали подполковник Запольский и гренадерский полковник, на девятый — генерал Масловский, а на одиннадцатый вечером выпустили меня. Освобожден я был после 10 часов вечера и, выйдя из ворот тюрьмы, прошел достаточно длинный участок до встречного извозчика, неся походную кровать.

В оперативное отделение штаба я, конечно, не вернулся, а получил предписание отправиться в штаб 2-й Кавказской казачьей дивизии на должность старшего адъютанта штаба дивизии. Между прочим, отобранный при аресте револьвер — наган бельгийской марки — я, конечно, не получил, кто-то его прикарманил, и после хлопот я получил из арсенала взамен среднего калибра маузер. 2-я Кавказская казачья дивизия находилась на фронте в районе озера Ван, куда я через три дня и выбыл. Генерал-квартирмейстер генерал Масловский получил 39-ю пехотную дивизию — в Эрзинджане.

Прибыв в село Алашкерт, я нашел штаб своей дивизии и вступил, ввиду отсутствия начальника штаба, во временное исполнение должности начальника штаба. Оказалось, что дивизия отзывалась на Северный Кавказ: два полка — 2-й Черноморский и 2-й Лабинский — на Кубань, а два Терских к себе на Терек. Штаб дивизии направлялся в город Екатеринодар. Начальник дивизии генерал-майор Кулебякин¹⁵⁰, командир бригады полковник Белый, старший адъютант по хозяйственной части есаул Мудрый и сотник Мяч составляли вместе со мной штаб дивизии.

Жизнь в Екатеринодаре, столице края, находилась на грани старого спокойного казачьего быта и новых революционных веяний, врывающихся в этот уклад, грозя разнести столе-

тиями установившийся порядок. Кубанский атаман и Рада надеялись, что, опираясь на отозванные с фронта части, отстоят край от разложения. Между тем полки, прибывающие с фронта, расплылись по станицам и выходили из рук своих командиров; в некоторых частях — к примеру, в Майкопском отделе — наблюдались уже случаи сведения счетов за обиды на фронте; в общем, штаб дивизии существовал, а частей, боевых единиц не было — они растворились в море казачества, решившего, что дела российские их не касаются и что никто не хочет и не посмеет посягнуть на их земли и порядки с их историческими вольностями: «Наше дело сторона, пусть москали сами налаживают свои дела», — так думали казаки, расплываясь по станицам и хуторам.

А гроза надвигалась. Части Кавказской армии, не так еще давно победоносно продвигавшиеся в глубь Турецкой Анатолии, под влиянием лозунгов, брошенных революцией, — «мир без аннексий и контрибуций», «самоопределение народностей» и прочая галимаття — покинули фронт и двинулись по домам. Не только бросили завоеванные районы Эрзерума, Трапезунда и Вана, но оставляли и наши кавказские владения, считая, что защита их — это дело самоопределившихся народов, армян и грузин. Эрзерум, Карс и Александрополь почти без боя берутся турками, осторожно идущими за откатывающейся волной своих победителей, эшелоны которых с оружием в руках грузились и двигались стихийно в Россию водой и сухим путем, спеша не опоздать к черному переделу и захвату помещичьей и прочей земли; это стихийное движение сопровождалось бесчинствами и разгромами на путях следования.

Кубанское правительство, как и большинство окраинных правительств, не признало захвата власти большевиками посредством Октябрьского переворота и понимало необходимость в полосе железнодорожных магистралей, пересекающих область, возможно безболезненной локализовать прохождение этих эшелонов через область. Тревожность положения увеличивалась еще тем, что под влиянием большевистских агентов отходившие с фронта части размещались в районах узловых станций, как Тихорецкая, Кавказская, Армавир, Ростов, Став-

рополь, под предлогом демобилизации, а фактически — с целью, соединив их с запасными частями, расположенными в области, создать кадры Красной гвардии и захватить власть в свои руки, создать кадры красной армии и поддержать иногородний элемент в области, видевший в этих вооруженных массах своих защитников, в захвате и разделе казачьих земель.

Таково было состояние умов в области: с одной стороны — усталость от войны и беспечность казаков, отвергавших даже мысль о возможности посягательства на их кровное имущество, а с другой — зависть иногородних к их зажиточности и желание поживиться на казачий счет, отобрать землю, пользование которой они считали не только неправильным, но и нарушающим их право, объявленное революцией: «грабь награбленное» и «в борьбе обрешь ты право свое».

При таких настроениях и транзите текущих через область вооруженных, потерявших дисциплину масс, правительство Кубанской области вынуждено было обратиться к формированию добровольческих отрядов, дабы, опираясь на них, локализовать эксцессы, возникавшие то тут, то там.

Первые отряды были сформированы войсковым старшиной Галаевым и капитаном Виктором Леонидовичем Покровским; первый отряд насчитывал 200—500 человек, 2 орудия и 4 пулемета. Капитан Покровский, кадровый офицер выпуска 1908 года, Георгиевский кавалер ордена 4-й степени, военный летчик, не казак, начал набирать отряд из молодежи города Екатеринодара, офицеров и казаков. Удачные действия отряда дали популярность его начальнику, и отряд стал увеличиваться. Первое дело было — разоружение Запасного артиллерийского дивизиона в артиллерийских казармах и Запасного батальона. Привлекши юнкеров Кубанского казачьего военного училища и конвой атамана, он окружил ночью казармы и разоружил занимавшие их части, которые после этого были отправлены из области. Но скоро сформированному капитаном Покровским отряду пришлось вступить в боевые действия с частями, идущими через Новороссийск в приволжские и Ставропольскую губернии.

В первых числах января у станции Георгие-Афипской происходит первый крупный бой с отрядом матросов, обрاملен-

ным разным революционным сбродом, стремящимся прорваться в Екатеринодар, чтобы там навести революционный порядок. В жестоком бою совместно с отрядом войскового старшины Галаева, павшего в этом бою, капитан Покровский наголову разбил красных; по возвращении был с триумфом встречен и произведен в чин полковника Кубанским правительством. Параллельно с формированием отряда капитана Покровского в конце декабря 1917 года начал формироваться отряд полковника генерального штаба Лесевицкого Алексея Петровича, кавалера ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия. Ермоловской складки, выше среднего роста, плотный, А.П. Лесевицкий энергично принялся за формирование, придя логично к той же мысли, что и В.А. Покровский: что рассчитывать на вернувшиеся и возвращающиеся с фронта казачьи части нечего.

К стыду, Екатеринодар, переполненный офицерством — десятки тысяч — и овалциями встречавший добровольцев, на призывы поступать в отряды шел, главным образом, своей молодежью; офицерство кутило и воздерживалось. Я, исполняющий должность начальника штаба дивизии, записался в отряд полковника Лесевицкого как рядовой, начав так второй раз свою военную карьеру с рядового во второй половине декабря 1917 года. Через неделю я командовал взводом отряда, около 40 человек, и, находясь на Черноморском вокзале, где пропускал и разоружал эшелоны демобилизованных, следующих через Екатеринодар, был вызван к телефону начальником отряда полковником Лесевицким и получил приказ сдать командование капитану Раевскому и прибыть в штаб отряда, который находился в помещении Епархиального училища; тут же размещался отряд и рота юнкеров Киевского военного пехотного училища под командой штабс-капитана Тунеберга.

Прибыв в штаб и явившись к полковнику Лесевицкому, я неожиданно для себя получил приказание вступить в должность начальника штаба отряда, так как несколько офицеров Генерального штаба, которым начальник отряда предложил эту должность, предпочли воздержаться — очевидно, до выяснения, кто возьмет верх; как выяснилось позднее, полковник Лесевицкий, просматривая списки, обратил внимание

на графу в записи: «вр. и.д. начальника штаба 2-й Кавк. Каз. дивизии, шт.ротмистр 18-го Драгунского Северского полка» — и решил меня вызвать и назначить на должность начальника штаба.

Приступив к формированию отряда, я должен отметить, что в лице полковника Лесевицкого я встретил одного из тех редких начальников, под руководством которых служба идет легко, несмотря на тяжесть обстановки: требовательный к себе и подчиненным, он отечески заботился о своих подчиненных.

В первых числах января 1918 года отряд силой в 1500 человек при 4 легких орудиях и одной конной сотне двинулся двумя эшелонами к станции Кавказской, с задачей опрокинуть отряды красных, начавших движение с линии Тихорецкая—Кавказская; правее на Тихорецкую направлялся отряд полковника Покровского, общее руководство было поручено генерал-майору Гулыге.

Уже в начале декабря на линии Беслан—Тихорецкая—Кавказская разместилась 39-я пехотная дивизия после своего отхода из Закавказья и оставления фронта; она по справедливости считалась в дни, когда я начал свою службу в Генеральном штабе в роли и.д. старшего адъютанта штаба дивизии, лучшей дивизией фронта; ее полки 153-й пехотный Бакинский, 154-й Дербентский, 155-й Кубанский и 156-й Елизаветпольский записали своей кровью блестящие страницы славы: Саракамыш—Эрзерум—Эрзинджан, но тлетворное влияние революции коснулось и победителей, а особенно при соприкосновении с разложившимся тылом. Части вышли из рук командования и через комитеты попали под влияние местных революционных органов, стремившихся использовать эти когда-то грозные части в своих преступных целях.

23 декабря 1917 года мной была получена записка, пересланная оказией от начальника 39-й пехотной дивизии Генерального штаба генерал-майора Масловского, штаб которого находился на станции Тихорецкая, с просьбой его повидать.

Так как неприязненных действий с этой дивизией пока не было, но сведения нашей разведки давали все основания предполагать, что они могут вспыхнуть в любой момент, так как большевистская агитация стремится провокацией толкнуть эти

массы, в своих целях, к столкновению, — я решил, во избежание возможных эксцессов, выехать как простой казак, будто бы желающий купить лошадь у начальника дивизии; этот предлог с покупкой отводил от начальника дивизии подозрения в ведущихся им переговорах и давал доступ к нему.

Утром 24 декабря, в Сочельник, переодевшись казаком, с документом, подтверждающим, что я из состава команды связи штаба 2-й Кавказской дивизии, я выехал на Тихорецкую, взяв с собой казака из команды, который в случае, если меня задержат, известил бы штаб.

В эти дни революционные комитеты, начиная с полковых, старались правдами и неправдами остановить стихийное стремление демобилизованных по деревням — «домой!» — с тем, чтобы завербовать их в Красную гвардию, а потому в районе размещения 39-й пехотной дивизии царил невероятный кавардак. Штаб 39-й пехотной дивизии со своим начальником дивизии находился под негласным надзором, и только большая популярность генерала Масловского, особенно среди 153-го пехотного полка, которым он еще не так давно командовал, удерживала комитет Тихорецкой перейти от мер надзора к аресту.

Приехав, я прошел в район расположения штаба и спросил первого встречного солдата, как пройти к генералу, у которого, по моим сведениям, продается лошадь; он мне указал станционное здание, занимаемое штабом. Я поднялся по лестнице и очутился лицом к лицу с начальником штаба Генерального штаба полковником де Роберти. Несмотря на мой камуфляж, он меня узнал и провел к генералу Масловскому, которому я и предложил уехать со мной в Екатеринодар. Однако мой план не был принят, так как генерал не хотел своим бегством навлечь репрессии на остающихся чинов штаба. Меня переодели в форму одного из адъютантов, и после обеда, вечером мы отправились на вечеринку, устроенную нарождающейся революционной властью в одном из железнодорожных помещений, и я мог наблюдать, как отплясывали будущие комиссары на этой танцульке. Остаться после отказа от моего плана отъезда с отходящим на Екатеринодар поездом мне не было смысла, да, пожалуй, было и небезо-

пасно, и я, пользуясь праздничной кутерьмой, вновь переделался и с отходящим на Екатеринодар поездом выехал обратно. Прибыв на станцию Кореновскую, я вышел и прошел к командующему 2-м Черноморским полком войсковому старшине Бабиеву, чтобы договориться с ним на случай, если генерал Масловский вынужден будет все же бежать, — чтобы патрули из Черноморского полка его приняли.

Дом генерал-лейтенанта Бабиева¹⁵¹, отца войскового старшины, — типичный дом зажиточного кубанского казака. За ужином малороссийская колбаса, соленья, горячие закуски под «горилку» и «кахетинское» как-то не вязались с разговором на тревожные вопросы, и казалось, что все войдет в привычную колею. Старик — отец молодого командующего полком и будущего героя Кубани — командовал на войне дивизией и имел орден Святого Георгия 4-й степени.

Обсудив возможную помощь генералу Масловскому на случай, если он выйдет в район Черноморского полка, и переночевав у Бабиевых, я утром 25 декабря выехал в Екатеринодар и долго не мог забыть эту ночевку на шкуре медведя в гостеприимном доме в Кореновской. Полковнику Лесевицкому я по приезде доложил данные, полученные от генерала Масловского, и мы начали готовиться к неизбежной операции на линии Тихорецкая—Кавказская.

В первых числах января 1918 года обозначилось движение красных от линии Владикавказской железной дороги на Екатеринодар; к счастью, наш отряд полковника Лесевицкого уже был готов, и мы, совместно с полковником Покровским, могли уже дать им отпор.

Ночью отряд погрузился на станции Екатеринодар и двумя эшелонами двинулся к станции Лабинской, куда и прибыл к утру следующего дня без каких-либо затруднений. После выгрузки и занятия выдвинутыми в сторону станции Тихорецкой передовыми заставами подступов к нашей станции я, проходя через станционный вокзал, заметил, что у буфета группа офицеров из состава отряда толпятся, пьют водку и, должно быть, и вино, а между тем в наших передовых отрядах завязалась перестрелка. Считая, что не время пить, когда начинается бой, я, проходя, попросил прекратить это занятие, но,

возвращаясь от начальника отряда, я увидел, что мое напоминание не принято к исполнению. Я повернулся и доложил начальнику отряда об этом безобразии. Увидя вышедшего полковника Лесевицкого, выпиваки быстро спрятали свои рюмки и стаканы, пытаясь, как школьники, прикрыть свои проказы, а на вопрос ответили, что они не пили, а лишь закусывали. Как это ни было неприятно, но я был вынужден опровергнуть это оправдание, указав, к их конфузу, на вещественное доказательство — рюмки за буфетом. К вящему своему удивлению, я среди выпивак узнал полковника Л-ма, бывшего воспитателем в бытность мою кадетом. К его конфузу я подошел к нему, представился и напомнил о прошлом — так роли переменялись.

После этого инцидента я вышел на перрон, чтобы на паровозе отправиться вперед для осмотра намеченной позиции, но был остановлен подъяесаулом К., который, сильно под газом, осмелился мне угрожать за мой доклад начальнику отряда. Считая, что пришла пора поставить в рамки дисциплины возможность подобных выступлений, я резко прервал его и приказал патрулю юнкеров отвести его в комнату для арестованных, сам же отправился на паровозе осматривать позицию.

По возвращении моем с разведки начальник контрразведки преподнес мне сведения, что им раскрыт заговор на жизнь полковника Лесевицкого, возглавляемый телеграфным чиновником команды связи; я отдал распоряжение об аресте открытой коммунистической ячейки, в коей состоял и задержанный мною подъяесаул, кстати оказавшийся вовсе не офицером, а урядником; вся эта компания была препровождена в Екатеринбург и получила по заслугам от полевого суда.

Ночь отряд провел в районе станции и на рассвете развернулся на выбранной позиции, на которую рано утром красные повели наступление с линии Кавказская—Тихорецкая; одновременно в тылу, со стороны кирпичного завода, обнаружилась стрельба местных большевиков с целью содействовать фронтальному наступлению красных.

Начальником отряда из резерва был выдвинут 4-й взвод отряда под командой сотника Х.; взвод состоял из 60 чело-

век, преимущественно молодежи — ученики и кадеты в возрасте 15—17 лет — с вкрапленными офицерами. В завязавшейся перестрелке командир взвода сотник Х. был убит, и по приказу начальника отряда я принял командование взводом. Учитывая стрелковую неподготовленность большинства, я обошел цепь и предупредил, что стрелять и передвигаться лишь по моей команде, так как беспорядочный огонь и такое же передвижение поведет к расстрелу своими своих и только ободрит противника. После этого я поднял цепь и, пройдя несколько десятков шагов до ложбинки, снова приказал залечь, а затем открыть с правого фланга редкий неторопливый огонь к левому флангу, а когда огонь прошел по всей цепи, поднял взвод и, снова продвинув, снова остановил. Это систематическое движение и огонь не замедлили дать результаты — цепи красных стали отбегать, и мы, не понеся потерь, заняли кирпичный завод и что-то вроде старого редута-вала и тем обеспечили тыл отряда, ведшего бой с наступающими на станцию Лабинскую. К вечеру стороны прервали бой и отошли, оставив лишь наблюдение, характерное явление первых дней Гражданской войны — это действия вдоль железнодорожных магистралей и избегание ночных боев.

С утра следующего дня бой на фронте возобновился, в тылу же было совершенно тихо. Большевики в своем маневре стали охватывать наш левый фланг, туда были брошены наши резервы и отправился сам начальник отряда, поручив мне удерживать в центре и на правом фланге. Я получил запрос от полковника Лесевицкого, удержу ли я на своем направлении противника до момента, когда он, совершив обход обходящего его противника, опрокинет его. Я ему доложил, что, судя по действиям красных, их наступление на порученном мне участке я сдержу силами, кои мне оставлены. Действительно, мы до вечера продержались, когда обход взводов, направленных начальником отряда, заставил противника начать быстрый отход по всему фронту.

После короткого преследования полковник Лесевицкий прервал бой, но решил вечером, накормив людей, предпринять ночное наступление на станцию Сосыка. Это наступле-

ние по его плану должно было вестись с фронта под его личным командованием силами 4 взводов, то есть 250 человек отряда, роты юнкеров Константиновского пехотного училища, около 100 человек, казаками — 150 человек и двумя орудиями и наступать в лоб, мне же с двумя взводами, двумя орудиями и полусотней конных казаков ночным маршем обойти левый фланг противника и к рассвету атаковать его с тыла. В резерв подтягивался второй эшелон отряда, 360 человек, прибывший в Лабинскую к утру. Ночь была морозная, обходная колонна под моим командованием выступила в 10 часов вечера с тем, чтобы, пройдя 10 верст, атаковать красных под Сосыкой, но марш осложнялся морозом, снегом и темнотой.

Утром два приданных мне орудия открыли огонь, продольно обстреливая красных, атакованных уже с фронта нашими главными силами, а цепи обходной колонны начали наступление, охватывая левый фланг противника и угрожая его тылу. Большевики не выдержали и после короткого боя оставили Сосыку. Штаб отряда помещался в классном вагоне, куда я и отправился для доклада.

Противник, захваченный врасплох, понес большие потери, главным образом от артиллерийского огня; наши потери — несколько человек раненых. Настроение в отряде было приподнятое, как результат удачно и легко выигранных боев с противником, численно нас превосходившим, но плохо и несогласно управляемым. Полковник Лесевицкий своей распорядительностью, проявленным мужеством и хладнокровием приобрел не только доверие своего отряда, но и любовь за свою заботливость и простоту. К сожалению, эпидемии тифа — возвратного и сыпного, я думаю, в результате плохой дезинфекции вагонов, внесли потери большие, чем бои.

В конце января я заболел возвратным тифом и был эвакуирован в Екатеринодар и помещен в войсковую больницу, где и пролежал до выхода в 1-й Кубанский поход. Несколько дней спустя начальник отряда Генерального штаба полковник Лесевицкий заболел острым воспалением среднего уха и вынужден был передать командование капитану Тунебергу, командиру роты юнкеров Константиновского училища.

С отъездом полковника Лесевицкого боевое счастье как бы отвернулось, большевики перешли в наступление к Екатеринодару; под их напором отряд, не поддержанный кубанскими казаками, все еще считавшими, что дерутся белогвардейцы за свои интересы и что им надо быть в стороне, так как их жизненные интересы вне опасности, начал отходить. Такая же участь постигла и отряд полковника Покровского. Красное кольцо вокруг Екатеринодара сжималось, а Кубанская Рада занималась разговорами и тщетно взывала к своим когда-то доблестным полкам стать на защиту Кубани. Лишь одиночные казаки, преимущественно старики, и Гвардейский Кубанский дивизион — бывший конвой Государя — составляли боевую силу Кубанского войска, примкнувшего к добровольческим отрядам.

После второго приступа возвратного тифа я вышел из войсковой больницы и перешел на свою частную квартиру на Садовой улице. Недалеко от меня в доме инженера М. лежал больной полковник Лесевицкий, страдая воспалением уха, а агония Екатеринодара, а с ним и Кубани начиналась. Вечером накануне оставления я, только что выдержавший третий приступ тифа, пошел к полковнику Лесевицкому и пытался уговорить его также уходить с отрядом. Алексей Петрович, безумно страдая от уха, все же решил остаться и укрыться на хуторе около Екатеринодара, так как считал, что не в силах следовать за отрядом, отходившим за Кубань с целью пробиться и соединиться с генералом Корниловым, шедшим на Кубань от Ростова. В этот вечер я последний раз видел Алексея Петровича. Он остался, рассчитывая позже, по выздоровлении, присоединиться к отряду. Как я после узнал от его бывших хозяев, он благополучно перенес болезнь на хуторе и, переодетый бродягой, приехал в город, чтобы пробраться за Кубань, но был предан бывшим начальником контрразведки подъяесаулом Выдрой, перешедшим к большевикам, и, конечно, ими расстрелян.

Утро 1 марта я провел в ликвидации своего пребывания в Екатеринодаре, а с наступлением темноты так называемая Кубанская армия уходила за Кубань в район Черкесских аулов. С этого дня начался крестный путь похода с бес-

прерывными боями за ночлег. Капитан Тунеберг, произведенный Кубанским правительством в подполковники и назначенный им командиром 1-го стрелкового полка, сформированного из отряда полковника Лесевицкого, предложил мне занять должность полкового адъютанта, в роли которого я и сделал легендарный 1-й Кубанский поход, ставший известным под именем Ледяного.

*П. Казамаров*¹⁵²

ПАМЯТИ РУССКОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

(начало борьбы с большевиками на Кубани)¹⁵³

Было то страшное время, когда коммунистическая зараза ширилась по всем направлениям, сметая на своем пути законность, право и правду. Все было охвачено бежавшими с фронта разнузданными бандами без дисциплины и субординации. Все признаки анархии были налицо. Только в казачьих землях сохранился еще какой-то порядок, который власть на местах изо всех сил старалась поддерживать, но это ей не вполне удавалось, так как и сюда проникали матросы и солдаты, бегущие с фронта.

По примеру Дона Кубань тоже старалась организовать самозащиту. Задача эта была тяжелая и неблагодарная. Приходилось сдерживать натиск прибывающих в богатые казачьи области большевиков сразу по нескольким направлениям. Создавались особые отряды добровольцев. И я вступил в один из таких отрядов, возглавляемый Генерального штаба полковником Лесевицким.

Начало формирования этого отряда относится к середине декабря 1917 года, формирование его шло в здании Екатеринодарского Епархиального училища. Сюда направлялись офицеры, приезжавшие из разных мест. Формирование шло медленно, к 20-м числам января 1918 года достигло всего двух сводных офицерских рот; одной батареи четырехорудийного состава (для которой не всегда имелись снаряды); ин-

женерной роты численностью до 160 человек (формировал капитан Бершов) и присоединившихся из разных станиц казаков старшего возраста, численность которых колебалась от ста до двухсот человек, смотря по успешности операций отряда.

Во всем отряде офицерство было молодое — от прапорщика до поручика, и большое количество учащейся молодежи — кадет, реалистов, гимназистов — от 14 до 20 лет. Эта молодежь была большой поддержкой всего отряда. Именно ей отряд обязан неоднократной успешной подготовкой своих удачных операций. Пользуясь своим юным возрастом, эта молодежь шла в самые рискованные разведки и прокладывала телефоны на самых опасных участках. Их прозвали «дипломатами». Кто, при каких обстоятельствах и когда дал им это прозвище, так и не удалось установить. Скорее всего, назвали их так за то, что это был самый смелый, изворотливый и богатый на невероятные ухищрения народ. Например, они узнают утром, что из-за боев не удалось подвезти продовольствие для отряда. Моментально свободные от наряда мальчишки (разумеется, с разрешения начальства) отправляются к населению с «дипломатическими переговорами» (может быть, тут и установилось за ними название «дипломат»), отправляются в те места, где их хорошо знают, и «по знакомству» получают от сердобольных хозяек молоко, сало, хлеб. Получают в таком количестве, что его всегда хватало не только на них самих, но и на штаб, и на всю роту, которая благодаря им никогда не оставалась голодной. Жители окрестных станиц и хуторов относились к «дипломатам» сердечно; называли их одним именем «кадеты» (действительно, среди них было очень много кадет старших классов. Владикавказский кадетский корпус «опустел» с началом самообороны) и просили: «Вы, родненькие, защитите нас от красных!»

Больше всего «дипломатов» было в инженерной роте, а 4-й взвод — телефонно-телеграфной связи — почти поголовно состоял из них. Службу несли они аккуратно: строевые занятия любили; с винтовкой обращались «осторожно», так как часто она была не по их силам. (Приноравливаясь, они додумались и тут: укорачивали ее ствол, отчего она становилась

легче, но теряла свою меткость.) Когда от инженерной роты для действующей батареи просили подкрепление (одно или два отделения), всегда находилось человек 10 «охотников». Но далеко не всегда была спокойной работа этих самоотверженных мальчиков. Их отцы и матери жаловались Кубанскому атаману на то, что в отрядах находится много детей, которых начальники «задерживают». Родители вполне резонно заявляли, что нельзя на детях строить оборону столицы Кубанской области, что дети должны учиться, а охранять должны взрослые.

Кубанский атаман безотлагательно принимал меры. В отряд летели строгие приказы: «Немедленно вернуть всех детей родителям». Неисполнение этого приказа влекло за собой строгое наказание — вплоть до отрешения от командования отрядом. «Дипломаты» о таких приказах узнавали раньше, чем командир инженерной роты генерал Хабалов¹⁵⁴, и спешили скрыться с глаз начальства. О тех же, которые в это время несли службу связи, я доносил генералу Хабалову: «Когда придет им смена, я пошлю их в штаб роты, так как связи с начальниками отрядов я прерывать не буду ни под каким приказом».

С большим трудом удалось собрать 30 человек самых молодых «дипломатов» для отправки к родителям. По приезде на станцию Екатеринодар у каждого «дипломата» оказалась какая-либо «нужда», и они стали отпрашиваться «на минутку». Ничего не подозревавшие офицеры дали им разрешение, приказав, «чтобы через 15 минут все явились». Офицеры прождали до самого вечера. Ни один «дипломат» не явился. Пришлось заявить об этом коменданту станции. Был составлен акт. Так как оба офицера были екатеринодарцы, они воспользовались случаем побывать дома, выспаться, а ранним утренним поездом вернулись в отряд. Там они доложили о случившемся командиру роты генералу Хабалову. Генерал Хабалов развел руками и сказал: «Дети, вероятно, разошлись по домам». Он не знал еще, что еще вчера все без исключения «дипломаты» вернулись обратно в отряд. На заданный мною вопрос: «Почему вы вернулись?» — последовал твердый ответ: «Дома нам разрешили!» Разумеется, я им не поверил, но так как они были

очень нужный элемент в отряде и без них всякая связь с отдельными ротами и частями прекращалась, то пришлось сделать вид, что им верят. Узнав о возвращении «дипломатов» в отряд, генерал Хабалов сказал, прослезившись: «Вот кто действительно хочет спасти Россию!»

Невозвращение домой детей вызвало еще большую тревогу и жалобы родителей войсковому атаману, и он назначил комиссию для выяснения этого факта. В наш отряд была назначена комиссия из трех членов, возглавляемая полковником Белым. По приезде в отряд полковник Белый просил разрешения у полковника Лесевицкого лично переговорить с «дипломатами», определить состояние здоровья и как можно скорее вернуть их домой. На передовые позиции он не поехал, а на запрос оттуда начальники отрядов ответили, что у них никаких «дипломатов» нет. Так как списков в отряде не велось, то приходилось им верить на слово. Инженерная рота, состоявшая при штабе (в особенности это был взвод связи) то и дело шныряла мимо полковника Белого (по большей части это и были «дипломаты»). Полковник Белый заинтересовался ими и, когда узнал, что все они из инженерной роты, приказал им явиться на станцию.

Исполняя приказание, я построил их и скомандовал: «Смирно!» (Оказалось 60 человек свободных от наряда.) Хорошо построенные «дипломаты», их бравый вид, задорные искрящиеся глаза, все обращенные на полковника Б., произвели впечатление, и он невольно воскликнул: «Здорово, молодцы!» — «Рады стараться, господин полковник!» — был ответ. Подойдя к самому юному из них, полковник спросил: «Сколько тебе лет?» — «Восемнадцать, господин полковник!» — ответил тот искусственным басом. Полковник покачал в сомнении головой, спросил его фамилию и записал ее. И дальше, как ни странно, моложе 18 лет никого не оказалось. Особенно «подозрительных» полковник записывал и спрашивал их адреса в Екатеринодаре. Потом он говорил им, что их ждут родители, беспокоятся о них; просил, чтобы они своих родителей «не обижали» и на следующий же день отправлялись по домам.

Двое из кадет просили слова. «Господин полковник, — сказали они, — мы домой все равно не поедем. Скажите

нашим родным, что они нас нигде не найдут. Пусть лучше не ищут. Сейчас мы находимся в инженерной роте, несем службу связи; нам хорошо и безопасно. А иначе — пойдем в передовые линии. Мы боремся за Россию». После этих слов строй вдруг нарушился, все шумно обступили полковника Белого. «Никто из нас не поедет домой! — кричали они. — А если будете посылать насильно, выпрыгнем из вагона!» Полковник Белый, видя, что с детьми ничего не поделаешь, решил лучше сохранить их здесь, при штабе отряда, где было действительно безопаснее, чем пустить этих детей на передовые позиции. Успокоив их, он сказал: «Так я и доложу атаману», — и затем, приказав мне снова их построить, благодарил всю «дипломатскую команду» от имени войскового атамана за службу и жертвенную готовность бороться за Россию и родную Кубань. «Надо благодарить родителей, воспитавших таких сыновей, — добавил он. — Служите Родине. Больше никто не будет беспокоить вас. Только 14 и 15-летние должны вернуться домой!» Молодежь шумно приветствовала полковника, благодарила его за теплые слова и ходатайство перед войсковым атаманом. Разумеется, 14 и 15-летних не оказалось, и никто не уехал к родителям.

Вот типичный эпизод из жизни такого «дипломата»: в холодный февральский день мальчик 14—15 лет несет караул на железнодорожной станции. Одежда — смесь собственной и солдатского обмундирования — поизносилась. Прохожу и спрашиваю: «Что же ты не поедешь домой хотя бы переодеться? Смотри, обувь каши просит, а рубашка под шинелью (на «рыбьем пуху») совершенно истлела. До Екатеринодара — рукой подать. Захочешь — вернешься, если уж так это тебе важно». — «Нет! — отвечает. — Домой я не поеду. Не могу. Боюсь, что меня не выпустят обратно. Уж лучше я как-нибудь перебуду. Это вам кажется, что все у меня поизносилось. У других — хуже. Мне даже не холодно». (А сам весь синий.) «Ну и молодец же ты! — говорю ему. — Приходи ко мне — что-нибудь найдем из обмундирования». — «Покорно благодарю! — отвечает. — Приду! Мне бы действительно обувь какую-нибудь... А в общем — я всем доволен!» И это не один, не два, а все, все, как один!

Нельзя обойти молчанием также и других «дипломатов» — институток и гимназисток Екатеринодара, последовавших за своими братьями в добровольческие отряды. Сколько их было в отряде полковника Лесевицкого, сказать трудно. Они были у питательных пунктов, в санитарных отрядах, на передовых линиях; они были везде... Нельзя бывало отличить мальчика от девочки: в солдатском обмундировании все казались одинаковыми; волосы они прятали под кубанки и солдатские шапки.

При станции железной дороги обычно находился перевязочный пункт, где работало их до 8—10 человек. Легко раненных они перевязывали тут же; тяжело раненных отправляли в Екатеринодар. Каждое утро две или больше сестры сопровождали раненых и убитых екатеринодарцев и по сдаче их сразу же возвращались обратно. Знаю, что на передовых линиях сражалось несколько институток. Они дрались, как рядовые воины, и пользовались уважением своих соратников. Знаю, что при Константиновском военном училище были 2 гимназистки (мои знакомые) из Екатеринодара, которые, наряду с юнкерами, несли боевую службу.

У меня же в отделении было их 8. В команде связи было 4. Это были все послушные, исполнительные и воспитанные девушки. На их обязанности лежало (вернее, они сами себе вменили это в обязанность): утром убрать 2 вагона связи. Но еще до этого, пока мы спали, они, несмотря на наши запрещения, ходили по воду, чтобы нам было чем умыться, а главное, чтобы на разложенном тут же у вагонов костре вскипятить нам чай. Большим топором приходилось им колоть для этого щепки. Они старались окончить все до нашего пробуждения, так как знали, что всякая тяжелая работа была им строгой запретом. Уследить за ними не было никакой возможности, а если мы их упрекали (и даже бранили) за все это, они отвечали: «Раз мы не можем быть вам полезными, нам тут делать нечего. Мы уйдем на передовые линии». Что это была не простая угроза, а твердое решение, мы все хорошо понимали, и, глядя на их нежные хрупкие фигурки, зная, что такое передовая линия и борьба на ней, а не дай Господь, пленение такой девушки красными, — какие бесконечные и бесчеловечные издевательства и мученическая смерть гро-

зит им, — бывало, только для видимости пожуришь еще немного, а потом махнешь рукой и оставишь все как было до этого.

Их матери, разумеется, тоже жаловались войсковому атаману; приезжали к нам в отряд разыскивать своих дочерей, но поделаться с ними ничего не могли. Девушки грозили: «Ты меня больше не найдешь, мама: уйду на передовую!» Помню: раз одна мамаша ранним утром подъехала к станции Усть-Лабинской, разыскивая свою дочь. Из окна вагона она увидела на запасных путях рядом с двумя «жилыми» вагонами худенького «мальчика», колющего большим топором щепки. Присмотревшись, она узнала родные черты своей дочери и, соскочив с вагона, прямо через пути, побежала к ней. «Оля, Оля! — кричала она. — Ты ли это? Боже мой! В каком виде!» Оля прекратила свою работу и, серьезно, «по-взрослому» взглянув на мать, спокойно произнесла: «Ты здесь, мама, сейчас не кричи, а то разбудишь взводного, и он ругать меня будет за то, что я рублю дрова». — «Дитя мое! Да какие же у тебя руки стали!» — ужаснулась мать. — Все в царапинах и ожогах! А дома ведь ты и на кухню-то никогда у меня не заходила!» — «Эх, мама! Какая там кухня! Сейчас вот нужно тут огонь развести, — перебила ее дочь. — Скоро они проснутся (она кивнула на вагон). Надо их чаем поить. Ночью на разведку ходили». И вдруг, оживляясь от пришедшей ей в голову «счастливой» мысли, торопливо добавила: «На! Вот тебе щепочки, бумага, спички. Поддерживай огонь; если будет затухать, разведи снова, а я побегу разбужу Катю, чтобы она мне помогла воды принести. Мы сегодня дежурные». Торопливо передав все онемевшей от удивления матери, Оля убежала. Мать молча занялась костром. После, когда дочь освободилась от своих «обязанностей», мать долго уговаривала ее вернуться домой. На дочь спросила ее тем же серьезным тоном взрослой, приобретенным, очевидно, ею здесь, в военной обстановке: «Скажи, пожалуйста, мама: где мои старшие и младшие братья (родные и двоюродные)? На передовых позициях? Россию защищают от красных? Так и я хочу хоть чем-нибудь помочь. Разве я хуже их? Разве не люблю я мою Родину? Впрочем, тут совсем не плохо. Вот

погости у нас несколько дней — сама увидишь». И мать прогостила у дочери два дня; повидала всех знакомых девушек; те написали домой записочки, прося передать их родным, но возвратиться домой отказались наотрез.

Такие посещения матерями своих дочерей были далеко не редкими. Каждое из этих посещений как две капли воды походило на только что описанное. Каждое расставание тоже было похоже одно на другое. Мать благословляла дочь на служение Родине, а дочь на прощанье говорила: «Только не передумай, мама! А то, если будешь требовать меня домой, уйду на передовые позиции. Надо защищать от красных Россию!»

Вот что представлял собой отряд полковника Лесевицкого. А вот главные эпизоды его борьбы. В ночь на 26 января 1918 года (все числа здесь по старому стилю) отряд, усиленный пехотой до двух рот при одной батарее и неполной инженерной роте, выступил по направлению станции Усть-Лабинской (в направлении Екатеринодар—Кавказская). Всем отрядом командовал полковник Лесевицкий. Под утро 21 января отряд выбил большевиков из Усть-Лабинской и занял станцию и станицу. С этого дня в направлении станции Кавказской начались ежедневные бои. Из крупных событий тех дней было взятие станции Гречишкино. К тому времени отряд был пополнен юнкерами Константиновского военного училища под командой капитан Тунеберга, конным дивизионом полковника Косинова и старыми казаками разных станиц, которые составляли 2 пластунские сотни. Инженерная рота насчитывала тогда 60 человек. Ею командовал генерал Хабалов. Капитан Бершов оставался в Екатеринославе, посылая пополнения.

Наступление на Гречишкино началось в ночь на 6 февраля в сильную вьюгу и мороз. Отрядом полковника Лесевицкого был сооружен самодельный броневик из 2 платформ впереди бронированного паровоза с поставленными на них пулеметами и большого бронированного вагона, в котором находилась инженерная рота в боевой готовности. На паровозе, кроме машиниста и его помощника, находились подпоручик Казбанов и поручик Деглер. Они были соединены телефоном с бро-

нированным вагоном, откуда руководилось движение «бронепоезда».

На рассвете этот бронированный поезд, обгоняя свои части, с боем наступавшие на станцию Гречишкино, двинулся к ней. Неприятельская батарея встретила его сильным огнем. Один трехдюймовый снаряд попал прямо в вагон, где находилась инженерная рота; убил одного офицера и в разной степени контузил почти всех, в нем находившихся. Телефонные провода, соединяющие вагон с паровозом, оказались порванными. Ни машинист, ни ведущий подпоручик Казбанов не заметили попадания снаряда и, не имея приказаний остановиться, продолжали движение к станции Гречишкино среди неприятельских цепей.

Генерал Хабалов, видя, что бронепоезд несется к станции, врывается в нее и останавливается, открыл дверь вагона и с криком «Ура!» бросился на красных во главе своего небольшого отряда. От неожиданности те смяты и обращаются в бегство. Пулеметы с платформ открывают огонь по бегущим. Отряд занимает станцию. Цепи отряда полковника Лесевицкого появляются на станции Гречишкино лишь через час. За успешную операцию генерал Хабалов награждается солдатским Георгиевским крестом в лавровом венке, а каждый участник боя — знаком отличия с добавлением лаврового венка вокруг.

В 20-х числах февраля один из богатых хуторян — Левченко, хутор которого находился в 11 верстах от станицы Усть-Лабинской, а сын его был у нас в сводной офицерской роте, — приехал жаловаться полковнику Лесевицкому на то, что на хуторе жизнь становится невозможной из-за постоянного просачивания большевистских банд из станицы Тихорецкой. Он просил прислать хотя бы небольшую часть для острастки этих грабительских отрядов.

Полусотня с двумя пулеметами отправилась на хутор Левченки. Нашему связному взводу приказано было установить немедленно телефонную связь с этой полусотней. Для этого пришлось выделить около 20 «дипломатов» с телефонами, а для охраны связи было отчислено еще две небольшие группы из тех же «дипломатов», чтобы связь не прерывалась. Таким образом, оказалась целая линия из одних «дипломатов». По-

полусотня навела порядок на хуторе, и банды ушли назад в Тихорецкую. Все, казалось, успокоилось, но полковник Лесевицкий, зная повадку бандитов — собравшись с силами, повторять свои налеты, — приказал генералу Хабалову, «если возможно», сделать разведку до станции Тихорецкой и выяснить там положение. Для этого были вызваны смельчаки-охотники. Таковыми оказались, разумеется, все те же «дипломаты». Уже через два дня они побывали в Тихорецкой и осветили всю картину полностью.

Выяснилось, что в этом районе собрались крупные красные единицы. Зная, что в богатых окрестных хуторах имеются большие запасы съестного, а главное — вина (которое в Тихорецкой было ими уже все выпито), они вместе с рабочим населением организовали большой отряд для грабежа. Тихорецкая в это время была занята отрядом матросов, которые «вели себя как победители», справляясь не только с «буржуями», но и с рабочими. Предводитель красного отряда, опасаясь, что, если пойти вместе с матросами, они отберут у них все награбленное, поспешил выступить самостоятельно. И вот из Тихорецкой двинулось около 1500 человек (с подводами), из которых половина людей была просто грабителями, разбежавшимися при первом выстреле. На первом же привале (с 20-й версты) они начали грабить, требуя еды и вина. Богатые хуторяне, бросая имущество, бегали в район нашего расположения, ища защиты. Командир полусотни объяснил ему, что его отряд мал, не может оставить предписанного ему штабом направления, и повел выжидательную тактику. Красные банды, заметив, что полусотня «не реагирует», стали смелее продвигаться вперед, в район нашего расположения. О каждом их шаге нас с точностью оповещали наши доблестные «дипломаты». В конце концов полковник Лесевицкий решил преградить дорогу красным, а если возможно, и уничтожить их. Была двинута вторая полусотня. Затем капитану Тунебергу было приказано выделить во фланг юнкеров с пулеметами, а инженерной роте (офицерскому составу) — двинуться в расположение хутора. Кроме того, был сформирован отряд из местных жителей, убежавших от красных. Полковник Лесевицкий сам принял на себя командование.

Осмелевший большевистский отряд шел почти без охранения. Их спокойно пропускали и без выстрела «ликвидировали» по избам. Таким образом был втянут к нам и большой головной отряд, на уступах флангов которого оказались юнкера Константиновского военного училища. Им в помощь был послан отряд полковника Косинова. В центре — на хуторе — находилась сводная офицерская сотня, и был дан знак, что начало перестрелки здесь должно означать начало наступления на большевиков на всем участке.

Ничего не подозревавшие красные, встретив неожиданное сопротивление и обнаружив у себя в тылу нашу конницу, растерялись и стали беспорядочно метаться во все стороны. Большая их часть ринулась обратно на Тихорецкую. Разгром был полный. Они оставили в наших руках пулеметы, оружие и массу подвод, часть которых была уже нагружена награбленным имуществом. Не попавшая в расположение боя банда, видя разгром своих товарищей, повернула обратно в Тихорецкую, где их встретили матросы и отобрали все (в первую очередь — вино) и тут же устроили попойку и решили сами «попытать счастья» — пойти на хутора.

Дня через два эти матросы, усиленные всевозможным сбродом, начали свой поход. Обо всех их движениях и намерениях штаб полковника Лесевицкого знал все в точности через своих «дипломатов».

После разгрома красных банд наш отряд оказался усиленным в боевом отношении 12 отобранными в бою пулеметами. Сняли с телефонной линии и «дипломатов», у которых в последний момент оказались (Бог весть откуда) два пулемета и масса патронов; старший из них уже хорошо владел оружием. «Дипломаты» выставили пулеметы вперед, и их огнем, почти в упор, встретили матросов; вся остальная команда — огнем из винтовок. Эти доблестные дети рвались чуть ли не врукопашную драться с матросами, и этим детям в значительной степени наш отряд обязан полным разгромом свирепых красных матросов, происшедшим через день после их выступления из Тихорецкой, при встрече с отрядом полковника Лесевицкого в полном его составе. Несмотря на их стойкость и упорство, почти все матросы были уничтоже-

ны, а помогавшие им банды разбежались при первом же выстреле.

25 февраля (примерно) полковник Лесевицкий заболел и был эвакуирован в Екатеринодар. Вместо него назначили Генерального штаба полковника Кузнецова, при котором начался медленный отход нашего отряда к станице Пашковской.

В ночь на 1 марта часть отряда полковника Лесевицкого (Кузнецова) перешла Кубань, а другая отступила от Екатеринодара по направлению аула Шенджий. В этом ауле отряду был дан однодневный отдых от его непрерывных боев, и штаб свел все отдельные мелкие отряды в один Партизанский полк под командой полковника Тунеберга, а возглавителем всей Кубанской армии был назначен произведенный за успешные бои в полковники Покровский.

В эту армию вошли, конечно, и все «дипломаты». Эти мальчики и девочки-герои так и прошли весь страданный путь Добровольческой армии; так и выросли и возмужали в ее борьбе; наравне со взрослыми разделили все ее успехи и... крушение. Почти все они пали смертью храбрых. Тем же, которые остались в живых, теперь минуло уже далеко за 50 лет. Мало их осталось. Они рассеяны по всей земле. О них мы знаем очень мало. Но память об их геройском самопожертвовании во имя горячо и беззаветно любимой ими Родины пусть никогда не умрет в наших сердцах! Наш долг — рассказать о них нашему потомству: пусть знают и следуют их примеру!

П. Казамаров

РОССИЮ ЗАЩИЩАЮТ ДЕТИ¹⁵⁵

Командовал я 4-м взводом инженерной роты отряда полковника Лесевицкого. 26 февраля мы отступили к станице Васютинской, которая находилась в 22 верстах от Екатеринодара. Вечером я поехал в Екатеринодар в штаб, взять новые телефоны, а старые были возвращены. В штабе я был 28-го и там сделал все, что было нужно. После этого я спо-

койно прошел в баню. Было около 5 часов вечера. Я выкупался и пошел домой прилечь поспать, так как уже темно. Я решил ехать обратно в свой отряд утром 1 марта и прихватить трех кадет, которые приехали со мной в Екатеринодар, чтобы побывать у своих родителей, в своей семье. Но вместо того чтобы идти прямо домой, я направился к дому одной знакомой мне гимназистки, Лидии Аксеновой, которая мне тогда нравилась и за которой я немного ухаживал. Она вышла ко мне на крыльцо, закутавшись в шаль, так как на дворе было довольно прохладно. На этом крыльце мы с Лидией довольно долго болтали, и я почувствовал, что начинаю замерзать после бани. Я заметил, что и моей гимназистке становилось постепенно холодно. Я подумал, что мне уже надо уходить, и начал прощаться, но вдруг увидел, что по улице, идущей от вокзала, происходит большое движение. Присмотревшись, я заметил, что идет обоз моей роты.

Должен сказать, что я был поражен. Ведь еще вчера моя часть находилась в 22 верстах от Екатеринодара, и тогда еще ничто не предвещало отступление, а сейчас я вижу уже отходящий обоз. Я остановил несколько подвод и узнал от них, что некоторые взводы уже перешли Бобровский мост и находятся в данное время за Кубанью. Эта весть меня очень поразила. Хорош бы я был, подумал я, если бы пошел прямо спать домой: наутро я оказался бы в руках большевиков. Я быстро попрощался с Лидой и сказал ей, что мы покидаем город. Ее это тоже очень удивило. Она в свои свободные часы работала и в отряде и в лазарете, как и многие другие гимназистки. Я пошел на вокзал и убедился, что это правда, что наш отряд действительно отошел за Бобровский мост, за Кубань.

Тут я вспомнил о своих кадетах, которые приехали со мной из взвода и которые тоже ничего не знали об отходе наших частей. Когда я встретился с первым из них, я ему сказал, чтобы он оставался дома, и обратился к его отцу, объяснив ему, что войска уходят из Екатеринодара и что его сыну лучше оставаться дома.

— Нет, он не останется, — ответил отец. — Он ведь кадет. Пусть лучше умрет на поле боя, чем на моих глазах.

Я обнял есаула и сказал ему, что постараюсь побережь его сына. Другого кадета я застал дома и сказал ему, чтобы он оставался дома, если не пожелает идти вместе с нами.

— Я кадет, и мое место в отряде, — твердо на это ответил кадет.

Третий кадет был самым младшим из них, ему было всего около 15 лет. Я объяснил его родителям, что мальчику надо оставаться дома, но чтобы он на первое время скрылся из дома. Но маленький кадетик не хотел слушать уговоров родителей и все твердо уверял:

— Ни за что не останусь!

В это время подошла сестра кадета Игоря Люся, гимназистка 8-го класса, и к ужасу матери вдруг заявила:

— Я тоже пойду в отряд, и Игорю тоже нужно идти!

Игорь запальчиво заметил:

— Я сам знаю, что мне делать, и в советах девчонки не нуждаюсь!

Я прервал эту перебранку брата и сестры и сказал, что наше командование не разрешает брать в поход детей.

Оттуда я пошел к брату Николаю — штабс-капитану. Тут на меня накинулась его жена, моя невестка, и сказала, что Николай от жены и ребенка не уйдет.

— А ты иди куда хочешь, — проговорила она. — Матери девиц будут довольны, что ты перестанешь морочить голову их дочкам. До сих пор бобылем ходишь. Младший женат, а ты все еще остался бобылем!

— Смотри, Николай, будь осторожен, — сказал я брату и направился домой, чтобы проститься с отцом и матерью.

Был уже десятый час ночи. Там я взял свой мешок, положил туда запасные сапоги и забрал свою винтовку. Мать и отец проводили меня до калитки, перекрестили и поцеловали, и я пошел на вокзал и прошел мимо дома Лидии Аксеновой. Я позвонил. Оказывается, что Лида меня ждала. Я ей сказал, что иду на вокзал, и вдруг она мне заявила:

— И я иду с тобой!

— Нет, — возразил я ей, — ты должна в этом году окончить гимназию. Не дело барышни месить грязь и подвергаться тяжелым лишениям. Ведь никто не знает, что ожидает нас в будущем, может быть, мы все погибнем.

Когда я проводил Лиду обратно к дому, от которого мы незаметно удалились, то я заметил, что ее отец и брат вышли на улицу в поисках ее. Здесь мы с Лидой простились, и она поцеловала и перекрестила меня при отце и брате.

Я прошел на вокзал. Там была полная суматоха. Никто не знал, какие поезда уходят за Кубань. Я продрог от холода и стал искать какой-нибудь вагон, чтобы в нем немного согреться. На путях было темно. Вдруг я слышу в одном из товарных вагонов женский смех. Я подошел к этому вагону и влез в него. Смотрю — стоит походная кухня, греется чай. Там я нашел двух знакомых мне девиц, дочек нотариуса Подушко. Я попросил у них разрешения остаться. Девушки ответили согласием. В вагоне было тепло. Я выпил предложенный мне чай. Сахару у них было много, так что я мог брать его сколько хотел. Когда я выпил горячего чаю, я согрелся и, прислонившись к стене, вскоре заснул.

Когда я проснулся, я заметил, что поездной состав стоит и кругом никого нет. Я перепугался. Подумал, что этот состав вообще не ушел из Екатеринодара. Но почему ушли девушки, не предупредив меня? Значит, подумал я, из-за своего легкомыслия я теперь попаду к большевикам. Снаружи начало светать. Я осторожно приоткрыл наружную дверь вагона и вижу, что кругом расстилается поле, что поезд стоит на железнодорожной насыпи. Следовательно, мы уже находимся за Кубанью. Я приоткрыл дверь шире. Стало всходить солнце, и передо мной открылось просторное поле. Я заметил, что по полотну железной дороги стоят несколько составов, что из вагонов высыпали люди, которые, как муравьи, направлялись к черкесскому аулу. Я посмотрел кругом, но никаких войск я не видел. По полю шли девушки и мальчики, так сказать, весь молодой Екатеринодар: кадеты, реалисты, гимназисты и много девушек в легких ботинках. За ними шли старики. Молодежь выехала, как будто на пикник. Мне пришла мысль, что это настоящий детский сад, и что же мы будем делать с ними? Старики шли в генеральских погонах, и с ними были многие штатские. В них я узнаю чиновников Государственного банка и из Окружного суда. Вижу адвокатов, судей и прокуроров.

Многих из них я знал по Екатеринодару. Вижу, что все направляются к черкесскому аулу. Тогда я выпрыгнул из вагона и решил идти по направлению к аулу, тем более что местность мне была знакомая. В ауле я нашел штаб своей роты, а также и свой взвод. Все оказались на месте, там же я встретил моих троих кадет и с ними Люсю. Я стал браниться и требовать, чтобы Люся возвратилась домой. А она мне твердо ответила, что не может бросить брата. Игорь на это обиделся.

— Девчонка, а еще думает меня оберегать! — сказал он.

А Люся ему ответила:

— Не пойду домой, а тебе, Игорь, дам подзатыльник! Тогда будешь помнить!

Все кругом стоявшие кадеты расхохотались:

— Вишь какой вояка, даже сестра его собирается бить!

— Я девчонок презираю и не хочу с ними связываться! — вышел из положения Игорь.

Люся начала плакать и просила меня, чтобы я ее не отсылал обратно. Я ей заявил, что завтра решит начальство, как мне быть с нею и Игорем.

На следующее утро я произвел смотр моей команде. В ней находилось много кадет, реалистов, гимназистов, институток — на вид это был просто детский сад. Тут и Люся увидела, что ей можно оставаться.

Подошел командир инженерной роты генерал Хабалов и обратился к молодежи со следующими словами:

— Дети мои, мы идем неизвестно куда. Если казаки нас не поддержат, мы обречены на смерть. Мы, офицеры, — это одно, а вы другое, и в случае неудачи вас ждет страшная смерть. Сегодня мы еще можем направить вас в безопасное место, откуда вы возвратитесь домой. Подумайте об этом, а вечером я приду за ответом.

Я стал приводить взвод в порядок, заставил молодежь и всех моих подчиненных чистить винтовки и пулеметы. Кадеты откуда-то достали пулеметы и никому их не отдают, даже прячут. После чистки кадеты и гимназисты попросили у меня разрешения отправиться в поиски за едой. Я их спросил, где они могут в такой обстановке достать еду и есть ли у них деньги на покупку таковой. Они ответили, чтобы я не

беспокоился. В общем, человек 8 молодежи исчезли и начали свои поиски. Оказывается, что кадеты умели добывать еду, они умели уговаривать казачек и хозяек-хуторянок и всегда что-то получали. Поэтому я их прозвал «дипломатами».

Девушки остриглись, надели на себя штаны и сапоги, сшили себе вещевые мешки и санитарные сумки и добыли даже санитарный материал. Вечером пришел в наше расположение генерал Хабалов. Я построил свою команду. Никто из молодежи не пожелал уйти. На это генерал им сказал:

— Россию защищают дети. А где же отцы? А вам, взводному командиру, я хочу сказать, чтобы не бросали зря в боевую кашу мальчиков и девочек. Храни вас Господь, дети!

Из всего отряда в мой взвод направлялись все молодые люди, и этот взвод имел специальное назначение; на него была возложена обязанность вести разведку и поддерживать техническую связь с другими частями. Во взводе у меня было 20 молодых офицеров, 60 подростков и 8 молодых девушек. Инженерная рота состояла из 4 взводов. Каждый взвод имел свое назначение и действовал самостоятельно. Первым взводом командовал военный инженер полковник Сергей Васильевич Попов — он же заместитель командира роты; во главе второго взвода находился полковник-сапер Петр К. Алексеев¹⁵⁶. Третьим взводом командовал саперный капитан В. Бершов, а четвертым я, капитан Петр Т. Казамаров. Рота обслуживала технически весь отряд и считалась также боевым резервом отряда.

Через день все отдельные отряды были собраны в один Кубанский стрелковый полк. Командиром полка был назначен В.М. Тунеберг, который из штабс-капитанов был произведен в полковники. Кроме того, был сформирован отдельный батальон, командиром которого был назначен полковник Улагай. Также был образован Черкесский конный полк. Казаки были собраны в Гвардейский конный дивизион, которым командовал полковник Кузнецов. Кроме того, было образовано еще несколько сотен конников-казачков под командой полковника Косинова. В общем, состав Кубанского отряда доходил до 4000 человек. Помимо этого, были еще разные охранные отряды, как, например, отряд Государственного банка, отряд Кубанской Краевой Рады. К этому надо прибавить неорганизованное граж-

данское население, обоз раненых. Многие интеллигентные люди покинули Екатеринодар. К этому надо прибавить еще образованные две батареи — первая под командой полковника Крамарова и вторая есаула Корсуна. Всем Кубанским отрядом командовал полковник Покровский, произведенный в чин генерала, а над всей конницей был поставлен генерал Эрдели.

После приведения всех в порядок отряд выступил по направлению к станице Пензенской, где были получены сведения, что армия генерала Корнилова покинула Ростов и идет к Екатеринодару. В станице Пензенской отряд разделился. Ночью ушла в горы гвардейская казачья конница под командой полковника Кузнецова и вторая батарея есаула Корсуна. Это было большим ударом для отряда. Отряд был поколеблен тем, что оторвалась от нас лучшая часть нашей кавалерии, но к 12 часам порядок в отряде был восстановлен, и тогда было принято общее решение идти навстречу генералу Корнилову... Хотели переправиться через Кубань у станицы Пашковской, чтобы потом взять обратно Екатеринодар, но переправа отряду не удалась. Тогда было решено уходить в горы. При нашем возвращении закипел бой у станицы Калужской, где большевики скопили большие силы. Я получил приказание охранять наш крайний левый фланг, и мы стали на позицию левее отряда полковника Улагая.

Две из наших девиц взяли винтовки, а другие стали санитарками; за пулеметами находились кадеты под наблюдением офицеров. Бой был очень упорный. Когда полковник Филимонов, наш Кубанский атаман, увидел, что противник постепенно усиливается, он решил проехаться по тылам. Он поднял всех стариков, которые влились к нам и образовали также несколько цепей, причем некоторые были безоружными. Когда большевики заметили, что к нам подошло большое подкрепление, они стали постепенно отходить. Конная атака красных на наш левый фланг была нашими пулеметчиками отбита. Некоторые из красных всадников подскочили к нам на 30 шагов, но были пулеметным огнем остановлены.

В это время, когда наша победа уже была обозначена, вдруг в направлении к станице Калужской появилось несколько всадников, причем у них были белые повязки на шапках и папахах. Их сопровождали некоторые черкесы. Все, которые их замети-

ли, начали кричать, что это корниловцы. Сначала никто этому не верил, думали, что это подозрительный трюк, но черкесы, которые стали прибывать к нам, сказали, что Корнилов действительно находится уже близко от нас. Можно сказать, что весь наш тыл поднялся, все стали кричать, что Корнилов пришел. Фронт, как один человек, поднялся, все ринулись вперед, и станица Калужская была быстро взята нами. В это время стал накрапывать дождь, и наших раненых мы начали спешно отправлять в станицу. Наша рота заночевала на хуторах.

Генерал Хабалов потом благодарил наших юных бойцов и поздравлял с первым боевым крещением. В ответ на это юноши и девицы вместе прокричали «Рады стараться!» и закончили громовым «Ура!».

В этом бою особенно отличился капитан Николай Иванович Симоненко¹⁵⁷, который построил мост через речку и таким образом дал нашим батареям возможность переправиться на ту сторону и черкесской коннице зайти в тыл красных. Бой был для нас тяжелым, и надо отдать справедливость корниловцам, что они нас спасли. Это мало кто знал.

На следующий день наша рота была двинута на станицу Калужскую. Начались более сильные дожди, холодные, смешанные со снегом. Наш взвод сидел в теплых хатах. Девицы беззаботно смеялись и даже не предчувствовали, что мы находимся на краю гибели, так как красные не оставляли нас в покое. Отряд полковника Кузнецова, оторвавшись от нас и обессилив наш отряд на 400 человек лучшей конницы, пропал в горах и попал в руки к большевикам. Полковник Кузнецов был убит. Есаул Корсун был посажен в Майкопскую тюрьму, откуда был потом спасен.

В. Крамаров¹⁵⁸

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТРЯДЕ «СПАСЕНИЯ КУБАНИ»¹⁵⁹

После захвата в 1917 году в России власти большевиками и прекращения борьбы на фронтах кубанские части стали постепенно возвращаться домой. Отчасти ввиду усталости от

трехлетней войны и долгой разлуки с родными, отчасти под влиянием пропаганды большевиков, части эти по прибытии на Кубань самовольно расходились по домам.

Между тем на Кубань надвигалась гроза. С севера — большевики из центра России, с юга — разложившиеся части солдат Кавказской армии, возвращавшихся к себе домой через Кубанскую область. Пред Кубанским атаманом и правительством стал вопрос о необходимости организации защиты края от грозящего со стороны большевиков захвата его.

В то время еще существовала связь с командованием Кавказской армии, и после сношения с ним была учреждена должность командующего войсками Кубанской области, на какую-то был назначен кубанский казак — генерал К.К. Черный, и учрежден при нем Полевой штаб, задачей которого была разработка мер для защиты края от вторжения большевиков и организация его обороны.

В распоряжении командующего войсками в Екатеринодаре оказались лишь кубанские офицеры, возвратившиеся со своими частями с фронта, а также офицеры неказачьи, прибывшие на Кубань одиночным порядком, казаки Кубанского гвардейского дивизиона, небольшое количество юнкеров да казаки ближайшей к Екатеринодару станицы Пашковской.

В конце ноября 1917 года было приступлено к формированию добровольческих отрядов. Первым сформировал отряд войсковой старшина Галаев, терский казак по рождению, служивший в кубанских пластунах. Вторым — военный летчик капитан Покровский. На эти небольшие отряды и на казаков, бывших в Екатеринодаре, легла тяжелая задача охраны города и обороны его в случае наступления большевиков.

Первоначально таковая угроза была лишь со стороны Новороссийска. На этом направлении крупные силы красных понесли большое поражение в двадцатых числах января 1918 года, после чего активных действий не проявляли, но зато стало обозначаться оживление противника со стороны Тихорецкой, а потом и Кавказской. Оба эти пункта были заняты солдатами 39-й пехотной дивизии, возвращавшимися с Кавказского фронта и осевшими на Кубани. Пришлось

сделать перегруппировку войск и принимать меры к дальнейшим формированиям.

И вот 20 января имело место собрание офицеров и юнкеров, находившихся в Екатеринодаре и еще не вступивших в отряды, на котором Генерального штаба полковник Лесевицкий, недавно прибывший в Екатеринодар и исполнявший обязанности генерал-квартирмейстера Полевого штаба, в горячей речи очертил общую обстановку и призывал каждого из присутствовавших выполнить свой долг.

Здесь же была произведена запись добровольцев и было приступлено к организации 3-го добровольческого отряда «Спасения Кубани». Ядром его послужили офицеры 5-й Кавказской казачьей дивизии, только что прибывшей с фронта, во главе с казаком станицы Ладожской полковником Косиновым, а также офицеры других частей. Возглавил этот отряд полковник Лесевицкий.

Из юнкеров Киевского военного училища и Киевской Софиевской школы прапорщиков была сформирована немногочисленная пешая сотня. Юнкера сотни Николаевского кавалерийского училища вместе с остатками Екатеринодарской школы прапорщиков образовали конный взвод. Всего же конницы набралось около сотни, составленной из офицеров, казаков и учащейся молодежи. Особый порыв охватил реалистов Кубанского Александровского реального училища, из учеников старших классов которого была сформирована пешая сотня. Сотня эта в последующих боях проявила много доблести, понесла большие потери, а при общем выходе из Екатеринодара вошла в состав 1-го Кубанского стрелкового полка. Есаулом Крамаровым была сформирована офицерская батарея, в которую вошли, главным образом, кубанские офицеры, как-то: братья Певневы, Третьяковы, Захарьин, Олейников и др., а также несколько человек юнкеров и учащихся.

Первые 5 дней отряд Лесевицкого нес службу охраны, а затем был выдвинут на Кавказском направлении в станицу Усть-Лабинскую. Здесь он значительно пополнился казаками этой станицы. Тем временем части 39-й дивизии, занимавшие станицу Кавказскую, начали постепенно распространяться в направлении Екатеринодара и заняли станицу Ладожскую.

Смелым ударом полковник Лесевицкий выбил их из этой станицы и продвинулся до разъезда Потаенного. Отсюда, согласно заданию командующего войсками, Лесевицкий должен был ударить на Кавказскую и, заняв ее, двинуться на Тихорецкую одновременно с отрядом Покровского, занимавшим станцию Выселки. Но противник предупредил исполнение этого плана и, подтянув отряды Армавирский, Воздвиженский, Майкопский и др., под командою знаменитого впоследствии красного «главкома» Сорокина, офицера из фельдшеро-казачьей станицы Петропавловской, обрушился сначала на Покровского, а затем и на Лесевицкого.

Оказывая упорное сопротивление и неся значительные потери, отряд «Спасения Кубани» стал постепенно отходить в направлении на Усть-Лабинскую, а затем и далее — к Екатеринодару.

Стояла жестокая зима с ужасными метелями, особенно отягощавшими оборону, так как смены не было и слабому отряду Лесевицкого пришлось биться и день и ночь со все подходившими свежими силами Сорокина. Здесь многие офицеры, казаки и другие чины отряда проявили примеры мужества и покрыли себя славою храбрых.

Особенно воодушевлял других примером редкой доблести всегда жизнерадостный, неутомимый и находчивый двадцатилетний сотник Третьяков¹⁶⁰, только что прибывший из действующей армии и бывший тогда начальником небольшой конной команды разведчиков батареи есаула Крамарова. Неоднократно он со своей командой или сам лично оказывал услуги всему отряду — то делал глубокие разведки в тылу противника, то взрывал в тылу у красных виадуки и железнодорожное полотно, то с горстью разведчиков ходил в атаку на действующую батарею красных, на их пехоту и т. д.

В последних числах февраля полковник Лесевицкий заболел. У него оказался нарыв в ухе, причинявший страшную боль, и он принужден был сдать командование отрядом Генерального штаба полковнику Кузнецову. Тем временем был получен приказ командующего войсками о возможном оставлении нами Екатеринодара и об отходе за Кубань, о чем должно было последовать особое распоряжение. Отряду Кузнецова приказано

было в таком случае переправиться через Кубань у станицы Пашковской и идти на присоединение к главным силам отряда в направлении на аул Шенджий.

В ночь с 27-го на 28 февраля красные крупными силами стремились охватить небольшой отряд Лесевицкого (он продолжал так именоваться и после ухода самого Лесевицкого). Противник стремился отрезать его от Пашковской. Рано утром 28 февраля красные огромными силами атаковали пехотные позиции отряда. Храбро дрались офицеры и юнкера, но зашедшие во фланг и с тыла значительные силы противника принудили немногочисленную нашу пехоту отходить. Единственный поезд отряда с прицепленной сзади площадкой, которую в отряде называли «броневой», стал также отходить к Пашковской. На броневой площадке его было одно орудие и несколько пулеметов.

Параллельно железнодорожному пути, по проселочной дороге в нескольких километрах впереди, отступала батарея есаула Крамарова без всякого прикрытия. Красные, пробравшись в тыл, сделали в камышах засаду и пулеметным огнем перебили почти всех лошадей в упряжках, почему пришлось оставить два орудия из трех, а также обоз батареи.

В момент отхода поезда рысью подошла команда конных разведчиков батареи, возвращавшаяся после исполнения задачи по взрыву полотна. Отступавшие юнкера-киевляне доложили сотнику Третьякову, что они, понеся большие потери, принуждены были при отступлении оставить два тяжелых пулемета. Сотник Третьяков, взяв с собою двух желающих из разведчиков — сотника Пахно и корнета Пеховского (горного инженера), — бросился карьером назад к противнику. С замиранием сердца смотрели пехотинцы и бывшие на поезде вслед трем отважным всадникам. В нескольких десятках шагов от наступающих цепей противника, под сильным его огнем, сотник Третьяков и корнет Пеховский, соскочив с коней, подняли пулеметы — один на коня сотника Пахно, другой на седло сотника Третьякова, — и затем все три всадника стали рысью отходить. Только чудом они уцелели и вывезли пулеметы. Дружным «Ура!» встретили их с поезда, когда они передавали туда пулеметы.

Между тем противник артиллерийским огнем обстреливал отходивший поезд. Один неразорвавшийся снаряд угодил под коня сотника Третьякова, который вместе с конем перевернулся в воздухе и был кофтужен. Разведчики привезли своего начальника на станцию Пашковскую и положили на бурке на перроне. Тем временем туда подошли артиллеристы с оставшимся орудием. Им были видны в бинокль брошенные орудия, к которым противник не мог подойти ввиду сильного огня с нашего поезда.

Желая спасти их, есаул Крамаров вызвал охотников. Вместе с ними и с пришедшим в себя Третьяковым он быстро двинулся на «броневой площадке» с локомотивом вперед, к брошенным орудиям. Под сильным огнем противника они соскочили с площадки и, подкатив на руках оба орудия на железнодорожное полотно, прикрепили их канатами сзади площадки. Поезд медленно, не прекращая огня, двинулся к Пашковской, таща за собой на буксире подсакивающие на полотне железной дороги, как лягушки, орудия. Спасая их, никому из чинов батареи не пришлось в голову захватить и свои вещи, находившиеся здесь же на повозках брошенного обоза. При спасении орудий убитых не было, но было несколько раненых, в том числе женщина-прапорщик Оля Зубакина.

К вечеру 28 февраля был получен приказ командующего войсками об отходе, и с наступлением темноты отряд под командой полковника Кузнецова, переправившись на пароме через Кубань у Пашковской, отошел через аул Тахтамукай на присоединение к главным силам Кубанского отряда в аул Шенджий.

Вскоре состоялось соединение с Добровольческой армией, с Корниловым, с которым кубанцы и приняли участие в легендарном 1-м Кубанском, именуемом Ледяным, походе, участвовали в боях под столицей Кубани, а затем, после смерти своего вождя Корнилова, под командой генерала Деникина отошли на Дон, откуда после нескольких месяцев отдыха двинулись в победоносный 2-й Кубанский поход, закончившийся освобождением от красных почти всего Северного Кавказа.

Но не всем участникам отряда Лесевицкого удалось дожить до этого. Многие из них пали смертью храбрых на полях Дона,

Ставрополя и Кубани. Сам организатор отряда «Спасения Кубани» полковник Лесевицкий погиб. Невыносимо страдая от нарыва, он не чувствовал себя в силах принять участие в походе после оставления Екатеринодара и решил уйти из него одиночным порядком, по-видимому, с целью пробраться в Закавказье. За день до выступления отрядов из Екатеринодара он ушел из него в сопровождении кубанца сотника Выдры за Кубань, был захвачен в одной из закубанских станиц красными и вместе со своим спутником был расстрелян.

Ф. Пухальский¹⁶¹

ПЕТРОГРАД И НА КУБАНИ¹⁶²

Закончив курс лечения в одном из госпиталей города Петрограда, куда я был эвакуирован после ранения в Карпатах, я был направлен в 1-й Запасный полк, расположенный в казармах 145-го Новочеркасского полка на Охте.

Прибыл я туда в конце декабря 1916 года и оставался там в ожидании маршевой роты. Время было зимнее, маршевые роты отправлялись, но редко. За время моего пребывания в этом полку мне пришлось быть свидетелем многих событий с 14 февраля по 27 февраля семнадцатого года.

14 февраля начались демонстрации из-за хлеба, как тогда говорили, и кончилось все, как нам известно, революцией. В городе продолжались беспорядки. По улицам бродили шайки в серых шинелях и под видом обысков грабили всех, и были нередки случаи убийств. Полиции, как таковой, в это время уже не было, она еще в первые дни революции была физически уничтожена или попросту разбежалась. Мирное население осталось без охраны. В городе был хаос.

Жители города по кварталам создали на первых порах свою местную охрану, а потом постепенно создавалась городская милиция. В состав милиции во многих частях Петрограда входили рабочие, вооруженные захваченным оружием. Но служба милиции не спасала обывателя от грабежа, а милиционера от побоев. Грабительские шайки целыми днями и ночами бро-

дили по определенным домам и под видом обысков забирали ценности или арестовывали, чтобы здесь же, за полученную мзду, освободить. Милиция не смогла бороться с подобным произволом, особенно когда такие случаи делались ночью и сама жизнь милиционера была в опасности. Поэтому для прекращения беспорядков город Петроград был разбит на районы. Милиция и охрана порядка усиливалась еще военной силой. Были созданы районные комендатуры.

Командир полка назначил меня комендантом Охты, приказал сформировать роту в 200 человек, выбрать двух офицеров и указать для реквизиции помещение на Охте. Из роты днем и ночью по некоторым улицам Охты посылались патрули, а ночью многие посты милиции усиливались одним или двумя солдатами, смотря по важности пункта. Приказывалось всех, производящих обыски без соответствующих документов, задерживать и направлять в Главное комендантское управление. В общем же на меня возлагалась обязанность оказывать помощь милиции. В служебном отношении я подчинялся командиру полка, как начальнику гарнизона на Охте и главному коменданту города Петрограда.

Так продолжалась моя очень беспокойная и тревожная служба несколько месяцев, когда мне пришлось быть свидетелем захвата власти большевиками, и все последующее время до моего окончательного отъезда из Петрограда на юг. Первого ноября я оставил Петроград. А на следующий день проехал Москву, где в это время были бои. Через несколько дней я приехал на Кубань. Живя в станице, ничего тревожного не наблюдал.

В конце ноября, запасшись на всякий случай фиктивным документом от нашего станичного кооператива, выехал обратно в Петроград и доехал до Ростова. Там же узнал, что прямого поезда на Москву нет и не будет, так как впереди идут бои между казаками и большевиками. В Ростове мне стало известно, что в Новочеркасске находится генерал Алексеев, который формирует добровольческие отряды.

Я вернулся обратно в Екатеринодар, потом в станицу и решил ехать через Тамань—Керчь на Москву. Из станицы, задержавшись там два дня, я выехал на Тамань и через

Керчь—Синельниково проехал в Петроград, куда и прибыл 11 декабря 1917 года поздно ночью. В Москве пришлось пересест в петроградский поезд. Одет я был в военную форму при погонах. Вошел в вагон 2-го класса и нашел свободное купе, где был лишь один пассажир — вольноопределяющийся. Поезд тронулся. Через некоторое время мой спутник, который при моем появлении не потрудился встать, обратился ко мне с вопросом:

— Господин офицер, почему вы в погонах, разве не знаете, что товарищ Муралов отдал приказ снять погоны?

В свою очередь я спросил его:

— Кто такой Муралов?

Оказалось, что товарищ Муралов — командующий войсками Московского военного округа.

— Я из Петроградского военного округа, возвращаюсь из отпуска, и мне неизвестно, какие распоряжения в Петрограде, — ответил я.

На какой-то станции вольноопределяющийся сошел с поезда. Поздно ночью 11 декабря поезд подошел к платформе Николаевского вокзала. С поезда я отправился к выходу на Знаменскую площадь, чтобы найти извозчика. Не успел я сойти со ступенек вокзала на площадь, как почувствовал, что кто-то дернул за мой правый погон, и вслед затем грубый голос:

— Снимай, тебе говорят, погоны!

Оглянулся назад и увидел здорового верзилу матроса в компании с другими. Погон он сорвал и держал в руке. Вступать в пререкания безоружному мне было опасно. На первой пролетке, с одним погоном на шинели, я поехал к себе на квартиру на Охту.

Утром 12 декабря я побывал в моей канцелярии и переговорил с моими двумя офицерами о положении в комендантской роте и в самом Петрограде. Ознакомившись с докладами, я заявил, что сегодня побываю у коменданта города Петрограда и завтра, 13 декабря, постараюсь оставить должность и уехать.

Обсудивши положение, я предложил офицерам отпуск, предоставив им право при желании вернуться обратно. Решено: я возьму отпуск, мой помощник получит от меня командиров-

ку в Киев во вновь формируемые украинские части, а адъютант — уроженец Петрограда — займет мою должность и будет продолжать исполнять обязанности коменданта Охты и постепенно ликвидировать комендантскую роту. Также я решил — солдат роты снабдить отпускными удостоверениями и разрешить им выехать. Касалось это, главным образом, сибиряков. Пока в роте готовились отпуска, я отправился в Главное комендантское управление, явился к коменданту, доложил ему полную информацию о моей поездке на Кубань и Дон и просил дать мне отпуск на два месяца.

Комендант заметил мне, что он не может дать мне длительный отпуск, а даст мне командировку по делам службы в Тифлис, так как, по его мнению, это будет безопасней. Он уже знал кое-что о генерале Алексееве. На такую комбинацию я согласился. Утром 13 декабря я был вновь у него, и он узнал от меня, что я еду вступать в отряды генерала Алексеева. Он вручил мне документы, без указания моего чина, рекомендовал мне снять военную форму и переодеться в штатское платье. Прощаясь, благословил меня, поцеловал и пожелал счастливого пути. В тот же день я оставил Петроград. За день до своего отъезда я подписал увольнительные документы солдатам, и половина моих подчиненных с моим помощником-офицером оставили роту.

Обратная моя поездка из Петрограда на Кубань вместо нескольких дней заняла 11 дней. Движение поездов было нарушено, и поезда шли без расписаний, ибо с фронта все бежало и все было переполнено солдатской массой. При внимательном наблюдении можно было среди этой толпы отличить и нашего брата — офицера. Поверки документов пока не было, но еще далеко до Харькова ходили слухи, что в Харькове ловят офицеров и «буржуев» и на 11-й линии их расстреливают. Забирают их потому, что они едут к Каледину, с которым уже бьется Красная гвардия.

Наслушавшись таких сведений, на одной из станций перед Харьковом оставило поезд десятка полтора людей. Среди них, как я потом узнал, большинство было офицеров, которые решили вернуться в Москву, а я предполагал через Москву — Грязи пробраться на Кубань. С трудом и с разными задерж-

ками и пересадками приехал я, наконец, в Грязи. Из Грязей можно было ехать на Миллерово или на Царицын. В то время у Миллерова были бои, но говорилось, что, возможно, успокоится и поезда пойдут на Ростов. На Царицын я ехать не рискнул.

В Грязях же, затерявшись в толпе, провел я два дня и одну ночь, и, на мое счастье, пустили поезд на Ростов. На станции Миллерово я увидел уже другую обстановку: донцы — офицеры и казаки в погонах и полный порядок, и мы, приехавшие, кое-кто надели погоны. Прошла проверка документов, и поезд тронулся на Ростов. Дальше — Екатеринодар, Черноморская железная дорога, и 24 декабря, в Сочельник, когда вся моя семья сидела за столом, я вошел в наш дом. Тяжелый и опасный путь остался позади. Не было за столом моего младшего брата штабс-капитана Николая, который в то время, когда я пробирался на Кубань, был на фронте где-то под Ригой.

Был январь 1918 года, фронт на его участке — в полном развале. Мой брат оставил полк и решил вернуться также в станицу. Штатского платья у него не было, все было военное без погон. В таком обмундировании ехать было опасно, в особенности когда путь шел на Дон. Брат потом рассказывал, что где-то в пути в поезде он познакомился с матросом Балтийского флота. Матрос был уже в пожилых годах и, по-видимому, из младшего командного состава, а родом из Саратовской губернии. О политике они вообще ничего не говорили. Брат откровенно рассказал ему, что он сам родом с Кубани, офицер и едет домой, но не знает, удастся ли ему добраться домой. И вот матрос, «краса и гордость революции», как их тогда называли, посмотрев на моего брата — юнца 21 года, — предложил взять его под свою охрану и привезти его на последнюю станцию, откуда уж он сам доберется домой. Из Москвы они пустились на Грязи, потом на Царицын до станции Тихорецкой. Там матрос посадил брата на поезд на Екатеринодар, а сам вернулся обратно в Царицын. Прибывши в Екатеринодар, брат домой уже не поехал, а записался добровольцем в Кубанский правительственный отряд и принимал участие в боях под Энемом, а потом вышел в 1-й Кубанский поход.

25 декабря 1917 года, в штатском платье, я отправился на базарную площадь посмотреть и послушать, о чем там говорят. Мать моя просила не вмешиваться в разговоры толпы, так как меня знают в станице как офицера, и в это тревожное время это может плохим кончиться. Успокоив мать, что я уже стреляная птица и знаю это по Петрограду, я вышел из дома. Базарная площадь и двор станичного правления представляли в то время место встреч и летучих митингов для любителей поораторствовать и потолковать. Большинство таких митингов начиналось в 9—10 часов утра, а в обеденное время площадь пустела, чтобы после обеда опять наполниться. В этот день я заметил, что толковалось и говорилось о советской власти и о перемене станичного правления, а это означало, что руководство делами станицы перейдет в руки большинства, то есть иногородних.

Старое казачество держалось за свои вековые права и в этом вопросе не уступало противной стороне. На стороне же иногородних была и часть фронтовых казаков, а в особенности казаки-фронтовики 1-го Таманского полка Кубанского казачьего войска. Этот полк не так давно вернулся из Финляндии, где он уже прошел если не основательную, то все же достаточную большевистскую подготовку. Между казаками-стариками и фронтовиками образовался прорыв.

Старое поколение опиралось на свои старые казачьи устои и на право владеть своим краем без вмешательства со стороны пришлого элемента; молодое же казачество — фронтовики — считали иногородних за своих братьев, с которыми делили горести и радости фронтовой жизни. В станичной казачьей среде шла явная борьба стариков с молодыми. Что творилось в казачьей столице, в Екатеринодаре, никто толком не знал. Местных газет не было, а из Екатеринодара получались редко. Новороссийск, Крымская и Темрюк уже были в руках большевиков. Из Темрюка до праздников и во время праздников наезжали ораторы, и ходили слухи, что Новороссийск после праздников решил водворить советскую власть в Екатеринодаре.

1-го или 2 января станичная власть спасовала и передала свой авторитет Советам. Перемена произошла внезапно, без

боя и кровавых потерь. Во главе комиссариата был какой-то пришелец Рондо (фамилия что-то в этом роде). Вокруг него образовался комитет, и в этот комитет вошел мой дальний родственник, взявший на себя обязанности комиссара юстиции. Человек не кровожадный, и возможно, что благодаря ему в нашей станице не было повальных арестов и произвола. Жил он недалеко от меня. Каждое утро, идя в комиссариат, он заходил ко мне поболтать. Беседы наши принимали иногда довольно резкий и затяжной характер. Дело в том, что, будучи идеалистом, он защищал позицию Советов и старался убедить меня, что совершившийся переворот принесет нам благополучие и покой. Он был искренне убежден в своих взглядах, я же, познав большевизм и революцию на себе, был для него неверующим Фомой.

В то время станица составляла часть какой-то Темрюкской республики с центром в нашей станице. Новороссийск и Крымская, собираясь в поход на Екатеринодар, просили нашу станицу прислать людей для Красной армии. В одно утро мой родственник, зайдя ко мне, предложил мне принять командную должность в местном красном отряде. Предложение я отклонил по моим политическим убеждениям. Этот наш родственный диспут продолжался бы до бесконечности, если бы не пришли казаки станицы Полтавской и не разогнали бы всех республиканцев Темрюкской Советской республики.

За семь—десять дней до критического дня 2 февраля 1918 года — гибели Темрюкской республики — в станице Полтавской казаки под руководством своего станичного атамана Омельченко Григория Васильевича организовались и решили прикончить центр республики в станице Славянской.

О восстании в станице Полтавской нам было известно, и несколько нас, офицеров, решили переправиться через реку Протоку и явиться в станицу Полтавскую. Наше решение запоздало, как это часто случается, когда нет организатора. Казаки станицы Полтавской сами пришли в нашу станицу и освободили нас. Я не знаю, кто руководил военными действиями полтавцев, но потом, после Кубанского похода, была легенда, что станицу Славянскую взяла Мария Васильевна

Омельченко, жена станичного атамана. Она-то, как говорили, привела в исполнение наступление на славянцев. Полтавцы были еще далеко от переправы через Протоку, когда Мария Васильевна, сидя на общественной тройке, приказала артиллеристам открыть огонь. Орудие выстрелило в сторону железнодорожного моста, и вся народная армия Темрюкской республики бросилась врасыпную и отошла на Крымскую и Темрюк. Полтавцы заняли нашу станицу и, не теряя времени, приступили к розыску членов «правительства Темрюкской республики».

Придя с базара, моя мать рассказала, что она видела большую толпу народа около комиссариата, и не успела она закончить свой рассказ, как в передней раздался гул многих ног. Без стука, грубо открывается дверь в столовую, и вваливается группа человек 8—10 вооруженных людей; мне сразу бросилось в голову, что это большевики.

— Здесь живет Пухальский?

— Да, это я, — отвечаю им.

— Вот вас нам и нужно!

— А что вам нужно?

— Пришли арестовать вас как комиссара, — был ответ.

— Какого комиссара? — спрашиваю я.

— Что вы притворяетесь? Вы же комиссар!

— Нет, — отвечаю я.

— А кто же ты такой?

— Нет, я не комиссар, а офицер, всего пять недель тому назад, как прибыл домой в отпуск. А вы кто же будете такие?

— А мы полтавцы, — хором отвечают. — Только что освободили вашу станицу и теперь ищем всех комиссаров. Кто же был комиссар, не ваш ли родственник?

— Да, — отвечаю я.

— В таком случае извините, мы ошиблись!

Вежливо попрощавшись, толпа ушла искать моего родственника. Итак, создавалась новая обстановка. Нужно было решать, как быть дальше. Узнаю, что казаки станицы Славянской мобилизуются, организуются и собираются гнать большевиков из Крымской. Сообщается приказание исполняющего обязанности атамана отдела всем офицерам собрать-

ся. На дворе станичного правления собираются казаки, разбиваются по сотням, требуются сведения об оружии и патронах. Офицеры назначаются по сотням, а нас, армейских офицеров, никуда пока не определяют. Мы как-то невольно остаемся в стороне от станичных событий. Полтавцы еще в нашей станице. Но к вечеру того же дня они уходят в Полтавскую, чтобы завтра наверняка вместе со славянцами наступать на Крымскую.

Собралось нас 4 армейца около станичного правления и решили: так как славянцы нас не взяли, а мы, присмотревшись к организации казаков нашей станицы, не имели ни малейшего сомнения, что организация у них распадется, то нам лучше направиться в станицу Полтавскую, а там будет видно, как поступать дальше.

Решили на следующий день рано, чуть свет, выступить в Полтавскую. Утром 3 февраля мы, четверо армейцев, к которым потом за рекой Протокой присоединился еще казак-сотник, двинулись в путь. Спешили мы, чтобы присоединиться к полтавцам, когда они будут еще в станице. У нас не было багажа, кроме необходимых вещей в торбах на спине, винтовки и патронташа с патронами.

Пять офицеров рано утром появились на вокзале в станице Полтавской. На путях стоял поезд с паровозом, готовый к отправке; эшелон уже был наполнен полтавцами. Мы одиноко стояли на вокзале, присматривались и решали, к кому надлежит обратиться, кто начальник этого эшелона и где он. Время тянулось, а эшелон не двигался. Солнце уже высоко поднялось; казаки то в одиночку, то группами входили и выходили из вагонов, а поезд продолжал стоять, и никаких внешних признаков его отхода не было. Наконец мы спросили, когда же эшелон двинется и кто же начальник эшелона. Кто-то ответил, что пока еще отъезд неизвестен и что командир где-то в станичном правлении, а казаки еще сами не договорились, ехать или не ехать. Многие спорят, что, дескать, мы славянцев освободили, так «пущай» славянцы освободят Крымскую. Вот солнце высоко поднялось над головой. Казаки сразу целыми вагонами двинулись в станицу. Была обеденная пора, и все разошлись по своим домам.

В станице Полтавской мы уже получили верные сведения, что под Екатеринодаром идут бои с большевиками и что сейчас есть возможность пробраться туда. До Тимашевской ходят поезда, только неизвестно, когда такой будет. На чем же можно все же добраться до Тимашевской? Видно было, что полтавцы сегодня уже не двинутся и окончательно разойдутся по домам. Мы на вокзале, и оставаться здесь не было смысла. Необходимо было искать средств транспорта, чтобы выбраться из Полтавской. В то время никто из нас не думал возвращаться в свою станицу, а ведь было всего 12 верст. И как иногда бывает, что случай выручает из безвыходного положения, так случилось и с нашей группой. Нашелся среди нас один — кажется, поручик Вася Зорин, сын нашего станичного священника отца Николая.

— А что, господа, не используем ли мы железнодорожную дрезину? Она вот здесь стоит! — сказал Вася Зорин.

Мысль хорошая, почему бы не взять дрезину? Быстро на рельсы, попеременно на рычаги — и покатили. Я полагаю, что в тот момент мы и не думали, что может случиться на любой станции, на любом перегоне с маленькой группой офицеров — в погонах и с винтовками. Никто нас не задержал. Прибыли мы в Тимашевскую. На этой станции не было поезда на Екатеринодар. Не задерживаясь, на дрезине мы покатили в Екатеринодар. Кажется, с 3-го на 4 февраля мы добрались до Екатеринодара. Остаток ночи переспали на Черноморском вокзале, а утром отправились в город. Там я разыскал моего брата, собрал все сведения о записи в добровольческие отряды. В самом Екатеринодаре было несколько пунктов, где записывались добровольцы в ряды правительственных войск. Наша группа разбилась на три части: я и Зорин записались в конную сотню, два других в пехоту, а сотник куда-то в другую часть. Выехало нас из станицы Славянской пятеро, потом разделились, чтобы уже никогда в жизни больше не встречаться. Двое погибли в боях под Екатеринодаром 31 марта 1918 года, Зорин закончил 1-й Кубанский поход, чтобы потом сложить свою голову в боях с «зелеными» в районе Геленджика.

* * *

По приезде в Екатеринодар я и поручик Зорин 5 февраля записались в конную сотню, хотя ни я, ни Зорин не были природными кавалеристами. Часть, в которую мы записались, была сотня имени войскового старшины Галаева и располагалась на Сенном базаре, в помещении бывшего постоялого двора. Кто такой был войсковой старшина Галаев — я не буду на этом задерживаться. Многие кубанцы знают этого казачьего патриота и какую роль он играл в конце января 1918 года в боях под Екатеринодаром. Смерть его в этом бою дала возможность пожать лавры победы другим.

Помещение, где нас расквартировали, не было особенно представительным. Все было пригнано по казарменному образцу: кровати стояли в несколько рядов, оставляя узкий проход между ними; соломенные тюфяки, подушки, а о простынях даже помину не было. Во дворе — широкий и большой навес, как встречается это на постоянных дворах.

Записалось нас человек 40—50, это и составило сотню. Наличный состав — чисто офицерский. Если не ошибаюсь, ядром этой сотни послужила группа офицеров Черноморского полка Кубанского казачьего войска. Хотя дело подходило к кубанской весне, нам выдали полушубки, папахи, бурки и пр. Вооружение — шашки и кинжалы, а у кого не было винтовки, то и винтовку и все, что полагалось для коня, с придачей щеток и гребенок. У меня была винтовка пехотного образца.

Наличный состав разделился по своим полкам или держался вместе старой дружбой. Учений не было. Все спешили как можно скорее закончить формирование. Мой друг Зорин, кажется, за всю свою жизнь до записи в конницу не имел дела с конем и не знал, как к нему подойти и заседлать, а нужно сказать, что и конь ему попался беспокойный. Через несколько дней он решил оставить сотню и вернуться в свою родную пехоту.

Формирование наше продолжалось не долго. Да и некого было формировать и учить: приток добровольцев ослабел, а учить тоже было некого. Весь командный и рядовой состав сотни — природные конники: войсковые старшины, есаулы,

сотники да хорунжие, уже не раз водившие своих подчиненных в жестокие схватки. Сколько нас, пехотинцев, было там? Один, два... и все. Затерялись в массе, присмотрелись, выучились и потом позже не уступали в боевом отношении сильным, храбрым и отважным бойцам.

Кое-как на скорую руку сбили нас в крепкую группу, закончили формирование, вернее, импровизацию — и на фронт. Фронт правительственных войск трещал по всем швам. Прошли неудачливые Выселки, не то — пропили, не то — проспали, и покатился наш фронт к кубанской столице. Нужно было спасти положение, и послали нашу сотню на подмогу.

На счастье, большевики не были особенно напористыми, но все же с каждым днем фронт приближался к Екатеринодару. Наша сотня походным порядком прибыла в район станицы Пластуновской. Здравый разум подсказывал, что уже всему пришел конец и Екатеринодар нам не удержать, но у каждого из нас теплилась маленькая надежда, что наше кубанское казачество перед опасностью сдачи Екатеринодара проснется и выступит на защиту своей столицы. По прибытии на фронт я попал в число всадников разезда. Нашей целью было выяснить, занят ли женский монастырь в районе Пластуновской противником. Разезд отправился, достиг монастыря, узнал, что монастырь не занят большевиками, и, отдохнув в монастыре, вернулся обратно. Как сейчас помню, когда мы уже оставили монастырь и были в пути, влево от нас мы встретили группу в 20—25 всадников, которые направлялись в монастырь. Ни начальник нашего разезда, ни командир этой группы не остановились, не встретились и не обменялись своими сведениями о противнике. Разезд в одну сторону, а сотня к монастырю, и как будто бы так и следовало быть, хотя обе группы были друг от друга в расстоянии 500—600 шагов. Мы вернулись в расположение нашей сотни.

Было ли это в тот же день или на следующий день, я не помню, но вдруг сотня поднимается и вместе с двумя сотнями казаков — Пластуновской и Динской — направляется к этому монастырю. Оказалось, что та группа всадников, которая встретилась нашему разезду и заняла монастырь, очутилась в тяжелом положении. Эта группа была сформирована в

Екатеринодаре есаулом Забайкальского казачьего войска. Есаул занял монастырь и, в свою очередь, был окружен большевиками, появившимися со стороны железной дороги Екатеринодар — Кавказская. Нашей целью было желание выручить наших. Не доходя до монастыря, все три сотни остановились в поле. Казачьи сотни почему-то не захотели двигаться вперед на выручку. Я вспоминаю, что наш командир и некоторые другие офицеры уговаривали казаков идти с нами на выручку. Я не знаю, на чем основывались казачьи сотни в отказе нам в помощи, ибо я не был близко от нашего командира, а некоторые детали этих уговоров теперь улетучились из головы. Так или иначе, казачьи сотни собрались и направились к своим станицам. Наша сотня тоже двинулась к своему исходному положению. Не берусь утверждать точное время, когда добровольцы погибли в этом монастыре — было ли это до нашего митинга в поле с казачьими сотнями или после того, как мы их оставили на произвол судьбы.

О гибели этой группы добровольцев вместе с есаулом я узнал уже через несколько недель от сотника Н.Т. Он мне рассказал и подробности всей этой катастрофы. Когда они заняли монастырь и расположились там, то большевики окружили их и захватили врасплох. Внутри монастыря произошел короткий бой, часть добровольцев отстреливалась даже с колокольни, но быстро все было кончено, и ему одному лишь удалось спастись в сарае, где он закопался глубоко в соломе. Несмотря на то что красные щупали штыками, они его не достали. Ночью он вылез из сарая, перешел какое-то болото или гнилую речушку и во мраке ночи скрылся. Позже он присоединился к Добровольческой армии. До сего времени я ничего не встречал ни в воспоминаниях, ни в печати о гибели группы есаула-забайкальца, и желательно было бы, чтобы кто-нибудь из живущих соратников дополнил мои сведения более точными подробностями.

Кажется, в тот же день сотне было приказано оставить фронт и с наступлением темноты отходить в Екатеринодар и дальше за Кубань. Стемнело. Сотня свернулась и пошла считать версту за верстой в сторону Екатеринодара. Ни остановок, ни привалов — вперед и вперед.

Вот и наша столица. Кое-где мелькают огоньки. Молчит город. Впереди лишь слышен стук колес и приглушенный шум. Подходим к железнодорожному мосту. Сотня сразу попадает между повозок и движется в один конь, с трудом пробиваясь вперед. Только и слышно: «Не отставать! Куда прешь? Не видишь — отряд проходит!» Конец моста. Сотня сразу сворачивает влево и, немного пройдя, собралась и остановилась. Здесь же рядом — разъезд Кубань, забитый вагонами. Ну как же не заглянуть в вагоны — все равно останется большевикам! Маленькая насыпь впереди — и наша братия около вагонов. Сахар, белье, шинели и прочее добро. Взял я себе две пары белья, несколько фунтов сахара и еще что-то, а главное — попалась винтовка кавалерийского образца.

Команда «По коням!» — и тронулись в аул Тахтамукай. По дороге — привал. Начинаясь рассвет. Приближалось утро. Многие из нас при дороге прилегли, и я тоже. Уснул и очнулся, когда солнце уже поднялось. Оглянулся кругом — ни души. Сотня ушла. Мой конь стянул повод с руки и тоже ушел вместе с сотней. Я сознавал, что сам виноват, но не мог понять, как же это могло случиться, что никто не обратил внимания на меня спящего. Посмотрел в сторону моста — все было пусто, только впереди к Тахтамукаю в нескольких верстах маячила группа. Запыхавшись, добежал я до группы, и на мое счастье, это была моя сотня на привале. Кто-то из моих соратников закричал:

— Ну что, сотник, заспал?

В тот момент давила меня злость на такой вопрос. Двинулись дальше. По пути все повернули головы направо, и нам представилась печальная картина: в стороне от дороги лежало около двадцати убитых и уже основательно раздетых. Кто же были эти неудачники? Одни говорили, что днем раньше ушла группа добровольцев с целью уйти в горы и попалась в руки большевикам, а другие тогда утверждали, что красные расстреляли черкесов. Сотня прошла и вскорости вошла в аул Тахтамукай. Не останавливаясь в ауле, мы вышли на дорогу на Шенджий, где предполагался сбор всех частей правительственного отряда. В этом ауле произошло переформирование всех отдельных отрядов в крупные единицы. Простоя-

ли мы в ауле несколько дней, и за эти дни пехоту соединили в стрелковый полк и батальон полковника Улагая, а конница была сведена в дивизион полковника Кузнецова из двух сотен. Одной из сотен командовал полковник Посполитаки, а другой, кажется, полковник Демяник. Моим взводным был подъесаул В. Чигрин¹⁶³.

За время пребывания в ауле Шенджий из сотни ушла группа человек 8—9 под командой есаула Терского войска с целью пробраться на Терек. Навряд ли удалось этим смельчакам повидать свой Терек. За это время уходили одиночки и из других отрядов. Да и трудно было рассчитывать на такое счастье — пройти незаметно у врага под носом! Позже почти что целый дивизион полковника Кузнецова оторвался от нас и погиб. Тогдашняя обстановка складывалась так, что нужно было крепко держаться друг за друга. Уходить одиночным порядком или группами было большим риском.

Через несколько дней весь отряд перешел в станицу Пензенскую. Теперь было ясно многим из нас, что атаман и его командование будут стараться прорваться в горы. Еще в ауле Шенджий ходили слухи, что на верхах нашего командования существуют какие-то нелады. Позже в дивизионе полковника Кузнецова среди нас кое-что начало прорываться наружу. Мы, младшие, были вдали от всех этих разговоров и слухов, но и среди нас падала вера в Покровского и в его штаб. Старшее офицерство в своей массе было против Покровского и не верило ему. Почти целую неделю мы крутились на одном месте от Шенджия до Пензенской.

Во время пребывания в станице Пензенской коннице было приказано построиться на площади и ожидать приезда Покровского. Прошло некоторое время, к коннице подъехал Покровский и начал говорить. Наша сотня стояла на правом фланге развернутого фронта, и слова Покровского доносились слабо. Из отдельных его фраз можно было заключить о существовании какого-то заговора. Наконец с громким криком произнес он несколько раз слово: «Расстреляю! Расстреляю!» — и уехал. Сотни разошлись по квартирам. О каком заговоре говорил Покровский, так и осталось для нас неизвестно.

Простояли мы в Пензенской 2—3 дня, и отряд выступил в направлении Кубани. Были получены сведения, что генерал Корнилов разбил красных и наступает на Екатеринодар. Покровский и его штаб тоже решили брать Екатеринодар, переправившись через Кубань в районе станицы Пашковской. От нашего дивизиона была выделена застава для охраны со стороны Тахтамукай, а весь дивизион остался в районе Шенджия.

Как это случилось, я точно не могу сказать. Наш взвод из охраны был опять при дивизионе. Врезалось мне тогда в память, что кругом была вода, и вдруг весь дивизион рванулся вперед и быстро исчез. Получалось впечатление, что конница бросилась в атаку. Позади остались разбросанные всадники нашего взвода со взводным подьесаулом Чигриным. Собрались мы, и оказалось, что от дивизиона полковника Кузнецова остался наш неполный взвод. Знал ли подьесаул Чигрин о плане Кузнецова?

Полковник Кузнецов и лучшая часть конницы правительственного отряда ушли. Только после 1-го Кубанского похода стало известно о жестокой участи ушедшего дивизиона. Кузнецов, Демяник и многие другие были захвачены и расстреляны, часть погибла на месте боя, а часть попала в Майкопскую тюрьму.

Что делал правительственный отряд у Пашковской, нам не было известно. После ухода Кузнецова остатки взвода присоединились к Покровскому в районе аула Гатлукай или Вочеший. Если не ошибаюсь, то все мы присоединились к сотне войскового старшины Золотаревского¹⁶⁴, которая была назначена в охрану правительства, атамана и казначейства. В этой сотне мы находились весь день 10 марта, когда юнкера вели бой с большевиками за переправу через Псекупс.

Бой начался утром и длился почти что целый день. Взять переправу и разбить противника не удалось, а потому к вечеру было приказано просмотреть обоз, сократить его до минимума и все лишнее бросить; часть орудий привести в негодность и тоже оставить. За короткое время пространство около обозов превратилось в кладбище брошенных повозок, чемоданов и других вещей.

С наступлением темноты было приказано в полной тишине выступить. Предполагалось ночью с 10-го на 11 марта незаметно пройти пространство между Калужской и Пензенской и открыть себе путь в горы. Сотня, по всей вероятности, была в арьергарде. По пути попался ручей или, быть может, горная речушка, воды в ней было мало, но берега были настолько круты, что лошади выбивались из сил, чтобы осилить переправу двуколок и повозок на другой берег. Этот ручей очень нас задержал. Движение, пожалуй, не было предусмотрено нашим штабом, так как нам не удалось проскользнуть намеченным путем, и с раннего утра пришлось отряду вступить в тяжелый бой с большевиками у станицы Калужской. Наша сотня была в прикрытии. Мы спешили и оставались в небольшой низине; здесь находилось казначейство, часть обоза, недалеко — не то шалаш, не то палатка: там были атаман, члены Рады, правительство и Покровский.

Впереди шел бой. К нам подходили раненые и сообщали о большом количестве большевиков, об их убийственном огне, о недостатке патронов у нас, а главное — что противник местами потеснил наших. Подобные сведения получали мы много раз во время боя. Создавалось тревожное положение. Тут же, по слухам, где-то близко находился и сам командующий отрядом полковник Покровский. Вера в удачный исход боя постепенно падала, и в сотне начали шушукаться, что в случае безвыходного положения нам нужно взять казну, атамана, правительство и самостоятельно уйти в горы.

В то время как среди нас в арьергарде росли и ширились слухи и предположения, вдруг раздался чей-то крик:

— Погибаем!!! Все, кто может, с оружием — вперед!!

Кто подал этот сигнал, так и осталось неизвестным, но вслед за этим криком последовал женский возглас:

— Где мой конвой? Где мой конвой? — И я увидел жену нашего атамана.

Сигнал «Погибаем!» сделал свое дело. Чувство опасности взбудоражило всех нас. Все кругом заволновалось; обозные, беженцы, члены Рады и правительства — все высыпало на склон небольшой возвышенности и цепь за цепью, без команды и командиров, двинулось вперед. Среди них я уви-

дел и наших двух стариков кубанцев, генералов Карцевых. Скоро наш последний «инвалидный» резерв скрылся за возвышенностью. Прошло некоторое время, впереди как будто бы все стихло.

Командир сотни или взводный подьесаул Чигрин (кто из них — не помню) послал меня узнать, что делается на фронте и почему наступила тишина. Когда я, исполняя приказание, перевалил возвышенность и отъехал некоторое расстояние от сотни, то услышал крики «Ура!». Еще не зная причины победного крика, я на пути встретил председателя Государственной Думы Родзянко, который остановил меня и сказал до словно:

— Не верьте, что это Корнилов. Большевики уже раз нас спровоцировали! — и тронулся дальше в тыл.

Разузнав впереди, что большевики разбиты и что от Корнилова прибыл разъезд, я вернулся в сотню. Там уже знали о разъезде от генерала Корнилова. В тот же день мы заняли станицу Калужскую. Наша сотня пришла в станицу основательно мокрая и покрытая снегом. Начался снегопад; дождь и мороз.

Из станицы Калужской наша сотня сопровождала Покровского в аул Шенджий для встречи с генералом Корниловым. Дорога за время ненастной погоды превратилась в болото, кругом была вода, сильный холод с ветром. Навстречу нам двигались повозки с ранеными корниловцами. Перевозили их в Калужскую.

Вот и аул Шенджий. У каждого из нас забилось тогда сердце увидеть того, кому мы верили и вручали свои души с надеждой на освобождение нашей Родины от большевистской напасти. Построили нашу сотню вдоль улицы. Командир сотни подал команду, и мы увидели генерала Корнилова. Он подъехал к нам на коне с нашего левого фланга. Одет был не то в полушубок, не то в так называемую поддевку, в серой солдатской шапке. Поздоровался, сказал небольшую речь и уехал обратно в свой штаб. Не знаю, как другие, но я в тот момент испытывал сильный нервный подъем от этой встречи. Это был первый и последний раз, что я видел нашего вождя генерала Корнилова.

Из аула Шенджий мы вернулись обратно в станицу Калужскую на свои старые квартиры, а через несколько дней весь отряд должен был принять участие в боях у станицы Ново-Дмитриевской. Но так не случилось. Ненастная погода, дождь, снег с морозом продолжались. Сотня выступила по приказу, чтобы принять участие в бою у Ново-Дмитриевской. На пути нашего следования попалась речушка — возможно, что это был лишь маленький горный ручей, каких немало в нашем Закубанье.

Но ко времени нашего подхода к нему дождь и снег с морозом покрыли нас и наших коней твердым ледяным покровом. Сам же ручей превратился в бушующую стихию. Сорван был мостик или гать через него, и нам пришлось всей сотней следовать вдоль берега в поисках хотя бы брода. Мы его не нашли, и сотня принуждена была вернуться обратно в станицу. Корниловцы взяли Ново-Дмитриевскую без нас. Только на второй или третий день мы перешли в Ново-Дмитриевскую и влились в офицерский конный полк.

Дальше — Смоленская, Афипская, переправа через Кубань, смерть Вождя. Наконец, Тихий Дон. Добровольцы вернулись вновь в те места, откуда вышли в свой 1-й Кубанский поход, но... без Вождя, замкнув восьмерку — бесконечность — своего легендарного пути.

*А. Слизской*¹⁶⁵

НА КУБАНИ С ПОКРОВСКИМ¹⁶⁶

Последний день февраля... На рассвете, возвращаясь из сторожевого охранения, около штабного вагона встретили командира батальона полковника Шайтора¹⁶⁷.

Батальонный отзывает меня в сторону: «Мы сегодня уходим. Если хотите попрощаться с родными — цепляйтесь живее на паровоз. Вечером отходите из города с обозом, а завтра разберемся, батальон в город заходить не будет...»

Едва успел вскочить на паровоз. Кроме машиниста, там уже находились два наших офицера: пулеметчик Остапенко

и Круглов. Остапенко мой приятель: он из породы «вечных студентов», болтун и остряк, похож на Онуфрия из «Дней нашей жизни». До города на паровозе — не больше пятнадцати минут...

На вокзале тихо и пусто, но в комнате телеграфиста «сам» Покровский со своим «штабом» и ординарцами. Дабы не сочли нас за дезертиров — решили явиться к «самому». Рапортует Остапенко — он старший в чине. Покровскому не больше 30 лет. Он среднего роста, строен и ловко носит черкеску, что удастся далеко не всякому армейскому офицеру...

— Можете на фронт не возвращаться. Я только что говорил с полковником Шайтором по телефону. Сборный пункт на площади перед дворцом атамана. К заходу солнца выступаем...

Я — коренной житель Екатеринодара. Остапенко и Круглов «пришельцы», загнанные революцией на Кубань. У них «база» — офицерское собрание, и, видимо, воспоминание об этой «базе» у них сохранилось не радужное. Приглашаю обоих к себе. Утро ясное, весеннее, на небе ни облачка. Еще рано очень: нет ни трамвая, ни извозчиков. Но спешить некуда, медленно продвигаемся по пустынным улицам. Круглов возмущен. Он говорит горячо и с пафосом: «В городе более пяти тысяч офицеров, а с нами уйдут не больше тысячи. Позор! Три дня назад Покровский на собрании офицеров произнес блестящую речь, а из семисот человек записалось не больше ста. Стыдно вспомнить».

Я взволнован речью Круглова, но Остапенко отнесся к ней философски: «Господа офицеры! Спуститесь с небес на землю и оставьте бесплодные мечтания о том, что могло случиться и не случилось. Будем радоваться тому, что мы сейчас имеем, хотя при нашем отечественном головоотяпстве могли и не иметь вовсе. А мы имеем: хорошее здоровье, приличное питание и нормальное пищеварение. Кроме того, у нас в руках винтовки.

А знаете ли вы, что значат пять офицеров — с пулеметом, конечно, — рассыпанные в цепь поперек улицы? Это минимум десять лишних минут жизни. Кроме того, с нами Покровский, и я верю, что он сможет вывести нас из мышеловки, в

которую мы попали. Не будь его, нас большевики перережут точно так, как когда-то, в доисторические времена, кухарки резали цыплят к бабушкиным именинам...»

Около пяти часов я вышел из дому. Мои приятели после завтрака ушли в общежитие за вещами. Последние лучи заходящего солнца освещают улицы. Но город — мертв, на улицах пусто, ставни на многих окнах плотно закрыты. Где-то далеко время от времени слышатся одинокие ружейные выстрелы...

На углу Соборной и Рашпилевской стоят двое с винтовками. Явно не «наши»: не то мещане с окраины, не то рабочие. Возможно, местные большевики. На сердце холодок: встреча — неизбежна. Перехожу дорогу и иду на них: «Вы кто?» Но мои противники перепуганы не меньше меня: «На случай грабежей... Местная охрана... По постановлению Комитета...» Стараюсь сделать равнодушное лицо и одобрительно киваю головой: «Очень хорошо...» А сердце беспокойно бьется: выстрелят в спину — или нет...

На площади около дворца народу множество. Вход охраняют бородатые старики пашковцы. Обхожу памятник Екатерине и занимаю наблюдательный пункт около здания Окружного суда. Непрерывной лентой по направлению к городскому саду тянутся подводы, груженные военным и невоенным имуществом. Рядом с подводами — группами и в одиночку, пешие и конные — идут и едут молодые и пожилые, не всегда похожие на воинов люди, вооруженные винтовками. Много знакомых лиц: вот известный адвокат, вот редактор газеты, группа врачей и сестер милосердия на крестьянской подводе, редактор другой газеты, акцизный чиновник, с ног до головы обвешанный оружием, верхом на коне...

Провожатых нет. По-видимому, мы уже духовно оторвались от города. Начинает темнеть, и я вливаюсь в общий поток.

Поток сворачивает вправо и плывет вдоль стены городского сада мимо бактериологической станции, гауптвахты... Впереди дорога в степь, к железному мосту...

Прошли мост, повернули влево к степному аулу и совершенно провалились в ночь, в темноту. Около аула привал на ночевку. От реки потянуло сыростью, и сразу сделалось холод-

но и неудобно. Задымили костры. Я бродил по этому табору, разыскивая место для ночлега, и вдруг, около одного из костров, услышал знакомый голос: «Теперь, когда мы начали вести кочевой образ жизни, необходимо многое забыть из того, что еще вчера говорила вам ваша мамаша, и срочно произвести переоценку ценностей. Плюньте на всякие обозы и идите туда, куда вас влечет ваше сердце и где можно вернее сохранить жизнь и здоровье: записывайтесь ко мне в пулеметную команду».

Ну конечно, это не кто другой, как Остапенко. Остапенко, поучающий гимназистов. На сердце стало отрадно, и я почувствовал себя так, как будто попал в отчий дом. Остапенко протер ко мне обе руки: «А я вас ищу везде. У меня есть хлеб и сало. Дорогой! Неужели вы не захватили из дому хотя немного водки?» Водка нашлась...

Ночью я лежал около потухшего костра и смотрел в ту сторону, где виднелись далекие отблески огней родного города. Выбор пути, сделанный несколько недель назад, закреплен окончательно. На душе было легко: ошибки не было, так как выбор сделан по велению совести...

Много лет прошло с тех пор. Много изменилось не только во всем мире, но и на нашей Родине. Внешне изменилась и сама советская власть, но по существу она осталась такой же, какой и была полвека назад: антирелигиозной, антинациональной, антинародной и антирусской.

Э. Кариус¹⁶⁸

ЛЕДЯНОЙ...¹⁶⁹

— Машинист, уменьшите ход!.. Так... хорошо. Будьте готовы к дальнейшим указаниям.

Наш блиндированный поезд, плавно замедляя ход, продолжал почти бесшумно двигаться навстречу показавшимся вдали станционным огням.

— Пулеметчики, внимание, — раздалось приказание командира поезда. — Наблюдатели, смотрите внимательно вперед и по сторонам.

— Слушаемся, — откликнулся хорунжий И-ко за обоих, устроившихся на крыше пулеметного вагона.

Послышался шорох переставляемого легкого пулемета Люиса, и все замолкло.

До появления огней, замерзавших вдали, мы двигались средним ходом в полной темноте. Глаз не в состоянии был прорезать ее. Поезд слился с нею. Незаметны даже кусты, росшие по бокам железнодорожной насыпи, а дальше, мы знали, должны были быть и деревья, сады.

Знакомая местность, изученная за время дневных боев, когда мы то откатывались, то выдвигались вперед, ушла от нас куда-то вглубь, и мы как бы повисли в темном пространстве. Лишь характерное постукивание колес на скрепах железнодорожных рельс указывало на то, что мы двигаемся по твердой почве.

Последний день мы постепенно отходили и теряли пространство. Неудачи при Выселках заставили наши части по обеим сторонам железнодорожного полотна постепенно отходить все ближе и ближе к Екатеринодару.

Были моменты, когда цепи противника почти уже обтекали наш поезд и обстреливали нас с флангов, но, имея приказ прикрывать отход наших частей, мы скачками вырывались вперед и почти с тыла обстреливали цепи красных, которые держались на почтительном расстоянии от полотна.

Как-то, увлекшись (поезд стоял на месте), начальник орудия, следуя примеру пулеметчиков, которые обстреливали продвинувшиеся справа цепи красных во фланг, круто повернул орудие (я находился тогда на артиллерийской площадке и наблюдал в бинокль за ходом боя) и стал покрывать шрапнелью противника. Неожиданно орудие выскочило из своего гнезда и, откатившись, упало за борт, но дулом уперлось в него.

Артиллеристы растерянно и недоуменно смотрели на происшедшее.

— Пулеметчики, ко мне!

Пулеметный огонь не сразу замолк. Короткий перебой, и все замерло.

Затем раскрылись двери пулеметных вагонов и, при повторном моем приказе, люди стали выбрасываться из вагонов.

— Поднять орудие!

Откуда взялась сила и ловкость? Вмиг оно стало на место. Мы отошли.

Мне рассказывали пулеметчики, что, услышав мой призыв, у всех мелькнула мысль, что на стоящий наш поезд из засады напали красные. Первой жертвой могли быть артиллеристы и паровоз.

Мы в наших операциях были уже сильно потрепаны. Подтянувшаяся артиллерия красных снесла половину крыши одного пулеметного вагона и повредила стены. Его пришлось бросить. Осталось два пулеметных вагона.

В довершение этого был почти вечер, и солнце начало склоняться к горизонту, когда навстречу нам (это было 28 февраля 1918 года) выдвинулся бронепоезд красных и сильным шрапнельным огнем перебил еще до этого поредевшие ряды артиллеристов. Остался нетронутым лишь начальник орудия штабс-капитан М. Но он продолжал бой, а дистанционные трубки ставил я. После удачных попаданий гранатами с нашей стороны поезд противника начал удаляться. Над ним показался дым, и он остановился. Опускались сумерки. Обозначилось все разгоравшееся над ним пламя. Отрываясь от линии красных, отходим. Спустилась ночь, и мы стали на ночлег, определив место нашей стоянки по линии наших цепей, которые были видны нам еще засветло, рассчитывая, как обычно, что они установят с нами связь.

В то время, когда мы вывели из строя бронепоезд противника, считая это одним из эпизодов, каковые обычны на поле брани, мы не отдавали, да и не могли отдать себе отчета в том, что вступили уже одной ногой в 1-й Кубанский, или его первую фазу, Ледяной, поход.

Не уничтожив этот поезд, еще вопрос — смогли ли бы мы прорваться через станцию Екатеринодар. Красные, как и мы, не подозревали ухода наших частей, а уничтожение их бронепоезда остановило и их порыв.

В это время кубанские отряды, согласно полученному приказу, отошли из Екатеринодара, чтобы переправиться через Кубань. Покидалась и столица края. До нас этот приказ не дошел. Были мы забыты или, как естественно на войне, остав-

лены в арьергарде для прикрытия отходящих и пожертвованы молоху войны?!

Наш блиндированный поезд состоял из открытой товарной площадки с одним орудием — полевая трехдюймовка, трех 10-тонных длинных пульмановских товарных и заблиндированных вагонов и паровоза. Все блиндированные вагоны — с приспособленными пулеметными гнездами. На вооружении имели пулеметы трех систем: легкие Люиса и американские Кольта и наш тяжелый пулемет Максима. Состав людей поезда — от чинов прапорщика до штаб-офицера.

Формировался этот поезд под моим руководством и при содействии завода «Кубаноль». Большое участие принимали в этом войсковой атаман Филимонов, генерал Гулыга, тогда кубанский военный министр, и начальник кубанской артиллерии генерал Чумаченков. Они всякий раз выезжали со мной на испытание, когда я из пулемета обстреливал приспособляемые вагоны на непробиваемость.

В те времена, по прибытии на Кубань из Финляндии 5-й Кавказской казачьей дивизии, в которой я возглавлял отдельную пулеметную команду, обслуживавшую дивизию, и по расформировании ее в Майкопе, был распоряжением войскового штаба прикомандирован к управлению начальника Кубанской артиллерии. Там и возникла, по моему почину, мысль сформировать указанный поезд. Я стал его первым и последним командиром. В задачу поезда вошла защита железнодорожного пути от надвигавшихся со стороны Тихорецкой на Екатеринодар организованных большевистских частей.

* * *

Став, как было упомянуто выше, на ночную стоянку, мы предполагали, что наши цепи находятся где-то справа от нас, и ожидали связи от них. Действительно, к поезду подошли, уже довольно поздно, два казака, вооруженные винтовками. Но это оказалась не связь, а застрявшие. Выяснилось, что наши части снялись с позиций и ушли к Екатеринодару и что таковой эвакуируется за Кубань. Куда? Им это неизвестно!

Итак, наш белый центр на Кубани, ее столица, отдается, после упорной и героической борьбы добровольческих отрядов, сформированных в большинстве по инициативе их возглавителей — капитан Покровский (к этому времени в чине полковника объединял возглавление), войсковой старшина Галаев, Бардиж, Раевский, Лесевицкий, наш бронепоезд и т. д. Они не выдержали красного натиска, и мы, по приказу нашего центра, сдаем позиции.

Организованных войсковых частей у Кубанского атамана и его штаба не было. Опереться, кроме как на добровольческие отряды, не на что было. Казаки, прибыв с фронта со своими частями, разошлись по домам. Случайно собранные отряды станиц — явление временное и неустойчивое. Они то собирались, то расходились.

Подобрав отставших казаков, я приказал отход. Поделился обстановкой лишь со своим помощником войсковым старшиной Староверовым. Дав те или другие распоряжения, я сам сел на паровоз. Мы двинулись в неизвестность. Поход начался.

Но где-то уже раньше нас, покрытые снежной пургой, преодолевая природные и боевые преграды и связанные с ними невзгоды, под водительством двух Верховных, были в пути вышедшие с Дона добровольцы Корнилова. Шли они тоже в неизвестность, имея, как мы потом узнали, целью соединение с нами. Чтобы «зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы» (генерал Алексеев). Они, добровольцы с Дона, уходили оттуда после упорных боев, не поддержанные донцами. Войсковой атаман их, не пережив позора, застрелился. Мы же, также под давлением сосредоточенных красными большими сил, уходили, бросая столицу Кубани на произвол красных.

В составе нашего поезда было, не считая меня, четыре офицера дивизии. Один пал под Екатеринодаром, а один был тяжело ранен.

* * *

Наш поезд стал втягиваться в Екатеринодар, подступы к которому со стороны Тихорецкой мы несколько часов тому назад защищали совместно с кубанскими добровольцами. Мы в

напряжении. Покинут ли город или еще нет? Если да, то удастся ли нам прорваться и свободен ли путь к железнодорожному мосту? А может быть, мост поврежден? Вот те вопросы, которые занимали меня, когда мы шли навстречу показавшимся огням станции Екатеринодар. В поезде полная тишина, у бойниц выставлены пулеметы, готовые открыть огонь.

Огни все ближе. Справа и слева уже мелькают уходящие назад, полные тишины составы вагонов. Мы еще уменьшили ход и двигаемся шагом по коридору молчаливых составов. Вот виднеется перрон вокзала. Подходим. Ни души. Лишь между составами впереди нас заметил две крадущиеся фигуры, которые провалились в темноту, увидев наш подходящий поезд. Нас никто не ожидал, а что было на вокзале — попряталось.

На перроне, между рельс — винтовки, амуниция и другие атрибуты военного снаряжения. Картина виденного говорит — наши покинули Екатеринодар. Удастся ли и нам? — мелькает мысль. Поезд, став на втором пути, уперся в впереди стоящий состав. Со стороны города слышен шум, то нарастающий, то удаляющийся. Иногда видны как бы вспышки зарева.

Мы потом узнали, что громились винные склады, а разведки красных, подходя к окраинам города еще совсем неуверенно, тоже втягивались в «пиршество». Признаки указывали на то, что необходимо быстрое действие. Я соскочил с паровоза. Приказал усилить его охрану, а машинисту указал, что он отвечает за готовность такового. Разыскали дежурного по станции, который подошел ко мне с двумя стрелочниками. Указал ему на задание — прочистить нам путь. Этот вопрос был для нас не только насущно важный, он был связан с быстротой действия. Отведя немного в сторону дежурного по станции, я указал ему совершенно спокойно, что наша судьба — это судьба его и его людей.

— Понимаю, будет сделано, я на вашей стороне, — так же спокойно ответил он, козырнул мне, приложив руку к своей красной шапке.

Появился и маневренный паровоз. Маневр протекает без свистков и криков. Соблюдается возможная тишина. Станция пуста. Около нас тишина. Это кажется мне даже странным, и эта мысль гнездится у меня в голове среди спешных хлопот

и распоряжений. Слежу и за расчисткой пути. Но все же нас никто не тревожит. Людям незанятым приказано оставаться в вагонах.

Валяющееся повсюду оружие и амуницию приказываю собрать и бросить на артиллерийскую площадку. Одиночки — все военные, бегущие из города, их немного — направляются в вагоны. Прибывают интервалами. Затем снова ничто нас не тревожит. Но время тянется для нас бесконечно долго, хотя уже заметно, что вот-вот путь освободится. Подхожу к паровозу для проверки. Машинист и кочегар на своих местах, а паровоз под парами.

— Господин капитан, как будет с нами? — задает мне вопрос машинист.

— Я вас скоро отпущу, — ответил я. Повеселели...

Мне они были симпатичны. Несли с нами одинаковую страду. Их часто (паровоз) осыпали красные шрапнелью, и они часто прятались за укрытие при стоянках паровоза. Я действительно знал, что скоро отпущу их. От дежурного по станции знал, что по ту сторону моста не все благополучно. Там путь загроможден. Вопрос был в том, чтобы лишь перебраться на другую сторону Кубани. Ни с кем этими сведениями я не делился. По словам дежурного, мост был в порядке.

«Там видно будет, — размышляю, — лишь бы вырваться из станции и иметь свободу действий...»

Вдруг на перроне с треском распаивается дверь, и из нее выскакивает живописно одетый в цветную черкеску стройный, высокого роста сотник. Производит впечатление, что он еще доодевается. Все у него распахнуто, а руки его механически то одно, то другое стараются привести в порядок, тогда как лицо его было встревоженно-озабоченно, и он быстро озирался вокруг. Увидев меня, как раз отходящего от паровоза, в сопровождении «секрета», который я снял с крыши пулеметного вагона, приказав быть при мне, он бросился ко мне.

— В чем дело, сотник? Откуда вы вырвались в таком живописном виде?

У него все было новое, с иголки, и полужастегнуто.

— Едва удрал, — запыхавшись, ответил он. — Я прибыл из станции в город, плотно поел и порядочно выпил и лег рано

спать в номере гостиницы, — пояснил он, — и вот меня разбудил коридорный, закричав: «Спасайтесь, большевики в городе». Больше ничего не знаю, — ответил он на мой вопрос.

— Ступайте в вагон.

Появлялись еще одиночки. Усилили наблюдение, чтобы не быть захваченными врасплох. Мы должны были с минуты на минуту тронуться. Еще примерно за полчаса до появления на перроне живописного сотника подошел ко мне из первого пулеметного вагона капитан Н., на ответственности которого было руководство и порядок в нем, и докладывает:

— У нас среди бежавших из города большевик. Ведет пропаганду. Разрешите его расстрелять.

— Как? Хорошо, я приду и посмотрим, что с ним сделать.

Вспомнив, я направился в вагон. В нем было довольно тесно от накопившихся людей. Многие сидели, некоторые стояли. Взоры большинства были направлены в правый угол вагона. Освещение было довольно тусклое. Из угла я слышал какое-то бормотание и даже всхлипывание. В голосе чувствовались нотки обиды. Уловил:

— ...И какие же вы... — Дальше не разобрал. Все молчливо его слушали.

Поднявшись, я стоял позади, и вначале никто не заметил моего появления. Люди расступились, и я подошел к сидящей в углу фигуре, довольно хорошо освещенной огарком свечи, воткнутым в бутылку. Я мгновенно охватил взглядом приткнувшуюся в углу фигуру.

«Видно, — подумал я, — его успели уже и помять. — Но сразу от этой мысли отказался: — Да он в стельку пьян!»

Вижу — в форме, с погонами старшего унтер-офицера или урядника. По некоторым признакам сразу решил, что он не казак. На мое появление перед ним он сразу обратил внимание и с некоторым трудом, но и не без нужной быстроты, поднялся и по-военному вытянулся. Лицо его заулыбалось, но с оттенком пьяного, выпившего известную толику, но старающегося делать вид, что этого — ни-ни, не было. К моему удивлению, у него в руке, не знаю откуда, очутилась настоящая «белая головка» казенного образца, которую он тут же мне протянул.

— Это для вас, но вот они, — он поворотом головы уверенно указал на молча стоявших позади меня людей, — вторую отобрали силой, а я ведь выдал им пять.

— Кто вы такой? — резко спросил я его.

Он снова подтянулся. Рука с бутылкой опустилась по швам, и он отрапортовал:

— Старший унтер-офицер отряда войскового старшины Галаева такой-то.

Этот отряд был разбит под Выселками. Приказал, до выяснения его личности, оставить под наблюдением. В Шенджик это выяснилось. Был в полном порядке.

Почти в начале нашего прибытия на станцию, когда наши первые шаги по расчистке пути были обеспечены и приняты другие меры, меня не оставляла мысль о том, какова ситуация в городе. От бежавших, принятых нами, ничего ясного не добились. Я поделился своими соображениями с капитаном Козловским — он был многолетний житель Екатеринодара и уроженец Кубани, поступивший ко мне еще в начале формирования поезда.

Он просил отпустить его в город. Я отклонил, но он настаивал и говорил, что возьмет с собою хорунжего Н. и прапорщика Семенова, тоже живших в городе, которых я знал. Они тоже просились и обещали, разведав положение, скоро вернуться. Я колебался. Успеют ли возвратиться до возможного нашего ухода? Так и случилось. Они не вернулись. Мы ушли.

Но все же, много времени спустя, я встретил их, как говорится, живых и здоровых. Первого — прапорщика Семенова. После взятия нами во 2-м походе Екатеринодара в начале августа 1918 года мы имели отдых и расположились в Епархиальном училище. Он явился и снова поступил под мое начало. Затем — хорунжего Н. в бытность мою начальником пулеметных курсов Кубанского казачьего войска, в чине подъесаула. Он был прислан в школу для прохождения стрелково-пулеметного курса для офицеров,готавливаемых на занятие командной должности по этой части. Затем его же, и уже в чине полковника, я встретил в Крыму. Он тогда командовал полком. Козловского я встретил полковником РОА, но уже почти в конце Второй мировой войны. Был командирован в

мое распоряжение. Затем встретились и в далекой Аргентине, куда он переехал со своей семьей.

Эпопея совместного выхода их в город, а затем, разделившись, сокрытия себя в красном море до включения заново в Белое Дело требовала бы особой и большой главы. Один из них видел, как красные таскали труп генерала Корнилова по улицам Екатеринодара.

***

— Можете двигаться, путь свободен.

Я поблагодарил дежурного по вокзалу и, пожав ему руку, задал еще раз вопрос:

— Как с мостом?

— Насколько мне известно, в порядке, но далеко не уйдете, Энем забит.

Приказываю всех на посадку. Вопрос минут — и все готово. Сажусь на паровоз.

— Трогайтесь, только внимание, когда взойдем на мост, — отдаю распоряжение.

Станция от нас удаляется. Исчезли огни. Ночь чуть-чуть светлее. Скоро — наступление утренней зари. Вот и мост. Мы вступаем на него. Другой звук. Загудели платформы моста. Медленно проходим по нему. Все в порядке. Поезд затормаживает и, не совсем съезжая с моста, останавливается. Дальше некуда. Схожу и ориентируюсь.

Приказываю все выгрузить на берег. Замки с орудия — в Кубань. Подхожу к поезду:

— Потушите огни в топках. Паровоз привести в бездействие, и вы свободны.

Через некоторое время, прощаясь, машинист с кочегаром уходят обратно по мосту.

Выгрузка заканчивается. Все сложено на берегу. Что же дальше? Никаких перевозочных средств. Кругом ни живой души. Тишина.

Вдруг — прислушиваемся: характерный стук движущейся по направлению к нам вдоль берега повозки. Выслал навстречу людей. У всех одна мысль. Иду вслед. Четырехколесная

длинная телега для нагрузки сена. Пустая. Объявляем вознице, что телега реквизирована, и отпускаем его. Сообщил нам, что телега принадлежит городскому голове Екатеринодара.

Нагружаем телегу до откѣза. Нагружаются и люди. Оказавшиеся излишки бросаем в воду. Находим следы свежих колѣй. По ним двигались те, кто ушел раньше нас. Вслед двинулись и мы.

Аул Шенджий. Мы стали в него втягиваться. Вокруг разбросаны обозы. Коновязи. В нестройном порядке всюду расположены люди. Обращаем внимание на аккуратно прикрытые новыми брезентами повозки. Это — обоз Екатеринодарского Государственного банка. В повозках — вывезенное серебро в монетах мелкого достоинства. Нам в походе потом выдавали им жалованье, но население станиц этих денег не принимало. Исключения были, только когда мы проходили немецкие колонии.

На наше прибытие обращено внимание. Меня приглашают в аульное правление к войсковому атаману, где уже собрались начальники отрядов на совещание. Меня очень тепло встретил войсковой атаман Филимонов словами: «Вырвались?!»

Я кратко обрисовал ему нашу эпопею, указав, что даже прибыл с увеличенным составом людей, подобрав их на станции Екатеринодар.

Небольшое помещение аульного правления почти полно. Вокруг стен лавки и небольшой стол, за которым штабной офицер регистрирует прибывшие отряды, состав и вооружение их. Незадолго до совещания оглашаются прибывшие отряды по именам их возглавителей. В ожидании совещания, чувствуя себя достаточно утомленным от напряжения последних дней, которые протекли у меня почти без сна, я сел на скамью и отдался чувству отдыха и почти не вслушивался в разговоры, предшествующие совещанию.

Краткое слово произнес войсковой атаман о том, что необходимо при создавшейся обстановке, которая заставила его и Краевое правительство, Законодательную и Краевую Раду покинуть Екатеринодар и стянуть все кубанские отряды в Шенджий, — реформировать их по родам оружия в Кубанскую армию под единым командованием. Затем — обсудили пла-

ны дальнейших действий. Небольшую речь на эту же тему, после атамана Филимонова, произнес полковник Покровский. Он вообще держал себя скромно и спокойно и при дальнейших прениях и в постепенно разгоравшихся спорах других ораторов участия не принимал, а молча слушал. Атаман заметно начал волноваться.

При перечислении имен начальников прибывших отрядов я обратил внимание на двоих. Во-первых, на капитана Раевского. Одет по форме в хорошем офицерском кителе с большой колодкой орденов, во главе коих офицерский Георгий. Во-вторых, когда был назван капитан Туненберг, возглавлявший роту юнкеров. Средних лет, опирался на палку, видно было, что его правая нога не свободно действовала. «Ранен», — подумал я.

Напряженность выявившихся разногласий во мнениях тех или других начальников отрядов по вопросу реформирования росла. Чувствовалась и атмосфера «наместничества». Некоторые недвусмысленно претендовали на «посты». Слышались угрозы — отделиться и уйти. Последнее позже имело место. В создавшейся атмосфере берет слово капитан Туненберг. Кратко, но энергично поддерживает атамана и заканчивает:

— Кто не с нами, может уйти, никто держать не намерен. — И добавляет: — Баба с возу, кобыле легче.

Атмосфера разряжается. Тут же войсковой атаман объявляет Покровского командующим Кубанской армией с производством в генералы. Туненбергу, с производством в подполковники, поручается сформировать из пеших отрядов 1-й Кубанский стрелковый полк. Мне поручается реформирование пулеметов. Затем идут другие назначения.

Я становлюсь во главе полковой пулеметной команды названного выше полка, но выделяю также в создаваемый двухбатальонный полк батальонные пулеметы. С командиром полка подполковником Туненбергом нахожу сразу общий язык. Он одобряет все мои предприятия. Оказавшийся излишек пулеметов, прибывших со мной и с пешими отрядами, пять, — приказываю уничтожить. Уничтожению подверглись наши тяжелые пулеметы Максима, что у некоторых пулемет-

чиков-офицеров вызвало недоумение. «Почему не пулеметы Кольта или Люиса?» — высказывались они. Мои же соображения базировались на следующем: наши перевозочные средства равнялись почти нулю — одна повозка. Легкие же пулеметы для тех, кто с ними освоился, ровно ничем не отличались по своим баллистическим качествам от тяжелых (которые, спору нет, хороши при позиционной войне), но были более подвижны, а весом намного уступали тяжелым и могли быть в походе переносимы, что уже облегчало мне задачу, если тут на месте не удастся добыть перевозочные средства. Так оно и было, хотя частично мы в этом и преуспели. Все же мы имели еще достаточное количество и тяжелых пулеметов. Батальоны же получили исключительно пулеметы Максима.

Мы формировались в дальнейшем, в прямом смысле этого слова, на походе и во встречных боях с красными. Добывали перевозочные средства, лошадей и амуницию. Никакого поминана о пулеметных двуколках не могло быть, да они оказались бы уже устарелыми в той войне, которую мы вели. Их заменила «незаменимая» тачанка. На ней было все — и наше хозяйство, и наша постель, она же заменяла нам походные палатки (а когда же мы смогли бы ими пользоваться?). Везли мы на них своих раненых, на них же и спали в непрерывных наших движениях, а в боях лихие ездовые подбрасывали нас с пулеметами на них в непосредственное соприкосновение с противником и, выбросив пулеметы с пулеметной прислугой, заворачивали карьером из-под огня — подчас не только ружейно-пулеметного, но и артиллерийского. Высокое искусство этого маневра было особенно достигнуто во 2-м походе.

Помню, как мне была «поднесена» моя первая верховая лошадь. В связи с этим было много смеху. Добыл ее где-то сотник Лунник, который так живописно полураздетый выскочил на перрон станции Екатеринодар и о котором я упомянул выше. Как теперь слышу его возглас, когда он не вел, а тащил на веревке вяло шагавшего и худого коня:

— Вот я добыл верхового коня нашему начальнику. Этот ему подойдет, так как от хороших коней он отказывается и впрягает их в тачанки.

Подошел и я посмотреть. Конь — старик, спина выгнулась вниз дугой. По зубам, выпирающим наружу, видно, что по людскому возрасту ему так лет 70, а то и более. Один казак, осмотрев его, высказал мнение, что ему «так что не больше 20 лет», что он служилый конь, ходил под седлом. Подкормить, и еще послужит. На этом и порешили. Для начала устроили веревочную уздечку, а вместо седла перекинули попону, и то ее мои добыли где-то, как я подозревал, «за взгляд».

С упомянутым сотником, которого, при распределении на те или другие посты, я назначил урядником в пулеметный взвод Люиса, я, вспоминая, неоднократно имел пулеметно-учебные дискуссии. Он все мне жаловался, что пулемет Люиса ему не нравится, что это не пулемет а так, вроде тяжелой винтовки (сам он был сильного телосложения); а вот дать бы ему Максим! Это пулемет! Я ему доказывал, что все пулеметы прекрасно выполняют свое назначение и не уступают по огню друг другу и т. п.

Как-то, по истечении известного времени, при перемещении на должности в связи с потерями, я вызываю сотника к себе и объявляю ему, что он назначается на офицерскую должность командиром пулеметного взвода Максима. Увидев его кислое лицо, я спросил:

— Вы что, недовольны таким выдвижением вас на этот офицерский пост?

— Нет, я очень благодарен, но пулеметы Максима... Вот если бы Люиса!

Я от души рассмеялся, вспомнив его прежний взгляд на этот вопрос. Я видел неоднократно, как он в бою, при перемене позиции, схватит под мышку пулемет с треногой так, что подноскички патронов едва за ним поспевают.

— Хорошо, примите в командование взвод Люиса, в котором находитесь сейчас. Передаете теперешнему командиру вашего взвода, чтобы явился ко мне. Он получит взвод Максима, который предназначался вам.

Сияющим он ушел от меня. С нами завершил и 2-й поход. Командующий Кубанской армией генерал Покровский уже в тот же день сделал смотр своей армии. Покровский, обойдя мой фронт, когда настала наша очередь, поравняв-

шись со мною, но ничего не сказав, приветливо улыбнулся, инспектируя ряды пулеметчиков, а удаляясь от нас, повернулся и сделал мне прощальный знак рукой.

Мне не приходилось ни в частной жизни, ни по службе сталкиваться с генералом Покровским, за исключением одного раза, и то много времени спустя, в Екатеринодаре в 1919 году, в то печальное время, когда на Кубани разыгрались политические страсти. Получив известное всем назначение, он прибыл тогда в Екатеринодар и разбил свою Ставку в войсковом штабе. Туда он вызывал тех или других начальников или командиров частей гарнизона Екатеринодара и имел с ними информативную беседу, проверяя их благонадежность. Вызвал он и меня. После непродолжительного разговора, имевшего чисто информативный характер, он коснулся и нашего 1-го похода и задал мне вопрос:

— Могу ли я, полковник, рассчитывать на вас и вашу часть?

«На вас» было как-то подчеркнуто. Я понял и ответил:

— Вне сомнения, ваше превосходительство, вполне, и какие бы ни последовали распоряжения с вашей стороны.

— Я это знал, мне о вас говорили, — ответил он. — Ждите, вы получите мои приказания. (На третий день я их имел.)

На этом мы и расстались. Я не буду больше останавливаться на фигуре генерала Покровского и отсылаю интересующихся к тем, которые опишут его большую и выдающуюся роль в Белом движении на Кубани в последующих событиях.

Раздел 4

ДРОЗДОВСКИЙ ПОХОД

М. Дроздовский¹⁷⁰

ДНЕВНИК¹⁷¹

20 февраля 1918 года

Утром 19-го шел Геруа¹⁷² передать доклад Совета¹⁷³. Встреча с Алексеевым¹⁷⁴, решение уходить. Тревожные вести — разоружение. Все по моему предсказанию за последние 10 дней. Мое решение — пробиться. Распоряжение Лесли¹⁷⁵ подготовить помещение и об уходе; поездка в Скентею и распоряжение. Ночной переход с 20-го на 21-е. Приступил к составлению очерка затруднений, творимых румынами. Запрещение выдачи из складов имущества и снарядов, оружия, пропусков, неотпуск лошадей в Бельцах. Распубликование в Бессарабии о том, что в Яссах ничего нет; затруднения, творимые в Бессарабии, — еще хуже. Официальная любезность, тайные запрещения, итальянская забастовка. Наша борьба с Синедрионом¹⁷⁶ за выход на Днестр; бесконечно нервное напряжение последних десяти дней, 20-го утром записка Одона¹⁷⁷ о наряде трех эшелонов: разрешение на вывоз оружия и артиллерии. Днем обещание отпуска недополученного снаряжения, снарядов и патронов. Подача записки Презано (все это результат давления Щербачева, увы, поздно; вообще, Презано шел охотно, тормозило правительство с Авереску¹⁷⁸).

22 февраля

Разрешение министра на перевозку — в руках. Весь день те же мытарства: румыны водят за нос, нет до сих пор допуска к бензину, нет разрешения на снаряды, инженерное имущество, снаряжение — все время только и делают — ездят к Презано и в Главную Румынскую Квартиру. Галиб¹⁷⁹ пакостит, просил Авереску нас обезоружить. Составы есть, но нет еще разрешения грузить, а уже больше 18 часов. Очевидно, погрузимся только завтра. Да и не могли бы — не хватает запряжи взять все имущество. Страшный кавардак и хаос, над всем царит страх отмены нашего выпуска с оружием (румынам верить нельзя) или занятия австрийцами Дубоссар.

Весь день мечусь как угорелый, ездил в Соколы, нервы раздергались, становлюсь невыдержанным в разговоре. Обещались завтра примкнуть от 70 до 110 человек чехословаков и человек 60 запорожцев.

23 февраля

Вчера до поздней ночи читал описание района предстоящего перехода — страшно; время разлива, ряд речек, мостов нет. Через Днепр у Берислава они могут быть разведены. Трудность предприятия колоссальна.

Узнал утром о пожаре складов в Скентее. Назначено расследование.

10.30 утра — запрет румынским кабинетом министров перевозки и вообще выхода с оружием. Мотивы: предстоящий мир Румынии, а главное — Украина заключила мир и объявила нейтралитет; без ее разрешения нельзя. Кельчевский¹⁸⁰ поехал немедленно к Главнокомандующему. Мое решение — в 10—11 вечера отправить в Унгени 3 роты (на подводах), эскадрон, легкую батарею и взвод (горную бросить — снаряды подмочены), пулеметные команды, штатный обоз; колебания некоторых начальников — офицеры 26-й артиллерийской бригады. Идти силою через мост — в кармане пропуски и разрешение министра, способ — сам в голове колонны и на огонь — огонь.

Предположение, что перевозка была ловушкой, — всего можно ожидать.

Весь день беготня по ликвидации вещей.
 В 6 вечера — перемена, разрешение; подали новый список подлежащих выходу частей, вооружение материальной части, требование на снаряды, патроны и оружие новое, прежние аннулированы. Разрешение Авереску. Не верю, опять игра. А время бежит, нужны спешные распоряжения. Добавление артиллерии в расчет на кишиневцев¹⁸¹. Им придется идти пешком — нужно увеличить обоз.

Прибытие двух рот румын днем в Соколы. Демонстрация — узнав, приказал ответить тем же.

Разговор с Бологовским¹⁸².

Обед в миссии. Опять бессонница.

23 февраля

Переделка мешка вещевого. Предложение 60 сербов. Поездка в Соколы. Пагрузка — отсебятина, много лишнего. 48-линейных снарядов еще нет. Возвращение. История с деньгами — нам 600 000, 200 000 кишиневцам за февраль и март; их запрос об активной группе: острый разговор с Алексеевым в раздраженном тоне, с моей стороны — горькие истины, накипевшие в душе.

Обед в миссии; весть о движении немцев — Болград прошли, — двигаются на автомобилях и конно на Бендеры: положение становится крайне тяжелым, время идет, эшелоны еще не начали ухода. Вероятно, румыны нарочно тянут, чтобы немцы обезоружили сами. Опять плохо спал. Вернулся около двух; встал в 8.

24 февраля

Надо ускорить перевозку — набросал новый план — тот сделали без моего утверждения. Опять караул не дает бензина; на остатки еду с штабс-ротмистром Преображенским. Выбрасываем 4 эшелона. Артиллерия пойдет походом, кроме мортир. Эскадрон и часть обоза под командой Федулае-

ва. Остается 3 эшелона — почти мой расчет. Издевательства продолжаются — не дают ни снарядов, ни инженерного имущества, ни оружия, ничего; что Главная Румынская Квартира разрешила — не дают караулы. Прямо саботаж; эшелоны погружены, стоят, вечером спрашивали, можно ли ехать, но так и не тронулись. Сегодня уезжают миссии — опять жди. Весь день состояние озлобления, нервность крайняя, офицеры все издерганы; решение горняков.

Опять пишем в Румынскую Главную Квартиру, а также о пропуске Федулаевской колонны — только к чему пропуска непропускающие! Около 8 вечера бензин и инженерное имущество даны; снаряды и пропуски обещаны. Эшелоны двинутся завтра — поживем — увидим. Распоряжение Синедриона о праве не идти. Положение у нас.

25 февраля

Поездка в Соколы около 2.30 час. дня. Все по железной. Утром узнал, что в Александрии всего 6 эшелонов. Наконец все выдано — днем получали снаряды, патроны, гранаты ручные, ружья и т. п. Конец. В полдень отошел один эшелон. Сегодня должны отойти еще два. Разговор с Ячевичем (движение немцев), около 300 офицеров у него в районе Галаца, спрашивал, как присоединиться. Поздно!! Конная дивизия идет — части Грикопуло должны присоединиться; разговор с ним — указал сбор в районе Устья.

Сведения с Дона большевистских искрограмм: Ростов и Новочеркасск пали. Какие же у нас тогда цели, как искать соединения? Страшная трудность задачи. Время покажет, а пока по намеченному пути, лишь бы немцы пропустили.

26 февраля

Утром в 10.30 — в банке, в 2 часа в Управлении. Горные снаряды разрешены. С поездом сегодня трудно, но ответ в 5 часов. Разговор с Алексеевым — освобождение офицеров от обязательства идти. Раскол среди офицеров. По какому

праву эти случайные люди — генералы — делают такие распоряжения; он обиделся, назвал мой проект фантазией.

В 2 часа поехал в Соколы. Встреча автомобиля с броневиками — пришли румыны (взвод роты) обезоруживать; разговор с румынским капитаном — предложение спросить по телефону свою Главную Квартиру или того же Стефанеско (предписание было штаба местной дивизии); пошли разговаривать.

5 часов. Все письменные разрешения в руках: броневая батарея, аэропланы, автомобили. Поезда: сегодня в 18, 27-го числа в 11 часов и в 16 часов. Каждый по 30 крытых и 15 платформ. Поездка с Василеско в Соколы для получения разрешения на горные снаряды. Оказалось напрасно, уже все соглашено; однако застряли — не хватило бензина. Попытка поехать на Пакаре броневиков.

Лейтенант Василеско много и энергично работает.

Хлопоты с автомобилями — все стремятся недодать, офицеров не уведомили, что никто потом догонять не будет, штаб и роты остаются — когда все это разъяснилось, — большинство роты уходит. Завтра получка денег и завтра же и послезавтра — поход. Погода сухая и жаркая.

Немцы не идут пока на Бендеры, у Лейпцигской оказался взорван или поврежден путь, сильно полагаем, что это румыны для облегчения ухода французов.

27 февраля

В начале 15-го часа еду в Соколы — еще ни 4-й, ни 5-й эшелоны не ушли, и даже не кончили погрузки: румыны ли поздно, мы ли медленно грузились — черт знает, а время идет — несомненно, причина неправильное соотношение платформ и вагонов. Румыны выдали не то, что мы просили; это задержало погрузку. В 16 часов 6-й эшелон еще не начинал грузиться. Арест самозванца в горной батарее. Распоряжение продать лишние автомобили в броневом взводе. Бензину мало — предназначалось 400 пудов, а Преображенский все старается недодать. Гаражные комбинации, торговля автомобилями (тайная). Вообще последние дни (2—3) сплош-

ная борьба с нашей авточастью за бензин и машины, затягивание выдачи денег, задерживающее офицеров, хотя, может быть, и не нарочно.

Вообще страшно изнервничался за последние две недели: борьба с начальством, румынами, а под конец и авточастью.

На душе тяжело, если правда потеря Ростова и Новочеркаска, то трудность соединения почти неодолима; вообще задача рисуется теперь все более и более тяжелой. Как ни мрачно — борьба до конца, лишь бы удрать от немцев за линию Слободка — Раздельная и дальше сохранить в целости полную организацию отряда, а там видно будет — может, и улыбнется счастье. Смелей вперед!

Успеем ли, сумеем ли проскочить?

Около 19 часов получил телеграммы от 26-го числа. 2-й эшелон прибыл, Войналовича¹⁸³ нет, не знают — что им делать. Сильно встревожен. Недавно пропал автомобиль с 3 офицерами неизвестно где, а тут у Войналовича все инструкции, сам по себе он очень нужен и трудно заменим, да с ним интендант с 50 000 рублей.

После 20 часов разъяснилось, приехал офицер из Кишинева за деньгами для 2-й бригады — он уже видел там Войналовича, очевидно выехав на ночь, где-нибудь застрял.

Завтра в 14 решил уходить с автоколонной — задерживает получка офицером денег для 2-й бригады — надо взять его с собой.

До 3 часов ночи писал письма.

28 февраля

Около 12 приехал в Соколы. Одну броневую сдали румынам, продали три броневые машины, но дешево за бензин и деньги. Зато имеем не мене 200 пудов запаса только в батарее. Эшелоны 4-й и 5-й ушли, грузится 6-й. По-видимому, не все поместится в эшелон — дал указание все худшее и менее нужное продать. Вернулся в 12.30 в Управление — сведение, что немцы заняли Раздельную и станции дороги: украинцы пристально следят, — сказал Федоров. Просил распусть завтра слух, что, сосредоточившись на северо-востоке от Киши-

нева, пойду на Рыбницу, Балту, Ольвиополь на соединение с поляками. Авось надую немцев, хотя сомнительно; положение в общем тяжелое — слишком поздно уходить. Офицер 2-й бригады не может сегодня ехать, и чтобы не задерживать уход, взял 75 000 рублей за 120 000 лей для уходящих с собой. Выехали из общежития в 2.30 часа. Мигаю остался, чтобы взять Лаурин-Клемент — будет нагонять. Я с Неводовским¹⁸⁴, Храповым и помощником шофера пошли вперед на Пирсе. До границы раза три останавливали с пропусками. В Унгенах нагнали броневиков на переправе; возня с комендантом, детально проверяющим машины. Ступин, наскочив на Пакаре на переднюю машину, разбил фонари, помял крыло; с машиной что-то не в порядке — ее буксировали; остался сзади еще и грузовой Пакар. Погода хмурится, начинает накрапывать. Дорога дрянь, ухабы.

От Унген на Пирсе ушли значительно вперед. Хотели сегодня попасть в Кишинев (остальные решили ночевать в дороге), но остановки с пропусками, две лопнувшие шины и плохая дорога — задержали — уже темнело, часов в 8—8.30 приехали в Калараш; фонари не горят, ночевать в Кишиневе негде. Решили искать приюта у священника (благочинный), там ликвидационная комиссия 27-го тяжелого дивизиона; напоили чаем, покормили, устроили на ночлег на походных кроватях. Разговоры на темы пережитого, хозяйничанье большевиков, приход румын.

Дождик, дорога немного грязнится.

1 марта

Насморк и бессонница продолжают изводить. Хозяева артиллеристы напоили чаем. Выехали около 11. На подъеме в Калараше долго возились по скользкой мокрой дороге, буксовали колеса, долго надевали цепи, в остальном добрались до Кишинева без приключений около 2 часов дня. Прямо в штаб 2-й бригады. Сдал деньги, по-видимому, присоединится мало — несколько десятков — результат работы руководителей и прямо отговаривающих и всячески работающих против (особенно, говорят, Асташев¹⁸⁵ и Ракитин¹⁸⁶); во-

обще состав оставляет желать лучшего — распущенны, разболтанны. В 6-м часу узнал о прибытии горного и кавалерийского эшелона — было столкновение на одной станции, кажется, в Калараше с румынами, выславшими роты, выставившие пулеметы; у нас ответили тем же выставлением пулеметов с лентами; одному румынскому офицеру дали затрепину, разошлись миром, румыны ушли и больше не занимались провокацией.

2 марта

Утром в 11.30 в помещении 4-го полка собрались офицеры — говорил о том, что обязаны прийти все, но что не гонось за числом, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикам не место; кто идет — пусть поторопится присоединиться сегодня и завтра утром.

К утру собрались на вокзале все эшелоны окончательно. Вчера вечером пришли автомобили, сегодня днем броневой взвод. Заглянул к автокоманде представитель Сфатул-Церия, хотел реквизировать — указали, что первая добровольческая бригада, и выставили. Шакалы!

Войналович уехал днем на Пирсе (Кейс неисправен), боюсь, чтобы без него не вышло скандала. Кажется, под давлением румын должны были первые роты (1-я и 2-я) перейти в Дубоссары при неизвестной обстановке и могли быть отрезаны немцами, а мост закрыт румынами. Сказал во что бы то ни стало сидеть на переправе верхом, обеспечив обратный уход передовой части через мост.

На вокзале склад имущества; не на чем вывозить; продовольствие, обмундирование, оружие, боевые припасы; распоряжений ясных не оставлено, вообще с грузами хаос; приказал, что возможно, поднять, отобрав необходимейшее, прочее уничтожить или продать, поручить это старшему из оставшихся при обозах офицеров, капитану Соболевскому. Некогда тут заниматься устройством складов и их перевозкой в несколько оборотов.

Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов; вносят

раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед по дороге долга...

Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжело. К 5 часам все части, кроме обоза, ушли вперед. Завтра повожусь с уходом местных офицеров, увозом грузов, а там утром 4-го и сам вперед.

3 марта

Вечером разговор у Кейданова с офицерами 2-й бригады и Трахтенбергом, что много, почти все пошли бы, если бы приказали, но когда начальство объявило, что подписки уничтожаются, свободны не идти с нами, а одиночно — пошло очень мало... Все наделал главным образом наш штаб и штаб 2-й бригады; впрочем, все к лучшему — рвани не нужно. Сильная мысль — всех на подводы, а на многих подвод не хватит. Получил донесение, что Дубоссары заняты нами. Об австро-германцах ни слуху. Большевики бежали, 4 захватили из комитета, один из коих раньше хвастался, что убил 10 офицеров и 1 архиерея. Верстах в 45 севернее Дубоссар есть сведения — поляки. Пошел разыскивать, чтобы связаться. Днем хлопоты с отправкой обоза, румыны требовали в 12, ругался, злился, выторговал в 2 часа. Остатки продуктов и вещей продаем.

Часов с 5 шла нагрузка камионов (грузовиков), кончившаяся в темноте. Завтра будет окончательная продажа оставшегося.

Вечером собираюсь быть в оперетке, отдохнуть, «Цыганская любовь». Когда еще придется!

А сомнения грызут, чем добрее дух идущих офицеров, тем больше обрисовывается разница между нашими и кишиневцами, тем больше жжет ответственность. Туда ли и так ли веду их.

Можно возгордиться — как боятся нас и румыны, и Сфатул-Церий — смешно: мы кучка людей, никогда нельзя бы подумать.

4 марта

С утра заботы о ликвидации запасов — интендант заболел, поручил его помощнику, поездка на вокзал, приказ снять караул и присоединяться. Продали Пакар и Кейс за 12 000 рублей. Только в 16 часов выступила колонна. Минервы с помощником интенданта и тремя чинами караула нет. Вытянув колонну, ушли вперед. Прибыли в Дубоссары в 18; здесь все части отряда, на правом берегу ничего. В Криулянах обогнал наш обоз (6-й эшелон) и скот. В Дубоссарах разместились хорошо. О немцах ни слуху. Несколько большевиков арестовано. Жители довольны, из Григориополя накануне присылали от сельского управления с просьбой их освободить; послали несколько человек — большевики бежали. Настроение хорошее, и себя чувствую бодрей — бодрей смотрю на будущее.

В 11 — ужин. Артиллеристы чествовали Неводовского, своего училищного офицера — засиделись до 2 часов.

5 марта, Дубоссары

Проснулся рано, яркое солнце. Австрийцев нигде не обнаружено. Все улыбается. В 11 часов собрание старших начальников для реорганизации отряда, обоза (все на повозки); сокращение числа автомобилей — командировка продать часть и на это купить бензин; пьянство офицеров, попытки насилий, самочинные аресты; сепаратистические течения: в артиллерии, у конно-пионеров и т. п. — непривычка, вернее, отвычка повиноваться.

К вечеру вести о разъездах австрийцев, человек в 20—25, в Ягорлыке и у Окны. Положение затрудняется нежелательностью столкновений. Сведения от жителей (может, и врут), — но про разъезд у Ягорлыка очень достоверное изложение факта. Около 23 часов приказал послать взвод на Ягорлык немедленно. В бой не ввязываться, а если пойдут в Дубоссары, — заманить. Решил приготовить все к выступлению 6-го вечером. Поживем — увидим, утро вечера мудренее.

6 марта

Утром донесение от разъезда, что в Ягорлыке был австрийский офицер с двумя всадниками, который тогда же вечером ушел. Разъезд остался в Ягорлыке, выслав дозоры. По словам жителей, верстах в 20 севернее Ягорлыка есть человек 300 австрийцев.

Все утро хлопоты с отсылкой лишних автомобилей на продажу, подготовкой частей к выступлению; упорная борьба с сепаратистами, желающими все делать по-своему; не привыкли к точности. Приучаю к исполнительности. В 4 часа дня посылаем конницу и броневики вперед с целью разведки и обеспечения; Войналович упорно хотел придать горный взвод, проявил феноменальную настойчивость; все же не согласился — сейчас он там как пятая нога собаке. Главное, еще не сформировался.

Услали в Кишинев обе легковые и два грузовика продавать и достать бензин. Два грузовика продали здесь за 6500.

Утром уехал Козлов — долго вчера с видом побитой собаки объяснял, что он не боится, а только ему с нами нечего делать и стыдно брать жалованье, а из Ясс он поедет в Сибирь с той же идеей, что и наша. Не огорчен — и слава Богу. Говорил с ним кисло, и он это чувствовал.

Весь день сборы, организация обозов. Удрал Борзаков. До поздней ночи танцы в здании кино с местным обществом — вид местных здорово демократичный. Наши в походной форме. Наблюдал до 1.30 часа ночи.

7 марта

В третьем часу донесение от Гаевского — ничего серьезного, стал на ночлег.

Выступление затянулось, сборный пункт Семенов назначил в стороне, в Лунке; тронулась колонна в 9.20. Неслаженность движения, страшная растяжка, вообще, чудовищный обоз надо энергично сократить, чем займемся на дневке; крутые подъемы и спуски также увеличивали растяжку и разрывы. На привале голова колонны пришла около 3.15. На привале двух отравили в дальнюю командировку.

Погода почти жаркая, солнце светит во все лопатки, дорога хороша. Донесения от конницы утешительные — из Окны ушли на север.

Выступили с привала в 5.45.

Только в 11-м часу голова колонны прибыла в деревню, почти 3 часа шли при луне; поэтично, но неприятно и невыгодно: опрокинули один ящик 48 лин. и две или три повозки полопались.

Штаб в имении Анатра и в деревне Кошарка приняты очень любезно; легкая батарея и обозы в Слободке, прочие в Кошарке.

Прочли о себе в одесских газетах о Дубоссарах — беглые евреи пропечатали и все наврали — ни слова правды.

Побег поручиков Ступина и Антонова на Пакаре; украли 10 пудов бензина.

8 марта

В 7 часов на ногах, устал сильно и хотелось спать — полубессонные ночи сказались, — увы, теперь некогда выспаться. Выступление назначено на 10 часов в три колонны.

Выступили около 10. Крутые подъемы с горы на гору, колонна растягивалась страшно, мортиры никак не шли, обоз растягивался, автомобилям часто помогали руками. Средняя колонна при переходе дважды пересекалась австрийскими эшелонами — мирно. Один офицер сломал ногу, отправил на Мардаровку, сказав, что из ликвидационной комиссии в Баделове, австрийцы спрашивали — не из проходившей ли колонны. Рассказывали, что австрийцы кричали: «Счастливой дороги!» — они там пересекали колонну самого разъезда, австрийские офицеры приветствовали отдаванием чести. На разъезде до встречи с эшелонами получены донесения, что в Вальгоцулове австрийский батальон с пулеметами. Решил остановить и сосредоточить колонны в Николаевке Зарница — новая (на карте нет) и в Борисове, где ждать дальнейшего от разведки. Получение донесения по прибытии в деревню, что австрийцы ушли. Остановка на ночлег — устали, уже было около пяти, ждать точных донесений еще часа 2.

Получил донесение об украинцах. Решение завтра идти в Вальгоцулово всем, где дать дневку. Решение расформировать мортиры и сократить обозы. Ходатайство командира мортирного дивизиона — решение сократить вдвое ящики и за их счет 8-ю упряжку и заводных.

Хозяева чудно приняли, заботились, накормили лошадей даром. Деревня тихая, хорошая, избы хорошие. Присоединились к коннице два офицера-добровольца, сыновья соседнего помещика.

9 марта, Вальгоцулово

Выступили в 9 часов; правая по большой дороге на Вальгоцулово, левая со мной по кратчайшей на западную окраину; пехота пешком. Вскоре по прибытии разъезда на Мардаровку в Плосское обстрелян австрийцами, легко ранившими одного; по получении донесения решил выслать броневик, усилить заставу и приказал собрать подводы для приготовления к походу, это было часа в 2. Вскоре прибыли оставшиеся в Дубосарах кавалеристы и грузовой автомобиль, все вооруженные. Австрийцы их любезно пропустили, говорили, что ранили двух большевиков, которые грабили жителей — оказывается, это реквизиция моею конницей, потом долго шли с австрийцами разговоры по телефону с Мардаровкой, из коих выяснилось, что они нас не преследуют, но им жалуются жители на насилие, и они, как прибывшие для защиты, должны принимать меры. Зная, что мы нейтральны (мы это им говорили), они против нас ничего не имеют, предлагают свободный путь, лишь бы не обижали жителей; много лжи, больше все евреи клеветают, но много самоуправствует конница. Сегодня я очень ругал конницу, грозил судом, потребовал окончательного прекращения реквизиций. Австрийцы обвиняли также, что наш разъезд первый открыл огонь — возможно; эта буйная публика может только погубить дело, пока налаживающееся ввиду нейтралитета немцев. Из Ананьева прибыли 4 офицера узнать, что у нас, — говорят, там много офицеров и решили вернуться с группой желающих присоединиться; австрийцев там нет. Броневик по выяснении дела возвратился. В связи со всем

решил пока, тщательно охраняясь, если возможно, сохранить дневку, а потом сразу быстро уходить. Приказал во всяком случае ликвидировать все лишнее в обозе спешно, завтра утром посылаем еще 2 грузовика в Ананьев для продажи и один за бензином. Таким образом, опять целый день волнений — слишком близко австрийцы; евреи крайне враждебны, крестьяне за нас, озлоблены на евреев, приветствовавших австрийцев, и недоброжелательны последним.

Успокоимся, когда вглубь заберемся.

А тут еще уже поздно вечером по телефону говорил комендант Мардаровки, прося не стрелять по их отдельным небольшим группам, если будут проходить — не ловушка ли, — накапливание... Войналович все считал пустяками, был против моего желания отмены дневки, а теперь и сам поколебался; но теперь я все же склоняюсь подождать сведений, а при первых тревожных признаках — уходить. Послезавтра же во всяком случае начать спешный уход. Распускаю слухи, что здесь останемся еще дня 4—5, а потом перейдем в Ананьев.

Прибыли три замостца¹⁸⁷ из Одессы: Ляхницкий, Кулаковский¹⁸⁸ и Чупрынов¹⁸⁹. Отчет о положении дела в бюро, Кулаковского решил послать в Одессу, закрыть бюро и взять кого можно, ловить нас в пути, ожидая посыльного в Кантакузенке.

Погода все время чудная, сегодня хорошо было идти, не жарко — ветерок; вся природа, казалось бы, улыбается, а на душе тревога за отряд.

Подлость масс, еще вчера буйных и издевавшихся, сейчас ползающих на коленях при одной угрозе; снимают шапки, кланяются, козыряют — вызывают в душе сплошное презрение.

Остановились у С.; приняли очень любезно, кормили, поили, заботились. Газетная травля (еврейская) «Одесских Новостей» и других социалистических листков (прапорщик Курляндский) — желание вооружить всех, впереди нас идет слава какого-то карательного отряда, разубеждаются потом, но клевета свое дело делает, создает шумиху и настораживает врагов. А ведь мы — блуждающий остров, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!! Трудно и тяжело! И тревога живет в душе, нервит и мучает.

10 марта, м. Святотроицкое

Около 2-х — донесение Мардаровского разъезда о том, что около 18 часов в Мардаровке высадилось два эшелона австрийцев, которые как будто ожидают боя с нами; в 3-м часу донесено, что якобы жителям Плоское приказано оставить их деревню, так как ожидается бой; сведение довольно странное — почему Плоское, ведь не мы же будем вступать в бой... Но во всяком случае решил выступить, как только успеем, и отдал приказ немедленно собираться в поход. Обоз впереди.

К выступлению луна зашла — темно, запряжка и кормежка лошадей трудна, уход затянулся, только в 7.30 хвост колонны (арьергард), конница и горная артиллерия вышли из деревни; утро холодноватое, туман — все равно наблюдение австрийцам, бывшим далеко, невозможно, только секретные агенты могли видеть.

Шли спокойно, на 18-й версте привал — покормить и напоить лошадей, частью некормленных и непоенных. В 18 часов прибыли в Святотроицкое. Стали довольно хорошо, жители-крестьяне благоприятны; наша хозяйка и хозяин хаты очень радушны, заботливы, даже сахар выставили. Холодновато только в хате, спали на кроватях — крестьяне состоятельные, взяли за все недорого, по-божески. Страшно устал, глаза смыкаются, волнения и бессонные ночи сказывались еще на походе, не раз начинал засыпать в седле; часам к 22 сон совсем разобрал — улегся, и как камень в воду.

11 марта

День тоже пасмурный, холодный ветер! Выступление в 9 часов. Дорога среди степи, на десятки верст ни селенья, только изредка отдельные хутора. Довольно крутые овраги, дорога гладкая, твердая — но тучи грозили не раз перейти в дождь, а тогда — невылазная грязь вместо асфальта. Начинало накрапывать, но ветер, дувший как сумасшедший — до боли в глазах — разогнал тучи: когда пришли в Веселое в 5-м часу, уже было голубое небо.

Пыль и ветер стали угнетать на ходу.

При уходе из Святотроицкого арестовали солдата (уволенного) из местных, агитировавшего в нашем обозе против офицеров; в Новопавловке арестовали еще 6 человек из большевистских заправил, список коих был получен полковником Лесли в Ананьеве от местной офицерской организации. Сидят пока у нас под арестом. Нескольких, однако, не успели захватить — удрали заблаговременно. Крестьяне посOLIDнее очень довольны арестами. Чем дальше на восток, тем, видимо, сильнее дух большевизма — уже не так радушно встречают, замечается иногда враждебное отношение — «буржуи, на деньги помещиков содержатся, отбирать землю пришли». Есть, однако, очень немало и на нашей стороне, но они терроризированы; например, хозяин нашей избы, даже не из богатых, подтвердил все данные леслевского списка, жаловался на террор, что наш конюх (штабной) собирается сегодня бежать, что он сочувствует большевикам (сам проговорился перед женой хозяина), но все это говорил наш хозяин шепотом, умоляя его не выдавать. И вообще, нередко являются с петициями — убирать большевиков, — увы, не можем много шуметь, дабы не губить свое дело соединения с Корниловым.

Конюха пока арестовал.

Отряд стал в деревне Веселая, автомобили в соседней деревушке (не имеется на карте), а конница в колонии Веселая 3 версты восточнее деревни. Там, между прочим, произошел комичный эпизод; в имение, что рядом, приехал наш офицер-фуражир, а в это время туда явилось 8 франтов пограбить — очевидно еще не слышавших о нашем прибытии в здешние края. Наш фуражир, закупив фураж у помещика и увидев, что эти 8 франтов желают грабить, заставил их всех грузить им закупленное на подводы, доставить в эскадрон, выгрузить, а потом крепко друг друга выпороть... Потом их выгнали, жаль...

В 23 часа кончали ужин, явился офицер от Жебрака¹⁹⁰, тот идет из Дубоссар более чем со 100 добровольцами и массой (чуть не втрое) лошадей и с обозом; 10-го должен был выступить из Дубоссар. Это очень ценное прибавление, сам Жебрак очень ценный, как человек воли; решил задержать свой марш на правой стороне Буга лишних 1—2 дня, выждать при-

соединения. Вот люди, которые хотят прийти! Начинаю бояться за погоду — уж больно много зависит от нее, и проходимость дорог, и, главное, глубина бродов, а погода капризничает, и зловеще...

12 марта

Дневка.

Шли работы по проверке, организации и сокращению обоза: пока все совершается в частях, а затем проверено будет особой комиссией.

Вели стрельбу из пулеметов, бросали ручные гранаты, производили ученье — рассыпной строй. С погодой не хорошо — ветер по-прежнему дует изрядный, тучи бродят угрожающе — того и жди, будет дождь. Решил еще один день стоять — тут спокойнее ждать Жебрака. Высланы шесть тайных разведчиков в Кантакузенку, Акмечеть и Константиновку. Вечером узнал у искровиков тяжелую вещь: немцы сообщают о большой победе на Западном фронте — 45 тысяч пленных, 600 орудий и массы запасов; указывают пункты, представляющие прорыв фронта. Подействовало ужасно — ведь только победа союзников могла быть для нас надеждой на спасение. Тоска, безнадежность, тоска...

13 марта, деревня Веселая

Ночью приехал Жебрак — его отряд должен ночевать сегодня в Новопавловке. С ночи погода испортилась вполне, ветер стих, но пошел дождик, потом мокрый снег. Путь, начавшийся под таким благоприятным знаком, стал осложняться; трудности переправы велики, только броды, и вероятно не мелкие (а тут дождь), вода холодная; в Вознесенске, несомненно, австрийцы — трудно будет проскользнуть через этот рубеж — по боевым условиям трудней, пожалуй, чем через Днепр (потом выскажу свои соображения — почему). Но надо всем доминируют вести с запада — это, пожалуй, уже катастрофа, угнетающая меня до основания; неужели Россия погибла? И все-таки вперед; потеряно все, остается только воз-

возможность выиграть, помочь несчастной стране. Нам осталось только — дерзость, наглость и решимость.

Около 16 часов поехал в Новопавлровку, куда на ночлег прибыл отряд Жебрака; переговоры с Жебраком — соединение не состоялось, опять наследие.

Завтра выступаем; дорога хотя и не вязкая, но верхний слой подмок и уже труден для автомобилей и неприятен пешеходам, на полях редкий снег, к ночи определенно холодно, подмерзает — тяжелые условия для переходов в брод, если даже последние окажутся довольно мелкие. В общем, переход Буга — один из самых трудных барьеров.

14 марта

Все вокруг в белом саване — за ночь выпал снег, окна замерзли, определенно холодно — мороз 2—3 градуса и холодный ветер: земля подмерзла. Условия переправы складываются все суровее и труднее.

Колонна выступает в 9 часов.

Вначале было холодно идти, постепенно к концу марша потеплело, мороз окончился. На большом привале зашли в соседнюю избу пообедать молоком и яйцами, солдатка — муж в плену, она и ее квартиранты жалуются на современные «свободы», «раньше было лучше», приходится слышать очень часто, но полная неспособность бороться, одни сетования; запуганность, забитость, а охотно сообщают имена зачинщиков и комитетчиков, если только рассчитывают, что их не выдадут. Пришли в Домашевку часов в 4.30. История с квартирами 2-й роты — в ее район посадили сестер, начальствующих лиц, всем хорошие квартиры. Это недовольство высказывал генерал Семенов¹⁹¹.

Вернулась разведка (тайная) и разъезды. Сведения о переправах — хороший паром у Акмечети, бродов нет; у Кантакузенки мост не охраняется, но в Вознесенске батальон австрийцев с четырьмя орудиями — проходившие большевистские части через брод Мертвоводы были ими обстреляны, — я этого не хочу! Утром собрал все донесения — принял окончательное решение: переправляться у Александровки с автомоби-

дем — паром подъемностью 800 пудов. Делает рейс в одну сторону 3—4 минуты; переправу начать сразу с подхода, ночью, когда спят, для чего выступить в 18 часов, причем конница с конно-горной вперед переменным аллюром для начала переправы. За ними вся пехота с пулеметами, затем артиллерия, потом обозы; автомобили в конце, так как нужно особое оборудование парома. На всякий случай легкая батарея при начале переправы будет оставлена на правом берегу на позиции (опять же практика).

15 марта, Домашевка

Все время до похода прошло у меня в налаживании отношений старших начальников к добровольцам, по устранению впредь квартирных трений, по ликвидации сестер, из коих оставлено пока только 4 (из 11); указал, чтобы, не исключая и жены Лесли, все жили вместе при отрядном лазарете — это не свадебное путешествие; пришлось выдержать сильную атаку ликвидируемых сестер, но устоял, разрешив довести только до Александровки, откуда ближе к железной дороге. Наладил связь с ожидаемым Кулаковским — все благополучно, он прибыл еще с четырьмя; отличный, редкий офицер.

Днем работала комиссия по проверке и сокращению обоза — некоторые результаты дала.

В Домашевке по авточасти крупная удача — у местной помещицы в соседней экономии купили до 250 пудов бензину, который она охотно продала, и недорого: по 20 рублей за пуд. Она сильно опасалась, что большевики или иная нечисть заберут даром. А нам торжество — на все машины теперь бензину хватит верст на 500, если не больше.

Выступили в 18 часов.

Семь человек отправлено в дальнюю командировку. В дороге мысль настойчиво вертелась вокруг прошлого, настоящего и дней грядущих; нет-нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца... Что можем мы сказать убийце трех

офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за «буржуизм и контрреволюционность». Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отравлял ядом преступления?! Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся, воля, ибо этими дикими разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: «Око за око», а я скажу: «Два ока за око, все зубы за зуб». «Подъявший меч...»

В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом — с волками жить...

И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно — жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлomu лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист.

Холод усиливается — почти мороз; полная луна холодным светом освещает пустынные, ровные пашни, изредка прорезанные узкими полосками снега. Большинство идет пешком почти весь переход. Слезли с подвод — все же теплее. Холод проникает всюду...

12-й час, вот и река.

16 марта, Александровка

В половину двенадцатого, когда голова нашей колонны подошла к парому, уже началась переправа горной батареи; эскадрон был уже на левой стороне. Переправа тянулась долго — только в 6 часов переправил части, и началась переправа обозов.

Чем дальше к утру, тем становилось холоднее — усиливался ветер, грелись у костров из камыша, соломы, сухой травы и бурьяна — дров нет; в домике паромщика битком набито греющимися.

Вернувшись в штаб, пил чай. Почти совсем не заснул. Днем от заставы донесение о приходе на станцию Трикраты эшелона — донесение, до крайности не вязавшееся с обстановкой; по выяснении оказалось мифом — пришел поезд с товарными вагонами.

День опять ветренный и холодный.

Бессонная ночь сказалась, устал, хочется спать — лег в начале 10-го.

17 марта, Петропавловка

С утра пурга; с выступлением задержались, и колонна двинулась только в 7.30, вместо 7. Ветер восточный — северо-восточный, холодный гнал тонкую снежную пыль, резал лицо, коченели руки, отмораживались уши, лед нависал на усах и бороде, на ресницах и бровях. Может, дорогу плохо видно. Снег слепит чем дальше, тем больше. Идти очень тяжело, в особенности артиллерии и кавалерии — мерзнут руки и ноги. Мортирщики стонут, много добровольцев-полумальчишек, ясно, что 45 верст им было бы не под силу в таких условиях. Сократил переход, остановившись в Спасибовке и Петропавловке вместо Еланца. Бежал прапорщик, летчик Бербек, со своим приятелем — не усмотрела конно-горная.

Как разнообразно отношение жителей — масса во многих деревнях очень благоприятно настроена, так в Акмечети и Александровке. Акмечетских трех убийц полковника, которых выдали нам сами жители, сегодня расстреляли. Акмечетские особенно помогали переправе, их комитет сам прислал своих плотников и техника — направить паром для броневигов. Дали доски для усиления и вообще оказывали всякое содействие.

Приходится выслушивать много жалоб, просьб о разборе разных ходатайств о защите от одних и видеть злобу и косые взгляды других; иные бегут, только слыша о нашем приходе. Наши хозяева среднего достатка, боятся грабежей, лучшее имущество хранили в бочке в стоге соломы, при нас только вынули пересмотреть и проверить!

Сломалась на походе ось горной пушки — слава Богу, починили.

18 марта, м. Еланец

Настоящая зима, хотя не холодно. Ветер сильный. Кругом бело. По дороге снега не много, но все же для автомобилей плохо.

Бросили автомобиль с пушкой — что-то сломалось, кажется шестерня. Суток трое надо для починки, если вообще можно, но по внешним признакам нельзя — а ждать невозможно. Взяли что можно: запасные части; машину и орудие испортили.

Выступили в 9 часов. Дорога до Сербуловки была очень тяжелая — от таяния тонкого слоя снега верх дороги загрязнился. Стало скользко и липко. А тут еще перед выходом на тракт не мало поблуждали целиной по степи — проводник плутал. На ногах налипали комья грязи...

Головной броневик, который должен был идти с конницей, положительно надрывался. Конечно, за конницей не поспел. Колеса буксовали; даже одев лапы, шел с трудом; кое-как добрался до Сербуловки, по деревне не смог пройти, так как мост через ручей был крайне ненадежен... Тут мы его и оставили. Я приказал ему ждать остальные автомобили и выступить всем вместе, ночью, когда подмерзнет. После Сербуловки в общем дорога была хороша — почти везде сухая. Через первый встречный ручей пройти не удалось, так как пародия на мостик была разрушена. На переезде через ручеек увязали даже телеги. Пришлось дать версты две крюку на обход...

Вообще, из-за дороги переход оказался достаточно неприятным — воображаю, что здесь делается, когда получается настоящая грязь.

Большевиков нет нигде, говорят, что они бегут при первых вестях о нашем приближении и давно уже покинули наш район; вообще, о нас ходят самые дикие вести: то корпус, то дивизия, то 40 000, буржуи, нанятые помещиками, старорежимники. Жители разбираются в общем слабо; нередко спрашивали: «Вы украинцы?» — «Нет». — «Австрийцы?» — «Нет». — «Большевики?» — «Нет». — «Так кто же вы?» — «Мы — русские». — «Значит, большевики — русские ведь все большевики».

В общем массы довольны. Просят защиты, установления порядка: анархия, дезорганизация измучила всех, кроме не-

большой горсти негодяев. Говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, никакой уверенности в завтрашнем дне. В Еланце просят навести порядки, если не можем репрессиями, то хоть напугать... Постоянные налеты, грабежи, убийства терроризировали население, а виновных боятся называть из страха мести. Наши хозяева-евреи, ограбленные вчера на 900 рублей, встретили нас крайне радушно. «Хоть день будем покойны!»

К интенданту привезли, собрав по домам, три воза хлеба и очень удивились, что он заплатил. Посылали в виде откупного, так привыкли, что проходящие части грабили и отбирали даром. Это углубление революции после большевистского переворота гастролерами, наезжающими в деревню, — грабежи имений и экономий под угрозой пулеметов; иногда, впрочем, сопротивляются, дают отпор, защищая помещиков (Доманевка, Трикраты). Самое зло — пришлые матросы и солдаты-красногвардейцы.

В Еланце пришлось дать дневку, поджидая автоколонну — еще день пропал против расчета, еще промедление... Начинается полоса неудач, пока еще не очень значительных. Погода здесь — великий фактор.

19 марта, Еланец

Вынужденная дневка — поджидал автомобили. Последний добрался только часов в 14. Уже сильно чувствуется необходимость хорошего ремонта, а потому решил бросить отдельно автоколонну на два перехода вперед, вместе с двумя днями дневки получат 3—4 дня, где ей и ждать соединения с нами. Тогда они на ремонт; автомобильная искровая станция будет нас связывать при раздельном расположении. Погода слегка пасмурная, ветра нет, подсыхает, но очень боюсь дождя...

От грабежей и налетов стон стоит. Понемногу выясняем и вылавливаем главарей, хотя главные заправила умудряются заблаговременно удрать; в штабе сосредоточиваются показания всех квартирохозяев; также помогла очень посадка своего переодетого вместе с арестованными — те ему сдуру многое порассказали. Жители боятся показывать на формаль-

ном допросе, только три-четыре дали показания под условием, что их фамилии останутся неизвестными. Наш хозяин, еврей, говорил, что местные евреи собирались послать делегацию просить оставить какое-нибудь угрожающее объявление о поддержании порядка, а то их перед нашим приходом грозили громить, а теперь грозят расправиться, когда мы уйдем. А ведь они не рискнули назвать ни одной фамилии. Бумагу, конечно, приказал написать. А вот страх после нас придаст ей силу, но только видеть себя в роли защитника евреев — что-то уж чересчур забавно: это я-то, рожденный, убежденный юдофоб!.. Кстати, к бумаге приписали о сдаче арестуемых за грабежи и хулиганство украинским властям — много смеялся, поймут ли украинцы все глумление в этих строках...

Забавно, до чего грозная слава окружает нас. Наши силы иначе не считают, как десятками тысяч... В этом диком хаосе что может сделать даже горсть, но дерзкая и смелая. А нам больше ничего не осталось, кроме дерзости и смелости... Когда помотришь на карту, на этот огромный предстоящий путь, жуть берет, и не знаешь — в силах ли будешь выполнить свое дело. Целый океан земли впереди, и враги кругом...

20 марта, Софиевка (Графская)

Немного пасмурно, холодновато. Погода обещает быть хорошей. Беспокойство за погоду, от которой так много зависит, отражается на сне. Хотя условия прекрасные, плохо спал. Выступление в 8 часов. Вскоре после движения погода изменилась — небо сплошь серо, пошел мокрый мелкий снег; дорога разгрязнилась. Липкая грязь висела гирями на ногах, облепляла колеса, лошадям очень тяжело. Только после привала, на половине остального пути, снег остановился, но небольшой северный ветер заохолодил. Сыро, холодно. Некоторые лошади едва вытягивали. Горные снаряды, не доходя 5 верст, пришлось перегрузить на вызванные обывательские подводы. Наши лошади стали. Автомобили стали у Васильевки на $\frac{1}{3}$ пути, не говоря уже о намеченном двойном переходе, когда-то присоединятся. Прямо несчастье...

Прибыли головой колонны в Софиевку в 19 часов. Это даже хорошо. Легенда о Николае Николаевиче в массе народа (движение его на Екатеринослав и Николаев). Вывод — симптоматичность (борьба за освобождение под вождием Великого Князя!). Устал сильно. Лошадь слабая, много шел пешком по ужасной размокшей почве. Да и ехать шагом все время не сладко.

21 марта

Ночью будили два раза: один раз Гаевский¹⁹² жаловался, что не может идти, — я ответил, что идти нужно, пусть больше шагом да в поводу, да облегчит обоз перекладкой на обывательские повозки. Второй раз прибыл офицер из автоколонны — просят двухдневную остановку там, где стали; для чистки машин. Осталось согласиться. Чистое горе с этими автомобилями.

Несколько раз просыпался, ворочался. Плохо спалось на подушках, посланных на кровать. Сегодня угорел насмерть один доброволец-солдат интенданта, другой болен от угара, угорели сильно Войналович и Понкин¹⁹³ — так хорошо натопили. В связи с усталостью конного состава, плохой дорогой, остановкой автомобилей — решил перейти пока в Новый Буг, а не делать сразу 50 верст — рискованно. Еще одна вынужденная потеря дня. Бологовской и Кудряшев¹⁹⁴ едут к Корнилову.

Выступил в 10. Погода как будто разгулялась, но грязища была невылазная. В Новом Буге местный комитет последние дни перекрасился и ведет борьбу с грабителями, организовав вооруженную охрану из 50 человек. Два дня перед тем трех расстреляли; во главе стоит прапорщик, учитель, еще недавно, когда проходили большевики, — настоящий большевик; такое уж время цвета *changeant*, нас, собственно, это мало касается, и раз что комитет не косится на нас, а наоборот, по тем или иным соображениям идет параллельно, решили его оставить в силе и даже поможем, пока здесь — шире ликвидировать преступные элементы. Свою часть местечка охраняем сами, а в остальной оставили их охрану и патрулирование, сохранив им оружие.

Мы (четверо) остановились у дьякона на площади, штаб у священника. Местечко невероятно грязное. Много учебных

заведений: женская гимназия, шестиклассная мужская прогимназия, учительская семинария и еще какая-то школа, но в общем удивительно убогое впечатление местной интеллигенции — учителей, священников, чиновничества, убогая, вся погрязшая в тине жизненных будней... да еще под знаком вечного страха перед насилиями.

Ввиду мирного настроения местечка, решил использовать его кузницы и вместо двухдневной остановки во Владимировке один день задержаться в Новом Буге — разведчики же все равно едут отсюда... В разведку на Берислав поедут прапорщички Бесполов и Дмитриев.

Погода обманула, часов с 4 начало мелко моросить, и так почти всю ночь шел мелкий и упорный дождь — что будет с автомобилями. Ведь так если еще два-три дня, придется их бросить — я не могу их ждать, и так уже сколько времени потеряно; между тем бросить сейчас жаль, а уйдешь еще дальше, оставив их дожидаться лучшей дороги и погоды, пожалуй, и команду их потеряешь — прямо драма. Переговоры по радио не наладились, от них утром начали принимать, а передать не могли: оказалась наша повозочная станция испорченной умышленно (как может испортить только специалист) бежавшим еще в Кишиневе добровольцем-слухачом...

Поставили польскую, свою будем исправлять, а пока остались без разговоров. Все это мучает, злит и нервит. С проклятой дорогой и разведчикам не удалось отправиться сегодня: выслал я их немного поздно, и они, задержанные грязью, застигнуты были темнотой верстах в десяти от местечка. Под дождем мрак был полный, дороги не видно, вернулись назад — выйдут завтра с рассветом.

Спали в гостиной на полу — мне попался тонкий войлочный тюфячок. Только Неводовский спал на диване — была его очередь. Однако выспались прекрасно.

22 марта, м. Новый Буг

Утром прибыл в 10 часов штабс-капитан, начальник одного из летучих партизанских отрядов — их 7 офицеров, совместно с хуторянами одного из хуторов севернее деревни

Малеевки, сорганизовались и вели борьбу с бандами; вчера сделали налет на Малеевку (11 человек с чучелом пулемета!), сплошь большевистскую, захватили их пулемет и ударили благополучно; малеевцы собираются их бить, и они, укрепившись на хуторе, просят помощи — обезоружить Малеевку; это почти нам по дороге — послал отряд: 3-ю роту, конно-горный взвод и 2-й эскадрон, все под командой Неводовского. Обещают, что часть офицеров поступят к нам добровольцами. Отряд выступил только в 3 часа. Войналович оттянул отдачу приказа, не сочувствуя экспедиции! А предполагали выступить в 12.30. Вскоре прибыли 2 раненых офицера Ширванского полка, помещены в больницу. Они с командиром полка и несколькими солдатами со знаменем пробирались на Кавказ; в районе Александрово (Долгоруково) банда красногвардейцев и крестьяне арестовали их, избили, глумились всячески, издевались, четырех убили, повываливали им глаза, двух ранили, ведя на расстрел, да они еще с двумя удрали и скрылись во Владимировке, где крестьяне совершенно иные, но сами терроризированы долгоруковцами и фонтанцами; еще человека 4—5 скрылись в разных местах. Из Владимировки фельдшер привел их сюда в больницу, так как там фонтанцы и долгоруковцы требовали выдать их на убой. Внутри все заныло от желаний мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы, и столбы на месте кары с надписями за что; потом немного улеглось, постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: «Два ока за око!» Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступить, чтобы прийти днем на место и тогда же успеть соорудить карательную экспедицию.

Присоединились 4 офицера, догонявшие нас из Кишинева — энергия, — шли все время упорно; позади нас остался страх — эти 4 офицера по дороге вооружились, отняв у жителей оружие, поколачивали советы, конфисковали двое рожок и одну стереотрубу...

В 15.30 донесение об эшелоне, прибывшем на станцию Новый Буг, захватили одного нашего солдата, приняв, очевид-

но, за большевика, но он успел удрать — вслед стреляли; высадились (человек 300 и 4 пулемета), прикрылись цепью, но вскоре уехали дальше на север; спрашивали про нас — послали разъезды узнать подробнее. Приказал на всякий случай быть готовыми к внезапному выступлению.

Связь радио долго не налаживалась; наконец связались, слава Богу... От них только нет еще донесения.

В 19 часов прибыли с нашим разъездом со станции 2 австрийских офицера, только что прибывших из Николаева, два наших остались у них заложниками. Осведомлялись, что мы, кто такие, как по отношению к ним держимся — дал разъяснения: предполагаем через Александровск на Москву, боремся с большевиками. Они хотели, чтобы кто-нибудь из нас ехал с ними в Николаев для переговоров; сказал — зачем, я все объяснил; они — «Мы не можем сами решать, не знаем, как наше начальство, может не захотят вас пропустить». Наглость извела, пришлось, однако, сдерживаться, пытался различными переговорами уклониться — наконец решили переговорить с Николаевом по телефону, потребовали, чтобы кто-нибудь отправился с ними к телефону. Вызвался Войналович и уехал, а я приказал выступать в час ночи, хотя и говорил австриякам, что еще постою дня 2—3. Со времени первого донесения душа не на месте, не верю этим швабам, надо поскорее уходить: дорогу эту занимают, Херсон заняли, Кривой Рог в руках немцев — все это очень не улыбается, и не ошибка ли моя дневка здесь; да и вообще идем очень, очень медленно. Дал радио авточасти, очертил обстановку и приказал скорее присоединяться, хотя бы и бросить автомобили, если нельзя с ними. В 23 с четвертью вернулся Войналович; с Николаевом не говорили, где-то перерывают большевики телефон, говорили только с эшелоном, ушедшим на север; австрийцы трясутся — кажется, им в тылу испортили путь, вся группа, человек 50 (из них и были парламентареры), собирается завтра возвращаться, но доедут ли до Николаева — не уверены. Спрашивали направление нашего движения на случай возможных встреч с их войсками, чтобы не было столкновений неожиданных; сказал — на Александровск. Войналович отговаривал от ночного марша, уверял — нет надобности, артиллеристы тоже стонали,

отменил, оставил прежнее 6-часовое, но очень неприятно менять приказание, с другой стороны, ночной марш в такую грязь, в темень (без луны), при громадном обозе очень нелегко. Что же, рискну, пожалуй, не будет зла...

23 марта, Владимировка

С вытягиванием колонны из-за грязи опять задержались и прошли восточную окраину Нового Буга только без десяти семь, небольшой ветер, солнце пригревало. Три большие деревни совсем не занесены на карту, много новых хуторов. К полудню погода совсем разгулялась, солнце сильно грело, небо синее. Дорога на глазах подсыхала — от Долгой Могилы было почти совсем сухо...

Голова колонны прибыла во Владимировку в 5 часов. Конница — первый эскадрон, прибывшая много раньше, получив на месте подробные указания от жителей о том, что творится в Долгоруковке и что какие-то вооруженные идут оттуда на Владимировку, — двинулась сразу туда с горным взводом под общей командой Войналовича. Окружив деревню, поставив на позицию горный взвод и отрезав пулеметом переправу, — дали две-три очереди из пулеметов по деревне, где все мгновенно попряталось, тогда один конный взвод мгновенно ворвался в деревню, нарвался на большевистский комитет, изрубил его, потом потребовали выдачи убийц и главных виновников в истязаниях четырех ширванцев (по точным уже сведениям, 2 офицера, один солдат-ширванец, писарь и один солдат, приставший к ним по дороге и тоже с ними пробиравшийся). Наш налет был так неожидан и быстр, что ни один виновник не скрылся... Были выданы и тут же немедленно расстреляны; проводниками и опознавателями служили два спасшихся и спрятанных владимировцами ширванских офицера. После казни пожгли дома виновных, перепороли жестоко всех мужчин моложе 45 лет, причем их пороли старики; в этой деревне до того озверелый народ, что когда вели этих офицеров, то даже красногвардейцы не хотели их расстреливать, а этого требовали крестьяне и женщины... и даже дети... Характерно, что некоторые женщины хотели спасти своих

родственников от порки ценою своего собственного тела, — оригинальные нравы. Затем жителям было приказано свезти даром весь лучший скот, свиней, птицу, фураж и хлеб на весь отряд, забраны все лучшие лошади; все это свозили к нам до ночи... «Око за око»... Сплошной вой стоял в деревне. Уже экзекуция была кончена, когда донесли, что 8 красногвардейцев с повозкой едут в деревню с востока — те, очевидно, не знали, что здесь творится, они были немедленно атакованы нашими кавалеристами, которые бросились с шашками на стрелявших в них даже в упор красногвардейцев: 6 человек легли, одного привезли раненого, а один, предводитель, казак, удрал — сидел на чудной кровной лошади; за ним гнался Колзаков¹⁹⁵, тоже на отличной лошади, но догнать не смог. Всего истреблено было 24 человека.

Около 8 прибыл отряд Неводовского. С 22-го на 23-е он ночевал на хуторе партизан, что верстах в шести севернее Малеевки. Хуторяне встретили их хлебом-солью, называли своими спасителями, накормили всех прекрасно, лошадям дали фуража до отвала и ни за что не захотели взять ни копейки. 23-го с утра двинулись, сразу оцепили деревню Малеевку конницей; помешали попытке ударить, поставили орудия и пулеметы на позицию и послали им ультиматум в двухчасовой срок сдать все оружие, пригрозив открыть огонь химическими снарядами, удавив газами всю деревню (кстати, ни одного химического снаряда у нас нет). В срок все было выполнено, оружие было отобрано, взяты казенные лошади; найдены списки записывавшихся в красную гвардию — кажется, человек 30, — эти доблестные красногвардейцы после записи, получив деньги и прослужив с недельку, дружно все убежали домой; этих горе-красногвардейцев всех крепко перепороли шомполами по принципу унтер-офицерской вдовы. Вой столбом стоял — все клялись больше никогда не записываться. Кормился отряд как хотел от жителей даром — в карательных целях за приверженность к большевизму.

Об автомобилях ни слуху — искровая не получает никакого ответа; злюсь и волнуясь.

Выставлено охранение, выслана разведка, подчеркнута бдительность — все наготове. Мы находимся уже полностью в

полосе военных действий, среди более или менее крупных банд...

Главная масса владимирцев нас приветствовала. Мы обещали им помочь начавшейся у них создаваться самообороне, которой усиленно грозили долгоруковцы, с коими совместно настроены были не мало жителей северо-восточной окраины Владимировки. Вместо уже распавшегося, еще раньше прихода нашего, большевистского комитета вступило во власть прежнее волостное, земское правление. Жителям приказано сдать все оружие, которое потом будет роздано самообороне.

Завтра в 8 часов приказано выслать карательную экспедицию в Фонтан в составе эскадрона с пулеметом и двух легких пушек с конными номерами, без зарядных ящиков.

24 марта, Владимировка

Сегодня прекрасно выспался на диване, проснулся только около 9, спал как убитый. Экспедиция из-за непередаваемых своевременно приказаний не выступила, и пришлось вторично делать распоряжения — пойдет в 1.30 второй эскадрон с двумя легкими по-конному орудиями под общей командой ротмистра Двойченко¹⁹⁶.

Утром об автомобилях опять от искровой ничего — что это, вышли, что ли? Но почему не донесли об уходе?

В 14 часов состоялась панихида по четырем убитым офицерам и солдатам на их могиле, было много жителей. Заметили, между прочим, одного старика, который почти всю панихиду плакал.

Послал на телеграф, переговорил с Новым Бугом, нет ли там наших автомобилей; в три часа оказалось: часть прибыла, переговорами с Ковалевским по аппарату выяснилась грустная картина: дошел только пулеметный броневик и легкой Деягэ, остальные брошены из-за грязи на дороге в поле, верстах в тридцати западнее Нового Буга; сколько испортилось машин — еще неизвестно; цистерна брошена, причем бензин вылит; все освободившиеся люди со снятым имуществом и оружием едут на подводах. Во всяком случае, вопрос уже непоправим; приказал немедленно ехать на присо-

единение — это было в 15 с половиной часов — через полчаса обещали выступить. В 19 часов вернулась экспедиция Двойченко; нашли только одного главного участника убийств — расстреляли, остальные бежали; сожгли их дома, забрали фураж, живность и т. п. Оттуда заехали в Долгоруковку — отряд был встречен хлебом-солью, на всех домах белые флаги, полная и абсолютная покорность всюду; вообще, когда приходишь, кланяются, честь отдают, хотя никто этого не требует, высокоблагородиями и сиятельствами величают. Как люди в страхе гадки, нуль достоинства, нуль порядочности, действительно сволочной, одного презрения достойный народ: наглый, безжалостный, полный издевательств против беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобы, а перед сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный....

А в общем, страшная вещь гражданская война: какое озвечение вносит в нравы, какое смертельною злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения... Что требовать от Туркула¹⁹⁷, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшева, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких?..

По полученным от жителей сведениям, на нашем пути кое-где бродят шайки; есть одна, кажется, и в Новопавловке; главная масса их, вытесняемая австро-германцами от Апостолова, как будто идет вниз вдоль Днепра; это странно — почему не на Александровск; во всяком случае, для нас это не на руку...

Получилось (с заставы у Матрено-Васильевки) донесение со слов одного из приехавших крестьян, что где-то на станции, название которой не могли найти на карте, по-видимому ли-

нии Херсон—Апостолов, верстах в 25 от нас высадились матросы и красногвардейцы. Донесение так сумбурно, что приказал привести этого крестьянина, чтобы его тут допросить, а в общем, все это, конечно, пустяки.

23 часа, а ни автомобиля, ни команды на подводах еще нет; когда-то они придут — ведь не хочется их бросать в этой обстановке, а тут завтра нужно в 8 выступить.

25 марта, Владимировка

Около 7 прибыли офицеры от авто с донесением (ночевали в 10 верстах западнее нас в деревне), что не хватило бензина, чтобы выслали, они же сообщили о бое с красногвардейцами в Воссиятском.

Убит поручик Осадчий, еще один радиотелеграфный офицер ранен и два офицера из автоколонны тоже ранены с раздроблением кости на ногах; один — легко; положение раненых тяжелое — вести двух опасно, оставить — не менее опасно. Бензин послал. Раненых приказал вести сюда — их возили на легковом, приспособив его. Вместе с ними в этой же деревне, кажется Христофановка, ночевал и Жебрак и хотел бы присоединиться. Как ни тяжело опоздать еще на день, все же, опасаясь бросить автоколонну, которая, конечно, скоро прибыть не могла из-за раненых, а главное желая подобрать Жебрака, — решил простоять еще день. К Жебраку поехал начальник штаба для переговоров, чтобы уладить соединение на приемлемых для нас условиях.

Часов около 11 вернулся Войналович. Раненых на легковом авто отвезли в Новый Буг (вести дальше было нельзя). Рассчитывая, что там будут австрийцы, автомобилисты приедут туда часов в 12—13, Жебрак придет завтра в Давыдов Брод, так как сегодня нужен отдых — он сделал прошлый переход около 70 верст. Все это еще ничего, жаль — мало бензина. Беспокоюсь за раненых, как бы не было чего по дороге или в Новом Буге, если туда замешкают прийти австрийцы.

В 15 часов собирал начальствующих лиц (с отделенного и выше) — говорил о самоуправстве, избиениях, насилиях, караулах арестованных, обращении с солдатами, пьянстве, не-

брежности служебной и неисполнительности, требовал подна-
лечь — не знаю, что из этого выйдет; самоуправства вызывают
даже у части офицеров недовольство.

Учения у орудий; пулемётная стрельба, наблюдательный
артиллерийский пункт на колокольне, непрерывное наблюдение,
телефонная связь, орудия на позиции. Чудная солнечная
погода.

Часов в 13 прибыли броневик и автомобилисты на подво-
дах; назначил Лесли разбор происшедшего, а в 18 часов раз-
бивку оставшихся за флагом автомобилистов. Часов в 17 при-
ехал Жебрак представляться, немного поговорили о разных
делах, составе, имуществе; выступит завтра на час раньше и
должен прибыть во Владимировку, пожалуй, в хвост колон-
ны — будет арьергардом.

Разбивка затянулась, уже стемнело, был 19-й и 20-й час; офи-
церов распределил; уже сильно начал беспокоиться за раненых,
когда узнал, что вернулся автомобиль, довезя до Нового Буга, —
австрийцев нет, по телефону просили оказать помощь верст на
30—40 севернее; через полчаса прислали паровоз с санитарным
вагоном, доктором, забрали троих, прихватили двух ширванцев,
увезли для сдачи в госпиталь; были страшно любезны — безус-
ловно по-рыцарски; на душе отлегло, а то грызла тоска, вдруг
случилось, что ни помочь, ни отомстить нет времени, дело до-
роже; а теперь, слава Богу, отлегло — спокоен за участь испол-
нивших долг.

Бой у Воссиятского — растерянность части, перешедшей
гать. Не нашлось человека управлять и успокоить; потому и
бросили в панике 2-й броневик, да и цистерну нечего было
бросать. По докладу автоколонны броневики между прочим
шли по $\frac{1}{2}$ версты—1 версте в час из-за грязи, а между
тем уже три сухих дня! (Подробности события — часов в
14 закончили переход и до 17 ждали броневиков и отхода, а
в 17 начался огонь и т. д.)

Фураж почти весь за счет покоренных деревень, мясо пол-
ностью за их счет.

Мы отлично живем у купца — кормят до отвала, чудное
масло, дивные коржики, мед, хорошее помещение — живи —
не умирай... Часов в 21—22 донесение с заставы (со слов

бежавших помещиков и хуторян), что в Долгоруковой собралась тысяча красногвардейцев, — явный вздор в связи с наблюдением с колокольни, движением разезда днем до Михайловки, пригона оттуда крестьянами к вечеру гурта награбленного скота голов 100. Откуда возьмется вдруг 1000 красногвардейцев! А в местной самообороне, которой кто-то из доносивших сдуру, по дороге, рассказал, паника. На случай появления шаек, конечно, предупреждены — усилена бдительность, а затем — милости просим. Самооборону постарался успокоить. Более верные сведения — что от Николо-Козельска какие-то банды двинулись к немецким дозорам, чтобы преградить нам дорогу; вообще банды везде, грабят хуторян. Странно, говорят, что немцы заняли с боя Апостолово, а Кривой Рог и Николо-Козельск оставляют.

Утром прибыл Беспалов из Большой Каховки; в Бериславе и Большой Каховке банды по несколько сот, в последней их штаб — кажется, отряд Маруськи. Мост есть, охраняется; один офицер остался следить, условившись с Беспаловым о встрече. Наружность Беспалова — одно упоение, типичный красногвардеец; пока разведчики очень хорошо работают.

Пароходов и больших барок и т. п. нет — большевики угнали на север; есть опасность, как бы не заняли Берислав немцы от Херсона. Вообще, главная трудность — не развели бы и не разрушили мост. Думаю, как организовать неожиданный захват переправы. Вот альфа и омега, а сопротивление вздор.

26 марта

Растерянность местной охраны перед нашим уходом под угрозами хулиганов, грозящих приходом большевиков, мнение о необходимости наиболее обеспеченным бежать. Успокаиваем, ободряем, но уж очень трусливы. Жалкий народ, не понимает своей силы.

Выступили в 8 часов. Солнечная погода. Небо чистое, синее. Юго-восточный ветерок. Мираж весь путь, идешь точно среди озер — всюду вода на горизонте. Шли частью рысью легко, без растяжек. Легкая дорога, а главное, сказывалась привычка. Большой привал в Новопавловке до половины тре-

тьего. В ней много пьяных — сказалась продажа водки из казенного завода в Давыдовом Броде. Прибыли в Давыдов Брод головой колонны в начале 18-го часа. Продажа спирта и водки сразу запрещена, по прибытии наряжен караул из непьющих. Не знаю, выйдет ли что, так как в каждом доме полно водки — начальствующих на всякий случай набодрил. Отряд Жебрака, шедший в часе расстояния, встретил нас своей чахоточной музыкой, егерским маршем — проходили со своим распущенным Андреевским знаменем.

Опять встретились, вернее, разминулись с австрийцами, которые небольшим отрядом — ротой с четырьмя пулеметами — двигались вдоль железной дороги от Херсона на северо-восток, занимая путь. Прошел незадолго до появления нашего конного отряда.

Мысль о переправе грызет. Какое тяжелое дело. Все эти большевики, все их окопы и пулеметы на той стороне. Пушек у них нет, а если бы и были, все это не стоит ничего. Дали бы красивый бой и легко перешли бы, но у них есть машинка Румкорфа, и простой поворот ручки одного нерастерявшегося человека может поставить нас в очень тяжелое положение и свести почти на нет всю громадную организационную работу, все труды, убить все надежды. Конечно, перейдем во всяком случае, но какою ценою — быть может всей артиллерии и прочей материальной части.

Легко понять мое состояние духа и всю работу мозга, в поисках успеха.

В приказе на завтра дал фальшивое направление через деревню Дунино с указанием переправы у м. Меловое — все равно офицеры не сумеют сдержать язык за зубами — авось их разговоры принесут пользу...

27 марта

Выступили в 8 часов. Ясный солнечный ветреный день. По дороге ни одной деревни, зато часто отдельные хутора, особенно ближе к Бериславу. Около 5 часов вечера подошли к месту, предположенному для ночлега — наметил разброску отряда по отдельным хуторам в глубину верст на 6. Это при предпо-

доженном ночном выступлении! Никто из штаба не встретил. Рысью выехал на поиски и не без труда нашел, а один из квартирьеров сообщил, что, по полученным сведениям, Берислав уже занят австрийцами, которых 500—400 человек с четырьмя пулеметами без артиллерии. Ожидают еще подкреплений и артиллерии, что мост в их руках, что Каховка и левый берег Конки занят большевиками, копающими окопы. Имеют артиллерию, стреляя по Бериславу. Решил не останавливаться, а немедленно двигаться, так как обстановка такова, что либо сейчас пройти, пока наша помощь нужна австрийцам и нападение для большевиков опасно, либо обречь на гибель все дело, если, получив подкрепление и артиллерию, сами завладеют, заградят дорогу. Переправы для грузов вблизи нигде нет. Конная артиллерия и конница уже стояли на квартирах. Приказал готовиться. Переговорил с Войналовичем — решил, что он с Жебраком поедет к австрийцам, скажет — идем домой бороться с большевиками, а овладевая переправой через Конку, просим остаться в стороне, потом сдадим переправу им. Сказал объяснить им, кто мы, что переправиться должны. Войналович уехал. В 18.30 ушла конная колонна и броневик. В 18.45 двинулась и вся прочая колонна; за это время она перестроилась, выделив вперед только стрелковые и пулеметную роты с патронными повозками (по одной на роту), за ними телефон и санитары, другая пулеметная рота и вся артиллерия. Вся же колонна обозов шла сзади под прикрытием службы связи и отряда Жебрака, выделившего в конный отряд взвод человек в 30, наиболее знакомых с переправным делом. Вскоре после начала движения, через $1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа, начали слышаться редкие орудийные выстрелы, а в темноте ярко сверкали необычайно высокие разрывы шрапнели.

В половине 8-го вернулся Войналович (с ним один германский унтер-офицер). Оказывается часа два назад побыл еще батальон немцев 21-го полка пешком из Херсона. Сильно устали. Роты слабые, но дисциплина хорошая. Немецкий майор очень интересовался, кто мы; условились, что мы займем участок правее их цепей, поставим артиллерию, а с рассветом начнем наступление. Мы настаивали иметь только свои части, но ночью трудно им было продвигаться, и они оставили одну свою роту.

Странное впечатление оставляло положение и переговоры — три стороны, три врага. Каждая сторона враждебно остальным двум, но случайным ходом обстоятельств вынуждена бороться совместно. Все время строил свое развертывание с учетом противодействовать измене; они также что-то очень пытаются иметь расположение, удобное для обороны против нас. Ввиду всего этого всех оставил ночевать на подводах вблизи окраины города Берислава, поротно, в две линии, 200 на 200 шагов, все наготове, все предупреждены против измены. Артиллерия ночью заняла позицию. Около 10 начали становиться на ночлег. Обоз верстах в двух от города вагенбургом, мы в домике на кладбище вповалку на полу, даже без соломы, со штабом полка; Войналович с двумя офицерами вблизи моста в каменном доме, там же артиллерийский наблюдательный пункт. Холодно, костры. Лошади почти не ели и не пили, люди тоже голодные. Артиллерия — горная, мортирная и легкий взвод на возвышенном берегу против моста, а один легкий взвод за серединой города — специально для артиллерии большевиков, отсюда, очевидно, лучше видно. Конница в домах по окраине.

Вперед должны были идти 1-я и 2-я роты, пулеметный взвод Максима, оба эскадрона и взвод Жебрака, все под командой Войналовича, все время рвавшегося вперед. Остальные оставались обеспечивать нас от немцев. Лег в час, сделав все распоряжения. Вечером изредка ружейная стрельба.

28 марта, Любимовка

В начале пятого утра роты полковника Войналовича начали в пешем строю, конница в поводу переходить мост. С утра обменялись с немцами офицерами для связи. Рассветает. Два одиночных выстрела. Артиллерия наготове. Просит броневик — двинули на мост, сам-то мост вынес бы, да доски гнилые, грозят провалиться в любую минуту — решил вернуть, хорошо, что броневик выехал только на начало моста. Придется перевозить на пароме — поручил это руководство Жебраку. В это время, в 6.30, получил от Войналовича достаточно неясное донесение, что ему нужно выслать впе-

ред броневую машину и горную артиллерию для поддержки штурма и что противоположный берег реки Конки «занят». Кем? Судя по содержанию записки — большевиками. Приказал было открыть огонь артиллерии по противоположному берегу (не высылая горную, ибо что ей делать в низине между Днепром и Конкой), когда из расспросов посланного выяснилось, что берег занят нами и горная артиллерия нужна для преследования. Через десять минут получено донесение о занятии нами Каховки. Оказалось, большевики ушли еще ночью. Перед нами оставалось несколько прозевавших. Сейчас же было двинуто на тот берег все: легкая батарея и мортирный взвод, 3-й и остальные взводы пулеметной роты, команды связи и обоз с их прикрытием; обозы двигались довольно медленно к мосту. Прощальный разговор с майором Науманом, зашедшим в мой штаб у наблюдательного пункта. Просил передать благодарность в Новый Буг за наших раненых и о приеме будущих. Броневи́к опоздал; за мостом шагов 300 занесло песком мостовую дамбы на добрую четверть, если не больше; идти не мог — попросили австрийцев, пришел капитан и человек 30—40 австрийских саперов, принесли доски и, подкладывая их постепенно под колеса, перетянули броневик через песок по доскам (шел эти сто сажен не меньше часу), попав, наконец, на камни, весело и бодро побежал. Уставшие, недокормленные и недопоенные лошади тоже с трудом протаскивали обоз через песчаный занос. В Каховке почти вся масса населения встретила нас с восторгом и благословением, как избавителей — крепко насолили им большевики, взяли с них 500 000 рублей контрибуции, отобрали лошадей, платье, белье, съестное и т. п. Навезли нам подводы с хлебом в подарок, приготовили обед начальникам (уклонились, некогда было), все, что желали, было к услугам и добывалось точно из-под земли. Всячески выражались радушие и радость. Проходили город стройными рядами (пехота) с песнями. Много пристало сразу добровольцев, преимущественно учащихся старших классов (гимназистов, семинаристов), были и юнкера, офицеры, чиновники и т. п., всего человек 40. Только часам к 14 дошли головные колонны к Любимовке. Первоначально хотел оста-

новиться в Каховке (имея в виду простоять два дня), но там решили стать немцы, отцепился от них.

Эпизод с конным отрядом — захват большевиками пяти человек из разъезда, двое пробилсь, а трое в плену. Прорвавшийся доложил, что пленные разоружены; их намерены расстрелять. Заступничество одного красногвардейца, хотя и бесполезное, выиграло время. Послал эскадрон, наших освободили, 15 большевиков изрубили в конной атаке, остальные рассеялись. Это был 1-й Партизанский Приднепровский отряд. Взяли его красный флаг с надписью: «Смерть буржуям». Хорошее красное сукно, пошло на чакчиры одному из офицеров. При занятии противоположного берега прикончили одного заспавшегося красногвардейца, в городе добились 15 вооруженных, замешкавшихся или проспавших, да по мелочам и в Любимовке — всего им обошелся этот день человек в 32—35.

В Каховке много легких снарядов — не на чем вывезти, нет подвод, позабрали большевики, поужезжали беженцы, собирать долго, выставили караулы против захвата немцами.

По прибытии в Любимовку узнал, что у агентов Продовольственной Управы большевистского правительства находится не менее 830 тысяч рублей деньгами и свыше 400 тысяч рублей вкладами (чековые книги). Деньги крайне необходимы. Решил задержаться. Назначил комиссию (Семенов, Неводовский, Жебррак, Войналович, интендант, Гаевский) выяснить, откуда деньги, и наметить дальнейшее их применение.

Масса фуража Продовольственной Управы, дают даром, приказал кормить сколько съедят. Каховка — местечко, почти город. Есть недурные лавки, мощные улицы, электрическое освещение, лучше Берислава — города. По приезде, часов в 16, узнаю о запрете вывоза снарядов — довольно нахально немецкого фендрика, сказавшего: «Отсюда ничего не будет вывезено». Решил идти немедленно к майору Науману. Довольно долго ждал переводчика. Выехал — темнело, фонари неисправны. У моста оставил автомобиль. Сам пешком до занятого немцами дома. Там оказался командир роты. Дал мне провожатого солдата связи, который не знал майора. После долгих опросов патрулей и блужданий добрались на противоположный конец города. Сказал майору Науману: «Когда во-

шли в город — конница захватила снаряды, поставили караул, послали за подводами, нагрузились, но явился немецкий караул и запретил. Я не претендую на все. Снаряды захватили мы». Майор сразу согласился — пожалуйста, берите все. «Все не нужны, только то, что на подводах». Договорились на 500 штук. Попросил записку, чтобы не мешал караул. Он сейчас же написал. Мое возвращение сопровождалось следующим эпизодом: исчез шофер с карабином; шинель — на месте. Совет австрийцев, охранявших мост, ночевать здесь. Видели близко большевистские патрули. Решил, конечно, ехать. Кричали, давали сигналы. Наконец шофер прибыл: оказалось, заждался, пошел сам нас искать. Темно, швыряло, влезли на косогоры. Часовые австрийцы останавливали всюду.

Очень красивая картина. Каховка вся в электрических огнях. В Каховке уже нашего караула не застал, сняли и подводы разгрузили, охранял уже только немецкий караул.

До Любимовки та же картина ночной езды; въезд в деревню в темноте не нашли, не туда попали, ездили по улицам, все спит, спросить некого; вдоволь наколесив, наконец нашли. Было уже половина первого. Поужинал, лег спать.

Любимовка — большая деревня, две школы, много хороших изб. В Каховке достали пудов пять бензина, смазочные масла, керосин, коломазь.

Ночью и с утра значительный ветер, особенно усилившийся днем, — весь переход от переправы до Любимовки в тучах песчаной пыли, почти песчаная буря. Пыль в глазах, в ушах, за воротником, в карманах — отвратительно.

И все же день великого торжества, день удач: перейден Днепр, переход которого еще накануне был таким спорным. Дальше — немало трудов и опасности, но много зависит от нас самих, а здесь — многое от обстоятельств.

Великий шаг сделан.

29 марта, Любимовка

В 13 часов смотрел добровольцев каховских, явились еще не все: есть еще мальчишки лет по 15, преимущественно в артиллерии, в пехоте же все основательная публика. Но горе —

почти нет запасных шинелей; в Каховке захватили их немного, штук 15 у большевиков, да есть у Жебрака, а здесь целый день бегали, даже похожего материала не нашли. Зато нашли довольно много рубашечного защитного материала и заказали спешно шить; что не успеем, увезем кроеное и в материале; поскорее бы одеть в солдатское. Ощущается недостаток белья.

В 14 часов ездил на автомобиле в Каховку с Неводовским и Дроном¹⁹⁸; побрился, купили булочек в недурной кондитерской, препаршивый обед в клубе, но зато было безалкогольное пиво и сносное красное вино Трубецкого; интендант рыскает по городу, добыл много смазочного масла для оружия, керосину, пакли, тавот для автомобилей, можно теперь держать оружие в порядке все время.

В 16 часов при штабе комиссия насчет денег. Выяснена полная невозможность закупок и вывоза из Малороссии хлеба на север из-за германского соглашения с Радой; деньги решили временно взять, вернуть, если найдут нужным, а нам это жизнь — заплатим жалованье за апрель, а на еду хватит еще месяца на три. Уполномоченным шибко не хотелось расставаться с деньгами, да нам они очень необходимы.

В городе жители рассказывали о двух красногвардейцах Приднепровского партизанского отряда (разгромленного нашей конницей вчера) — они, очевидно, раньше отбились, не зная об участии своих, о занятии нами Каховки — явились искать свой штаб, расспрашивая жителей, не находя его на прежнем месте. Проходящие офицеры увидели эту картину, арестовали их в полном вооружении, по дороге с ними покончили (так до отряда и не добрались). Здорово насолили кругом большевики, все время приезжают хуторяне и крестьяне окрестностей даже верст из-за 40 с севера и юга, ища защиты, но что делать — наши лошади измучены, нужны целые экспедиции, а ехать дальше 20 верст — не в состоянии, не наша задача, нельзя задерживать свой путь частными, хотя бы и очень человеколюбивыми задачами. Интересно отметить, по рассказам жителей, тот панический страх, который мы внушаем большевикам, — жалуются, что их бьют, как зайцев. Довольно смело сопротивлялись немцам; но в ночь на 28-е, когда узнали о нашем прибытии, у них была

паника и решили немедленно бежать. Немцы еще пощадят, а от нас нет пощады. Вчера приходили жители — отцы добровольцев, многие старались отговорить, иные же не препятствовали. Один сам привел своих двух сыновей: «Я служил, пусть и они послужат патриотическому делу».

Богатый край, всего сколько угодно, нет только сахара. Хлеб все время белый или полубелый. Чуть не весь отряд перешел на рыбный стол. Вчера чудных рыб прислали и нам замостцы.

Решил учредить форменный суд — подал мысль Жебрак и дал законное основание. Необходима покрепче узда для наших буйных. Помяло двух мортирщиков телегой. Одному сломало руку. Дано пособие, эвакуирован в Берислав.

30 марта, Любимовка

В 11 был назначен парад, но конница заболталась между улицами, и парад построился только в 11.40. 2-я рота, оба эскадрона, взвод конно-горный; знамя 2-го полка Балтийской дивизии — Андреевский флаг¹⁹⁹ красиво развевался на ветру.

Раздал два Георгиевских креста и шесть медалей за дела с большевиками. После маленький церемониал.

В 3 собралась опять комиссия о деньгах; написала протокол, выдала на ликвидацию 220 тысяч рублей наличными и 400 тысяч рублей по текущему счету. Себе взяли 600 тысяч рублей. Протокол подписали, обменялись расписками и разошлись.

Было несколько самочинных арестов, большинство отпущено — следующий раз буду отдавать под суд. Приказал предупредить последний раз в приказе. При отводе к нам один из евреев бежал и был пристрелен. Самоуправство, но все данные, что это великий мерзавец, однако все евреи за него горой. Все они теперь невинные. Свидетельские показания неевреев и двух из пострадавших были убийственны. В конце концов ему поделом, но офицеров от таких самоуправств придется отучить.

К немцам в Берислав пришли пополнения, примерно батальон, артиллерия, много пулеметов. Как будто стали и к нам не столь благосклонны.

Пора, пора уходить...

Завтра в 7. Передал, чтобы рассказывали, что идем на Каиры.

Велись занятия; пулеметная стрельба.

31 марта

Выступили в 7.30 — во 2-й роте, бывшей в карауле, соседи разобрали подводы, пришлось собирать новые. С утра пасмурно, холодный ветер с востока, но вскоре небо очистилось, а порой солнце сквозь ветер пригревало. Уже тронулись, прошли верст 8, нагоняют на подводах 6 чехов пленных, просят хотя без жалованья. Уходят от австро-германцев. Дважды в пути приезжали хуторяне из разных мест просить помощи против банд и оружия, но у нас у самих уже мало.

Богатый район. Кругом преимущественно хутора, деревнями редки. В хуторах каменные дома, службы прекрасные — черепица, чистота, культура. У одного вынесли, между прочим, продавать бублики — таких два года не ел, в пору Филиппову; местами выносили хлеб, сало, отказывались от денег; угнетение бандами разбойников невероятное.

Узнал — вчера вахмистр 1-го эскадрона познакомился в Каховке с сестрой поступившего к нам там офицера (вдова офицера же). Вечером спьяну женился, а утром даже забыл об этом; невероятно, но факт. В пути выяснилось, что колонии Вознесенская, где предполагался ночлег, уже не существует и ближайшая деревня Торгаевка — пришлось еще сделать верст 9, всего 50—51. Но в общем не трудно, дорога грунтовая, твердая, гладкая без подъемов. Ветер, двигались легко; тяжеловато только лошадям, негде пить, хутора разбросаны — шли без привала, и в Любимовке из-за холодной ночи много лошадей не пило. Верст 8 пехота шла пешком для тренировки. Колонна шла много рысью, всего раза 4 или 5 по 10 минут, прибыли в Торгаевку в 18.30.

Верстах в 9 от Торгаевки при дороге труп. Оказалось, в кавалерии один офицер встретил клеветы Алехина, который раньше его разыскивал и приговорил к смерти. С большевиками покончили, а его товарища, не столь виновного,

крепко выдрали. Вот судьба — сам наскочил, разыскал свою смерть.

В Торгаевке узнаем от бежавших из Нижней Серогозы о бесчинствах местной красной армии, состоявшей из 25 человек, — взяли 11 тысяч общественных денег, терроризировали население (состоящее более чем из 4 тысяч человек!). Очень просили помощи. Послал желающих 20 человек из конницы и пехоты на подводах. На легковом поехал я, Неводовский, интендант и один из проводников-жалобников.

Выехали — уже темно. Время неудачное, нужно было ночью, но и то уже оказалось, что о приходе нашем были предупреждены и бежали. Гнаться незачем. Уже ночь. Просьба местной интеллигенции, преимущественно эвакуированной Рижской гимназии, помочь сомообороне. Выпустил объявление о сдаче оружия, о падении большевистского комитета и вступлении в силу земства.

Заварив кашу, пришлось помогать. Оборона уже сорганизовалась: записалось много гимназистов. Обещал выдать завтра 10 русских винтовок. Был гимназический праздник. Набились в буфет, где шла организация и запись в оборону. Оригинальный колорит — дамские вечерние платья, мужские форменные, учебные и штатские — пиджаки и косоворотки демократов и наши походные формы и оружие. Во 2-м часу ночи все кончили. Выдали в распоряжение директора гимназии оружие и патроны, дали советы и уехали. Под шумок офицеры самочинно выдрали большевистского председателя комитета шомполами; приказали не кричать. Случайно узнал. Удивительно ловка эта молодежь; впрочем, он того стоит.

Сняли телефонные аппараты с Мелитополем, телеграфные электромагниты; предварительно наш пионер разговаривал от имени председателя комитета с заместителем Гольдштейна (начальник Мелитопольской банды).

Оказалось, что у Гольдштейна в деревне Веселое, где их сотни две-три, своего рода штаб. В общем получили известную ориентировку, но ничего очень существенного, боялись расспросами себя выдать.

Отмечаю, когда мы довольно долго задержались в Серогозах — нам прислали еще взвод на подмогу — налажено.

Около 9 приехали из Серогоз за винтовками. Дали 10 трехлинейных с патронами. Раздачи эти очень тяжелы — у нас самих всего штук 150 запасных. Когда колонна ушла, поехал на легковом в Серогозы, проведать, как там самооборона, — оттуда наискосок хорошая дорога на тракт, всего каких-нибудь верст пять кривоку. Сдача оружия продолжалась все время, но вяло, однако с нашими винтовками вооружения почти уже было достаточно. Собирался волостной сход, который должен был дать людей для охраны и наладить порядок. Инертность, трусость и рабство массы поражает... Но есть надежда, что как-нибудь наладится среди учителей и гимназистов — есть хотя неопытные, но энергичные люди; помогут местные офицеры и солдаты — все обойдется.

На перекрестке дороги испортили обе перекрещивающиеся телеграфные линии, чтобы помешать большевикам взаимное осведомление.

1 апреля

Сегодня опять с одного более близкого хуторского поселка (1 верста) прибыли крестьяне с молоком, яйцами, салом, хлебом встречать и приветствовать своих «спасителей». Уплату отказались взять наотрез, извинившись, что мало вынесли, предлагали подождать пока принесут еще. Трудно представить себе все те мучения и издевательства, которые они перенесли, — это был систематический беспощадный грабег имущества, продуктов, денег и полное разорение. Сравнительно недалеко от Калги, на одном из хуторов наткнулись на сбор скота для отправки его в Мелитополь, очередная реквизиция, обоих посланцев — мелитопольцев (один еврей, конечно) — отправили для выяснения их виновности, скот вернули по принадлежности. Счастье было видеть эту радость измученных, обездоленных людей; один начал молиться в уголку. И так весь путь отряда — встречается и провожается благословениями и восторгом одних, проклятиями и ужасом других и тупым безразличием массы; хотя, впрочем, не везде: где сильно поработали грабители, там удовлетворение бывало массовым.

Калга, куда прибыл отряд на ночлег, состоятельная, хорошая деревня, домов в 150, видна зажиточность, и, на редкость, не пострадала от бандитов; пропагандисты-гастролеры не встречали сочувствия, местный комитет оставался неизменным с первого переворота и на редкость: председатель — староста, секретарь — бывший сельский писарь. Почти идиллия. Народ в общем так напуган всяким появлением вооруженных, что и здесь часть поскрывалась, особенно женщины, пока им не разъяснили, что мы не враги. В Калгу опять прибыл ряд хуторян с мольбою о помощи — послали экспедиции, но только на одном фольварке, что у почтовой станции Калга, удалось арестовать для разбора вины, а троих, выскочивших с оружием, ликвидировали на месте. Из остальных мест вся эта рвань разбежалась, но пока не удалось захватить.

Куда завтра идти? Опрос надежных людей выяснил, что из Мелитополя все разъезжается, преимущественно на юг, что между станцией Федоровкой и следующей на север идут на Мелитополь «украинцы» (?) или большевики, мечущиеся, не зная куда; кажется, собираются дать отпор. Из Веселого тоже бегут. Нас меньше ждут южнее Мелитополя, туда надо идти. Опять же мы отрезаем их отход, испортив дорогу.

До Мелитополя в один день все равно трудно, пройдя 53 версты, прийти к вечеру; нас ждут по тракту. Решил идти через колонию Ейгенфельд на Акимовку (тоже осиное гнездо), ликвидировать их там (крюк очень маленький), а 3-го раненько на Мелитополь, чтобы попасть туда первыми (там много бензина). Есть ли там еще большевики — трудно сказать — слухи они распускают, что собираются драться, о своих силах «пугают», а как бегут — не догонишь; полная растерянность. Всех встречных и поперечных зазывают к себе, грозят, что мы всех вообще едущих и идущих расстреливаем, и есть болваны верящие, сами сознавались. Такие времена, такое бесправие и торжество силы.

На Веселую же гораздо больший крюк, к Мелитополю могли бы опоздать.

День тяжелого удара — возвращение Кудряшева (его приключение, арест в Лепетихе, угроза крестьян расстрелять за большевизм) — вести о Доне — Корнилов в районе Кавказ-

ская-Петровск (на Каспии); измена молодых казаков, поражения, расстрелы офицеров. Может, и преувеличено, но суть — едва ли. Эти показания дали два офицера, один из отряда, защищавшего Новочеркасск. Движение японцев; подход поляков к Воронежу. Бологовской поехал дальше. Маяком ему будут служить Симферополь и Ростов. Принципиальное решение — сохранить отряд до лучших времен. Что же делать непосредственно — обдумаем; пока же в районе Мелитополя немного задержаться. Надежда на помощь союзников, японцев больше, но какую ценой. Катастрофа Корнилова и Алексеева — это национальное несчастье.

Мое переживание — пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца...

2 апреля

Выступили в 8, тот же сильный восточный ветер, та же ясная погода. Привал в Екатериновке, имение, крепко пограбленное большевиками. Верстах в 7 восточнее свернули с тракта на Ейгенфельд. На подороге нас встретили на перекрестке колонисты из Александрфельда, горячо приветствовали, жалели, что не вынесли поесть. Один предлагал деньги (25 рублей) ординарцу. У входа в колонию Ейгенфельд триумфальная встреча — музыка, масса народу, зелень, бросают цветы. Пастор с женой и свояченицей встречает наш штаб, приглашает к себе, неловко отказать этому радушию. Останавливаем колонну — вся втягивается в улицу, — выносят молоко, хлеб, сало, яйца, раздают целые окорока, украшают цветами, штаб у пастора, угощение за сервированным столом, белая скатерть, вино — оставшаяся бутылка. В 12 часов ждали большевиков из Мелитополя за 120 тысячами контрибуции с волости — и ровно в 12 вошла с запада наша конница — избавители. Просили оружие организовать оборону, сказал заехать, если соберем в Акимовке.

В колонии своих большевиков очень мало — притесняла приезжая красная гвардия.

Колонна задержалась на час. Только что собрались выступать — донесение (на автомобиле от Войналовича) о появ-

лении большевистских эшелонов на станции Акимовке. Приказал одной роте с легкой батареей идти немедленно переменным аллюром на поддержку, если бы таковая потребовалась, а остальным тоже не задерживаться, идя частью рысью. Сам на автомобиле. Приехал в местечко Акимовку — на вокзале все уже было кончено: шло два эшелона из Мелитополя на Акимовку. На запрос ответили, чтобы подождали, пока еще путь неисправен. Потом приготовились и вызвали. Должны были взорвать путь позади второго эшелона, а первый направить в тупик. Второй не удалось — раньше времени взорвали путь. Первый же приняли в тупик и встретили пулеметным огнем кавалеристов и с броневика, который стрелял почти в упор. Всюду вдоль поезда масса трупов, в вагонах, на буферах, частью убитые, частью добитые. Несколько раненых. Между прочим, машинист и три женщины. Когда пришел, еще выуживали попрятавшихся по укромным уголкам.

Пленных отправили на разбор в штаб к Семенову. Всего на вокзале было убито человек 40. Как жили большевики: пульмановские вагоны, преимущественно 1-й и 2-й классы, салон; масса сахара, масло чудное, сливки, сдобные булочки и т. п. Огромная добыча, 12 пулеметов, масса оружия, патронов, ручных гранат, часть лошадей (много убитых и раненых). Новые: шинели, сапоги, сбруя, подковы, сукно матросское шинельное, рогожка защитная, калоши, бельевой материал. Обилие чая, шоколада и конфект. Всего эшелон был человек около 150 — следовательно, считая пленных, не спасся почти никто. Вскоре запросился по телеграфу эшелон большевиков с юга, хотели его принять, но на разъезде южнее Дмитровки его предупредил, по-видимому, кто-то из бежавших — он не вышел с разъезда и вернулся. У нас без потерь, одному оцарапало палец, у другого прострелен бинокль, но выбыло 5 лошадей, второй эшелон отошел после взрыва и скрылся из виду.

К вечеру были передопрощены все пленные и ликвидированы; всего этот день стоил бандитам 130 жизней, причем были и «матросики», и 2 офицера, до конца не признавшиеся в своем звании.

Отряд сосредоточился в Акимовке часам к 17. Селение большое, устроились очень недурно, кровати. Выбор направления на Акимовку оказался очень удачным.

3 апреля

Начинало светать — стук в окно — донесение о снятии «заставы». Поднял всех, телефон в полк — не отвечает — послал, благо близко. Вся артиллерия, кроме взвода у вокзала, уже стояла на север, пристрелка конно-горной по будке, к которой подходил поезд; остановился, вышли цепи. Цепи остановлены и бежали от двух шрапнелей. Огонь большевиков — 2 легких с поезда, по трубе, разброс, масса неразорвавшихся, зажигательные (все без разбора по городу), убита одна еврейка. Части были подняты по тревоге и распределены — пулеметная рота заняла север, восточную окраину деревни, 1-я стала уступом за левым флангом, 3-я сначала оставалась во внешнем охранении, потом была стянута в район штаба полка, а вторая рота с частями Жебрака под его начальством (кроме взвода, что в коннице). На станции артиллерия вся смотрела на север, обозы сосредоточены на северо-западной окраине, у дороги на Ейгенфельд. Постепенно поезд, отогнанный снарядами, отошел за перегиб местности. Конный отряд в 8-м часу двинулся в обход в направлении на Дармштадт, отряд должен был выступить в 9 часов, как было раньше решено. Но выход задержался, так как мы не имели сведения о вывозе оружия со станции (повывозили конфеты, шоколад, калоши, дамскую обувь, а существенное, самое важное — задержали...). Колонна выступила в начале 11-го. Броневик шел с конницей по дороге левее и рядом с полотном.

К началу движения конницы банды высадившиеся из эшелонов (2), растянули длинную, редкую, охватывающую цепь, по линии колония Дармштадт, колония Гутерталь и почти до русла Тащенак. Продвижение конницы совершилось с перестрелкой: двигаясь в направлении на Дармштадт, эскадроны, прогнав несколькими шрапнелями конно-горной цепи, на участке между Дармштадт и дорогой Гутерталь, Иоганнесру, прорвали цепь, разделили ее и, заходя в тыл, грозя окруже-

нием разрозненных групп, принялись их уничтожать; в то же время конно-горная стреляла по поезду, причем одна граната попала почти в платформу, большевики частью успели сесть на эшелоны и уехать, частью разбежались в дикой панике, кидая сапоги, шинели, портянки, оружие, спасаясь по разным направлениям. Уничтожение их продолжалось, в плен не брали, раненых не оставалось, было изрублено и застрелено, по рассказу конницы, до 80 человек. Броневи́к помогал своим огнем по цепи. Когда дело было кончено, броневи́к вернулся к колонне главных сил, а конница пошла через Иоганнесру на вокзал Мелитополя, с целью обойти с запада и севера.

В этой операции конница потеряла 5—6 убитых и раненых лошадей и был легко ранен в ногу серб-офицер Патрик.

Перед выступлением главной колонны часть имущества, что не могли поднять, была продана на месте (чай, калоши), часть роздана на руки. Тронулись в начале 11-го.

Подход к Мелитополю — сплошное триумфальное шествие; уже в деревне Песчаное (пригород) встретили толпы крестьян с хлебом-солью и приветствиями; ближе к городу — еще хлеб-соль, в городе улицы, проходящие на вокзал, запружены. Делегация железнодорожников с белым флагом и речью — приветствие избавителям, еще хлеб-соль. Цветы, приветственные крики. Входили спасителями и избавителями. На вокзале депутация инвалидов с приветом. Большевики бежали спешно на Антоновку, оставалась подрывная команда анархистов и еще кое-какие мерзавцы, которых частью перебила, частью арестовала вооружившаяся железнодорожная милиция.

На квартиры стали в предместье Мелитополя в Кизьяре, в районе вокзала. Меня с Несводовским и адъютантами пригласил к себе инженер К. Квартира была пуста, все было вынесено в ожидании боя, так как эти банды похвалялись, что дадут нам бой; квартира — мерзость запустения. Настроение всей массы железнодорожников до нашего прихода было ужасное: измучены, терроризированы, озлоблены — много помогали в розысках и ловле анархистов и большевиков. В Мелитополе нашли громадный запас новых обозных пово-

зок — решили заменить все потрепанные повозки, бензину мало, фуража много.

Намечается довольно большая прибыль добровольцев.

Прибыли в Мелитополь в 15:30.

4 апреля, Мелитополь

Утром прискорбный инцидент — один капитан пионерного взвода застрелен жителем из револьвера: ехал совершенно пьяный верхом по путям, стрелял, был задержан часовым, угрожал стрелять, была отнята винтовка; тогда взялся за шашку, но был смертельно ранен выстрелом из револьвера бывшим поблизости жителем. Житель задержан. После производства дознания выпущен, но револьвер отобран — почему не сдал по объявлению.

Рано утром в Акимовку были посланы локомотивы и рабочие вагоны для исправления пути и вывоза из Акимовки захваченного поезда и прочего подвижного состава. Невывезенное сразу имущество было оставлено на вокзале Акимовки и сдано Жебраком под охрану местных властей. Вчера поздно вечером все это прибыло на подводах в Мелитополь. В нашем распоряжении оказалась одна блиндированная платформа, которая и прикрывала с поставленным на нее пулеметным взводом эвакуацию Акимовки.

Около 14 часов был у городского головы, разговаривал об организации милиции — впечатление, что очень мало на месте энергичных, смелых людей. Все запуганы до безобразия. Голова говорил между прочим, что в городе большая тревога — боятся нашего ухода. Дал несколько советов об организации милиции.

Днем начали поступать донесения по телефону из Акимовки, что к ней подходят эшелоны матросов; самые дикие слухи росли, внося в измученное население тревогу. Самый интересный слух — из Крыма движется 600 000 армия красногвардейцев... Прибывшие поезда тоже доносили, что не очень спокойно, но, когда наша блиндированная платформа оставила Акимовку и мы еще не знали, где она, с разъезда Тащенак пришло донесение по фонопочте от железнодорожников, что к разъезду подходит большевистский эшелон.

Ясно было, что слухи эти все панические и вздорные, но самую возможность факта — приближение большевиков — отрицать окончательно было, конечно, нельзя. После данного им урока мы настолько в это не верили, что никаких особых мер охраны даже не принимали, но с этими сведениями, как бы они ни были преувеличены, совсем не считаться нельзя, эшелон мог подойти — нужно приготовиться; решено офицеров вызвать из города, сосредоточить в фруктовом саду у балки Песчаная, выдвинуть роту, взвод конницы и взвод легкой артиллерии и вести разведку на фронте от реки Молочная через хутор Тащенак, колония Иоганнесру, столбовая дорога. Северное направление наблюдать только заставами, так как большевики, покинув Антоновку, ушли на Токмак; на разъезде Терпение иметь паровоз с 12—15 вооруженными железнодорожниками, а на разъезде Тащенак — блиндированную платформу с пулеметами, связанную со штабом телефоном. На случай, если бы большевистский эшелон решил подойти близко, например в бронепоезде, подготовлен был локомотив и вагон с рельсами для устройства крушения и последующего уничтожения эшелона. С посылкой за офицерами вышло не гладко — собирая офицеров, либо ординарец ерунду наговорил, либо кто из добровольных помощников-жителей, кричали по улицам, чтобы отряд собирался, что наступают большевики и т. п. Началась настоящая паника. Милиция сразу побросала винтовки и разбежалась; едва успокоили население.

В 16 часов отряд, под командой подполковника Почекаева²⁰⁰, выступил вперед по фруктовому саду. Обстановка к этому времени выяснилась: оказывается, наша блиндированная платформа доходила почти до станции Сокологорное, занятой бандами; потом поезд большевиков следовал за ними. Велась перестрелка пулеметами, враги стреляли артиллерией, но попадали почти все в свой поезд, давая чудовищный недолет, — наши умирали со смеху, видя эту стрельбу. Верстах в двух с половиной южнее станции Акимовки они сняли районные рельсы и увезли под огнем большевистских разъездов. Когда оставляли Акимовку, разъезды уже подходили к станции. Вот все достоверные сведения — ясно, что дальше этого разобран-

ного пути поезд не мог пройти, а занять они могли только Акимовку.

Предполагаю на завтра послать конный отряд в Иоганнесру, чтобы захватить большевиков, если будут приближаться; устроить крушение севернее переезда Тащенак, дальше от города, и глубже обойти место крушения с тыла. Отряд выступает в 9 утра.

Днем часов в 17—18 запрос о приеме поезда с делегацией немцев — очевидно, их части имеют в виду сойти к Мелитополю. Приказали ответить о приеме к 10 часам 5-го.

Квартира наша вновь обставилась — внесена мебель, картины, рояль... Уютно, комфортабельно; утром взял горячую ванну — блаженство после стольких дней похода.

Вечером собирались служащие, коллеги К. Прекрасно пел его помощник. Давно уже не приходилось слышать ничего подобного. Повеяло старым, довольным временем. Вообще прием радушия исключительного.

Понемногу город очищается от бандитов. В Акимовку из Мелитополя приехал на автомобиле офицер, сказался бежавшим. Там, однако, был опознан солдатами крымского конного полка; один солдат, увидев его, сразу в морду — оказался вовсе не офицер, а убийца командира, похитивший его же шашку после убийства. Расстрелян.

Железнодорожная охрана (все низшие служащие) арестовали типа, призывавшего бить буржуев, анархист. Случай разобран, расстрелян.

Мелитополь дал многое, есть военно-промышленный комитет, получили ботинки и сапоги, белье; из захваченного материала шьем обмундирование на весь отряд — все портные Мелитополя загружены нашей работой, посторонних заказов не берут.

5 апреля, Мелитополь

Ездил утром смотреть заставу в саду у балки Песчаная — пришлось переставить артиллерию, чтобы обстреливала подходящий поезд прямо в лоб.

В день прибытия в районе было выпущено объявление о свержении власти большевиков и уничтожении всех их декретов. Вся гражданская власть была передана в руки городской думы и волостных земств; городской думе предложено было организовать самооборону сильной милицией, на станции организована железнодорожная самооборона. Оружие от населения отбиралось и передавалось самооборонам. Часть оружия выдавалась в волости.

Кажется, между 13—14 часами прибыл блиндированный немецкий поезд, а за ним их первый эшелон — остались на станции. Разговоры с ними вели Войналович с Жебраком — я уехал в город, уклонившись таким путем от этой невеселой встречи. Немцы на этот раз, очевидно, вполне доверяли нашей лояльности, ибо, как шуба, влезли на станцию — но нам нет другой политики пока. На офицерах эта встреча отражалась тяжело, многие нервничали, — во избежание столкновений приказал снять всю охрану и внешнее охранение против большевиков, передав вокзал железнодорожной охране; охранение в Акимовке взяли на себя, естественно, немцы своим немедленным туда продвижением. Выступление конного отряда было отменено еще утром при сведениях о прибытии немцев. Завтра решил вообще оставить город и перейти в деревню Константиновку, где и ждать окончания портяжных заказов.

Хоронили убитого офицера конно-пионера. Бесславно погиб, но похороны получил почетные: металлический гроб, венки, трехцветные флаги на гробе; масса жителей, цветы, зелень, много участия и сочувствия отряду в поминовении усопшего.

Вечером железнодорожное общество и мы собрались вместе, тот же уют, прекрасный ужин, прекрасное пение, но уже не то настроение, отравленное немецким приходом. Прощальный характер собрания (наш уход).

Особенно реагировал К., резко говорил с немцами, не ведя вначале необходимой политики, слишком опирался на нас, на наши прежние распоряжения; приходилось его уговаривать вести политику, идти на уступки, ибо это могло в конце причинить вред даже и нам. Что делать, терпи, пока время не пришло: выдержка — это все.

6 апреля, деревня Константиновка

В 9 часов отправился обоз, выступление боевых частей в 14 часов. Так как немцы все время наблюдали за нами и у них, очевидно, немало агентов, решил двигать вею колонну, но по частям, разными улицами, чтобы затруднить подсчет сил. Странно, что немцы, всегда так прекрасно осведомленные, преувеличивают много наши силы, считая их не менее 4—5 тысяч (из их разговоров).

Утром отправился к немецкому генералу (начальник 15-й ландверной дивизии), поговорить о положении перед уходом, главная цель сгладить обострение их с железнодорожной администрацией, если бы таковое обнаружилось. Сказал о вооружении населения — о самооборонах городской и железнодорожной, спрашивал о нашем направлении, откуда и прочие обычные вопросы, ответы также обычны. Немцы корректны и любезны, никаких трений. Переводчик немецкий офицер Генерального штаба — с ним интересный разговор (предупредил, что частное его мнение); сказал скорее уходить, что настроение украинской власти против нас враждебное, что он очень симпатизирует нашим целям устраивать порядок своими силами, но они могут получить приказание о разоружении. Считают они нас 5 тысяч. Понимает, что им никто не будет благодарен за усмирение. Что в Великороссию не пойдут, разве пригласят, но, может, и тогда не пойдут. Весь тон и отношение к нам полны личного уважения, но в полной уверенности, что мы не преследуем широких патриотических целей или что выполнение их невозможно.

Я со штабом шел по главной улице, во главе первой роты со знаменем и музыкой. Немало народа (и простого) встречало колонну, поклоны, приветы, одна женщина крестила. За эти дни определились ясно симпатии народной массы к нам, население ждало избавителей, откуда бы они ни пришли, и пришло избавление от русских регулярных войск; все симпатии, вся радость спасения отдана вам, своим.

Если бы пришли немцы или украинцы первыми избавителями — то к ним были бы направлены общие симпатии, а теперь пришли иноземцы, и появление их почти во всех груп-

пах населения произвело тягостное впечатление, оскорбление еще сильного патриотизма.

Идти впереди немцев, своим появлением спасти, вторичным появлением немцев будить патриотизм — вот наш триумф, наша задача.

Перед моим отъездом делегация немецких граждан — рускоподданных Мелитополя — благодарила за спасение. Два штатских и барышни с букетом, благословение отряду и пожелание успеха.

7 апреля, Константиновка

В Мелитополе с помощью населения изловлено и ликвидировано 42 большевика.

Странные отношения у нас с немцами; точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами — всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один между тем высказывал — враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: «Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются».

С украинцами, напротив, — отношения отвратительные: приставание снять погоны, боятся только драться — разнуданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдает строгие приказы не задевать — не слушают. Некоторые были побиты — тогда успокоились, хамы, рабы. Когда мы ушли, вокзальный флаг (даже не строго национальный) сорвали, изорвали, истоптали ногами...

Немцы — враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим... Украинцы — к ним одно презрение, как к ренегатам и разнуданным бандам.

Немцы к украинцам — нескрываемое презрение, третирование, понукание. Называют бандой, сбродом; при попытке украинцев захватить наш автомобиль на вокзале присутство-

вал немецкий комендант, кричал на украинского офицера: «Чтобы у меня это больше не повторялось». Разница отношения к нам, скрытым врагам, и к украинцам-союзникам — невероятная.

Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, то есть нас, обезоружить; и получил ответ: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, считает непорядочным... украинец отскочил...

Украинцы платят такой же ненавистью. Они действительно банда, неуважение к своим начальникам, неповиновение, разнузданность — те же хамы.

Украинские офицеры больше половины враждебны украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не украинцы — некуда было деваться... При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды...

Кругом вопли о помощи. Добровольцев в общем немного; поступило в пехоту человек 70 — для Мелитополя стыдно, намечалось сначала много больше — пришли немцы и украинцы, успокоились, шкура будет цела, или полезли в милицию — 10 рублей в день.

Интенсивно ведется шитье.

8 апреля, Константиновка

День разочарований.

Вчера упорные телеграфные слухи с разъезда Утмач об офицерах, едущих к нам на соединение. Утром послал автомобиль — никаких следов, никто ничего не видел, даже и близко, какая-то ерунда.

Можно было достать здесь 300 тысяч рублей в военно-промышленном комитете, интендантские суммы от ликвидации имущества; заведующий сам предлагал, намекал прозрачнейше, но слышавшие это офицеры не передали. Интендант промолчал — сегодня все это узнал, — поехал к С. (у кого были деньги). Поздно, уже украинцы наложили руку, даже задним числом нельзя ничего. Сам С. жалел, что попадутся украинцам, да что делать...

Узнал об этом у Русского общества, приславшего делегацию часов в 18, программа — всероссийская. Спрашивали, что могут для нас сделать. Сказал — на местах готовить умы, для меня же связать с общественными деятелями крупных центров, ибо для меня важны три кита: деньги, добровольцы, огнестрельные припасы.

Обедал в ресторане. Разговор с украинским комендантом. Помогу, если будут грабить жителей. Он просил, если нужно будет расстреливать, дать людей, кто мог бы не дрогнуть при расстреле, — ответил: роль исполнителей приговоров не беру, расстреливаем только своих приговоренных. «Имею большие полномочия приказывать всем германским и украинским войскам в районе». — «Приказывать не можете». — «Могу». — «Можно только тому, кто исполнит, я — нет». — «Вы обязаны!» — «Не исполню!» — «Вы на территории Украины». — «Нет. Где войска и сила, там ваша территория. Мы же идем по большевистской и освобождаем». — «Никто не просит». — «Нет, просят. Мы лояльны, не воюем, но должны с войны вернуться через ваши земли».

Еще много прекословил, не совсем трезв. В конце концов просил помощи окружным селам и деревням; я согласился охотно, если помощь в направлении нашего пути. Наконец разошлись, оба, очевидно, недовольные друг другом. Вечером в оперетте масса офицеров. Вообще за время Мелитополя поведение корректное. Играли как полагается в провинции, но некоторое было недурно. Ужин в ресторане, пьяный комендант (по рассказам, ему в конце разбили голову стаканом).

Немного жаль покидать Мелитополь. Другая жизнь, отдых нервам. Хотя мне нет отдыха. Всегда окружен врагами, всегда страх потерпеть неудачу, каждое осложнение волнует и беспокоит. Тяжело...

9 апреля

Погода все дни прекрасная, но ветер, изводящий восточный ветер.

Утром телеграмма из Бердянска с просьбой о помощи — инвалиды выкинули большевиков, подпись Абальянц²⁰¹.

Может быть и провокация. Заехал в город, взял френч (100 рублей за фасон и приклад). Прощальные визиты — и в поход. Езда на автомобиле ужасна, все время пришлось менять шины, новых нет, заклеили тряпками, как пластырем, привязав веревками, — опять плохо. Так мучился до села Покровка, где удалось настигнуть хвост колонны, уходящей с привала, сел на предложенную мне лошадь и поехал вперед. Автомобиль еще долго маячил, обвивал шину веревками и едва добрался до ночлега... Хорошо, поспел в конный отряд.

Между колониями Владимировка и Богдановка (болгарская) встретил на автомобиле делегацию от инвалидов Бердянска²⁰² — подтверждая телеграмму о свержении советской власти, просили Христом Богом скорее послать артиллерию, так как у них нет пушек, а матросы безнаказанно громят город с гавани, укрепив две шестидюймовые пушки на лайбах. Кто же пошлет одну артиллерию? Повел их в штаб в Богдановку вместе с Войналовичем выяснять обстановку. «Кто руководит обороной?» Назван ряд лиц, частных. «Я военный, специалист. Могу с доверием относиться только к специалистам. Разве нет офицеров?» — «Есть, много». — «Кто же командует?» — «Полковник Черков». — «С усами и бородой, среднего роста?» — «Нет ни бороды, ни усов». — «Что на погонах?» — «Без погон...» Сбить не удалось, выяснилось, что это тот. Очевидно, нет провокации. Завтра рано прибыть все равно не можем, только к ночи, а это с артиллерийской точки зрения бесполезно. Решили идти 10-го в Ногайск, а на рассвете 11-го, часов в 5, выступить и рано утром прибыть. Послал Черкову записку держаться, успокоить испуганное население и терпеливо ждать. Артиллерии все равно прислать отдельно не мог, тем более одна-две пушки на автомобиле. Делегация уехала...

Богдановка — богатейшая болгарская деревня. У нашего хозяина каменный дом с городской приличной обстановкой, смесь с крестьянской простотой: зеркало, буфет модерн, масса стульев... Многие жители живут очень богато.

Богдановка — штаб. Конница, лазарет, связь с Владимировкой — где все прочее.

10 апреля

Утром опять делегация Бердянска, но офицеры. Те же разговоры, те же просьбы — лететь не можем.

Хозяин ничего не взял, отказался от уплаты — положим, основательно богатый...

Сегодня двигался с конным отрядом. Недалеко от Ногайска встретил автомобиль с Черковым. Мою записку он получил. У них настроение не сдаваться, но все же тревога и неуверенность в массе «защитников». Еще утром, рассмотрев карту, увидел, что идти на свету нельзя, вся дорога наблюдается с моря, а потому решил выступить ночью, часов в 10 вечера. К рассвету иметь уже артиллерию всю на позиции, подведя к городу конницу и одну роту, а весь отряд оставить в колонии Ивановка, чтобы не втягивать его в город и иметь свободу действий против покушений со стороны Новоспасское или Петровское, откуда, по сведениям, большевики могли ожидать помощь. Для защиты же набережной и собственно города у инвалидов своих сил и так достаточно. Но Черков убедительно просил, как видимый признак помощи, послать хотя броневой автомобиль с мотоциклетами; это же послужит опорой для инвалидов. Теперь, когда возможность ожидать провокацию исчезла, я согласился.

Прибыв в Ногайск, арестовали советы, восстановили думу, захватили тысяч 20 советских денег, городские — вернули думе. Выловили еще несколько мерзавцев. Тут получили сведения, что суда из Бердянска, по-видимому, ушли с рейда.

Оставив отряд в Обиточном (2 версты восточнее Ногайска) и условившись о ночном марше, сам отправился с Неводовским и батарейным командиром для ознакомления с положением на местах и выбора артиллерийской позиции. С нами пошли: броневик и два мотоцикла, все в распоряжении Черкова.

Дорога прекрасная, ровная. Справа то показывалось, то скрывалось море, Азовское, но все-таки южное море, скрашивавшее унылый вид степи. Серое море в легкой мгле.

Позиции выбрали в районе маяка и кладбища. Осмотрел их позиции на набережной, достаточно неостроумно устроенные; посетил их «штаб», в котором царил хаос, вмешательство мил-

лиона людей, претендующих на право все знать и распоряжаться, не только военных, но и штатских, представителей политических партий (рабочих организаций).

Картинный объезд позиции с Абальянцем!!! Броневи́к был встречен овациями, и его появление внесло в население уверенность и успокоение — видимый залог пришедшей помощи. Наш автомобиль приветствовали, но не слишком; мало публики на улицах (разбежалась по окрестностям).

Разрушения есть значительные, но редкие; в общем город не очень пострадал. Матросов и след простыл — суда ушли, говорят, в Мариуполь.

Около 6 пригласил к себе обедать бельгийский консул, состоятельный человек, накормил отлично, удивил радушием. Засиделся поздно, и уже часов в 9 поехали навстречу колонны. Встретил их уже по выходе с ночлега, на походе. Весь отряд приказал сосредоточить в колонии Ивановка (по местному Куца́я), на позицию выставить только взвод лепкой и взвод мортир с прикрытием их из двух кольтов, что при легкой батарее, а одну роту (3-ю) поставить для порядка в городе, придав ей броневи́к и мотоциклеты, имея в виду роторы менять. Назначить комендантом Жебрака, вручив ему в городе военную власть, подчинить ему роту и броневи́к, устроить комендатуру и вербовочное бюро. Проехав впереди колонны в Ивановку, подождал Войналовича, передал ему все распоряжения относительно начальника гарнизона, комендатуры, вербовки и прочее, а затем уехал опять в «военный штаб» в Бердянск, согласовать все распоряжения. Был 3-й час 11-го...

11 апреля, колония Ивановка у города Бердянска

Почти всенощное бдение: приехав из Куцой — обратно в Бердянск, в «штаб»; сидел почти до 6 часов — условился об очищении от сора мужской гимназии, где должна была разместиться дежурная рота, Жебрак, комендатура, бюро, комиссия по сбору имущества. Условился о высылке провожатого роте...

Около 6 выехал на автомобиле в Куцую, где и лег, наконец, спать.

Одновременно с посылкой к нам посылалась депутация к австрийцам, те было обещали, но не пришли своевременно; вчера же к вечеру узнали, что запрашивается эшелон к приему. Для нас зарез... Просил Абальянца ответить, что пришел наш отряд и помощи австрийской не нужно. Так им и телеграфировали. Проснулся — сообщают: уже австрийцы в городе, грустно. В 11.30 поехал выяснять положение.

Взаимные соотношения: исполнительный комитет и видные деятели инвалидов с нами в дружбе, помогают во всем; город же ведет политику, желая спасти арестованных комиссаров, инвалиды настаивают на их казни. Мы чувствуем себя не вполне хозяевами; с приходом австрийцев комиссар опирается на них, и ввиду того, что большевиков скинули инвалиды сами, заигрываем с ними, говоря любезности, обещая поддержку, настраивая против австрийцев и украинцев. Дело идет успешно. С получением снарядов, патронов, разного имущества обстоит довольно благополучно, совместно обходим украинцев, но важно получить толику из захваченных 12 или 22 миллиардов рублей (суммы так и не определили). Все время бегал и разговаривал по этому вопросу и об организации инвалидной самообороны. С самообороной обстоит так: все руководители инвалидов понимали, что в тревожное время они вооружили беспорядочно разный сброд, что надо их разоружить, оставив оружие только в надежных руках — в этом достигнута у нас общая гармония, но прибытие австрийцев меняет дело — могут потребовать разоружения, ищем переговоров с австрийским командиром и принципиально достигли согласия, требует только определить списки, дать внешние знаки. Вопрос о разоружении — уже дело инвалидов.

С прибытием австрийцев я вообще уклонился от какого бы то ни было распорядительства. Артиллерию приказал убрать, как только поставят свою австрийцы, а роту выведу завтра утром — сегодня задержалась приемом добровольцев. Вообще, завтра с утра ничего боевого в городе не останется — все в Кузюю. А послезавтра уйдем дальше.

Днем инвалиды, опасаясь освобождения арестованных под влиянием политических партий, или передачи их гражданскому суду, просили передать их нам. Освободили двух, которые,

с риском для себя, воспротивились избиению офицеров, задуманному в период господства матросов.

В думе было специальное заседание вечером, вопль шел, набросились на представителей инвалидов, те отгрызлись, ругали управу и думу за ее двусмысленную политику и разошлись недовольные друг другом, признав, что укорами и спорами дело не поправишь и разрушенных домов не восстановишь. Два ока за око...

Перед возвращением к себе в Кузую поймал меня австрийский гауптман: по распоряжению Рады все деятели большевизма должны арестовываться и отправляться на специальный суд в Одессу. Мы не можем казнить. Как офицер, он вполне понимает, что их нужно убивать, но как исполнитель воли начальства, обязан мне заявить настоятельно: комиссаров, еще не казненных, передать ему; дружески переговорили, и, так как все, кого нужно было казнить, — были уже на том свете, конечно, обязательнейше согласился исполнить все...

С деньгами неважно; в некоторой небольшой части инвалидов, примыкающих к рабочим кругам, вернее примкнувших к ним фронтовиков, ведется против нас агитация, стараются натравить на нас, распуская сплетни. По той же причине инвалиды остались без председателя Панасюка, их головы и сердца, пользующегося огромным влиянием. Исполнительный комитет решил назавтра в 9 собрать собрание (пригласили и меня). Вопрос о деньгах мог решиться только после заседания вновь избранного исполнительного комитета, как и вопрос о наших снабжениях — кто-то работает против.

В «военном штабе» кавардак, Черков на побегушках, всеми хочет заправлять Абальянц, но это не вполне удастся; кокетничает своими царапинами, перевязанной губой, эту ссадину можно было даже коллодием не заливать. Через два три слова упоминает о ранении. Для нас забавно...

Собственно организации никакой, но пишущие машинки есть...

Чудные лунные ночи, чудные дни, море, деревья в цвету, так хочется отдыха и покоя, солнца и весны; а впереди заботы, бои и кровь, кровь без конца.

Приглашен на дачу купаться в грязевом лимане... Мечты...

12 апреля, колония Ивановка

С утра на собрании инвалидов (в том числе и все вообще солдаты и офицеры). Театр набит битком, трудно протолкаться, но меня устроили сидеть на скамье, выказывая большое внимание. Собрание как собрание, тот же крик, шум, беспорядок, та же потеря времени.

Двойченко делал сообщение о целях и задачах отряда, но слишком много говорил о немцах и австрийцах — много звучало враждебности, если передадут — нехорошо. Были вопросы из публики, стараясь настроить против нас, но прения были сразу прекращены председателем, все успокоились и ушли под аплодисменты. После выбора нового исполнительного комитета началось закрытое заседание — я ушел.

Совместное заседание — представителей инвалидов, моих (Жебрак и я), австрийцев и украинцев — не состоялось: по уходе с первого заседания узнал — пришли немцы, украинец задрал нос, в конце концов мне все равно — пусть инвалиды сами отстаивают свою самооборону.

К вечеру получили все, что хотели, только сахару всего 100 пудов вместо 600. Снаряды (1000 горных), патроны, шинели, амуниция, сапоги и т. д. Абальянц помогал. С автомобилями не уступают. С деньгами плохо, обещано выяснить завтра — по-видимому, исполнительный комитет уклоняется. Украинский комиссар протестует против взятия лошадей, напустился на Абальянца, чтобы я вернул, а если инвалиды не сумеют, то он примет меры, — а комбинацию из трех пальцев хочешь? Абальянц пришел ко мне — что делать? «Запросите начальника конного запаса письменно, за номером, тот ответит тоже письменно мне о возвращении лошадей, я отвечу тоже за номером письменно, а там ищи ветра в поле». Решил так и сделать. Подробность — украинский комиссар сказал: «Если Дроздовский пришел по зову, то пусть требует с города возмещение расходов, а лошадей брать нельзя!»

Офицерство записывается позорно вяло. Всего человек 70—75 для Бердянска, считая и учащих, и вольных...

Звал по аппарату днем К. — хотел передать что-то важное от атамана Натиева. Не понимаю, но нужно увидеть-

ся, к тому же еще одну попытку о деньгах... завтра колонна выступит в 11, а я в Бердянск, откуда прямо в Новоспасское.

13 апреля, Новоспасское

Колонна выступила в 11. Я же на автомобиле поехал в Бердянск для добычи денег и для свидания с К. С деньгами ничего не вышло — Абальянц все обещает какие-то заседания, а вернее, водит за нос; ясно, что, использовав обстоятельства, приход австрийцев и свою безопасность, решили забыть о помощи... Деньги улыгнулись.

К. приехал только часа в 3. С Натиевым ничего интересного, простое недоразумение — приняли за другого Дроздовского, тоже полковника Генерального штаба, и искал свидания, как с другом. Привез, правда, интересное — телеграфное донесение немцев (15-й ландверной дивизии) о нашем отряде из Мелитополя; между прочим, они оценивают наши силы в 5 тысяч, из коих 2 тысячи офицеров.

Погода установилась чудная, наконец-то нет сумасшедшего ветра. Приехал в Новоспасское прямо. Какая богатая деревня! Каменные дома, большие и чистые. Много домиков городского типа. Приняли очень любезно. Присоединилось несколько добровольцев, из них два кадета.

14 апреля, Мангуш

Донесение Семенова, что два офицера 1-й роты князя Шаховской и Попов отправились из Новоспасского вчера в 7 часов в Петровское, кажется, за водкой; подверглись нападению жителей, вернулся один Попов. Что со вторым — не знает. По получении известия послал Семенов взвод 1-й роты с пулеметами на розыски.

Выступили в 8. Долго писал дневник и выехал с хвостом колонны, обогнав ее потом, что это за чудовищная колонна.

По дороге дважды жалобы от хуторян о грабежах и насилиях, чинимых большевиками, — часть удалось ликвидировать (менее виновных выдрать и угнать вон).

На походе нагнал Бологовской, прибывший морем в Бердянск; ничего радостного, но лучше, чем предполагалось раньше. Корнилов почти наверное убит, понеся поражение (ни патронов, ни снарядов), но борьба идет, являются новые отряды, оживают старые, где-то существуют Алексеев и Деникин, Эрдели, но где? Весть о сосредоточении к Армавиру крупных казачьих надежных сил князя Баратова (сведения со слов большевистской делегации, туда ездившей). В общем неопределенность и неясность кругом, есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая; какая, где, куда идти? Вообще только слухи, почти ничего реального, отрезаны от мира, весь в своих руках, на своем ответе... А денег мало, они иссякают... Грозный знак.

Из Одессы прибыл офицер Жебрака — большая группа офицеров, собиравшаяся к нему с пулеметами, осталась, сбитая телеграммой «Киевской Мысли» о гибели отряда в «двухдневном кровавом бою» с крестьянами и красной гвардией у Воссиятского (?!). Они спрятали пулеметы, а сами остались — один лишь этот посланный примчался догонять...

Ночлег в Мангуше — греко-татарская деревня. Богатая, большая, благоустроенная, уцелевшая от грабежей и контрибуций — не шла течением большевизма. В Мариуполе уже австрийцы — предупредили. Приехал штабс-ротмистр — говорит, есть лошади, конский запас, отбитый от большевиков, обещает помочь его взять. Решили произвести это ночью, чтобы сделать скрыто от швабов. В 22 часа выступит 2-й эскадрон Двойченко, а вперед на машине несколько человек поедут на разведку. Приказал только проделать все тихо, без столкновений...

15 апреля, Косоротояка, 3 версты восточнее Мариуполя

Ночью придрала депутация фронтовиков из Мариуполя с бумагами, как от «военной коллегии фронтовиков», так и от австрийского коменданта, что на территории Украины всяким отрядам воспрещены реквизиции какого-либо фуража или продовольствия не за наличный расчет — или забирать лошадей или подводы. Указал, что, путешествуя 800 верст,

первый раз получаю такую штуку. Чего им взбрело на ум писать, кто им сказал, что я что-либо беру даром? Маягуш оказалась здоровенным кляузником. Получив требование на фураж (зерно и сено) и на подводы, она, не разобрав, как и что, сразу по телефону жалобу в Мариуполь.

Высказал депутации свое недоумение и удивление их поступку. Отговорились, что не знали, что за отряд, — врут, правильно адресовали!..

Отряд направился, пройдя Мариуполь, через речку и стал в деревнях Косоротовка и Троицкое, на земле Войска Донского. Я в Мариуполь, в «Военную Коллегию Фронтовиков». Физиономия оказалась поганая, много бывших большевиков, все еще близко советская власть. Предъявили миллион кляуз, фактически вздорных и их не касающихся. Настаивали на возвращении лошадей особенно — решил разобрать, может, и придется часть вернуть. Все это, очевидно, такая дрянь их коллегия, много евреев, что надо прежде ознакомиться — стоили ли с ними считаться. Они уже позабежали к австрийцам, пожаловались им на нас, думая, дураки, что австрийцы из-за них станут с нами ссориться. Разошлись якобы дружно, в душе враждебные вполне.

Австрийцы — враги, но с ними приятнее иметь дело, нежели с этими поистине ламбровозскими типами.

Результатом жалоб австрийцам за лошадей явилась их претензия на этих лошадей — переговорили, помирились, отдав меньшую и, конечно, худшую часть швабам, а «фронтовики» остались с носом; я извелся, говори либо со мной, либо жалуйся, и не только уже не вернул из взятого, но даже больше и не разговаривал с ними, как обещал было.

Сначала по телеграфу, потом около 23 часов делегат от казаков станции Новониколаевки — просят помощи от банд на Кривой Косе, из Антоновки и из станицы Вознесенской. Послал 80 трехлинеек и 30 патронов, но выступить решил только утром 17-го — крайней надобности нет, а нам изнурение и нужно дожидаться добровольцев. Пока продержатся.

Население Мариуполя и наших деревень большевистского типа, масса против нас, сказываются фабрики... Интеллигенция, конечно, — за, но ее мало.

16 апреля, Косоротовка, 3 версты восточнее Мариуполя

В 6 утра дуэль между пехотным офицером и корнетом на револьверах по суду чести, дистанция 25 шагов, до трех выстрелов. Пощечина в пьяном виде, данная кавалеристом. Виновник убит 3-м выстрелом. Что непонятно, непорядочно, что сам оскорбитель требовал наиболее суровых условий.

В 11 похоронили князя Шаховского — вчера привезли тело; избит и убит комитетом, лицо — сплошная ссадина и кровоподтеки, поднят на штыки; карательный взвод поступил глупо — виновные бежали, кроме одного, секретаря, его привели сюда, надо было на месте. Похоронили Шаховского здесь торжественно. Цинковый гроб, венки. Все же сам виноват — не будь алкоголиком, не ходи один по деревням. Попова сегодня выгнали судом чести, не бросай товарища в беде и на зов иди на помощь, а не уходи прочь. Мог спасти его вначале, когда большевиков было мало, скрылись бы оба...

В 13 был на заседании Союза офицеров, объяснил наши цели, задачи, несколько типов из группы фронтовиков пытались наклеветать, говорить о расстрелах «невинных» и т. п. Отвечал удачно и резко, они с треском провалились, не учли аудитории. Один съинсинуировал насчет движения нашего с австрийцами, дурак, затронул для себя самое больное. Я обернул против них же, буквально под гром аплодисментов. Нашел укор — именно в том, в чем мы кристально чисты!.. По видимому, около 1000 добровольцев поступят.

Разведчики наняли одного мерзавца из советцев, ему большевики не платили денег, перешел к нам, ему обещали двойную плату и наградные, но в зависимости от работы и пулю. Следить будут прочно.

Привлекаем для разведки женщин. Одна пошла из наших сестер, другая — имея Георгия 2-й степени, старшая унтер-офицерка. Когда переделась в женское, так мало похожа на женщину, говорить привыкла басом и ругается, как ломовик.

Утром еще приезжал казан из Новониколаевки с донесением — у них пока благополучно, — уничтожили маленькую группу бандитов, взяли винтовки, но без патронов полторы сотни легких снарядов и еще кое-какую мелочь. Дал им еще

50 «Гра» (французские винтовки старого образца) и много патронов к ним. Завтра придем к ним...

Бензину добыли пудов 30.

Что крутом делается — одни слухи, ничего достоверного, полная неизвестность.

Погода чудная, слабый ветер, тепло. Море. Лето. Ночи теплые.

17 апреля, станица Новониколаевская

Выступили в 8 часов. Дорога над морем, холмы, хутора с садами, смена пейзажа, исчезла почти совсем степь; дорога много веселей...

Встреча в станице, первой станице Войска Донского, восторженное отношение казаков, скрытое недоброжелательство и страх пришлого, иногороднего. Казаки понадевали погоны, лампасы, шпалерами пешая и конная сотня, отдавание чести, воинский вид; вражда между половинами населения — пришлого больше. Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым. Станица вообще одна из лучших, не было ограблений, мешали другим. Долгая политика с нашим приходом вылилась наружу. Энергично стали арестовывать виновных в большевизме, комитетчиков. Колонна отдает честь, ура, рапорт офицера.

Сильный запах цветов, жжет солнце...

Восстановлено казачье самоуправление; атаман, выборные, судьи. Сформировали сами полки. Продолжают организовываться.

Вести о положении и хорошие и дурные — почти верно, что Фетисов²⁰³ у Новочеркасска ведет бой, но, кажется, без артиллерии, что отряд корниловцев в бою у Тихорецкой сбили, идут дальше, теперь сведения, что бой у Батайска. В Великокняжеской — походный атаман Попов. Плохие сведения — немцы идут на Таганрог. Телеграмма к вечеру большевиков отчаянная, что уходят в Азовское море, оставляя город, так как от Ростова отрезаны, немцы в 3 верстах севернее Таганрога, они в ловушке... Для меня важный вопрос, кем отрезаны от Ростова — немцами или корниловцами?!

Решили спешно идти на Федоровку. Скорее вперед, не дать большевикам опомниться. Скорее на соединение. Хотя сильно хотелось постоять — казаки исключительно радушны. Только что сообщили: в добровольцы записалось 44 женщины!!! Я побежден...

Много добровольцев из простых казаков — сразу видно, воины.

А ведь по роду занятия — те же крестьяне, как и солдаты.

Станица богатая. Прекрасные чистые дома, преимущественно каменные, обстановка с запросами культуры... Сады, все цветет.

Особое чувство — первая станица. Мы у грани поставленной цели. Иные люди, иная жизнь... Много переживаний — что-то ждет впереди. Большевики, по-видимому, всюду бегут, всюду у них паника...

В станице и соседних поселках идет обезоружение неказачьего населения.

Тюрьма пополняется изо всех закоулков. Казаки волокут за жабры вчерашних властелинов — колесо истории вертится.

Много главарей расстреляно...

18 апреля

Ночью и утром донесения из слободы Платовой, что большевики идут колонной в 600 человек от Мелентьева по правому берегу Миуса и колонной в 400 (приблизительно вдоль моря, якобы есть артиллерия и броневики). Очевидно, отрезанные банды... Платовцы беспокоятся. Хотя паром через Миус испорчен, но платовцы боятся правобережной миусской колонны.

Решили, чтобы не пропустить, изловить, послать две колонны: правую вдоль правого берега Миуса — рота со своими пулеметами, взвод легкой артиллерии, взвод конницы и вспомогательная сотня казаков, которым в Платовой взять еще одну-две сотни вспомогательных. Все прочие силы — на Федоровку — так едва ли проскочат отрядом, ну а рассеются — все равно всех не выловим.

Выступили в 8 часов. Солнце жжет. Ветра почти нет... Иду с конницей.

По дороге на мостике через проток провалился задом броневик. Этой поломкой моста задержал всю колонну, обязанную переходить болотину в брод, а сам просидел часа три — пока наконец постепенным созданием фундамента из бревен и с помощью домкрата не подняли.

Стали на ночлег в Федоровке — одна из паскуднейших деревень Таганрогского округа, гнездо красной гвардии и ее штаба. Отобрали всех лучших лошадей из награбленных, не имеющих хозяев. Отобрали оружие. Много перехватили разбегавшихся красногвардейцев, захватили часть важных, прапорщика, начальника контрразведки, предателя, выдавшего на расстрел полковника и часть казаков из станицы Ново-николаевской и т. п. Трех повесили, оставили висеть до отхода, указали, что есть и будет возмездие, попа-красногвардейца выдрали. Только ради священства не расстреляли, ходил с ружьем с красной гвардией, брал награбленное, закрыл церковь и ограбил ее. Страх нагнали. Левее, оказывается, шла еще казачья колонна, по Ягорлыку вверх, обезоруживая население, казня виновных.

Идет очищение, идет возмездие.

Связь с правой колонной установили автомобилем — там все благополучно. Федоровка тоже деревня довольно благоустроенная, много хороших домов...

19 апреля, Николаевка

Около 10 посланец Натиева с письмом. Положение на Украине: делегация хлеборобов (300—400) против социализации, арест немцами министров, разгон Рады, предложение править хлеборобам, самостийникам-федералистам и правым с.р. Отношение к Раде войск и народа, отношения между войсками Натиева и немцами, инцидент с обезоруживанием эшелона, захват телеграфных линий, контроль даже над Натиевым. Настроение против самостийности. Желание присоединиться к нам. Просьба обождать. Ответил о желательности присоединения, но ждать не можем, ищем соединения в Ростове и

Новочеркасске, где подождем. Состав дивизии — около 800 офицеров и 2000 солдат, броневики, артиллерия легкая и тяжелая, очень много снарядов. Предложил ему план — идти под украинским флагом по железным дорогам в Таганрог—Ростов, где открыть карты... Условился послать связь, когда достигну своего соединения.

Выступили в 8 часов. По дороге захватили несколько гусей — один комиссар, один большевистский интендант и т. д.

В общем сегодня не жарко. Ночлег в Николаевке. Деревня большая, с хорошими домами, но нет ни фуража, ни хлеба, ни яиц. Вообще полный недостаток продуктов. Спекулируют не только своим, но скупают и из окрестных деревень — продают и перепродают их втридорога в город. Население сильно смахивает на большевиков. Питаются за счет города.

Случай в броневике — взрыв ручной гранаты, шофер, там находившийся, не пострадал — чудо! Вырвало нижнюю заднюю дверцу, закинуло неизвестно куда, сорвало и выкинуло пулемет, расщепило пол. Работоспособность не пострадала. Погорели и полопались патроны на двух лентах.

Немцы сидят в Таганроге, кажется, идут на Ростов. Приходится спешить, авось обгоним, завтра в станицу Синявскую. В Ростове, кажется, большевиков уже нет...

Желательно бы остановиться, лошади подбиваются — долго и много идем, да и Пасху хорошо бы встретить, не говели еще. Но пожалуй, придется еще идти, как вечному жиду.

Вечером послал в Таганрог разведчиков, арестовать кое-кого без шума, есть указания, между прочим, о предательстве вдовы одного расстрелянного казачьего офицера. Поехал туда и Лесли, разговаривать с немцами, да интендант узнавать о седлах и т. п.

20 апреля, Таганрог

Колонна выступила в станицу Синявскую в 8 часов, а я с Лесли — в Таганрог для вывоза имущества и разговоров с офицерами. Лесли долго вел переговоры и добился многого: получили 150 седел, 2 аэроплана, автомобиль, бензин — и все из-под немецких часовых. Броневика же и снарядов не

дали — боевого, подлецы, не дают под разными предлогами, чувуют. Незаметно от немцев, из Союза фронтовиков, все же получили часть винтовок и пулеметов. Говорил с офицерами в частном собрании — те же мотивы. Неясна задача, да и не так делается, как хотелось бы тому или иному, да мало сил, да лучше и безопаснее на местах... Дирижеры — кадровые: никто, как свой. Инертность поразительная. Всего поступило человек 50. Хотелось выехать засветло, но задержался. Ночью дорога плоха, без фонарей, пришлось ночевать в гостинице. Распоряжений не отдал — одно утешение, что Войналович сам разберется в обстановке и решит, стоять или двигаться.

*21 апреля, станция Недвиговская...*²⁰⁴

---

*А. Туркул*²⁰⁵

ДРОЗДОВЦЫ В ОГНЕ²⁰⁶

...Я вбегаю по ступенькам деревянной лестницы к нам в «юнкерскую», на верхний этаж нашего тираспольского дома, смотрю: а через спинку кресла перекинут френч моего брата Николая с белым офицерским Георгием. Николай, сибирский стрелок, приехал с фронта раньше меня, и я не знал ни о его третьем ранении, ни об ордене Святого Георгия. В третий раз Николай был ранен тяжело, в грудь.

Я приехал с фронта тоже после третьего ранения: на большой войне я был ранен в руку, в ногу и в плечо. Мы были рады нечаянной и недолгой встрече: врачи настояли на отъезде брата в Ялту — простреленная грудь грозила чахоткой. Это было в конце 1916 года. Вскоре я снова уехал на фронт. И вот, на фронте застиг меня 1917 год.

Я представляю себе себя самого, тогдашнего штабс-капитана 75-го пехотного Севастопольского полка, молодого офицера, который был потрясен национальным бедствием рево-

люции, как и тысячи других среди военной русской молодежи.

Моя жизнь и судьба неотделимы от судьбы русской армии, захваченной национальной катастрофой, и в том, что я буду рассказывать, хотел бы я только восстановить те армейские дела, в которых я имел честь участвовать, и тех армейских людей, с кем я имел честь стоять в огне заодно.

В разгар 1917 года, когда замитинговал и наш полк, я стал в нашей дивизии формировать ударный батальон.

Надо сказать, что почти с начала войны у меня служил ординарцем ефрейтор Курицын, любопытный солдат. Ему было лет под сорок. Рыжеватый, с нафабранными усами, он был горький пьяница и веселый человек. Звали его Иваном Филимоновичем. До войны он был кровельщиком, во Владимирской губернии у него остались жена и четверо ребят. Курицын очень привязался ко мне.

В 1917 году я отправил его в отпуск и в армейском развале забыл о моем Санчо Панчо. И вот внезапно он явился ко мне, но в каком виде: оборванец, в ветоши, в синяках и без сапог.

— Ты что же, — сказал я ему, — ну не образина ли ты, братец. Обмундирование и то пропил...

— Никак нет, не пропил. Меня товарищи раздели.

И Курицын поведал мне, как приехал из отпуска в наш полк, а меня в полку нет, и комитетчики злобятся, что я отбираю ударников. Иван Филимонович не пожелал оставаться в развалившемся полку и подал докладную по команде, чтобы его из полка отправили ко мне.

Тут и начались испытания ефрейтора Курицына. Комитетчики всячески его оскорбляли, «холуем» бранили, что «ряжку в денщиках нажрал», доходило и до затрещин, а потом на митинге проголосовали отобрать от него все обмундирование, сапоги, казенные подштанники, даже портянки, а выдать самую ветошь. Потому-то Иван Филимонович и явился ко мне чуть ли ни нагишом.

Он стоит передо мною, а мне вспоминаются Карпаты, ночь, снег. В ночной атаке на Карпатах я был ранен в ногу. Атаку отбили, наши отошли. Я остался лежать в глубоком снегу, не мог подняться, кость нестерпимо мозжила; я горел и глотал

снег. Помню сухие содрогания пулеметного огня и как надо мною в морозной мгле роились звезды.

Иван Филимонович тогда подобрался ко мне и поволок меня под мышки по снегу. Я невольно застонал. Он прошептал мне сердито, чтобы я молчал. Так он вынес меня из огня. Сам он был ранен в грудь; на груди шинель его была черной от крови и клубилась паром.

Я вспоминаю его на Карпатах, так же как и другого ефрейтора, Горячего, рядового Розума и рядового Засунько и тысячи тысяч других русских солдат, верных присяге и долгу, спящих теперь вповалку в братских могилах до трубы архангела.

И думаю, что они, наши светлоглазые русские орлы, послушные во всем, даже в самой смерти, верящие офицеру и верные ему всей душой, они и создали героическую молодежь, для которой солдат всегда был младшим братом — героическую молодежь, три года отбивавшую от советского рабства Россию. Мы бились за русский народ, за его свободу и душу, чтобы он, обманутый, не стал советским рабом.

Возвратившегося Ивана Филимоновича я поблагодарил за верную службу, а его жене, во владимирское село, послал сколько мог денег. Самому Курицыну дать деньги на руки поостерегся: все равно пропьет.

Это было под Венденом, куда после развала 12-й армии был переброшен в 3-ю Особую дивизию мой ударный батальон. Там Курицын и напросился доставить ко мне домой трех моих коней. Кони действительно были хороши, и заплатил я за них хорошо, но их надо было везти в Тирасполь, чуть ли ни через всю Россию, в самую разруху.

Жалел коней и мой вестовой, сибиряк Павел Дроздов. Дроздов был солдат заботливый. В глинистых окопах, полных воды, если у меня промокнул ноги, обязательно найдутся у Павла шерстяные носки на перемену, всегда есть чистое белье, а горячие котелки из кухонь он мне носил под самым огнем. Сибиряк был человек суровый, любитель порядка и спорщик по домашним делам.

Павел Дроздов очень желал получить Георгиевский крест. Под Станиславовым он напросился со мной в бой. Я дал

команду к атаке, поднялся, за мной адъютант ударного батальона, а все лежат. Смотрю, поднимается один мой Павел.

Так мы трое и начали атаку: командир, адъютант и вестовой. За нами поднялись все. Павел был легко ранен в плечо. В атаке он заслужил свой солдатский крест. После удачного боя нам пришлось переходить вброд какую-то речонку, и вот мой новый герой окликает меня по-домашнему: «Ваше благородие, как вы ноги промочили, носки другие подмените!» Любопытно, что после этого боя все солдаты весьма уважительно стали величать Дроздова по имени-отчеству.

Сибиряки, чалдоны, крепкий народ. Я помню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норовит бабахать почаще, себя подбодряя, а куда бабахает, и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко. Он всегда норовит стрелять по прицелу. Про сибиряков недаром говорят, что они белке в глаз метят, чтобы шкурки не испортить. Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают, как известно, многие военные писатели, и среди них генерал Людендорф.

А своими победами сибирские бородачи перед другими солдатами были горды, что называется, до черта. Едва зайдет при них солдатский разговор, что такому-то полку дали Георгиевские петлицы или что там-то снова прославилась гвардия, как сибиряк уже щурится презрительно и говорит с равнодушием: «Да брось ты про Георгиевские петлицы... Гвардея тоже... Что гвардея, когда мы, сибирячки, с ашалонов Аршаву атаковали».

Вот мой чалдон Дроздов с Курицыным погрузили коней в вагон и поехали. А куда поехали — неизвестно ни им, ни мне.

Я с девятью офицерами-ударниками добрался до Тирасполя только к самой зиме, среди тяжелого развала, тягостного и бессмысленного гама митингов, кишащих солдат. В Тирасполе моих вестовых не было, и я подумал, что они либо загнали лошадей, либо их самих куда-нибудь загнали с конями.

Все эти девять офицеров жили у меня в доме. Мы всюду ходили вместе: даже браться и за папиросами. Уже тогда мы решили пробраться на Дон, о котором доносились глухие слу-

хи. Тирасполь, полный солдат и матросов, тоже митинговал, но никто из нас не снимал погон, и ходили мы по улицам с ручными гранатами, обычно четверо впереди, четверо позади, а я посредине.

«Товарищи» нас явно боялись, а когда попытались напасть, мы отбили нападение ручными гранатами. Гранаты нам пришлось бросать около самой женской гимназии, и сотни детских лиц смотрели на этот нечаянный бой, прижавшись к стеклам окон. Такой была наша тираспольская Вандея.

Вскоре после того, на балу в реальном училище, ко мне подошел какой-то штатский господин. Это был капитан Кавтарадзе, грузин, расстрелянный позже грузинами же. Он предложил мне ехать в отряд полковника Дроздовского, формируемый в Яссах, чтобы идти на Дон к генералу Корнилову.

О Дроздовском ни я, ни девять моих офицеров совершенно ничего не знали. Я поручил одному из ударников, поручику Турбину, съездить и узнать, существует ли такой отряд. Через три дня поручик Турбин вернулся и доложил, что отряд Дроздовского действительно есть. Тогда мы все решили ехать к Дроздовскому, чтобы пробиваться к Корнилову отрядом, а не одиночками, что было куда тяжелее.

Помню солнечное зимнее утро. Мать сидела в гостиной у окна. Ее седая голова была как бы очерчена прохладным серебристым светом. Я вошел и молча сел на поручень ее кресла. Мать заметила, что мне не по себе.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Да, я уйду с Дроздовским. В поход.

— Какой поход... Войны больше нет. Все развалилось, все кончено...

— Это хуже войны. Дело идет о существовании России.

Мать склонила седую голову:

— Николай в Ялте, больной... Ты едва оправился от ран. Может быть, смертельно. Я почти не видала вас... За что опять отнимают вас обоих? У меня же сил больше нет. Я мать.

Она зарыдала глухо. Я поцеловал ее седую голову с таким строгим и милым пробором. Я говорил ей как умел, что, если

не противопоставить человеческой честной силы бесчеловечным и бесчестным насильникам, все равно они разгромят жизнь. Или Россия и человеческая жизнь в России будут взяты нами с боя, или Россия и вся жизнь в ней будут замучены большевиками.

Мать слушала меня, отвернувшись к окну. Когда она обернулась, ее глаза были сухи и светились печально. Мать привыкла к разлукам. Мой отъезд был решен.

Провинциальный Тирасполь мирно светился от снега. Стояла ясная, крепкая зима. Однажды, в начале декабря, наша горничная вызвала меня вниз.

— Ваши пришли, — весело и загадочно сказала она.

Я вышел в прихожую, а там, в облаке морозного пара, оттапываая снег, стоят Курицын и Дроздов, оба в ладно пригнанных шинелях. Оруженосцы не только доставили моих коней, но и откормили их до того, что верховые кони стали похожи на ломовых битюгов. Чудаки, везли коней без одной выводки целые пять недель.

По дороге мои проводники завалили сеном, натасканным из интендантских складов, весь товарный вагон, а под овес заняли еще и соседнюю площадку. Сказать ли, что Курицын и Дроздов изловчились раздобыть по дороге больше ста тюков прессованного сена. Они привезли каких-то чудовищных зверей для Гаргантюа, которые вскоре и были проданы. Перестарались.

Наша встреча была самой душевной. Оба они хорошо у меня отдохнули. Потом я помог Дроздову выехать в Сибирь, куда он торопился, а Курицыну сказал:

— Поезжай и ты, брат, в деревню.

— А вы, ваше благородие, куда собираетесь?

— Я к генералу Корнилову.

— А мне что же делать в деревне?

— Как что? Вот чужак. У тебя жена, дети, семья.

— Сами знаете, к семейственному я не пригож. А на те деньги, что вы им, спасибо, послали, жена год будет жить, да еще радоваться, что меня нет. Не поеду я, ваше благородие, в деревню. Я уж с вами останусь. Как допрежде был, так и теперь.

Я наградил его чем мог, сказал, что он еще может остаться у нас присмотреть за конями, но потом обязательно должен возвращаться к себе домой.

С девятью офицерами я выехал в отряд Дроздовского, а Курицын, можно сказать, меня обманул: во Владимирскую губернию он так и не вернулся, а остался в Тирасполе, в нашем доме.

В Румынии было тогда полно русских войск, но сверху никто не отдавал приказа о создании добровольческих отрядов. Больше того, русское командование растерялось.

Бригады добровольцев формировались в Кишиневе, в Яссах и под Яссами, на станции Скинтея. Третья бригада, полковника Дроздовского, куда мы прибыли, стояла на этой станции. Помню, как уже после одной командировки в Киев, когда я ехал назад в Скинтею, на бульваре в Кишиневе встретилась мне блестящая коляска бессарабского помещика. В коляске я узнал моего старого приятеля, однополчанина по большой войне, поручика Мелентия Димитраша. Кряжистый, с рыжеватыми усами, спортсмен британской складки, с дерзко улыбающимися зеленоватыми глазами, он был известен как блестящий, бесстрашный офицер. Димитраш был добровольцем в Китае во время восстания «Большого Кулака», на Японской и на Великой войне.

Мы расцеловались. Указывая на трехцветный наугольник на моем рукаве, Димитраш спросил:

— А это что такое?

— Это бригада русских добровольцев.

Димитраш небрежно расспросил о бригаде, о Дроздовском и пригласил к себе обедать.

В самый разгар обеда Димитраш куда-то исчез. Вдруг торжественно растворились двери, и хозяин появился в полной походной форме, с таким же, как у меня, наугольником из трехцветных ленточек на рукаве. Слегка смущенный, он поглаживал рыжеватые усы, его зеленые глаза смеялись.

— Ну вот, — сказал Димитраш, — я бросаю все это и тоже ухожу. Да здравствует поход. За Россию!

На другое утро мы уже ехали с ним в Скинтею.

В феврале румыны начали вести переговоры о сепаратном мире. Тогда-то растерявшимся русским командованием был отдан предательский приказ о расформировании русских добровольческих частей. Приказ этот отдал генерал Кельчевский, перешедший позже к большевикам.

Бригады в Кишиневе и в Яссах приказу подчинились и были распушены. В нашей третьей, Скинтейской бригаде полковник Дроздовский созвал командный состав, прочел приказ о расформировании и сказал:

— А мы все-таки пойдём...

Ни одного мнения не было подано против. Как и Корнилов, мы восстали против революции. Мы не только не подчинились приказу, но спешно выступили со станции Скинтея в Яссы. Сосредоточились мы у Ясс на вокзале Сокола. Там к нам подошла одна офицерская рота из бригады, расформированной в Яссах. Рота тоже не подчинилась приказу. Мы стали военными бунтовщиками.

Дроздовский уехал в штаб Румынского фронта выяснять обстановку, а офицеры и добровольцы, подходившие к нам из города, стали передавать, что наш отряд со всех сторон окружают румынские войска. Мы немедленно отправили сторожевые охранения и выставили пулеметы.

У вокзала были брошены русские пушки. Мы расставили нашу артиллерию, с нею и эти пушки. Наши жерла были направлены на парламент, заседавший тогда в Ясском дворце. Было решено не допускать разоружения. Я помню бессонную ночь, помню ночное собрание старших начальников. Мы ждали приезда Дроздовского, мы решили пробиваться с боем, если румыны не согласятся нас пропустить.

Утром румыны прислали нового офицера с требованием разоружиться. Мы отказались и предупредили, что при первой же попытке разоружить нас силой огонь всей нашей артиллерии будет открыт по городу и парламенту.

А Дроздовского все не было. У многих не только росла тревога за него, но закрадывались и сомнения. В десять часов утра погожего ясного дня, когда мы со всех сторон были окружены румынами и зловеще сверкало на солнце их и наше оружие, вдруг показался автомобиль. В нем Дроздовский. Он как

будто бы махал белым платком. Машина остановилась. Толпой, кто только был свободен, мы кинулись к командиру.

— Господа, — радостно сказал Дроздовский, махая листком бумаги, — пропуск у меня в руках — дорога свободна. После обеда мы выступаем.

От нашего молодого горячего «Ура» задрожали вокзальные стекла. Дроздовский не мог к нам вернуться вчера — его не пропустили. Тогда он снова поехал в штаб Румынского фронта и там раздобыл нам пропуск.

Мы стали лихорадочно грузиться в эшелоны. 26 февраля 1918 года Бригада русских добровольцев полковника Михаила Гордеевича Дроздовского начала свой поход; я шел фельдфебелем второй офицерской роты. В Кишинев мы пришли эшелонами. Там подождали, пока подойдет последние эшелоны, и вот — поход начался.

Было нас около тысячи бойцов. Никто не знал, что впереди. Знали одно: идем к Корнилову. Впереди сотни верст похода, реки, бескрайние степи, половодье, весенняя грязь и враги, со всех сторон свои же, русские враги. Впереди потемневшая от смуты, клокочущая страна, а кругом растерянность, трусость, шкурничество и слухи о разгуле красных, о падении Дона, о поголовном истреблении на Дону Добровольческой армии. Мы были совершенно одни, и все-таки мы шли.

Нас вел Дроздовский. Теперь мы узнали, что он окончил Военную академию, участвовал в Японской войне добровольцем в 34-м сибирском полку, был ранен, на большой войне командовал 60-м Замостским пехотным полком, а когда был начальником штаба 64-й пехотной дивизии, сам повел в Карпатах в атаку два полка и снова был ранен.

Дроздовский был выразителем нашего вдохновения, сосредоточием наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших воль, слитых в одну волю борьбы за Россию и русской победы. Между нами не было политических разнотолков. Мы все одинаково понимали, что большевики не политика, а беспощадное истребление самых основ России, истребление в России Бога, человека и его свободы.

Я вижу тонкое, гордое лицо Михаила Гордеевича, смуглое от загара, обсохшее. Вижу, как стекла его пенсне отблескивают дрожащими снопами света. В бою или в походе он наберет, бывало, полную фуражку черешен, а то семечек и всегда что-то грызет. Или наклонится с коня, сорвет колос, разотрет в руках, ест зерна.

В наш поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чемоданов, никаких гинтеров.

Припоминаю один ненастный серый день на походе, когда несло мартовский снег. Дымилась темная, мокрая степь, дымилась люди и кони, колыхавшиеся в тумане, как привидения. Уныло чавкала под ногами холодная грязь. Я и капитан Андриевский устроились на подводе под моей буркой. Снег стал мельче, колючее; сильно похолодало, и бурка затвердела. Поднялась пурга.

Из тумана на нашу подводу нашло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевший от снега. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле.

Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно Дроздовский согласился. Сено под нами было теплое и сухое. Мы быстро нагребли ему сена, он лег между нами, вздохнул и закрыл глаза. Мы накрыли командира буркой и еще стали своими спинами согреть его от злующего ветра. Под мерное качанье подводы Дроздовский заснул. Глухо носилась пурга. Мы с Андриевским побелели от снега, нас заметало, но мы лежали не шелохнувшись.

Дроздовский спал совершенно тихо, его дыхания, как у ребенка, не было слышно. Он отдыхал. Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе.

У обритых, всегда плотно сжатых губ Дроздовского была горькая складка. Что-то влекущее и роковое было в нем. Глубокая сила воли была в его глуховатом голосе, во всех его сдержанных, как бы затаенных движениях. Точно бы исходил от него неяркий и горячий свет.

Свой известный дневник Дроздовский начал на походе, и записи его дневника — заветы Дроздовского — сегодня живы так же, как и в те дни, когда мы по степям шли на Дон:

«Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы».

«Голос малодушия страшен как яд».

«Нам остались только дерзость и решимость».

«Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно, на сколько времени. Это иго горше татарского».

«Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. Это символ нашей веры».

«Через гибель большевизма к возрождению России. Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем».

«Я весь в борьбе. И пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я вижу слабое мерцание солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный».

Обрекающий и обреченный. Он таким и был. Он как будто бы переступил незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. За эту черту повел он и нас, и если мы пошли за ним, никакие страдания, никакие жертвы не могли нас остановить. Именно в этом путь Дроздовского: «Через гибель большевизма к возрождению России, единственный путь, наш символ веры».

Белая идея не раскрыта до конца и теперь. Белая идея есть самое дело, действие, самая борьба с неминуемыми жертвами и подвигами. Белая идея есть преображение, выковка сильных людей в самой борьбе, утверждение России и ее жизни в борьбе, в неутрачиваемом порыве воли, в непрекращаемом действии. Мы шли за Дроздовским, понимая тогда все это совершенно одинаково.

На походе мы узнали еще о другом отряде добровольцев. Один полковник собрал его в Измаиле и выступил вслед за нами. В селе Каменный Брод этот отряд нас догнал. Измаильский полковник был невысокого роста, с пристальными свет-

ло-серыми глазами. Он заметно приволакивал ногу. Мы узнали, что его фамилия Жебрак-Русанович.

Полковник Жебрак был ранен в колено еще на Японской войне, когда был офицером в одном из сибирских полков. Тогда же он получил орден Святого Георгия. На большую войну он пошел добровольцем: был он военным судьей, но подал рапорт о зачислении в действующую армию и получил полк Балтийской дивизии, стоящей тогда по гирлам Дуная. Он принес нам знамя Балтийской дивизии, морской Андреевский флаг с синим крестом. Андреевский флаг стал полковым знаменем нашего стрелкового офицерского полка.

На походе мы встречали эшелоны германцев и австрийцев, тянувшиеся к югу. Под Каховкой германцы предложили нам свою помощь. Отличный германский взвод, с пулеметом на носилках, уже подошел к нам по глубокому песку. Германских пулеметчиков мы поблагодарили, но сказали, что огня открывать не надо. На паромах мы перевалили через Южный Буг, а Днепр перешли у Каховки, с которой нам суждено было встретиться снова, в самом конце нашей борьбы. С короткого боя мы взяли Акимовку, где уничтожили отряд матросов-коммунистов, ехавших эшелоном в Крым. С боя заняли Росаново и захватили Мелитополь.

В Мелитополе мы мобилизовали сапожников и портных, на складах военно-промышленного комитета нашли огромные запасы защитного сукна, отлично оделись и обулись. Там же были сформированы две команды, мотоциклистов-пулеметчиков и мотоциклистов-разведчиков.

Стояла сильная весна. Все купалось в радостном свете. Зелено-дымная степь звенела, дышала. Это был благословенный гул жизни, как бы подтверждавший, что и мы все идем для одного того, чтобы утвердить в России Благоденствие.

И вот, после двухмесячного похода, после тысячи двухсот верст пути появились мы со всей нашей артиллерией и обозами под Ростовом, точно из самой зеленой степи чудесно выросло наше воинство.

Команде мотоциклистов-разведчиков дано было задание выяснить силы большевиков в Ростове и установить, где они сосредоточены. Разведчик-мотоциклист, юнкер Анатолий

Прицкер, превосходно выполнил боевое задание: по его докладу была выдвинута куда следует артиллерия, дано направление движению войск, и полковник Войналович начал наступать на Ростов.

В Страстную субботу 22 апреля 1918 года, вечером, началась наша атака Ростова. Мы заняли вокзал и привокзальные улицы. На вокзале, где от взрывов гремело железо, лопались стекла и ржали лошади, был убит пулей на перроне доблестный начальник штаба нашего отряда Генерального штаба полковник Войналович. Он первый со Вторым конным полком атаковал вокзал. За ним подошла на вокзал наша вторая офицерская рота. Большевики толпами потекли на Батайск и Нахичевань.

Ночь была безветренная, теплая, прекрасная — воистину Святая ночь. Одна полурота осталась на вокзале, а с другой я дошел по ночным улицам до ростовского кафедрального собора. В темноте сухо рассыпалась редкая ружейная стрельба. На улицах встречались горожане-богомольцы, шедшие к заутрене. С полуротой я подошел к собору; он смутно пылал изнутри огнями. Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор.

Нас обдало теплотой огня и дыхания, живой теплотой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами. Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вернулся. С амвона архиерей в белых ризах возгласил:

— Христос Воскресе!

Молящиеся невнятно и дружно выдохнули:

— Воистину...

Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове Светлую Заутреню, что начали осторожно пробираться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас, сквозь огни свечей, смотрели темные глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки. Никто не знал, кто мы. Нас стали спрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Темные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться.

Я вышел из собора на паперть. Какая ночь, святая тишина. Но вот загредел, сотрясая воздух, пушечный гром. Со стороны Батайска стреляет бронепоезд красных. Каким странным показался мне в эту ночь гул пушечного огня, находящийся шум снарядов.

От собора я с полуротой вернулся на вокзал. По улице, над которой гремел пушечный огонь, шли от заутрени люди. Они несли горящие свечи, заслоняя их рукой от дуновения воздуха. Легкими огоньками освещало внимательные глаза.

На вокзале, куда мы пришли, в зале 1-го класса теперь тоже теплились церковные свечи, и от их огней все стало смутно и нежно. Ростовцы пришли нас поздравлять на вокзал. Здесь были пожилые люди и седые дамы, были девушки в белых платьях, только что от заутрени, дети, молодежь. Нам нанесли в узелках куличей и пасок, на некоторых куличах горели тоненькие церковные свечи. Обдавая весенним свежим воздухом, с нами христосовались. Все говорили тихо. В мерцании огней все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой.

В два часа ночи на вокзал приехал Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались. Его сухощавую фигуру, среди легких огней, и тонкое лицо в отблескивающем пенсне я тоже помню как во сне. И как во сне, необычайном и нежном, подошла к нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки.

Уже светало, когда вокзал опустел от горожан. А на самом рассвете большевики подтянули подкрепления из Новочеркасска. В те мгновения боя, когда мы несли тяжелые потери, к Дроздовскому прискакали немецкие кавалеристы. Это были офицеры германского уланского полка, на рассвете подошедшего к Ростову. Германцы предложили свою помощь. Дроздовский поблагодарил их, но помощь принять отказался.

Мы стали отходить на армянское село Мокрый Чалтырь. На поле, у дороги мы встретили германских улан. Все они были на буланных конях, в сером, и каски в серых чехлах, у всех желтые сапоги. Их полк стоял в колоннах. Ветер трепетал в уланских значках.

Когда мы с нашими ранеными проходили мимо, раздались короткие команды, слегка поволновались кони, перелязгнуло, сверкнуло оружие, и германский уланский полк отдал русским добровольцам воинскую честь. Тогда мы поняли, что война с Германией окончена.

В Мокром Чалтыре, в первый день Пасхи, командир нашего офицерского полка генерал Семенов передал полк новому командиру, полковнику Жебраку-Русакевичу. В этот же день до нас дошли слухи, что в Новочеркасске идет бой между красными и восставшими казаками. Полк выступил на Новочеркасск.

Когда мы внезапно показались под городом, он уже почти был оставлен восставшими донцами, державшимися только на окраинах. Красные наступали. На наступающих двинулась наша кавалерия, броневедомоцикл и конно-горная батарея. Нас не ждали ни донцы, ни красные. Неожиданная наша атака обратила красных в отчаянное бегство.

На третий день Пасхи, 25 апреля 1918 года, Новочеркасск был освобожден.

***

Как и в другие города, после освобождаемые нами, мы точно несли с собою весеннее солнце. Солнце всегда было нашим союзником. Союзником большевиков была зимняя стужа.

Мы вошли в Новочеркасск по приказу Донского походного атамана Попова, когда восставшие казаки еще отбивались от красных на горевшей от артиллерийского огня Хотунке. Красных, вместе с нами, со стороны города атаковало несколько лихих казачьих сотен, а со стороны Александро-Грушевска подоспел на призыв Попова донской отряд полковника Семилетова.

С офицерской ротой я уже колесил по улицам. Это была военная хитрость донского командования. Нас было мало, но мы должны были проходить так, чтобы наше появление в разных местах города могло создать впечатление, будто бы нас много.

Последний двенадцатичасовой переход всех измотал. Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам. Светлое неистовство творилось кругом. Это было истинное опьянение, радость освобождения. Все это незабвенно. Мы как бы сбросили со всех темное удушье, самую смерть, все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Наши ряды не раз расстраивались. Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

Наш капитан с подчеркнутым щегольством командовал ротой, сверкали триста двадцать штыков, и, как говорится, дрожала земля от крепкого шага.

— Христос Воскресе! Христос Воскресе! — обдавала нас толпа теплым гулом.

— Воистину Воскресе! — отвечали мы дружно.

Надо сказать, что особенно строго берегли мы винтовки: они горели от блеска, всегда были тщательно смазаны. Магазиновую часть, затвор мы хранили как хрупкое сокровище. На походе нам разрешалось обматывать магазинную коробку су-конками и тряпьем, затвор своей винтовки я, например, обматывал, должен признаться, холщовой штаниной от солдатских исподников.

Не с тряпьем же на винтовках входить в Новочеркасск — командир роты приказал наши фантастические чехлы снять, я сунул мою солдатскую штанину в карман.

Так мы колесили в тот день по улицам. Кругом улыбающиеся, заплаканные лица. Ко мне подошла пожилая дама с двумя девочками:

— Разрешите с вами похристосоваться.

А у меня лицо в поту, и пыль в палец толщиной. Смущенный, я сунул руку в карман за платком, вытянул эту штанину, измазанную ружейным маслом, и по рассеянности стал вытирать ею лицо. Рота заметила мой просак и скромно отвела глаза. А в толпе, вероятно, думали, что так и полагается, что-

бы походный офицер черт знает что вытаскивал из карманов вместо платка. В общем, я благополучно расцеловался с юными горожанками.

Вечером нам отвели для постоя пустые дортуары Ново-черкасского девичьего института, так как все казармы в городе были заняты. В тот, помнится, день я получил в командование вторую офицерскую роту. А в институте, в верхних дортуарах, жило до пятидесяти подростков и девочек, сирот-институток. Соседство было совершенно нечаянное.

Когда мы впервые увидели в зале двух пепиньерок в белых передниках, промчавшихся по блестящему паркету, они показались нам трогательным видением. Полковник Жебрак вызвал к себе командиров и, пощипывая усы, окинул всех светлыми глазами.

— Господа, — сказал он, — мы все бывалые солдаты. Но стоянка в девичьем институте на мой, по крайней мере, век выпадает впервые. Впрочем, каждый из вас, без сомнения, отлично знает обязанности офицера и джентльмена, которому оказано гостеприимство сиротами-хозяйками.

Мы разместились на ночлег, а на другой день обедали побатальонно в институтской столовой. Сильные, молодые, освеженные после похода, крепко печатая шаг, тронулись мы — восемьсот шесть штыков — за командиром батальона в институтскую столовую, чувствуя себя в парах если и не институтками, то кадетами.

— Стой, на молитву! — послышался голос командира. Всей грудью мы пропели молитву. Правда, точно к нам вернулась кадетская юность.

С веселым шумом мы расселись за громадными столами. Уже захрустела кое у кого на зубах поджаристая хлебная корка. Обедали мы в три смены. Командир батальона, ротные командиры и начальница института сидели отдельно, на возвышении, совершенно так, как воспитатели в столовой кадетского корпуса. Щи и кашу разносили по столам институтки. Были трогательны эти наклоняющиеся девичьи головы в мелко заплетенных косах, свежие лица сирот в белоснежных пелеринках.

Седой Жебрак, командир Второго офицерского стрелкового полка, был, кажется, самым пожилым среди нас. Он вызывал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закаленные в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввел для всех железную дисциплину юнкерского училища или учебной команды. В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново. Он заставлял переучивать уставы, мы должны были снова узнать их до самых тонкостей. Он сам экзаменовал:

— Господин поручик, обязанности рядового в рассыпном строю?

Иной господин поручик, георгиевский кавалер со шрамами на лице, начинал мяться, тогда суровый командир приказывал:

— Растолкуйте ему...

Для нас были установлены расписания занятий. Ночью после похода, усталые, отбиваясь со всеми силами от могучего сна, мы торопились прочесть, что следовало наутро знать по книжному уставу.

Пуговица ли, шаг, винтовка — полковник Жебрак видел все. И он умел себя так поставить, что даже старшие офицеры не решались спрашивать у него разрешения закурить. Все воинское он доводил до великолепного совершенства. Это была действительно школа.

Роты в Новочеркасске поднимались в половине седьмого, но ротный командир должен был вставать на час раньше. И вот, среди самого сладкого сна, в потемках рассвета слышишь стук в дверь и настойчивый голос:

— Разрешите войти.

Разрешаешь. Входит сам командир и любезно осведомляется, изволил ли встать ротный командир. Конечно, вылетаешь с койки пулей.

Вскоре все хорошо поняли полковника Жебрака, и Второй офицерский стрелковый полк стал образцовым полком, может быть, до того и не бывалым ни в одной армии мира.

А на дворе был май. Все так легко, светло: дуновение ветра в акациях, солнце, длинные тени на провинциальном бульва-

ре, мягком от пыли, стук калиток, молодой смех, далекая военная музыка и вечерние зори с церемонией, торжественное «Коль славен». Удивительно свежи все эти воспоминания о Новочеркасске, названном в одном из приказов Дроздовского «нашей Землей Обетованной».

Через неделю после освобождения города Донским атаманом избрали генерала Петра Николаевича Краснова. На площади, у Кадетской Рожи, был большой парад. Наш отряд построился на правом фланге.

Точно еще стояла пасхальная неделя, так все было празднично на параде. Командующий Донской армией генерал Денисов подскочил к нам. По лицу донского генерала мы видим, что он не знает, здороваться или нет: а вдруг господа офицеры не ответят. Ведь по уставу офицеры из строя не обязаны отвечать на приветствие.

— Здравствуйте, господа, — нерешительно сказал он.

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — с подчеркнутой юнкерской лихостью, как один, ответили мы.

Генерал ободрился, повеселел. Он поскакал к атаману Краснову, который уже показался в конце площади верхом на рослом коне. Краснов направил коня к нашему флангу, держа руку под козырек. Оркестр заиграл встречу. Генерал Денисов подскочил к атаману и, наклоняясь с седла, сказал довольно громко:

— Они здороваются, ваше превосходительство.

Тогда генерал Краснов, все еще держа руку под козырек, сказал нам приветливо:

— Здравия желаю, господа офицеры.

Мы снова загремели в ответ.

Отряд был пропущен церемониальным маршем. Кругом радостные лица, нам машут платками, бросают белые цветы.

Это были удивительные дни подъема. В Новочеркасск приходило так много добровольцев, что дней через десять мы смогли развернуться в три батальона. А на нашу вечернюю поверку, на зорю с церемонией, стекался весь город.

Отряд с оркестром выстраивался на институтском плацу. Фельдфебеля начинали переключку, потом оркестр играл «Коль славен». Полк пел молитву. В прекрасный летний вечер, каза-

лось, весь затихший город стоит с нами на молитве, а когда мы трогались с плаца, все тихо шли за нами, под старинный егерский марш, который стал нашим полковым маршем.

Помню, как однажды под вечер я вел мою роту в городской караул. Наши офицерские роты всегда были образцово строевыми. Идти не в ногу для нас было просто неприличием. Мы шли великолепно. На панели я увидел старика генерала в поношенной шинели и скомандовал:

— Смирно, господа офицеры!

Старик вдруг заплакал, прислонясь к забору. Я подошел узнать, что с ним. Генерал сказал, что он бывший начальник Павловского военного училища, что мы его взволновали.

— Ваша рота идет так, как ходила рота Его Величества...

Нас было уже тысячи три, но на батальон готовила только одна кухня, и вот почему: ровно в полдень мы все расходились по частным домам, приглашенные на обеды. В Новочеркасске мы стали всем родными.

Никто не думал о том, что ждет нас дальше, точно вот так и будет длиться эта мирная музыка, милые встречи в провинциальных семьях, прогулки под акациями и пение «Коль славен» в светящиеся вечера.

Недели через две в нашем полку начались свадьбы. Что ни день, то свадьба. За три недели стоянки в Новочеркасске у нас было сыграно более пятидесяти свадеб. Мы породнились со всем городом. Какой простой, человеческой, могла бы быть наша мирная жизнь на русской земле, если бы большевики не потоптали всю русскую жизнь.

К концу стоянки донское командование просило нас остаться в составе Донской армии. Нам предложили быть Донской пешей гвардией. Полковник Дроздовский поблагодарил за предложение, но приказал нам готовиться к походу на соединение с Добровольческой армией, стоявшей тогда под станицей Мечетинской.

Это было в конце мая. Нашим юным хозяйкам, новочеркасским институткам, мы дали прощальный бал. Я не забуду полонеза, когда полковник Жебрак, приволакивая ногу, шел в первой паре с немного чопорной начальницей института; не забуду белые бальные платья институток, такие скромные и

прелестные, и длинные белые перчатки, впервые на девичьих руках.

Бал был торжественным и немного грустным. Я вижу в полонезе сухопарого, рыжеусого Димитраша с зелеными, смеющимися глазами. Он был безнадежно влюблен во всех институток вместе. Я вижу простые и хорошие русские лица всех других, слышу смех, голоса. Немногие из них, очень немногие, остались среди живых.

В полночь на балу случилось замешательство: начальница отослала в спальни младших воспитанниц. Оркестр умолк. Как бы померкли самые огни люстр. Послышались подавленные детские рыдания. Лица институток стали бледнее их накидок.

Никогда мы не видели полковника Жебрака таким виноватым и растерянным: шутка ли сказать, он просил начальницу нарушить институтские правила и разрешить малышам остаться. Но начальница была непреклонна. Мать двух офицеров — один был убит, а другой, герой, награжденный золотым оружием, пропал в бою без вести, — начальница была так же неумолима в институтском распорядке, как Жебрак в полковом.

Просил начальницу и я. Отказ. Я стоял перед седой старой дамой в шелковом платье, с бриллиантовым вензелем на плече, как перед командиром полка, во фронт. Она доказывала мне, что правила нарушать нельзя.

— Так точно, слушаюсь, — только отвечал я.

Удивительнее всего, что это и подействовало. Начальница слегка улыбнулась и внезапно разрешила всем воспитанницам остаться еще на несколько танцев, а обо мне отозвалась с благосклонностью — «какой воспитанный капитан», — вероятно, за то, что я стоял перед нею во фронт, каблуки вместе.

Светлее стали огни, обрадовался оркестр, наши заплаканные хозяйки положили руки на плечи кавалеров и замелькали, снова понеслись в танце, обдавая прохладой и шумом.

Хромой Жебрак, влюбленный Димитраш, вся наша молодежь страшно бережно, ступая немного по-журавлиному, водили в танце малышей, едва перебирающих туфельками, еще заплаканных, но уже счастливых. Все мы с затаенной печалью слушали детский смех на нашем последнем балу.

А на рассвете во дворе института поставили аналой, и в четыре часа утра по опустевшим залам, где еще носился запах духов, отбивая шаг, мы вышли на плац и в походном снаряжении стали покоем у анаоя. В ту ночь в институте не спал никто.

Ясная заря над тихой площадью, где был чуть влажен песок, щебет птиц. Во всем утренний покой, а полковой батюшка читает напутственную в поход молитву. Институтский плац был полон молодых женщин и девушек с их матерями. Это были молодые жены и невесты, пришедшие прощаться. Никто из них не скрывал слез. У анаоя белой стайкой жались институтские сироты. Они рыдали над нами безутешно. Я помню бледное лицо молодого офицера моей роты Шубина, помню, как он склонился к юной девушке. Все эти дни Шубин носил куда-то букеты свежих роз, однажды мне даже пришлось посадить его под арест. Он прощался со своей невестой. Ему, как и ей, едва ли было девятнадцать. Его убили под Армавиром. Плавно запел егерский марш. Короткие команды. Мы пошли, твердо, с ожесточением, отбивая ногу. Скрежетало оружие, звякали котелки. А мимо нас, как бы качаясь, уходила толпа, широкий песчаный проспект, низкие дома, длинные утренние тени, тянувшиеся поперек улицы. Уходил наш последний мирный дом, Земля Обетованная, наша юность, утренняя заря...

*Н. Новицкий*²⁰⁷

КАДЕТЫ В ДРОЗДОВСКОМ ПОХОДЕ

(Яссы—Дон, 1918 год²⁰⁸)

Во время формирования полковником М.Г. Дроздовским своего отряда в городе Яссы, в Румынии, в этот отряд добровольцами записались два кадета, приехавшие на Румынский фронт повидать своих отцов: Вирановский²⁰⁹, 16 лет Одесского корпуса, и я, 15 лет Первого кадетского корпуса. Конечно, мы оба избрали конницу и попали в Первый

эскадрон; Вирановский во второй взвод, а я в четвертый, которым командовал мой однокашник, штабс-ротмистр В. Бехтеев²¹⁰.

Наш эскадрон стоял под Яссами, в Соколах, готовясь к выступлению. Ежедневно проводились конные занятия, что было для меня незнакомым и непривычным делом. Экипировку я получил от своего отца — солдатскую шинель с погонами моего корпуса, офицерское седло, уздечку с мундштуками, офицерскую шашку и револьвер системы браунинг. Все это совершенно не походило для рядового, и в походе я все это заменил на солдатское, кроме браунинга. В нашем кавалерийском взводе было всего 16 всадников, из них было только три кавалерийских офицера: командир взвода и два корнета, а остальные были офицеры пехотных полков.

Нам, кадетам, приходилось часто нести дневальство по конюшням, и это приучало обходиться с лошадьми. Как-то неловко было будить смену, если это был один из корнетов, который громко возмущался (конечно, в шутку), что корнет должен дневалить, когда кадет должен почесть за счастье его заменить!

Нас, кадет, не цукали и оказывали нам поддержку во всех случаях нашей службы. Лично мне было очень трудно, в особенности по тревоге, поднять седло на коня, к которому было приторочено: переметные сумы с двумя подковами, щетка со скребницей, овес, сетка с сеном, попона, шинель и запас белья. Один раз я по тревоге вскочил в строй без седла и получил два наряда. Наказание было — «под шашку», дневальство вне очереди, чистка кобылы командира взвода и идти в походе одну-две версты, ведя коня на поводу.

За все время я только один раз получил два часа «под шашку», хотя мог получить более строгое дисциплинарное взыскание, когда мы шли эшелонами из Ясс в Кишинев и я был дневальным в вагоне, где находилось 8 коней и 8 кавалеристов. Под утро, когда эшелон остановился на одной станции, уже в Бессарабии, румыны хотели нас разоружить. Была поднята тревога, и я это время проспал и не разбудил офицеров...

Кончилось все благополучно, когда мы выставили на крышах вагонов пулеметы, мир был восстановлен, а румынский

офицер за проявленную инициативу получил пощечину. Свои два часа наказания я отстоял уже в Кишиневе.

С Кишинева начался наш поход в 1200 верст до Новочеркаска. В марте, после переправы через Буг, стало морозить и пошел снег, чего мы никак не ожидали. У Вирановского и у меня не было теплого обмундирования. Некоторым спасеньем для нас являлось назначение нас квартирными от наших взводов, что позволяло нам быстро добираться до стоянки эскадрона в населенном пункте.

Вскоре наступили теплые дни. В середине похода, перед Бердянском, я был совершенно неожиданно назначен полковником Дроздовским ординарцем к командиру полка, генералу Семенову (моему однокашнику по корпусу). На этой новой должности мне было много легче, чем при несении службы в эскадроне. Моим прямым начальником был оперативный адъютант, капитан П.В. Колпышев²¹¹, который посылал меня с донесениями по разным частям отряда...

В качестве ординарца, при исполнении разных поручений, часто в боевой обстановке, я подвергался большим опасностям, чем находясь в строю. Уже приближаясь к Дону, я узнал, что в отряд поступили еще два кадета, но нам не пришлось с ними встретиться, по-видимому, они попали в артиллерию, где было много молодежи. При продвижении нашего отряда чувствовалось неприязненное отношение к нам населения, и порой случались трагические эпизоды; так, два наших офицера из пехотной части зашли в хутор, чтобы напиться молока, на них напали жители, и один из них был убит. Капитан Колтышев запретил мне удаляться далеко от отряда, что я раньше часто делал и этим подвергал себя опасности нападения.

Наконец мы вошли в Область Войска Донского, где население относилось к нам сочувственно. В конце апреля, в Страстную субботу, наш отряд повел наступление на Ростов. Мне все время приходилось скакать взад и вперед между нашими частями, ведущими бой с красными. Немецкое командование предлагало нам свою помощь против красных, но Дроздовский от нее отказался.

На первый день Святой Пасхи мне было вручено донесение, которое я должен был передать полковнику Руммелю²¹² на ле-

вом фланге нашей позиции, где наша пехота вела неравный бой с превосходящими силами красноармейцев. Верхом туда проехать было невозможно и я, сняв с себя карабин и шашку, перебежал гать гвоздильного завода, где находился наш штаб, и бегом побежал к нашей цепи и тут был накрыт разорвавшимся вблизи снарядом. Был контужен и легко ранен в правую руку, но все же передал донесение по назначению. В полевом околотке мне перевязали руку и смазали йодом шею, пострадавшую от контузии.

Ввиду неблагоприятно сложившейся обстановки и из опасения быть окруженными, нам пришлось отступить. Мы пошли на Новочеркасск, где я находился на амбулаторном лечении в лазарете. В станице Мечетинской наш отряд присоединился к Добровольческой армии, и этим соединением наше задание было выполнено!

В конце мая полковник Дроздовский назначил парад своему отряду на площади станицы Ягорлыцкой. На этом параде полковник Дроздовский вызвал перед строем двух добровольцев и меня и наградил нас Георгиевскими крестами за бой под Ростовом. Оказывается, я был представлен к награде полковником Румелем и капитаном Колтышевым. Во время прохождения церемониальным маршем награжденные шли впереди. Для меня этот день остался незабываемым!

Как Вирановский, так и я, пронесли погоны наших корпусов на своих плечах до конца похода. По приказу главнокомандующего, генерала Деникина, все юнкера и кадеты, совершавшие Ледяной и Дроздовский походы, были произведены в офицеры. Вирановский в 17 лет стал корнетом, а я удостоился ефрейторской лычки по Георгиевскому статусу и только осенью 1920 года получил производство в подпоручики, будучи в конно-подрывной команде красных бронепоездов — «Ермака» и «Товарища Чуркина» под станцией Синельниково. Эти бронепоезда были захвачены батальоном 2-го полка генерала Харжевского²¹³.

Комментарии

¹ Из книги: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Т. 1. Париж, 1962.

² **Гернберг Сергей Николаевич**, р. в 1898 г. Из дворян, сын полковника. Подпоручик. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., в январе 1918 г. в партизанском отряде сотника Грекова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Вооруженных силах Юга России в 1-й телеграфной роте. Штабс-капитан (9 декабря 1919 г.). Эвакуирован из Одессы в Египет. Умер 2 июля 1975 г. в Александрии (Египет).

³ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 5. Февраль 1962.

⁴ Имеется в виду полковник В.А. Симановский.

⁵ **Мыльников Владимир Степанович**, р. 19 мая 1895 г. в Новочеркаске. Окончил Новочеркасское реальное училище (был студентом Донского политехнического института), Николаевское артиллерийское училище (1917). Офицер 26-й Донской казачьей батареи. Участник Степного похода в отряде есаула Ф.Д. Назарова пулеметчиком, затем инструктор артиллерии в 1-м дивизионе 1-й Донской казачьей дивизии. В марте 1920 г. взят в плен, бежал и воевал в повстанческой армии на Кубани в отряде полковника Крыжановского, весной — летом 1920 г. командир отдельной Донской казачьей батареи в войсках генерала Фостикова на Кубани. В Русскую Армию прибыл за несколько дней до эвакуации Крыма. Есаул. В эмиграции в Югославии и Франции. Участник РОА, с 1948 г. в Бразилии. Председатель отдела Союза Инвалидов, член военно-исторического кружка. Умер 12 августа 1974 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

⁶ Впервые опубликовано: Родимый край. № 105. Март—апрель 1973.

⁷ Автор этих воспоминаний — участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Жил в эмиграции во Франции. Умер после 1963 г.

⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 17. Февраль 1963.

⁹ Штабс-капитан **князь Георгий Чичуа** вышел в 1-й Кубанский поход командиром 2-й роты Корниловского полка. Убит 1 марта 1918 г. у ст. Березанской.

¹⁰ **Садовень Алексей Владимирович**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в отряде полковника Симановского; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в

Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осень 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан.

¹¹ Речь идет о полковнике В.А. Симановском.

¹² **Колчинский Александр Александрович**, р. в 1881 г. в Туркестане. Сын подполковника, двоюродный брат генерала А.Г. Корнилова. Окончил 2-й кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академию Генштаба. Подполковник оперативного отдела Ставки. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, штаб-офицер для поручений при штабе армии. В октябре 1918 г. заведующий передвижением войск, с 11 января 1919 г. начальник военно-дорожного отдела Управления военных сообщений. Полковник. Эвакуирован до осени 1920 г. из Феодосии. В эмиграции служил в Конго. Умер 17 февраля 1965 г. в Брюсселе.

¹³ **Долинский Виктор Иванович**. Поручик, адъютант генерала А.Г. Корнилова до августа 1917 г. и в 1-м Кубанском походе. Затем в Сибири, адъютант атамана Семенова. В эмиграции в США. Умер 27 декабря 1967 г. во Флориде (по другим сведениям, в Медии, Пенсильвания).

¹⁴ Речь идет о Ф.Д. Назарове.

¹⁵ Приводимые воспоминания корниловцев (автор первого фрагмента не назван) были опубликованы в сборниках: Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж. 1974; Корниловский ударный полк. Париж, 1936.

¹⁶ **Долгополов Александр Федорович**. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан Корниловского полка. В эмиграции в США, председатель Союза Первопоходников в Калифорнии, в 1961—1968 гг. член редколлегии журнала «Вестник первопоходника», затем издатель журнала «Первопоходник». Умер 12 марта 1977 г. в Лагуна-Бич (США).

¹⁷ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 13. Октябрь 1962.

¹⁸ Об обстоятельствах гибели подрывной команды см. ранее.

¹⁹ 3-я Киевская школа прапорщиков.

²⁰ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 16. Январь 1963.

²¹ Акт составлен Особой следственной комиссией по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России, которая была образована 4 апреля 1919 г. Комиссия руководствовалась Уставом уголовного судопроизводства 1914 г. и имела право вызывать и допрашивать потерпевших и свидетелей, производить осмотры, обыски, выемки, освидетельствования и другие следственные действия, а протоколы, составленные комиссией, имели силу следственных актов. Дела комиссии публиковались отдельными выпусками. Несколько десятков их было переиздано в книге: Красный террор в годы Гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). Ред.-составитель Ю.Г. Фельштинский. Лондон, 1992. В настоящем издании публикуется часть акта, непосредственно касающаяся боев в городе в январе 1918 г.

²² Генерал от кавалерии **Павел Карлович фон Ренненкампф** (р. 1854) в мировую войну командовал 1-й армией. Расстрелян большевиками 1 апреля 1918 г. в Таганроге.

²³ **Коваленский Михаил Григорьевич**. В Добровольческой армии; до 5 февраля 1918 г. командир партизанского отряда своего имени. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан. Умер 8 апреля 1977 г. в Лос-Анджелесе (США).

²⁴ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 86—87. Декабрь 1968. В настоящем издании воспроизводится отрывок из письма М.Г. Коваленского в редакцию (отзыва на одну из статей журнала) под названием «Кое-что о статье, посвященной Варе Салтыковой».

²⁵ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 30. Март 1964.

²⁶ **Крицкий Александр А.** Ротмистр 15-го уланского Татарского полка. В Добровольческой армии в январе 1918 г. командир взвода 1-го кавалерийского дивизиона, с 8 февраля 1918 г. командир 1-го эскадрона, затем в 1-м Конном полку. В Русской Армии в 3-м кавалерийском полку. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Полковник (с 20 августа 1919 г.). В эмиграции. Умер после 1961 г.

²⁷ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 5. Февраль 1962.

²⁸ Имеется в виду л.-гв. Уланский Его Величества полк.

²⁹ Из книги: В.Е. Павлов. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Т. 1. Париж, 1962.

³⁰ Штабс-капитан **Згривец** (произведен из подпрапорщиков) в 1-м Кубанском походе был командиром взвода 1-й Офицерской роты. Убит в мае 1918 г. под Сосыкой.

³¹ Впервые опубликовано: Часовой. № 564—565.

³² **Крылов Иван Николаевич**, р. в 1891 г. Подпоручик. В Добровольческой армии с конца 1917 г. в 1-й Офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В октября 1918 г. — июле 1919 г. в 1-й роте 1-го Марковского полка, с 26 мая 1919 г. поручик, с 1 июня 1919 г. штабс-капитан. Затем в Особой офицерской Ставки главнокомандующего роте до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор».

³³ Подписано инициалами. Автор — **Рейнгардт Юрий (Георгий) Александрович**. Студент Института восточных языков, окончил Александровское военное училище (1917). Прапорщик 175-го пехотного полка. Член Алексеевской организации в Петрограде. Чернецовец. В январе 1918 г. в 1-м Офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й роте Офицерского полка. В октябре 1918 г. в 1-й роте Марковского полка, затем в охране Великого князя Николая Николаевича, охранной роте при Ставке, с мая 1919 г. снова в 1-м Марковском полку, затем во 2-м Марковском полку, с августа 1919 г. командир роты того же полка до эвакуации Крыма. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Капитан. В эмиграции в Бельгии. Умер 5 апреля 1976 г. в Брюсселе.

³⁴ Впервые опубликовано: Ледяной поход. 1918—1953. [Нью-Йорк, 1953]

³⁵ **Макриди (Стенрос) Анатолий Григорьевич**, р. 8 мая 1902 г. в Москве. Сын пианиста из купцов. Кадет 6-го класса 1-го Московского кадетского корпуса. Зимой 1917—1918 гг. участник боев на Дону в партизанском отряде Семилетова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку и комендантской сотне. Ранен под Выселками, контужен под Екатеринодаром. С апреля 1918 г. прапорщик. Уволен по болезни в середине мая 1918 г. Летом 1918 г. вернулся в Москву, где жил до Второй мировой войны, затем в Риге, с 1 апреля 1942 г. до 12 сентября 1944 г. редактор газеты «За Родину». В эмиграции в Германии, затем в Австралии. Умер 4 февраля 1982 г. в Канберре.

³⁶ Впервые опубликовано: Наша страна. №1666—1667, 1982.

³⁷ Речь идет об **Андрее Андреевиче Мусселиусе**, сыне генерал-лейтенанта Андрея Робертовича (р. 1854).

³⁸ **Есаул Боков** (16-го или 17-го Донского казачьего полка) в декабре 1917 г. был в партизанском отряде полковника Семилетова (в январе 1918 г. командир сотни), в феврале 1918 г. формировал добровольческий отряд в Новочеркасске. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода командиром Баклановской сотни 1-го конного дивизиона.

³⁹ Отец А.Г. Макриди был по происхождению греком, мать (урожд. Стенрос) — шведкой.

⁴⁰ Автор подписывался как «Доброволец Иванов». По-видимому, это псевдоним, во всяком случае, ни с кем из лиц соответствующего круга с такой фамилией его отождествить не удалось. Он родился на Дону, происходил из духовенства, учился в Донской духовной семинарии, в 1917 г. был студентом переведенного в Новочеркасск Варшавского ветеринарного института. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. По возвращении из похода откомандирован в распоряжение штаба ВВД, однако вскоре поступил в 4-ю сотню конного полка отряда полковника Дроздовского (2-й конный офицерский полк), в котором и воевал в дальнейшем. После ранения эвакуирован в феврале 1920 г. с госпиталем в Египет, откуда возвратился в Русскую Армию в Крым. После эвакуации был в Галлиполи. Затем жил в Болгарии, пел в казачьем хоре. Он оставил довольно обширные воспоминания, из которых в настоящем издании публикуется фрагмент, относящийся ко времени до 1-го Кубанского похода.

⁴¹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 30. Март 1964.

⁴² **Курочкин Василий**. Поручик. В Донской армии; в январе 1918 г. командир сотни в отряде Чернецова. Ранен 18 января 1918 г. у Лихой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Капитан. Убит 28 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁴³ **Федоров Николай Васильевич**, р. 30 ноября 1901 г. на хуторе в низовьях Дона. Учащийся Новочеркасской Платовской гимназии. Доброволец отряда Чернецова. В 1918—1919 гг. служил в одной из батарей Донской армии, затем вновь учился в гимназии. С начала 1920 г. до эвакуации

Новороссийска командир взвода добровольческого батальона, после чего был зачислен в дивизион л.-гв. Атаманского полка, затем служил в донском казачьем дивизионе в Крыму. Был на о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии (служил в болгарской армии), с 1929 г. в США, где окончил Колумбийский университет. Работал инженером, затем профессор в Колумбийском университете. С 1965 г. — Донской атаман в Зарубежье.

⁴⁴ В настоящем издании приводится фрагмент главы из книги: Федоров Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона. Ростов-на-Дону, 1994.

⁴⁵ Здесь публикуется 10-я глава из книги: Мельников Н.М. А.М. Каледин герой Луцкого прорыва и Донской атаман. Париж, 1968.

⁴⁶ **Елатонцев Семен Георгиевич**, р. ок. 1886 г. Инженер. В январе 1918 г. член Донского правительства, секретарь канцелярии Донского атамана. Уволен в отставку 1 августа 1921 г.

⁴⁷ **Ильин Александр Николаевич**. Полковник, командир 9-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. В январе—феврале 1918 г. в Донской армии на той же должности. В 1918—1919 гг. помощник начальника Донской артиллерии по строевой части, инспектор артиллерии 10-й Донской конной дивизии, с 3 августа 1919 г. инспектор артиллерии 4-го Донского корпуса. В Русской Армии на 1 октября 1920 г. командир Донского учебного арtdивизиона. Генерал-майор (6 мая 1920 г.).

⁴⁸ Воспоминания Е.Е. Ковалева публикуются ниже.

⁴⁹ **Усачев Куприян Яковлевич**, р. в 1857 г. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. окружной атаман ст. Каменской, командующий войсками Каменского района. Убит большевиками 17 марта 1918 г. в Новочеркасске.

⁵⁰ **Жеребков Алексей Михайлович**, р. в 1897 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, внук офицера л.-гв. Казачьего полка. Корнет. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в Донской армии; сотник, с апреля 1919 г. подъесаул л.-гв. Казачьего полка, адъютант Донского атамана. Есаул (сентябрь 1920 г.). В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 15 сентября 1932 г. в Ницце.

⁵¹ **Добрынин Владимир Васильевич**, р. 9 июля 1883 г. Из казаков станицы Заплавской Области Войска Донского, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1901), Михайловское артиллерийское училище (1904), академию Генштаба (1913). Капитан, старший адъютант штаба 53-й пехотной дивизии. В Донской армии с 1 августа 1918 г.; с 31 августа 1918 г. подполковник и начальник разведывательного отдела штаба Донской армии, с 5 октября 1918 г. полковник, с 28 июня 1919 г. начальник оперативного отдела штаба Донской армии, с 25 марта 1920 г. командирован за границу с особым поручением, на 1 августа 1920 г. в Русской Армии. В эмиграции во Франции, историк. Умер после 1936 г. в Париже.

⁵² **Падалкин Алексей Петрович**. Чернецовец. Участник Степного похода. Затем чиновник особых поручений при помощнике начальника Особого отделения штаба Ростовского военного округа (в мае 1919 г. сотник). В эмиграции во Франции. Есаул. Умер 15 сентября 1975 г. в Париже (похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа).

⁵³ **Земчихин Борис Яковлевич**, р. 26 июня 1900 г. Окончил 1-й кадетский корпус. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик; на 3 января 1919 г. на бронепоезде «Витязь». Затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. Застрелился 6 апреля 1929 г. в Софии.

⁵⁴ Опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

⁵⁵ Штабс-ротмистр **Н.И. Иноземцев**, командир 3-й сотни Чернецовского отряда, был убит 9 февраля 1918 г. в Ростове.

⁵⁶ **Каменский Павел Николаевич**. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1917). Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, в январе 1918 г. в составе отряда Чернецова. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Впоследствии в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма (в сентябре 1920 г. штабс-капитан, старший офицер, позже командир батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Капитан (с 1920 г.). В эмиграции в Болгарии и Франции. Умер 29 января 1928 г. в Париже.

⁵⁷ Опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

⁵⁸ **Иегулов Сергей Владимирович**. Портупей-юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. Умер до 1967 г.

⁵⁹ Впервые опубликовано в издании Марковского артиллерийского дивизиона и перепечатано в журнале «Часовой». № 112—113.

⁶⁰ **Туроверов Николай Николаевич**, р. в марте 1899 г. в ст. Старочеркасской Области Войска Донского. Из казаков ВВД. Окончил Каменское реальное училище. Вольноопределяющийся л.-гв. Атаманского полка. В январе 1918 г. в отряде Чернецова. Участник Степного похода в Атаманском отряде. Произведен в офицеры за боевое отличие. В ноябре 1919 г. начальник пулеметной команды л.-гв. Атаманского полка. Подъесаул. Был на о. Лемнос. В эмиграции в Югославии и Франции, служил в Иностранном легионе. Известный поэт. Редактор газеты «Казачий Союз», в 1939 г. член редколлегии «Казачьего Альманаха» в Париже. Секретарь и заведующий музеем объединения л.-гв. Атаманского полка. Умер 23 сентября 1972 г. в Париже (погребен в Сент-Женевьев-де-Буа).

⁶¹ Опубликовано в книге: Мельников Н.М. А.М. Каледин герой Луцко-го прорыва и Донской атаман. Париж, 1968, а также в журнале «Часовой», № 655—660.

⁶² **Бугураев Максим Константинович**, р. в 1892 г. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус (1910), Михайловское артиллерийское училище (1913). Офицер Донской артиллерии. В феврале 1918 г. адъютант начальника Донской артиллерии, в апреле 1918 г. участник боев за Новочеркасск. Во ВСЮР командир 7-й Донской казачьей батареи, с 9 апреля 1919 г. войсковой старшина, в 1920 г. старший офицер в 3-й Донской казачьей батарее. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии и США. Умер 6 июня 1982 г. в Лейквуде (США).

⁶³ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 27. Декабрь 1963.

⁶⁴ **Житенев Максимилиан Степанович**. Есаул 12-й Донской казачьей конной батареи. С весны 1918 г. командир конной батареи в Донской армии, с 1 января 1919 г. войсковой старшина, командир 46-й Донской казачьей батареи. Убит в 1919 г. под Царицыном.

⁶⁵ **Терентьев Всеволод Михайлович**. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, 3 апреля — 7 мая 1918 г. в 5-й роте 1-го Офицерского полка, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе; затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Умер в 1977 г. в Монпелье.

⁶⁶ Опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

⁶⁷ **Беляев Александр**. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Умер до 1920 г.

⁶⁸ **Кислицын Александр**. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Затем телефонист 1-й батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Убит 19 декабря 1918 г. в с. Калиновка под Ставрополем.

⁶⁹ Из архива Марковской артиллерийской бригады. Опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

⁷⁰ **Рага Владимир**, р. в Ревеле. Из прибалтийских немцев. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марков-

ской артиллерийской бригаде. Поручик. Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леонovo.

⁷¹ **Улановский Владимир Януриевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. С 12 марта 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (в начале 1920 г. поручик, в сентябре 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции. Умер до 1967 г.

⁷² **Хартулари Сергей,** р. в Москве. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Штабс-капитан. В эмиграции пропал без вести до 1967 г.

⁷³ **Кобранов Николай Леонидович.** В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Подпоручик.

⁷⁴ **Соломон Андрей Сергеевич,** р. в Баку. Сын миллионера. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в сентябре 1919 г. поручик, командир взвода, в мае 1920 г. штабс-капитан). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Турции. Штабс-капитан. Умер до 1967 г.

⁷⁵ **Кашеев Венедикт Петрович.** Из казаков Области Войска Донского. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Убит 29 января 1918 г. у Лихой в отряде Чернецова.

⁷⁶ Опубликовано: Очерки. Марковцы первоходники-артиллеристы. Б.м., б.г.

⁷⁷ Посмертная статья автора; впервые опубликована: Вестник первоходника. № 91. Апрель—май 1970.

⁷⁸ **Упорников Николай Николаевич,** р. 15 июля 1887 г. Из казаков ст. Акишевской Области Войска Донского. Полковник л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. В январе 1918 г. командир офицерской казачьей дружины при атамане. Остался в Новочеркасске. На 1 января 1919 г. полковник, инспектор артиллерии Северо-Западной группы Северного фронта Донской армии, затем командир артиллерийского дивизиона 1-й Донской конной дивизии, в 1920 г. командир 1-го Донского конно-артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. Генерал-майор (9 марта 1920 г.). Был на о. Лем-

нос, с мая 1921 г. командир кадра л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. В эмиграции в объединении л.-гв. Конной артиллерии в Париже. Умер 17 июня 1958 г. в Париже (погребен на Сент-Женевьев-де-Буа).

⁷⁹ **Ковалев Евгений Елеазарович.** Окончил Донской кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище (1915). Сотник. В январе 1918 г. командир 1-го партизанского артиллерийского взвода. С 1 января 1919 г. есаул, командир 35-й Донской казачьей батареи; летом 1920 г. в 3-й Русской армии в Польше, с 9 мая 1921 г. по август 1922 г. командир Донского казачьего артиллерийского дивизиона в Польше. Умер 17 июля 1971 г. во Франции.

⁸⁰ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 31. Июль 1958.

⁸¹ Имеется в виду А.Н. Ильин (см. выше).

⁸² **Мелихов Александр Николаевич.** Сотник, в 1920 г. в 4-й Донской казачьей батарее 2-го Донского легкого артиллерийского дивизиона. С 25 ноября 1919 г. подьесаул.

⁸³ **Неживов Терентий Трифионович.** Подьесаул, командир батареи Донской артиллерии. В январе 1918 г. командир 3-го партизанского артиллерийского взвода. Участник Степного похода, командир 1-й отдельной батареи. Убит 25 марта 1918 г. на хуторе Мокрый Гашун.

⁸⁴ **Николаев Константин Николаевич.** Офицер (с 1912 г.) 148-го пехотного полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Кубанском стрелковом полку. Полковник. В эмиграции в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Председатель Союза Инвалидов, с 1924-го по 1944 г. секретарь Главного правления Союза Первопоходников. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в лагере Келлерберг, редактор журнала «На рубеже», председатель отдела Союза Первопоходников и председатель РНО в Австрии. Умер 14 мая 1963 г. в Виллахе (Австрия).

⁸⁵ Впервые опубликовано: Часовой. № 331—332.

⁸⁶ **Пржевальский Михаил Алексеевич,** р. в 1859 г. Генерал от инфантерии, с осени 1917 г. командующий Кавказской армией. В эмиграции в Югославии, член объединения л.-гв. 2-й артиллерийской бригады.

⁸⁷ **Савицкий Вячеслав Дмитриевич,** р. в 1880 г. в Кубанской области. Окончил Оренбургский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Есаул Собственного Е.И.В. конвоя. В конце 1917-го — 1918 г. советник Кубанского правительств. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 12 марта 1918 г. полковник, с осени 1918 г. генерал-майор, член Кубанского краевого правительства по военным делам, затем командирован во Францию, где остался; с 2 декабря 1919 г. исключен из списков Кубанского казачьего войска. Умер 12 февраля 1963 г. в Голливуде (США).

⁸⁸ **Черный Константин Константинович** (р. 1871, офицер с 1891). Генерал-майор, начальник 5-й Кавказской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. — 9 января 1918 г. главнокомандующий вооруженными силами Кубанского края.

⁸⁹ **Улагай Сергей Георгиевич,** р. в 1875 г. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского каза-

чьего войска. Участник выступления генерала Корнилова. С конца 1917 г. командир отряда Кубанских войск, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор. Затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией; в марте 1920 г. командующий Кубанской армией, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920-го руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919). В эмиграции в Югославии. В годы Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

⁹⁰ **Букретов Николай Андрианович**, р. в 1876 г. Окончил Тифлисское реальное училище, Московское пехотное юнкерское училище (1896), академию Генштаба (1911). Генерал-майор, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады. 9 — 17 января 1918 г. командующий Кубанской армией, в январе — апреле 1920 г. Кубанский атаман. В эмиграции в Константинополе.

⁹¹ **Гульга Иван Емельянович**, р. в 1857 г. Окончил академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант. 17 января — 14 февраля 1918 г. командующий Кубанской армией; с 1 августа 1918 г. в резерве чинов Кубанского казачьего войска, в 1919 г. врид начальника 8-й Донской казачьей дивизии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса.

⁹² **Галаев Петр Андреевич**, р. в 1879 г. Из осетин ст. Ново-Осетинской Терской области. Сын войскового старшины. Окончил Владикавказское реальное училище, Новочеркасское военное училище (1900). Войсковой старшина 2-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В декабре 1917 г. организатор и командир первого добровольческого отряда на Кубани. Убит 22 января 1918 г. у ст. Энем.

⁹³ **Корсун Юрий Флорентинович**. Из казаков ст. Елизаветинской Кубанской обл., сын генерала. Есаул 3-й Кубанской конной батареи. Георгиевский кавалер. С 1 декабря 1917 г. командир 2-й Кубанской казачьей пластунской батареи, в январе 1918 г. командир добровольческой батареи, командир взвода конной артиллерии в отряде полковника Кузнецова на Кубани, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 1 августа 1918 г. в резерве чинов Кубанского казачьего войска, с 26 февраля 1919 г. инструктор Учебно-подготовительной артиллерийской школы, с 15 марта 1919 г. командир 6-й Кубанской казачьей конной батареи. Генерал-майор. Умер от испанки в январе 1920 г.

⁹⁴ **Демяник Николай Моисеевич**, р. в 1877 г. Из казаков ст. Медведовской Кубанской обл. Офицер с 1897 г. Полковник, командир 154-го пехотного полка. В январе 1918 г. в кубанских частях в Екатеринодаре, в феврале 1918 г. командир сотни конного дивизиона, в марте 1918 г. командир конно-офицерского отряда в Кубанском отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Взят в плен и расстрелян 23 марта 1918 г. в с. Грачевка.

⁹⁵ В идентификации личности этого офицера существует противоречие. В одном случае говорится о Н.Н. Лесевицком. Тогда это Лесевицкий Николай Николаевич (р. 1879, офицер артиллерии с 1900 г.), в конце 1916 г. это и единственный полковник с такой фамилией. Однако А.В. Пермяков (чьи воспоминания см. ниже), ближе других знавший полковника Лесевицкого, определенно именует его Алексеем Петровичем.

⁹⁶ **Чекалов Павел Никифорович**, р. в 1875 г. В начале 1918 г. командир добровольческого отряда на Кубани, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 13 марта 1919 г. командир 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. Полковник. Умер 24 июня 1932 г. в Мостаре (Югославия).

⁹⁷ **Бардиж Кондратий Лукич**, р. 9 марта 1868 г. в ст. Брюховецкой Кубанской обл. Из казаков той же станицы. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1888). Подъесаул, член Государственной Думы, комиссар Кубанского края от Временного правительства. С ноября 1917 г. министр внутренних дел Кубанского правительства, в конце 1917 г. начальник добровольческого отряда на Кубани, с которым совершил экспедицию на Тамань. Расстрелян большевиками 9 марта 1918 г. в Туапсе вместе с двумя сыновьями.

⁹⁸ **Успенский Николай Митрофанович**, р. в 1875 г. Из казаков ст. Калладжинской Кубанской обл. Окончил Ставропольскую гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1896), академию Генштаба (1905). Генерал-майор, командир Кубанской бригады в Персии, затем управляющий Кубанским военным ведомством. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем член Кубанского правительства, затем командир бригады Кавказской конной дивизии под Царицыном до 5 сентября 1919 г., преподаватель Александровского военного училища, с 31 октября 1919 г. в резерве Кубанского казачьего войска, с ноября 1919 г. Кубанский атаман. Умер от тифа 17 декабря 1919 г. в Екатеринодаре.

⁹⁹ **Ревдев Игорь Андреевич**, р. в 1878 г. Офицер с 1900 г. Генштаба полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 28 апреля 1919 г. штаб-офицер для поручений при штабе 1-го Кубанского корпуса, с 22 июля 1919 г. начальник штаба того же корпуса. Генерал-майор.

¹⁰⁰ Полковник **Султан-Келеч-Гирей** был командиром 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. — начальник Черкесской конной дивизии. Генерал-майор.

¹⁰¹ **Туненберг Ростислав Михайлович**. Из дворян. Штабс-капитан, командир роты Киевского военного училища. В феврале — марте 1918 г. в войсках Кубанского края, с марта 1918 г. подполковник, командир Кубанского стрелкового полка, с 17 марта командир 1-го Кубанского стрелкового полка, полковник. С 9 ноября 1918 г. член комиссии по организации кубанских частей, с 19 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й дивизии с оставлением командиром полка, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии, с 11 марта 1919 г. командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка, с 15 июня 1919 г. генерал-майор. 26 июля 1919 г. уволен от службы. В мар-

те 1920 г. начальник участка на Перекопе, в мае — командир бригады 34-й пехотной дивизии.

¹⁰² **Образ Василий Никитич** (р. 1871, офицер с 1892 г.).

⁴¹³ **Крыжановский Владимир Васильевич**. Войсковой старшина 2-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. В войсках Кубанского края, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 12 марта 1918 г. полковник, затем командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 22 января 1919 г. начальник той же дивизии, с осени 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. Убит в феврале 1920 г. под Белой Глиной.

¹⁰⁴ **Карцов Владимир Александрович**, р. в 1860 г. Из дворян. Окончил Пажеский корпус (1879), академию Генштаба (1885). Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант. В марте 1918 г. в Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза Кубанского отряда. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, председатель офицерского суда чести. Летом 1921 г. ближайший помощник и переводчик генерала Кутепова. В эмиграции председатель объединения 5-го гусарского полка. Умер 15 октября 1938 г. в Белой Церкви (Югославия).

Карцов Петр Александрович, р. в 1852 г. Генерал-лейтенант. В марте 1918 г. в Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода рядовым.

¹⁰⁵ Воспоминания В.Г. Науменко приводятся ниже.

¹⁰⁶ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 29—30. Февраль—март 1964. В настоящем издании опущены фрагменты, содержащие общие сведения об образовании Добровольческой армии на Дону и ее выступлении в 1-й Кубанский поход.

¹⁰⁷ В эмигрантской печати часто встречаются сильно завышенные цифры численности офицерского корпуса Русской Армии. По-видимому, в них включаются и военные чиновники. На самом деле в общей сложности за войну было произведено в офицеры около 220 тыс. человек. Учитывая, что непосредственно после мобилизации (до начала выпуска офицеров военного времени) численность офицерского корпуса составила примерно 80 тыс. человек, общее число офицеров составит 300 тыс. Из этого числа следует вычесть потери, понесенные в годы войны. Число убитых и умерших от ран по различным источникам колеблется от 13,8 до 15,9 тыс. человек, погибших от других причин (в т. ч. в плену) — 3,4 тыс., оставшихся на поле сражения и пропавших без вести — 4,7 тыс., то есть всего примерно 24 тыс. человек. Таким образом, к концу войны насчитывалось около 276 тыс. офицеров, из которых к тому же к этому времени 13 тыс. еще оставались в плену, а 21—27 тыс. по тяжести ранений не смогли вернуться в строй. (Об этом подробно см.: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.)

¹⁰⁸ Воспоминания В.Я. Крамарова публикуются ниже.

¹⁰⁹ **Сербин Юрий (Георгий) Владимирович**, р. в 1888 г. Из дворян Вольнской губ. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1908), академию Генштаба (1916). Офицер Кавказского конно-горного дивизиона. Генерального штаба капи-

тан, старший адъютант и и.д. начальника штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии. В Добровольческой армии в отряде полковника Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 24 июля 1918 г. начальник штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, подполковник, затем генерал для поручений при командующем Кавказской армии, в дальнейшем — в штабах Донской армии; в Русской Армии начальник штаба генерала Бабиева. Полковник. В эмиграции в Югославии, чиновник в военном министерстве, член правления Союза Первопоходников в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Аргентине. Умер 10 марта 1963 г. в Буэнос-Айресе.

¹¹⁰ Опубликовано: Вестник первопоходника. № 25. Октябрь 1963. Тот же материал в несколько сокращенном виде под названием «Белая борьба на Кубани 1917—1918 гг.» см.: Русское слово, 13.02.1959. № 130 и Вестник первопоходника, № 76—78. Январь—март 1968.

¹¹¹ Имеется в виду Киевское Константиновское военное училище. Принимало участие в боях с большевиками в Киеве 25 октября — 1 ноября 1917 г. (убито 2 офицера и 40 юнкеров, ранено 2 и 60). Прибыло в Екатеринодар 13 ноября 1917 г. в составе 25 офицеров и 131 юнкера во главе с генералом Калачевым. Большинство их (около 100 офицеров и юнкеров) погибло в Кубанских походах. Участвовало в боях на Кубани с 21 января 1918 г., в 1-м и 2-м Кубанских походах (с 2 марта 1918 г. полусотни 3-й сотни 1-го Кубанского стрелкового полка). К 3 августа 1918 г. в нем осталось 11 офицеров и 14 юнкеров. Прием по полному курсу был открыт в Симферополе 1 января 1919 г. (67-й выпуск), а 3 сентября 1919 г. — еще один (68-й выпуск). 6 августа 1919 г. переведено в Феодосию. 26 декабря 1919 г. — 28 апреля 1920 г. обороняло Перекопский перешеек, 30 июля — 28 августа 1920 г. участвовало в Кубанском десанте. Всего с января 1919 г. училище потеряло убитыми 4 офицеров и 64 юнкера и ранеными — 9 и 142 соответственно. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Святого Николая Чудотворца, 187 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. За 5 лет сделало 3 полных (двухлетних) и 2 ускоренных выпуска — всего 343 офицера. В Галлиполи 5 декабря 1920 г. были произведены в офицеры 114 юнкеров его 67-го выпуска (первого набора в белой армии), 4 июня 1922 г. — 109 человек 68-го выпуска, в 1923 г. — юнкера 69-го выпуска. После преобразования армии в РОВС до 30-х г. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса (3) (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 148 чел. в т. ч. 133 офицера. В 1926 г. в Париже основано Объединение Киевлян-Константиновцев и Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев во Франции и Югославии, существовавшие до Второй мировой войны. Общество взаимопомощи Киевского Константиновского училища насчитывало к 1930 г. более 200 чел.

¹¹² **Косинов Георгий Яковлевич.** Из казаков ст. Ладожской Кубанской обл. Полковник 5-й Кавказской казачьей дивизии. В декабре 1917 г. в отряде полковника Лесевицкого, в феврале 1918 г. начальник конного от-

ряда Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Весной 1918 г. командир Корниловского конного полка, с октября 1919 г. начальник 1-й Кубанской казачьей отдельной бригады, с 10 декабря 1919 г. начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии. Генерал-майор. Взят в плен в апреле 1920 г. на Кавказском побережье; в августе 1920 г. в тюрьме г. Рыбинска.

¹¹³ **Третьяков Владимир Иванович**, р. в 1897 г. Из казаков ст. Натухаевской Кубанской обл. Окончил Владикавказский кадетский корпус, Оренбургское военное училище. Подъесаул. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник команды конных разведчиков Сводно-Кубанской офицерской батареи, затем в Корниловском конном полку, с 26 декабря 1918 г. есаул. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Кубанской конной батарее. Полковник. В эмиграции в Югославии служил в Русском Корпусе. Вице-председатель Союза Первопоходников, в 1966—1974 гг. Кубанский атаман. Умер 18 сентября 1975 г. на Толстовской ферме (погребен в Новодивеево).

¹¹⁴ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 24. Май 1957. В настоящем издании опущены фрагменты, выходящие за хронологические рамки тома.

¹¹⁵ Воспоминания Е. Полянского приводятся ниже.

¹¹⁶ **Бершов Константин Георгиевич**. Из дворян. Капитан. В январе 1918 г. командир инженерной сотни Кубанской армии, в феврале 1918 г. командир взвода в инженерной роте отряда полковника Лесевицкого. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР командир 2-й отдельной инженерной роты. Полковник железнодорожных войск. Осенью 1925 г. в составе 3-го Донского казачьего полка в Болгарии. Умер 26 июля 1958 г. в Эпинэ (Франция).

¹¹⁷ **Попов Сергей Васильевич**. Полковник инженерных войск. В марте 1918 г. командир взвода в инженерной роте отряда полковника Лесевицкого. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Генерал-майор. В эмиграции.

¹¹⁸ **Мащенко С.М.** Действительный статский советник, военный врач. Областной врач Кубанского казачьего войска. В январе 1918 г. начальник лазарета Кубанской армии, начальник санчасти Кубанского отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В эмиграции в Париже.

¹¹⁹ **Мальшенко Н.И.** Окончил Николаевское кавалерийское училище. Гвардии есаул. В марте 1918 г. командир взвода 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 2-й сотни конного полка полковника Глазенапа. С июня 1918 г. командир 1-го Черноморского казачьего полка, полковник, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии от конницы, затем командир 2-й бригады 3-й Кубанской казачьей дивизии, с 28 ноября 1919 г. комендант главной квартиры штаба Главнокомандующего, с 1920 г. начальник отряда особого назначения. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, член правления объединения Николаевского кавалерийского училища. Умер в 1940—1944 гг. в Париже.

¹²⁰ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян Кубанской обл. Подполковник. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка, в сентябре 1918 г. полковник, командир бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен в Генеральный штаб. В эмиграции Кубанский атаман. Генерал-лейтенант. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

¹²¹ Опубликовано: Кубанский исторический и литературный сборник. № 8—9. Январь—апрель 1961. В сокращенном виде впервые опубликован за подписью «В. Мельниковский» (фамилия матери автора) под заголовком «Из недавнего прошлого Кубани» в журнале «Казачьи думы» № 7 и 8 за 1923 г.

¹²² **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской обл. Из дворян, сын офицера. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. С 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковника Кузнецова. Затем в 1-м Лабинском полку, с 25 сентября 1918 г. полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 26 января 1919 г. генерал-майор. 26 января — июль 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, начальник конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохово.

¹²³ **Камянский Ипполит Никифорович**, р. в 1875 г. Офицер с 1895 г. Полковник Кубанского казачьего войска. В январе 1918 г. в отряде полковника Покровского на Кубани, с февраля начальник того же отряда, летом 1918 г. возглавлял на Тамани правительство немецкой ориентации, затем судим и лишен чина.

¹²⁴ **Галушко Дмитрий Григорьевич**, р. в 1866 г. Полковник Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир 2-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, с 12 января 1919 г. командир Кубанского запасного конного полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма.

¹²⁵ **Барцевич Владимир Петрович**. Из потомственных почетных граждан. Окончил академию Генштаба (1913). Подполковник. В Добровольческой армии с 19 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник отдела формирований штаба армии; в декабре 1919 г. полковник, начальник штаба 4-й конной дивизии Донской армии; в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля. Убит в 1922 г.

¹²⁶ **Боголюбский Владимир Николаевич**, р. 25 марта 1898 г. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1917). Прапорщик Кавказского запасного артиллерийского дивизиона. С ноября 1917 г. в офицерском отряде при Кубанском атамане, затем в отряде войскового старшины Галаева. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галиполиец.

Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. Капитан. Умер после 1963 г. в Аргентине.

¹²⁷ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 20, 22. Май, июль 1963.

¹²⁸ **Полянский Евгений Викторович**. Капитан. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. на Кубани. В январе 1918 г. командир 1-й Кубанской добровольческой батареи отряда войскового старшины Галаева. Полковник. В эмиграции в США, член Общества Ветеранов. Умер 13 июня 1968 г. в Сан-Франциско.

¹²⁹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 16. Январь 1963.

¹³⁰ **Мяч Александр Павлович**, р. 13 апреля 1897 г. в Екатеринодаре. Окончил Тифлисское военное училище (1916). Офицер 23-го Туркестанского стрелкового полка. С ноября 1917 г. в отряде капитана Покровского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир конвойной сотни генерала Покровского. Участник десанта на Кубань в августе 1920 г. — командир конвойной сотни генерала Барбовича. Подъесаул. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. С 1949 г. в США, в 1961—1968 гг. член редколлегии журнала «Вестник первопоходника», председатель Союза Первопоходников, редактор журнала «Первопоходник». Умер 27 марта 1975 г. в Лос-Анджелесе.

¹³¹ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 1. Июнь 1971.

¹³² **Пятницкий Николай Владимирович**, р. в 1890 г. В марте 1918 г. в Кубанской армии, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии начальник штаба 34-й пехотной дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, окончил Высшие военно-научные курсы в Париже, в 1931 г. библиотечарь и казначей, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов. В 1941—1944 гг. редактор газеты Управления делами русской эмиграции «Сигнал» в Париже. До 1952 г. во французской тюрьме. Покончил самоубийством 19 ноября 1962 г. в Париже.

¹³³ **Елисеев Федор Иванович**, р. в 1892 г. в ст. Кавказской Кубанской обл. Окончил Оренбургское военное училище (1913). Подъесаул 1-го Кавказского (1-го Екатеринодарского) казачьего полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии в Корниловском конном полку, с 26 декабря 1918 г. есаул, с 2 февраля 1919 г. командир Корниловского конного полка, в декабре 1919 г. командир Сводно-Хоперского полка, феврале—апреле 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии. Полковник. Взят в плен, бежал в Финляндию. В эмиграции в Париже. Писатель и историк. Умер 3 марта 1987 г. в США.

¹³⁴ Впервые опубликовано: Новое русское слово. 3.10.1972. Здесь публикуется часть статьи, касающаяся событий на Кубани.

¹³⁵ **Сорокин Иван Лукич**, р. в 1884 г. в ст. Петропавловской. Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские

силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был главнокомандующим Красной армией Северного Кавказа, но находился в напряженных отношениях с политическим руководством возникавших там «советских республик». 30 октября 1918 г. он был арестован в Ставрополе и на следующий день убит в тюрьме.

¹³⁶ Имеется в виду эпизод, когда автор предотвратил столкновение И.Л. Сорокина с одним из офицеров, сделавшим замечание Сорокину по поводу нарушения формы одежды.

¹³⁷ **Скрылов А.И.** Прапорщик артиллерии. В ноябре 1917 г. вахмистр отдельной офицерской батареи Кубанской армии, с 1 декабря 1917 г. младший офицер, начальник команды разведчиков 2-й Кубанской казачьей пластунской батареи, затем ее старший офицер. Участник 1-го Кубанского («Ледеяного») похода. С августа 1918 г. в 6-й Кубанской казачьей конной батарее. Войсковой старшина Кубанского казачьего войска.

¹³⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 7. Апрель 1962. (примерно тот же текст под названием «Экспедиция К.Л. Бардижа» был помещен в журнале «Первопоходник», № 24. Сентябрь 1963.)

¹³⁹ **Чумаченко Михаил Васильевич**, р. в 1875 г., офицер с 1896 г. Генерал-майор. В конце 1917 г. начальник Кубанской артиллерии, в октябре 1919 г. комендант Екатеринодара.

¹⁴⁰ **Пермяков Леонид Владимирович.** Окончил Тифлисский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1907). Штабс-ротмистр 18-го драгунского полка, старший адъютант штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии. С декабря 1917 г. начальник штаба отряда полковника Лесевицкого на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледеяного») похода в 1-м Кубанском стрелковом полку. В 1918 в Егорлыкском конном полку Донской армии, затем старший адъютант штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, старший адъютант штаба 3-го армейского корпуса и общего отдела управления генерал-квартирмейстера штаба командующего войсками Терско-Дагестанского края. Полковник. В эмиграции. Умер 31 декабря 1971 г.

¹⁴¹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь—март 1968.

¹⁴² **Ляхов Владимир Платонович**, р. в 1869 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Алексеевское военное училище. Генерал-лейтенант, командир 1-го Кавказского армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 15 ноября 1918 г. командир 3-го армейского корпуса, 10 января — 16 апреля 1919 г. командующий войсками Терско-Дагестанского края, с лета 1919 г. в отставке. Убит в мае 1920 г. в Батуме.

¹⁴³ **Драценко Даниил Павлович**, р. в 1876 г. Из мещан. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академию Генштаба (1908). Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 г. командир русского корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 г. начальник Астраханского отряда, командующий войсками западного побережья Каспийского моря, коман-

дующий группой войск Астраханского направления, с 1920 г. представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуме, в августе 1920 г. начальник штаба группы войск генерала Улагая, затем начальник штаба 2-й армии, с 2 сентября до 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, начальник Загребского отдела РОВС и председатель комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Умер до 1945 г.

¹⁴⁴ Имеется в виду **Ласточкин Владимир Гурьевич** (р. 1871, офицер с 1892 г.).

¹⁴⁵ **Де Роберти Николай Александрович**, р. в 1880 г., с 1900 г. офицер артиллерии, окончил академию Генштаба. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; до 22 июля 1919 г. начальник штаба 1-й пехотной дивизии. Впоследствии попал в плен и служил в Красной Армии.

¹⁴⁶ **Пуницкий Николай Корнельевич**. Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии в разведывательном отделе штаба Главнокомандующего; с 8 октября 1919 г. причислен к Генеральному штабу.

¹⁴⁷ **Масловский Евгений Васильевич**, р. в 1876 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, академию Генштаба. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта, начальник 39-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, на 5 июля 1919 г. начальник штаба Войск Терско-Дагестанского края (Войск Северного Кавказа). Умер 29 января 1971 г. в Ментоне (Франция).

¹⁴⁸ **Томилов Петр Андреевич**, р. в 1870 г. Окончил 1-й кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академию Генштаба. Генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 8 декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе армии, затем помощник командующего войсками Северного Кавказа. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Греции и во Франции. Умер 23 июля 1948 г. в Ницце (Франция).

¹⁴⁹ **Шатилов Павел Николаевич**, р. в 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. Окончил Пажеский корпус (1900), академию Генштаба (1908). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; летом 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, генерал-лейтенант. Во ВСЮР командир 3-го и 4-го конных корпусов, 8 января — 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, 27 июля — 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии; с июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии. В эмиграции в Константинополе, где состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

¹⁵⁰ **Кулебякин Александр Парфентьевич**, р. в 1870 г. Из казаков Терской обл. Офицер с 1889 г. Генерал-майор. В Добровольческой армии; с 1 августа 1918 г. в резерве чинов Кубанского казачьего войска.

¹⁵¹ **Бабиев Гавриил Федорович**, р. в 1860 г. Офицер с 1883 г. Генерал-майор. В Добровольческой армии; с 1 августа 1918 г. в резерве чинов Кубанского казачьего войска. Генерал-лейтенант. Умер на о. Лемнос, похоронен во Вранье (в Югославии).

¹⁵² **Казмаров Петр Терентьевич**. Капитан. В феврале 1918 г. командир взвода инженерной роты отряда полковника Лесевицкого. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Подполковник. В эмиграции в Югославии, член правления Союза Первопоходников. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. После 1945 г. — в Аргентине.

¹⁵³ Впервые опубликовано: Русское слово. № 156—157. 25—26 февраля 1960; см. также: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь—март 1968.

¹⁵⁴ **Хабалов Василий Семенович**, р. в 1870 г. Из дворян Кубанской обл. Офицер с 1890 г. Полковник. В январе—марте 1918 г. командир инженерной роты отряда полковника Лесевицкого, начальник инженерной части Кубанского отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Затем запасный член военно-кассационного присутствия Кубанского края, с 6 июля 1919 г. председатель комиссии по разбору заявлений, связанных с реквизицией при управлении начальника инженеров Кубанского казачьего войска. С 1919 г. председатель Союза Первопоходников. Генерал-майор (12 марта 1918 г.). Умер 11 декабря 1934 г. в Крагуеваце (Югославия).

¹⁵⁵ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

¹⁵⁶ **Алексеев Петр Константинович**. Полковник саперных частей. В феврале 1918 г. командир взвода в инженерной роте отряда полковника Лесевицкого. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя.

¹⁵⁷ **Симоненко Николай Иванович**, р. в 1890 г. Капитан 3-го Кавказского саперного батальона Кубанского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе (лейтенант). Умер 15 мая 1959 г. в Нью-Йорке.

¹⁵⁸ **Крамаров Валериан Яковлевич**. Есаул Кубанского казачьего войска. В начале 1918 г. командир офицерской батареи отряда полк. Лесевицкого, командир взвода батареи Кубанского отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Командир 4-й Кубанской батареи; в сентябре—октябре 1919 г. командир 3-го Кубанского конно-артиллерийского дивизиона. Полковник. В эмиграции в Югославии, начальник отдела Союза Первопоходников в Суботице. Служил в Русском Корпусе. Умер 5 января 1957 г. в Милуоки (США).

¹⁵⁹ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 25. Июнь 1975.

¹⁶⁰ Речь идет о В.И. Третьякове, чьи воспоминания публикуются выше.

¹⁶¹ **Пухальский Федор Васильевич**. Из казаков Кубанской обл. Офицер пехотного полка. С 4 марта 1918 г. в конном дивизионе Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском конном полку. Осенью 1919 г. командир Заволжского отряда «Степных партизан», с 6 марта 1920 г. командир 1-го Уманского полка Кубанского

казачьего войска, в Русской Армии командир пешей сотни Запорожского полка, в сентябре—октябре 1920 г. в Феодосии. Полковник. В эмиграции в США, в 1963—1967 гг. в Лос-Анджелесе.

¹⁶² Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 17. Февраль 1963.

¹⁶³ **Чигрин Владимир.** Подъесаул 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир взвода в 1-м офицерском конном полку. Тяжело ранен под Екатеринодаром, остался в ст. Елизаветинской, где и убит красными в апреле 1918 г.

¹⁶⁴ **Золотаревский Иван Дмитриевич,** р. в 1882 г. Из казаков ст. Старовеличковской Кубанской обл. Войсковой старшина. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир сотни охраны Кубанского правительства. Затем командир 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска, с 9 августа 1919 г. в распоряжении Кубанского атамана. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 26 декабря 1930 г. в Париже.

¹⁶⁵ **Слизский Аркадий Федотович,** р. в Екатеринодаре. Окончил Санкт-Петербургский университет (1914), Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Подпоручик. В декабре 1917 г. в отряде полковника Покровского, в марте 1918 г. в добровольческом батальоне на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С мая 1918 г. помощник военного прокурора, затем военный следователь. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты во Франции. Поручик. Умер 14 мая 1974 г. в Монморанси (Франция).

¹⁶⁶ Впервые опубликовано: Русский инвалид. № 164. Май 1971.

¹⁶⁷ **Шайтор Иван.** Полковник. В марте 1918 г. командир добровольческого батальона на Кубани, затем командир стрелкового полка Кубанской казачьей конной дивизии. Убит 28 апреля 1919 г.

¹⁶⁸ **Кариус Эдуард Фердинандович.** Окончил Виленское военное училище. Капитан, начальник отдельной пулеметной команды 5-й Кавказской казачьей дивизии. В январе 1918 г. на Кубанском бронепоезде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник пулеметной команды 1-го Кубанского стрелкового полка, с 27 сентября 1918 г. начальник Кубанских пулеметных курсов, с 29 января 1919 г. полковник, затем генерал-майор. В эмиграции в США. Умер 19 июля 1974 г. в Лос-Анджелесе.

¹⁶⁹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 3. Ноябрь—декабрь 1961.

¹⁷⁰ **Дроздовский Михаил Гордеевич,** р. 7 октября 1881 г. в Киеве. Из дворян, сын генерала. Окончил Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академию Генштаба (1908). Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте, с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон. После соединения с Добровольческой армией — начальник 3-й пехотной дивизии. Генерал-майор (12 ноября 1918 г.). Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

¹⁷¹ Приводится по изданию: Генерал М.Г. Дроздовский. Дневник. Нью-Йорк, 1963.

¹⁷² **Геруа Борис Владимирович**, р. в 1876 г. Окончил Пажеский корпус и академию Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, начальник штаба Особой армии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13 октября 1918 г. представитель при генерале Бартелло (утвержден 2 февраля 1919 г.), начальник русской военной миссии в Бухаресте от ВСЮР; в апреле 1920 г. военный представитель Главного командования и Великого Князя Николая Николаевича в Румынии. Председатель Союза Инвалидов в Бухаресте. В эмиграции во Франции, член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Умер в марте 1942 г. в Англии.

¹⁷³ Имеется в виду конспиративный орган по организации добровольческих частей.

¹⁷⁴ **Алексеев Николай Николаевич**, р. в 1875 г. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, академию Генштаба (1902). Генерал-майор, командир 26-го армейского корпуса. В Донской армии; с 18 октября 1918 г., на 20 ноября 1918 г. командующий Северной группой, февраль 1919 г. — начальник штаба группы Мамонтова, с 23 февраля 1919 г. начальник штаба 1-й Донской армии, с 12 мая 1919 г. до 23 апреля 1920 г. командир 1-го Донского отдельного корпуса, 23 апреля — декабрь 1920 г. начальник штаба Донской армии и Всевеликого Войска Донского (с 28 ноября 1919 г. — походного штаба Донского атамана). Генерал-лейтенант (18 апреля 1920 г.). В эмиграции в Париже. С 1949 г. — председатель Союза Российских кадетских корпусов. Умер 15 сентября 1955 г. в Париже.

¹⁷⁵ **Лесли Георгий Дмитриевич**, р. в 1888 г. Из дворян Смоленской губ. Сын офицера. Генштаба полковник. Участник похода Яссы — Дон: помощник начальника штаба отряда полковника Дроздовского, с 21 апреля 1918 г. начальник штаба того же отряда, с мая 1918-го начальник вербовочного бюро Добровольческой армии в Киеве. В эмиграции в США. Умер 2 февраля 1937 г.

¹⁷⁶ Имеется в виду штаб 9-й армии.

¹⁷⁷ Офицер французской армии, представитель союзного командования.

¹⁷⁸ Презано и Авереску — румынские генералы.

¹⁷⁹ Посол «Украинской народной республики» (С. Петлюры).

¹⁸⁰ **Кельчевский Анатолий Киприанович**, р. в 1869 г. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академию Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, командующий 9-й армией. В 1918 г. в гетманской армии, затем в Донской армии, начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта, 15 февраля 1919 г. — 27 марта (12 апреля) 1920 г. начальник штаба Донской армии, затем военный и морской министр Южнорусского правительства. С 25 марта 1920 г. начальник штаба Донского корпуса. Вышел в отставку 10 апреля 1920 г. В эмиграции в Германии, с мая 1920-го главный редактор журнала «Война и мир». Умер в 1923 г. в Берлине.

¹⁸¹ Речь идет о 2-й добровольческой бригаде, формирующейся в Кишиневе.

¹⁸² **Бологовский**. Офицер конной артиллерии. Участник похода Яссы — Дон; отправлен для связи с Добровольческой армией.

¹⁸³ **Войналович Михаил Кузьмин**, р. в 1878 г. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Алексеевское военное училище (1900), академию Генштаба. Полковник, и.д. начальника штаба 118-й пехотной дивизии. Участник похода Яссы — Дон, начальник штаба отряда полковника Дроздовского. Убит 21 апреля 1918 г. при взятии Ростова.

¹⁸⁴ **Невадовский Николай Дмитриевич**, р. в 1878 г. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Генерал-майор, командир 64-й артиллерийской бригады, инспектор артиллерии 12-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы — Дон, начальник артиллерии. С 31 мая 1918 г. инспектор конной артиллерии Добровольческой армии, затем инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса, с 13 января 1919 г. по апрель 1919 г. инспектор артиллерии Кавказской армии, затем инспектор артиллерии войск Северного Кавказа, заведующий артиллерийским управлением ВСЮР, с 13 марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда, с 4 мая 1920 г. инспектор артиллерии Сводного корпуса. Генерал-лейтенант (19 февраля 1919 г.). Основатель и председатель Союза Добровольцев. В эмиграции во Франции. Погиб в Кенси под Парижем в октябре 1939 г.

¹⁸⁵ Имеется в виду генерал-майор **Асташев Александр Васильевич** (р. в 1865 г., офицер с 1886 г.).

¹⁸⁶ **Раkitин Леонид Семенович**, р. в 1878 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1898), Офицерскую артиллерийскую школу, Михайловскую артиллерийскую академию. Генерал-майор. В Добровольческой армии начальник береговой обороны Северо-Западной части Черного моря. В эмиграции председатель кадетского объединения, председатель Общества офицеров-артиллеристов. Умер в 1962 г. в Париже.

¹⁸⁷ Офицеры 60-го пехотного Замосцкого полка, которым ранее командовал М.Г. Дроздовский.

¹⁸⁸ **Кулаковский Николай Федорович**. Офицер 60-го пехотного полка. Участник похода Яссы — Дон, адъютант М.Г. Дроздовского. Затем в Самурском полку, с 16 августа 1919 г. штабс-капитан. В Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Подполковник. Возглавлял группу Общества Галлиполицев в Видине. Убит в Болгарии в 1932 г.

¹⁸⁹ **Чупрынов Тихон**. Офицер 60-го пехотного полка. Участник похода Яссы — Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м Дроздовском полку. Кавалер орд. Св. Николая Чудотворца. Поручик.

¹⁹⁰ **Жебрак-Русанович Михаил Антонович**, р. в 1875 г. Из крестьян. Окончил Виленское военное училище, Военно-юридическую академию. Полковник, командир 2-го Балтийского морского полка. Организатор офицерского отряда в Измаиле, с которым в 1918 г. присоединился к полковнику Дроздовскому. С 22 апреля 1918 г. командир Офицерского полка отряда Дроздовского. Убит 24 июня 1918 г. под Белой Глиной.

¹⁹¹ **Семенов В.В.** Генерал-майор. Участник похода Яссы — Дон, командир стрелкового полка. Затем заведующий вербовочным бюро Доброволь-

ческой армии в Харькове; с июля 1918 г. начальник 1-й дивизии Южной армии. Воронежский генерал-губернатор.

¹⁹² **Гаевский Борис Анатольевич.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Ротмистр. Участник похода Яссы — Дон, командир конного дивизиона. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м конном полку, с 14 мая 1919 г. полковник, с 5 июня 1919 г. врид командира 2-го конного полка, с 25 октября 1919 г. командир Сводно-гусарского полка.

¹⁹³ **Понкин Петр.** Капитан. Участник похода Яссы — Дон. В Добровольческой армии в апреле 1919 г. штаб-офицер для поручений управления инспектора артиллерии войск Новороссийской области.

¹⁹⁴ **Кудряшев Ипполит Александрович,** р. 27 ноября 1885 г. в Москве. Из потомственных почетных граждан. Поручик 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона. Участник похода Яссы — Дон, отправлен для связи с генералом Корниловым. В июле 1918 г. — марте 1920 г. в автобронедивизионе Дроздовской дивизии; командир броневыводов «Доброволец» и «Кубанец», с мая 1920 г. в 7-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арддивизиона во Франции. Подполковник. В эмиграции с 1924 г. во Франции. Умер 8 октября 1965 г. в Сен-Боделе (Франция).

¹⁹⁵ **Колзаков Борис Яковлевич.** Капитан Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы — Дон. В августе 1918 г. командир 1-й конно-горной батареи, осенью 1918 г. полковник, с 13 июля 1919 г. командир Отдельной конно-горной генерала Дроздовского батареи, в августе 1920 г. командир конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Генерал-майор (с апреля 1919 г.). Галлиполиец, командир сводной Дроздовской конной батареи. Умер 11 мая 1940 г. во Франции.

¹⁹⁶ **Двойченко Владимир Абрамович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Ротмистр Крымского конного полка. Участник похода Яссы — Дон: командир эскадрона конного дивизиона. Осенью 1919 г. командир Таврического конного дивизиона Чеченской конной дивизии. Полковник. В эмиграции в Испании, доброволец армии генерала Франко, 1937—1939 гг. сержант испанской армии. Умер от рака до 1941 г. в Сантадере.

¹⁹⁷ Воспоминания А.В. Туркула публикуются ниже.

¹⁹⁸ **Дрон Владимир Степанович.** Окончил Виенское военное училище (1913). Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м Дроздовском полку: помощник командира, затем командир полка. Кавалер орд. Св. Николая Чудотворца. Убит в конце октября 1920 г. на Перекопе.

¹⁹⁹ Этот флаг стал затем знаменем 2-го офицерского генерала Дроздовского полка.

²⁰⁰ **Почекаев Лев Николаевич.** Подполковник. Участник похода Яссы — Дон. В Добровольческой армии в январе 1919 г. начальник колонны в Северной Таврии, с лета 1919 г. командир 42-го пехотного полка. Полковник.

²⁰¹ **Абальянц**. Штабс-капитан 46-го запасного пехотного полка. Участник и руководитель восстания в Бердянске в апреле 1918 г. В эмиграции. Умер после 1958 г.

²⁰² Речь идет о Бердянском Союзе Увечных Воинов. Создан в Бердянске в 1917 г. Насчитывал несколько сот человек. Председатель — старший унтер-офицер Панасенко. Весной 1918 г. послужил главной движущей силой восстания против большевиков. Восставшие под руководством штабс-капитана Абальянца создали 3 батальона милиции и полуэскадрон, выдержали нападение с моря красной флотилии из Мариуполя (потеряв до 20 человек, в т. ч. Панасенко) и оказали существенную помощь вооружением и припасами подошедшему отряду полковника Дроздовского. Члены союза служили затем в белых частях, и многие были расстреляны после эвакуации Крыма.

²⁰³ **Фетисов Михаил Алексеевич**, р. 15 ноября 1881 г. Из казаков ст. Баклановской Области Войска Донского. Окончил реальное училище, Николаевское кавалерийское училище (1905). Войсковой старшина, помощник командира 7-го Донского казачьего полка. В декабре 1917 г. остался в Новочеркасске, 28 марта — 4 апреля 1918 г. руководитель восстания в ст. Кривянской, в апреле 1918 г. руководитель освобождения Новочеркасска. Полковник, до января 1919 г. командир отряда своего имени (бывший отряд генерала Тапилина) Южной группы Восточного фронта, с весны 1920-го в Донском офицерском резерве. Генерал-майор (21 июля 1920 г.). Умер 16 сентября 1934 г. в Сансе (Франция).

²⁰⁴ Дневник М.Г. Дроздовского остался неоконченным и не подвергался позднейшему редактированию.

²⁰⁵ **Туркул Антон Васильевич**, р. в 1892 г. в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Окончил Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы — Дон, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. С января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го офицерского генерала Дроздовского полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. С апреля 1920 г. генерал-майор, с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец». С 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза Участников Войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА в Австрии, затем председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер 20 августа 1957 г. в Мюнхене (похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа).

²⁰⁶ В настоящем издании публикуются две первые главы из книги А.В. Туркула «Дроздовцы в огне». Воспоминания генерала Туркула в литературной обработке Ивана Лукаша были опубликованы впервые в 1937 г. в Белграде, 2-м изданием в 1948 г. в Мюнхене и 3-м изданием в 1990 г. в Нью-Йорке.

²⁰⁷ **Новицкий Николай Евгеньевич**, р. 17 ноября 1902 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Кадет 1-го кадетского корпуса. В Добровольческой армии; участник похода Яссы—Дон в конном дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в конно-подрывной команде в дроздовских частях до эвакуации Крыма. Ранен и контужен. Галлиполиец. Окончил Николаевское

инженерное училище в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка во Франции. Подпоручик (с осени 1920 г.). В эмиграции в Болгарии и Югославии, служил в югославской армии. После 1945 г. — в США (в Нью-Йорке). Председатель Дроздовского полкового объединения. Умер 17 июня 1988 г. в Вашингтоне (по другим сведениям — в Джаксоне, Нью-Джерси).

²⁰⁸ Впервые опубликовано: Кадетская переключка. № 31. Сентябрь 1982.

²⁰⁹ Речь идет о **Владимире Вирановском**. Он служил затем во 2-м конном (офицерском генерала Дроздовского) полку и был произведен в прапорщики 7 декабря 1918 г. Умер от тифа в конце 1918 г. в Екатеринодаре.

²¹⁰ Полковник 16-го гусарского Иркутского полка **Владимир Дмитриевич Бахтеев** жил в эмиграции в США и умер 18 декабря 1962 г. в Нью-Йорке.

²¹¹ **Колпышев Петр Владимирович**, р. 27 мая 1894 г. в Ораниенбауме. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1913), курсы при академии Генштаба (1917). Капитан, и.д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии с июня 1918 г. начальник штаба 3-й дивизии, с 8 августа 1918 г. — в распоряжении генерал-квартирмейстера Добровольческой армии, начальник штаба сводного отряда под Ставрополем, затем Маньчжского отряда генерала Станкевича. С сентября 1918 г. подполковник, старший помощник начальника оперативного отдела штаба Добровольческой армии и ВСЮР до марта 1920 г. помощник командира 1-го Дроздовского полка. Дважды тяжело ранен. Полковник. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции во Франции. Умер 9 августа 1988 г. в Сент-Женевьев-де-Буа.

²¹² **Руммель В.А.** Подполковник. Присоединился к отряду полковника Жебрака. Участник похода Яссы—Дон, командир роты, с июня 1918 г. командир батальона 2-го Офицерского (Дроздовского) полка, с конца января до 11 октября 1919 г. командир того же полка, с 14 ноября 1919 г. комендант Харькова. Полковник. Умер от тифа в марте 1920 г.

²¹³ **Харжевский Владимир Григорьевич**, р. 6 мая 1892 г., прапорщик запаса, студент Горного института. Штабс-капитан. В Добровольческой армии; участник похода Яссы—Дон. Во ВСЮР в 1-м Дроздовском полку (капитан), с 6 декабря 1919 г. командир 2-го Дроздовского полка, с осени 1920 г. начальник Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с сентября 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, Чехословакии. Окончил Горный институт в Праге, горный инженер. С 1945 г. в Германии, с 1949 г. бухгалтер в Марокко, с 1956 г. в США. Председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев, с 27 января 1957 г. 1-й помощник начальника РОВС, 19 мая 1967-го — начало 1979 г. — начальник РОВС и Дроздовского объединения. Умер 4 июня 1981 г. в Лейквуде (США).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

БОИ НА ТАГАНРОГСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В Ростовском районе	9
<i>С. Гернберг.</i> Выступление Добровольческой армии в 1-й Корниловский («Ледяной») поход	16
<i>В. Мыльников.</i> Из прошлого (Из Новочеркасска на станцию Матвеев Курган)	29
<i>А.Д.В.</i> Мои воспоминания	46
<i>Р. Гуль.</i> Ледяной поход	51
Корниловцы на Дону	70
<i>А. Долгополов.</i> Отряд полковника Кутепова. Памяти первых добровольцев	76
<i>А. Долгополов.</i> От Таганрога до Ростова с отрядом полковника Кутепова	87
Акт расследования по делу о злодеяниях, учиненных большевиками в городе Таганроге за время с 20 января по 17 апреля 1918 года	90
<i>М. Коваленский.</i> О событиях в Таганроге	93
<i>Л. Сукачев.</i> Воспоминания	95
<i>А. Крицкий.</i> История 1-го кавалерийского «полковника Гершельмана» дивизиона	98

Раздел 2

БОИ НА НОВОЧЕРКАССКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В Новочеркасском районе	110
Выступление 1-го Офицерского батальона	116
<i>Д. Марченко.</i> На боевых постах	120
<i>Ю. Р. Пурга</i> (19 января 1918 года)	122
<i>А. Макриди.</i> Моя жизнь	125
<i>Иванов.</i> По следам памяти	136

Н. Федоров. Боевая юность	141
Н. Мельников. Полковник Чернецов Василий Михайлович	147
В. Земчихин. Юнкерская батарея в Чернецовском походе	156
П. Каменский. Обходное движение станции Глубокой	163
С.В.И. Последний бой с полковником Чернецовым	176
Н. Туроверов. Гибель Чернецова (Памяти белых партизан)	183
М. Бугураев. Чернецовцы — Тихого Дона партизаны	206
В. Терентьев. Поиски погибшего орудия под Глубокой	213
Последние дни в Чернецовском походе	215
И. Лисенко. Чернецовский поход	222
Е. Ковалев. Последний бой на Персиановке (10 февраля 1918 года) ...	232

Раздел 3

ДОБРОВОЛЬЦЫ НА КУБАНИ

К. Николаев. Смутные дни на Кубани	238
К. Николаев. 1-й Кубанский поход	250
Ю. Сербин. Генерал В.А. Покровский	255
В. Третьяков. Первые добровольцы на Кубани и кубанцы в 1-м походе	266
В. Науменко. Начало гражданской войны на Кубани	270
В. Боголюбский. Воспоминания юного артиллерийского офицера о начале Гражданской войны	299
Е. Полянский. Первый бой на Кубани	321
А. Мяс. Вступление в Кубанский отряд	324
Ф. Елисеев. О Сорокине	330
А. Скрылов. Экспедиция Бардижа на Тамань в самодельном «бронепоезде»	334
Л. Пермяков. Моя контрреволюция	338
П. Казамаров. Памяти русской героической молодежи (начало борьбы с большевиками на Кубани)	359
П. Казамаров. Россию защищают дети	370
В. Крамаров. Воспоминания об отряде «Спасения Кубани»	377
Ф. Пухальский. Петроград и на Кубани	383
А. Слизской. На Кубани с Покровским	401
Э. Кариус. Ледяной... ..	404

Раздел 4

ДРОЗДОВСКИЙ ПОХОД

М. Дроздовский. Дневник	419
А. Туркул. Дроздовцы в огне	492
Н. Новицкий. Кадеты в Дроздовском походе (Яссы—Дон, 1918 год) ...	513
Комментарии	517